РУКОПИСНОЕ НАСЛЕДИЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

РУКОПИСНОЕ НАСЛЕДИЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ПО МАТЕРИАЛАМ ПУШКИНСКОГО ДОМА

Заслуженный деятель науки РСФСР,
доктор филологических наук
Владимир Иванович
МАЛЫШЕВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

РУКОПИСНОЕ НАСЛЕДИЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ПО МАТЕРИАЛАМ ПУШКИНСКОГО ДОМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1972

Ответственный редактор
А. М. ПАНЧЕНКО

Основателю древлехранилища Пушкинского дома
ВЛАДИМИРУ ИВАНОВИЧУ МАЛЫШЕВУ
в честь шестидесятилетия посвящают авторы эту книгу.

ИСТОРИЯ СОБРАНИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ РУКОПИСЕЙ ПУШКИНСКОГО ДОМА

Летом 1969 г. собранию древнерусских рукописей Пушкинского дома исполнилось двадцать лет. За этот короткий срок оно превратилось в первостепенное хранилище памятников старинной письменности и завоевало всеобщее признание. Сейчас[1] в собрании сосредоточено более 5000 рукописей — примерно столько же, сколько насчитывалось перед революцией в Библиотеке Академии наук, которая накапливала манускрипты с Петровских времен. Львиная доля рукописей собрания разыскана археографическими экспедициями Института русской литературы, которые возглавлял и снаряжал ученый хранитель собрания доктор филологических наук Владимир Иванович Малышев. Другим источником пополнения были частные коллекции, подарки библиофилов, передача рукописей из архива Пушкинского дома и других академических учреждений.

Занявшись собирательской работой еще на студенческой скамье,[2] В. И. Малышев к 1949 г. накопил большой практический и теоретический опыт археографической работы. Он выдвинул идею поисков прежде всего в старообрядческих районах, и эта идея дала блестящий практический эффект. Средоточием поисков стал Русский Север—Печора, Мезень, Северная Двина, Пинега, русские поселения в Прибалтике.

Другим важнейшим принципом стал принцип сплошного и многократного обследования каждого района, поскольку В. И. Малышева интересовали не только рукописи сами по себе, как источник новых сведений по истории культуры древней Руси, но и местные культурные очаги, специфика крестьянской письменности — тот «низовой» слой русской литературы, на который прежде обращалось мало внимания. Этот принцип также оказался чрезвычайно плодотворным. Он определил внутреннее строение собрания Пушкинского дома, основу которого состав-

---

[1] Все фактические данные, приводимые в статье, отражают состояние собрания на 1 января 1971 г.

[2] См. ниже статью М. В. Кукушкиной «Рукописи Библиотеки АН СССР, собранные при участии В. И. Малышева» (стр. 401).

ляют территориальные коллекции (Печорская, насчитывающая 850 номеров, Карельская — свыше 528, Пинежская — 504, и др.).

Научная обработка материалов также велась с учетом этого принципа. Особенно успешным в этом отношении было исследование продукции печорского книжно-рукописного центра. Здесь В. И. Малышев открыл своеобразный заповедник, в котором древнерусская литературная традиция на два слишком столетия пережила допетровскую Русь. Теперь мы знаем, что это не был музей окаменелостей — пусть богатейший, но мертвый: на Печоре в XVIII—XIX вв. работали не только переписчики старых текстов, там творили собственные прозаики и поэты.[3]

Предлагаем краткую летопись собрания Пушкинского дома, в которой отражены важнейшие экспедиции и поступления из других источников.[4]

1949 г. — Из Усть-Цилемского района Коми АССР В. И. Малышев привез 32 рукописи, которые и были положены в основу собрания.

1950 г. — Начато обследование селений на Мезени. Результат летней поездки В. И. Малышева — 50 рукописей XVI—XIX вв. Поступили первые книги от коллекционеров (в частности, от архангельских библиофилов Т. Е. Будрина, А. М. Бебякова и др.).

1951 г. — По решению Президиума АН СССР Пушкинскому дому передано 827 рукописных книг и документов XII—XX вв., хранившихся в Институте мировой литературы им. Горького. В их составе замечательное собрание академика В. Н. Перетца, насчитывающее 657 единиц (впоследствии оно было пополнено рукописями, переданными В. П. Адриановой-Перетц). В собрании появилась первая личная коллекция — В. Г. Зыкина, преподавателя Коми педагогического института в Сыктывкаре (ныне насчитывает 41 рукопись XIV—XIX вв.). У вдовы этнографа и фольклориста И. С. Абрамова приобретено его небольшое собрание (10 рукописей, старейшая из которых относится к 1616 г.). Куплено собрание реставратора Ф. А. Каликина, еще до революции работавшего по заданиям В. Г. Дружинина, Н. П. Лихачева и других известных коллекционеров. Сейчас собрание Ф. А. Каликина состоит из 92 рукописей и продолжает увеличиваться.

---

[3] Из многочисленных трудов В. И. Малышева о печорских рукописях укажем лишь два основных: 1) Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960; 2) Усть-цилемские рукописи XVII—XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания. ТОДРЛ, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 561—604.

[4] Об истории собрания древнерусских рукописей Пушкинского дома см.: В. И. Малышев. Древнерусские рукописи Пушкинского дома. (Обзор фондов). М.—Л., 1965. Находки 1965—1970 гг. описаны в обзорах В. И. Малышева в журнале «Русская литература» (1966, № 2; 1967, № 1; 1968, № 2; 1969, № 2; 1970, № 1; 1971, № 1). См. также отчеты об экспедициях в «Трудах Отдела древнерусской литературы» и обзоры новых поступлений в «Бюллетенях Рукописного отдела Пушкинского дома».

У родственников историка М. И. Успенского куплена часть его коллекции (другая часть влилась в собрание в 1960 г.; всего в коллекции М. И. Успенского 53 рукописи).

1952—1953 гг. — Собрание пополнялось за счет приобретения рукописей у коллекционеров. Были получены в дар старинные книги от Н. Ф. Бельчикова, А. А. Зимина и др.

1954 г. — Президиум АН СССР передал Пушкинскому дому 386 рукописей XV—XIX вв. из Карельского филиала АН СССР. Эти рукописи были разысканы в русских селах Карелии в 1940—1950 гг. О. Г. Большаковой, Л. А. Дмитриевым, Е. А. Майминым, В. И. Малышевым, В. М. Морозовым и А. Д. Соймоновым. Далее Карельское собрание пополнялось за счет институтских экспедиций (несколько рукописей поступило дополнительно из Петрозаводска). Приобретена небольшая коллекция И. А. Смирнова (17 единиц).

С этого года начались регулярные археографические экспедиции в северные районы. Экспедиция на Печору (В. И. Малышев и Ф. А. Каликин) обогатила собрание 70 рукописями XV—XIX вв.

1955—1956 гг. — Продолжается обследование Усть-Цилемского района (В. И. Малышев, Ф. А. Каликин, А. М. Панченко).

1957 г. — Организована экспедиция в Горьковскую область (Ю. К. Бегунов и А. М. Панченко) — на знаменитый в истории старообрядчества Керженец. В результате собрано 88 рукописей XVI—XIX вв.

1958 г. — Впервые Институт русской литературы смог организовать несколько экспедиций в один год — на этот раз три: в Гуслицы Московской области (Н. С. Демкова и Н. Ф. Дробленкова), на Мезень (Н. Ф. Дробленкова) и в эстонское Причудье (Ю. К. Бегунов и А. М. Панченко). В общей сложности Пушкинский дом получил 96 рукописей, самые древние из них относились к XV в.

1959 г. — Проведено четыре экспедиции: в Беломорье собирали рукописи Л. А. Дмитриев и А. И. Копанев, на Печоре — В. И. Малышев, в Псковской области (Локнянский и Чихачевский районы) — А. М. Панченко, на Северном Урале (верховья Печоры и Колвы) — Ю. К. Бегунов, А. С. Демин и А. М. Панченко.

1960 г. — Продолжено обследование Беломорья (Л. А. Дмитриев и А. И. Копанев) и Прибалтики (Ю. К. Бегунов и А. М. Панченко). На верхней Печоре побывали Ю. К. Бегунов и Д. М. Балашов. Основано Красноборское собрание — из рукописей, присланных учителем С. И. Тупицыным и найденных А. М. Панченко (всего 34 единицы).

1961 г. — В Беломорье побывал Э. Г. Зыков, в Причудье — Ю. К. Бегунов и И. Н. Заволоко. Всего за год поступило 85 рукописей.

1962 г. — Отправлена экспедиция на Вашку — приток Мезени (Г. М. Прохоров). В. И. Малышев ездил на низовую Печору (Нарьян-Мар и окрестности Пустозерска).

1963 г. — Экспедиции посылались как в старые районы (Ю. К. Бегунов — в Усть-Цильме и на верхней Печоре), так и в новые (в Сольцах Новгородской области побывали Н. С. Демкова и Н. Ф. Дробленкова, на Пинеге — А. С. Демин и А. М. Панченко). Приобретено личное собрание Н. С. Плотникова (40 рукописей).

1964 г. — Пинежская экспедиция (В. П. Бударагин, А. Х. Горфункель, А. М. Панченко, Г. М. Прохоров) доставила в Пушкинский дом 52 рукописи. Всего на Пинеге в 1962—1964 гг. собрано 162 рукописи, среди которых было немало книг XV—XVI вв. С этого года началась совместная археографическая работа Института русской литературы и Ленинградского университета.

1965 г. — Одновременно два района (Усть-Цильма и среднее течение Северной Двины) охватила экспедиция в составе В. П. Бударагина, А. Х. Горфункеля, А. М. Панченко и и И. П. Смирнова. В результате Печорское собрание увеличилось на 40 рукописей, Красноборское — на 26. Куплена коллекция орловского библиофила И. М. Пухальского (24 рукописи XIV—XIX вв.).

1966 г. — В. И. Малышев снова выезжал в Усть-Цильму (собрано 32 рукописи). В. П. Бударагин и А. Х. Горфункель побывали на Мезени (25 рукописей), Р. П. Дмитриева, М. А. Салмина, М. В. и Т. В. Рождественские — на Пинеге (9 рукописей). В Пушкинский дом поступило собрание профессора Пермского университета П. С. Богословского (с учетом приобретений 1968—1970 гг. оно насчитывает 103 рукописи XVII—XIX вв.).

1967 г. — На Печору ездили А. Х. Горфункель и В. И. Малышев (собрано 50 рукописей). Из Ленинградского университета было передано 87 рукописей, вошедших в Пинежское собрание (разысканы диалектологическими группами под руководством Г. Я. Симиной). Образовано Северодвинское собрание — в него вошли рукописи, собранные студенческой экспедицией филологического факультета Ленинградского университета, которую возглавляла Н. С. Демкова. Поступила в дар личная коллекция К. П. Гемп (Архангельск) — 14 рукописей.

1968 г. — Больше всего повезло Пинежскому собранию, оно увеличилось на 76 рукописных книг XVI—XIX вв., собранных группой студентов под руководством Н. С. Демковой. Печорское собрание пополнилось в результате экспедиции А. Х. Горфункеля, В. И. Мажуги и В. И. Малышева еще на 56 рукописей. Пять печорских рукописей были получены от сотрудников Ленинградского университета. Красноборское собрание увеличилось на 30 единиц в результате дарений учителей С. И. Тупицына и Н. В. Рагозина и двух институтских экспедиций (В. И. Малышев, А. М. Панченко,

И. П. Смирнов). Приобретены четыре личных коллекции: М. Н. Потоцкого (10 рукописей), Н. М. Маслова (31 рукопись калужского происхождения), Ф. В. Тумилевича (8 рукописей казаков-некрасовцев), В. Ф. Груздева (24 рукописи; основная часть коллекции Груздева находится в собрании академика М. Н. Тихомирова, которое он завещал Сибирскому отделению АН СССР).

Из отдельных поступлений этого года укажем два. Это прежде всего гордость собрания Пушкинского дома — бесценные автографы житий Аввакума и Епифания в сборнике, подаренном И. Н. Заволоко. Большой интерес представляет и другая рукопись — список XVII в. Устюжского летописного свода, приобретенный у А. В. Флоровского.[5]

1969 г. — Предприняты две поездки на Пинегу, в которых участвовали студенты Ленинградского университета, возглавляемые Н. С. Демковой и А. Х. Горфункелем. Общий итог — 99 рукописей (учитываются и материалы, переданные Пушкинскому дому пинежским краеведом В. И. Стирмановым, первые рукописи от которого поступили еще в 1963 г.). Карельское собрание увеличилось до 519 единиц в результате экспедиции во главе с М. В. Рождественской (32 рукописи). 27 рукописей привезли А. Д. Алексеев и В. П. Бударагин с верхней Печоры, 9 — прислали из Красноборского района С. И. Тупицын и Н. В. Рагозин.

1970 г. — 50 рукописей XVII—XIX вв. влилось в Печорское собрание (экспедиция А. Х. Горфункеля и Г. В. Маркелова). Вдвое выросло Северодвинское собрание (в целом оно состоит из 98 рукописей), что явилось результатом поисков в Вельском, Виноградовском, Верхне-Тоемском и Шенкурском районах Архангельской области, в которых принимали участие М. В. Рождественская, Т. Ф. Волкова, Н. Н. Литвинова, Н. Н. Кудрявцева, Т. А. Кузнецова, Т. А. Махновец, Е. П. Семенова, Л. В. Ярошенко, Ю. П. Яковлев. 4 рукописи подарены учителем истории из Холмогор В. А. Петуховым. Пинежское собрание увеличилось на 29 рукописей XIV—XX вв., собранных Г. Я. Симиной (руководитель экспедиции), И. Д. Азволинской, Е. Д. Кукушкиной, Т. А. Махновец и Л. В. Ярошенко. Несколько пополнились Красноборское собрание (на 8 единиц), Мезенское собрание (на 2), коллекции П. С. Богословского, Ф. А. Каликина, Н. М. Маслова, Н. С. Плотникова. Поступила новая коллекция — Л. И. и М. И. Руденок (14 рукописей старообрядческого происхождения, в том числе выголексинского письма). Всего в 1970 г. Пушкинский дом получил 220 рукописей, из коих половина найдена экспедициями.

---

[5] Об этой рукописи см. ниже, в статье М. А. Салминой «Вновь обнаруженный список Устюжской летописи» (стр. 267).

Такова вкратце история собрания древнерусских рукописей Пушкинского дома. Быстрый его рост объясняется не в последнюю очередь тем обстоятельством, что В. И. Малышеву удалось создать многочисленный и действенный актив собирателей. Наряду с филологами и историками рукописи собирали также искусствоведы (в частности, сотрудники Русского музея Э. С. Смирнова и Е. Д. Мальцев), работники геологических партий и т. д. Кроме поименованных в хроникальном перечне, в 1949—1970 гг. Пушкинскому дому дарили рукописи следующие лица: М. П. Алексеев, И. Л. Андроников, Ю. А. Арбат, А. М. Астахова, С. М. и П. Н. Берковы, Н. П. Борисов, Ю. Е. Борщевский, В. С. Бухалев, М. М. Веснина, В. В. Виноградов, Б. М. Вишнев, Н. Е. Галашова, К. Г. Гаршина, А. И. Германович, А. Л. Гольдберг, И. А. Груздев, И. Б. Грущецкий, И. И. Гумницкий, Д. П. Гурьева, В. П. Елисеев, Д. А. Жуков, И. Н. Заборский, П. Г. Зашихин, А. Е. Зиновьева, А. Н. Зуев, Л. С. Китицына, Б. Л. Кожуховский, А. В. Кокорев, В. А. Колобанов, Л. С. Красовская, А. И. Кудряшов, Н. Ф. Курагин, П. В. Лапшин, М. И. Лебедев, В. В. Лукьянов, Я. С. Лурье, А. И. Мазунин, В. А. Мануйлов, С. П. Маричев, В. П. Маслова, Г. М. Мацибура, Н. А. Мезенцев, В. В. Митрофанова, Ф. Я. Мишуков, А. П. Могилянский, Е. А. Модзалевская, А. А. Морозов, Е. К. Нардова-Прохорова, К. А. Опякина, М. М. Орлова, Ф. В. Панкратьев, Л. И. Пименов, А. И. Попов, Н. И. Привалова, В. Г. Пуцко, В. В. Рейх-Папазян, В. Ф. Смолина, М. А. Спешева, Н. Г. Спиров, И. Е. Спицын, В. М. Тетерятников, М. Н. Тихомиров, А. В. Трофимов, Д. П. Трофимов, А. А. Тунгусов, В. Филиппов, Г. Н. Филиппова, В. Н., Е. И. и П. Н. Хвальковские, В. П. Чайка, М. И. Чуванов, К. И. Шаныгина, Л. Е. Элиасов, Е. Г. Эткинд, Н. Б. Яновская и др.

Среди 5000 старинных рукописей Пушкинского дома есть немало замечательных раритетов. Кроме упомянутого сборника И. Н. Заволоко с автографами Аввакума и Епифания, можно назвать пергаменное Галицко-Волынское евангелие XIV в. с миниатюрой, изображающей апостола Иоанна с Прохором на Патмосе, один из двух дошедших до нас списков «Слова о погибели Русской земли», уникальную «Повесть о Сухане» и др. Однако не раритеты определяют лицо собрания.

Основной отличительный признак хранилища — сосредоточение в нем разнообразнейших материалов по истории и культуре Русского Севера. Собрание Пушкинского дома — своеобразная и ценнейшая крестьянская библиотека, в которой наряду с памятниками традиционного древнерусского репертуара много незаурядных произведений, созданных крестьянскими писателями на Печоре, в Карелии, на Пинеге. Здесь широко представлена продукция таких литературных центров, как Выго-Лексинское и Великопоженское общежительства, собраны сотни крестьянских

писем, выявлены остатки крестьянских библиотек, основанных еще в XVII в.

Другая характерная черта собрания — то обстоятельство, что оно продолжает стремительно расти. Искать рукописи становится все труднее, но это компенсируется за счет вовлечения новых районов и организации большего числа экспедиций. Пока собрание возглавляет В. И. Малышев, мы можем быть уверены, что поиски эти будут успешными.

ПУБЛИКАЦИИ

Д. С. Лихачев

КАНОН И МОЛИТВА АНГЕЛУ ГРОЗНОМУ ВОЕВОДЕ ПАРФЕНИЯ УРОДИВОГО (ИВАНА ГРОЗНОГО)

В 1878 г. в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских» при Московском университете издатель этого журнала Андрей Попов поместил найденный им текст «Ответа царя Иоанна Васильевича Грозного» члену Общины Чешских и Моравских братьев Яну Роките. До того был известен только латинский перевод этого «Ответа», изданный в 1582 г. Иоанном Ласицким в сборнике «De Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione...». Где нашел Андрей Попов свою рукопись, имелось ли в ней что-либо еще, принадлежащее перу царя Ивана Грозного, осталось неизвестным. Неизвестно и нынешнее место хранения рукописи. Андрей Попов отмечал в «Предуведомлении», что правописание рукописи «довольно небрежное, встречаются описки, недосмотры, — видно, что писец мало сознавал важность списываемого им». По словам Попова, рукопись «писана в конце XVI в., полууставом, в 4°».

В своем издании А. Попов, по-видимому, исправил, не оговорив, большинство замеченных им в списке «описок» и «недосмотров». Сейчас в его издании их сравнительно мало.

Списки «Ответа царя Иоанна Васильевича Яну Роките» встречаются крайне редко. Н. А. Казакова указала мне на список в сборнике ГПБ Погодинского собрания № 1597. Здесь после выписки о втором браке Василия III идет Речь Ивана IV к Максиму Греку. Эта речь к Максиму Греку на самом деле является «Ответом царя Иоанна Васильевича Яну Роките»: Максим Грек в заглавии назван ошибочно.[1]

Через восемь лет после публикации А. Попова, в 1886 г., известный знаток древнерусской письменности архимандрит Леонид издал в «Памятниках древней письменности и искусства» «Послание к неизвестному против люторов. Творение Парфения Уродивого» по рукописи № 423 библиотеки Уварова, бывш. Царского (теперь — ГИМ).

[1] О сборнике Погодинского собр. № 1597, содержащем различные материалы о Максиме Греке, см. в статье: С. Н. Чернов. К ученым несогласиям о суде над Максимом Греком. Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пгр., 1922.

Архимандрит Леонид предположил, что Парфений — суздалец и жил в первой половине XVI в., точнее до 1560 г.[2] Это свое предположение Леонид основывал на том, что произведение Парфения Уродивого — Канон Ангелу Грозному, о котором пойдет речь в дальнейшем, — помещен в одной рукописи Следованной псалтыри XVII в. «между канонами суздальским святым, творение „Григория инока“ Суздальского Спасо-Евфимиевского монастыря». Таким образом, основания, по которым Парфений был объявлен «суздальцем», жившим в первой половине XVI в., вполне эфемерны.

Возвращаясь к изданному архимандритом Леонидом «Посланию к неизвестному против люторов», следует обратить внимание на следующее. Архимандрит Леонид не заметил, что изданное им «Послание» заключает в основном тот же текст, что и «Ответ царя Иоанна Васильевича Грозного Яну Роките». Различие только в том, что в последнем отброшена заключительная часть и в названии всего сочинения, а также отдельных его частей убраны прямые и косвенные указания на авторство царя: «ответ государев», «второе мое слово», «3 слово мое», «4 убо мое слово» и пр.

На тождественность «Ответа» и «Послания» обратил внимание в 1911 г. А. И. Шляпкин, и он же на этом основании сделал предположение, что Парфений Уродивый — псевдоним Ивана Грозного. В своей статье «Ермолай Прегрешный, новый писатель эпохи Грозного» А. И. Шляпкин делает следующее предположение: «Позволяю кстати сообщить заметку о литературной деятельности и самого царя Ивана Васильевича, о которой у нас, кроме исследования И. Н. Жданова (Сочинения, т. I, стр. 81—170), нет специальной работы. В Памятниках древней письменности ОЛДП за 1886 г. напечатано было по рукописи Царского № 423 покойным архимандритом Леонидом (Кавелиным) „Послание к неизвестному против люторов — творение Парфения Уродивого“. При ближайшем знакомстве с ним я увидел, что это не что иное, как ответ царя Иоанна Васильевича Грозного Яну Роките (первые 12 слов Грозного). Парфению Уродивому принадлежит еще „Канон св. архангелу Михаилу, грозному воеводе, хранителю души и тела, всем человеком посылаемому от Вседержителя бога по вся души человеческие душу возвести к Господу, а тело земли предати. Ты же, человече, не забывай смертного часа, по вся дни пой канон сей“, что уже отметил архимандрит Леонид (l. с. стр. 1). Отсюда можно сделать вывод, что Парфений Уродивый — псевдоним И. Грозного, иронически называвшего себя девственником (παρθένιος). Принадлежность

---

[2] Послание к неизвестному против люторов. Творение Парфения Уродивого. Сообщил архимандрит Леонид. СПб., 1886, стр. V—VI.

царю канона св. арх. Михаилу будет соответствовать авторству Грозного в послании-молитве к мощам Михаила Черниговского и боярина Федора и в стихирах Владимирской иконе Божией Матери, св. Петру митрополиту и Даниилу Переяславскому (архим. Леонид. Стихиры, положенные на крюковые ноты. Творение царя Иоанна деспота Российского. Изд. ОЛДП, СПб., 1886; Жданов И. Н. Сочинения, т. I, стр. 83), уже несомненно ему принадлежащих».[3]

Конечно, одного совпадения текста «Ответа царя Яну Роките» с «Посланием неизвестному против люторов Парфения Уродивого» еще недостаточно, чтобы отождествить Ивана Грозного с Парфением, тем более что текст Парфения сокращен сравнительно с «Ответом царя». Поэтому следует рассмотреть и другие текстологические возможности: 1) Иван Грозный воспользовался текстом Парфения, дописав конец и вставив указания на свое авторство, 2) некий Парфений Уродивый (не царь Иван Васильевич) воспользовался «Ответом царя Яну Роките» и выдал царское сочинение за свое, несколько его сократив.

Первый вариант невозможен, так как в «Послании Парфения Уродивого» имеются характерные для Грозного полемические обороты: «А что писал еси о латынской церкве, и аз о том глаголати не хощу, понеже яко латына прелесть, тако и вы тьма...»;[4] «А что еси писал о Люторе, како он во учении вашем будто ся справедливо рассказует, и о том много обличихом выше сего, яко вся развращенна...»;[5] «Яко же убо выше сего много о том писах ти...»; [6] «и аз о том глаголати не хощу... и о том сами ведаете».[7] Ср. в Послании Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь характерный для Грозного оборот: «А нам к вам больши того писати невозможно, да и писати нечего... Сами ведаете».[8] В «Послании к неизвестному Парфения Уродивого» встречаются и такие обороты: «А что писал еси о посте, и ты лжешь, а не истинствуешь...».[9] Ср. в Послании Грозного к Сигизмунду II: «А что писал еси... ино твое писанье много отстоит от истинны...».[10] Многократно встречаются в «Послании к неизвестному» и обороты, начинающиеся со слов «Видиши ли, яко...».[11] Характерно также для Грозного издевательство над именем про-

---

[3] См. сборник: Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911, стр. 554—555.

[4] Послание к неизвестному..., стр. 26.

[5] Там же, стр. 27.

[6] Там же, стр. 35.

[7] Там же, стр. 44.

[8] Послания Ивана Грозного. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»), стр. 192.

[9] Послание к неизвестному..., стр. 27.

[10] Послания Ивана Грозного, стр. 261.

[11] Послание к неизвестному..., стр. 11, 13, 17, 24, 25 и др.

тивника. Ср. в «Послании к неизвестному»: «во истину бо Лютор, иже лют глаголется»,[12] и в Послании Грозного к Полубенскому: «А пишешься Палемонова роду, ино то палаумова роду. . .».[13] Наконец, Парфений, как и Грозный, прибегает и к простой брани: «Аще ли же разрушаеши, не токмо козлище еси, но и хищник, волк, и тать, разбойник».[14]

Кроме того, в одном случае в «Послании Парфения» осталось указание на царское происхождение автора. Парфений пишет от первого лица: «А что еси писал о русской вере, ино как бы прос(вя)тил прародителя нашего благочестиваго великаго князя Владимира, нареченнаго во святом крещении Василия».[15] Это место одинаково читается и в «Послании Парфения» и в «Ответе царя». Из этого видно, что «Ответ царя» не мог быть переделан из «Послания Парфения».

Разберем теперь вторую из возможностей: некий Парфений Уродивый воспользовался «Ответом царя».

Однако здесь надо обратить внимание на то, что произведение Парфения не имеет никаких новых элементов. Это только сокращенный ответ Грозного Роките. Кто же из живых людей мог решиться на прямое присвоение текста Ивана Грозного? Ясно, что под именем Парфения Уродивого может скрываться только сам Иван Грозный. Однако встает вопрос: почему же понадобилось Грозному укрыться под придуманным именем Парфения Уродивого? [16]

Напрашивается желание искать ответ на этот вопрос в самом содержании отброшенной части. Что же это за часть? В ней Грозный обвиняет последователей Лютера в допущении многоженства. Грозный выступает с крайним раздражением против тех, кто женится после смерти жены. Ответ Яну Роките датируется 1570 г.[17] К этому времени Грозный был уже женат три раза. В апреле же 1572 г. собрался церковный собор, разрешивший Грозному четвертый брак, но наложивший на царя епитимию и указавший на непозволительность кому-либо из подданных царя поступать по его примеру. В соборном определении от 29 апреля 1572 г. о четвертом браке царя Иоанна Васильевича сказано, что Иван на соборе «извещался и прощения просил, и бил челом и молил о прощении и о разрешении и обличении четвертого брака сочетания». Собор разрешил Ивану четвертый брак, но наложил

[12] Там же, стр. 2.

[13] Послания Ивана Грозного, стр. 203.

[14] Послание к неизвестному. . ., стр. 30.

[15] Там же, стр. 25.

[16] Именем знаменитого писателя (например, Иоанна Златоуста) в древней Руси иногда подписывались сочинения менее известных авторов, чтобы придать этим сочинениям больший авторитет. Однако никаких других писателей или святых с именем Парфения Уродивого мне неизвестно.

[17] Ян Рокита был в Москве весной 1570 г. в свите польских послов Кротошевского и Тевлюта.

епитимию и указал, чтобы никто из «прочих человек от мирских царьскаго синглита и до простых» никак не дерзали на четвертый брак под угрозой «пригрозного» проклятия.[18]

Естественно, что в условиях этого церковного осуждения многоженства царя выступать самому царю против многоженства было неудобно.

Как известно, Грозный считал нужным распространять свои сочинения «во все его Российское царство».[19] Поэтому «Ответ царя Яну Роките» Грозный также стал распространять, но убрал всю ту часть, где он выступал против многоженства, а сам себя насмешливо называл «Парфением», т. е. девственником. Впоследствии Грозный, отбросив все церковные запрещения, был женат по крайней мере еще два раза.

Литературный маскарад был вполне в духе Грозного. Вспомним его челобитные, которые заключались униженными самопрозваниями: «Иванец Васильев со своими детишками с Иванцем да с Федорцем челом бьет». Вспомним также его послания от имени бояр.[20]

Под именем Парфения Уродивого Грозный написал еще Канон Ангелу Грозному воеводе. Канон этот довольно часто встречается в списках, отмечается в описаниях рукописей, но до сих пор не был издан и изучен. Принадлежность Ивану Грозному Канона Ангелу Грозному воеводе основывается не только на том, что он надписан тем же именем Парфения Уродивого, что и «Послание к неизвестному против люторов». Обращает на себя внимание характерность для Грозного стиля, отдельных выражений, тем и настроения.

Канон формально построен по традиционной схеме — 9 песнопений (ирмосов и тропарей). Темы песнопений указаны правильно. Как и полагается, Канон заканчивается славословием богоматери, но это только формально. На самом деле Канон посвящен всего одной теме — смерти. Ангел восхваляется т о л ь к о как ангел смерти. Настроение страха пронизывает Канон от начала и до конца. Сравнительно с известными стихирами Грозного Канон Ангелу Грозному воеводе отступает от традиционной формы. Канон подчеркивает страх, внушаемый ангелом: «грозный и смертоносный ангел», «страшный посланниче», «великий хитрец», «страшный воин», «святый ангеле огнеобразный» и т. д. О себе автор Канона говорит так: «злосмрадный», окаянный», «и мене помилуй, грешнаго и окаянного», «душу мою, наполненную смрадом» и пр.

Наконец, имеется одно место в Каноне (только в двух списках — Пушкинского дома, Карел. собр., № 2, и Библиотеки

---

[18] Акты археографической экспедиции, т. I. СПб., 1836, стр. 229—331.

[19] Я. С. Л у р ь е. Был ли Иван IV писателем? ТОДРЛ, т. XV, М.—Л., 1958, стр. 507.

[20] Послания Ивана Грозного, стр. 195, 239.

СССР им. Ленина, ф. 304, № 287), которое свидетельствует, что писавший — лицо весьма значительное: «О люди благочестии и вси племена земстия, егда видите мое смертное тело на земли повержено и вонею греховною объято, — помолитеся ко ангелу смертоносному о мне...». Ясно, что здесь пишет необычный человек.

Правда, в Каноне имя молящегося всюду изъято и заменено на «имрек», но, как мы уже отмечали, изъяты указания на Грозного и в другом произведении Парфения Уродивого — «Послании неизвестному». Грозный ничего не писал от имени Парфения, он только скрывал под этим именем уже написанное. Что Грозный был автором церковных служб, это хорошо известно. Архимандрит Леонид в 1886 г. издал «Стихиры, положенные на крюковые ноты. Творение царя Иоанна, деспота российского» (Памятники древней письменности, ОЛДП, LXIII). Эти стихиры вполне традиционны, поэтому нет ничего удивительного, что они надписаны именем царя. Напротив, Канон Ангелу Грозному воеводе написан в типичной для Грозного манере, выражает его интимные настроения — его ожидание и страх смерти, поэтому распространять их с именем царя было также неудобно. Известно, что Грозный пел церковные службы. Архимандрит Леонид упоминает, что в Никитском монастыре в Переяславле Залесском на южной стороне паперти собора в его время была плита белого камня с надписью об освящении собора в 1564 г. московским митрополитом Афанасием. В надписи, между прочим, было сказано: «Благочестивый государь... всенощное бдение слушал и первую статию сам царь чел и божественную литургию слушал, и красным пением с своею станицею, сам же государь пел на заутрени и на литургии».[21]

Из изложенного ясно, что Канон Ангелу Грозному воеводе, надписанный именем Парфения Уродивого, также принадлежит Грозному. Причем это новое произведение Грозного в еще большей мере укрепляет мысль, что имя Парфения придумано самим Грозным и скрывает те его произведения, которые ему по каким-либо соображениям не хотелось публично признавать своими.

В одном списке (БАН, 33.3.20) после Канона Парфения Уродивого следует текст Молитвы к Иисусу Христу и архангелу Михаилу. Эта Молитва не надписана именем Парфения, но с Каноном она составляет одно традиционное целое (каноны обычно заключались молитвами) и сходствует с ним по стилю и по теме. Грозный (вернее «Парфений») просит архангела Михаила изъять его из рук врагов, «запретить» всем, борющимся с ним

[21] Стихиры, положенные на крюковые ноты. Творение царя Иоанна, деспота российского. Сообщил арх. Леонид. СПб., 1886 (ПДП, ОЛДП, LXIII), стр. III.

врагам, просит спасти его «на распутиях, на реках, и в пустынях, в ратех, в царех, и в князех, в вельможах, и в людех, и во всякой власти, и от всякоя притчи, и от диявола». Он просит спасти его «от очию злых человек и от напрасныя смерти». И, наконец, что самое важное для атрибуции, обращается к своим святым покровителям. Кто же эти покровители? Это Иоанн Креститель — ангел Грозного (Иоанн Лествичник был ангелом его сына царевича — Ивана Ивановича), пророк Илья, Никола Чудотворец и Евпатий.

Позволю себе привести справку, полученную мною от известного искусствоведа и вещеведа — Т. В. Николаевой: «Что же касается Иоанна Предтечи, Николы и Никиты, то их изображения на вещах Ивана Грозного являются обычными. Вместе с ними изображаются еще Анастасия, царь Константин и царица Елена, Симеон Богоприимец и патроны сыновей Грозного — Иоанн Лествичник и Федор Стратилат. Вещи Ивана Грозного или членов его семьи с изображениями патрональных святых следующие:

1) Икона „Богоматерь Одигитрия" 1560 г., в золотом окладе с черневыми изображениями святых на золотых дробницах (Иоанна Предтечи, Николы, Анастасии и др.). Хранится в Оружейной палате. См.: Государственная Оружейная палата Московского кремля. М., 1954, стр. 186 и 194.

2) Икона „Спас Вседержитель" XVI в., в серебряном чеканном окладе с гравированными дробницами. Изображены: Иоанн Предтеча, Владимир, Борис и Глеб и др. Хранится в Оружейной палате. Происходит из Покровского монастыря в Суздале. Издана у В. Г. Георгиевского: Памятники старинного русского искусства Суздальского музея. М., 1927; а также: Государственная Оружейная палата Московского кремля. М., 1969, № 71.

3) Оклад Евангелия 1568 г., сделанный по образцу Евангелия Федора Кошки. На окладе помещены: Иоанн Предтеча в деисусе, Никита Переяславский, Владимир с Борисом и Глебом, Анастасия, Симеон Богоприимец, преподобный Сергий и Никола. См.: Государственная Оружейная палата Московского кремля. М., 1969, № 65.

4) Икона „Кирилл Белозерский". Сер. XVI в. Из собрания Троице-Сергиевой лавры (Загорский музей, инв. 8/4942). На чеканном серебряном окладе помещены гравированные изображения святых: Иоанн Лествичник, Ульяния, св. Василий (по-видимому, Парийский), Анастасия. Точных данных о принадлежности этой иконы нет, но изображения святых связаны, несомненно, с семьей Грозного (только Ульяния — это имя не «лекарицы», как мы предполагали, а жены брата Ивана Грозного Юрия).

5) Икона „Никола Бородинский". Сер. XVI в. Из собрания Троице-Сергиевой лавры (Загорский музей, инв. № 2719). На роскошном серебряном с золотыми дробницами окладе, выполнен-

ном чеканкой, чернью, сканью и эмалью, помещены на цате изображения Богоматери Знамения, Иоанна Предтечи и Николы, а на поле оклада, на киотчатых дробницах, гравировкой с чернью по золоту изображены: архангел Михаил, архангел Гавриил, Василий Великий, Анастасия, преподобный Иоанн, святой Мина, святая Ульяния. См.: Н. П. Лихачев. Материалы для истории русского иконописания. Атлас снимков, ч. II. СПб., 1906, табл. CCXCVIII, рис. 559.

6) Икона „Никола" с приписными святыми: Троица, мученик Георгий, мученик Дмитрий, апостол Петр, апостол Павел, Василий Великий, Иоанн Креститель, Федор Стратилат, мученица Ирина, Григорий Богослов, Тихон Чудотворец, Иоанн Златоуст, преподобная Федосия, мученик Никита, Мина, апостол Яков, Евдокия, преподобный Кирилл, Леонтий Ростовский, преподобный Андроник. 1592 г. Икона принадлежала царю Федору Иоанновичу и была, по-видимому, написана в Троице-Сергиевом монастыре (Загорский музей, инв. № 5605)».

Если Грозный принял имя Парфения Уродивого для «Послания неизвестному против люторов» после собора 1572 г., то надо думать, что и другое свое сочинение — Канон Ангелу Грозному воеводе — Иван Грозный написал под именем того же Парфения вскоре же. Вряд ли нужно предполагать, что Грозный писал Канон Ангелу Грозному в начале 80-х годов, когда раскаяние в совершенных убийствах и страх смерти достигли у него апогея. Временем написания Канона и Молитвы мог быть тот же 1572 или 1573 год. В 1571 и 1572 гг. Иван ходил на Новгород. Р. Т. Скрынников пишет: «После новгородского разгрома в земщине много толковали о том, что бог покарал Ивана неизлечимой болезнью».[22] В своем «Временнике» Иван Тимофеев пишет, что после похода на Новгород бог «болети неисцелно ему сотвори».[23] В мае 1572 г. Грозный просил английского посла об убежище в Англии. К 1572 г. обычно относится и «Завещание» Грозного, также отражающее его страх смерти.[24]

Теперь перед нами самый интересный вопрос: кто тот Ангел Грозный Воевода, которому молится Грозный и которого он ожидает в свой смертный час?

Во всех описаниях рукописей, где упомянут Канон Ангелу Грозному воеводе, говорится, что это Архангел Михаил. И опи-

---

[22] Р. Г. Скрынников. Опричный террор. Изд. ЛГУ, Л., 1969, стр. 161.

[23] Временник Ивана Тимофеева. Подготовка к печати, перевод и комментарии О. А. Державиной. М.—Л., 1951, стр. 14.

[24] Грозный пишет в своем «Завещании», что тело его «изнеможе, болезнует дух, струпи телесна и душевна умножишися, и не сущу врачу, исцеляющему мя, ждах, иже со мной поскорбит, и не бе, утешающих не обретох. . .» (Послания Ивана Грозного, стр. 524). Во вступительной части его завещания развернута потрясающая картина сомнений, самоуничижения, раскаяния и тревожного ожидания смерти.

сывающие безусловно правы. Архангел Михаил — предводитель небесных сил. Он победитель сатаны. Он проводит человеческую душу через загробные мытарства.

В своем исследовании «Культ святого Михаила» О. А. Добиаш-Рождественская приводит материалы, устанавливающие представления об архангеле Михаиле как об ангеле смерти. Она пишет, что Михаил на Западе — «борец за душу, водитель душ, может быть, прямо смертный ангел».[25] К нему направлялись молитвы за усопших и ему часто посвящались кладбищенские церкви.

Причина, по которой Грозный обращается в Каноне к архангелу Михаилу в своем паническом страхе смерти, вполне ясна. Архангел Михаил — не только ангел смерти, приходящий за душою умершего и проводящий ее в «горний Иерусалим», — это также и тот ангел, во имя которого была построена царская усыпальница в Московском Кремле, где предстояло лечь и самому Иоанну Грозному, — Архангельский собор. Архангел Михаил действительно считается предводителем небесных сил, однако все ж таки в Каноне он не назван по имени. По имени архангел Михаил назван только в Молитве. Важно, что в Послании Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь, относящемся приблизительно к тому же времени, что и Канон и Молитва, — к 1573 г., имеется тот же мотив обращения к ангелу смерти. И опять-таки ангел смерти не называется по имени.

Говоря в своем Послании в Кирилло-Белозерский монастырь о последнем часе, предстоящем каждому человеку, Грозный восклицает: «Предстанет бо ти напрасно все пагубство, и люта, яко же буря, приидет ангел немилостив, отводя с нуждею, влекий душю твою, связану грехми, часто обращающуюся к здешним и рыдающу без гласа...».[26]

В тираде, обращенной в Послании в Кирилло-Белозерский монастырь к ангелу смерти, есть те же типичные и для Канона мотивы: 1) ангел назван «немилостивым» (ср. в Каноне — «твоея нещадости»); 2) страх смерти («смутися сердце мое исхода ради, и страх смертный нападе на мя, боязнь и трепет Страшнаго судища прииде на мя...»; 3) боязнь умереть без покаяния («аще восхищен будеши преже покаяния...»); 4) боязнь одиночества в час смерти («ей, поистине, нощь глубока тогда, и болезнь тяжка, и помагаяй несть»); 5) мотив долгого пути к небесному Иерусалиму («течение к Иерусалиму...»).[27]

Резюмируя свое историческое вступление к исследованию о святом Михаиле, О. А. Добиаш-Рождественская между прочим

---

[25] О. А. Добиаш-Рождественская. Культ святого Михаила. Пгр., 1917, стр. 361 (гектографированное издание).

[26] Послания Ивана Грозного, стр. 171.

[27] Там же, стр. 168 и 171 (совпадение мотивов в Каноне и в Послании в Кирилло-Белозерский монастырь лишний раз доказывает принадлежность первого перу Грозного).

пишет: «Михаил, несомненно, светлое божество, борец за доброе начало. Но все-таки это борец карающий, грозный ангел. И его воинственность, и его связь с „древним змием“, по понятному психологическому уклону, отбрасывает зловещую тень на его светлый облик, дает ему характер христианского Сатаны».[28] А заключая всю книгу, О. А. Добиаш-Рождественская отмечает: «Он (Михаил, — *Д. Л.*) почти на границе добра и зла. Борясь за добро, он часто бывает яростен; иногда он бесцельно жесток. Он карает, убивает, сечет розгами, уносит смерчем, ударяет молнией. Это гневный бог и святой сатана. Его больше боятся и чтут, чем любят. Элемент добродушия почти отсутствует в его легенде».[29]

Черты жестокости, воинственности, грозности необычайно сгущены в Каноне Парфения Уродивого и его Молитве. Многократно повторяется, что ангел — «грозный воевода», что «возхождение» его за душой умирающего «грозно». Грозный говорит о нем: «несть сильнее тебя и крепчайши во брани». Он просит «весело» взглянуть на него: «да не ужаснуся твоего зрака». Ангел у Грозного «смертоносный», «страшный воин», «грозный посланниче». Он говорит о нем как о воителе: «Скоро пленяеши и не замедлиши николе же. Всюду готов стоиши, и храбруеши, и зла не убоишися, ни стара отриеши, ни млада отступиши»; «Великий мудрый хитрец, никто же может твоея хитрости разумети, дабы скрылся от твоея нещадости». Грозный просит Ангела: «Мудрый ангеле и светлый, просвети ми мрачную мою душу своим светлым пришествием, да во свете теку во след тебе». Восхваляя Ангела Грозного воеводу, Грозный называет его «мудрым оружником и грозным полчеником и победителем вражиимь силам». В Молитве к архангелу Михаилу Грозный просит его: «Запрети всем врагом борющимся со мною. Сотвори их яко овец, и сокруши их яко прах пред лицем ветру»; он просит соблюсти его «от очию злых человек».

Если вспомнить, что Грозный, прежде чем обнародовать свой «ответ» Яну Роките под именем Парфения Уродивого, сильно урезал его конец и все-таки скрылся за псевдонимом, то не следует ли предполагать, что и здесь, в Каноне и Молитве Ангелу Грозному, была проделана так же вивисекция, и все-таки, в отличие от традиционных стихир, Грозный не решился обнародовать их под своим именем.

Не потому ли в Каноне Грозному воеводе нет имени Михаила, что черты жестокости «ангела грозного воеводы» необычайно сгущены в Каноне и Грозный сознавал его не совсем христианский

---

[28] О. А. Добиаш-Рождественская. Культ святого Михаила, стр. 46.

[29] Там же, стр. 392.

характер. Как раз в это время Грозный выворачивал христианский культ наизнанку. В 1570 г. был умерщвлен митрополит Филипп. Поход Грозного на Новгород и Псков носил ярко выраженный антицерковный характер. Затворившись в паническом ужасе в Александрийской слободе[30] со своими опричниками, он переоделся с ними в монашеское платье, но не стал монахом. В своем Послании в Кирилло-Белозерский монастырь он писал: «И мне мнится, окаянному, яко исполу есмь чернец. . .».

На свадьбе царской племянницы Марии Владимировны Старицкой в Новгороде гости плясали под напев символа веры св. Афанасия. Царь плясал со всеми и отбивал такт жезлом, которым впоследствии убил своего сына Ивана, по головам пляшущих молодых иноков.[31]

Пискаревский летописец сообщает об одном пире, на котором присутствующие «почали прохлажатися и всяким глумлением глумитися: овии стихи пояше (под «стихами» разумеются молитвы, церковные песнопения, — *Д. Л.*), а овии песни воспевати».[32]

Искажения и глумления над христианским культом были типичны для Грозного. Демонстративно выставляя свою ортодоксальность во всех официальных случаях, он вместе с тем был склонен к кощунству, к высмеиванию этого же культа, к различного рода нарушениям религиозных запретов.

Канон Ангелу Грозному воеводе и Молитва к архангелу Михаилу были вполне «серьезны», в них не было элементов глумления над религией, но тем не менее сам объект молитвы приобретал не «исполу» христианские, а «исполу» антихристианские черты и поэтому не мог быть назван по имени. Образ Ангела

---

[30] Исследователь опричнины Р. Г. Скрынников пишет: «По мере нарастания террора все большее значение в политической жизни государства приобретал новый важный элемент — всеобщий страх и подозрительность. Жертвою страха стал и сам Грозный. На протяжении всей опричнины он жил затворником в Слободе под надежной охраной и никуда не выезжал иначе, как в сопровождении многих сотен вооруженных до зубов преторианцев. Постоянно опасаясь заговоров и покушений, царь перестал доверять даже ближайшей родне и друзьям. Новые сподвижники Ивана старательно поддерживали в нем его подозрения. В пору кровавых оргий опричнины царь действует как человек, ослепленный страхом. Как заметил однажды Энгельс, эпоху террора нельзя отождествлять с господством людей, внушающих ужас. „Напротив того, это господство людей, которые сами напуганы. Террор — это большей частью бесполезные жестокости, совершенные для собственного успокоения людьми, которые сами испытывают страх"» (Р. Г. Скрынников. Опричный террор, стр. 160; цитата из письма Ф. Энгельса к К. Марксу от 4 сентября 1870 г., см.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2-е, т. 33, 1964, стр. 45).

[31] А. Чумиков. Осада Ревеля. Чтения ОЛДП, 1891, кн. 2, отд. IV, стр. 32.

[32] Пискаревский летописец. Подготовка текста, вводная статья, примечания и указатель О. А. Яковлевой. В кн.: Материалы по истории СССР, т. II. М., 1955, стр. 85.

Грозного воеводы соединился в сознании Ивана Грозного с образом тех «лютых ангелов», которые, по средневековым представлениям, ведали загробными мучениями грешников.[33] Больная совесть Грозного заставляла его думать о смерти и о загробных мучениях.

Текст Канона издается по небольшой рукописи XVII в.,[34] открывающей собой известный сборник № 2 из Карельского собрания Пушкинского дома, по которому В. И. Малышевым был издан новый текст «Моления Даниила Заточника».[35]

Канон Ангелу Грозному воеводе Парфения Уродивого нередко встречается в рукописях. Леонид указывает, например, следующие списки Троице-Сергиевой лавры: канонники №№ 280 (конца XVI—начала XVII в.), 284 (XVII в.), 287 (XVII в.), 293 (XVII в.) и др.[36] Нами для вариантов избраны тексты в сборнике канонов БАН 33.3.20 середины XVII в., в 16-ю долю, на лл. 213 об.—227 (обозначаем — А). По этому же списку издается текст Молитвы Иисусу Христу и архангелу Михаилу. Для вариантов избрана также рукопись канонника Архива Синода № 436 (610) (обозначаем — С). В. Н. Перетц относил этот список к концу XVI в. и снял с него копию, использованную нами с любезного согласия В. П. Адриановой-Перетц. В том же Архиве Синода Канон Ангелу Грозному имеется и в канонникe № 460 XVII в. Текст Канона и Молитвы публикуется по правилам, принятым в ТОДРЛ.

Канон (и последующий за ним кондак) заключает в себе отметки о песнопениях «Слава Отцу и Сыну...» и «И ныне и присно...». В списке Пушкинского дома эти отметки сделаны на полях рукописи. В нашем издании мы помещаем их в особом, верхнем этаже примечаний и отмечаем буквами. В других списках эти отметки внесены в строку.

---

[33] Ср. в сербском списке «Повести об Акире Премудром», изданном В. Ягичем: «Сину мои Анадане, — говорит Акир, — правдан' судие буди, да до старости почтен будеш и твое душа проиде от земле до небес и не примут е на вратех митарских люти ангели» (Prilozi k historiji knjiżevnosti naroda Hrvatskoga i srbskoga. Isdao V. Jagić. Zagreb, 1869, стр. 76). Источник указан мне Н. С. Демковой.

[34] Сохранившиеся части водяного знака — по-видимому, изображение орла в картуше.

[35] В. И. Малышев. Новый список Даниила Заточника. ТОДРЛ, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 193—200. Здесь же подробное описание сборника.

[36] См.: Описание славянских рукописей Библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры, ч. II. М., 1878, стр. 54, 60, 66, 72 и 106.

л. 4 Канун[1] ангелу грозному, и[2] воеводе, и[2] хранителю всех человек,[3] от Вседержителя бога посланному[3] по вся душа человеческая.[4] Ты же, человече, не забывай часа смертного: пой по вся дни канун[5] сей творение[6] Уродиваго Парфения.[6]

По утреннем пении глаголи:[7] «Молитвами[8] святых отец наших [9] Господи Исусе Христе, сыне божий, помилуй нас. Аминь»,[9] «Царю[10] Небесный», «Трисвятое» и по «Отче наш» — «Господи помилуй» 12, «Слава», «И ныне», «Приидите поклонимся». 3, [11] та же[11] псалом 50, «Помилуй мя боже», та же канун глас 6, песнь 1, ирмос «Яко по суху».[12] Запев:[13] «Святый ангеле, грозный воевода,[14] моли бога о нас».[15] ||

л. 4 об. Прежде [16] страшнаго и грознаго[16] твоего,[17] ангеле,[18] пришествия[19] умоли[20] о мне грешнем [21] о рабе твоем[21] имрек. Возвести[22] ми конец мой,[23] да покаюся дел своих злых, да отрину от себе бремя греховное. Далече ми с[24] тобою путешествати. Страшный и грозный ангеле, не устраши мене маломощнаго. Дай ми, ангеле, смиренное[25] свое пришествие и красное[26] хождение,[27] и велми ся тебе возрадую .Напой мя, ангеле, чашею спасения.[а]

Святый ангеле, да мя напоиши чашею спасения и весело[28] теку во след твоему[29] хождению[30] и молюся — не остави мене сира.[б]

Рождьшия[31] ти[32] царя вышним силам, пресвятая[33] царица, *л. 5* ты бо еси милостива, може||ши бо облехчити мое бремя [34] греховное, тяшкое.[34]

Песнь 3, ирмос «Несте[35] свята, яко же ты, [36] Господи боже».[36]

Святый ангеле Христов,[37] грозный воевода, помилуй мя грешнаго раба своего имрек. Егда приидет время твоего прихода, святый ангеле, по мене грешнаго имрек разлучити мою душу от убогаго[33] ми[39] телеси,[40] — [41] вниди с тихостию,[42] да с радостию усрящу тя честно.

[а] *На полях против последних слов*: Слава. [б] *На полях*: И ныне.

[1] *Доб.* святому *С*. [2–2] *Нет АС*. [3–3] посланному от бога вседержителя *А*. [4] *Доб.* душу возвести ко господу, а тело земле отдати *А*; душу бо возвести к богу, а тело персти отдати *С*. [5] *Доб.* ангелу грозному *А*. [6–6] Парфения Уродиваго *С*. [7] *Доб.* сице *С*. [8] за молитв *АС*. [9–9] *Нет С*. [10] Та ж царю *С*. [11–11] *Нет АС*. [12] *Доб.* ходив иль *А*; ходив *С*. [12–15] *Нет С*. [13] припев *А*. [14–15] помилуй мя грешнаго *А*. [16–16] грознаго и страшнаго *АС*. [17] *Далее ошибочно в ркп.* при *и в А*. [18] Со аггелы *А*; аггела *С*. [19] с пришествия *С*. [20] умолися *А*; умилися *С*. [21–21] *Нет АС*. [22] *С полуслова* Возве *в А начинается пропуск; возобновляется текст — см. сноску 38*. [23] *Доб.* имрек *С*. [24] *В ркп.* з *С*. [25] смирение *С*. [26] красно *С*. [27] вхождение *С*. [28] весел *А*. [29] твоею *С*. [30] вхождению *С*. [31] *В ркп.* рождешия; рождьшия *С*. [32] тя *С*. [33] пречистая *С*. [34–34] тяжкое, греховное *С*. [35] несть *С*. [36–36] *Нет С*. [37] *Нет С*. [38] *С полуслова* гаго *возобновляется А*. [39] *Нет С*. [40] тела *АС*. [41] *Нет С*. [42] тихостью *А*.

Молю ти ся, святый ангеле, яви ми свой светлый зрак[43] и весело возри на мя окаяннаго, да не устрашит мене приход твой святый,[44] да уготоваюся[45] на сретение тебе честно.[46]

Святый ангеле,[47] посланиче божий,[47] дажь[48] ми, || ангеле,[49] *л. 5 об.* час покаятися[50] согрешении[51] и[52] отринути[53] от себе бремя тяшкое.[54] Далече ми тещи во[55] след тебе.[в]

Святый ангеле,[56] не имам иного разве тебе заступника[57] скора. Помилуй[58] грешнаго[59] раба своего[59] имрек и[60] приведи душу мою ко[61] владычицы.[62] Та бо есть милостива отпущати[63] грешным[64] согрешения.

Песнь 4, ирмос — «Христос мне».[65]

Молю ти ся, страшный и грозный посланниче[66] вышняго царя, воевода, — весело[67] возриши[68] на мя окаяннаго, да не ужаснуся твоего зрака и весело с тобою путешествую.[69]

Плачася и[70] вопию, воевода[71] небесного царя.[71] Грозно[72] возхожде||ние[73] твое,[74] да не вскоре разтлише[75] мене грешнаго, но[76] *л. 6* весело и тихо напой мене[77] смертною чашею.[г]

От сердца[78] вопию ти,[78] грозный[79] воевода и[79] воине царя царствующим, несть[80] силнее тебя[81] и крепчайши[82] во брани,[83] и[84] умиленна в смерти,[84] и пряма[85] во исправлении.[86] Исправи душу мою на путь вечен.[д, 86]

Госпоже[87] богородице, дево,[87] рожшия[88] царя небеснаго, смертоноснаго[89] часа[90] не минухся, избави душу раба своего имрек[91] от сети ловящих.

Песнь 5, ирмос — «Божиим».[92]

О[93] сродници[94] мои, егда видите мене от вас разлучена,[95] и зрак лица моего изменихся,[96] и гробу предаюся, и[97] ко Су||дии[97] *л. 6 об.* влеком буду, —[98] и молитеся[98] о мне святому[99] ангелу,[100] да ведет[II, 1] душу мою в место покойно.

[в] *На полях* И ныне. [г] *На полях* Слава. [д] *На полях* И ныне.

[43] *В С сначала написано* приход *вместо* зрак, *но зачеркнуто киноварью.* [44] светлый *А.* [45] уготовлю *А.* [46] *Доб.* слава *АС.* [47–47] божий посланный *А*; божий посланниче *С.* [48] дай *АС.* [49] *Нет АС.* [50] *Доб.* о *А.* [51] *Доб.* своем *А.* [52] *Нет С.* [53–54] *Нет АС.* [54] *Доб.* греховное *А.* [55] в *С.* [56] *Доб.* Господень *А.* [57] спутника *АС.* [58] *Доб.* мя *С.* [59–59] *Нет АС.* [60] *Нет АС.* [61] к *С.* [62] богородице *А*; богородицы *С.* [63] отпущает *А.* [64] грешником *С.* [65] *Доб.* сила *АС.* [66] посланный *А.* [67] да весело *АС.* [68] возри *С.* [69] путьшествую *С.* [70] *Нет АС.* [71–71] царя небеснаго *АС.* [72] грозное *А.* [73] хождение *АС.* [74] *Нет А.* [75] растай *АС.* [76] *Нет АС.* [77] мя *АС.* [78–78] вопиюще: О! *С.* [79–79] *Нет АС.* [80] *Доб.* иного *А.* [81] тебе *АС.* [82] крепка *А*; крепкаго *С.* [83] бранех *АС.* [84–84] смыслена в мудрости *А*; смыслена в смерти *С.* [85] права *А.* [86–86] управи путь мой *А*; исправи путь мой *С.* [87–87] дево богородице владычице *АС.* [88] рождьшия *С.* [89] смертоносна *А.* [90] ангела А. [91] *Нет АС.* [92] *Доб.* светом ти *А*; светом ти блаже *С.* [93–94] сродницы *С.* [95] разлучаема *А.* [96] изменися *АС.* [97–97] к суду *С.* [98–98] помолитеся *А*; молите *С*, [99] грозному *А*; *нет С.* [100] аггела *С.*

[II, 1] проводит *А.*

О друзи мои любезнии, егда видите мене от вас разлученна и земли предаема, — помолитеся о мне грешнем[2] ко святому ангелу, да проводит душу мою вся[3] двадесят мытарств и измет[4] от всех погибелей.[е]

Людие[5] божии, благочестнии и[6] вся[7] племена земьстии,[8] егда видите[9] смертоное[10] тело на земли повержено и вонею объято[11] — помолитеся[12] ко[13] ангелу смертоносному [14] о мне,[14] да ведет[15] душу мою в тихое[16] пристанище.[ж, 17]

[18] Пресвятая дево[18] богородице, владычице, ты веси немощь

л. 7 земных[19] человек. Вскоре разоряетца естество || плоти нашей.[20] Ты,[21] госпоже, буди нам[22] заступница.

Песнь 6, ирмос — «Житейскаго».[23]

От бога посланнаго[24] страшнаго[25] воина, царем, и князем, и архиереем,[26] и [27] всем людем[27] великое[28] изменение от суетнаго[29] века сего,[29] в напастех пребывающих и в скорбех тружающих[30] сущи[31] верных.[з, 32]

Святый ангеле,[33] от всех нас на земли живущих дань[33а] свою приимеши[34] от бога повеленную ти, егда приидеши[35] и неси в сокровище света.[и]

[36] Святый ангеле, грозный посланниче, и мене избави от суетнаго жилища сего.[к, 37]

О царице владычице,[38] сирым питателница[39] и[40] обидимым[41]

л. 7 об. заступнице и бедным[42] помощница,[43] || болным надеяние[44] и всем[45] грешным оцыщение, и мне грешному имрек буди ми[46] помощница[47] и помилуй мя.

Кондак,[48] глас 5.

Небеснаго царя воевода и предстатель престолу божию и творитель[49] воли господни и совершитель[50] заповедей[51] его, не ли-

---

[е] *На полях* Слава. [ж] *На полях* И ныне. [з] *На полях* Слава 2. [и] *На полях* Слава 1. [к] *На полях* И ныне.

[2] *Нет АС.* [3] *Нет С.* [4] *Доб.* й *А*; ю *С.* [5] О, людие *С.* [6] *Нет С.* [7] вси *АС.* [8] земная *С.* [9] види *А.* [10] *Так в С*; *в ркп.* смертоносное; мое *А.* [11] *Испр.*; *в ркп.* объяся; объято греховною *АС.* [12] *Доб.* о мне *А*; молитеся о мне *С.* [13] *Нет С.* [14–14] *Нет АС.* [15] приведет *С.* [16] тихо *АС.* [14–17] *В ркп. доб.* невлаемо; *в АС этого нет.* [18–18] пречистая *АС.* [19] земнородных *АС.* [20] нашея *АС.* [21] ты же *С.* [22] мне *АС.* [23] *Доб.* моря *АС.* [24] *В ркп. доб.* и. [25] *Нет С.* [26] архиереом *АС.* [27–27] всякому дыханию *АС.* [28] велико *АС.* [29–29] сего света *А*; сего века *С.* [30] тружающихся *АС.* [31] сучных *А*; сущих *С.* [32] вечных *А.* [33] *Доб.* посланный и мене избави от суетнаго жилища, Святый аггеле господень *А*; посланниче, и мене избави суетнаго жилища. Святый аггеле *С.* [33а] *В ркп.* да. [34] приемлиши *С.* [34–35] *Доб. по АС, в ркп. пропуск.* [36–37] *Нет АС.* [38] богородице *С.* [39] питателнице *АС.* [40] *Нет АС.* [41–42] *В ркп. нет*; *доб. по АС.* [43–44] *В ркп. нет*; *доб. по А.* [45] *Нет АС.* [46] *Нет АС.* [47] помощник *А*; помощнице *С.* [48] *Доб.* аггелу *АС.* [49] *Так в АС*; *в ркп.* сотворитель. [50] свершитель *А.* [51] заповедем *А*; заповеди *С.*

шиши[52] ся славы[53] велелепныя[54] и прославишися, скоро пленяеши и не замедлиши николи же.[54] Всюду готов стоиши, и[55] храбруеши, и[56] зла не убоишися,[57] ни стара отриеши,[58] ни млада отступиши.[59] Вся имещи[60] и ведеши в место покойно. И мене помилуй грешнаго и окаяннаго[61] имрек, да поем[62] ти аллилуйя. ||

Песнь 7, ирмос — «Хладодавиц».[63] л. 8

Великий,[64] мудрый хитрец, никто же может твоея хитрости разумети, дабы скрылся от твоея нещадости. Святый ангеле, умилися о мне[65] грешнем и[65] окаяннем.

[66] Мудрый ангеле и светлый,[66] просвети ми[67] мрачную мою[68] душу своим светлым пришествием, да во свете теку во след тебе.

Святый ангеле,[69] радуюся душою[70] и[71] трепещу[72] рукою и показуя людем час разлучения[73] души моей грешней[74] от убогаго ми[75] телеси.[76] Святый аньгеле,[77] помолися о мне грешнем.[а][77] ||

Пресвятая[78] богородице, владычице, помилуй[79] грешнаго в час разлучения. Святый ангеле, страшный посланниче, изми душу мою от сети ловящих. л. 8 об.

Песнь 8, ирмос — «Ис пламени».[80]

Царю[81] небесному,[82] слава нетленному[83] и непроходимая[84] сотворшему[85] чины[86] ангелския,[87] такова [88] страшна и грозна[88] смертоносна[89] ангела. Хвалите, пойте и превозносите его во веки.

Царя небеснаго слуга и предстатель престолу божию,[90] святый ангеле, смерть принося нам[91] измени[92] нас добротою[93] зда||ния твоего[94] и[95] приведи нас к свету светлейшему[96] судии. Хвалите,[97] пойте и превозносите его во веки.[98] л. 9

Царю небесному, богу нашему угождаеши,[99] славы не отпадаеши, и заповеди его не преступаеши, и[100] волю его твориши,

---

[а] *На полях* И ныне.

[52] лиши *А*. [53] *В ркп. нет*; *доб. по АС*. [54–54] *В ркп.* его и незамлеши никому же; *испр. по А*; *в С* скоро пленяеши, и не замедли николи же. [55] *Нет АС*. [56] *Нет АС*. [57] боишися *А*. [58] отрешаеши *А*; отрееши *С*. [59] отступаеши *А*. [60] поемлеши *А*; поимеши *С*. [61] *Доб.* раба твоего *А*; *нет С*. [62] пою *АС*. [63] Хладодавцу убо пещь *А*; Хладодавицу убо пещь *С*. [64] *Доб.* и *АС*. [65–65] *Нет АС*. [66–66] Мудр сын светлый и светилниче *А*; мудр сый светлый светилник *С*. [67] *Испр.*; *в ркп. на поле*; *в тексте* мя. [68] *Нет АС*. [69] господень *А*. [70] душею *С*. [71] *Нет С*. [72] трепеща *А*. [73] *Доб.* моего *А*; своего *С*. [74] грешной *АС*. [75] *Нет С*. [76] тела *АС*. [77–77] помози ми грешному *АС*. [78] Пречистая *С*. [79] *Доб.* мя *АС*. [80] *Доб.* святым росу источи *А*; святым *С*. [81] царя *АС*. [82] небеснаго *АС*. [83] нетленная *АС*. [84] непроходима *А*. [85] сотворша *А*. [86] мучения *А*. [87] архаггельскии стоя *А*; архаггельскии святая *С*. [88–88] грозна и страшна *А*. [89] *Так А*; *в ркп.* смртосносна; *в С* смертьносна. [90] *Отсюда пропуск* в *А до сноски III, 6*. [91] *Доб.* и *С*. [92] *В ркп.* измене; *испр. по С*. [93] добероты *С*. [94] сего *С*. [95] *Нет С*. [96] *Доб.* и праведному *С*. [97] *Доб.* и *С*. [98] векы Слава *С*. [99] *Доб.* и *С*. [100] *Нет С*.

и [III, 1] в любви пребываеши. Ангела тя свята хвалим, поем [2] и превозносим его во веки.[м]

Царице, владычице, рожшия [3] и [4] вышним силам и [5] земным бога и господа,[6] спасителя от находящих ны бед, молися богу,[7] да помилует [8] ны в день судный. Господа пойте и превозносите его во веки. ||

л. 9 об. Песнь 9 ирмос — «Бога человеком».[9]

Осквернивше [10] душу злыми похотми и [11] теплыми слезами не омывше и [12] милостынею не очистивше, страшнаго [13] посланника не поминающе, мы же тя, ангеле, [14] по достоянию [14] величаем.

Бога нам поведаеши, святый ангеле, и душу мою [15] окаянную ис тела изимаеши,[15] и [16] плоть разтлиши [16] и гробу предаеши, молим [17] ти ся, святый ангеле, изми душу мою от сети ловящих,[18] тя величаем.[н, 18]

От бога посланному, всех ангел пристрашен [19] еси, святый ан-
л. 10 геле, не устраши мою душу убогую, напол||нену злосмрадия, и [20] очисти,[21] и [22] престави ю́ [22] престолу божию непорочну. Тя величаем.[о]

О богоматерь [23] Пречистая,[24] вся спасаеши и милуеши, також-де [25] помилуй мене [26] грешнаго и [26] злосмраднаго [27] в час [27] разлучения и в муку посланному.[28] Тогда же ми [29] помози, [30] и огня [30] изхити мя [31] и от муки избави мя. Тя величаем.

[31] Та же [31] «Достойно есть»,[32] яко и [32] «Тресвятае»,[33] и по «Отче наш» тропарь глас 5.

Небесных [34] сил избраннаго [35] воеводу, от бога посланнаго
л. 10 об. мудраго оружника и грознаго полченина [36] и победи||теля вражиимь [37] силам, святого [38] ангела,[39] поюще, хвалим.[40] Смертию [41] нас назирает,[42] и [43] от суеты мира избавляет, и на суд праведни [44] ко Христу представляет,[45] и от вечных мук избавляет.[46]

[47] «Слава», «И ныне».[47]

[м] *На полях* И ныне. [н] *На полях* Слава. [о] *На полях* И ныне.

III, [1] *Нет С.* [2] *Доб.* же *С.* [3] рождьши *С.* [4] *Нет С.* [5] *Нет С.* [6] *Доб.* и *АС.* [7] богородице *С.* [8] помилуе *С.* [9] не удобь видети. Бога человеком не удобь видети *А*; не удобь видети *С.* [10] Осквернившу *А*; Оскверниви *С.* [11] *Нет АС.* [12] *Нет АС.* [13] *Далее в ркп.* ангела а; *исключено согласно АС.* [14–14] *Нет АС.* [15–15] изимаеши ис тела *А.* [16–16] и тело разтлеваеши *А*; тело растлеваеши *С.* [17] молю *АС.* [18–18] *Нет А.* [19] пристрашне *А*; престрашнее *С.* [20] *Нет С.* [21] *Доб.* ю. *А.* [22–22] представ *А.* [23] *В ркп.* божия милости; *испр. по АС.* [24] *Доб.* и святая *А.* [25] тако же *С.* [26–26] *Нет АС.* [27–27] от враг *А.* [28] посланнаго *А.* [29] *Доб.* богородице *АС.* [30–30] *В ркп.* от огня; *испр. по АС.* [31] *Нет АС.* [31–31] Пь сем. *А.* [32–32] *Нет АС.* [33] Тресвятое *АС.* [34] От небесных *АС.* [35] *Доб.* тя *А.* [36] полчанина *АС.* [37] вражиям *С.* [38] святый *А*; свята *С.* [39] аггеле *А.* [40–42] смертнаго назидает *А.* [41] Смерть *С.* [42] назидает *С.* [43] *Нет С.* [44] праведныя *А*; праведный *С*; *в ркп. далее зачеркнуто* приво. [45] *В ркп.* представля; *испр. по АС.* [46] *Доб.* ны да поем ему аллилуия *АС.* [47–47] *Нет С.*

Упование наше, богородице, крепкая помошнице скорбящим, и [48] от смерти изимаеши и от муки избавляеши,[49] комуждо по достоянию благодати [50] даеши.[51]

Та же, и отпуст, «Чеснейшу херувим», «Слава», «И ныне», «Господи помилуй» 2, «Господи благослови».

Конец всем благим. Слава свершителю богу. Аминь.

(ИРЛИ, собр. Карельское, № 2, лл. 4—10 об.).

МОЛИТВА
К ГОСПОДУ НАШЕМУ ИСУСУ ХРИСТУ, КО СВЯТОМУ АРХАГГЕЛУ МИХАЙЛУ

Господи Исусе Христе сыне Божий, великий царю безначальный и невидимый и несозданный, седяй на престоле со Отцемь и со Святым Духом, приемля славу от небесных сил, посли архаггела своего Михайла на помощь рабу своему имрек, изъяти мя из руки враг моих. О великий Михайле архаггеле, демоном прогонителю! Господи Исусе Христе, излей миро, яко благ и человеколюбец, на раба твоего имрек, и запрети всем врагом борющимся со мною. Сотвори их яко овец, и сокруши их яко прах пред лицем ветру. О великий Михайле архаггеле, шестокрилатых первый князь и воевода небесных сил, херувим и серафим, и всех аггел. О чюдный архистратиже страшный Михайле архаггеле, хранителю неизреченных таин, егда услышиши глас раба Божия имрек, призывающаго тя на помощь, Михайле архаггеле, услыши и ускори на помощь мою и прожени от мене вся противныя нечистыя духи, силою святого твоего духа, молитвами святых апостол и святых пророк святых святитель и святых мученик и святых пустынник, святых безмездник и святых столпник, святых мучениц и всех святых праведник, угодивших от века Христу молитвами их — соблюди раба Божия в бедах и в скорбех и в печалех, на распутиях, на реках, и в пустынях, в ратех, в царех, и в князех, в вельможах, и в людех, и во всякой власти, и от всякой притчи, и от диявола. Господи, Исусе Христе, избави и великий Михайле архаггеле, соблюди раба Божия имрек от очию злых человек и от напрасныя смерти, и от всякого зла, молитвами Пресвятыя Владычица нашея Богородица и приснодевы Мария и святого пророка и предотечи крестителя Господня Иоанна и святого пророка Илии и святого отца нашего Николы Чюдотворца, и святых мученик Никиты и Еупатия, и всех святых Твоих молитвами, ныне и присно и во веки веком, аминь.

(БАН 33.3.20, лл. 227—231 об.).

---

[48] *Нет АС.* [49] *Доб.* и *А.* [50] благодать *АС.* [51] *На этом кончается список С. В списке А доб.* тя величаемь. *Далее в списке А следует «Молитва к господу нашему Исусу Христу, ко святому архагелу Михайлу», по-видимому также принадлежащая Парфению Уродивому.*

Л. А. Дмитриев

ОТРЫВОК СБОРНИКА ПОСЛОВИЦ XVII в.

В 1899 г. П. К. Симони издал сборник пословиц XVII в. «Повести или пословицы всенароднейшыя по алфавиту».[1] «Повести или пословицы всенароднейшыя...» (в дальнейшем условное наименование — Сборник) входят в состав рукописного сборника второй половины—конца XVII в. (ЦГАДА, собр. М. А. Оболенского (ф. 201), № 28). До настоящего времени изданный П. К. Симони текст был единственным известным нам списком пословиц XVII столетия. В предисловии к публикации текста П. К. Симони, перечисляя «неизвестно где ныне находящиеся рукописные сборники», указал еще один список пословиц этого времени. Под 1-м номером у него значится «принадлежавший А. И. Тургеневу в Париже сборник русских пословиц и поговорок, писанный скорописью конца XVII века, в 4 д. л. Начало его осталось у прежнего владельца, а „оторванная от сборника тетрадь с буквы Н до Х" перешла в собственность И. М. Снегирева, и об этой части всего сборника есть заметка в „Русских народных пословицах и притчах" И. М. Снегирева, М., 1848, стран. XL».[2] В указанном издании И. М. Снегирева в перечислении источников сказано, что был использован отрывок сборника А. И. Тургенева, но о том, что отрывок этот перешел в собственность издателя, т. е. самого И. М. Снегирева, ничего не говорится.[3] Определить по изданию Снегирева, что представлял из себя сборник А. И. Тургенева, невозможно: издание Снегирева — компиляция, составленная из разнообразных источников, а в примечаниях к основному тексту, где указываются некоторые параллели и приводятся варианты пословиц, ссылки на тургеневский сборник встречаются лишь три раза.

Упоминаемый П. Симони и использованный И. М. Снегиревым отрывок из тургеневского сборника есть основание отождествить

---

[1] Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. Собрал и приготовил к печати Павел Симони. Вып. 1. СПб., 1899.

[2] Там же, стр. XI.

[3] См.: Русские народные пословицы и притчи, изданные И. Снегиревым. М., 1848, стр. XL.

с отрывком сборника пословиц XVII в., недавно обнаруженным М. П. Султан-Шах в рукописном отделе Пушкинского дома в фонде А. И. Тургенева.[4] В настоящее время эта рукопись переведена из фонда А. И. Тургенева в собрание древнерусских рукописей ИРЛИ (Отдельные поступления, оп. 23, № 137).

Рукопись представляет собой склеенные при реставрации две тетради: первая из 8 листов, вторая из 6, — всего 14 листов. Ранее обе тетради состояли из 8 листов каждая, в настоящее время во второй тетради не хватает двух листов, составлявших одну полосу: нет листа после первого листа второй тетради и листа перед последним листом этой тетради (между 9—10 и 13—14 лл. рукописи по теперешней пагинации). До реставрации углы рукописи были оторваны. По сохранности первый и последний листы отрывка от остальных не отличаются. Это говорит о том, что данный отрывок от основной части рукописи, в которую он входил, был отделен довольно поздно. Почерк — красивая, четкая скоропись конца XVII в. Начальные буквы каждой пословицы киноварные. Перед началом текстов на новую букву посредине листа киноварью же проставлена эта буква. Водяной знак бумаги — герб города Амстердама. Почерк (скоропись), время (конец XVII в.), размер (4°) рукописи совпадают с данными, сообщаемыми И. М. Снегиревым (в дальнейшем условное наименование этого текста — Отрывок). Несколько иначе обстоит дело с объемом текста. По словам И. М. Снегирева, в тетради А. И. Тургенева содержались пословицы с буквы Н до Х. В Отрывке текст также начинается с Н, но после Х следуют еще пословицы на От, Ц и Ч. Это несоответствие объясняется вероятнее всего тем, что в руках Снегирева или писца, снимавшего для него копию с Отрывка, находился Отрывок без последнего листа (первый и последний листы Отрывка были оторваны и присоединены ко всей рукописи позже, при реставрации), а на последнем листе и помещены тексты на буквы От, Ц, Ч.

Пословицы в Отрывке расположены по алфавиту начальной буквы первого слова, по каждой букве дается отдельная нумерация пословиц. Номера проставлены иной рукой, чем писана рукопись: более светлые чернила, характер написаний небрежный, цифры более крупные, чем буквы текста пословиц. В шести случаях (№№ 242, 320, 472, 473, 488, 573)[5] порядковые номера стоят у пословиц, вписанных позже, иным почерком, чем остальные. Во всех шести примерах добавления сделаны в конце подборки пословиц на определенную букву. Возможно, что эти добавления сделаны тем, кто нумеровал пословицы Отрывка. Но Отрывок

[4] Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить М. П. Султан-Шах, обратившую мое внимание на эту рукопись.

[5] Здесь и далее номера пословиц Отрывка даются не в соответствии с проставленными в рукописи, а по сплошной нумерации всех имеющихся в Отрывке пословиц.

пополнялся пословицами и в дальнейшем, новыми владельцами и читателями рукописи, после того как были пронумерованы первоначальные тексты и первые добавления. Преимущественно на верхнем и нижнем полях листов, изредка сбоку, иногда в просветах между окончанием пословиц на одну букву и началом на другую, где еще оставались незаполненные места, разными почерками XVII в. вносились новые добавления, уже не нумеровавшиеся. Таких непронумерованных дополнительных текстов 67.

Основной текст Отрывка (текст без пронумерованных и непронумерованных дополнений) по составу и последовательности расположения пословиц очень близок к тексту Сборника, но не является его точной копией. Некоторые из пословиц основного текста Отрывка отсутствуют в Сборнике (№№ 17, 24, 25, 29, 30, 467—471). В свою очередь ряд пословиц Сборника отсутствует в Отрывке (№№ 1830, 1847, 1873, 1881, 1949, 1953, 1964, 2009, 2021, 2022, 2058, 2078, 2080, 2115, 2133, 2149, 2152, 2154, 2157, 2206, 2217, 2347, 2412, 2420, 2423, 2455).[6] Различия такого рода дают основание утверждать, что Отрывок и Сборник непосредственной связи друг с другом не имеют: пропуски и добавления по сравнению с общим для Отрывка и Сборника текстом в каждом случае носят самостоятельный характер. Кроме этих незначительных различий по составу, между основным текстом Отрывка и Сборником имеются и отдельные текстуальные расхождения.

В одних случаях это стилистические варианты:

Отрывок	Сборник
9. Нихто не бывал, а у девки робя.	1801. Никто не бывал, а у девки дитя.
10. Наливай нагущу — зять будет.	1802. Наливай на гущу — зять приехал.
72. Обыскал себе Влас по нраву квас.	1858. Обыскал Влас по нраву квас.
426. Семью примерять, одинова прирезать.	2197. Семью примеряв, одинова отреж.
546. У сыра дуба, у сука привязана сука.	2352. У сыра дуба, у суха сука привязана сука.
613. Кто живет скуп — у тово сален пуп.	2415. Хто живет скуп — тому сален пуп.
684. Отщепилась треска от леторасли.	2535. Отщепилась розга от летарасли.

В других случаях различия в текстах носят характер описок, механических ошибок:

Отрывок	Сборник
12. На извот поросятам все полосаты.	1804. На извод поросятам все поросяты.

[6] Здесь и далее номера пословиц Сборника даются по изданию Симони. Тексты, отсутствующие в Отрывке из-за механических дефектов (два утерянных листа), в этот перечень не включаются.

Б. Н. Путилов отмечает, что «особый интерес для фольклористов, историков литературы и культуры, широких читательских кругов представляют материалы, отражающие жизнь русской пословицы в конце XVII—начале XVIII века».[8] Отрывок — второй из известных нам списков пословиц XVII в., и уже в этом заключается его ценность. Но, как мы могли убедиться выше, Отрывок не простое повторение части Сборника, а текст, имеющий важное значение и для уточнения нашего представления о литературной истории Сборника и как самостоятельный источник. Отрывок свидетельствует о существовании в конце XVII в. нескольких списков сборника «Повести или пословицы всенароднейшыя по алфавиту», восходящих к более раннему общему источнику. Разные списки, насколько мы можем судить по текстам Сборника и Отрывка, в целом повторяли свой источник, но вместе с тем переписчики и читатели вносили в тексты свои добавления, изменения, поправки. Отрывок расширяет наше представление о составе пословиц и поговорок в XVII—начале XVIII в.: мы встречаем в нем ряд новых вариантов к ранее опубликованным текстам этого времени; многие из дополнительных пословиц (см. №№ 26, 28, 52, 77, 78, 127, 153, 180, 181, 232, 233, 281, 323, 326, 331, 334—338, 363—365, 383, 392—394, 396, 422, 451, 472, 473, 478—480, 504, 529, 530, 554, 555, 573, 602, 627, 628, 653, 655, 656, 681, 693, 705) не встречаются ни в Сборнике, ни в остальных, опубликованных к настоящему времени, рукописных сборниках пословиц конца XVII—начала XVIII в.[9]

Текст Отрывка публикуется согласно правилам публикаций древнерусских текстов, принятым в ТОДРЛ. В подстрочных примечаниях отмечаются особенности рукописи и вносимые в текст исправления и добавления. В тексте все исправления и добавления обозначены курсивом. Тексты пословиц, вписанные в Отрывок иным почерком, чем основной (т. е. дополнительные пословицы), набраны в разрядку. Нумерация пословиц сплошная по всему Отрывку.

---

[8] Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков. М.—Л., Изд. АН СССР, 1961, стр. 6 (далее: ППЗ).

[9] Ср.: Рукописный сборник пословиц, поговорок и присказок Петровского времени. В кн.: Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок..., стр. 173—216; Г. Г. Шаповалова. Псковский рукописный сборник начала XVIII века. В кн.: Русский фольклор. Материалы и исследования, т. IV. М.—Л., 1959, стр. 305—330. Ср. также «Сборник пословиц бывш. Петровской галереи», «Собрание пословиц И. В. Пауса», «Сборник пословиц В. Н. Татищева» и «Сборник пословиц А. И. Богданова», опубликованные в кн.: ППЗ, стр. 23—118. Следует отметить, что в издании И. М. Снегирева (Русские народные пословицы и притчи, изданные И. Снегиревым. М., 1848), которому Отрывок был известен, многие из пословиц Отрывка (особенно из числа дополнительных текстов) отсутствуют.

этим объясняется наслоение новых и новых изменений в письменно зафиксированный текст. Иногда составитель Отрывка, пересматривая скопированный им текст, сам вносил в него изменения (часть правки сделана той же рукой, которой написан и основной текст). Чаще, однако, изменения в пословицы вносились новыми владельцами и читателями рукописи. Изменения основного текста носят такой же характер, как и различия между отдельными пословицами в Отрывке и Сборнике. Это преимущественно стилистические варианты, но иногда встречаются изменения и более существенные (так, например, переработки №№ 105 и 116 явно снижают социальную остроту пословиц; переработанный текст № 187 приобретает иной смысл, чем первоначальный. Об активном отношении читателей к тексту пословиц говорят и добавления новых пословиц, о чем кратко уже говорилось выше. Часть этих добавлений пополняет основной состав Отрывка пословицами, встречающимися и в Сборнике, но пропущенными составителем Отрывка (таковы №№ 102, 154, 207, 449, 450 и 452, соответствующие №№ 1892, 1955, 2017, 2174, 2156 и 2129 Сборника); большинство же дополнительных текстов соответствий в Сборнике не находит (№№ 1, 26—28, 52, 77, 78, 88, 127, 152—154, 179—181, 206, 207, 232, 233, 242, 281, 282, 307, 320, 323, 326, 331, 334—338, 363—366, 383, 392—396, 421—424, 451, 453, 472, 473, 478—480, 488, 504, 529, 530, 554, 555, 573, 601, 602, 627, 628, 653—656, 681, 693, 705). Об активном отношении и составителя Отрывка и его читателей к текстам пословиц свидетельствуют, наконец, и такие детали. В одном случае составитель Отрывка приводит рядом с пословицей в скобках ее смысловой вариант (№ 143: «По привету и ответ. (По бабе и брага)»), в другом это же делает какой-то читатель Отрывка (№ 60: «Одно дитя и то Фома. (Одно чадо и то чало)»). В шести случаях кем-то из читателей или владельцев Отрывка пословицы были зачеркнуты (сделано это было уже после того как в рукописи кто-то пронумеровал тексты). В двух случаях составитель Отрывка поставил у пословиц помету «Особая».

Из сопоставления изменений, внесенных в основной текст Отрывка, и добавлений к нему с текстом Сборника мы видим, что первоначальный основной текст Отрывка был ближе к Сборнику: изменения и добавления дают преимущественно иные варианты, чем в Сборнике, новые по сравнению со Сборником тексты. Архетип Сборника и Отрывка имел, по-видимому, довольно устойчивый, традиционный характер, но пословицы и поговорки были широко распространены в бытовой речи и поэтому в традиционный текст и при его переписке и в процессе его литературной жизни активно вторгались и новые варианты и новые тексты пословиц и поговорок.

В предисловии к изданию рукописных сборников пословиц, поговорок и загадок в серии «Памятники русского фольклора»

91. При корыстех познавается друг. (То же — № 1875 Сборника).	При напастех познавается друг.
105. Прасол с мясом, а наша всегда без каши. (То же — № 1889 Сборника, только вместо «наша» — «наши»).	Прасол с мясом, а каша с квасом.
116. Попы постятся над мертвым, а клопы над живым. (То же — № 1901 Сборника, но вместо «постятся» — «паствятся»).	Попы поют над мертвым, а камары над живым.
158. Пробить коса — осохнет роса. (То же — № 1940 Сборника).	Пробить долго коса — осохнет роса.
187. По милости по царской и сам себе Пожарской. (То же — № 1970 Сборника).	По милости по царской и сам сын боярской.
269. Ризы черныя, яко цветы селныя. (То же — № 2052 Сборника).	Ризы черныя процветут, яко цветы селныя.
408. Сад красен огородом, а лоза виноградом. (То же — № 2183 Сборника, но вместо «огородом» — «оградом»).	Сад красен плодом, а лоза виноградом.
443. Семера на уме, коли лед на гумне.	Семера на уме, как нет на гумне. (То же — № 2215 Сборника).
522. Удастъся молодец — не надобе и дубец.	Удастъся голубец — не надобе дубец. (То же — № 2329 Сборника).
564. Учен жену бьет, а дрочен матушку. (То же — № 2368 Сборника).	Учен жену бьет, а потворен матерь.
597. Холщовая рубашка — не нагота, а посконная каша — не голод. (То же — № 2400 Сборника).	Холщовая рубашка — не нагота, а невейная крома — не голод.
615. Хто у нас обедает, тот про нас и ведает. (То же — № 2417 Сборника).	Хто у нас обедает, тот про нас и ведает, а хто у нас не обедает, тот про нас и не ведает.
619. Хто во што гаразд, тот тем и промышляет. (То же — № 2422 Сборника).	Хто во што гаразд, тот в то и играет.
668. Ходил чорт за облаками, да оборвалъся. (То же — № 2467 Сборника).	Ходил бес высоко, да оборвалъся глубоко.
669. Хлеб-соль — конец обеда. (То же — № 2468 Сборника).	Хлеб-соль — совершенство обеда.

Составители, переписчики и читатели сборников пословиц и поговорок несомненно знали многие из встречавшихся им в сборниках текстов и в живом, устном обращении, и, по-видимому, именно

47. Опочил вор на рели, а мы от него упрели.	1833. Опочинь вор на рели, а мы от нево упрели.
104. Подлинная весть, что нечево сьесть.	1888. Подлинная весть, что нечево есть.
189. Подняв гвост, да на погост.	1972. Подняв хвост, да на погост.
221. Пошол по вяз, да и сам увяз.	2002. Пошол повязан, да и сам увяз.
386. Сердит пес правова ждет волка в лес.	2164. Серьдит пес провожает волк в лес.
519. Умной что глупой — всяк ево боится.	2326. Умной что губной — всяк ево боится.
540. Учатся лсти, а в радости и сама выростет.	2345. Учатся лсти, а гордость и сама выростает.

Наконец, при бесспорной текстуальной близости пословиц в Отрывке и Сборнике между ними имеются такие разночтения, которые придают одинаковым на первый взгляд текстам различную смысловую окраску. Например:

Отрывок	Сборник
159. Просил осетр дождя в Волге лежа.	1941. Просил осетр дозжа в поле лежа.
185. Правда гневна, да богу люба.	1968. Правда не гневна, да богу люба.
218. Попала перепеча[7] в печь.	1999. Попала перепеча в плеча.
348. Себе спал, себе и встал.	2123. Себе спал, себе и видел.
454. Сорок постел — не сорок гостей.	2222. Сорок постель — не соромь гостей.
462. Старой старик лутче семерых молодых.	2230. Старой друг лутче семерых молодых.
489. У бога дней много, а все впереди.	2297. У бога дней много, а все блиско.

Таков характер различий основного текста Отрывка и Сборника. Наряду с этими исконными различиями между текстами Сборника и Отрывка немало разночтений, возникших позже, во время самостоятельной литературной жизни Отрывка. В целом ряде случаев первоначальный текст пословиц в Отрывке переправляется, перерабатывается. Приведем примеры, сравнивая первоначальные и переработанные чтения Отрывка (с учетом текста Сборника):

Первоначальные чтения Отрывка	Переработанные чтения Отрывка
36. Овцы бы целы, а волки бы сыти. (То же — № 1821 Сборника).	Овцы бы были целы, а волки бы сыти.
43. Около килы не мозгу искать. (То же — № 1828 Сборника).	Около килы нечего мозгу искать.

[7] «Перепеча *ж.* — род кулича, коровая, папушника; *прм.* перепечь *ж.* — все хлебенное, печенье, собираемое попами с причтом по домам, после пасхи, при обходе с образами» (В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. III. М., 1955, стр. 73).

1. Ни от каменя плоду, ни от Фофана миоду. л. 1
Не смердье дитя не дрогнет рука.
Неповинну рабу непристрашна[1] смерть.
Нашла свинья свое порося.
5. Не много нагостил, да много накастил.
Не столь смешно, а на то жь нашло.
На напасть не напрясть.
Нихто не бывал, а пол песни пропали.
Нихто не бывал, а у девъки робя.
10. Наливай нагущу — зять будет.
Не называй килы бузырем, а боярских сеней булдырем.
На извот поросятам все полосаты.
Нет такова дружка, как матушка.
Не отсохнет голова, будет и борода.
15. Невежа и бога гневает.
Не накормлен конь — кобыла, не пожалован холоп — детина.
Не нашот кур зернышка, глотает и камешки.
Не дело в квашне бучит.
Не замай дерма, так не воняет.
20. Не диво то ж, что вошь в пироге, а у доброй жены и по две живет.
Наша денга не щербата.
Назар один слизал.
Назвался груздем — лести в кузов.
Напуск медвежей, а спуск овечей.
25. Ндрав лутче человека бывает.
Нечево говорить коле...[2]
На грешнова Макара все шишки...[3]
Ноги забил, а брюха не набил. л. 1 об.
Нага и боса, еще и без пояса.
30. Нечем чорту с...., и он кременьем дристать.

О

Обидлив да завидлив не внидет в рай.
Овин горит — господину печаль творит.
Один и у каши не спор.
Охота не в лес послать.

---

[1] непристрашна *надписано над зачеркнутым* непричастна. [2] *Окончания нет (часть текста выцвела и оборван угол листа).* [3] *Окончания нет (часть текста выцвела и оборван угол листа).*

35. О куме не жить, а без кума[4] не быть.
Овцы бы были[5] целы, а волки бы сыти.
Обрадовалъся крохе, да ломоть потерял.
О чом слеп плачиот, что рук[6] не видит.
Одна кобыла и та шолудива.
40. Опоясан мешком, да бредет пешком.
Охочой как хочот.
Ори до тины, а ешь мякины.
Около килы нечего мозгу искать.[7]
Ошибено перье, а тетеря улетела.
45. Опален бобр не носи в торг.
Один волк ганяет овец полк.
Опочил вор на рели, а мы от него упрели.
Онанья плачот, а Маланья скачот.
О том холоп не тужит, что долго служит.
50. *Овечку*[8] стригут, а другая тово же глядит.
Обед[9] у девки — пока орех у белки.
л. 2 Обличение нечестивому мозолие ему есть.
Одна корова и та комола.
Охота пуще неволи.
55. Один горюет, а два воюют.
Обидливо в поле горох да репа, завидно в мире вдова да девка.
Осердясь на блохи, да одеяло в печь.
Орех розгрысть неболшая корысть.
Оба два — ни в одном добра.
60. Одно дитя и то Фома. (Одно чадо и то чало).[10]
Ожидаем света, а удрення отпета.
Около болотца да в задния вородца.
Оглянися назад — не горит ли посад.
Основание бумага, а уток писмо.
65. Обед богу дать — вскоре исполнять.
Обедав в гостях, позвать и к себе.
Ощупал Фрол щуку середь Волги на дне.
Огласила волка мирская голка.
Обули Филю в чертовы лапти.
70. Окул бабу обул, да и Окула баба обула.
Обошол мужь жонушку дубинным корешком.

---

[4] кума *переправлено из первоначального* кумы. [5] были *надписано над строкой иным почерком.* [6] *Над* рук *(слово не зачеркнуто) надписано иным почерком* зги. [7] *Переправлено из первоначального* Около килы не мозгу искать. [8] *Начала нет (оборван угол листа); восстановлено под изд. Симони.* [9] *Начала нет (оборван угол листа); восстановлено по изд. Симони.* [10] *Скобки в рукописи.*

Обыскал себе Влас по нраву квас.
Ожил Федос, забриотчи в овиос.
Осмотря ремешка, да бежи не мешкав.
75. Опустя возжи, да бежи борже.
Один попехнул, а другой и не дохнул.
Обился, что придорожной пень.
Одна голова смеется и плачет. л. 2 об.
Одолела дворянина густая крашенина.
80. Осудари наши воля ваша: хоть на нас дрова возите, лишь не по многу кладите.
Обычай не клетка — не переставить.
Ожегся на молоке и на воду дует.
Очи добры, толко ямы одны.
Одному на всех не упакать.
85. Одно взять: либо дети водить, либо деньги копить.
Орать пашню — купить и квашню.
Основал нити шолком, а уток паутиною.
Одна голова сто голов кормит.

П

Правда избавляет от смерти.
90. Пророк не порок,[11] что он скажет, то так и будет.
При напастех [12] познавается друг.
Пешей конному не таварыщь.
По пашне и брашно.
По Сенке и шапка.
95. Пришол посол нем, принес грамоту неписану.
Прежде вопроса ответ мудро.
Попугай не пугай, а что он слышит, то он и бредит.
Пастух рад лету, а сир привету.
Потоп [13] караблю, а песок жаравлю.
100. *Печать* [14] вощаная, а клеть дощаная.
Плавать [15] по реке — в божьей руке.
Покаместа солнце взойдет, а роса глаза выбъет. л. 3
Подле пчолки в медок, а подле жучка в дермо.

---

[11] *В рукописи* Прок не пороп; *исправлено по изд. Симони.* [12] напастех *переправлено из первоначального* корыстех. [13] *В рукописи слово неразборчиво; восстановлено по изд. Симони.* [14] *Начала нет (оборван угол листа); восстановлено по изд. Симони.* [15] *Начала нет (оборван угол листа); восстановлено по изд. Симони.*

Подлинная весть, что нечево сьесть.
105. Прасол с мясом, а каша с квасом.[16]
Послышала ворона в зобу — полетела в лес.
Плетью обуха не перебить.
Похвала — мужу пагуба.
Плоха волка и телята лижут.
110. Панратья дерут ис платья.
Пьяному и море по колено.
Под лежачь и вода не идет.
Паучинной постав не овчинной кафтан.
Пить быком, слыть мужиком.
115. Попам да клопам жить добро.
Попы поют над мертвым, а камары над живым.[17]
Поп кабы поп, да лиха попадья.
Поп любит блин, а ел бы он один.
Покиня шашни принимайся за пашню.
120. Подумав с подушкою, спрошаться и с подрушкою.
Прав суд не остуда.
Появится хода, коли придет беда.
Падет на медведя жолудь и он рыкнет,
а как целой дуб — и он ни микнет.[18]
Первая песня зардевся спеть.
125. Пар костей не ломит.
Привыкай коровка ко ржаной соломке.
л. 3 об. Против кулички перепечка.
Против избушки и клетку ставят.
Поп да пиотух едчи поют и не едъчи поют.
130. Пришло ченцу к одному концу.
Полюбила Пигасья Фому, да не верит она никому.
Продают тавар з бойством, а купят назойством.
Пень при дорошке всякому повинен.
Починил строй клетку, что и собаки лазят.
135. Пьян Тит псалмы твердить.
Похваля продать, а хуля купить.
По платью встречают, а по разуму провожают.
Пир делать — пожитки ведать.
Первую уловку на волю пущай.

---

[16] *Переправлено из первоначального* Прасол с мясом, а наша всегда без каши. [17] *Переправлено из первоначального* Попы постятся над мертвым, а клопы над живым. [18] ни микнет *переправлено из первоначального* нишкнет.

140. Приехал не зван — поедь же не дран.
Первая смерть за поту места.[19]
Пришол пешь — давай езд.
По привету и ответ. (По бабе и брага).[20]
Посла ни бьют, ни бранят, только дарят.[21]
145. После немочи повалки живут.
Плохо тому жить, у ково мать ворожить.
Пошол по канун, да и сам потонул.
Пошла в клеть по масло, ин в печи погасло.
Пал не пропал, встал не устал.
150. *Поиграл*[22] дед в сурну, да попал в тюрму.
Праведного[23] мужа не одолеет нужа.
Прострелёная[24] ворона хотя за море полети.
Понеделничати — уже не бездельничати. *л. 4*
Покорные головы и мечь не сечет.
155. Прелщается Фома, как убелится кума.
Принять жене нужа, а не корится ей мужу.
Принял волк козла, уподчивал скузла.[25]
Пробить долго[26] коса — осохнет роса.
Просил осетр дождя в Волге лежа.
160. Просите — дастся, ищите — обрящете.
Прудит река — не будет греха.
Прыток без порток, бес коня в поле скачот.
Преет дед от многих бед.
Плачот Ероха не хлиобав гороха.
165. Прясть мочью, а красть ночью.
Платил долги,[27] а не минул Волги.
Пловет Фома по Волге, будет он не вдолге.
При рате железо дороже золота.
Починается бочка про доброва гостя.
170. По себе знает и нам лает.

---

[19] *Текст пословицы позже зачеркнут.* [20] *Скобки в рукописи; рядом основным почерком приписано* особая. [21] *Переправлено из первоначального* Посла ни бьют, ни бранят, ни секут, лише жалуют. [22] *Начала нет (оборван угол листа); восстановлено по изд. Симони.* [23] *Начала нет (оборван угол листа); восстановлено по изд. Симони.* [24] *Начала нет (оборван угол листа); восстановлено по Сборнику пословиц А. И. Богданова (см.: ППЗ, стр. 108).* [25] скузла *приписано рядом с зачеркнутым первоначальным* безъла. [26] долго *надписано над строкой иным почерком.* [27] долги *переправлено из первоначального* денги.

Пьянова речь, а терезвова мысль.
Пьян поет — себя тешит.
Пиво ковуро, а к носу понуро.
Повадился кувшин по воду ходить, на том[28] ему и голова положить.
175. Пьяницы царствия божия не наследят.
Пить до дна — не видать добра.
Потеряв яичко, играй жолвачком.
Прежде невода рыбы не ловят.
Пролив воду — не схапиш.
л. 4 об. По зверю и рана.
181. По Фомке шапка, по чернце клабук.
По шерсти собаке и имя дают.
Пришла беда — не гадуй.
При солнце тепло, а при государе добро.
185. Правда гневна, да богу люба.
Почитай божественное честно.
По милости по царской и сам сын боярской.[29]
Печка дрочит, а дорошка учит.
Подняв гвост, да на погост.
190. Пытки не будет, а кнута не минут.
По сытому брюху хоть обухом.
Пошли ляхи на три шахи.
Поперег [30] кобылы мехом.
Пьяному бещестье — до чарки вина.
195. Пьяному мнится — сам десят по пути.
Пьяная баба — свиньям приваба. [31]
По нуже с мужем, коли гостя нет.[32]
Пожалеть алтына — потерять полтина.
Пить много [33] пиво — сидеть криво.
200. По берду смотря не будет ли близ и он.
Пожили в нуже, да нажили хуже.
Праведен бог и в милости мног.
Палить свинья — накормить семья.
Пес не [34] вскочит, как сука не захочет.
205. *Потчу*ют [35] куму блинками, а Фому пинками.

---

[28] на том *переправлено из первоначального* тут. [29] сын боярской *переправлено из первоначального* себе Пожарской. [30] Поперег *переправлено из первоначального* Поберег. [31] приваба *переправлено из первоначального* привада. [32] *Текст пословицы позже зачеркнут.* [33] много *надписано над строкой иным почерком.* [34] *Начала нет (оборван угол листа); восстановлено по изд. Симони.* [35] *Начала нет (оборван угол листа); восстановлено по изд. Симони.*

Пропало[36] у бабы триопало.
После рати храбрых много. *л. 5*
По одиошке протягай и ношки.
Пиво добро, да мало ведро.
210. Помолчи боле — поживешь доле.
Пожилось Ермаку по два чирья на боку.
Поп попа кует, толко перстом мигает.
Пить добро, а не пить и лутче тово.
Пьян да умен — два угодья в нем.
215. Пропади корчага и з брагою.
По гузну не бивши, по гузнищу не набитца.
Прикормил калачом, а не отбить будет
и кирпичом.
Попала перепеча в печь.
Пошло было на хлебы, да соль своротила.
220. Пошол по язык, да и свой потерял.
Пошол по вяз, да и сам увяз.
Плохо около костра щепы брать.
Первых щенят за угол мечют.
По нитке и клупка доходят.
225. Подле воды омочится, подле огня
ожетца.
После дождика в четверк.
Приданое на грятке, а увечье на руке.
Плохо лежит, брюхо болит.
Поп попа наказывал, а другой усом подергивал:
я-де и сам те бакулы знаю.[37]
230. Петь собором, а есть по дворам.
Прости колпак, а шапка и так.
Покою не имею, лапти разбиваю.
По речку рубеж. *л. 5 об.*
Пьяной сказывает — решото денег, а проспитца,
ано и решета купить не на что.
235. Пригнала нужа к поганой луже.
Помилуй бог овина, а теплена велика.
Пословицы твердит, голова засвербит.
Пению время и молитве час.
По которой реке плыть, по той и славу творить.
240. Пригож лук[38] стрелами, а обед пирогами.
По земли широко, а до неба высоко.
Паче слуха видение.

---

[36] *Начала нет (оборван угол листа); восстановлено по Сборнику пословиц А. И. Богданова (см.: ППЗ, стр. 108).* [37] *Окончания нет (оборван угол листа); восстановлено по изд. Симони.* [38] лук *переправлено из первоначального* обед.

Р

Рано татарам на Русь итъти.
Рабы госпоже, что мед на ноже.
245. Рыбу ловят — подле смерти ходят.
Рыба — вода, а репа — земля, а ягоды — трава.
Репка себе полюбила чеснок.
Рак не рыба, нетопырь не птица, а пес не скот.
Рожь да пшеница годом родится, а верен друг всегда пригодится.
250. Рысь сверху пестра, а лукавой человек изнутри.
Ранняя птичка носок очищает, а поздняя глаза продирает.
Рука руку моет, а обе хотят белы быть.
Рыба рыбою сыта, а человек человеком.[39]
Резвой сам набежит, а на смирнова бог нанесет.
255. *Рад дурак*,[40] что пирог велик.
Рад бы в рай,[41] да грехи не пустят.
л. 6 Родился мал, а умер пьян.
Рад бы сердцом, да душа не примет.
Ретка с хреном, а репка с хлебом.
260. Ретивая лошадка недолго живиот.
Роса мочит по зорям, а дождь по порам.
Роса келью не пройдет, а дождь ея не пробъет.[42]
Рука руку чешет, а обе свербят.
Рано вставая поп поет, а поздо ложася вдова плачиот.
265. Родился Карп в хоромах, а взроз он в коровах.
Рад тать барану ввечеру и порану.
Ретив веку не доживает.
Риза черна преподобных честна.
Ризы черныя процветут,[43] яко цветы селныя.
270. Римская лесть, мнимая честь.
Разбойник — живой покойник.
Руном с овцы одевались отцы.
Разные догатки завернут лопатки.

---

[39] *Текст пословицы позже зачеркнут.* [40] *Начала нет (оборван угол листа); восстановлено по изд. Симони.* [41] *Начала нет (оборван угол листа); восстановлено по изд. Симони.* [42] *Текст пословицы позже зачеркнут.* [43] процветут *надписано над строкой основным почерком.*

Рычать волу коровою, заедать сено соломою.
275. Ржет конь к печали, ногою топает к погонке.
Ржи много в поле, да нам нет доли.
Рабыня катается, что дыня.
Родился на свет, не ходи ж во тму.
Робил дед деревню, а баба горшок.
280. Рделся Марко — было ему жарко.
...ум свой по плеше... (?) [44]
Рад бы сердцем, да живот что лыко. *л. 6 об.*
Ранен — двоемыслен, а убит — ужь спит.
Ров глубок, а путь в него — широк.
285. Рано солнце всходит, то ужь быть дождю.
Рад другу, да бресть к плугу.
Родивон поди вон, а Ватута сиди тута.
Рожею кувяка, да разумом [45] нимака.
Росказал безгрешно, учинил поспешно.
290. Репу да горох не сей подле дорог.
Репка обидно, а девка завидно.
Ретко сеять, лехко веять.
Рай помышлять — о душе промышлять.
Решетом воду мерять лише время терять.[46]
295. Родится на смерть, а умрет на живот.
Редка есть — отрыгается, а рыба есть не случается.
Рычать волу в поле не по своей воле.
Ржет конь на бору, хочот он ко двору.
Рыбки хочется, а в реку не скочится.
300. Ряб бело тело да в пирог залетело.
Родному батку держать догатку.
Розсыпал гость тавар да запел, что комар.
Рысь пестра, да скакать быстра.
Рука приложить и душа положить.
305. Рогом козел, а родом осел.
Рад скоморох [47] о своих домрах.
Ради бы куры на свадьбу не шли, да за крыло волокут. *л. 7*
Ребром откатится, что серебром отплатится.
Риза черная, святость мерная.
310. Римская вера что неуставная мера.

---

[44] *Текст неразборчив.* [45] *Над оставленным незачеркнутым* разумом *надписано иным почерком* мякишом. [46] *Переправлено из первоначального* Решетом воду мерять — потерять время. [47] *Начала нет (оборван угол листа); восстановлено по изд. Симони.*

Родила мама, не приняла яма.[48]
Рабу господню не подобает сваритися.
Рад бы в рай, да грехи не пустят.
Рад бы дал пирошка, да у сомова ни куска.
315. Рогошка рядная, что матушка родная.
Ремесла за плечьми не носят, а с ним лутче.
Рыба ищет, где глубже, а человек — где лутче.
Родился наг, пропади и с платьем.
Розиня розтяпе в рот заехал.
320. Рука руке вредитель, а нога ноге хранитель.

С

Старых людей пословицы — не мимо дела.
Свой ум — царь в голове.
Страшен сон, да милостив бог.
Своя голова дороже живота.
325. Свой своему поневоле друг.
(Свой брат полоса мяса).[49]
Слово поспешен, скоро потешен.
Считают бражники частыя праздники.
Стрельба любит хвальбу.[50]
330. Свадьба без див не бывает.
(С бабою не жить — без ... не быть).[51]
Сваты с правдою не ездят.
Стояньем города не взять.
Сам на себе портки дерет.
335. Сахаром во уста, винорадьем к сердцу.
Сидиш ты с краю быть в...[52].
л. 7 об. Спасибо кувшыну, что розмыкал кручину.
Спать долго — быть в долгу.[53]
Смирение — человеку *ожерелие*.[54]
340. Сова о сове, а всяк о себе.
Сорока лет сорома нет.
Серцу веселящуся лице цветет.
Солнце сияет на злыя и на благия.

---

[48] *Переправлено из первоначального* Родила мама, не зинула яма. [49] *Скобки в рукописи.* [50] хвальбу *переправлено из первоначального* похвальбу. [51] *Скобки в рукописи; часть текста неразборчива.* [52] *Окончание выцвело.* [53] *На поле около этой строки приписано* зри долго. [54] *В рукописи* ожерее, *исправлено по изд. Симони.*

Суд царев — суд божий.
345. Слепец слепцом ведутся, оба в яму впадут.
С сильным не борись, з богатым не тяжись.
Смерть мужу — покой.
Себе спал, себе и встал.
С разумом жить — лише тешиться.
350. Смерть страшат, а грех вовеки мучит.
Совет — свет, а несовет — тма.
Сухая лошка род дерот.
Сердитая собака — волку корысть.
С чюжова коня серед грязи долой.
355. Соловья басни не кормят.
Старой долг за нахотки место.
Собаку моклоком, а то ей и по зубум.
Сват-сват, а не сват ин доброй человек.
Смелство лутче багатырства.[55]
360. Собою цены не уставить.
*Скрыпу*чее [56] древо стоит, а здоровое упадет.
Сила и [57] закон преступает.
...[58] сладка жених прислал, слаще того сам привезет.
...[59] рука богу судить.
365. Строй скомороху не таварищ. *л. 8*
Светил бы мне месяц, а звезды и около обойду.
Сени косые, а люди босые.
Стреляй в куст, а виноватово бог сыщет.
С угорелою головою в чад не мечися.
370. Снова и лошка красна.
Собака лает, а ветр носит.
Сеть мужу крепка — свои устне.
Се гражданом лишеный разумом.
Светилник есть телу око.
375. Сыт голоду не разумеет.
Сорока даром не щекочет.
Со лжи люди не мрут, а впредь веры не имут.
С верою лучинка — о чом не свечка.

---

[55] багатырства *переправлено из какого-то другого слова* (багатства?)
[56] *Начала нет (оборван угол листа); восстановлено по изд. Симони.*
[57] *Начала нет (оборван угол листа);* восстановлено *по изд. Симони.*
[58] *Начала нет (оборван угол листа).* [59] *Начала нет (оборван угол листа).*

Сокол лебедя летая бьет, а ворона сидя жабу рвет.
380. Скаска — складка, а песня — быль.
Сова спит, а куры видит.
Сиди криво, а суди прямо.
Страшные места бог переносит.
Спорынья в квашню, а тесто в шляпу.
385. Серце соколье, а смельство воронье.
Сердит пес *провожает*[60] волка в лес.
Силну мужу мечь не в нужу.
Сырость ветра приносит дождь.
Сито часто пироги чинит ретки.
390. Сахар сеют, а не веют, железо веют, а не сеют.
Свинопас и рубашку пропас.
Сава большая слава.
С одного вола по две кожи не дерут.
Сидишь ты во середке...[61]
л. 8 об. 395. Сколко волка ни корми, а он к лесу глядит.
С похмелья з голоду розломило голову.
Сколко воскресеней, толко и новоселей.
Соп. Скрябин. (Секой ты, Яким, потолкитъко ты мякин).[62]
Сито так, а решето даром.
400. Смечал чорт лес, да помешал ему бес.
Смотрит слеп в окошко — много ли в день звезд.
Смутил чорт брак, а сам в буярак.
Стоит кум, збирая свой ум.
Сперва не прытко, а там и тише.
405. Собою жить — собою и слыть.
Сова смешит, а саван страшит.
Серцо кручинное, что сало ветчинное.
Сад красен плодом,[63] а лоза виноградом.
Стройно молодец ходит, женитца хочет.
410. Старова чорта да поднял бес.
Старую собаку не батком звать.
Старую погутку на новой лад.
Самолюб всякому не люб.
С соком пирожок матка бережот.

---

[60] *В рукописи* правова ждет; *исправлено по изд. Симони.* [61] *Окончание выцвело.* [62] *Скобки в рукописи; на поле около этой строки приписано основным почерком* особая. [63] плодом *переправлено из первоначального* огородом.

415. Сон в кручине, что карабль в пучине.
Сено семерых сьело.
Сметанку любить — коровку кормить.
Спор не бывает, кто сам что видает.
Со[64] ста дворов стадо коров.
420. *Сукно*[65] избирай цветом, а друга приветом.
Семьею[66] горох молотят.
...то ему радеет, а брат брату...[67]
Слово доброе паче даяния многова. л. 9
Свита чорна, да воля своя.
425. Свита чорная, мысль горняя.
Семью примерять, одинова прирезать.
Слово не стрела, а пуще и стрелы.
Старые немощи трудно лечит.
Сватонье — хвастонье.
430. Сыт понамарь и попу подает.
Сеют начаяся, а веют надеяся.
Скоморошья примета, что в пир без привета.
Сыр да яица да вина скляница.
Скрипит, что руская телега.
435. Свое выкупая, печаль имут с радостию.
Сказывать будет седчи да етчи.
Смехи да хихи вводят в грехи.
Свинья под заходом с своим обиходом.
Спрошал бы гуся не зябут ли ноги.
440. Самъсон — сам сиом.
Соли дед щти, а хлеба жди.
Сахар значит лесть, а саван кажет смерть.
Семера на уме как нет на гумне.[68]
Сеяй скупостию, пожнет *скудостию*.[69]
445. Смердом слыть не хочется, а дворянином жить не можется.
Сидеть у брашки смирненько, позовут и к пиву.
Сурово зелье хрен да ретка.
Сухарики сушат, на службу спешат.
Славен бубен за горами, а к нам придет — что лукошко.

---

[64] *Начала нет (оборван угол листа); восстановлено по изд. Симони.* [65] *Начала нет (оборван угол листа); восстановлено по изд. Симони.* [66] *Начала нет (оборван угол листа); восстановлено по Сборнику пословиц бывш. Петровской галереи (см.: ППЗ, стр. 34).* [67] *Начала нет (оборван угол листа); окончание неразборчиво.* [68] *Переправлено из первоначального* Семера на уме, коли лед на гумне. [69] скудостию *восстановлено по изд. Симони; в рукописи неразборчиво.*

450. Сама себя роба бьет, что не чисто жнет.
Сидиш ты на конце, быть тебе на копье.
л. 9 об. Собака лает, а владыка едет.
Свои собаки грызутся, а чюжая не приставай.
Сорок постел не сорок гостей.
455. Сеян лион у семи Олион.
Саму осму понять, на себя будет пенят.
Сем в тебе душ, да не в одной пути нет.
Свой землянин на чужой стороне.
Своя ноша не тянет и поту не канет.
460. С людми и смерть красна.
Сам себе ворог, что без денег в город.
Старой старик лутче семерых молодых.
Свой с своим дерется, а чюжой не приставай.
Стрела в друге, что во пни.
465. Сняв голову да над волосами плачот.
Спрашивают Варвару на розправу.
Сетчи на конь да поехал в огонь.
Старой друг лутче новых двух.
Савелья ламает с похмелья.
470. Свинья не родит бобрионка, всегда — поросионка.
Скуп себе добра хочот.
Сердито не збойливо, а упрямо не вежливо.
Сыт конь шарашится, а голоден спотычется.

Т

Тем море не погано, что псы налокали.
475. Тепло, тепло, а не лето.
Товар полюбитца, кум роступитца.
Товар не медвед, всех денех не сьест.
Ты детина, а и я не мекина.
Ты барин, а и я не татарин.
л. 10 480. Тюк по ремень.
Ты за пирог, а[70] чорт попериог.
Трои челом лутче матернава слова.
Топится, что у князя, а варится, что у строя

---

[70] а *переправлено из первоначального* а он.

Ты, земля, трясися, а мы за колье
держимся.
485. Тем же салом да по тем же ранам.
Ты за хрен, а хрен за тебя.
Теля умерло — хлеба прибыло.
Тужить по молодости,
что по волости.

У

У бога дней много, а все впереди.
490. У страха глаза велики.
У ково покрали, у нас — выняли.
У семи мамок дитя без глазу.
У всякова Павла своя правда.
У парня догатки, а у девки смысл.
495. У ково коня нет, тот ходи пешь.
Убогому робята, а богатому телята.
У пьянова басней не переслушать.
У одное овечки да семь пастухов.
У Фили пили да Филю же били.
500. У ково сердце гнило, а у нас изныло.
У друга пить воду лутче неприятельска меду.
У худа ума не болозе ногам.
У старова ужь не по-старому.
Уплыли м... по внешней воде.
505. Улита едет, коли то будет. л. 10 об.
Ум добр, а два и лутче тово.
У всякова Фомки не без помхи.
Утро вечера мудренее.
Удастъся — квас, а не удастся — *кислые*[71]
шти.
510. У тебя борода, а и я не робя.
У Николы две школы: азбуки учат да
кануны твердят.
У нашева князя по велик день мяса.
У горькова бартника и мед горек.
У Спаса не без запасу.
515. Ушми слушать, а усты кушать, а очам
дурам воли не давай.
Упится бедами, опохмелятся слезами.
У молотца не без золотца.
Умыкали бурка крутые горки.
Умной что глупой[72] — всяк ево боится.

---

[71] *В рукописи* килислые. [72] *В изд. Симони* губной.

520. Умному брань, что глупому дрань.
У ково прося пропало, у тово и в ушах вижжит.
Удастъся голубец — не надобе дубец.[73]
У бога не решето дней.
У Макара лишь возгрей пара.
525. Урвалас баба с печи, да хватай перепечи.
У рака мочь в клешне, а у богатова в мошне.
У добра всегда ноги кривы.
Удица крива, да рыбыца пряма.
Ум говорит — посидим, а хмель говорит — попьем да пойдем, а безумье говорит — дождемся побой да вместе пойдем домой.
л. 11 530. Уходили телятко что ни микнуло.
Умом наживают, а безумьем и старое теряют.
Удача кляча — лише скачи да кричи.
Упал дед с печи, не видаючи встречи.
Убог камени не гложет, а богат золота не глотает.
535. Уда сребряна волочот со дна моря рыбу.
Ударил лицем своим в грясь, хотя и князь.
Ужом вится, гужом рватца.
Умре Адам, быть там и нам.
Упилась баба воды, да делает беды.
540. Учатся лсти, а в радости и сама выростет.
Убог рад киселю, а богатому и злато в горло не идет.
Узнала свинья свое порося.
Ум непостоянен, а человек окаянен.
Узолок да памятца, то дела станетцо.
545. Убил бог лето мухами.
У сыра дуба у сука привязана сука.
У ково пропало, тому болши грех.
Умной на суд не ходит, а глупой с суда не сходит.
Упрямился умереть, надобе сперcharacters сперeть.
550. У гола гол голик.
У Яковца два ястряпца: *один*[74] овцы ловит, а другой яловицы.
Украл бы рышка, да лиха отрышка.
Узок путь зимою, а жидок путь водою.
У меня з сусед с кола... (?).[75]

---

[73] *Переправлено из первоначального* Удастъся молодец — не надобе и дубец. [74] *В рукописи* удин. [75] *Текст неразборчив.*

555. У хотенья живет терпенье.
Умен, что Надеин Семен: на волынъку насад променял. *л. 11 об*
У притчи и на коне не уйти.
У *кольца*[76] не сыщешь конца.
Учи жену да детей без людей.
560. У вора заечье сердце: и спит и боится.
Ум говорит — пора итти домой, а хмель говорит — дождемся побой да вместе и домой.
У сивого коня воловая хода.
Умывайся мылом, не поддавайся злыдням.
Учен жену бьет, а потворен матерь.[77]
565. У старца в келье чем бог послал.
У бога всего много, все блиско.
У бабы волосы долги, да ум короток.
Успеть в красне и в хороше находится было бы в чем.
Удалую ставить, а беглую не забывать.
570. У всякова молотца своя ухватка.
Утопшей пить не просит.
У людей и ножь не режет, а у него и шило бреет.
Умерло теля — минулося племя.

Ф

Филимон поет нефимон.
575. Фарба прелщает очи до вечныя ночи.
Фараону мухи в великия муки.
Фавор гора паче света была.
Фоку твердит сорока.
Философство хоть ужьжо на посольство.
580. Фатка бывал дятка, а ныне стал псарь. *л. 12*
Фараон из кореты вон.
Фома не купит ума.
Фофан с толокном стоит под окном.
Фетка горек, что ретка.
585. Фома — болшая крома.
Фоку да Якова и сорока знает.
Фонарь да понамарь свечами пригожи.
Фетку поносить, что ретки укусить.
Февраль богат снегом, апрель — водою.
590. Федос любит принос.
Фита неславна, а вещь она славна.

---

76 *В рукописи* конца. 77 *Переправлено из первоначального* Учен жену бьет, а дрочен матушку.

X

Храбрых в тюрме, а мудрых на кабаке, а глупых искать в попех.[78]
Хвали[79] другу чюжую сторону, а сам в нее ни по ногу.
Хто чем играет, тот тем и зашибется.
595. Хут мужь в могилу, а добрая жена по дворам.
Хотя бы в Орде, только бы в добре.
Холщовая рубашка — не нагота, а невейная крома[80] — не голод.
Ходит круг бочки, а руки в воронке.
Хто добр, тому и бобр, а хто не добр, тому и выдры нет.
600. Хлеб-соль вместе, а рыба вдел.
Х л е б а к р а й, т а к и п о д е л ь ю р а й.
Х о р о ш т ы с е з е м, с п е ч и в ж... с в е з е н.
л. 12 об. Хто не сиживал на коне, тот не бывал и под конем.
Хто ожжется на молоке, тот и на воду дует.
605. Хто ездит тихо, тот дале будет.
Хлеб сердце человеку укрепит, а вино взвеселит.
Хваля книги не имемся, а хуля пиво не лишимся.
Х коже ума не пришить и гвоздем ево не прибить.
Хлопот полон рот, а перекусить нечево.
610. Хлеб да капуста лихова не попустит.
Хотя сосна середь поля стоит, да х тому же бору шумит.
Хто дорогою не хаживал, тот добра коня не жалует.
Хто живет скуп, у тово сален пуп.
Хто ково смога, тот тово и в рога.
615. Хто у нас обедает, тот про нас и ведает, а хто у нас не обедает, тот про нас и не ведает.[81]
Худое порося и в Петров пост озябает.
Хто ворожит — себе боложит.
Хто бабе не внук.

---

[78] А глупых искать в попех *позже зачеркнуто*. [79] Хвали *переправлено из первоначального* хвалит. [80] *Слова* невейная крома *надписаны над зачеркнутыми первоначальными* посконная каша. [81] а хто у нас не обедает, тот про нас и не ведает *приписано позже*.

Хто во што гаразд, тот в то и играет.[82]
620. Хошь чорта впряги[83] — ин не тянет.
Ходит он ребром, не знается з гольем.
Хорошо друг плавает, что и пупыря вспрядывают.
Хто находит, тот и теряет.
Хомут хут, дуга тонка, о всем тоска.
625. Хотением побежден, огнем распален.
Хотел бес Евву ногами затоптать, а уж ея и руками не достать.
Хараша милушка, да без вьюшки.
Хорошо жить попам, да дьякам, да пустым дуракам. *л. 13*
Ходила лиса курят красть, да попала в пасть.
630. Харитон свиньям притон.
Хуля бога лишится многа.
Хваля Бога не погибнет, а хуля не воскреснет.
Хороша дорошка с волошкою.
Харя трусит дехтем.
635. Храбр побивает и своих избавляет.
Храброму смерть пред очима.
Хрептом гоняя недруга достал.
Хижа своя лутче каменных чужих.
Христос всио видит, кто ково обидит.
640. Хозяин за таваром, а бог за накладом.
Ходил Христос по земле, а человек по небу.
Холм высок, а всио песок — без потков не взойдешь.
Хто чему позавидит, тот тому и поработает.
Хозовые сапоги на ольховые ношки.
645. Хто чево ищет, тот то и обрящет.
Холоп да жена да третьяя земля дворяном болна.
Хорошо б на знакоме и коровка купить.
Хотел купить село, да взложил себе сило.
Ходила баба моря зажигать, моря не зажгла, а ослоту явила.
650. Хотя дитя криво, а отцу матери мило.
Хлеб с солью не бранится.
Ходит, что савраз без узды.

---

[82] в то и играет *переправлено из первоначального* тем и промышляет. [83] впряги *переправлено из первоначального* тяни.

Хотел я говеть, ин стало брюхо болеть.

Хто слезам потачит, тот сам век плачет.

655. Хто девицу розхулит, того

л.13 об. богородица и разсудит.

Хто вдову изобидит, того бог ненавидит.

Ходит, что бык круг Савина огорода.

Холостой — простой, а женатой — рогатой, вдовец — что зяблец.

Хто в деле, тот и в ответе.

660. Хвястает тысящию, а тма в очах.

Хотя коровка избыть, а сериошки купить.

Хотя свита черна, толко воля своя.

Хто чем промышляет, то и вымышляет.

Хлебал мужь ушьку, да потерял душку.

665. Ходя по могилам, махать будет кадилом.

Ходить по льду — покользнутся.

Хотелося винца, да страх дубца.

Ходил бес высоко, да оборвалъся глубоко.[84]

Хлеб-соль совершенство [85] обеда.

670. Хотелось постричься, да вздумалось [86] женится.

Худ не добр свой, не бей ево при мне.

Хвост Фоме залупили, да ... прилепили.

Хвощь — деревенской овощь.

Харитон с Москвы прибежал с вестьми.

675. Хата ослопьем богата.

Хто пировать, а мы горевать.

Хорошо попам да поповичам: дураками их зовут да пирогами им дают.

Хваля другу невесту, а сам к ней [87] к месту.

Холопей ответ — бутто ничево нет.[87a]

680. Хорошо ожерелье на тульское дело — в три молота стегано.

Хто холост долко ходит, тот здоровея бывает.

л. 14 От чиста сердца чисто зрят очи.

Отшетилъся так спиною, как великою мздою.

---

[84] *Переправлено из первоначального* Ходил чорт за облаками, да оборвалъся. [85] совершенство *переправлено из первоначального* конец. [86] вздумалось *переправлено из первоначального* захотелася. [87] *Слова* к ней *вписаны позже.* [87a] нет *переправлено из первоначального* есть.

Отщепилас треска от леторасли.
685. Отеческой сын и з гляденья сыт.
Отсыпалъся спиною, что рожею.
От берегу отстал, а г другому не пристал.
От добра добра не ищут.
От искры сыр бор загорается.
690. Отсеки ту руку прочь, которая себе добра не хочот.
От чево родилъся, тем и победилъся.
От худые птицы худые и песни.
От козла ни молока, ни шерсти.

Ц

Царя не всяк видит, а всяк за нево бога молит.
695. Царево серцо в руце божии.
Царю служить, о домех не тужит.
Цвет в поле, человек в воле.
Цена уставит, а село преставит.
Целба пьяному — спать доволно.
700. Цена блуднице печонаго хлеба.
Цветное платье в болшое место несет.
Цветное платье на плеча, а добрая мысль к сердцу.
Цата славна, шестая часть копейки.
Цветет старость сединою, а овощь ему — смерть.
705. Царь Давыд не велел тужить, велел деньги заимовать да долг платить.
Целение грешнику — покаяние верное. *л. 14 об.*
Целбоносное зелие дарование велие.
Целба пьянице на столе в склянице.
Царь птицам орел, да боится сокола.
710. Царь лев зверям не ложен и верен.
Царь туръской противник руской.[88]
Царъствует ум головою.
Царевы слуги не жалеют ноги.
Царю предстояти себе зазирати.
715. Царь благими воеводы смиряет мира[89] незгоды.
Цело стадо пастырю радость.
Цветии апостоли, процветоша в тернии.

---

[88] *Текст пословицы позже зачеркнут.* [89] *Слово* мира *позже зачеркнуто.*

Цминтарь видя — вздохнуть.
Целовал ворон куръку до последнева перышка.
720. Целование татарское — назад руки да здрав буди.
Цюци да вяци, то твои[90] и речи.
Цвяк на пол четвертак.[91]

Ч

Человек яко трава: дние его яко сень преходят.
Что не родится, то и не умрет.
725. Честна милостыня во время скудости.
Человек убог — что конь без ног.
Чорта крести, а он в воду лезет·

---

[90] твои *переправлено из первоначального* мои. [91] четвертак *переправлено из первоначального* цетвертак.

А. И. Копанев

ПИНЕЖСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ XVII в.

Публикуемый памятник мы называем Пинежским летописцем не только потому, что он найден в 1969 г. на Пинеге,[1] но и потому, что он создан был, вероятно, здесь же в середине XVII в.

Рукопись, в которой находится Пинежский летописец, представляет собой сборник XVII в., написанный разными почерками и включающий, кроме летописца, Хождение игумена Даниила (лл. 1—4, 7—9, 30—34), Хождение Трифона Коробейникова (лл. 123 об.—170 об.) и мелкие литературные произведения: покаяние (л. 5), плач Адама о рае (л. 5 об.), краткие выписки по истории России (лл. 6 об., 6), слово о немилостивых князех (лл. 34 об.—35), слово о наказании чаду (лл. 35 об.—36). На лл. 36 об. и 123 соответственно две записи, относящиеся к Пинеге: 1) о грозе 28 июля 1667 г. и 2) о размере государственных платежей с волости Марьиной горы в 1661 г. Листы летописца, перебитые при переплете в начальной части, должны идти в следующем порядке: 39—39 об., 37—38 об., 10—29 об., 40—122 об.

Если сопоставить порядок размещения материалов в сборнике с почерками, которыми написан он, то мы можем получить некоторые данные об изготовлении рукописи. Оказывается, основная часть рукописи, с л. 40 и до л. 170 об., написана одним почерком, который отличается от почерков (трех) первых 39 листов и двух последних. Создается впечатление, что листы, написанные неосновным почерком, добавлены к рукописи. Это впечатление подкрепляется записью, начинающейся с л. 40 (т. е. первого листа основного почерка), которая гласит: «170 году марта в 20 день продал Нехорошко сыну Федору, а взял восемь алтын». Выходит, 20 марта 1662 г. рукопись сменила владельца, перешла от отца к сыну. Так как записи о продаже пишутся обычно с первого

---

[1] Рукопись была обнаружена в июле 1969 г. Археографической экспедицией Ленинградского университета под руководством Н. С. Демковой и передана в качестве дара Пушкинскому дому 76-летним Михаилом Артемьевичем Куниковым, жителем дер. Засурье Сурского сельсовета Пинежского района Архангельской области. Сейчас она находится в Пинежском собрании Отдела древнерусских рукописей Пушкинского дома под № 440.

листа продаваемой рукописи, то можно полагать, что 20 марта был продан не весь теперешний сборник, а лишь часть его — листы 40—170, содержащие летописец без начала и Хождение Трифона Коробейникова. Время написания рукописи основного почерка устанавливается вполне определенно по записи о платежах, падавших на волость Марьину гору «на нынешной на 169 год» (т. е. на 1661 г.), сделанной основным почерком и помещенной на л. 123.[2] Для писца рукописи годом «нынешним» был 1661 г., а следовательно, этот год и есть год написания основной части нашего сборника. Заметим, что писцом рукописи был, несомненно, пинежанин, возможно житель волости Марьиной горы, судя по его интересу к этой волости.

Добавочные листы сборника[3] были изготовлены, видимо, новыми владельцами рукописи: Федором, который упомянут в цитированной записи 1662 г., или его сыновьями. Пребывание сборника (в настоящем его виде) в этой семье подтверждается записью на л. 36 (вероятно, конца XVII в.), которая гласит: «Сея книга Антонка да Стенки Федоровых детей Поповых Кевроьского стана». Стефанко Федоров как владелец рукописи назван также и в записи на л. 29 об. Итак, из приведенных записей можно заключить, что по крайней мере три поколения пинежской семьи Поповых имели отношение к сборнику.[4] При деде Нехорошко рукопись была изготовлена, а его сын или внук озаботились, как сказано выше, восстановлением утраченных листов и внесением дополнений. На чем же мы основываемся, предполагая это? Во-первых, на том, что сборник, перейдя от Нехорошко к сыну, был обогащен очень интересной записью о грозе, пронесшейся над Пинегой 28 июля 1667 г., и, во-вторых, на сходстве почерка этой записи о грозе с почерком некоторых дополнительных листов с текстом летописца. Достоверность записи о грозе не вызывает сомнений, хотя бы потому, что «день недельный» (т. е. воскресенье), когда была гроза, действительно падает в 1667 г. на 28 июля.[5] Существует на Пинеге и селение Кушко-

---

[2] Приводим ее полностью: «Выписка с книг, что доведется с волости Марьины горы государевых данных и оброчных денег на нынешной на 169 год и в прошлые годы данных и оброчных денег 32 рубли 28 алтын пол 4 деньги. За стрелецкие хлебные запасы 26 рублей 20 алтын пол 6 деньги. На окуп полонеником 7 алтын 2 деньги. За конскую пошлину 12 алтын. За лавельскую пустоту рубль 5 алтын 4 деньги».

[3] На добавочные листы была использована другая бумага. Если в рукописи основного почерка одна филигрань — шут искаженного рисунка, то на добавочных листах этой филиграни совершенно нет; судя по сохранившимся частям их, филиграни здесь другие.

[4] В. И. Малышев считает библиотеку крестьян Поповых интереснейшим явлением истории культуры Севера; по его сообщению, в Пинежском собрании хранится более 40 рукописей, принадлежащих этой семье.

[5] Пасха в 1667 г. приходилась на 7 апреля.

палы,[6] упомянутое в записи.[7] Запись о таком событии, как гроза, могла быть занесена на листы сборника сразу же после его совершения, т. е. в том же 1667 г., и, конечно, она могла быть занесена только владельцами сборника. Исходя, следовательно, из этой записи, мы вправе говорить, что в семье Поповых не только хранили рукописи, но и дополняли их. Как видим, летописец дополнялся описаниями местных событий. Но запись о грозе дает возможность выяснить и происхождение дополнительных листов. Сходство почерка, которым сделана запись, с почерком ряда дополнительных листов показывает, что они были написаны также владельцами рукописи — Поповыми. Несомненно, что этот вывод может быть распространен и на те дополнительные листы, которые написаны другими почерками.

Итак, дополнительные листы могли быть написаны между 1661 г., годом изготовления основной рукописи, и 1667 г., годом записи о грозе. Хронологическая близость создания обеих частей сборника подчеркивается еще тем обстоятельством, что среди добавочных листов имеются два листа, написанные основным почерком (лл. 5—6). При этом на одном из листов (л. 6 об.) написан конспект нашего летописца — хронология отдельных событий от крещения Руси в 6496 г. до восшествия на престол царя Михаила Федоровича. Среди событий указан поход пинежан в Мангазею. Отметим, что наличие такого краткого конспекта, сделанного писцом основной рукописи, может быть ради заучивания основных исторических дат, говорит о широких интересах семьи Поповых. Эти два листка, уцелевшие из начальной части рукописи, были позднее произвольно приплетены к рукописи среди дополнительных листов.

Так, на наш взгляд, возникли те дополнительные листы, которые находятся в начале нашего сборника в сбитом порядке. Интересующий нас текст летописца из-за спутанных листов перебивается текстами других памятников, но легко восстанавливается.[8] На дополнительных листах его текст, начинаясь сказанием об Андрее Первозванном, доводится до правления Ярослава и оканчивается на л. 29 об. на полуслове — сообщением о приходе

---

[6] См.: Список населенных мест Российской империи. Архангельская губерния. СПб., 1861, стр. 58.

[7] Приводим эту запись полностью: «Лета 7175-го июля в 28 день, в день недельный, после полудни божиим судом гром и молния и дождю многу бывшу, яко струя по улицам быстрина течет, всякие ляшки полны воды. И убило человека в Кушкопалы именем Деонисия, рекомый Григорьев. Сошлось две тучи со востоку да со запада, аки нощ, как дождь шел. А хлеб был в ядре, просвиры того дни новые, а на другой день жать стали по всем дням».

[8] На дополнительных листах с текстом летописца имеется буквенная пагинация с «а» до «ка» (т. е. с 1 по 21), но произведена она была уже после переплета рукописи, о чем можно заключить по обратным отпечаткам букв нумерации на противоположных листах.

к князю Антония: «и приде к нему вели». Продолжение слова читаем уже на л. 40, т. е. на первом листе основной рукописи летописца. Такая тесная спайка текста на дополнительных листах с текстом основной рукописи показывает, с какой точностью стремились Поповы восстановить начальную часть летописца.

Что же послужило им источником для восстановления? На этот вопрос мы также, кажется, имеем ответ. Дело в том, что в Государственном Историческом музее (под шифром — Муз. № 3996) хранится еще один сборник, в котором находится летописец, аналогичный нашему летописцу. Летописец в этом сборнике (лл. 160—273) начинается с того же сказания об апостоле Андрее, что и наш, в нем находятся те же литературные повести, что и в нашем. Для нас существенно также и то, что сборник происходит с Пинеги и, вероятно, принадлежал той же семье Поповых. Это подтверждается записями на сборнике ГИМ; одна, XIX в., гласит: «Сия книга глаголемая Пинеской округи, Карпогорской волости, Черногорского селения крестьянина Афанасия Тораканова»; вторая, XVII в.: «Сия книга глаголемая Марьи Нехорошего дочери, Оврамовской жене Тораканова».[9] Из приведенных записей мы видим, что сборник в XIX в. находился на Пинеге в Карпогорской волости у одного из Тоpокановых, попал же он в эту семью, согласно другой записи, еще в XVII в. в качестве владения Марии, дочери «Нехорошего», вышедшей замуж за Авраамия Тороканова. Вряд ли можно сомневаться, что отец Марьи и Нехорошко, продавший нашу рукопись в 1662 г., одно и то же лицо. Об этом говорит и имя, и хронологическое и географическое совпадение обеих записей. Следовательно, у Нехорошко кроме сына Федора была еще дочь Мария, которая также получила от отца рукопись. В ней оказался тот же летописец, что и в рукописи Федора.

Мы полагаем, что Федор, получив от отца летописец с утраченными первыми листами, восстановил их на основе рукописи своей сестры. Это предположение может быть обосновано следующими соображениями. При сличении нашего летописца во всем объеме с летописцем в сборнике ГИМ очевидно, что они представляют две редакции. Однако текст, находящийся на вставных листах нашего сборника, почти полностью совпадает с текстом первых листов сборника ГИМ. Писец вставных листов или дословно следует за текстом, или иногда сокращает его. Впрочем, сокращения, как правило, небольшие (опускается, например, слово «река» при названии ее, сокращаются повторения, без которых текст не теряет ясности, и т. д.); лишь в рассказе о крещении Руси сокращения более значительны — опущены повествование о низвержении идолов в Киеве, о строительстве церквей и монастырей и общая похвала Владимиру, но цельность рассказа при этом сохраняется.

---

[9] В книге М. А. Салминой «Повести о начале Москвы» (изд. «Наука», М.—Л., 1964, стр. 83) первая запись цитируется неточно.

Искажения текста (например, в рассказе о кресте, который якобы Ольга поставила в церкви Софии) редки. Все сказанное позволяет предполагать, что рукопись ГИМ была в руках писца при изготовлении дополнительных листов нашего сборника. Правда, в тексте летописца, находящемся на вставных листах, есть небольшие добавления (похвала апостолу Андрею, перечень русских епископий), которые взяты писцом из какого-то другого источника, так как их нет в сборнике ГИМ, но такие добавления немногочисленны. Чтобы закончить вопрос о дополнительных листках, отметим, что один или два первых листа утрачены; этим объясняется, что текст летописца в нашем сборнике начинается с полуфразы.[10]

Выше мы отметили, что имеющиеся в нашем распоряжении два списка летописца[11] представляют собой две редакции его. Попытаемся указать главные отличия этих редакций и их последовательность. Главные отличия состоят в следующем: летописец в сборнике ГИМ доводится до 1583 г., в нашем сборнике — до 1613 г.; в сборнике ГИМ, как правило, известия излагаются более подробно, чем в нашем; литературные повести, включенные в наш летописец и в сборник ГИМ (сказания о начале Москвы и о завоевании Сибири Ермаком), относятся к разным редакциям.[12] Приме-

---

[10] Приводим здесь начальный текст летописца по рукописи ГИМ: «Егда же повеле господь бог своим ученикoм и апостолом просвещати во вся языки, во тьме неведения седящим, и крестити их во имя отца и сына и святого духа по всем странам от конец и до конец землям: овем же восточныя концам, овем же западныя и северныя страны проходить и южныя страны, исполняюще заповеди божия. Тогда же святой апостол Андрей, один сый от двою на десять числа полка ученик Христовых, брат Петра, верховного апостола, от Ерусалима в Синопию приде, и от Синопии в Херсон, и от Херсона прииде в Корсунь град и слышав, яко есть устье Днепрьское и льзе есть оттуду отити в Рим, и восхоте поити святый».

[11] Д. Н. Альшиц, публикуя повесть о купце Белоулине (см. его статью «Древнерусская повесть про царя Ивана Васильевича и купца Харитона Белоулина»: ТОДРЛ, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 255—271), указал еще 2 списка летописца, на наш взгляд аналогичных нашему, от которых сохранились отрывки. Первый отрывок — 16 листков, в 8°, конца XVII—начала XVIII в. (ГПБ, КП. 1958. 217), на которых кроме повести о купце Белоулине читаются рассказ о завоевании Сибири и начальная часть сказания Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря, причем все три памятника почти полностью совпадают с соответствующим текстом нашего летописца. Второй отрывок — тетрадь, в 4°, XVIII в., вшитая в сборник XVII в. (ГПБ, Q. XVII. 252), в которой находятся «Сказание о начале Москвы» (опубликовано М. А. Салминой), рассказ о казнях в Новгороде и в Вологде, повесть о купце Белоулине и другие тексты, с небольшими разночтениями совпадающие с текстом нашего летописца. Если учесть, что оба отрывка извлечены из каких-то целых рукописей (на первом отрывке сохранилась даже старая нумерация — лл. 74, 86, 89), то можно предполагать о наличии в этих рукописях полных списков нашего летописца. Примечательно, что обе рукописи, как и наша, связаны с Севером. Отрывок в 16 листков поступил из Пустозерска, а на сборнике Q. XVII. 252 имеются записи читателей из Керети, Ковды, Архангельска, т. е. из областей Поморья.

[12] «Сказание о начале Москвы» по сборнику ГИМ опубликовано М. А. Салминой (М. А. Салмина. Повести о начале Москвы.

чательной чертой летописца в нашем сборнике является наличие в нем известий о событиях на Русском Севере, и еще у́же — в районе Пинеги. Так, под 1532/33 г. помещено краткое житие Артемия Веркольского, святого Пинежского края (л. 59 об.); под 1596/97 г. говорится о первой разведке Мангазеи усть-цылемцем Долгушиным, каким-то литовским пленником и пинежанином Смирным,[13] причем летописец уточняет, что Смирный был лявельцем, т. е. происходил из определенной местности Пинеги (л. 76 об.). Говоря о тяжелом 1601 годе, летописец подчеркивает особенности природных условий в Поморье: «а в Поморье безмерным мразом во всю вселенную <хлеб> иззябл» (л. 82). Даже уникальное сообщение летописца об издании Судебника 1550 г. (ни в одной летописи этого известия нет) сформулировано в нашей рукописи применительно к условиям Севера. Царь якобы повелел по нему судить всяким судьям, в том числе «земским судьям». Земские же судьи впервые были введены именно на Пинеге (в трех волостях) и именно на Пинегу был послан список Судебника.[14] Характерно, что в сборнике ГИМ известие об издании Судебника 1550 г. совсем не упоминает земских судей.[15] В соответствии с вводной частью к Судебнику 1550 г. здесь говорится, что суд на местах вершили наместники, волостели и тиуны. В нашей рукописи все эти должностные лица опущены и названы лишь земские судьи. Совершенно очевидно, что текст в нашем сборнике является результатом переработки текста записи, сохраненного в рукописи ГИМ.

Указанные различия двух редакций летописца решают, на наш взгляд, вопрос о соотношении их. Бесспорно, что редакция летописца в сборнике ГИМ является первоначальной, редакция нашего сборника — второй. Составитель второй редакции сократил первую

стр. 199—212). «Сказание» в редакции нашего сборника напечатано там же по трем спискам, два из которых находятся в Праге, один в ГПБ (Q. XVII. 252). М. А. Салмина назвала эту редакцию третьим видом «Сказания» (там же, стр. 231—236).

[13] Это известие встречается только здесь. В исторической литературе, в том числе и в новейшей книге М. И. Белова (М. И. Белов. Мангазея. Л., 1969), говорится лишь об экспедиции Федора Дьякова в Мангазею и на Енисей в 1598—1601 гг. Между тем достоверность сообщения нашего летописца об экспедиции Долгушина 1596—1597 гг. подтверждается грамотой 1599 г., в которой поморцы, пинежане и мезенцы, просили у царя «о повольной торговле» на Мангазее (Акты исторические, собранные и изданные Археографической экспедицией, т. II. СПб., 1841, стр. 43). Такая просьба могла возникнуть у торговых людей лишь после той первой разведки Мангазеи, о которой говорит летописец.

[14] Н. Е. Носов. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969, стр. 313—316, 327—329.

[15] Приведем эту запись целиком: «В лета 7058-го году царь государь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии своею з братьею и с князи и з боляры и с вельможи московскими и всеа России уложил судебник, како судити боляром, и околничем, и дворяцким, и казначеем, и дьяком великим, и судиям приказным людям, и по городом наместником, и по волостем волостелителем и тиуном и всяким судьям» (лл. 257 об.—258).

редакцию, продолжил летописец еще на 30 лет, использовав для этого произведение патриарха Иова о царе Федоре, легендарные сказания о Борисе Годунове и Сказание Авраамия Палицына, включил в летописец значительный местный материал и перередактировал некоторые записи в духе местных двинских условий (запись о Судебнике).

Отражение в летописце исторических событий, происходивших на Двине, позволяет предположить, что составителем летописца был двинянин. Основательность такого заключения подчеркивается также последними словами летописца, которые мог написать лишь двинянин. Только двинянин мог привести в торжественной тираде об освобождении Москвы в 1612 г. и о всеобщем молении имена воеводы князя Федора Андреевича Татева и дьяка Путилы Григорьева, управлявших совместно Двиной в 1612 г.[16] Указанная летописцем синхронность общерусского события с фактом из местной истории 1612 г. выдает составителя как местного жителя. Возможно, что заключительная часть летописца составлена на основе текста богомольной грамоты, которая обычно по поводу побед русских войск посылалась в уезды на имя воевод и дьяков. Списки с таких грамот посылались по церквам, где ее и мог разыскать составитель.

Провинциализм составителя отразился в его манере ссылаться на памятники столичного происхождения. Например, рассказ о воцарении Бориса он начинает словами: «Уложена книга о Борисе в царствующем граде Москве, как Борис воцарился» (л. 79). Мы видим, что произведение патриарха Иова летописец знает, но знает как далекое московское произведение. Одной из особенностей летописца является почти постоянная неточность в датах. Хронологические представления автора сбивчивы, некоторые события благодаря его датировке переносятся на десятилетия и даже на столетия. В этом факте отразился непрофессионализм составителя летописца.

Что же представляет собой летописец, два списка которого в XVII в. бытовали на Пинеге?

М. А. Салмина, изучавшая летописец первоначальной редакции в связи с тем, что в него включено «Сказание о начале Москвы», так суммировала свои и М. В. Щепкиной наблюдения (М. А. Салмина пользовалась рукописным описанием сборника М. В. Щепкиной).[17] Летописец производит впечатление неофициального, он может быть отнесен к типу краткой степенной книги. Мате-

[16] А. Барсуков. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902, стр. 64. В писцовой книге Двинского уезда писца Вельяминова 1622—1623 гг. упомянута правая грамота 121-го года на земли Николо-Корельского монастыря «воеводы кн. Федора Татова да дьяка Путила Григорьева» (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 11, л. 318 об.).

[17] М. А. Салмина. Повести о начале Москвы, стр. 83—84.

риал расположен в нем по княжениям, причем в каждом периоде называются духовные лица, описываются кратко их действия. Так, при Ярославе Мудром назван Антоний Печерский, при Калите — митрополит Петр, при Дмитрии Донском — митрополит Алексей. При рассказе о святых часто указываются даты их смерти. В летописец включается несколько баснословных историй: о начале Москвы, о взятии Смоленска Иваном Грозным,[18] о казнях Ивана Грозного в Вологде, о расправе Ивана Грозного над изменниками, повинными якобы в смерти сына Ивана, и т. д. В летописце, как указывает М. А. Салмина, встречается много просторечных слов, имеются обороты фольклорного происхождения. Принимая полностью высказанную характеристику, со своей стороны добавим, что во второй редакции стиль автора особенно отличается простотой и ясностью, повествование имеет вид рассказов на исторические темы. Перелагая свои источники (Житие царя Федора, Сказание Авраамия Палицына и др.), составитель избегает славянизмов и отвлеченностей. Правда, иногда конспективность изложения затрудняет понимание текста.

М. А. Салмина, исследуя III вид «Сказания о начале Москвы» (в этой редакции «Сказание» включено в наш летописец), пришла к выводу, что этот вид «писался составителем на память» и не является «результатом переделки письменного текста произведения»: «Рассказ как бы передается своими словами».[19] Такая литературная манера — передавать источник своими словами — характерна не только для составителя III вида «Сказания», но и для всего летописца второй редакции, в который данное сказание (III вид) включено. Это единство приемов работы над летописцем и над«Сказанием» позволяет предполагать, что сам III вид «Сказания» возник вместе с этой редакцией летописца.

Составитель летописца второй редакции помимо летописца первоначальной редакции использовал еще новые источники: это, во-первых, отмеченные выше «Житие» царя Федора, составленное патриархом Иовом, и «Сказание Авраамия Палицына» (лл. 79, 104 и 104 об.); во-вторых, местные сказания — о пинежских святых, о походах пинежан. Баснословные истории составитель брал из своего основного источника и, как показывает «Сказание о начале Москвы», умело их переиначивал. Отдельные известия брались из церковных книг: устава, прологов, служебных книг.

Идейные позиции автора монархические. Он, например, не осмеливается сказать об убийстве Грозным своего сына, а обвиняет в его смерти неких «изменников». С помощью вымышленного рассказа о посещении Иваном Грозным Бориса Годунова он пытается последнего изобразить благородным исполнителем воли Грозного

---

[18] Повесть о взятии Смоленска Иваном Грозным напечатана М. А. Салминой по трем спискам, в том числе и по нашему, в издании: ТОДРЛ, т. XXV, изд. «Наука», М.—Л., 1969, стр. 192—195.

[19] М. А. Салмина. Повести о начале Москвы, стр. 117.

и тогда, когда тот выступает соправителем царя Федора, и тогда, когда тот становится сам царем. Не проявились ли в этом царистские настроения составителя нашего летописца?

Все сказанное о характере публикуемого летописца позволяет предположить, что он возник в простонародной среде в Двинской области, скорей всего на Пинеге. Составителем его мог быть кто-либо из семьи Поповых, — семьи, как мы видели, грамотной, может быть, имевшей в своем составе служителей приходской церкви, что объясняет происхождение их фамилии. Можно даже предположить, что составителем его был тот Нехорошко, который расстался с рукописью в 1662 г. Не является ли наша рукопись летописца оригиналом творчества деревенского историка, создавшего в 1661 г. новую редакцию существовавшего ранее летописного текста?

Текст Пинежского летописца печатается по указанному нами списку.

ПИНЕЖСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ

[а]... Андрей по реце в Рим. Из Варяг в Греки, и из Грек по *л. 39*
Днепру, и верх Днепра волок до Во<ло>ти, и по Волоти внити в Ильмерь езеро великое, Нево же. Ис того езера втечет устие в море Варяжское. И по тому морю внитти и до Рима, и от Рима преити по тому же в град Констянтину, и от Констянтина града
в Понт море, в него же течет Днепр река. || Днепр же тече из *л. 39 об*
Вохонского лесу, и потече на полудни. И Двина из того же лесу потече на полунощи и вниде в море Варяжское. Ис того же лесу потечет Волга на всток, изтече седмиюдесят устии в море Фалинское. Тем же из Руси может изыти в Болгары и в Хвалисы и на всток доити в жерби Симов. По Двине же в Варяги, из Варяг до
Рима, || до племени Хамова. Днепр же потечет в Понтское море треми *л. 37*
устии, еже море словет Руское. По тому морю учил святый Андрей, и оттуду прииде в Рим. И прииде устие Днепрское, и поиде по Днепру горе. По смотрению божию прииде, и ста под горами на брезе, иде же есь град Киев. И заутра востав, рече учеником
своим, сущим с ним: || «Видити ли горы сия? Яко на сих горах *л. 37 об*
сияет благодать божия; имат град велик быти здесь, и церкви многи хощет бог воздвигнути, и святым крещением просветити сию землю». И здшед на гору сию, и благослови, и помолися богу, и постави крест. И оттуду иде к Новугороду, та же в Рим, в Пелионе же острове распят бысть за Христа от Анфипата. ||
Чтем же вся вопием ему: радуйся, святый апостоле Андрей, освя- *л. 38*
тивший землю нашу, <*нрзб.*>вавши нам святое крещение, иже мы прияхом от святаго Владимера, радуйся расеявый учения вселенную всю, радуйся, ученик Христов и учителю наш, и не престаи за ны молясь с Богородицею и с апостолы, сих мольбами вся

[а] *На верхнем поле листа в виде колонтитула* О Андрее.

л. 38 об. люди || от тьмы свободивши, моля о нас, предстоя престолу Христову, да избудем от злых. Точию же Руская земля помрачишася тьмою идолобесия и скверными делы до конца осквернена. И много время проиде.

И по вознесении на небеса сына божия в тысяща лето достиже, л. 10 от создания миру || лета 6456-го, не терпя своего создания зрети погибающа, святая поклоняемая и неразделимая троица и светом богоразумия просвети самодержавца и владыки господа нашего Исуса Христа всему создателя. И доиде лет блаженыя Ольги, родом Плескова, жена Игоря, князя всея Руския земли, || л. 10 об. седяше в Киеве, нача княжить сын Святослав. И вси не ведяше бога истиннаго, кумиром жруще, служаще дияволу. Блаженная же Ольга мудра бысь паче всех, видя человеческий род погибающ прельщением в неверьствии и слыша о вере греческой, верующая во Христа, и иде Ольга в Констянтин град, || л. 11 [6] и уведе веру Христову, и возрадовася, и крестися от патриарха Фотия. И научи ю вере Христове, и благослови ю в женах руских, и нарече имя ей в крещении Елена. И даст ей патриарх крест и прозвитера, и поиде во свою землю, и той крест постави в олтари святыя Софеи на де||сной стране. л. 11 об. Блаженная Ольга обходяще Рускую землю, дани и оброки легки уставляюще, кумиры скрушающе. Пожеве Ольга по крещении лет 75 и нача болети. Призва сына своего Святослава и заповеда погрести землею равно, ни требования, ни годины || л. 12 делати, но посла злато к париарху Царяграда на воспоминание души своей. Преставися Ольга в лето 6475 июля в 11 день.

Последи же внук ея Владимер, сын Святославь, внук Игорев, правнук Рюриков, по отце своем князе Святославе от племене варяжска, быстъ воин страшен, первое || л. 12 об. ко идолом и кумиром тщащеся и обладающа крепко городом Киевом и Новым городом, и Полтенском, и Ростовом, и всею Рускою землею, исполнися храбрости своя множество и жертвы творя кумиром, да егда возхоте бог избрати люди новыя и благодать святаго духа возбнув, яко от стна люта. И посла по градом и стра||нам л. 13 на взыскание, како где веруют. Послании же приидоша к нему и сказа ему: «Были по всем странам и по немецким землям, и нигде же не обратоша таковы веры, како во Цариграде веруют. И ведоша нас в церковь, и не вемы, на небеси стояли или на земли, и не можем тоя веры забыти, и хощем тамо итти». || л. 13 об. Боляра рекоша Владимеру: «Аще бы не добр закон был, то не прияла бы его Ольга, баба твоя». Владимер же рече: «Воля господня да будет». И возлюби ту веру, аки свещу на свещнице. И минули лето, и рече: «Поиду в землю ту и пополню грады их». И собра войска много по всей земли, и шед под Корсунь град ратью. Корсуне же ра||товася л. 14

[6] *На верхнем поле листа в виде колонтитула* Елены.

с ним, и не можаху града взять, крепок бе. И рече им Владимер: «Аще не здадитесь, то стоять 3 лета имат неотступно и с нужею возьму вас». Корсуня же не устрашишася грозы его и не здашася. Владимер же стоя под градом 6 месец. Бе же в Корсуне муж именем Анастас, и написав на стреле и стрелив в полки ко ‖ Владимеру. Они же взяв стрелу, и написано сице на стреле: л. 14 об. «Во граде сем кладези от восточныя страны во град по трубам сведены, копав и переими их, той град возмешь». Владимер же рече: «Аще тако збудется, то крещуся». И переняли воду у градных людей, людие изнемогоша во граде водою и предашася. Владимер же засе град ‖ и обладаша всеми во граде. И посла Воло- л. 15 димер весники во Царьград ко царяма Василию и Констянтину, сиа писа: «Се град ваш славный Корсунь взях и слышу, яко имате вы у собя сестру деву, дайте за меня женою. Аще не дадите, то аз такоже вашему граду сотворю, яко же Корсуню». ‖ Цари же Ва- л. 15 об. силей и Констянтин не устрашися прещения его, и написа ему: «Нам недостоит христьяном за поганых давати, аще крестишися, то получиши, и выще сего царство небесное». И отпусти посланых к нему. Послании пришед, сказаша ему и даша писания от царей. Владимер же воздохнув и рече: «Жив господь бог на небеси». И скоро посла во ‖ [в]Царьград ко царьма и написа, дабы при- л. 16 шед со царицею и крести мя, аз крещуся и верую в бога вашего и чту. Царие же посла сестру свою деву Анну, и с нею воеводы и прозвитеры. И пришед в Корсунь, и в то время разболеся Володимер, обема очима не виде. И рече ко царицы Анны: «Что сотворю, како ми поможешь от болезни сия?». Царица же ‖ рече л. 16 об. ему: «Аще крестишися, не токмо болезни избудеши, но и царство небесное получиши». Владимер же рече: «Крещуся всем сердцем». Царица же Анна утверди его креститися и веровати во Христа. Епископ же корсуньский с прозвитери и попы царицыными нача крестити во церкви святаго Иякова, и нарекоша имя ему во святом крещении Василий. И бысть чюдо велие: ‖ егда Владимер л. 17 вшед во святую купель, епископ возложи руку на него, и абие прозре обема очима, яко николи же болели, и бысь здрав весь телом и просвещен святым крещением. И радовашеся душею и телом, славя бога, и многия радости исполнися. И прият Владимер крещение в лета 6496. И боляра многи крестишася, и многи церкви постави в Корсуни ‖ на горе святаго Василия. И поим ца- л. 17 об. рицу Анну законом браком, и взя мужа Анастасея, что из града писал на стреле, а город Корсунь отда царьма Василию и Констянтину, а сам поиде ко Киеву граду. И взя с собою перваго митрополита Леона греченина, а с ним 4 епископы. И крести всю Рускую землю, а идолы вся сокруши. И повеле Владимер вопити ‖ во всем граде Киеве и в градех и селех наутрии на берегу Почайки л. 18

[в] *На верхнем поле листа в виде колонтитула* О Владимире.

реки креститися всякому человеку от стара и до мала, мужеска полу и женьска. Аще кто не придет, то противен будет мне и злую казнь приимет. И наутреи снидеся весь народ Киева и окольных сел, мужи и жены со младенцы. Архиепископи и про-
л. 18 об. звитери нарече || Почайку реку купель, и мног народ в реке купахуся, мужескии пол и женьскии, иныи стояху до пояса, а иныи до главы и бродяху, священицы по брегу хожаху и молитвы глаголюще, а дьяконы кадяху. И оттоле наречеся град Киев. Владимер же возрадовася и возрев на небо, глаголюще:
л. 19 «Боже, сотворивый небо и землю, при||зри, господи, на новокрещеныя люди; утверди их, господи, во православие, а мне помози, господи, на супостаты».

Имеяше Владимер 12 сынов у собя от разных жен: 1 — старейший сын Вышеслав, 2 — Изяслав, 3 — Святополк. Сего Святополка мати бысь черницею, розтреже ю роди брат Володимеров
л. 19 об. Ярополк красоты ради ея, зачат Святополка. || Владимер же поган некрещен уби брата Ярополка и поня женою ту старицу непразну сущу, и родися Святополк. Князь же Володимер наряди воевод своих, и посла во всю Рускую землю попы и дьяконы, и повеле всем людем креститися и церкви ставити. 1 митрополит
л. 20 в Киеве Леон и тех 4-х епископов, иже приидоша || из Грек с Леоном митрополитом, и раздели их кождо по своим градом архиепископию нарече, в Белеозере граде 1 епископ греченин бысь, потом другаго епископа греченина в Чернигов посла, 3<-го> в Волыньскую землю посла, 4-го Федора в Ростове с мучеником з Борисом, и сей бысь первый епископ в Ростове. И крести всю
л. 20 об. Ростов||скую землю, и Суздальскую, и Залескую. И те 4 епископи первоначальницы нарицаются. И распространяшеся множицею православная вера христьянская. И оттоле начаша ставити по иным градом епископы, в Новград, и в Полтеск, и в Волынскую землю. Яко же и апостольская проповедь от кого преже была
л. 21 и евангелие божественая пропове||ди крещение от кого прияли, то суть первопрестолницы Ярослав Прав Суд, сын великаго Владимера, постави 1 епископа в Новеграде Иоакима волошанина. Тогда же посади сына своего старейшаго Владимер в Новеграде и постави 2 епископа в Новград. Той же Владимер созда церковь святыя Богородицы, и крестися вся вся Руская земля святым
л. 21 об. крещением. Посажая детей своих || по властем, посади окаяннаго Святополка княжением в Турове, Ярослава же в Новегороде, а Бориса в Ростове, а Глеба в Муроме, а родись от Анны княгины в святом крещении, Изяслав Польтеске, Святослав Деревлянех, Всеволода в Володимере, Мстислава Тмуторокане, Станислава в Смоленске, Судислава Плескове. А сам Владимер
л. 22 в Киеве, созда церковь || [г] каменну Софею премудрость божию

[г] *На листах 22—24 на верхнем поле в виде колонтитула* О Владимире.

50 верхов, и учреди предивну и прекрастну, и беседу себе учреди на углу церкви придела в лето 6521. И призва Владимер к себе Бориса, бе бо ему милее всех детей, и на другой год пришла весть ко Владимеру, яко идут печенеги на Русь войною. И собра князь || войска своего много, а сам разболевся, и посла воеводою *л. 22 об.*
с войском сына своего Бориса и с ним воеводы. Борис же поиде по Днепру реки в носадех. А князь Владимер преставись в лето 6524 июля в 15 день предасть дух. И положено тело его в пределе, юже сам созда. И плакаша людие о нем, бояра яко отца, людие || заступнику, сироты яко помощника, нищии и вдовицы *л. 23*
яко печалника и кормителя. Святополк же приехав своею силою и сяде в Киеве по отцы своем, исполни беззакония и рече: «Погублю братию свою и буду властелец во всей Руской земли». И шед нощию к Вышегороду, и созва бояр своих, именем || Еловича, Пушку, Талца, Ляшка, и рече им: «Шедше убите брата моего Бориса, и будете у мене приятели». Они же обещашася тако убити Бориса. Борис же шед не обрете печенег и возвратися назад, и ста на Алте реки, а не ведая Борис на собя убоиц. И приидоша послании бояра убийцы злии, и избодоша || копии Бориса, и еще дышущу и возложиша его на коня, и не доехав Вышегорода и докончаша мечи. И предаст Борис душу свою и прият венец от Христа бога месяца июля в 24 день. Тело же его положиша Вышегороде у святаго Василия. Убиен Борис, во святом крещении Роман, Святополк посла боярина Горасела з дружиною ко || [д] граду Мурому на убийство брата Глеба. И рцете Глебу: «Поди вборзе, яко отец Владимер болит и жедает тебе». Глеб же вборзе со дружиною своею седе на конь и поехав ко граду Киеву, а не ведая убийства. И как на Волги спаде с коня, изломи ногу, и назад пошел от Смоленца по Днепру реки. И как будет усть || Смядыни реки, и стретоша его погании убицы з бояриным Горяселом, и приближися носав к лодии Глебови, и повеле Горясел убити Глеба и нача скакать со оружием. Повар же Глебов, именем Торчан, взем нож и закла государя своего Глеба, и преставися в лето 6525 сентября в 5 день в понедельник. Тело его повергоша усть Смядыни реки || меж двема колодома. Бог же показа смоляном явися столп огнен и огнь пресветел, искры испущающе до небеси. И шед людие со кресты собором, и взяша тело Глебово честно, и принесоша во Смоленец град, и положиша во церкви. Дондеже победи Ярослав Святополка и седе в Киеве, и принесе тело Вышегород и поло||[е]жиша з Борисом *л. 26*
в церкви. И даст им господь бог чюдотворныя дары: человеком болезни целити, князем руским во бранех на поганых помогать. Поганополк наполни злыя мысли: «Избию братию свою и буду един во вси Руской земли». И взя войска и поиде убить брата

л. 23 об. *л. 24* *л. 24 об.* *л. 25* *л. 25 об.*

[д] *На верхнем поле листа в виде колонтитула* Убиение Глебово.
[е] *На верхнем поле листа в виде колонтитула* Борис и Глеб

л. 26 об. своего Святослава. И побеже Святослав ‖ [ж]из града в Угры. И постиже его Святополк на горе Угорстей, и уби его Святослава. И доиде же весть в Великий Новград князю Ярославу: «Отец твой умер, а Святополк заседе в Киеве и побиша братию Бориса и Глеба, и Святослава». И разжалився по братии своей, и
л. 27 созва новгородцов и рече им: «Братия моя, отец ‖ мой умре, а Святополк седе и поби братию свою. Поидем на Поганаго Полка, помогите мне отмстить братну кровь». Новгородцы же не хотяху, бе бо сам Ярослав с новгородцы рагозен, и Ярослав помяну апостольское слово: «Братие, бога бойтеся, а царя чтите, власть бо от бога учинена». И рекоша новгородцы: «Княже Яро-
л. 27 об. славе, ‖ можем тебе помощи и поработати». Ярослав же рад бысь и собра вои: варяг 6000, а прочего воя 30 тысящ, и поиде на Святополка по Непру реки на Алту реку и ста, иде же убиен бысь Борис. И плачася по брате своем Романе и Давыде, и помолися Ярослав и рече: «Братия моя милая, аще есть телом да-
л. 28 лече, но молитвами своими ‖ помозите ми на братоубийца». И поиде противу друг друга воиском, и покры поле Лядское множеством воиска день пяток. И прииде Святополк с печенеги, и ступишася обои, и бысь сеча велика и кровь по удолии течаху, аки быстрина, и бився 3-ж, и бысь гром велик и молния страшна
л. 28 об. от оружия блеща‖хуся. И мнози видяще ангели божии, помогающе князю Ярославу на окаяннаго. Святополк же побеже под град Киев, а Ярослав гна за ним и сечаху в тыл силу его. Окаянный же Святополк побеже мимо Киев град на Берестово. И нападе на него бес, и разслаби, яко и на коне сести нелзе, и
л. 29 несоша его на ‖ носилках. И бе же ником гоним, и пробеже Лядскую землю, и прибеже в пустыню меж Чахи и Ляхи, и ту испроверже окаянный живот свой скончa в лето 6526 году марта в 22 день. И бысть пропасть велика, и до сего дни изходит смрад
л. 29 об. зол на увещение человеком. ‖ И седе Ярослав в Киеве, и прииде
л. 40 к нему вели‖кий Антоний от града Любча, и пострижеся во Святей горе. И походи в Киеве по горам и по местом, и прииде на Берестовое место и обрете пещеру малу, преж ископа Ларион митрополит и ту живя. И преставись великий князь Ярославль в Киеве при Антонии лета 6532. Прия власть в Киеве сын его
л. 40 об. Изославль, и благословение прият от Антония. ‖ И прославися Антоний в Руси, и собрася к нему 12 мних, и постави им игумена Варлама. Феодосий от предел Иеросалимских от града Васильева от веси Каподокиския, отца Проерса, мати Евлогия, 13 лет, шед к кузнецу, оковася железы. Мати ж его изломa железа, и пошел во Иеросалим, мати ж его постиже и связана при-
л. 41 веде в дом свой. ‖ [з]Он же втай уиде во Антиохию к Семиону Столпнику и пострижеся. И пришед к Киеву преподобному Анто-

---

[ж] *На верхнем поле листа в виде колонтитула* Убиение Святослава.
[з] *На листах 41—45 на верхнем поле в виде колонтитула* Летописец.

нию к пещеры и благословись от него. Мати ж его прииде
к пещери, хотя силно взять, и божиею благодатию и сама постри-
жеся. Феодосий бысь игуменом и созда церкви мнози. Анто-
ний живя в пещери, не выходя 40 лет, и преставись лета 6542.
Феодосий живя || по Антонии, моляся богу, и во Святой недели *л. 41 об.*
по Пасце собра братию на трапезу и возвести им исход души
своея, и нарече им игумена Стефана, и преставись лета 6586 во
2 суб<оту> по Пасце маия в 3 день. Святый Исаия ростовскы,
родом от земли Руския от области Киевския, пришед к Феодо-
сию пострижеся в Кееве. Великий князь Изослав проси у Феодо-
сия || Исаия в Дмитриев монастырь игуменом, из монастыря *л. 42*
шед в Ростов и бысь архиепископ Ростову, и преставись, по-
живе немного, лета 6594. Святый Леонтий ростовский, рожение
Костянтина града, прииде в Ростов и бысь епископ Ростову.
А преж изгна епископи из града Феодор и Ларион, зане ж людие
неверия наполнишася. Леонтий же укрепися божиею благодатию
и научи люди || веровати во Христа, и преставись лета 6608. *л. 42 об.*
Великий князь Андрей, великаго князя внук Георгия, повеле
в Ростове создать церковь камену и рвы копать, и обретоша
множество мертвых телес, и обретоша мощи святого Исаия, и
основана бысь мала церковь. И боле начаша копати, и обре-
тоша гроб покрыт двема доскама, и обретоша святого Леонтия.
Лета 6655 преставись || Антоний великий в Великом Новеграде, *л. 43*
родом Римскаго царства, из Риму приплове на камени в Великий
Новград. По преставлении обретоша мощи его по 4-сотих летех.
Лета 6659 преставись святый архиепископ Никита новгородский.
Лета 6677 знамение богородицы в Великом Новеграде, при князе
Романе приходили имать Новаграда руские князи. Лета 6617
преставись святый архи||епископ Аркадий, преж быв нищ, и *л. 43 об.*
бысь мних в монастыри Георгиевском и изгнан бысь. И пришед
из Руси князь Изославль в Великий Новград и взя его. И по-
славлен бысь архиепископом, и преставись. Лета 6627 преста-
вись святый архиепископ Иван новгородскый. Лета 6094-го
ма<я> в 17 день князь Михаило черниговскый бысь в разслаб-
лении, и везоша его к преподобному Никиты столпнику, версты
3 || не довезоша, и ту стрете бысь образом Никитиным, и Ни- *л. 44*
кита посла жезл свой и тем беса отгони и на том месте поставить
повеле крест. Лета 6705 преставись преподобный Никита столп-
ник переславскый, родом Костянтина града. Лета 705 преста-
вись князь Феодор ярославскый. И поня себе женою сестру
великаго князя Всеволода, и преселись в Ярославль. || Лета *л. 44 об.*
747 убиен бысь Михайло черниговский и з боляриноm Феодором
от Батыя. Лета 6708 Батый царь нечестивый победи князя Юрья
Всеволодовича. Лета 6747 Батый плени всю Рускую землю и
побил на Руси людей полтретьяста тысящ. Того ж году преста-
вись Аврамий ростовскый. В Ростове князь Борис, а в Володи-
мере князь Володимер, под тою ж || областию и Ростов град. *л. 45*

Лета 6771 князь Александр Невский, во иноцех Алексей, во
граде Володимере. Княжение в Володимере князь Данило,
а брата отсла в Суздоль Бориса. Лета 6788 преставись святый
Еуфимий суздолский, а поживе 88 лет, а родом Нижного Нова-
города.

Лета 6786 Москве зачатье. Хто то знал, что Москве царст-
л. 45 об. вом быть и государством || [и]слыть. Тут были села Красные
Кучка боярина Ивановича, а у него было два сына, красотою
хорошее не было их во всей Руской земли. И зведал их князь
Борис Александрович суздолской, и проси их к себе во двор
у Кучка боярина Ивановича: «А толки не дашь своих дву сынов
л. 46 ко мне, аз на тобя войною поиду, тобя попленю и села || твои
пожгу». И розплачася Кучко боярин Иванович о дву сынов
своих, и не смел противен быти против князя Бориса, и отдал
сынов своих князю Борису суздолскому. И два сыны Кучковы
полюбилися, 1 постави себе в столники, а 2 в чашники. И Бо-
рисова княгина Марья прелстилася на красоту их хорошую, и
л. 46 об. зжилася с ними любовию || постелничной. И здумали оне с кня-
гинею извести князя Бориса суздолского, и почали изводить
в хоромах своих ночною порою летнею. И ушел ранен из двора
от них князь Борис суздолской, побежал к брату своему князю
Данилу Александровичю ко граду Володимеру. И будет он
л. 47 у Оки реки, ажно ездит в стружку перевощик || по Оки реки, и
князь Борис спроси перевозу. И перевозщик говорит: «Лихи вы
суздолцы, оманчины, сулите, а не даваете перевозного». И князь
Борис с руки своей перстень подаст перевозщику. И перевозщик,
взяв перстень на весле, и отпехнулся дале на Оку реку, и не
перевез его за Оку реку. И князь Борис пошел зле Оку реку,
л. 47 об. и нашел струбец мертваго у||топшаго, и влез в струбец опочи-
нути, что не знаючи пути без дороги ко граду Володимеру.
И княгинина его с Кучковыми детьми, своими любовники, по-
чали тужить добре, что ушел от них ранен князь Борис, и будет
де он з братом своим князем Данилом володимерскым и казнят
л. 48 нас казнью смертною. И княгина сказывает: «Езд де у || нас
во дворе пес выжлец, а сказал мне князь Борис, как поехал на
войну на побоище, и заказал: „Толки де буду убит на побоищи
и сыскать и познать в мертвом трубу нихто на может меня
мертваго, и спусти того пса, и он доидет и сыщет и познает меня
мертваго“». И Кучковы 2 сыны емлют того пса и сами садятся
л. 48 об. на добрые кони, и спу||щают того пса дорогою ко граду Володи-
меру. И пес бежал дорогою до Оки реки, и в сторону з дороги
скочил, и оне вслед едут за ним борзо. И добежал пес до струпца
мертваго, и забил голову в струбец, а сам для тесноты не вме-

---

[и] *На листах 45 об.—51 на верхнем поле в виде колонтитула* Зачатие Москвы.

щается, и почал радоватися государю своему, князю Борису, а вони хвостом машучи. Тут два сына Кучковы князя Бориса || вборзе его злой смерти предали, а тело его кинули в Оку реку. И недолго время доиде весть в Володимер град ко князю Данилу Александровичю, что княгина с Кучковыми детьми извели брата его князя Бориса суздолского, и зжалися розплачася князь Данило по брате своем Борисе, и собра войска своего много во граде и в поместиях володимерскых, || и скоро войною пошел на Суздоль град и на Кучка боярина Ивановича. И суздолцы нисколько не ратовались, борзо предалися князю Данилу, что спознями княгина Марья и 2 сына Кучковы, предали злой смерти, извели князя Бориса суздолского. И два сына Кучковы побежали ко отцу своему в села Красные. И князь Данило, поимав княгину Марью || Борисову, и повеле повесити над градные врата и розтрелять из луков стрелы калеными, из рушниц пулки свинцовыми. И взя с собою в подмог суздолской силы три тысящи, и пошел войною на Кучка боярина Ивановича. И Кучко боярин не возмог противитися ни малешей нопротив Данила, и вборзе поимал Кучка боярина и дву сынов его и предаст || их злой смерти без милости. И князь Данило почи ночь до утра в Кучковых Красных селех, и наутро воставает на всхожем солнце и входит в светлицы высокия и в теремы красныя, и смотрит на села Кучковы Красныя по обе стороны Москвы реки и за Неглиную в поле чистое и роздолие великое. И добре князю Данилу села Красные пригляну||лися и полюбилися, и не пошел князь Данило в Володимер град во свою вотчину, и почал жить в тех селах Красных Кучка боярина Ивановича. А в Володимер град послал сына своего Ивана Даниловича княжить с собою заединое. А Суздоль град привед под свою ж область Московскую, и иные околные городы собою к нему приклонишася, слыша сла||ву его и грозу его великую, и до людей доброту милостиву и нищелюбиву и к богу богомоливу. И оттоле прославися Москва град. И поживе Данило на Москве 12 лет, утверждая веру Христову. В лето 6098 преставись князь Данило, остави Москву град со всеми рускими грады и пригородки сыну своему Ивану. И прииде из Воло||димера на Москву и прия княжение и утвержая веру Христову. И в то время прииде к нему Петр митрополит из Киева града, родом Царяграда.[к] И виде Петр князя Ивана благоверна и благочестива и богобоязна, во всем благоприятна и поборника по вере Христове, и благослови его, и рекоша: «Буди ты великий и благоверный князь Иван Данилович владимерскый, || и московскый, и всеа Русии укреплен божиею благодатию». И пророчествова[л]

л. 49
л. 49 об.
л. 50
л. 50 об.
л. 51
л. 51 об.
л. 52
л. 52 об.

[к] *На поле помета* Родом Волынской земли а не царьградец [л] *На поле помета* Пророчество Петра митрополита.

тогда Петр митрополит: «Будет твой град Москва царствующий
град Великое Росийское государство, и колена твоего будет рука
высока, и обладает по божии воли многими грады и ордами и
царствы, и разпространится наипаче всех царств до скончания
л. 53 ве||ку сего». И повеле князь на Москве создати церковь во имя
Благовещение святей богородицы. Князь же Иван по благосло-
вению его вскоре церковь созда, и город укреплял, и руския
князи и грады под свою область Московскую приводя. И оттоле
пишется величество: великий князь владимерскый, и московскый,
и всея Русии.

л. 53 об. Лета 6796 архиепископ || Игнатий ростовскый при Петре мит-
рополите. В Переславле князь Михайло да сын его Дмитрей, да
брат его Александр.

Лета 6834 преставись Петр митрополит в день недельний,
а гроб своима рукама устрои. Лета 6827 преподобнии отцы
Антоний и Иван и Еустафий пострадаша за Христа при Олги
л. 54 нечестивом цари. Лета 6859 || преставись великий князь Иван Да-
нилович и остави на Москве княжением сын его Иван Ивано-
вич. При том князи Иване прииде к Москве Алексей из Черни-
гова града. Князь же моляше Алексия взять сан соборныя
церкви. И шед Алексей в Костянтин град, поставлен бысь мит-
рополитом, и прииде поживе в Киеве митрополитом. И великий
л. 54 об. князь || Иван призва его из Киева и моли его послом итти
в Орду ко царю Бердебеку нечестивому. Бердебек царь изби
в Орде 12 братии своих, бе бо немилостив и злый, хотя итти на
Русь войною. Алексей митрополит шед в Орду к нечестивому
царю, и много Алексей глагола ему встречныя речи, укрепляяся
л. 55 от него божиею помощию, не бояся его злые ярости. || Царь же
Бердебен всяко искушая его, и не могии препрети в посольстве
царьскою мудростию и словесы со злою яростию, и зва Алексея
к себе хлеба ясть к столу царскому. И принесе на стол ествы
царьскыя, и принесе пред него на блюде кобылью голову скоти-
ную. Алексей же огради глову крестом Христовым знамением и
л. 55 об. дуну изо уст своих || духом святым, и явися глава на блуде
щуки рыбы свежия. Царь же виде чюдо бывшее, страхом одер-
жим и бысь трепетен, и не почал искушати нечистотое и сквер-
ною, и по столе прося от него прощения и роту дав не ходить
войною на Русь, и ударив его честными дары царскыми, и от-
пусти его из Орды на Русь, и проводи до пути честно и
л. 56 здраво || итти на Русь, и оттоле злый гнев царя Бердебеня не
ходит на Русь. И прииде Алексей к Москве, и московскый ве-
ликий князь Иван Иванович стретил его со всем собором радо-
стно и прослави бога и пречистую его матерь.

Лета 6064 Алексей митрополит шед в Нижной Новград по
реки Волги и крести князя Бориса и весь град и Нижный Нов-
л. 56 об. град, и подведе под Москву || ю ж область, и созда церковь пре-
чистыя богородицы Благовещенье.

Лета 6072 преставись великий князь Иван Иванович. Остася
княжением на Москве сын его Дмитрей. Лета 6074 прииде посол
из Орды от нечестиваго царя Амурата Бердебековича, чтобы по-
слал Алексея митрополита в Орду и исцелил бы царицу Амурата
царя, слепа бе 3 лета сущи, а в любве бе царю. А слыша ||
преж царь Амурат от отца своего царя Бердебена бывшее *л. 57*
чюдо про Алексея, как был у него в Орде. Алексей поиде и
исцели царицу. В лето 6885 преставись Алексей митрополит мо-
сковский и всея Русии.

Лета 6885 побоище бысь князю Дмитрею Ивановичю да
брату его Володимеру Андреевичю на Дону на Куликове поли
з безбожным и кочевным царем Мамаем.

Лета 6900 || преставись святый Сергие преподобный Радо- *л. 57 об.*
нежскый. Отец у него Козьма, мати Марья. Лета 6902 великий
князь Димитрей московский и всеа Русии преставись. Остави
княжением сын его Василие. Лета 6903 прииде на Москву град
чюдотворная икона пречистая богородица, ю же написа Лука
евангелист, из Володимера града при князи Василие Дмитрие-
виче, митрополи||те Киприяне от нахожения безбожнаго царя *л. 58*
Темир Аксака от восточныя страны на Русь войною, и возвратись
с Разани. Лета 6904 преставись святый Стефан Великопермскый.
Лета 6907 преставись архиепископ Пафнотие ростовскый. Князь
Дмитрей Юрьевич Бегун: 2 бежа от агарян с Москве в Великий
Новград, и возврати его Михайло Клопскый, а 3 || прибежа *л. 58 об.*
преставись в Новегороде. Князь Костянтин Дмитреевич изгнан
из своея вотчины с Москвы, и прииде в Великий Новград и пре-
ставись. Лета 6935 преставись Кирило Белозерскый игумен, а
жив Кирило 90 лет, а имя преж ему Козьма. Лета 6955 преста-
вись Михайло Клопской, и пророчествова великому князю Васи-
лию: родится сын Тимофей и наричют Иван имя ему, || и возмет *л. 59*
Великий Новград под свою область. И збыстся пророчество по
40 лет. 6957 июня в 15 день при державе Руския земли великаго
князя Василия Васильевича и сына его Ивана Васильевича, мит-
рополите Фотеи киевском, при архиепископе Евфимии Великаго
Новаграда и Пскова родися Александр Сверскый, по-
живе || 85 лет, преставись. Лета 7041 родися святый праведный *л. 59 об.*
Артемий, юж бе на Пинеги верколскый чюдотворец, отец у него
Козьма рекомый Малый, мати Полинария. И бысь Артемий
12 лет, и делая у отца труды своими землю оря и боронити
нача, и божиим судом взоиде туча и гром страшный, и молния
и гром гряну страшный, Артемий же || ужасеся от того страш- *л. 60*
наго грома и предасть душу свою господеви. Тело ж его поло-
жено на пусте месте одаль церкви, иж бе под сосной, и мощи
его святыя обретены по преставлении его 33 летех. Лета 7085
обретение честных мощей святаго преподобнаго страстотерпца
Артемия верколского чюдотворца, и принесени быша ко церкви
святого Николы. || Бог же дарова ему чюдотворныя дары, бол- *л. 60 об.*

ныя и недужныя исцеляти, от трясавиц избавляти, нечистый
духи от человек и от скот отгонити и бесы прогонять.

Лета 7058 царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии
своею братьею и з боляры уложили Судебник, как судить бояром, и дьяком, и казначеем, и дворецким, и земскым судьям. ||
л. 61 [м]Лета 7059 царь и великий князь Иван Васильевич своею
братьею, и з боляры, и со владыки уложили степень, как пред
царем по местом князем, и боаром, и митрополитом, и архимаритом, и игуменом, и всяким властем болшим.

Лета 7079 маия 26 день приходил на Русь кримский царь
с кримскыми царевичи, и с мурзами, и с ширихинскыми князи,
л. 61 об. и с казанскым || улусом, и с меншими ногаи Идим з детьми, и
Бока мурза с татары и с казаки, и Золотой орды, и запольскые
ногаи, и Измаиловы дети Урус и Чимон, и Камдан, и Тумодан
Кучюр мурза, и Шимшин шестью браты и с мурзами, и с кочевными тотары, и со всеми крымскыми и ногайскыми мурзами
через крестное целованье, и Москву град пожгли в 3 часа. ||
л. 62 Лета 7083 при цари Иване Васильевиче всея Русии приходил
безбожной царь кримскый Дивлет Кирия на Русь воевать. Иже
бе на Молодех и виде некто инок Антоний стояше среди нощи
на молитве два юноши пресветлы, познавлем Борис и Глеб, и
зовяше из гробов с собою Александра Невского. И сшед 3 их,
л. 62 об. и зовяше с собою сродников || великих князей Андреа, и Всеволода, и Георгия, и Ярослава. И восташа из гробов и пришед
в Ростов град и глаголаше: «Идем к сроднику нашему Петру
царевичю, и той с нами идет с нами к сроднику нашему царю
Ивану, и победим поганых». И поехаша вси на белых конех, и
тех святых пособием погании полцы устрашишася и побегоша, и
л. 63 вознесеся рука || царя Ивана. Лета 7084 царь Иван Васильевич
всеа Русии взял Казанское царство, и царя Симеона с царицею
и царевы воеводы поимали и привезли к Москве.

Лета 7085 царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии
имал Колывань город. А Колывань город вельми крепок и немцы
в нем войною удалы люди, и приступ к городу тяжек, с одну
л. 63 об. сторону || море, а з горнюю болота, жерла непроходимые места.
И ночью подмостили болота мосты и под град болшей снаряд
подкатили и у города стену пробили, и в большие ворота московское войско во град почали скакать по 2-сти и по 3-ста, и в городе их немцы посекут, и трупом заваляли городовую стену.
л. 64 И наутро восташа, и та стена || закреплена крепче и прежнего,
и не мога города взять, прочь царь отшел.

Лета 7086 царь Иван Васильевич всеа Русии с Москвы послы
Захария Угорского да Ждан Квашнин в Сысоррское царство
у царя Максимьяна. А в посольстве извещали: царь московской
взял Латынские и Лифлянской земли 26 городов однем выходом,

[м] *На верхнем поле листа в виде колонтитула* О царе Иване.

а стреча не бывала. И сысорской ‖ царь крестьянскыи прослави л. 64 об.
бога и похвали государя царя, и пророчествова царь сысорскый про Московское государьство: «Будет де и вашей земли на Москве сметение лет 10 и болши, и земля де ваша разпространится велми царьми и царствы многими обладают, а которые городы иманы у вашего царя недолговечны» — молвыл послом: «Попаметуйте мое ‖ [н]слово сысорскаго царя, что говорил збудется л. 65
в вашей земли». И послов ударив великими дары и отпусти честно, а царю послал скипетр царства Римского державы непобедимыя и диядиму и перфиру, и дары великия, и со умилением писа. Того ж году на осень под Колугою городом воевод государевых побили и снаряд отполонили. Лета 7087 царь Иван Васильевич ‖ з детьми своими, царевичи Иваном и Федором, и з л. 65 об.
боляры и стрельцы прииде в Великий Новград и положи свой царский гнев на новгородцов, и владыку новгородскаго повеле в медведно обшить и собаками стравить. А вельможу Федора Сыркова на плахи сказнить, городовых и посадских людей, жилцов и всяких чинов мужей и жен повеле на ужище ‖ по 10 и л. 66
по 20, и по 30 вязать и на живой мост на Волхову реку влачить, сыну отца своего, дочери матерь, брату брата повеле палицею бить и з мосту в Волхову реку бросать, и многое множество новгородцов показни. И прииде во Псков град казнить, и возврати его Никула Кочанов уродивый, говоря царю встречные речи. Царь же противо его не смея ‖ гнева нанести, ведая его мужа л. 66 об.
праведна. И поиде царь к Москве с войском. А казнил новгородцов подмовкою изменничью. Того ж году на Вологде город каменой повеле царь делать, и прииде сам на Вологду на Велик день Христов, и вологжане в недоумении после заутрени не ходили ко царю с яицы здравствовать, и царь на них прогневася ‖ о том, и царским биричем ходя прокликать у всех церк- л. 67
вей и в базаре после обедни вологжаном, князем, и бояром, и рядовичам, и княгинам, и боярынам, и гостиным женам, от церкви в домы не ходя и платья не сложа с собя, в коем к церквам пришли, сносить сваи дубовые в ров, что были готовлены на подошвы ставить в городовую стену. А в свое место ‖ никому л. 67 об.
слуги не подменить, ни стороного не наветь. И по Велице дни на той же недели казнил вологжан тако ж, как в Новегороде. Лета 7091 мор был в зиме о Афонасьеве дни и Кирила александрискых во всю вселеную. Лета 7091 царь и великий князь Иван Васильевич погребе сына своего царевича Ивана Ивановича. Преставись царевич Иван подмовкою злых изменни-
ков. ‖ Лета 7092 царь и великий князь Иван Васильевич всея л. 68
Русии мудрым своим прозорством позна, что сыну его смерть учинилась от злых изменников, и на другой недели по Пасце

[н] *На листах 65, 68, 71, 76 на верхнем поле в виде колонтитула* Царь Иван.

Христове во вторник наутрие восташа вси людие на Московском
государстве, ажно на пожарище уготовлены 300 плах, 300 топо-
ров в плахах, 300 палачей стоят у плах. И московскые князи,
л. 68 об. и || боляра, и гости, и всякаго чину люди страхом одержими
быша трепетни, что есть от царя вина на царство, видяще, что
на казень уготовано, и бысь в скорби велице и слезы точаще
людие, и не смеюще друг ко другу приклонитися и слова изрещи
страха ради царева и глаголаху: «Господи, помилуй». И на
3 часу дни из царскых хоромов выехал сам царь в черном платьи
л. 69 и || на черном кони своими стрелцы и холопы, и стрелцы, и со
псари, и повеле палачем имать 100 князей, 100 боар, 100 гостей
болших именем по розписи и на плахи клонить. И людие мо-
сковстии быша в велицей погибели, не ведуще за кою вину и
схватиша. Преж гостиной сотни 7 гостей на плахах сказниша,
л. 69 об. 8 именем Харитона Белоулина взяв, || и не возмогоша склонити,
собою велик, черн власы, страшен образом и крычюще ко царю
стречны глаголы: «Почто еси неповину нашу кровь излиешь!».
И з грубостию глагола, и псари поскочиша пособить палачам, и
отсекоша ему главу, глава ж спряну от них и язык легщюще
спрядывает от земля, струп же восташа на ноги и нача трястися
л. 70 страшно, и збивая с ног его палачи, || и никакого ж возмогоша
стронить. Царь же усумневся и страхом одержим, и погна своими
холопы и со всеми стрелцы и псари за Неглиную во свои царь-
скые хоромы. Палачи ж стоя недвижуще никого без повеления
царева. И немного время на 6 часу от царских хоромов гонит
скорый гонец и кличет зычно голосом, шапкою машучи: «Госу-
л. 70 об. дарь пожалова». || Палачи ж розпустиша поиманых всех князей
и боар, и гостей и плахи спряташа, и разыдошася вси во своя
домы, славяща бога. Труп ж той трясущеся весь день и на 2-м
часе нощи падоша. Наутрее ж мертвых телеса спряташа по по-
велению цареву.

Лета 7095 царь и великий князь Иван Васильевич взя Смо-
л. 71 ленец град у короля литовского. А стоя || под Смоленцом 3 годы,
зане ж крепок бе, и много царь той казны истощи и войска па-
доша. И шла из града пушка и сшибло маковицу у церкви
Спаского монастыря, и пала маковица зле шатерь царев, едва
в шатре царя маковицею не убило. И царь не повеле в той церкви
служить до скончания. И на третей год из Твери града архиепи-
л. 71 об. скоп Евфимий || посла ко царю под Смоленец замок и ключ,
а писа: «Буди здрав, царю, со Смоленцом городом, замыкай
замком, отмыкай ключем Смоленец град». И царь гнева напол-
нися: «Калугир посмехает мне, что под городом стою много
время». Посла по него немилостива гонца: «В чем владыку за-
стигнешь, в том без милости взяв пред собя поставить и на казнь
л. 72 предать». || И погна гонец. И 3 дня град Смоленец бог поручил
царю Ивану, и збысться пророчество тверскаго владыки. Гонец же
владыку привезе во единой келейной свите и без пояса и боса.

Царь же благословися у него, прося прощения, и пожалова, и удари его царскими дары, и отпусти его честно, и проводи до пути.

Лета 7096 при благоверном и храбром цари и великом князе || Иване Васильевиче всея Русии полкие люди, атаманы *л. 72 об.* казачьи Ермак Тимофеев да Арган Андриев своею дружиною с казаки бысь на Волги реки, изменили государю, у понизовскых городов усть Самары реки государева посла погромили и казну царьскую пограбили, и царь на них положи свой гнев. И посла гонцы в Нижной Новгород и во вся || понизовские и поволские *л. 73* городы к воеводам, и повеле их казаков поимать, привести, сковав без милости, к Москве, поставить пред собя царя. И казаки Ермак и Яргак с Волги ступиша в Великую Пермь, и в Перми на Чюсовой у Строгановых взяв запасу хлебного и оружия, и прибрав к себе волних казаков служивых людей, и ступиша на верх || Туры реки сибирскыя. И по Туре тотарские острожки и *л. 73 об.* юрты изгоном поплениша и тотар посекоша, и поделаша струги легкия и щиты, и поплыша вниз по Туре и Аркиш реку под Сибирское царство, под Тобольский город, и Тоболски за щитом взяша, и многое множество тотар побиша и посекоша. И сибирскый царь Кучюм || своими царевичи бегству даша в полские *л. 74* далние дебрие меж озера в непроходимыя места. Атаманы ж и казаки Тобольский город засели и окрестныя тотарскыя улусы и юрты тотар побиша, а иных под свою область под царскую руку Московского государьства покориша и Тобольский град утвердиша. И послаша к Москве послов своих 10 || казаков, и послаша *л. 74 об.* ко царю дары честныя, черныя и бурнастныя лисицы сибирскыя. И писаша на собя повинную отписку с великим уничижением: «Благоверный и благочестивый государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии, твои холопишка атаманишков казачьих и с казаками наши головы на плахи под твой царь||ской меч и *л. 75* саблю, что мы пред богом согрешили, воровскы на Волги твою царьскую казну пограбили». А другую отписку писали к царю к Москве: «Божиею милостию и помощию и заступлением пречистыя богородицы и молением московскых чюдотворец, и твоим царским величеством и счастием, и храбростию, и грозою на твое царское имя и величество бог || покорил Сибирское царь- *л. 75 об.* ство, взяли и Тобольский город засели, и тотар много побили, а иных тотар под твою царскую руку покорили. Буди, государь, здрав и многолетен на Сибирском царствии и дай нам своего крепкого воеводу и служивых людей». И казачьи послы пришли к Москве и пред государя царя повинную отписку и другую отписку положили. || Взятье Сибирскаго царства. Государь царь *л. 76* и великий князь Иван Васильевич прослави бога и возвеличи похвалою атаманов и казаков. И сам царь рекоша: «Храбрии атаманы казачьи Ермак Тимофеевич да Арган Андреевич, своею храброю дружиною и с войскым казачьим буди на вас божия

милость и мое царское величество Росийского государства».
л. 76 об. И оттоле утвердись || Сибирское царство под Московскую
область и до сего дни.

Лета 7105 году Юрье Долгушин устьцылемец да пан литовской полоненик, да Смирной пинежанин лавелец первые Мунгазею проведали Надым реку, а на другой год Таз реку. А воевода 1<-й> в Мунгазеи Мирон Шоховской.

Государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии
л. 77 жаловал холопа || своего Бориса Федоровича Годунова, шурина
сына своего царевича Феодора Ивановича всея Русии, и как Борис болен был, тогда царь Иван Васильевич по своему жалованью приезжал к нему, и с ним холопи его были. И говорил царь Борису: «Борис, не ты болен, сын мой Федор болен, и богом даная моя дщи невестка Ирина болна, и аз болен».
л. 77 об. И про||стре свою царскую длань и указал на свои персты 3, глаголя Борису: «Борис, как те 3 перста моей длани видиши, так сын мой Федор и богом данная дщи Ирина да и ты, Борис, нашего царскаго величества вместе, как есть сын мой, а не холоп». На Борисе царьское милосердие и милость учинил по-
л. 78 прежнему. Егда ж восхотевше богу преставись, || во он безконечный век от жития сего, тогда повеле к себе приити духовному своему архимариту Феодосию, хотя ему исповедати поведание пречистых таин, покаятися, и на то время был Борис предстоя у него у царскаго одра, и духовник Борису глаголя: «Вон выступи тайнаго ради исповедания». И царь Иван не повеле
л. 78 об. Борису вон || итти, повеле предстояти у одра, глаголя: «Тебе душа моя обнажена вся при последнем издыхании духовнаго архимарита свидетеля поставляю». И слез очи свои наполняя, глаголя Борису: «Тебе предаю душу мою, и сына своего Феодора, и дщерь свою невестку Ирину, и все царство наше великаго государства. Ты ж соблюди яко зеницу ока. Аще ли не
л. 79 соблюдешь || их, воздаси о них ответ пред богом на сем свете и в будущем веце».

Уложена книга о Борисе в царствующем граде Москве, как царь Борис воцарился лета 106 февраля в 17 день первым Иовом патриархом московским и всея Русии. В лето 7097 царю и великому князю Ивану Васильевичю дошедшу конца преставися. Сего ж царский скипетр восприемник бысь сын его царевич ве-
л. 79 об. ликий князь || Федор Иванович всеа Русии. И той бо не радя о земном царствии мимоходящем, но всегда ища, како бы небесное царствие получити, в славе ж вознесеся брат царицы Ирины Борис Годунов. Брата ж царя Федора царевича Дмитрия Ивановича не единоматерня отдели на Углеч, вельмож же московскых советом, с материю пребывати. Сему ж Дмитрию царе-
л. 80 вичю в лето || 7099 память его крови неповиныя во всей Росии. Егда же заклан бысь той незлобивый агнец Дмитрей Иванович, тогда весь град Углеч возметеся и, вземше убийц Данилка Би-

туковского, Вавилка Кочанова и самого Михаила Битуковского, смерти предаша. Борис же за тех убийц углечан боле 2 сот человек погуби, овех в Сибирь сосла, иных же || в темницах лютою смертию погуби. Матерь же царицу Марию неволею постречи повеле, 10 лет в скорби пребысь. Отца же ея Феодора Нагово со всем родом его в нужные места розосла и смертию скончася. *л. 80 об.*

Лета 7106 блаженому царю Федору Ивановичю пременившуся земное царьство на небесное, преставись. В лето 7107 поставляется царем Борис Федорович, вен||чаему и благословляему Борису рукою патриарха Иова, во время святыя литургия стоя под тою рукою. А Федорово племя нача не любити смущения ради, мало по малу нача смерти на них поучати и великому боярину Никиты Романовичю приступи и сверже от себе, а Федора Никитича со всею братию много им безчестия и зла нанесе им, || а 4-х смерти предаде, Александра и Василья, Льва и Михаила. Феодора болшего Никитича неволею иночествовати устрои, Иван же токмо 1 остася, а Феодор Иларион во многих томлениих. По умертвии Бориса возведен бысь на престол великаго чюдотворца Леонтия в Ростов, как извек, Никитич. В лето° 7109, в ключе слово Ф, луна 3. В то время гневом || божиим омрачи бог небо облаки и дождь пролияся на земли, и залило хлеб на нивах и траву, а в Поморие безмерным мразом во всю вселеную иззябл. Царь же Борис в то лето многу милостину творяще к нищим, и от многих градов и стран нищии збирахусь славы ради царевы и милостыни. По страном и по градом, считаючи по повелению цареву, || гладною смертию изомроша и погребоша в 3-х скуделницах 127 000 толико во единой Москве. Тогда бысь в царствующем граде Москве боле 4 сот церквей, а всех тех неведомо, колко погребоша, гладною смертию изомроша а еже во всех градех и странах, никто ж исповедати может. Царь же Борис гордости и злаго ума наполнися, погорде во || своей земли сына и дщерь свою браку совокупити, от иных язык любляше и к ним о сватовстве посла. От Дадскыя земли царевича привед, хотя дщерь свою дать за него. Тако ж сыну невесту изволи от Татарскых царств привести ис Хвалися. Тамо много от праведных зле погибоша от кумык и от черкас горскых в непроходимых нужных местех || подле море Хвалынское, мысля от востока невестою, от запада ж зетем примирити к себе и царство крепить и утвердити. И та мысль у царя Бориса не збысться. Слава ж в мире царь Борис посылает царя в Касимове, поддавлет ему князей ногайскых, Арус истороканскых, укрепляя того врага поборника себе и чадом || своим. В лето 7113 некто чернец, именем Григорий рода Отрепевых, юн еще собою навык чернокнижию и прочим злым, отшед от Росийского государства, вселися в пределы королевства Польскаго,

л. 81 *л. 81 об.* *л. 82* *л. 82 об.* *л. 83* *л. 83 об.* *л. 84*

° *На поле помета* Безколос.

тамо живя и составляя ложная писания и посылая повсюду, поведуя, жива царевича Дмитрия себя нарицая. Сам же от места
л. 84 об. до места преходя || и крыяшеся и мятяшесь двою царствы всеми людьми мудростию своею и дьяволскым навождением. И за то его прельщение яшася крепко сиверскых и полскых градов жители, вечныя холопы московскыя, друг от друга вси таж и град от града. Четвертая часть всея вселеныя Европию в 2 лета
л. 85 посланми своими прельсти, також || и рымский и всему западу возвести и знатна отечества являше и польскому кралу третьему Жигкаменту все наместную за него повелеша строити. И приложися он к вечным врагом христианским, к латынским ученикам, и обещашася вся Росия привести к стриеви антихристову под благословение, а хто не почнет веровати ему, тех всех предать
л. 85 об. смерти, || аще бы не господь обличил и сверг его. Слышав же царь Борис, что идет царевич Дмитрей с войском к Москве, и собра царь Борис войска и посла с ними воеводу, сродича своего, Якова Годунова. И стретил на рубежу, и прелстися Яков Годунов со всем войском предался Розтриги и целовав крест со всем войском, и писа к Москве к царю Борису: «Воистину
л. 86 идет царевич ||Дмитрей Иванович». И царь Борис впадеся в печаль и кручину великую и недоумеюще, что содеяти, и впредь войска копити и никако ж противитися, что обыде страх его божиим гневом. И еще Гриша Отрепьев не дошед до Москвы, и Борис с царства свержен бысь, и с его подручники. А рода Борисова
л. 86 об. Годуновых на Москве бысь 72 двора, и единаго дни || в 3 часы всех их разориша и дворы их разграбиша, и животы их разнесоша, и жилища их до основания разориша, и людей их посекоша, а иных в темницах засадиша. И ни из единаго двора никако же не попротивишася нисколько, ни врат у двора покрепиша, божиим гневом ослабеша обыде грода их и вси руки ослабеша. Патриарха
л. 87. Иова ухватиша во всем || святительском сану, начинающи божественую литоргию, и помчали из церкви непутем влачим позорно, аки злаго некотораго. Да с ним схватиша Матфея Годунова и помча безчестно, и неведомо где им смерть без вести учиниша. Остася от них Стефан Годунов 1, и той скрыся в тайных местех. Сын же царя Бориса Феодор с материю своею сами злой
л. 87 об. смерти от лютого || зелия предася. А царь Борис Григорьевым умышлением злою смертию посчен бысь в лето 7113, и его подручники Борисовы и з домы своими разсеяни быша. Той же чернец Гриша Отрепьев по его Борисове смерти того ж лета на царство восходит, нарицая себя Дмитрия церевича, и от многих
л. 88 знаем, что Гриша Отрепьев чернец. И хотяше у||[п]крепитися на Росийском государьстве на Москве царем, и собра к Москве весь род царевича Дмитрия убиенаго, которых Борис царь розвозил,

---

[п] *На листах 88—90, 92 на верхнем поле в виде колонтитула* О Рострииги.

всех собра и тех привед прелщеньми, последи же и дарми
прельсти ж. И матерь царевича Дмитрия иноку Марфу, бывшая
жена царя Ивана Васильевича, нарицает того врага сына своего
суща царевича Дмитрия. И галичана вси обли||чаху его, и мати *л. 88 об.*
его, Богданова жена, Отрепьева вдова Варвара и с сыном своим,
Григорьевым братом, и з дедею Смирным Отрепевым також об-
личаху, что не Дмитрей царевич. И деда его в Сибирь сослан
и много приим озлобления и муки. И за то мученицы явишася.
Тогда дворенин Петр Торгинев да Федор колачник без боязни
того обличаху, и по || многих муках главы отсекоша им среди *л. 89*
Москвы. Той же Феодор ведом к посечению, вопияше всему на-
роду: «Се прияли есте образ антихристов и поклонистеся по-
сланому от сотоны, тогда разумеете, егда вси от него погибнете».
Москвичи ж ругахуся ему и по делом суд тому быст, глаголюще.
Також и Петру казень ни во что ж вмениша и изказни их вборзе. ||
И вскоре по них князь Василей Иванович Шуйской на плаху *л. 89 об.*
осудися за его ж обличение, его ж усрамишася, поляки у Роз-
триги едва упросиша от посечения. А панов литовскых в войске
с Розтригою: князь Костянтин Вишневской, да 4 брата Тик-
шеевичи, да пан Талинской, да пан Велимонской, пан Козо-
нов||ской, пан Костовской, и иных 20 панов. А рохмистров: Сума, *л. 90*
Будило, Стрела и иных 30. Да полские и литовские люди, и
иных земен люди, желныри подолские, бусары жемоцкие, февлане
мозовецкие, черкасы Запольские земли, тотара и Сиверской
земли. Потом же советом его злым с патриархом Игнатием поко-
ришася вси ми||трополиты, архтепископы и епископы, архимариты *л. 90 об.*
и игумены и весь первоначалний чин, князи и бояра со всеми на-
чальствующими приложиша руки и послы избраша и послаша
в королевство у пана Сердомирского дщери тому Розтриги в жену.
Воистину свидетелствующе о нем в писаниих, что праведно сын
царя Ивана || Васильевича Дмитрей. А вси знающе его, что *л. 91*
Гриша чернец, паче ж Пафнотий митрополит крутискый, при нем
в Чюдове монастыри на крыласе стоал, и у патриарха Иева боле
года во дворе был, служа писмом, и за его еретическое воровство
от него збежал в Литву. Яко ж все Росийское государьство в бе-
зумие вдашася и возлюбиша || лесть и лукавство. Окаяный Роз- *л. 91 об.*
трига сам усоветова с паном Сердомирскым, как был в Польши
в дому Сердомирского, рекся взять дщерь Маринку. И привед
с собою на брак беззаконных пиршествник 6000 избранаго войска
и взяти быша вси домы великия на панов не токмо у простых,
но и у властей и вельмож, и у нарицаемых лож||ных родителей *л. 92*
его у Нагих, и насилие бысь велико и еретичество. Розтрига ж
хожаше в войске великом, спереди и ззади хожаху с протазаны,
алиберды со оружием, бояся того, что над царем Борисом содеяся.
Казаки и холопы не смеюще ничего глаголати, а хто Розтригою
промолвит, тот без вести погинет. Мнози ж погибоша, а иныи ||
во учиненый ад вечный гроб. Вскоре ж тогда проклятый папа *л. 92 об.*

римскый с листом посылает по прежнему злому умышлению потребити как вера християнская. Он же окаяный вскоре решашеся тако сотворити и венчася с Маринкою в дому божии, и насильством много девьственых душ оскверниша женска полу и
л. 93 мужска, и инок добро||образных. Сему ж беззаконию не терпя, велможа дьяк Тимофей Осипов, муж благочестив, приим пост и молитву со слезами и причастие святое, и пришед в полату цареву, пред всеми Розтригу обличи: «Воистину ты еси Гриша Розтрига, а не царев сын Дмитрей, греху раб и еретик». Розтрига ж
л. 93 об. не терпя обличения, осрамотевся и в той час смерти || предасть Тимофея, и бысь мученик. Той же Розтрига посылает крымскому царю з дары безчестны, зделав шубу от кож свиных, и в писании являя себе приготовльшеся со всею Польшею страною грядуще к расхищению твоего царствия и жилища римскаго. И повеле Росии всей и от поляк многих итти на Азов град и на твое
л. 94 Рим||ское царство, и на все жилища татарские, немедлено послав нарядно много избранаго, наряд пушечной по Дону плавною, а по суху полскыми проходы повеле рати итти. Проиде ж весть и до Костентинаполя о сем, и готови быша турцы ко пролитию крови християнскыя, хотя тем погубити росийскых крестьян. Гос-
л. 94 об. подь же его злый совет разори и дело || его не проиде. Враг же той Розтрига умысли с еретики посещи всякого чину, князей и боар московскых, и велмож, и по простых людей нача умышлять каким образом, и хотяше игру зделать за враты Стретенскыми к Напрудному на поле и стрелять из снаряду, и всех побить. Лютый же той совет Розтригин преж 2 дний людие открыв ||
л. 95 уведали, и в 10 день сам окаяный скончася, а преж сам советова на 35 лет жития себе, но врази его не предаша много лет жить ему, в той день повелением божиим вси восташа на него московстии народи и предаша его Розтригу лютой смерти, и много пролих с его Розтригою крови. И по убиении Розтригине в 4 день
л. 95 об. малыми некими от царских || полат излюблен был царем князь Василей Иванович Шуской, и возведен бысь в царский дом, никим же от велмож не прекован, ни от прочего народу. И устроися Росия на 2, овии убо любяще его, а инии ненавидяще. Сивера тогда помысли, что от царя Ивана Васильевича розгром был Новугороду, також и нам будет от того царя Василия, и
л. 96 вскоре отлага||[р]ются от державы Московскыя, занеж много зла доспели в Росии, егда возводяще Розтригу на царство Росийское начаялися одоление вконец на Росию и приложились к Польскому кралевству в работу. Царь же Василие много молив сиверян и писал к ним митрополитом Пафнотием крутискым, и со архимариты, и игумены, и с прочим народом, что на них зла не привезти. ||
л. 96 об. В то же время от царя Василия посланы боара, и воеводы, и

[р] *На листах 96 и 103 на верхнем поле в виде колонтитула* О Цари Васильи.

множество крепких воин под Колугою, и много голов положиша и со студом отступиша. Посем же сам царь шед с войскым Василей на Тулу воевать град и потоплением водным взят, и оттоле начальствующих злодеев: ложнаго царевича Петрушку, холопа свияжскаго стрелецкого головы Григорья Елагина, || нарицающаго *л. 97*
его сына царя Феодора Ивановича, Ивана Болотникова, холопа ж князя Андрея Андреевича Телятевскаго, завозщика всей беды, поимали. Те ж злодеи того не устрашились и вскоре призва к себе на помощь полскых и литовскых людей, прежным обычаем нарекоша ложнаго царя Дмитрия от Сиверскых град попова сына Матюшку Веревкина. И тако брани и воины || боле 3 лет, и *л. 97 об.*
множество бысь во всех странах божиим попущением и от предел востока, полскых градов, Крыму и Рязанская земля, и Пустая Ржава, и Луки Великия, и Великий Новград, и Псков, и Ивангород. И ничим же задержав был одолеша врази православных крестьян, дошедше царствующаго града Москвы, обшедше круг Москвы. И разделишася московскыи || людие надвое, умышляюще *л. 98*
кождо в себе, глаголюще: «Аще будет взята Москва, то тамо отцы и братья наша, и дети, и род, и друзии нас соблюдут. Аще ли мы одолеем, то мы их тако ж соблюдем». И того ради и инии изкакаху из Москвы вон в табары, а инии осташа в Москве. Полскыи ж и литовскыи люди, и воры, и казаки тех переметчиков московских людей || ни в чем им не вероваху и ругахуся над ними, *л. 98 об.*
аки волцы над сими овцами играюще и их искушающе и иных вместо щитов от меча от сабли оружия поставляюще, за собя и быша им стена крепка изменикoм от оружия и смерти. И смеющесь поляки и литва их безумию, что они сами из доброй воли к ним прискакаху на злую смерть. И || одолеша поляки и литва *л. 99*
окрест Москвы Ростов и Венигород и к Волги — Переслав и Кашин и Твердь, и Тушин, и многие городы, и пригородки, и села пожже, и кровь крестьянскую пролия. Руских же измеников и переметчиков в полцех у собя поляки и литва ни во что ж почитаху, а себя от них измени блудяху, егда ж корысть делити что добычи, то все || лутчее поляки имаху силою отъимаху, а они изменницы *л. 99 об.*
не могуще себе пособить, и полон красных жен, и девиц, и юнош не токмо у худых, но и у начальствующих у болших отъимаху и не могуще от руки их изхитити роду своего, и жен, и детей, и братию, и сестры, но великою ценою откуплют и то по великой дружбе и смеющесь поляки им цену взяша, || а их не отдают и *л. 100*
другую цену возмут. А когда отдают, и на путь заедут со оружием и опять в полон отъимут. Таков божий гнев наиде. А иныя жены и девицы своим искуповаху ис полону, а иныя от своих к поляком отбежаху, хотяще с ними жить, а иные на мужей своих поляков к смерти поучаху, руских измеников камено сердце видя над собою таковое безмерие и по||гибель и не покаявся. Царем же *л. 100 об*
играху, яко детищем, всяк выше меры жалованья хотяще, мнози ж целоваху крест и ко врагом прилагахуся и в Тушино отъезжаху

и тамо целоваше и жалованье у врага имаху, и опять к Москве отъезжаху, и паки у царя Василия болше прежнего честь и дары
л. 101 приимаху, и опять к королю отъезжаху, и много тако мяту||щеся. Царь же Василие, видя таковое смущение, много повиных казня, с ними ж в 2 неповиных, и не могий обратити добрым и великим жалованием и честными дары, и злою казенью смертною, видя многи руския грады разоряемы и много крестьянскыя крови проливаемо божиим гневом гоними, 1 сто гонит и 2 двигнут тмы.
л. 101 об. Тогда ж || отъеха ногайскому князю Урус сын его князь Петр и отвержеся веры крестьянскыя и велику честь от себе отверже, жену свою покинул и со отцем своим с нагайскими тотары и много зла содела по всем украиным городам. Також и Борисом поставленый касимовской царь тушинскому ложному царю приложися
л. 102 и с полскыми людьми и з || рускыми изменики везде ратоваху. И тогда во всех церквах скот свой затворяху и псов во олтарех питаху, и священыя ризы драху и на ноги обуваху, и феврони покрываху, и свяшеныя ризы блудницы одеваху пияху и плясаху, и святыя церкви и монастыри огню предаша, и крестьянскую кровь пролияша, и в плен ведоша мужскый пол и женскый и архиерескы. ||
л. 102 об. Но и от первопрестолник наместника Леоньтия чюдотворца и прочии по нем, святый ростовскый митрополит Филарет разумен в делех и словесен, тверд в вере Христове. И сего убо митрополита Филарета исторже силою от церкве и ведуще его путем боса, токмо во единой свите, и ругахуся ему, облекоша в ризы языче-
л. 103 скыя и покрыша || главу тотарскою шапкою, и нозе обуша в сандалия женская. И приведену бывшу ко Лжехристу поляком, и хотят ко своей прелести принудить, и нарицают его патриарха, и облачают священыми ризами и златым поясом, и златым посохом почествуют, и служить тому, яко ж и прочим святителем даруют. Филарет же разумен, ни на десно, ни на шуе очи не отведе,
л. 103 об. но бысть тверд в вере || Христове. Они ж злодеи блюдуще того крепкими стражи, никако ж ни словесы, ни очима помавающи. Тако ж и тверскый архиепископ Феоктист обезчестивше многих муках и к Москве на пути смерти предаша, от православных взято тело обнажены кости. Тако ж и суздалского архиепископа во из-
л. 104 гнании скочася. Епископа ж коломенскаго к пу||шки привязавше, под грады возяще, сим страшаще. И многих имали освященаго чина тех вер отвергоша, мнози мняще погибелнаго конца и нужи великия не можаху терпети. И злии изменицы з башен гродных на землю метаху, а иных з берегов крутых во глубину рек с камением верзаху, а иных развязавша из луков и из санопалов стре-
л. 104 об. ляху, и иным же голени || на полы преломиша, иных же чада восхитивше пред очима родителей на огни прыскаху, а иных от сосцу матерну отторгаху о землю и о пороги и о камень и о углы убиваху, а иных, на копьях и на сабли воткнувше, перед родительми ношаху. А красных жен и девиц на мног блуд взимаху и многими
л. 105 осквернени нечисты умираху, мнози ж и сами из||резахуся смерти

приимаху, дабы не осквернитися от поганых, и инии ж з берегов высоких мест метаху, негде крытися, а младенцов плачющих задавляху, дабы для них самим не погинуть, и порты затыкаху и обрящаху мертвы. Яко пустыницы со зверми в пещерах живуще, и никому ж ни с кем невозможно отбегати, аще не обещяеши иночествовать, но дождь || и снег и студ нагим телом терпяше от *л. 105 об.* беззаконых оскверняеми зле. Тако ж и братия за сестер своих нерушимаго ради действа красоты скончевахуся. Мнози ж и холопи ругающеся госпожам своим, привязавше мужа, или сына, или брата пред очима их студ содевающе не 10 человек, но двоицею, да иж и до пролития крови, не щадя ж и не невозрастших юнок || и милостыню нагих отпущаше прошать, а крови текуще и власом одраным, а никто ж избавит их. Святыя ж и честныя инокины *л. 106* разтерзаеми бываху и по станом влачими, оскверняеми блудом, и даваху им мяса ясти в постныя дни, и святыя иконы и царския двери постилаху под скверныя постели, и блуд содевающе, и нечисты седяше и зернию играше, и всякими || бесовскыми игры, *л. 106 об.* иконы колюще и вариво и печиво строяще, и из судов церковных пияху и ядяху, и мясо на диоскорех и в потирех и розбивающе на свою потребу, и на конскую в узды. И пелены шитыми покрываху кони и надеваху вместо приволок, как на бой поезжаху, и поясы священыми по блюдным недром поясаху, и хорюгови церковныя вместо знамен || ношаху. Сия ж вся попустившу богу за *л. 107* беззакония наша, да не надеемся на красоту, ни на влажение драгое святых икон, добро убо и приятно богови украшение честных икон, не от лихоимства, и не от неправды, и не от посулов, ни от гордости, ни от прочаго злаго имания.

Сказание, что содеяся в дому Живоначальныя троицы, заступлением пречистыя богородицы и великих || чюдотворцов Сергия *л. 107 об.* и Никона избавлена бысь обитель от полских и литовских людей и руских изменников, келаря Аврамия Палицына.

Царь Василей Иванович в осаде и полза граду Москве от обители Сергия чюдотворца, и к морю Студеному от Великаго Новаграда, и Вологды, и по Двине реки до моря, и на восток вся Сиберская земля, и от Казани вси || — все во обитель чюдотворца *л. 108* притекаху. В той лавре архимариту Иасафу, келарю Аврамию и прочим братиям и монастырскым слугам, и от градов многи притекоша во обитель чюдотворца бежаху, и всех монастырь приимаху, а воинствующих людей всех от трапезы питаху. Царь же Василие посла в Датскую землю и в Аглинскую и в Свитскую о обиде на полского || короля, прося помощи. Король Арцы-Кар- *л. 108 об.* лус посылает на помощь врагу Александру литовскому, и пленяще землю Рязанскую и Володимерскую и Нижгорскую, и грады огню пожже от Володимера до Переславля, и поиде к Сергиеву монастырю, и удаляются к стенам дому чюдотворца. И первое зло показа начальнии посад Климентиев || и окрест ту жилища огнем *л. 109* пожже и крестьян посече и кровь пролия. И советует Вор с Лит-

вою, как разорить дом пречистыя Троицы. И собравшуся сотонину
сонмищу, отвергше уста своя, аки псы советуют, беззаконая глаго-
лют царю Дмитрию: «Доколе стужают и досажают твоему бла-
городству грако воронове, вогнездившеся во гроб каменой и до||
л. 109 об. пакостят нам, на путех вестников наших имают, от лес исходят,
что звери лютые смерти предают и грады розговаривают крепко
не покорятися твоему величеству, и служити учат царю Шубину,
и всяко писание наказывают и посылают по градом и противитися
велят, а сказывают — сохранят нас всегда молитвы Сергия чюдо-
л. 110 творца || и Никона, а сами седят, аки во гнезде укрепилися, как их
разорить. И ты сам, царю, знаешь, что от самых царскых полат
мнози тут почернишася живут, а не разорить их, всегда нам пако-
сти чинят и ждут к себе на помощь Михаила Скопу с черными пси,
свийскыми немцы, и Федора Шелеметева с низовскыми людьми, и
л. 110 об. соберутся вси. А тот монастырь || занят у них крепко и могут нам
победу злу доспеть, а ныне нам вели имать, толки не повинятся,
и разорим прахом жилища их». А хвалится Сопега взять монастырь
с поручники: Петр Сопега, пан Александр. В лето 7117 при цари
Василье сентября 23 день пришед под Троицькой монастырь гет-
л. 111 ман Петр Сопега и пан Александр с польскими и литов||скими
людьми по московской дороги. И на Климентове поли осадные
люди конные и пешие бой велик сотвориша и литовских людей
побиша, а сами здрави возвратишася. Литовскыи ж людие сие ви-
девше, воскрыча нелепыми гласы, спешно и сурово обходя со всех
стран монастырь. Архимарит же Асаф собором и народом вниде
л. 111 об. в церковь живоначальныя Троицы, || и ко образу богородицы и
чюдотворцу Сергию молящеся со слезами о избавлении града и
люди, обитель и слободы огню предаша, да не будет брато жи-
лище. Сопега ж и Лисовской, разсмотряше мест, иде ж стати, и
разделивше, и начаша строите себе станы, и поставиша 2 острога
л. 112 и крепости сотвориша, и пути вся заняли, ни в дом, || ни из дому
чюдотворца. Осадные ж воеводы князь Григорей Борисович Дол-
горуков да Алексей Голохвастов и соборные старцы приговорили,
что покрепить город осадою и всех людей привести ко кресту, и
головам быть старцем и дворяном. И раздели стены и ворота,
и снаряд устроити по башням, и в подошевных боях всяк кождо
л. 112 об. ведает и хранит свою стену, на || браную потребу устрояют и
с приступными людьми биются со стены, а на иную службу не
исходят, а на выласку и в прибавку людей устрояют особ. Праз-
нику ж светло празнуему Сергию чюдотворцу, и околных много
прибегоша, и теснота бысь в монастыри, несь места порозна, и че-
л. 113 ловецы мнози без покрова сущи. И наста осень и зима, || будет
потреб не имуще всем изнемогыющим. Жены чада ражающи пред
всеми человеки, а срамотою негде крытись. И всяко богатство не
брегомо и татьми не крадомо, всяк смерти прося со слезами и плача.
Видеша знамение священо инок Пимин на память Сергия чюдо-
творца стоя на молитве, и се оконцем келии свет восия, яко по-

жар, и мнев, яко врази зажгоша || монастырь, и на рундук вышед, л. 113 об.
над церковию святыя Троицы над главой столп огнен стояше до небеси. Пимин же велми ужасеся страшному видению и возва братию, Иосифа диякона, и Серапиона, и старцов. Они ж, видевше, чюдишася тому знамению. И помале столп огненый свився и вниде оконцем в церковь. И всенощному славословию бывшу, и моле||бны совершивше, и собрашася множство народа и советом л. 114
началник и всех людей, и крестное цалование бысь, что сидеть в осаде без измени: в первые воевода князь Григорей Долгоруков да Алексей Голохвастов, и дворяны, и дети боярские, и слуги монастырские, и старцы, и все воинство. Оттоле бысь во граде братолюбие, все со усердием ратовахусь без измени. И литовскыя || людие уставиши сторожи около монастыря не бысь проходу, л. 114 об.
и мысля как взять монастырь, град ниско стены, ласкотою и грозою у воевод и у народа просим, аще не здадутся, и мы подкопом без крови возмем. И послаша во град сына боарскаго Безсона Руготина с листом архимариту з братиею от великаго гетмана Петра Павловича Сопеги во град || Троицской Сергиев монастырь, и л. 115
воеводам Григорью Долгорукову, и всем людем. «Пишем к вам, милуючи и жалуючи вас, покоритеся царю Дмитрию и здайте град, и пожаловани будет от царя. А не здадите, то не на то пришли, что не взять. А то ведаете, что городы ваши взяты и Москва в осаде. Мы вам добром пишем, и сами себя помилуйте, не пролейте крови своея. Аще не з||даите, то злою смертию умрете, л. 115 об.
а монастырь ваш до основания разорим, аще статус божий Иасаф помни жалованье царя Ивана Васильевича, а ты все забыл. А князю Василью Шубину доброхотствуеши и учите войску противитись, царя позорите, и царицу Марину Юрьеву, и нас. Мы тебе пишем царским словом, запрети попом, чтобы не учили во||йска не покорятися царю Дмитрию, но моли за него бога. А нам л. 116
град здайте без крови». Архимарит же Иасаф з братьею, и воеводы, и все войско, видевше лукавую их прелесть, и помолишася богу о избавлении града, писав против отписку к поляком и изменником. Воеводы приговорили со архиепископом и со всеми старцы писали к Сопеги: «Знаем ваше || проклятое державство, л. 116 об.
прельщаете стадо Христово православных крестьян 10 лет. Хрестьянское дитя посмеется вашему безумию и совету, что к нам пишите. Мы приимше письмо оплевасте, кая полза оставить нам веру истиную и лжу прияти и вовеки мучитися покоритися Вор и латыням, хуже вы жидов». Видевше отписку, что не покоряются, ||
и повеле Сопега ко граду приступать со всех стран. И манастырсти людие бьющеся крепко. Сопега ж повеле туры прикатить и наряд поставить: 1) за пруду, 2) на московской дороги, 3) на Терентиевской рощи, 4) на Крутой горе, 5) на Красной горы, и всех 10, и вал высок засыпать, и по тому валу конные и пешие хожаху и бьюще 6 недель из верховых железных || ядр, и л. 117 об.
монастырь невpежен бысь. И воеводы из града вышли с войском,

и слуга Оска Селевин забыл бога, утече в литовские полки. Литва ж злые ярости наполнися и побили и ранили стрельцов и казаков, и голову стрелецкого Василия Брухова, и в монастыри пострегли, со исповеданием душа предаша. Пономарь Елинарх седя
л. 118 почил, и был сон ему, и шед к нему || чюдотворец Сергий: скажи воеводам и всем людем, к пивному двору приступ будет тяжек, и оне бы не ослабели, билися крепко. И вышед святый, кропяше водою святою. С недели на понедельник. 3 час нощи литва со всех стран приступиша, и взем дрова и смолу и береста и зелие и зажгоша острог у пивного двора. И от того огня осветиша полцы
л. 118 об. поганых и из-за туров || много литвы побиша под стеною близко. И видеша литва, по стенам града собором ходят со кресты много людей, и побегоша в табары. И на Княжни поли рохмиста Брушевского поимали и роту побили, и пан с пытки сказал, подлино подкопы ведут, под кое место, того не знает, и хвалится етман взять замок Сергиев монастырь и огнем выжещи, а мнихов му-
л. 119 ками казнить, людей погубить, || а не взяв прочь не ити. И не дают воды черпать, и бысь жажа велика, и повеле слуги Власу Корсакову ров копать вон града. Литва ж прискочивши, почали побивать, и из города много литвы побиша и живых поимаша, и на пытках пыташа о думех их и числа. Они ж сказаша: «Етман град взять надеется подкопы и приступы. Октября 12 день подкопы по-
л. 119 об. вели под кое место, того не ведает». А панов с Сопегою: пан || Костянтин Вишевской, да 4 брата Тикшеевичи, пан Талинской, пан Велимонской, пан Козоновской, и иных 20 панов. А рохмистов: Сума, Будило с треми, и иных 30. А войска людей польские и литовские, желныри подолские, гусары руские, пруские, жемоские, мозовецкие и литовские, и многих розних городов, тотарова и
л. 120 черкасы волские, казаки донские, азтороканские, || сиверские, и всего войска 1000 тысящ, кроме черни и поляков. Сопега ж 3 дубы вместо свив и концы оковав, и на колесех под град подкатив. И 300 панов в ворота ударит, и не возмогоша врат проломить. И ис подошевного бою много литвы побиша. И та их мудрость себе на пагубу, и побежаша в табары. Воевода ж и вси
л. 120 об. людие хваля бога. В лето 7118 || заводчик разанец Захария Ляпунов да Петр Засекин да князь Афонасей Турдеев с товарыщи царя Василья Ивановича пострегли и свезли в Литву з братиею его, князя Дмитрия да князя Ивана Пуговку со всеми властьми, и отдали королу, а просиша у короля королевича Владислава царем к Москве. Лета 7119 маия в 3 день в Нижнем Новгороде ||
л. 121 видеся человеку, именем Григорию, проповедати пост: 3 дни и 3 нощи ни пить, ни ясть детем и младенцем, от человека и до скота, и воздвигнути пост, и храм на Москве Василия блаженаго, и принести образ пречистыя Владимерской, и в том храму молитися, и будет Московское государьство очищено от литовскых насилия, и подасть господь царя благочестива, и утвердится ||
л. 121 об. Московское царство. И по тому пророчеству во всей Росии от-

ворили пост, и подал бог свою милость, московскии людие литовских людей побили, и подал господь бог на Москве государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея Русии, воцарися во 121 году, а преставись 123 год. Лета 7119 году Московского государства стольник и воевода князь Дмитрей || Тимофеевич Трубецкой с войском прииде от Колуги, да князь Дмитрей Михайлович Пожарской от Нижнаго Новагорода прииде с войском. И совокупишася оба заединое под Московское государство со всем своим войском, прося у бога милости и у пречистые помощи, помня князь Дмитрей Иванович обет свой, что за пречистый дом умереть, августа 8 день со всеми ратними пришли под Москву, || и ратних людей постави, и литовских людей осадили, и по станом своим крепости поделали, августа 25 день гетмана Хоткиевича с полскыми и литовскыми людьми, и Наливайка с черкасы побили и во град запасы не пропустили, и языки у них переимали, и Москву град очистили от поганых. И князю Федору Андреевичю и дьяку Путилу, и всей земли, и всем крестьяном молить бога, и пречистыя Богородица, и всем святым.

л. 122 *л. 122 об.*

(*ИРЛИ, Пинежское собр., № 440*).

Н. Ю. Бубнов

НЕИЗВЕСТНАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ ДЬЯКОНА ИГНАТИЯ СОЛОВЕЦКОГО ЦАРЮ ФЕДОРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Летом 1965 г. археографическая экспедиция Библиотеки Академии наук СССР привезла из Каргопольского района Архангельской области рукописный старообрядческий сборник середины XVIII в.[1] В этом сборнике особое внимание привлекает сочинение, находящееся на лл. 421—434 об., под заглавием «Выписано от челобитныя въкратце инока Игнатья». Челобитная написана от имени «соловецких остальцев» к царю[2] и представляет литературное описание взятия царскими войсками Соловецкого монастыря в 1676 г. и казней его защитников.

Сочинение это науке не известно, чего, однако, нельзя сказать о сюжете. Широко известно художественное описание осады и взятия Соловецкого монастыря в знаменитой повести Семена Денисова — «История о отцах и страдальцах соловецких», написанной в 30-х годах XVIII в. Сопоставление текстов нашей челобит-

[1] См.: Н. Ю. Бубнов и А. И. Копанев. Отчет об археографической экспедиции Библиотеки АН СССР 1965 г. В кн.: Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР. М.—Л., 1966, стр. 199—205. Шифр рукописи: БАН, Каргопольское собр., № 20. Рукопись была найдена в деревне Кучепалда, известной по происшедшему там в XVII в. самосожжению старообрядцев. Написана рукопись одним почерком, полууставом, на 435 лл. в 8°, переплет отсутствует. В составе сборника более 30 статей. В их числе сказание об иконе и похвальные слова богородице, жития Артемия Веркольского и Иринарха Ростовского, выписки из жития великого князя Михаила Черниговского и боярина его Федора, выписки из Хронографа и Степенной книги о Смутном времени, сочинения протопопа Аввакума («Послание к Маремьяне Федоровне», «Послание к некоему брату», «Свидетельство о жертве», отрывки из «Книги бесед» и др.), Повесть о патриархе Никоне, выписки из Поморских ответов и сочинений Андрея Денисова, «Обыскание о Пилате» (о крещении Пилата) с «опровержением» этого сочинения, выписки о самосожжениях в Каргополе и на Мезени, выписки из «Книги Василия Великого о убивающих самих себя» с добавлением статьи в защиту самосожжений, подбор выписок о восточных и римских мучениках, челобитная инока Игнатия и послание федосеевцев (Игнатия Трофимовича и др.) на Выг с вопросами о написании титла на кресте, написанное в 1745 г. Наличие последнего сочинения, наряду с филигранями на бумаге рукописи, позволили нам датировать ее серединой XVIII в.

[2] Имя царя в челобитной не названо.

ной и «Истории» С. Денисова свидетельствует о том, что последний был знаком с челобитной Игнатия.

Важной особенностью Каргопольского списка челобитной является то, что в нем непосредственно за «челюбитной вкратце» помещено сочинение, известное в науке как «Книга дьякона Игнатия о титле на кресте».[3] Это заставило нас предположить наличие связи между обоими сочинениями дьякона Игнатия и просмотреть все известные списки его сочинения о титле на кресте. Наиболее интересным и важным из них оказался список, находящийся в сборнике Института русской литературы (Усть-Цилемское собр., № 19).[4] В этом списке сочинение о титле на кресте объединено с отрывком, условно названном нами «Об Адаме нынешнем». Оба эти текста, как мы попытаемся доказать, являются частью вышеназванной челобитной соловецкого дьякона. Причем тексты, содержащиеся в Усть-Цилемском списке, позволяют восстановить значительную часть челобитной, отсутствующую в Каргопольском списке.

Предметом нашего исследования в данной статье являются вопросы об авторе челобитной, о времени и цели ее написания, о ее адресате, а также о ее исторических и литературных источниках. В поисках ответов на эти вопросы мы пользовались и другими списками сочинения Игнатия Соловецкого.

1

Литературное творчество видного деятеля старообрядческого движения в Поморье, проповедника и писателя второй половины XVII в., соловецкого дьякона Игнатия изучено очень мало. Специальные работы о нем отсутствуют. До сих пор известны были два сочинения этого автора: челобитная к царю Алексею Михайловичу, написанная Игнатием еще в период его жизни в Соловецком монастыре, т. е. до 1667 г., и сочинение о правильном написании титла на кресте Христовом, неизвестно когда написанное.[5]

---

[3] См.: П. С. Смирнов. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898, стр. 016 и LXXXI.

[4] См.: В. И. Малышев. Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960, стр. 72—77. В этом сборнике текст о титле на кресте находится в части рукописи, датируемой первой третью XVIII в. (лл. 131—138).

[5] Оба эти сочинения изданы П. С. Смирновым в кн.: П. С. Смирнов. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке, Приложение, стр. 016 и 045. Сохранилось также известие, что некий «соловецкого монастыря старец Игнатей... слагал и писал» житие Анны Кашинской, которое в 1652 г. было увезено из Соловецкого монастыря его заказчиком — пономарем Никифором из г. Кашина и выдано последним за собственное сочинение, якобы написанное совместно с братом, кашинским священником Василием. См. об этом: Н. Никольский. Сочинения соловецкого инока Герасима Фирсова по неизданным текстам. ПДПИ, № 188, СПб., 1916, стр. XXVIII—XXIX. См. также книгу: Житие благоверной княгини Анны Кашинской по сино-

Оба эти сочинения содержат изложение особого учения дьякона Игнатия о титле на кресте, т. е. трактуют догматический вопрос, относящийся к сфере внутренних разногласий старообрядческой общины. На фоне этих деловых, написанных сухих стилем сочинений новонайденная челобитная выделяется образным, необыкновенно эмоциональным языком, свидетельствующим о незаурядном писательском таланте ее автора.

Соловецкий черный дьякон Игнатий впервые упоминается в источниках начиная с 1666 г., когда он принял активное участие в политической борьбе, разгоревшейся в стенах Соловецкого монастыря накануне знаменитого соловецкого мятежа 1667—1676 гг. Однако в конце 1666 г. или в начале следующего 1667 г., т. е. еще до «запора» подвергшегося осаде царскими войсками Соловецкого монастыря, Игнатий с группой соловецких монахов покинул монастырь. С этого момента главным его занятием становится пропаганда идей старообрядчества и собственного учения о написании титла на кресте Христовом. Около 10 лет Игнатий скрывался от преследований властей — сначала в Каргополе, потом в Курженской обители и в выгорецких скитах, часто переходил с места на место, повсюду вербуя себе учеников и последователей. С целью установления связей с другими центрами старообрядчества он в эти годы посетил Псков, Пошехонье, встречался и вел переписку со многими своими единомышленниками: протопопом Аввакумом, игуменом Досифеем, иноком Корнилием и др. Но наибольшей известностью пользовался он в Поморье, где фактически возглавлял старообрядческое движение.

В условиях все усиливавшихся гонений на приверженцев старой веры слабеют надежды вождей старообрядчества на победу над «никонианами» и на завоевание ключевых позиций в церкви и в государстве. Многие из них не видят возможностей для существования старообрядческой общины при враждебном отношении к ней государственной власти. Среди старообрядцев все шире распространяются эсхатологические настроения — ожидание близкого конца мира и наступления царства антихриста, вера в возможность «спасения» лишь «на том свете». Именно так, по всей видимости, эволюционировали взгляды и дьякона Игнатия. Обладая энергичной, деятельной натурой, Игнатий не признавал тактики выжидания и компромиссов с властями. Все его сочинения пронизаны страстностью, непримиримостью и в то же время безысходностью. Известно, что дьякон Игнатий был активным сторонником и распространителем учения об антихристе в толковании Косьмы Косого и поддерживал мнение последнего о том, что «ныне-де на Москве царствует Титин», т. е. «преисподний

дальной рукописи XVII-го века. Б. м., б. г., стр. I—IV (предисловие Ан. Титова). Вопрос об авторской принадлежности жития Анны Кашинской Игнатию Соловецкому еще подлежит выяснению.

бес», который «воцарился» там с 1666 г.[6] Всерьез на помощь такого царя мятежный дьякон не надеялся.

В связи с этим не кажется удивительным, что Игнатий стал виднейшим проповедником самосожжений. Учение о самосожжении как лучшем и верном средстве спасения души и прямом пути к богу в условиях наступающего, по учению старообрядцев, конца света явилось отражением того тупика, в котором находилось в 70—80-х годах XVII в. старообрядческое движение. Успешное распространение этого учения началось в обстановке углубления социального кризиса в стране в эти годы. После поражения народных масс в Крестьянской войне 1668—1671 гг. центр тяжести народного протеста заметно переместился в сферу религиозно-мистических исканий, что выразилось в массовом разрыве крестьян и посадского населения с официальной церковью. Старообрядческая пропаганда усиливала этот разрыв, уводя людей в область религиозных споров, исканий нравственного идеала, привлекая их обещаниями загробной райской жизни в награду за мученичество.

В Поморье самосожжения приняли особенно массовый характер. Только в двух крупнейших самосожжениях в Палеостровском монастыре, в 1687 и 1688 гг., погибло более четырех тысяч человек. Многолюдное прежде Заонежье после этих опустошительных «гарей» буквально обезлюдело. В палеостровской «гари» 1687 г., организованной дьяконом Игнатием, погиб и он сам, заслужив в среде своих последователей славу мученика палеостровского.

Большую известность дьякон Игнатий получил и как распространитель особого учения — «о правильном написании титлы на кресте Христове». Сущность этого учения сводилась к защите написания титла «І. Х. Ц. С.» («Исус Христос Царь Славы») и отрицанию «еретического» написания титла «І. Н. Ц. І.» («Исус Назарянин Царь Иудейский»). Учение о титле Игнатий начал проповедывать еще в бытность свою в Соловецком монастыре, где им была написана челобитная царю Алексею Михайловичу, посвященная защите «правильного» написания титла на кресте. Неизвестно, была ли эта челобитная послана царю или же она создавалась лишь в агитационных целях. Определенно известно лишь, что учение о титле уже тогда находило последователей среди монахов Соловецкого монастыря. Так, монах Фаддей Кожевник «множество святых старинных крестов с положенною на них титлою... со единомысленники своими, обреташаяся на острове Соловецком, посече и пожже».[7] Не исключено, что проповедь учения

[6] П. С. Смирнов. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке, стр. 35; Евфросин. Отразительное писание о новоизбранном пути самоубийственных смертей. Изд. Х. Лопарева. СПб., 1895 (ОЛДП, № 96), стр. 26.

[7] П. Строев. Замечания для истории церковного пения в России. Приложение III. Предисловие к Ирмологу Соловецкого монастыря, составленному в 1678 году при архимандрите Макарии. ЧОИДР, М., 1846, № 3, отд. 1, стр. 37.

о титле оказала определенное влияние на борьбу политических группировок в монастыре накануне и во время его осады. Путешествуя по стране, Игнатий продолжал распространять учение о титле, проявляя при этом крайний фанатизм. Во время посещения Пошехонья, например, он «к дворянину Федору на двор взошол и на крыльце увидел распятие с титлою («еретическою»); верняся назадь и не поклоняся кресту пошол и: недостоить, рекль, с сими человеки молитися и ясти...».[8]

2

Наиболее обстоятельно дьякон Игнатий изложил учение о титле в сочинении, известном под названием «Дьякона Игнатия книга о титле на кресте».[9] Об этом сочинении впервые упомянул инок Евфросин в 1691 г., который писал об Игнатии: «книгам был читатель, и охочь и досуж, а мудрованейце иное имел, и бог знает какое: титлу на кресте не принимал и велику книгу на то собрал».[10] Из последующих столетних споров в среде старообрядцев из-за титла видно, что сочинение Игнатия широко «обносилось во християнех».[11]

П. С. Смирнов, впервые издавший это сочинение Игнатия по единственному известному ему списку Румянцевского музея,[12] назвал его «книгой» вслед за иноком Евфросином. В самой рукописи сочинение озаглавлено: «Писание священнодиакона соловецкаго Игнатия, прежде бывшаго отца и страдальца, обличительно о написании титлы І. Н. Ц. І. на кресте Христове». В. Г. Дружинин в своей библиографии сочинений старообрядческих писателей не сообщил никаких дополнительных сведений об этом сочинении Игнатия, хотя и обнаружил в своем рукописном собрании в одном из сборников XVIII в. сильно сокращенный текст его под заглавием «Из челобитной Игнатия, старца палеостровскаго».[13] Введенный в заблуждение заголовком, исследователь не узнал сочинения, сочтя найденный им текст за выдержку из особой, неизвестной челобитной дьякона Игнатия.[14] Между тем в этом сборнике имеются лишь выписки из сочинения Игнатия о титле на кресте. Заголовок же, в котором эти выписки названы челобитной старца Игнатия, свидетельствует о том, что все сочинение о титле на кресте первоначально было частью челобитной дьякона Игна-

---

[8] Евфросин. Отразительное писание..., стр. 26.

[9] П. С. Смирнов. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке, стр. 016 и LXXXI.

[10] Евфросин. Отразительное писание..., стр. 25—26.

[11] А. И. Бычков. Каталог собрания славяно-русских рукописей П. Д. Богданова, вып. 2. СПб., 1893, стр. 143, 212, 245.

[12] ГБЛ., Музейное собр., № 761, лл. 1—7 об.

[13] БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 118 (149), лл. 114 об.—118.

[14] В. Г. Дружинин. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912, стр. 176, № 3.

тия, адресованной, как мы увидим ниже, царю Федору Алексеевичу.

К такому выводу мы пришли в результате наблюдений над различными списками сочинения о титле на кресте и других текстов, относимых нами к рассматриваемой челобитной. Эти наблюдения дали нам возможность получить более верное представление как о всем сочинении соловецкого дьякона в целом, так и о взаимоотношениях отдельных его частей.

Помимо текста, изданного П. С. Смирновым, мы пользовались списком ИРЛИ,[15] а также списками БАН, которых оказалось всего 4, в том числе один новонайденный Каргопольский и три других из собрания В. Г. Дружинина. На один из них обратил внимание сам Дружинин (собр. Дружинина, № 118 (149)). Другой список (собр. Дружинина, № 605), датируемый второй половиной XVIII в., особенно интересен, так как содержит текст сочинения Игнатия в более полном виде, чем все остальные списки, включая изданный П. С. Смирновым. Правда, и этот список имеет пропуски текста, хотя, по-видимому, не очень обширные. В нем сочинение озаглавлено: «О надписании титлы; от челобитной Игнатия старца, Соловецкаго монастыря бывшего диякона и еклисиарха». Третий список из собрания В. Г. Дружинина (№ 232, относящийся к XVIII в.) содержит сильно сокращенный текст, озаглавленный: «Из челобитной преподобнейшаго Игнатия отца. О титле Пилатовой».

Мы видим, что в трех списках собрания В. Г. Дружинина сочинение о титле рассматривается переписчиками как часть некой челобитной, написанной старцем Игнатием Соловецким. Более того, один из этих списков (№ 605) содержит приписку, находящуюся в конце текста сочинения о титле и поясняющую, из какой именно челобитной извлечен этот текст: «Сия челобитна списана от старца Игнатия Соловецкаго царю Федору Алексеевичу в лето 7185 году октября в 5 день» (л. 19). Приписка эта очень важна для нас и потому, что она содержит точную дату написания челобитной, а также имя ее адресата — царя Федора.

Итак, сочинение о титле на кресте — часть обширной челобитной Федору Алексеевичу, написанной в год его восшествия на московский престол. Какое же место занимает догматический текст о титле на кресте Христовом в полном авторском тексте челобитной? Естественно, что текст этот, не обладающий признаками эпистолярного жанра, не мог находиться в начале челобитной. Он мог быть только продолжением текста, включавшего «челобитье» в собственном понимании этого термина. Доказательства этому мы находим в содержании самого сочинения о титле. Начнем со списка, изданного П. С. Смирновым по рукописи Румянцевского

[15] В. И. Малышев. Усть-цилемские рукописные сборники..., стр. 75 (сборная рукопись № 19, л. 131).

собрания № 761. Здесь сочинению предпослано небольшое авторское обращение, начинающееся словами: «Плачь, Рахиль, возстени, возстени, духовный Вифлиеме, небеснаго доме хлеба!..». В этом небольшом обращении автор обличает «осквернителей» и «разорителей» истинной христианской церкви: «Ныне вопиет наша святая Соловецкая обитель мною, многогрешным чернецем, прежних постриженником и последним остальцем!», — восклицает он. Однако это авторское обращение слабо связано с последующим текстом о титле. В рукописи Дружининского собрания № 605 сочинению о титле также предшествует рассматриваемый отрывок, но здесь заглавие сочинения помещено между ним и последующим текстом о титле, что свидетельствует о сознательном разделении слабо связанных между собой по смыслу частей сочинения. В списке ИРЛИ (Усть-Цилемское собр., № 19) тот же отрывок вообще вынесен в конец сочинения и следует после сокращенного текста о титле; в этом списке отрывок заканчивается молитвой, отсутствующей в других списках. Наконец, в Каргопольском сборнике, содержащем вновь найденную часть челобитной дьякона Игнатия, рассматриваемый отрывок занимает свое первоначальное место в авторском тексте челобитной, а именно завершает ее первую часть (обращение к царю и рассказ о соловецких страдальцах). После этого отделенная словом «ниже» следует вторая часть челобитной — сочинение о титле на кресте, представленное в этом списке в сокращенном виде. Таким образом, Каргопольский сборник содержит единственный список челобитной, где обе части этого обширного сочинения объединены (точнее сказать, еще не разъединены), что может служить подтверждением нашего предположения о первоначальной общности рассматриваемых текстов.

Из наблюдений над всеми шестью списками, содержащими тексты из челобитной дьякона Игнатия, уже можно заключить, что читателей-старообрядцев XVIII в. интересовала главным образом вторая часть челобитной, с текстом, трактующим важный для них догматический вопрос о правильном написании титла на кресте. Но и эту часть челобитной переписчики стремились по возможности сократить. Что же касается первой части челобитной Игнатия, то ее слабая распространенность в списках объясняется, по-видимому, появлением в 30-х годах XVIII в. «Истории о отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова. Это сочинение постепенно вытеснило из читательского обихода челобитную Игнатия, заключавшую в себе, по выражению самого автора, лишь «похвалу вкратце» казненным соловецким монахам.

3

Публикуемая нами первая часть челобитной дьякона Игнатия начинается с обращения к царю от имени «бедных остальцев соловецких», т. е. бывших соловецких монахов, оставшихся в живых

после осады монастыря и казней 1676 г. Себя автор челобитной считает выразителем воли и желаний этих людей, вместе с которыми он, по его мнению, представляет перед богом и людьми всю поруганную Соловецкую обитель.

Царь, к которому обращается автор, по имени в челобитной не назван. Перед читателем возникают как бы образы двух разных царей. Под царем, который «люто и яро» на соловецких иноков «возъярися и, аки люты зверь, неукротимо возлютися», за что «от жития сего посекаемь бывает безвремянно», по-видимому, подразумевается уже умерший царь Алексей Михайлович. Другой царь, к которому обращается автор («к своему царю самодержцу, к Вам прибегаем»), — вероятно, недавно взошедший на трон царь Федор Алексеевич. Абстрактность этого образа в челобитной, а также сама ее форма, идущая вразрез с традиционной, ставит перед нами вопрос: посылалась ли в действительности эта челобитная к царю и предназначалась ли она автором вообще к такой посылке? Представляется более вероятным, что обращение к царю с челобитной — всего лишь пример использования Игнатием эпистолярной формы для более успешного распространения в народе своего антиправительственного сочинения.

Что же просит Игнатий у царя для оставшихся в живых соловецких иноков? Прежде всего «обороны» от «еретических человек», которые «бедных страшливых горчаков нудят к своему злому еретическому умыслу приступити», т. е. принуждают принять «новую веру». Игнатий ищет у царя «расправу разсудну» и «покров крепок», на которые он и стоящие за ним лица имеют все основания претендовать как верные подданные. Игнатий обращается к царю как к главе светской власти с жалобой на власти церковные. Он просит царской милости к «бедным, скитающимся в тесноте нужно» соловецким выходцам, вынужденным «от всяких теснот нужных погибель приимати», ждущих «з благою надеждею последняго смертнаго часа» и тем не менее выполняющих свой духовный долг — пропаганду «кротко изливаемаго» книжного учения, от которого в народе уже созрели «воспитанные плоды».

От обращения к царю автор челобитной переходит к обращению-молитве к святым отцам соловецким, «новым исповедникам», с просьбой ходатайствовать от его имени перед богом: «Умолите его, света, — просит Игнатий, — прошение горкое да исполнит, да преложит царево сердце на кротость и святую обитель от растъленных человек очистит да предаст бедъным остальцам без прещения и страха». «Аще тако милость от него (бога, — *Н. Б.*) испросите богатно, — продолжает автор, — то не отрекуся... тогда вашего страдания подвиги похвалити и украсити». Это обет Игнатия на будущее. Весь последующий текст, представляющий собой описание страданий и подвигов соловецких иноков, рассматривается автором лишь как «похвала вкратце». Для более обстоятельного сочинения о «соловецких страдальцах» ему, по его словам, не хва-

тает «и времяни и места». Игнатий просит у бога помощи, а у «соловецких страдальцев» снисходительного отношения к его труду: «не имате мене, нужника горкова, тяжестно презрети, но милость свою и щедроты имате, яко отцы к сыну». Автор подчеркивает, что именно на его долю выпала трудная и почетная задача выступить в защиту поруганной Соловецкой обители, хотя он и недостоин этой чести: «начну грубую свою сию некрасото словес к вам простирати, аще бы вы при животе своем меня и отгнасте за мое суровьство». Последняя оговорка автора бросает свет на обстоятельства, при которых он покинул Соловецкий монастырь. Между тем, по легенде, сочиненной Игнатием впоследствии, он покинул монастырь добровольно, послушавшись «проречения» юродивого Гурия.

В начале своей деятельности в Поморье Игнатий выступал как простой проповедник, как изгнанный из монастыря и лишенный дьяконского звания монах. Трагическая гибель большинства соловецких иноков превратила дьякона-расстригу из изгнанника в духовного преемника и наследника соловецких мучеников. Если челобитную к царю Алексею Михайловичу писал простой соловецкий дьякон, то автором челобитной к царю Федору Алексеевичу является уже человек, широко известный в народе, «последний осталец соловецкий», выступающий как защитник идей и традиций Соловецкого монастыря. Стремлением Игнатия использовать свое новое положение для пропаганды собственного учения о титле на кресте можно объяснить объединение им в одном сочинении — челобитной — столь разнородных по содержанию текстов.

Содержание челобитной дает нам возможность проверить дату ее написания — 5 октября 1676 г., которая названа в приведенной нами ранее приписке к рукописи собрания В. Г. Дружинина № 605. Крайние даты написания челобитной определяются без затруднений, это период между 29 января 1676 г. (день смерти царя Алексея Михайловича) и 27 апреля 1682 г. (день смерти царя Федора Алексеевича). Кроме того, в челобитной имеется фраза: «святой обители нашей его (т. е. царя Алексея Михайловича, — *Н. Б.*) неразсудное яростию и гневом лютым и до сего времени запустение». Как следует из документов, в июне 1676 г. в монастырь приехал новый архимандрит Макарий с 20 человеками братии. К осени того же года общее количество монахов на Соловках (включая прежних постриженикoв, оставленных там на жительство) не превышало 60 человек. Этих людей не хватало для ведения многочисленных монастырских служб. Архимандрит Макарий в ноябре 1676 г. писал патриарху: «...всяких монастырских промыслов запустить нельзя и не хочется; а послать, государь, некого, и в монастыре, государь, людей с нуждою...».[16] Следовательно,

---

[16] Материалы для истории раскола, т. 3. Изд. Н. Субботина. М., 1878, № LXIV, стр. 444.

у автора челобитной имелись основания говорить о «запустении» Соловков именно в 1676 г., так как в последующие годы монастырь постепенно оправился от понесенных им потерь и убытков.

Только одно место в тексте челобитной ставит под сомнение достоверность имеющейся в приписке даты, а именно «знание» ее автором факта смерти воеводы Мещеринова. Источники не сообщают нам точной даты смерти этого воеводы, известно лишь, что он умер вскоре после взятия монастыря. Но еще в марте 1677 г. Мещеринов допрашивался в Новгородском приказе. Попробуем обратиться к тексту челобитной. Соловецкие иноки перед казнью, обращаясь к «слуге мучителеву» (воеводе Мещеринову), пророчат скорую смерть «большаку», т. е. царю: «нас отпускай скорее, да и большак за нами тотчас будет». «Тако же и в наша лета ныне сотворися», — добавляет автор и далее продолжает: «и едино еще слово сие прорекоша: — паси же ся и сам ты, мучитель, за нами вскоре. — Последнее пророческое слово изрекоша, с ним же бывающим тако». Два одинаковых пророчества, — не слишком ли это много? Нам представляется, что пророчество о смерти воеводы, так же как и сообщение о его исполнении, — результат искажения авторского текста одним из позднейших переписчиков, пожелавшим, чтобы в челобитной было отражено важное для старообрядцев происшествие — смерть ненавистного им воеводы, осмысленная ими как неотвратимая небесная кара человеку, совершившему святотатство. Стилистика отрывка также позволяет согласиться с предположением о его позднейшей вставке в текст челобитной.

Рассмотрим третью, заключительную часть челобитной Игнатия, которую нам сохранил Усть-Цилемский сборник № 19. Содержание текстов, относимых нами к челобитной, и их порядок расположения в сборнике таковы: сочинение о титле на кресте в сокращенном виде под заголовком «О титле», отрывок под заголовком «О кресте и о крыже», отрывок о «нынешнем Адаме», преступившем Христову заповедь, и небольшой отрывок с авторским обращением, который мы определили ранее как завершающий первую часть челобитной (этот отрывок есть в нескольких списках, однако молитва, которой он заканчивается, имеется только здесь).

Наиболее интересным из перечисленных текстов является публикуемый нами отрывок, названный условно «О Адаме нынешнем». Сочинение об Адаме продолжает сюжет первой части челобитной. В нем рассказывается о царе Алексее Михайловиче и его роли в трагическом для автора событии — взятии Соловецкого монастыря. Царь выведен здесь под именем «нынешнего Адама», судьба которого сравнивается с судьбой Адама библейского, нарушившего заповедь бога. Этот Адам-царь «Соловецкую обитель неблагодарно восхоте разорити... дабы истинное благочестие первое до конца потребити и испепелити и такову себе честь своим самовластием и самолюбием приобрете». Совершив столь жесто-

кое и богопротивное дело, Адам-царь не раскаялся в содеянном: «У нашего же Адама покаяния не бысть нигде же и прощения со смирением не приносил, но величаво и прегордо отверже от себе божию милость и высокоумием вознесесе и лицемерно благочестием покрыся и ни мала добра являет...». Как и библейского Адама, «Адама нынешнего» тотчас же постигает «господня кара»: «Егда бо святую обитель в запустения поле положиша, абие вскоре жития сего Адам отлучен бывает, яко да немедленно увидит, что ему принесе самовластие, самолюбие и преслушания и каковый труд телу и души сокрушение приобрете».

В сочинении об Адаме много места уделено личности автора челобитной — дьякону Игнатию. Как и в первой части челобитной, здесь звучит мотив одиночества автора после трагической гибели соловецких старцев: «Отцы твоя скитатися единого оставиша и братия твоя в вечную радость отидоша и дети твоя в будущую жизнь превариша». Постепенно повествование переходит в полное лиризма авторское отступление, где Игнатий называет себя юношей с языком «косным и гугнивым», который «нудится закон полагати». Униженно ругая себя и свое «писание», автор стремится оправдать публичное выступление гибелью соловецких старцев. «Дерзай, невежда, умолче бо мудрость, — восклицает он, — дождь бо ныне в наставшее нужное и многоболезненое время учением истинным книжным преста словесне землю напояти». Игнатий выступает лишь «по нужи, яко старцы неблагодарно умолкоша молчанием вечным».

Заканчивается сочинение об Адаме отрывком, в котором со ссылками на Апокалипсис Иоанна говорится об ожидании конца мира для всей вселенной «умножения ради еретичества злаго». В нем содержится призыв к верующим не «прияти искушения» молиться с еретиками и с «богословия начальником», под которым, по-видимому, подразумевается патриарх Иоаким. Обращением к богу от имени всех верующих накануне «второго пришествия» и грядущего «страшного суда» завершается челобитная.

4

Попытаемся взглянуть на челобитную Игнатия как на исторический источник и сопоставить содержащиеся в ней сведения со свидетельствами современных официальных документов.

В челобитной говорится, что царь Алексей Михайлович «Соловецкую обитель неблагодарно восхоте разорити и собра рать... богоборну и злочестиву, немеца и поляков, истинных латынцев и врагов кресту Христову...». В приведенной фразе примечательно утверждение автора о том, что рать, осаждавшая монастырь, состояла из людей «латинского» вероисповедания, иностранцев: немцев и поляков. Вспомним, что челобитная начинается с обращения к царю, в котором особо подчеркивается верность «соловецких

остальцев» православному царству: «Мы же, бедные, — пишет Игнатий, — вины... своей перед царем своим самодержцем никаковы вины не знаем, ни же крымскому, ни турскому, ни к литовскому, ни к немецкому, ни к коим иноверцам не прибегаем и вестьми о управе и жалобами не пересылаемся...». Налицо сознательное противопоставление поведения верных и твердых в отеческой вере соловецких выходцев еретическим действиям покойного царя. Возникает вопрос: имеет ли утверждение Игнатия об участии иностранцев в осаде монастыря историческую основу? Обратимся к документам.[17] Просмотр дел, относящихся к последнему этапу соловецкой осады, показывает, что войско воеводы Ивана Мещеринова, осаждавшее монастырь, находилось под командой иностранных офицеров, «новокрещеных иноземцев» рейтарского строя, присланных Иноземным приказом из Москвы. Это были майор Келин, ротмистр Гаврила Буш (умевший писать только по-немецки), поручики Василий Гутковский и Федор Стахорский. Как видим, высказывание дьякона Игнатия о немцах и поляках как главных участниках осады не лишено оснований. Конечно, привлечение иностранных специалистов объяснялось главным образом необходимостью обучения «ратных людей пехотному строю» и для руководства осадными работами. При этом правительство, видимо, учитывало бóльшую надежность «новокрещеных иноземцев» при выполнении столь «деликатной» службы, как осада мятежного монастыря.

Осадив монастырь, «богоборная и злочестивая рать» воеводы Мещеринова стреляет из пушек и «изо всякого оружия» «сурово и безчеловечно... по святым церквам и по святым и честным и животворящим крестам, на церквах святых стоящим, и по святым образам Спасовым и Богородичным». В этом высказывании автор обвиняет осаждавших в сознательном святотатстве и осквернении святынь. О том, что подобное обвинение выдвигалось в действительности, свидетельствует отписка воеводы Мещеринова к царю после взятия монастыря, в которой воевода находит нужным оправдаться: «а в монастыре соборная церковь и чудотворныя раки преподобных отец Зосимы и Саватея и Гермона, соловецких чудотворцев, от гранатныя стрельбы и от ядер все в целости и ничим нерушимы».[18]

Наконец, осаждавшие врываются в монастырь и после короткой схватки овладевают им. Монахи в надежде на милосердие устраивают победителям торжественную встречу: «Отцы бо мои изыдоша в сретение им со святыми и честными образми, при-

---

[17] См.: Материалы для истории раскола, т. 3, № LXIII; Дополнения к актам историческим, т. 5. СПб., 1853, № 67, документы XXVI, XXVIII, XXXVII; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук, т. 4. СПб., 1836, № 215, стр. 293—301; ЧОИДР, М., 1883, т. IV, Смесь, стр. 1—92.

[18] Материалы для истории раскола, т. 3, № LVIII, стр. 354—355.

имающе [воеводу], яко истиннаго своего серъдоболя, радостно и усердно. Он, проклятый, разгордевся на божий образ, повеле образы поотмати отец моих безчестно и руганно, их же, исповедников, сурово и гордо смерти предавати». Документы не сообщают, имела ли место в действительности описанная встреча. По поводу же присвоения воеводой Мещериновым икон и другого монастырского имущества имеется следственное дело.[19] 2 октября 1676 г. при обыске ладьи Мещеринова было найдено 18 икон.[20] В ходе следствия выяснилось, что часть из них (а именно 12) были взяты из соборной церкви келарем и другими монахами и подносились воеводе в дар по праздникам.[21]

Большое место в челобитной отведено описанию казней соловецких «сидельцев» после взятия монастыря. Здесь подробно описываются способы казней и мужественное поведение приговоренных к смерти. Действительно, расправа с непокорными монахами была жестокой. Это видно из документов. Так, 15 февраля 1676 г. воевода Мещеринов доносил царю: «В нынешнем... во 184 году, генваря в 22 день... великого государя ратными людьми Соловецкий монастырь взяли и воров и изменников побили, а иных на бою ранили, и из тех раненных людей 28 человек казнены смертию, чтоб на то смотря иным неповадно было воровать...».[22] Монах Феоктист, предательски впустивший осаждавшее войско в монастырь, в своей челобитной царю от 20 июля 1676 г. еще подробнее сообщает об учиненной в монастыре расправе: «ратные люди в город Соловецкого монастыря вошли... и церковных мятежников... побили, а иных пущих воров воевода Иван Мещеринов перевешал, а многих черncов, выволоча за монастырь на губу, заморозил...».[23]

Описание казней соловецких монахов автор челобитной заканчивает указанием на дату этого события: «мучение же святых страстотерпец, новых исповедников соловецких, иже пострадаша в лето 7184, месяца геньваря в 20 день, в суботу мясопустную, количъства же их 300 и множае, инии же глаголют пять сот».[24] Большой интерес представляет указание на количество «пострадавших» в Соловецком монастыре, хотя, судя по форме выражения, автор в данном случае и не претендует на точность. Известно, что общее количество осажденных в монастыре доходило до 500 человек.[25] По словам выходцев из монастыря, к сентябрю 1674 г. там

---

[19] Там же, т. 3, № LXIII, стр. 383—440.

[20] Там же, стр. 437.

[21] Там же, стр. 386—388.

[22] Там же, т. 3, № LVIII, стр. 354.

[23] Там же, стр. 411.

[24] В приведенной дате имеется ошибка: монастырь был взят не 20-го, а 22 января 1676 г.; последняя дата действительно приходится на субботу мясопустной недели.

[25] Акты исторические, собранные и изданные Археографической экспедицией, т. IV. СПб., 1842, № 248, стр. 533.

«померло от цинги» и «от пушечныя и мушкетные стрелбы побито» 33 человека.[26] Однако, по-видимому, в последний год активной осады монастыря погибло значительно больше осажденных. Известно, что к моменту взятия монастыря многие из его защитников были больны цингой и потому не могли принимать участия в обороне.[27] Поэтому, на наш взгляд, определение Игнатием общего количества погибших в монастыре во время осады монахов и бельцов в 300 человек вовсе не лишено оснований.

Таким образом, мы видим, что конкретные факты, содержащиеся в челобитной, подтверждаются документальными данными. Имеющиеся в сочинении элементы художественного вымысла, вроде пророчества соловецких старцев о смерти царя-отступника, а также авторские отступления лишь дополняют исторический рассказ, придавая ему остро полемическую и агитационную направленность.

Соловецкий дьякон Игнатий был не единственным, кто живо откликнулся на трагические события 1676 г. в Соловецком монастыре. Не обошел молчанием эти события и глава старообрядческой общины протопоп Аввакум, находившийся в то время в пустозерской темнице. В своем послании в Поморье[28] Аввакум ярко описал раскаяние умирающего царя Алексея Михайловича, который перед смертью якобы взывал к соловецким старцам: «господие мои, отцы соловецкие, старцы, отродите ми да покаюся воровства своего, яко беззаконно содеял... и вашу Соловецкую обитель под меч подклонил, до пяти сот братии и болши. Иных за ребра вешал, а иных во льду заморозил...».[29] Удивительна близость этого описания к фактическому материалу челобитной Игнатия. Но есть здесь и существенные отличия. По-разному трактуют писатели образ царя Алексея Михайловича. Аввакум, подобно Игнатию, рассматривает смерть царя как скорую небесную кару за перемену веры и насилие над Соловецким монастырем. Но в рассказ об этом событии Аввакум включает дополнительные подробности: свидетельство «никониян-самовидцев». По Аввакуму, умирающий царь не только раскаялся в своем «воровстве» против христианской веры, но и отдал приказ осаждавшему войску отступить от Соловецкого монастыря.

Не обошел своим вниманием героическую тему соловецкой осады и другой старообрядческий писатель, соузник Аввакума по

---

[26] Материалы для истории раскола, т. 3, № LV, стр. 330.

[27] Там же, т. 3, № LXIII, стр. 429.

[28] Послание Аввакума под названием «Совет святым отцам преподобным» издано в кн.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960, стр. 249—256. Можно предполагать, что это послание Аввакум адресовал дьякону Игнатию Соловецкому и его «клевретам» — Пимену, Герману и Иосифу.

[29] Житие протопопа Аввакума..., стр. 255.

пустозерской ссылке — дьякон Федор Иванов.[30] Однажды во время молитвы Федору в видении явились соловецкие чудотворцы Зосима и Савватий. В другой раз он слышал трехкратный выстрел, «яко из великия самыя пушки над Соловецким монастырем». Федор много размышлял над смыслом этих знамений, но «не разумех в то время». «И по сем мину пять месяцев, — пишет далее Федор, — и обитель взята бысть и разорена от врагов, и сидящии в ней мнози отцы и братия оружием избиени быша и заклани, яко агньцы, овии же повешены за ребра, овии же во льду мразом заморожены, иныя же инако казнены и замучены от царева воиньства». Сначала, как пишет Федор, он возроптал на бога за то, что тот не внял его молитвам за соловецких сидельцев. Но потом от сосланных в Пустозерск соловецких «трудников» стало известно, «яко велико нестроение и крамола стала быть тамо междоусобная, и того ради предал господь их в руки врагам, да ових величал, а ових смирил и наказал».[31] В последней части своего послания дьякон Федор приводит многочисленные исторические примеры еретичества и отступления от веры различных исторических деятелей. К их числу автор причисляет и царя Алексея Михайловича, который, «прельщенный от Никона еретика и отступника... присылал войско свое под Соловецкий монастырь». Перед смертью царь раскаялся в совершенном и послал гонца к войску с приказом отступить от монастыря. Но раскаяние запоздало. «В то время самыя болезни его взят бысть монастырь и разорен, и братия вся, иноцы и белцы, побиени быша и разными муками и необычными замучены, и Никанор, преподобный архимандрит и многолетный старец, иже и отец бе ему, царю Алексею, и той замучен ту разными муками во едином часе от стрелецкаго головы Ивана Мещерскаго (так!), сатанина угодника... Царь же потом скоро скончася недобре...».[32] Так пустозерские писатели-соузники Аввакум и Федор дополнили сочинение Игнатия о соловецкой трагедии собственной легендой о заблудшем и раскаявшемся царе.

Как мы уже упоминали в начале статьи, между челобитной дьякона Игнатия Соловецкого и «Историей о отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова существует тесная связь. Челобитная является одним из главных историко-литературных источников, использованных Семеном Денисовым в его «Истории», написанной на Выге в 30-х годах XVIII в. Денисов почерпнул из сочинения Игнатия не только конкретно-исторические сведения, например указание на количество пострадавших в Соловецком монастыре или описание казней соловецких иноков, но и использовал

---

[30] «Послание к сыну Максиму и прочим сродникам и братьям по вере» дьякона Федора Иванова, написанное в конце 1678 или в начале 1679 г., издано в кн.: Материалы для истории раскола, т. 6, стр. 90—250.

[31] Там же, стр. 93—94.

[32] Там же, стр. 220.

художественные средства и образы челобитной Игнатия. Некоторые фразы и выражения в «Истории» буквально цитируют челобитную. Между тем автор «Истории» в предисловии к труду лишь глухо упоминает о своих литературных предшественниках, сообщая, что «Историю» он «от различных списателей собрахом...».

К сожалению, рамки статьи не дают возможности подвергнуть анализу «Историю» Семена Денисова в свете находки важнейшего источника его труда. Такой анализ помог бы критически оценить приемы и манеру работы с историческими источниками этого крупного старообрядческого литератора и историка первой половины XVIII в., тем более что «История о соловецких страдальцах» являлась на протяжении двух веков одним из наиболее популярных в народе старообрядческих сочинений.

Мы публикуем первую часть челобитной дьякона Игнатия Соловецкого по рукописи БАН, Каргопольское собр., № 20 (условно обозначена К). Конец первой части со слов «Плачи, плачи, Рахили...» печатается по рукописи ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 19 с разночтениями по Каргопольскому списку (К). По Усть-Цилемской рукописи печатается и третья часть челобитной под условным названием «Об Адаме нынешнем».

ВЫПИСАНО ОТ ЧЕЛОБИТНЫЯ ВЪКРАТЦЕ ИНОКА ИГНАТЬЯ

Похвално же в доброй воле к покаянию прибегати. Мы же, *л. 421*
бедныя, вины благословныя своей пред царем своим самодерж-
цем || никаковы вины не знаем, ни же крымскому, ни турскому, *л. 421 об.*
ни к литовскому, ни к немецкому, ни к коим иноверцам не
прибегаем и вестьми о управе и жалобами не пересылаемся и ни-
коего же злохитрства над царством вашим ни помыслити нам
невозможно. К своему царю самодержцу к вам прибегаем, о вся-
ких своих нуждах возвещаем, помышляя обрести пристаннище
тихое и покров крепок, и в скорбех настоящих и напастех ищем
обрести расправу разсудну. || Единова просим и молим у него — *л. 422*
благаго дара получити. Како святии отцы угодивши молитвами
и постом и хранением заповедей к богу, и святии началницы
наши, преподобнии и богоноснии святыя Соловецъкия обители
чюдотворцы, сами святыя апостольския заповеди и учения седми
святых вселеньских соборов и 9-ти поместных хранили и житием
своим чистым украшали и богу угодили. И после себя заповеди
святыя и общежительныя чины и уставы нам, приходящим в их
святую обитель жити, детем своим, предали, и обещавающимся
их заповеди и чины || и уставы общежителныя хранити нена- *л. 422 об.*
рушно своим благоразсудным житием заповедали, и заповедали
ниже преступити, ниже вредити. Ныне злые дияволи сосуди,
тлетворнии еретичеством человецы, святые апостольския и оте-
ческия заповеди святых отец, седми вселеньских соборов и девяти

поместных сами все преступили и отвергли и под клятвы[а] их вечно подпали, и отвергли. И христов закон святый евангельский, преданный святой соборной и апостольской восточной и востока
л. 423 востоком || Христа непорочно, весь разрушили, и чины общежительныя во святых обителех до коньца исказили, и нас, бедных страшливых горчаков, нудят к своему злому еретическому умыслу приступити и во всем последовати неразсудно, душевныя своея пагубы не смотря. И о сем мы, бедныя, от своего самодержьца просим и молим обороны, чтобы от растленных сладострастием всяким и мятежных злым еретичеством богоборных[б] человек, разоряющих святыя апостольския и отеческия заповеди
л. 423 об. седми вселеньских соборов и девяти поместных, || и общежительных чины и уставы велел очистити и оборонити, а укас монастырьскова и церьковнова чина и устава не велел вредити.

Царь же мимо преступников[в] и разорителей закону Христову и общежителному чину и мимо мятежъников злотворных и развратников еретичеством на духовных, и врагов креста Христова, люто и яро на нас, бедных, возъярися и, аки люты зверь, неукротимо возлютися. И аки свирепый зверь лев сыроядец, воз-
л. 424 реве жестосердно и страшъно, [еретичество злое иве], || — о беды сея нашея лютыя! — помогая и укрепляя еретичество злое и вечную пагубу утверждая правлением своея мучительския власти и наказанием неукротимых мук и томленьми казни же, последнею же огнем всеядьцем и иными смертьми различными, чтобы общежителной чин во обители нашей, церковной устав и святых отец заповеди повелевает разоряти и преступити и до конца истребити, новыя же уставы и чины и предания унужает творити. И сие суровое и жестокое дело гневно начинает и яряся
л. 424 об. совершает, и своему царству вечное || безчестие и укор сим делом сотворяет, паче же и от жития сего посекаемь бывает безвремянно. Святой обители нашей его неразсудное яростию и гневом лютым и до сего времени запустение. Страждущим терпеливно и нам, бедным, скитающимся в тесноте нужно, люто, убо есть и воистинно люто, земли духовной горкое безплодие страдати, и духовным плодом мечную и нужну от всяких теснот нужных погибель приимати.

Воспитанныя уже плоды от кротко изливаемаго, не точию вседневнаго, но всечастнаго во святой церкви книжнова учения,
л. 425 и беспрестанныя || изъустныя и умныя молитвы на человеческия сердца сходящаго дождя. И показанием в совершенную старость в добродетелех век свой изъживши и з благою надеждею последняго смертнаго часа в веселии ожидающим, и к небесным житъницам вечнаго веселия в радости приближающимся, от старости многолетныя и от многих трудов и в скорбех не могуще ни руку,

---

[а] *Испр.*; *в ркп.* клявы. [б] *Испр.*; *в ркп.* богорных. [в] *Испр.*; *в ркп.* преступков.

ни ногу двигнути, от житейских же настоящаго сего века в разуме памяти ни малы имущим и абие постиже лютая и безгодная свирепая || жатва. И аки от суровы тучи, подобно низпадшу *л. 425 об.*
граду от оружнова стреляния, лому и мечнова сурова и безчеловечьнеи посечения. Ох, ох, увы, увы и горе, горе! Отцы мои светы пожаты быша яко доброзрелая пшеница суровою жатвою, ругательно и безчестно, еже и в человеческия слуха прияти нестерпимо. Овых на крюках железных за ребра повешающе, умучаху люте, они же, аки незлобивыя агньцы противу стригущим стояще, кротко отвещеваху к слуге мучителеву || злочестива су- *л. 426*
дища, глаголюще тихо, показующе рукою своею к своим ребром, повелевающе палачю ребра своя прорезовати боле и шире. Иных за руце повешаху и тако скончеваху, овых за нозе, овых на полы пресекше, а тамо же мертваго тела составы повешаху. Новое распятие претерпевает мой содетель от новых жидов рабы своими, новыми исповедниками. Но, о отцы святии, истиннии мои венечницы, ослабите ми страстному, ныне дерзнул страдания ваша и вечную почесть || вашу украсити, да нужно *л. 426 об.*
мне, бедному, и времяни и места. Прибегаю же к вам и моление от сердца простираю, предстаните ми со дерзновением к престолу страшнаго и святаго владыка, за него же и страдания подвиг восприясте, умолите его, света, милостиваго нашего владыку, человеколюбца, да подаст милость свою богатно и премного и делание мое сие да сотворит совершенно и прошение горкое да исполнит, да преложит царево сердце на кротость и святую обитель от растъленных человек очистит да предаст бедъным нам остальцам || без прещения и страха. Аще тако милость от него испро- *л. 427*
сите богатно, то не отрекуся, не отрекуся страдания тогда вашего страдания подвиги похвалити и украсити. Ныне же вкратце подвиги ваша похваляю, яко не сподобихся и малою похвалою сею всех вас подвиги похвалити. И отселе начну грубую свою сию некрасотословес к вам простирати, аще бы вы при животе своем мене и отгнасте за мое суровьство, но вечную богу моему и вашим отеческим щедротам, яко не имате мене, нужника горкова, тяжестно презрети, но милость свою и щедроты имате, || яко *л. 427 об.*
отцы к сыну.

Аз же тако начну повесть обьявляти: болных же отцов святых, которыя лежали в болницах на одрех неисходно многолетно в скорбех и от великаго труда ни двигнутися могуще, и тех двоих, спинами вместо связавше и за нозе вервьми, тако влечеху на лютом мразе на море на лед. А овы, иердани просекше не насквозь до воды, но аки на богоявление в день на водоосвящение бывает. Абие злочестивии, новое богоявление || сотвори *л. 428*
и водосвящение злочестивым мучительством своим проклятым святое совершаху и от еретическия своея и богоотступническия скверны воду очищаху, наполнивше иердань связанных спинами вместо болных отцев. Абие воду во иердань пропущаху и тако

отцы во иердани ново крещахуся, на мразе конец житию приимаху. Иным к коньскому хъвосту привязавше ногами и тако влачаху сконьчевахуся, и иных же иными муками различными и
л. 428 об. пытками мучаще, до смерти || умучаху. У моих же отец и в старости крепких, храбровавших пребывающе молитву, во устех едина исусова молитва. Видище таковое суровое и безчеловечное гордое и беззаконное дело у злочестивых отступников благочестия сконьчеваемо беззаконно, отцы бо мои изыдоша в сретение им со святыми и честными образми, приимающе, яко истиннаго своего серъдоболя, радостно и усердно. Он, проклятый, разгордевся на божий образ, повеле образы поотмати отец моих без-
л. 429 честно и руганно, их же, исповедъ||ников, сурово и гордо смерти предавати. Отцы же мои едино лише последнее слово провещавше, прощение подаша, прощающеся. «Домой скорее, — пророческии рекоша, — нас отпускай скорее, да и большак за нами тотчас будет». Яко же Илия патриарх иерусалимский со святым патриархомь антиохийским о Анастасе царе греческом прорекоша,[г] тако же и в наша лета ныне сотворися. И едино еще слово сие прорекоша: «Паси же ся и сам ты, мучитель, за нами вскоре». Последнее пророческое слово изрекоша, с ним же бывающим
л. 429 об. тако. И тако суровой жатве || совершающейся, свирепой ратной туче пушечнова стреляннова града, небесному ратаеви свирепая вечная великая радость со всеми святыми силами небесными и со всеми святыми от века угодившими, и в небесныя житницы собирая доброплодием созрелую пщеницу, а не яко же в земней страде о погибели жатвы ратаеви, труды дряхло всуе, аки при мертвецех приседяще над житы. О них же не исполни съвоих житниц жняй, яже кротки, дождь воспитал есть, и пожал свирепо жняй,
л. 430 рук съвоих не исполни и благословения от мимоходящи||х[д] нищих, еже подают ратаем подаяния ради милостыни, не сподобися получи. Но видение умиленно и плачю достойно: земля пострижена и обругана, своея красоты не имущи. Моя же духовная земля, аще видимо и пострижена и безсчетна обругана, но убо в великом веселии собранна. Собра небесныя ратаи в свои вечныя небесныя житницы созрелая пшеничныя сторичныя доброплодием класы и радостно со всеми святыми небесными силами и со всеми святыми пир сотворяет. Видимой же земли люто есть
л. 430 об. съвою || первую доброту отложити, еже божественный Иоиль плачет: земля растленна и глада муки. Аще кто ин зло страдав тако, люто же есть, воистинну люто, свою первую доброту отложити, земли обетованной доховной, и едину земному запустению страдати вышнему малым чим единому, аще точно и не тучну, новому граду, подобну духовным доброплодием мало вышнему Иерусалиму. Аще и сеявщем доброе семя на селе своем,

---

[г] *На поле*: В житии святаго Савы Освященнаго. [д] *Испр.*; *в ркп.* мимоходяхх.

ратаеви моему радость имущи о собрании в вечныя и небесныя житница доброплодных жатвы, посылающе жателей в насто||ящее время и пожинающе созрелыя на доброй земли мягкой учения святаго, семенам падшим, добродетелныимми класы. Но убо кроме добрых семен и духовныя работы доброплодныя мягкая земля не может быти. Да не возрастет и укоренится волчец лютаго ласкосердства, страстей подстрекатель, и терние от еретик, и лидина волком на пристань, но паче да умягчается смирением и поучением духовным и житием честным непрестанно. Обитель же наша святая во власти человек растленных, подобных бесом мятежным, не терпит быти, да не како || расплодит волчец и лядиною еретичества злаго и терние, убо дающее душу умножением греховным и растлением жития злаго. *л. 431* *л. 431 об.*

Мучение же святых страстотерпец, новых исповедников соловецких, иже пострадаша в лето 7184, месяца геньваря в 20 день в суботу мясопустную, количъства же их 300 и множае, инии же глаголют пять сот.[е]

Плачи, плачи, Рахили,[1] востени[2] духовный Вифлиом,[3] небеснаго[4] дом хлеба. Возопии,[5] возопии[6] в горести болезней своих ко владущему тварию всею ко господу богу, окровавленая горкочадною кровию духовная мати наша, огражденная и укрепленная телеси святыми страдальческими и мученическими,[7] священническими и иноческими и юношескими, испещреная кровию неповинною. Возвыси, возвыси глас свой жалобы[8] и умиления и[9] молитву[10] воздыхания к[11] седящему на престоле херувимстем, святая наша пречистая, нескверная и непорочная, апостольская восточная, истиннаго востока востоком, опаленная и пожженная яростию и прещением [12]повеления царева[12] християнская соборная церковь.[13] Воздохни, воздохни от самых внутренных глубин своих скорбных и возгласи обличением своим[14] непрестанным на сквернителей своих мерзких и на разорителей свирепых, окровавленный неповинною кровию престол владычень, и нас, бедных, заступи молитвою[15] своею. *л. 137 об.*

Ныне вопиет наша святая Соловецкая обитель мною, многогрешником,[16] чернцом, прежних пострижеников последним остальцом. *л. 138*

О господи, господи, всея твари владыка, седяи на престоле херувимстем,[ж] услыши, услыши мою грубую сию приносимую тебе молитву: о всемилостивый и всесильный и всещедрый господи, господи создатель наш и владыка всей твари, Исусе Хри-

---

[е] *Далее по списку ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 19 (с разночтениями по К).* [ж] *Здесь кончается список К.*

[1] *Нет* К. [2] *Доб.* возстени К. [3] Вифлеоме К. [4] небесный К. [5] возопи К. [6] возопи К. [7] *Доб.* и К. [8] жалобный К. [9] *Нет* К. [10] *Доб.* и К. [11] *Нет* К. [12–12] повелением царевым К. [13] церькви К. [14] *Нет* К. [15] милостию К. [16] многогрешным К.

сте, сыне божий, единородный и присносущный и пресущный и единосущный, составная премудрость и сила и отчее слово со отцем своим безначалным и с пресвятым и благим и животворящим истинным духом, помилуй нас и умилосердися на нас, бедных, страшливых горчаков последнеродных, подаждь богатыя своя щедроты, преклони прещения своего на нас язвы и безмерныя ярости и гнев попущаемый на милость, иного бо прибежища и утешения кроме тебе не имеем.[3]

ОБ АДАМЕ НЫНЕШНЕМ

л. 133 об. ...[и] Но абие к вечеру дневнова благочестие света и к западу праведнаго Христа, немерцающаго солнца, к приспеянию страшнаго его пришествия втораго, в полунощи же темнаво еретическаво мрака и многих напастных, от севера воставших, нестерпимых, мятежных и бурных развратных ветров, и воздвигшихся облаков злочестия тяжких и помрачивших солнечный свет — святую евангельскую благочестивую во Христа веру — и множественный аер людский от студенца бездны изшедшим еретическим
л. 134 дымом, и всякие мерзости пустыя, злые, || умножением мысленных кругов лукавых, изшедших из погибели ада, всякова богомерзскаго богоборьства и виденных в видении коней и седящих на них, имущих свирепство своего нрава, яко жестокие железные и огненные и акинфянъныя и жупелные брони.

Владыко же всея твари яко гром возгласи страшения своего прещения гласом ко скрывшемуся Адаму, преступившему заповедь евангельскую святую [ниже][к] к седящему в раи благочестия святаго, посреде християнскаго едема: — Адаме, Адаме, где бе, в котором веселии и безпечалия радости сотворен бысть? Во благочестивой и немятежной истинной, тихой, святой евангельской правды. Едину заповедь тебе положиху, еже заповедь не преступити и к разумному древу, к закону святому, после седмаго святаго вселенскаго собора переправливати не дерзнути.

И абие воспоминает к нынешнему Адаму премудро и пре-
л. 134 об. хитро, многотерпеливыми || истинными за святыи благочестныи

---

[3] *Далее в рукописи Усть-Цилемское собр., № 19 следует не публикуемая здесь 2-я часть челобитной, включающая тексты „О титле на кресте Христове“ и небольшой отрывок „О кресте и о крыже“ (см. выше, стр. 101—102).* [и] *Здесь начинается третья часть челобитной: „Об Адаме нынешнем“, публикуемая по рукописи ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 19.* [к] *Это слово в скобках повторено еще несколько раз: на л. 134 после слов:* „Едема“, „правды“, „положиху“, „дерзнути“; *на л. 134 об. после слова* „страдальцами“; *на л. 135 после слов:* „Богородичным“, „стрелянием“, „муки“; *на л. 135 об. после слов:* „пременен“, „являет“, „содевает“; *на л. 136 после слов:* „приобрете“, „дождевное“; *на л. 137 после слов:* „молим господа бога“.

евангельскии законы страдальцами глаголет: — смирися поне ныне и принеси покаяние — и нигде же бысть смирения и покаяния, но пребысть жесток и сопротивословен. Лукавому же змиеву свистанию и ключу студенца и бездны порабощен и подручен и послужен. Когда же богу ответ воздает укорен и хулен, и возже пред собою ярости пламы и по себе устави пустоты поле. И устрои рать ко благочестивому християнству многомятежну и беззаконну и богоборну и жестосерду, прикровенну благочестия именем. И попусти самовластным быти, мысленным кругом изходящим из погибели ада еретичества злаго, умноженым яко мшицам, от ключа студенца бездны, надхненнаго от самого сатаны со всем собором еретическим и бесовским. Християнству же бысть жесток и тяжек и яростию свирепства зверообразен, ||
яко и святую пресловущую и горнему Иеросалиму ликованием *л. 135*
духовным подобную Соловецкую обитель неблагодарно восхоте разорити. И собра рать противо святаго непорочнаго агньца Христа пречиста, богоборну и злочестиву, немец и поляков, истинных латынцов и врагов кресту Христову, проклятых от святых седми вселенских соборов и девяти поместных.

И тако возборося противу самого владущаго тварию всею и содетелем своим человеколюбцом сурово и безчеловечно всяким богоборством, по святым церквам и по святым и честным и животворящим крестам на церквах святых стоящим и по святым образом Спасовым и Богородичным ис пушек и изо всякаго оружия стрелянием. И на всех иже верных и благочестивых християн наложи свирепые и жестокие муки. И возложи свой тяжестный, прещения зверского образ, дабы истинное благочестие первое до конца потребити и испепелити, и такову себе честь своим ||
самовластием и самолюбием приобрете. *л. 135 об.*

Но Адаме, прадеде наш, что твориши нелепая супротив слова, что на высоту испущаеши укорения глаголы? Умоли покаянием всея твари и своего владыку, укроти гнев его смирением и молитвами, милостив бо есть господь владыка и скоропреложен к щедротам и к человеческому покаянию скоро пременен.

У нашего же Адама покаяния не бысть нигде же, и прощения со смирением не приносил, но величаво и прегордо отверже от себе божию милость и высокоумием вознесеся и лицемерно благочестием покрыся и ни мала добра являет, не все собою, но множае и подвластными своими.

Что же владыка наш и творец всея твари прехитро умышляет, како премудро устрояет и содевает? Образом сицевым осуждает Адама земною страдою, повелевает возделати землю, изгоняет из рай||ския породы и настоящаго жития смертию безвременно и *л. 136*
ненадежно пресецает и отпускает к суду неведомому и неумытному прехитро.

Егда бо святую обитель в запустения поле положиша, абие вскоре жития сего Адам отлучен бывает, яко да немедленно уви-

дит, что ему принесе самовластие, самолюбие и преслушания и каковый труд телу и души сокрушение приобрете.

Что заградися море, поток же нудится воду пролияти, почто солнце скрыся, малый же отблеск свет являет, почто юность нудится закон полагати, понеже седины в будущую жизнь преидоша, почто невежда дерзает, яко умолче мудрость, почто малыя росы капля нудится землю напояти, преста бо напоение дождевное. Дерзай, дерзай, юноше, отверзи уста своя ненаученные и грубые и унуди язык свой косной и гугнивой, закону молчания
136 об. работающ, не бо разорити похвалный, целомудрию || любезный чин господу тщишися. Но лепо ти есть глаголати по нужи, яко старцы неблагодарно умолкоша молчанием вечным. Отцы твоя скитатися единого оставиша и братия твои в вечную радость отидоша и дети твоя в будущую жизнь превариша. Отрини, отрочате, молчание, изливай малую воду, поточе, яко устием течеши в пространное море, дай свет свой, малый отблеск, что в прославление сотворен еси Христу великому солнцу. Предлагай законы, утружденная юность, отчаяние Каиново отвергши, седины бо твои скрышася в землю. Дерзай, невежда, умолче бо мудрость, изливай своея мокроты влагу, малыя росы капля, дождь бо ныне в наставшее нужное и многоболезненое время учением истинным книжным преста словесне землю напояти. Приступи дерзновенно, юноше, ко владущему тварию всею. ||

л. 137 Трепещем же и мы страхом велиим на всю вселенную, не пришедшию виденныя казни и раны Иванном Богословом, от перваго горя препущаемыя до трубы шестыя, скончевающемыся на третиемъ горе ангела седмаго Лавудикийския церкве. Очищения огненнаго купле, сотворяя сребро раздеженно в шестой печати на седьмой скончанну. Последния ангелы и трубы втораго горя.

Припадаем и молим господа бога: да не како высокосердия ради нашего и непокорьства и ненависти друг к другу, и умножения ради еретичества злаго и всякия скверныя мерзости растленныя, лютейши сих всех настоящих ран наших, снидет с небеси ярости серпа божия гнева. Его же сокровища неведомы у себя держат, ими же да не будет нам искушение прияти. От них же и богословия начальнику, в своем откровении тайн последних во многих местех во Апокалипсисе, молится избавлен бысти. От них же и нас да охранит господь бог его молитвами святыми.

А. М. Панченко

ДЕКЛАМАЦИЯ СИЛЬВЕСТРА МЕДВЕДЕВА НА ТЕМУ СТРАСТЕЙ ХРИСТОВЫХ

Вопрос о стихотворной декламации не является вопросом сугубо академическим. Теоретическое значение этой проблемы было доказано еще в 90-х годах прошлого столетия Э. Сиверсом, основателем школы «слуховой филологии», который считал неправомочными в изучении стиха методы традиционной «зрительной филологии».

«Письменная передача..., — писал Э. Сиверс, — может служить только жалким суррогатом для живого слова. Чтобы действовать вполне, застывшее в письменной форме стихотворение должно быть вновь вызвано к жизни путем устной интерпретации, путем произнесения... Ведь ритм и мелодия также существенны для стиха произносимого, как и для пения: они сообщают стиху особый характер... В наивной обыденной речи связь между формой и содержанием такова, что содержимое занимает первое место, а формальная сторона — второе, так что и ритмико-мелодическая форма произносимого имеет вид безыскусственной, непроизвольной прибавки к желаемому содержанию. Дело меняется, когда речь ставит себе высшие цели».[1]

В принципе стихотворное произведение всегда произносится — либо вслух (при декламации), либо «про себя» (при чтении), в последнем случае с помощью особой, чаще всего стихийной и для самого читателя незаметной, мысленной операции. Б. М. Эйхенбаум очень удачно сравнил эту операцию с чтением партитуры.[2] Если мы хотим последовательно выдержать исторический принцип, мы обязаны проследить, какие изменения в «мелодии» силлабических произведений произошли за те триста лет, которые протекли от момента их создания до современного прочтения.

В XVII в. изреченное поэтическое слово звучало несравненно чаще, чем теперь, и, следовательно, играло несравнимо бо́льшую

---

[1] Цитирую в переводе Б. М. Эйхенбаума в его известной работе «Мелодика русского лирического стиха», см.: Б. М. Эйхенбаум. О поэзии. Л., 1969, стр. 334.

[2] Там же, стр. 335.

роль. В наши дни чтение «про себя», «чтение партитуры» — самое привычное дело, гораздо более привычное, чем слушание стихов. Между поэтом и потребителем появилось регулярное звено, посредник — книга. Тогда же преобладало живое общение.

Разумеется, я не собираюсь преуменьшать значение текста, печатного или рукописного, и для силлабического стихотворства XVII в. Однако в классический его период стихи, по-видимому, обращались более всего в устной форме. Между прочим, Симеон Полоцкий, подготовляя к печати свои стихотворные сборники и сочиняя к ним предисловия, обязательно упоминал о чтении вслух: «...на память изученная внегда провещаются, временно благодящая суть слухи и сердца слышащых» (о виршах «Вертограда многоцветного»).[3] Он писал в предисловии к «Псалтыри рифмотворной»:

Тужде аз рифмы тщахся преложити,
не дабы тако в церкви чтенней быти,
Но еже в домех часто ю читати
или сладкими гласы воспевати
Во славу богу, — ибо услаждает
рифм слух и сердце: чести понуждает.[4]

Сравни с этим предисловие к «Рифмологиону»:

Да даст же господь здраву ти читати,
яже потщахся зде аз написати
И юным твоим в науку даяти,
да возумеют чинно глаголати...[5]

Для «чинного глаголания юных» предназначались и поэтические разделы обоих «Букварей» Кариона Истомина, потому что тогдашняя метода обучения предписывала многократное повторение текста вслух для заучивания на память.

Среди силлабических жанров был жанр декламации (declamatio), занимавший промежуточное место между драмой и собственно поэзией. Первые произведения, с которыми Симеон Полоцкий выступал перед царем Алексеем Михайловичем, были именно декламации (1656, 1660 гг.)[6] — наиболее простая разновидность этого жанра, когда связанные общей темой монологи произносились поочередно «отроками» — в данном случае учениками полоцкой Богоявленской школы.[7] В московский период Симеон Полоцкий усердно работал в этом жанре; многие его дек-

[3] Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. Подготовка текста, статья и комментарии И. П. Еремина. М.—Л., 1953, стр. 208.
[4] Там же, стр. 215.
[5] Там же, стр. 219.
[6] См.: Н. И. Прашкович. Из ранних декламаций Симеона Полоцкого («Метры» и «Диалог краткий»). ТОДРЛ, т. XXI, М.—Л., 1965, стр. 29—38.
[7] См.: В. И. Резанов. К вопросу о старинной драме. Теория школьных декламаций по рукописным поэтикам. ИОРЯС, 1913, № 1, стр. 11, 17.

ламации, вошедшие в «Рифмологион», снабжены пометами о произнесении их в столице и в царских пригородных селах Коломенском и Измайловском. Примеру Симеона следовали и другие стихотворцы. После «Сказания о страстех ... Иисуса Христа», которое датировано мною 1681 г. и атрибутировано Сильвестру Медведеву,[8] идет запись: «Сии вершии посланы к великому государю в вечер с Лаврином... и розделены на 12 человек, а имены певчим писаны на тетрати на страницах».[9] К 1682 г. относятся «Диалоги о премудрости воплощения сына божия», поднесенные царевне Софье Лукой Голосовым.[10] Как и «Сказание» Сильвестра Медведева, эти рождественские вирши были распределены между двенадцатью отроками.

Иногда и при слишком общем характере авторских помет, собственноручных или писцовых, можно с некоторой долей вероятности воссоздать обстановку, в которой произносились стихотворения другого популярного жанра — «приветства». На поле рядом с заглавием «Стихов в похвалу Евдокии» (из того же цикла и того же года, что и «Сказание о страстех») читается приписка: «Говорен у великого государя в Верху марта в 1 де<нь>».[11] Эту похвалу Сильвестр Медведев составил к именинам царевны Евдокии Алексеевны, которой 1 марта 1681 г. исполнилось 12 лет. Вот описание именинного обеда 1655 г. в честь ее старшей, умершей в младенчестве сестры, тоже Евдокии, принадлежащее перу Павла Алеппского: «Евдокия ... родилась 1 марта, когда бывает память св. Евдокии; но как этот день приходился на первой неделе великого поста, то царь совершил его празднование сегодня (по указанию Павла Алеппского — 20 февраля, во вторник сырной недели, — *А. П.*), по принятому у них каждогодно обыкновению».[12] По случаю празднования служили оба патриарха, московский и антиохийский, в дворцовой церкви, затем был царский стол, — «в той же палате, где и в первый раз. Происходило то же, что и в тот день»[13] (т. е. 12 февраля, когда Макарий Антиохийский представлялся царю и Никону). Тогда на царской трапезе Павла Алеппского особенно поразило следующее: «После того как оба патриарха прочли застольную молитву, явился один из маленьких дьяконов (анагностов) и, поставив посредине аналой с большою книгой, начал читать очень громким голосом житие св. Алексия, коего память

---

[8] А. М. Панченко. Придворные вирши 80-х годов XVII столетия. ТОДРЛ, т. XXI, М.—Л., 1965, стр. 66—68.

[9] ИРЛИ, Пинежское собр., № 113, л. 596.

[10] Опубликованы в кн.: И. А. Шляпкин. Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени. ПДП, вып. CXXVIII, СПб., 1898, стр. 41—68.

[11] ИРЛИ, Пинежское собр., № 113, л. 602 об.

[12] Павел Алеппский. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века. Перевод с арабского Г. Муркоса. Выпуск третий (Москва). М., 1898, стр. 44.

[13] Там же, стр. 45.

празднуется в этот день, и читал с начала трапезы до конца ея, по монастырскому уставу, так что мы были крайне удивлены. . .».[14] Следовательно, за парадным обедом в честь Евдокии могло читаться житие ее тезоименитой святой, и в принципе не исключено, что в другую эпоху, уже знакомую с придворным стихотворством, произносились «Стиси краегласнии в похвалу преподобныя мученицы Евдокии», в которых было использовано это житие. Я не настаиваю на том, что именно так разыгрывался рассматриваемый эпизод: в 1681 г. царевнины именины снова пришлись на великий пост (на понедельник второй недели), и поскольку запись не говорит о передвижке праздника, как было в 1655 г., то и торжественный обед в этот раз состояться не мог. Великий пост наложил на празднование свой отпечаток. Для меня важно предположить, что аналогичные торжества сопровождались публичным чтением «приветств». Это предположение может быть подтверждено собственноручными записями Кариона Истомина. В декабре 1692 г. патриарх Адриан освятил Рождественскую церковь в Новом Иерусалиме. На этом торжестве присутствовали, в частности, царевна Татьяна Михайловна и Карион. Последний ради такого случая сочинил несколько стихотворений, сохранившихся в его черновых бумагах. Первое — это «Благородней великой государыне царевне и великой княжне Татиане Михайловне поздравление похвалное, еже бысть 7201 лета, месяца декемвриа в 13 день в Воскресенском монастыре, на освящении церкве, яже в трапезе»[14а] (Карион восхвалял царевну за пожертвования на монастырь и на церковь; напомню, что Татьянин день приходится на 12 января — значит, панегирик не имел отношения к именинам). Того же 13 декабря, о котором в старинных месяцесловах писали: «отселе возврат солнцу со зимы на лето, день прибывает, нощь же умаляется», Истомин читал другое приветство («. . . стихи на освящение храма . . . иже пред трапезою в Воскресенском монастыре Новаго Иерусалима, глаголашася пред святейшим патриархом тамо в трапезе»).[14б] В нем воздавалось должное всем строителям храма, в том числе Адриану, и снова царевне, которая вообще очень любила Новый Иерусалим, а также Никону, там погребенному, как основателю обители. Вторая запись прямо говорит о том, что стихотворение произносилось не в новоосвященной церкви, а в монастырской трапезной.

Итак, стихи «на случай» произносились и на светских праздниках, и на церковных, и в «Верху», в царских палатах, и в церкви. О последнем, например, прямо говорит заглавие одного из произведений Симеона Полоцкого: «Стихи краесогласныя на

---

[14] Там же, стр. 26—27.
[14а] ГИМ, Чудовское собр., № 99/301, л. 226.
[14б] Там же, л. 230.

Рождество Христово, глаголемыи в церкви во славу Христа бога».[15] С. А. Щеглова убедительно датировала это стихотворение московским периодом жизни Симеона Полоцкого (до 1676 г. — года смерти царя Алексея), заметив, что католическая практика допускала храмовые декламации и что этот обычай был зафиксирован в поэтиках: «указание Симеона Полоцкого, что декламация должна говориться в церкви, находит соответствие в поэтике, где читаем, что в провинции сохранены ежемесячные декламации, а „также декламация у алтаря во время процессии на праздник тела Христова и в пятницу утренняя и вечерняя декламация у гроба Господня“,[16] то есть в церкви».[17] Из работы С. А. Щегловой следует, что перед монологами каждой пары «отроков» (декламация Симеона была разделена между 8 парами) пелся какой-то из рождественских ирмосов, «начальные слова которого и приводятся в декламации. С этих-то слов и начинается обычно речь первого из каждой пары отроков, развивающая далее, иногда в сходных выражениях, мысль, высказанную в начале ирмоса».[18] Вообще декламации на церковные праздники полны заимствований, иногда близких текстуально, из соответствующих песнопений. Это в полной мере относится и к рождественским виршам Луки Голосова.

Для нашей темы интересно выяснить, что представляли собой «отроки»-декламаторы. В Москве у Симеона Полоцкого не было под рукой богоявленских школяров, а великовозрастные подьячие Приказа тайных дел, слушавшие курс в Заиконоспасской школе, вряд ли подходили под разряд «отроков». Впрочем, если даже сделать такое маловероятное допущение, то необходимо вспомнить, что Заиконоспасское училище Симеона действовало считанные годы и он не мог набирать оттуда декламаторов постоянно. Затруднение решает помета на «Сказании о страстех ... Иисуса Христа» Сильвестра Медведева: этот текст произносили певчие; певчим же был и упомянутый в помете Лаврин (Лаврентий Кузьмин Бурмистров, вместе с Медведевым схваченный в Бизюкове монастыре и потом сосланный в Сибирь). Так как «Сказание» Медведева и рождественские вирши Луки Голосова близки по времени написания, то можно быть уверенным, что певчие первого и «отроки» второго — люди одной профессии. Это, вне всякого сомнения, «малые певцы», или «недоростки», детские голоса церковного хора.[19]

---

[15] См.: С. А. Щеглова. Декламация Симеона Полоцкого. В кн.: Сборник статей в честь... А. И. Соболевского. Под ред. В. Н. Перетца. Л., 1928, стр. 5—9.

[16] В. И. Резанов. К вопросу о старинной драме, стр. 5. (*Прим. С. А. Щегловой*).

[17] С. А. Щеглова. Декламация Симеона Полоцкого, стр. 8.

[18] Там же, стр. 5.

[19] См.: Н. Д. Успенский. Древнерусское певческое искусство. М., 1965, стр. 159—160.

Я хочу подчеркнуть следующее: силлабические стихотворения звучали в храмах, в декламациях использовались праздничные песнопения, отдельные монологи чередовались с ирмосами, то и другое исполнялось певчими церковного хора. Естественно предположить, что при такой близости к литургии манера силлабического чтения (по крайней мере в некоторых жанрах) если не вполне, то в каких-то аспектах совпадала с литургическим чтением. Поэтому необходимо хотя бы в общих чертах охарактеризовать последнее. Здесь мы можем опереться на свидетельства внимательного наблюдателя Павла Алеппского и на другие источники, в частности на церковные уставы, на литургическую практику современных беспоповских старообрядческих согласий, на некоторые грамматические пособия XVII—XVIII вв. и, наконец, на лингвистические и историко-музыкальные исследования.

Начну с записок Павла Алеппского: «Чтец, хотя бы это был маленький мальчик, читает Апостол не иначе, как весьма речисто, и заканчивает его очень протяжно и громким голосом нараспев».[20] «Патриарх (Никон, — *А. П.*) начал первый стих Евангелия, которое есть сегодняшнее евангелие о Страшном Суде из благовестия евангелиста Матфия, (и читал) стих за стихом протяжно и нараспев, в особенности перед точкой, пока не кончили Евангелия, прочтя одиннадцать стихов. Остановка делалась не больше как через семь, восемь слов, с чрезвычайным растягиванием и нараспев. Патриарху отвечал архидиакон, повторяя стих за стихом очень протяжно до конца».[21] «Для чтения Евангелия архидиакон вышел на амвон, а патриарх (Никон, — *А. П.*) стал у престола. Читали поочередно стих за стихом с протяжным распевом».[22]

Общепризнано, что в древнерусской церковной практике существовала устойчивая и строгая традиция литургического произношения. Об этом говорят предписания московских церковных уставов исполнителю: «...начинает ... тихим гласом и легким косно и во услышание всем»;[23] «подобает же ему пети кротким и тихим гласом, косно и во услышание всем».[24] «„Косное", или, что то же, медленное чтение, пение „тихим гласом и легким", то есть без усилий и повышений голоса, — это не что иное, как псалмодия с ее ровным, спокойным движением звуков на одной высоте в медиуме человеческого голоса, с замедлением и незначительным понижением этих звуков в окончаниях отдельных

---

[20] Павел Алеппский. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию... Выпуск второй (от Днестра до Москвы). М., 1897, стр. 163.

[21] Павел Алеппский. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию... Выпуск третий (Москва). М., 1898, стр. 42.

[22] Там же, стр. 202.

[23] Устав церковный. М., 1601, л. 37.

[24] Устав, или Око церковное. М., 1633, л. 21.

фраз».[25] Псалмодическая манера чтения до наших дней влияет на богослужебную практику православной церкви. Однако сейчас эта манера сильно деформирована и поэтому не может служить материалом для нашей темы. Напротив, старообрядцы-беспоповцы сохранили древнюю систему литургического произношения, подробно описанную в прекрасной работе Б. А. Успенского.[26] Это описание я привлекаю в качестве аналога к свидетельствам XVII в.

Пока отмечу следующие моменты: мелодико-интонационный рисунок читаемого текста зависит от «погласицы», причем, как указывает Б. А. Успенский, для различных категорий текста имеются свои «погласицы» (особые для Евангелия, статей, паремий и т. д.). При чтении безударные гласные звуки не редуцируются, в частности нет «аканья», причем этот принцип выдерживается чрезвычайно строго. В связи с этим «можно отметить вообще отсутствие ощутимого различия в произношении гласных под ударением и в безударной позиции, как это свойственно современному русскому произношению, — следствием чего является особый просодический рисунок церковнославянского чтения, заключающийся прежде всего в более равномерном слогообразовании, чем в живой русской речи, и меньшем значении силового ударения».[27]

Сказанное выше касается чтения церковных прозаических текстов. Вправе ли мы утверждать, что те же принципы лежат в основе декламационных норм силлабического стихотворства? Это очень сложный вопрос, при решении которого должно помнить, что силлабика XVII в. претерпела коренные метрические изменения и что, следовательно, в различных поэтических школах могли быть и различные декламационные нормы. Вообще же мысль об историческом чередовании двух враждебных тенденций произнесения стихов была высказана в стиховедении давно, в частности Ю. Н. Тыняновым, ссылавшимся на Меймана, который формулировал ее так: «Поэтической декламацией владеют две тенденции, которые то борются друг с другом, то, объединяясь, согласуются, то каждая сама по себе берет на себя созда-

---

[25] Н. Д. Успенский. Древнерусское певческое искусство. М., 1965, стр. 155.

[26] Б. А. Успенский. Архаическая система церковнославянского произношения. (Из истории литургического произношения в России). М., 1968. Эта система — по преимуществу система *чтения*, а не пения. Ее древность доказывается, между прочим, тем, что она «является в принципе общей для различных беспоповщинских согласий: федосеевского, филипповского, поморского. Система произношения в различных общинах, в том числе географически друг от друга весьма удаленных и не сообщающихся друг с другом, характеризуется в общем значительным единообразием, которое — что особенно показательно — охватывает не только принятую систему чтения графически запечатленного текста, но даже и случаи отступления произношения от написания» (там же, стр. 23).

[27] Там же, стр. 44.

ние ритмического впечатления. Я назову их тактирующей тенденцией (taktierende Tendenz) и фразирующей (группирующей) тенденцией (gruppierende, phrasierende Tendenz). В первой проявляется собственно ритмическая потребность (Bedürfniß), установка на условия ритмического порядка наших последовательно протекающих переживаний, на равность временных промежутков между главными ритмическими моментами. Во второй выступает самостоятельный интерес к содержанию. А так как характер движения представлений не допускает полной схематизации своего протекания, то осмысленная декламация принуждает нас к постоянному уничтожению ритмического принципа».[28]

От классического периода русской силлабики до нас дошли некоторые свидетельства, которые позволяют утверждать, что тогда господствовала «тактирующая тенденция». Я нашел эти свидетельства в произведениях Кариона Истомина. Он, во-первых, уподоблял стихи молитвенному возглашению:

При сем приношу тебе, богознанней
дщери цареве, деве избранней,
Стихотворное молитвено звание,
вашей светлости во почитание...[29]

Конечно, этот фрагмент можно интерпретировать семантически (если, по Данте и Петрарке, богословие — это поэзия, обращенная к богу, то и обратное умозаключение имеет смысл). Однако другое высказывание поэта прямо относится к акустике:

Се величеству твоему вещая,
главу худейш аз к стопам приклоняя,
Во слушание склони ми ушеса,
молю господска, блага ти очеса:
Изволи милость сотворити мнейшу
рабу вашему монаху худейшу,
Не положите своего ми гневу,
послушающе немаго напеву.

Катахреза (вернее, оксиморон) «немой напев» возникла оттого, что это стихотворение Карион поднес Софье, которой предстояло «читать партитуру». Этот оксиморон свидетельствует, что были какие-то особые декламационные нормы и что эти нормы существовали в рамках «тактирующей тенденции»; отсюда также можно заключить, что в чтении преобладала «на-

---

[28] Цитирую по кн.: Ю. Н. Тынянов. Проблема стихотворного языка. Статьи. М., 1965, стр. 40—41. Выше Ю. Н. Тынянов сопоставляет попеременное господство той и другой тенденций с «сопровождающими явлечиями» литературного быта и говорит о «необычайном развитии декламации за последнее десятилетие» (это писано в 1924 г.) в Германии и России.

[29] См.: С. Н. Браиловский. Один из пестрых XVII-го столетия. СПб., 1902, стр. 176. Ср. выражение «из рифм молебен» в стихах о Сергии Радонежском (там же, стр. 187).

певная» интонация, по-видимому близкая к литургической псалмодии.

Ниже я публикую стихотворение, относящееся к жанру декламации. Оно извлечено мною из того цикла, который я частично уже опубликовал в 1965 г. (Пинежское собр., № 113). В этой же публикации см. описание рукописи и атрибуцию цикла Сильвестру Медведеву.[30]

СКАЗАНИЕ О СТРАСТЕХ ГОСПОДА БОГА И СПАСА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА, КАКО ПРЕТЕРПѢ БЕЗВИННО СОЗДАТЕЛЬ ВСѢХ[а] ОТ БЕЗЗАКОННЫХ ЖИДОВ ПОРУГАНИЕ И КРЕСТ И СМЕРТЬ, РАДИ ГРѢХ И БЕЗЗАКОНИЙ НАШИХ[б] *л. 584*

Кто ся не дивит и не ужасает,
от своих очес слез не изливает?
Солнце бо наше како измѣнися,
радость во слезы, день в нощь преложися!
Велий дождь слезны очи заливает,
дух от печали внутрь нас исчезает,
Вся темный облак плачевно заводит,
камень — не сердце,[в] аще слез не родит.
Творец бо за тварь си что содѣвает,
зри, какову к ней любовь являет!
Ради бо ея душу полагает,
свобождь от ада, — в небо водворяет;
Юже любовь нам подаждь, Христе, знати,
волю ти творя, выну прославляти,
О страдании ти днесь глаголати,
благоволи нам помощь твою дати. *л. 584 об.*
Новый Израиль, от бога избранный,
прииди и виждь страх и трепет несказанный!
Во Иерусалимѣ от всѣх старцев, судей,
архиереев и жидовских людей,
Днесь на всей земли, богом сотворенный,
всему преясно миру проявленный,
В первых на творца совѣт сотвориша,
яже у раба зла она купиша.
Иуды сребреник за инь тридесят даху
и, како й взяти, совѣт восприяху;
Его же злаго с вои посылают,
Иисуса им яти завѣщают.
Иуда, прияв вои, иде искати,
во вертоградѣ Христа обрѣтати,
Иже за кедрским потоком стояше, —
Иисус бо в нем часто пребываше;
И во оный час тамо пребывая,
колѣна своя ко отцу преклоняя,
В молитвѣ отцу и богу глаголя:
«Отче, да будет твоя во мнѣ воля!».
Сице в молитвѣ Христос утрудися,

[а] *На поле доб.* ради грѣх. [б] *На поле доб.* на виршу. [в] *Может быть, нужно читать* каменьне сердце, *но в ркп. слова разделены четко.*

[30] А. М. Панченко. Придворные вирши 80-х годов XVII столетия.

лице бо кровавым потом все покрыся.
Вѣдя Иисус вся на нь грядущая
и от Иуды быти имущая,
Благоизволи с мѣста поступати,
л. 585 на вольную страсть воем отдати.
И, мало с мѣста поступивше,
воем, ищущим его, возопивше:
«Кого со свѣщами здѣ в нощи ищете
и з дреколием изобрѣтаете?».
Иисуса же рекоша искати,
он благоволи «Аз есмь» глаголати.
Егда Христовы уста се рекоша,
воини воспять на землю падоша.
Иисус паки рек: «Кого ищете
и сице крѣпце изобрѣтаете?».
Вои же его рекоша искати,
той благоволи «Аз есмь» глаголати.
Тогда Иуда творца си лобзаше,
с вои лестию без милости яше.
Злии же вои Иисуса взяху,
ужем прекрѣпко того увязаху,
Аки злии волцы начаша терзати,
на агнца кротка зубы скрежетати.
Страх велий они ему твориша,
безмилостивнѣ Иисуса биша,
Святыя руцѣ прекрѣпко связаху,
яко злодѣя, связана влечаху.
Праведный агнец смиренно терпяше,
ни едина вопрек слова глаголаше.
Апостоли же вси отлучишася,
развѣ Петра, и скрышася,
Иисуса же вели одинока.
л. 585 об. и, до кедрскаго достигше потока,
От воев тамо на землю падеся,
лице его в нем о камень претреся.
Воини его абие подяша,
во двор Анны, мстя Каиафы, взяша.
Егда введоша во двор злаго Анны
Христа, давша им изобильно манны,
Анна на мѣсте прегордо сѣдяше,
на Иисуса яростно взираше.
Иисус пред ним умилнѣ стояше,
а на изводство дѣлесе смотряше.
Обаче пред ним, зѣло преяростным,
человеком злым, весма нежалостным,
В ланиту рабом тако заушися,
яко тѣлесе крѣпости лишися,
На землю пред ним, псом скверным, упаде
к Каиафѣ он от него ся веде,
Иже восхоте совѣт сотворити,
еже едина за всѣх уморити.
Един той за нас умирает
и всѣх нас вечны смерти свобождает.
Егда же во двор к нему приведеся
и к Каиафѣ и старцом вдадеся,
Они же сердцы ся возвеселиша,
в немилость ему вси ся обратиша.
л. 586 Начаша старцы ему ся ругати,
свидѣтелства на нь неправды слагати.

О, колико ти бысть поношения
от них, злотворцев, и укорения!
Кто то возможет все изглаголати
ли писанию подробну предати?
Свѣтлое лице его заплеваша,
друзии платом очи закрываша;
Нѣцыи его в ланиту бияху,
прорицания слышати хотяху:
«Прорцы, прорцы нам, Христе Иисусе,
сый покровенный от нас в убрусѣ,
От предстоящих кто тя ударяет?».
Тебѣ ся, царю, иудеи ругают.
Многия страсти ту сотворишася,
жиды же в домы вси возвратишася.
Иисуса [г] в темницу ведоша,
с верха лѣствицы в ону низвергоша,
В ню же толико лютѣ поразися,
яко весь вельми о землю разбися.
Пречистѣ нозѣ в кладу заклепаху,
милости ему никия же даху.
Много бяше в ней ему стенания,
а жидом в ту нощь о муцѣ тщания,
Во еже бы и́ жестокши мучити,
пред всѣм народом пресрамно явити.
Во ону же зимнѣ [д] нощь презѣльно бяше, л 586 об.
весна теплоты уступаше,
Зане весна нам радости страдает:
Христос от жидов ругаем бывает.
У Каиафы в дворѣ огнь горяше,
им же вои ся тогда согрѣваше.
Христов ученик Петр от них назвася,
тѣм же от него клятва дася,
Яко господа Христа си не знает;
Другий от воин его обличает,
Яко: «Со Христом тя во вертоградѣ видѣх»,
Петр же ему рек, яко: «Ту с ним не бѣх».
Абие же петел вокричаше,
Петр, из двора шед, много слез лияше.
Во утрий же день совѣт сотворяху,
немилостию сердца их горяху:
Иисуса,[е] всѣх господа, убити,
на древо в понос его пригвоздити.
О всезлии, что се содѣваете,
себе в вѣчный огнь уготовляете!
Совѣща и́ Пилату предати,
о смерти его крѣпцѣ всѣм прошати;
Из темницы и́ связана введоша,
к Пилату и их множество внидоша.
Мнози словеса ту на нь глаголаху,
аки злодѣя пред ним поношаху;
Поношения неправды терпяше
Христос и ничто же вопреки глаголаше.
Пилат не смерти и́ достойна быти л. 587
познавает, но весма свободити,

[г] *В ркп.* Исуса (*первое „и“ стерто*). [д] *В ркп.* зимну. [е] *В ркп.* Исуса (*первое „и“ стерто*).

Но слышати то жиды не хотяху,
смерти достойна его нарицаху.
Услышав Пилат з Галилеи быти
его, не хотѣ господа судити.
Ко Ироду его скоро отсылает
и о всем ему дѣле изявляет,
Он же восприят господа радостно,
о многих вещех вопрошает гласно.
Христос, предстоя ему, все молчаше,
яко безгласен не отвѣщеваше.
Четвертовласник Ирод поругася,
с вои своими ему насмѣяся,
Повелѣ в ризу свѣтлую одѣти,
дабы из него людем смѣх явити.
[ж] От Ирода воспять веден к Пилату
иным путем чрез 600 стоп в полату,[ж]
Воспять к Пилату его посылает,
над ним в судѣ власть ему поручает.
Егда же его в путь вои ведяху,
заушаху и зѣльнѣ бияху,
Дабы вси града жители то знали,
ему аки бы злому ся смѣяли.
В дом ко Пилату приведеся,
во претор от них, всезлѣйших, дадеся.
Егда Пилату о сем извѣстиша,
что Иисуса [з] в претор посадиша, —
л. 587 об. Абие Пилат жидов созывает,
из претора с ним изшед, возглашает:
«На мужа сего что порицаете
и вину кую в нем изявляетѣ?».
Они же злодѣя его нарицают,
смерти достойна быти извѣщают.
К ним же вѣщает Пилат: «Вы имите
и по закону вашему судите».
Они же рѣша: «Нѣсть нам убивати,
лѣть точию вам винных предавати».
Во претор Пилат паки сам вступает,
Иисуса [и] вопрошает:
«Ты ли еси царь — рцы ми — Иудейский
и вождь избранный славный Израильский?».
Иисус [к] рече: «Се ты мнѣ глаголеш,
сам убо мене так быть истинствуеш».
Архиереи же на нь клеветаша
и старцы присно вси лож соплеташа.
Он вся ни во что сия вмѣняет,
яко безгласна себе всѣм являет.
Пилат безгластву его удивися,
по нѣколицѣ над ним умилися,
Ищет, како бы его свободити,
и нача к жидом ясно вопити:
«Аз неповинна его знаю быти,
хощу убо вам царя свободити».

[ж–ж] *В ркп. двустишие имеет такой вид*: От Ирода воспять к Пилату веден в полату | иным путем чрез 600 стоп. *Полагаю, что это не внесенная в текст глосса, потому что во фразе ровно 22 слога.* [з] *В ркп.* Исуса (*первое „и“ стерто*). [и] *В ркп.* Исуса (*первое „и“ стерто*). [к] *В ркп.* Исус (*первое „и“ стерто*).

Народи крѣпце гласы восклицаша,[л]
токмо кесаря себѣ нарицаша,
Иисуса же вси отрицахуся, л. 588
на вящий зѣлно глас подвизахуся:
«Возми, возми и распни, Пилате!
Кесарю будеш друг и всей полатѣ».
Видѣх (так!) се Пилат, что не успѣвает,
но паче в жидѣх зла молва бывает, —
В умывальницѣ воду принимает,
сквернии руцѣ свои умывает.
Рек: «Аз не винен сего праведнаго
крови, в смерть сию от вас преданнаго».
Они же рѣша: «Кровь та на нас буди
[м] и на всѣх [н] дѣтех наших в вѣк пребуди!».
Тѣм Пилат нача Иисуса бити,
Варавву велѣ от уз свободити.
О, что се страшно и чюдно явися,
яко владыка к мукам осудися!
Разбойника же от мук свобождает,
архиереом господа вручает;
Жидовский же род превозвеселися,[о] —
желание их яко исполнися.
Игемоновым воином вручают,
мучити его зѣло поучают.
Воини в народ Христа изведоша
и при всѣх ризы с него совлекоша,
К столпу и́ злии привязаху
и [п] без милости презѣльно бияху.
Тако и́ вои проклятии биша,
даже и кожу от тѣла отбиша,
Едва при костех и тѣло держася,
и от знаемых ни единым познася.
О, колико ту Иисус стеняше л. 588 об.
и от лютых ран болѣзни терпяше!
Но ни от кого помощ [р] подадеся,
токмо отрѣшен от столпа, — падеся.
Таже принужден в ризы ся облачати,
пред ними, злыми, ему предстояти;
Хламидою и́ одѣта явиша,
на высоцѣ же мѣсте посадиша,
На нем же они ему ся ругают
и вѣнец тернов на главу возлагают.
Но от терния ости [с] проницаху,
главу до мозгу люто [т] пробиваху.
Трость в десницу его ему даша,
тѣм они ему явѣ ругаша.
На свои пред ним колѣна падаху,
ему, господу, тако ся ругаху:
«Радуйся нынѣ, царю Иудейский,
рекий, яко Спас еси Израильский!».
Начаша в лице царское плевати,
многу хулу на нь в народ глаголати,
Таже, вземше трость, во главу Христа биша
и ни малыя милости явиша.

[л] *В ркп.* восклицаше. [м-н] *В ркп.* и на нас и на всѣх. [о] *В ркп.* пре *надписано над строкой.* [п] *В ркп. приписано другими чернилами.* [р] *В ркп. надписано над строкой.* [с] *В ркп. исправлено на* усти. [т] *В ркп. надписано над строкой.*

И тако Христа крѣпцѣ биша, биша,
яко доброты всея и́ лишиша.
Красное лице причерно явися,
уста, очеса, весь зрак измѣнися,
Завѣт язык живота вѣщателна,
присно всѣм благо нам глаголателный,
Глаголати у от труда престаше,
паче и вся плоть нас дѣля страдаше.
Власы кровию главы смочишася,
л. 589 лице, все тѣло очервленишася,
Яко нигдѣ же цѣлу мѣсту быти,
еже бы крови множества не точити.
Увѣдев же се род жидов злозливый (так!),
в милость нимало он ся преклонивый,
Яко Иисус тако умучися,
даже красота его погубися.
Во двор к Пилату его поведоша,
и, в он егда с ним жидове внидоша,
Скоро из окна Пилат изницает,
Иисуса же в крови усмотряет.
Зѣло он Пилат над ним умилися
и немилости жидов удивися.
Старцем всѣм в окно его являет,
злых иудеев о нем упрошает,
Дабы невинна смерти свободили;
иудеи же зѣло возопили:
«Пилате, возми, возми и [у] вели распяти [ф]
дерзнувша царем себе назвати!».
Видѣв се Пилат, что не успѣвает,
но паче в жидѣх зла молва бывает,
К Гавватѣ мѣсту нача поступати,
идѣ же Христа на смерть осуждати.
И егда убо в мѣсто оно прийде,
в народ глас свой преясно возведе:
«Назарянина, развращающаго
люди, Иисуса, ся противящаго
Кесарю како, — рекут иудеи
л. 589 об. и невинному цареви злодѣи, [х] —
Архиереи, оного возмите,
на лобнѣм мѣсте днесь распните!».
Егда же Пилат на крест [ц] осудил есть,
спекулаторем его злым вручил есть,
Они убо крест на рамена его
тѣла избита пречистаго всего
Претяжкий егда злии возложиша,
велию тягость к мукам преложиша.
И единому ему, пресвятому,
нести, господу благому,
До того мѣста, идѣже пропяти,
на пути с него не хотѣша сняти.
Иисус скорбми преизнемогает
и во пути с ним много упадает.
Таже с оного крест тягостный сняша,
Керинею и́ нести завѣщаша.
Вероника же к нему приступи,
лентион Христу Иисусу вручи,

[у–ф] *В ркп.* распяти вели. [х] *В ркп.* злодею. [ц] *В ркп.* на крестѣ.

Дабы с лица кровь ему отирати
    и от милости ю не отрѣвати.
Оттолѣ мало спаситель поступи,
    обращся к женам плачющим, возопи:
«О жены, о мнѣ вы да не плачите,
    но о себѣ и о чадѣх плачите!».
Егда же Христа со крестом ведяху,
    тогда злодѣя два вкруг его бяху,
Иже и окрест й распяты быша,
    един в рай, вторый в муку улучиша.[ч] *л. 590*
Егда же убо на мѣсто лобное,
    всему народу зрѣти удобное,
Иисуса Христа они приведоша,
    злотворцы на крест его возведоша.
Первие руцѣ его прибивают,
    на крестном древѣ зѣло вытягают,
Даже можно бысть вся составы зрѣти,
    от страха всѣми сердцами болѣти.
Таже честныя нозѣ пригвоздиша,
    землю кровию его омочиша.
На землю скоро с крестом ударяют
    и вся прежния раны отворяют.
О, колико ту ему было страсти,
    егда господу с крестом бяше пасти!
Все сие Иисус нас дѣля приемлет,
    падающих нас любезно подемлет. *л. 590 об.*
Воини убо ризы раздѣлиша,
    Пилату вину на Крестѣ возложиша.
Гречески, римски писано, еврейски:
    «Иисус Назорей, царь Иудейский».
Совѣт еврейский Пилату ропташе:
    «Вскую сице над Христом писаше!».
Он же жидом злобным сице отвѣщаше:
    «Что писах — писах, нѣсть то [ш]дѣло ваше[щ]».
Егда Иисус бысть на крестѣ воздвиженный, —
    разбойником крест той утвержденный,
Глас милосердный ко отцу изрицает,
    своим убийцам милости прошает:
«Отче любезный, ко всѣм милосердный!
    Отпусти вины за нрав их злосердый,
Зане не вѣдят, что мнѣ сотворяют,
    и так безумно мнѣ ся поругают».
О, милостивый мой любезный боже,
    кто твою милость выславити может?
Воистинну всю тварь преудивляеш
    и нас от страстей страстми свобождаеш.
Но и вторый глас к матери вѣщает,
    Иоанна ей сыном нарицает,

[ч] *В ркп. дальше прозаическая вставка*: Егда от дома Пилатова поступи Иисус 143 стопы, и ту приступи пресвятая богородица рыдающи и глаголющи: «Увы мнѣ сыне мой, увы сладчайшее чадо!». Оттуду поступи до распутия, идѣ же с него крест сняша, 61 стопу; а оттолѣ егда поступи 191 стопу, ту срѣте его Вероника и даде ему лентион, да утрет им причистое свое лице. Паки же отдуду (так!) поступи до распутия 710 и женам глагола плачющим: «Мене не плачите, и проч⟨ее⟩». Оттуду до мѣста, идѣ же распят бысть, поступи 167 стоп. Всѣх же стоп от дому Пилатова даже до мѣста, идѣ же распяша Христа, 1272 стопы. *На поле сноска*: Из гистории Иерусалимской глава 114, 117, путь крестный. [ш–щ] *В ркп.* цѣловаше.

Марию ему матерню быти,
да во всѣм числѣ возлюбит служити.
На крестѣ убо его повѣшена,
доброты плоти и славы лишенна,
Архиереи окрест обхождаху,
л. 591 главы своими на него киваху:
«Аще сын еси божий, — со креста сниди,
пред еврейский наш сонм свободно прийди!
Будем мы тебѣ тогда вѣровати,
аще можеши чюдо показати:
Соломонову церковь разориши
и треми денми паки соружиши.
Но како иных ты хотѣл спасати?
Се — не можеши себе с креста сняти».
Много же они хульных слов вѣщаху
и ни едини им то запрещаху.
От разбойника едина хулися,
вторый над оным зѣло умилися,
Хулившему бо о том запрещает,
Христу господу молбу предлагает,
Дабы Иисус имѣл помяненна
в царствии своем, и от грѣх прощенна.
Прощает Христос и рай обѣщает,
егда сицев глас от уст испущает:
«Се аминь, аминь аз тебѣ глаголю,
днесь примеши в раи моем волю!».
Четвертое же слово изречеся,
от Христа жидом во уши внесеся,
Еже на крестѣ пити возжадаша;
они оцет и желчь ему даша.
Пятое слово Иисус прояви:
«Боже, боже мой, вскую мя остави!».
Шестое слово сие услышася:
л. 591 об. «Вся писанная усовершишася!».
Тварь, на своего создателя зряще,
прегорко зѣло невино стеняще,
На гласы она жидом испускала,
но паче гласа в вещех показала.
Чювственное бо солнце измѣнися,
в необычную темность преложися,
Луна одѣся в кровавую ризу
и преустраши плѣжущия (так!) низу.
Что се есть странно и чюдно явися?
Яко внезапу свѣт тмою покрыся.
Тма и мрак от часа шестаго быста
до девятаго, в он же возописта
Устнѣ Христовы: «Отче мой небесный,
дух предаю ти, сын твой[ъ] прелюбезный!».
Седмыи то есть, послѣднее слово,
абие мертво тѣло бысть Христово.
Тогда ужасно чюдо сотворися,
ибо всей твари живот умертвися,
Естество всяко страхом трепетася.
Жесток жидовский род не убояся
Творца своего лютѣ умертвити,
благодѣтеля со злодѣи вмѣнити.

[ъ] *В ркп.* мой.

Ах, каков велий страх бысть несказанный,
от безсловесных тварей показанный.
Нача от неба, от земли трус быти
и без гласа вещ[ы] самыми вопити,
И церковная раздрася запона,
сотворенная от синет висиона (так!),
Вдвое чюдесно от края вышняго,
раздрася даже до нижняго.
Вѣтры и бури ходити начаша л. 592
и страшно вещи в ничто обращаша.
От оснований земля потрясеся,
многих камений твердость распадеся.
Гроби умерших себе отверзоша,
и многих святых плоти воскресоша.
Сотник же Логвин и иже стрежаху,
вси дивитися бывшим не можаху:
От труда, страха так ся ужасает
сотник, яко же сице возглашает:
«Воистинну сей есть сын бога жива,
страда от сонма жидовска вселжива!».
Таже от воин един приступает,
в ребра Иисуса Христа прободает,
Из них же кровь и вода излияся,
вѣрно пиющим во спасение дася.
Како же мати, зря сие, терзася,
болѣзненными стрѣлы пронзася!
Како душа не изступи тѣла
от таковаго ужаснаго дѣла!
Како же составы не разступишася,
иже от творца совокупишася?
Егда гвоздие в руцѣ проницаху, —
тоя же сердце копие пронзаху,
И безчестие удесе всякаго
Иисус Христа-свѣта пресладкаго, —
болѣзньми тоя душу уязвляше
и от очию слезы извождаше.
Сие ей вмѣсто стрѣл бысть вонзение, л. 592 об.
предстоящих ту злых досаждение
И приходящих же посмѣвания,
поношающих на нь глаголания,
Равно убийству вси слагающеся,[ь]
Христу и богу наругающеся.
Тогда дѣвая, прелютѣ стонавши
и отшествия иудей дождавши,
Ко кресту скоро, чистая, приступаше,
пречестнѣйших ног язвы обемлюще.
На язвы и кровь дѣвая взираше,
горкия слезы точащи, вѣщаше:
«Иисусе мой прелюбезный,
прелюбезный же весма и царь небесный!
Сия ли тебѣ за низсхождение,
сия ли же тебѣ за благодѣяние,
От злосердых раб Христу воздаяния,
от злолютѣйших воздарования?
О дерзнутия людей беззаконных!
О суда на тя от непреподобных!

[ы] *В ркп. конец слова стерт.* [ь] *В ркп.* слагающеся.

Осужденнии тебѣ осудиша,
и неповинна виннии укорша,
В мѣсто великих благ ти умыслиша,
в благодѣяний мѣсто се воздаша.
За мертвых воставших тебѣ укоряют,
смертию страшно умерщвляют.[э]
За очесами людей просвѣщенных,
л. 593 и от различных недуг свобожденных, —
Тѣлесны твоя очеса смѣжиша,
пресладкаго ми свѣта обнажиша.
О чадо мое, мнѣ прелюбезное,
радование земных небесное!
Како понесу твое терпѣние
и невинное злое мучение?».
Таже Мария, Иосифу зряше,
к нему, чистая, тогда глаголаше:
«О Иосифе! Тѣлесе просити
Иисусова, и в землю сокрыти
Тщися к Пилату, дерзай то творити,
себе безсмертну славу улучити.
Аще подобно человеку страдал,[ю]
но землю, яко бог, всю поколебал,
Ибо тварь сея страсти бояся,
в естествѣ своем вся поколебася».
Иосиф убо скоро се сотвори,
тѣло со креста он сняти испроси.
Тогда Мария сама ту служаше,[я]
со креста тѣло Иисуса снимаше,
Язвы чистая удес лобзаше,
тѣло слезами обмываше.
Снемше же с креста, положиша во гробѣ,
от Иосифа устроеном новѣ.
Всѣх Марииных подробну стенаний
л. 593 об. написати нелѣть есть, и страданий.
Никто бо тако возможет слезити
и умильныя слова износити,
Како Мария по сынѣ слезила
и умильныя слова износила.
Иногда «сыне мой, сыне!» зовяше,
«чадо, чадо, свѣте мой!» вопияше:[IIа]
«Увы мнѣ, увы, сирѣй здѣ оставшей,
выну при тебѣ мнѣ жити желавшей!».
Овогда на тварь всяку возглядаше,
умильныя гласы издаваше:
«О ерархии трие небеснии
и слуги богу присно нелестнии!
Сие странное чюдо созерцайте,
творца своего нынѣ познавайте.
Серафими, вы близ его стоите,
от страха лица си сокрываете;
Херувими, вы[б] мудрость его зрите,
купно со мною о оном слезите;
Престоли, на вас бог сей почивает,
жиды распят днесь плотию бывает;

[э] *В ркп.* умершвляют. [ю] *В ркп.* страда. [я] *В ркп.* служаще.
[IIа] *В ркп.* зовяше. [б] *В ркп. далее начато* близ его стои (*взято в скобки и отмечено двумя крестиками*).

Господьства, мира работы свободны,
в начальный зрѣти свѣт творца удобны[в];
Силы, зрители свѣта силотворна,
дѣлатели в людех дѣла чюдотворна;
Власти, имате силу властотворну,
всехитростну и о всѣх чюдотворну; *л. 594*
Начала, славы зрители чюдимой,
от всѣх сладости той непостижимой;
Архангели же, тайнам служебнии
и над аггелы вы учиненнии;
Ангели, вы сил небес скончание —
зрите днесь мое сына стенание.
О всехитрое бога творение
и[г] его всечюдно строение!
Всей премудрости творца созерцайте,
жалостныя же пѣсни воспѣвайте:
Небеса, звѣзды и вся седмь планеты,
времена суть вся вѣков и вся лѣты,
Горы и холми, древа чюдных зданий,
о земле, твердость вѣчных оснований,
Море, рѣки и все устроение —
зрите Христово днесь умерщвление![д]
От тѣх, их же имѣл прелюбезных,
и прославился им в дѣлех чюдесных;
От тѣх, которых Египта избавил,
в землю, точащу мед, млеко, наставил;
От оных, им же море раздѣлися,
без всяка бѣдства прейти сотворися;
Им же из горких вод сладки творяше,
манною с неба, крастельми питаше;
Кѣм из камене вода изтекаше
и в пустыни от змий ся храняше.
О Иисусе,[е] животе сладчайший,[ж] *л. 594 об.*
мира всего вседражайший!
О чадо мое любимое! Вижду[з]
тя и скорбь в себѣ превелию зижду,
Яко не могу мертва тя аз зрѣти,
матерним моим сердцем не болѣти.
О Иисусе, сыне мой прелюбезный
и во благих дѣлех чюдесный!
Что ино[и] имам днесь аз сотворяти?
Точию себе скорбию снѣдати,
Сердцем о тѣбе, сыне мой, стонати,
слезы из очей моих изливати.
И како убо аз не возрыдаю,
егда умерша тебе созерцаю?».
Тѣм же тя, дево пресвятая, молим,
со слезами вси милости твоей просим.
Молим тя, дево, чрез слезы драгия,
излиты в страсти твоя премногия,
Молим: упроси у сына твоего,
[к]Иисуса Христа, бога нашего,[л]

[в] *В ркп.* удобный (й *выносное*). [г] *В ркп. далее повторено* всехитрое. [д] *В ркп.* умершвление. [е—ж] *В ркп.* сладчайший животе. [з] *В ркп.* вожду. [и] *В ркп. исправлено вместо первоначально* оно (*может быть, в оригинале было* ано?). [к—л] *В ркп.* Христа нашего бога (*стих был пропущен и потом вписан мелким почерком вслед за предыдущим*).

Царю нашему Феодору[м] дати
    цѣлость здравия, и в нем пребывати
Многая лѣта, во всяком здравии,
    в радости же и веселии.
И никогда же ему скорбну быти,
    но во здравии сыну ти служити
И тебѣ, мати, небесной царицѣ,
    православных всѣх скорой помощнице.
л. 595 О пречистая непостыжная мати,
    преисполнена[н] еси благодати!
Молим тя: сына упроси твоего
    Христа, нашего бога любезнаго, —
Царю нашему здраву пребывати,
    вся супостаты своя побѣждати.
И кто-либо враг ему сотворится, —
    абие мечем его да смирится,
Слава его мир весь да исполняет,
    идѣ же либо свѣт солнца сияет.
Яко свѣтила от солнца свѣт вземлют,
    тако от него честь вси да приемлют;
Потщися ему, Мариа, воздати,
    радость во царствѣ его содѣяти,
Замыслы врагов вскорѣ разрѣшати,
    царства прѣделы славно разширяти, —
Подаждь твоему благовѣрну рабу,
    а нам от сына ти данному дару —
Хулящих Христа и тя — побѣждати,
    сына твоего гроб от турков взяти,
Ибо он весма и́ зрѣти желает,
    тѣм же здѣ создав и́ преукрашает.
Даждь ему здраво многолѣтствовати,[о]
    всяким богатством прейзобиловати,
Даждь с царицею в веселии жити,
    дни благи числити.
л. 595 об. Посли убо им, дѣво, благоплодство,
    даруй в мирѣ сем мир и благоденство.
Даждь Наталии царицѣ
    жития свѣтлость, яко же денницѣ.
Даждь Иоанну, царя славна сыну,
    здраво, блаженно пребывати выну.
Подаждь и Петру, от царя рожденну,
    многолѣствие быти умноженну.
Свѣтлым царевнам даруй многа лѣта,
    да тя сына славят, миру свѣта.
И весь дом царский изволь соблюдати,
    что кому в пользу, то всещедро дати.
Пастыря Руси изволь соблюдати
    здрава многа лѣт в твоей благодати.
Архиерейский лик, чин весь священный
    в милости твоей да будет храненный.
Князи, боляре да благословиши,
    руския вои сама укрепиши
На враги турки, на скифы поганы.
    Защити от них весма христианы!
Причту церковну во покров ты буди,
    храни иноки[п] и мирския люди.

[м] *В ркп.* Петру. [н] *В ркп.* преисполнени. [о] *В ркп.* многолѣтствати
[п] *На поле вариант* монахи.

Да вси благодать твою величают,
    заступление выну прославляют.
Молим тя, дѣво, чрез слезы драгия, л. 59б
    излиты во страсти твоя премногия,
Молим: упроси у сына твоего
    присно всѣм жити в благодати его,
Страсти же его в памяти имѣти,
    сице нас ради страдавшему [р] пѣти:
Покланяемся страстем твоем, Христе,
    яви славное твое воскресение!

[р] *В ркп. доб.* сие.

Т. Ф. Волкова

ВНОВЬ НАЙДЕННАЯ ПОВЕСТЬ XVII в. О МЕЗЕНСКОЙ ИКОНЕ ТРОИЦЫ

Среди разнообразных по теме, содержанию и форме произведений древнерусской литературы, и литературы XVII в. в частности, особое место занимают сказания о чудотворных иконах. Они составляют довольно значительную по количеству группу произведений, повествующих о чудесном явлении икон, о знамениях и чудесах, с ними связанных.

Конечно, далеко не все из этих повестей представляют большой литературный интерес. Однако среди них встречаются произведения, в которых сквозь литературные штампы и схемы просвечивают живая наблюдательность автора, его индивидуальное лицо и, что особенно важно, интерес к человеку, к его повседневной обыденной жизни. Все это неразрывно связывает данную группу повестей с проблематикой литературы XVII в. Поэтому исследование сказаний о чудотворных иконах может дать материал для изучения той литературной традиции, на почве которой создавалась русская повесть XVII в.

Однако в настоящее время этот жанр древнерусской литературы является одним из наименее изученных. Из работ последнего времени следует назвать диссертацию Е. К. Ромодановской,[1] в которой сказания об иконах рассматриваются наряду с другими произведениями, представляющими местную сибирскую литературу XVII в.

Определяя жанр сказания об иконах, следует в первую очередь указать на генетическую связь данной группы повестей с другим распространенным жанром древнерусской литературы — агиографической повестью. По сути дела, повесть о чудотворной иконе — это рассказ о житии иконы и ее подвигах.

Следует также отметить связь сказаний об иконах с жанром видений, широко распространенным в XVII в. Отдельные наблюдения, сделанные на материале литературы видений,[2] пол-

---

[1] Е. К. Ромодановская. Русская литература в Сибири в первой половине XVII в. Истоки русской сибирской литературы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1968.

[2] Н. И. Прокофьев. Символико-аллегорическая образность в литературе начала XVII в. Ученые записки Московского гос. пед. института, т. 248, Вопросы русской литературы, 1966, стр. 29—44.

ностью подтверждаются при анализе сказаний об иконах, в которых большую роль играют зрительно-слуховые символы (ослепительное свечение воздуха, огненные столпы, таинственный звон невидимых колоколов). Как и в видениях, в повестях об иконах часто присутствует словесный портрет героини повествования — чудотворной иконы. Иногда автор ограничивается лишь кратким замечанием: «чудесна вельми». Но в некоторых повестях внешность иконы описывается со всеми подробностями: «На ней же бе писан образ пречистыя Богородицы честнаго ея Одигитрия, на левой руце младенца держит, да за младенцем на той же стороне приписан угодник их великий Никола Чудотворец... А та чудотворная икона собою невелика, воротная, письмо старинное».[3]

Повести об иконах тесно соприкасаются с группой сказаний об основании монастырей, так как факт явления чудотворной иконы часто являлся побудительной причиной для основания нового монастыря.

И, наконец, непосредственное отношение к сказаниям об иконах имеют повести, рассказывающие о явлениях «честнаго животворящего креста господня». По сути дела, это лишь две разновидности одной и той же группы сказаний, тем более что в отдельных случаях икона и крест «являют себя» совместно в одном и том же месте.

Все вышесказанное говорит о том, что жанровые границы сказаний об иконах весьма расплывчаты и подвижны, что механически выделять их из литературного окружения, из литературной стихии чудес и видений, по-видимому, нельзя. Тем не менее есть в сказаниях об иконах нечто, что объединяет их в особую группу, — некий внутренний каркас, пускай подвижный, но довольно определенный и вполне законченный.

Как правило, сказания о чудотворных иконах имеют трехчастную композицию. Первая часть представляет собой нечто вроде торжественного вступления, в котором автор неизменно выражает сомнение в своих литературных способностях, а в подтверждение значительности избранной темы обычно излагается новозаветная история, иногда с привлечением цитат из Ветхого завета. Вторая часть обычно представляет собой описание тех обстоятельств, при которых произошло явление чудотворного образа. Третья часть повествует о чудесах, которые начинаются после установления иконы в церкви села, где она была обнаружена, либо в церкви, построенной на месте явления иконы.

В разных списках одного и того же сказания число чудес колеблется. Бо́льшая часть этих чудес связана с исцелением больных и бесноватых. Однако встречаются и сюжеты, где в своеобразном освещении предстают перед нами реальные исто-

---

[3] Сказание об иконе Оковецкой божьей матери. Русский архив, М., 1881, кн. II, стр. 8—9.

рические события, черты повседневной жизни крестьянства, его взаимоотношения с местными властями и духовенством и т. д.

Насыщенность данных повестей повторениями и традиционными мотивами заставляет с особым интересом относиться к тем из них, в которых каноны и схемы отходят на задний план, оттесняемые оригинальным и живым рассказом. Такие сказания, сохраняя основные особенности жанра, несколько выходят за его рамки. И это смещение, пусть небольшое, всегда вносит живую струю в неподвижную, заданную структуру жанра. К числу таких произведений с полным правом можно отнести повесть о явлении чудотворной иконы Троицы на Мезени.[4]

О своеобразии ее говорит уже название повести: и среди опубликованных текстов сказаний, и среди рукописей не удалось обнаружить повести, где в роли чудотворной иконы выступала бы икона Троицы. Обычно «являлись» иконы Богородицы, Спаса и различных чудотворцев, особенно Николы.

Повесть о мезенской иконе Троицы имеет традиционное риторическое вступление, излагающее символ веры. Либо в рассматриваемой рукописи, либо в ее источнике имеется дефект: отсутствует часть текста — окончание вступления и начало второй части произведения, собственно рассказа о явлении иконы.

Вторая часть повести отличается простотой, бесхитростностью повествования и одновременно вниманием к мелочам и точностью в описании времени и места происходящего события. Мы узнаем, что 1 февраля рано утром трое крестьян на своих возах проезжали мимо села Шеймогора. Из-за отсутствия начала рассказа в рукописи мы не знаем года, когда происходит действие, который, возможно, был указан в начале, судя по склонности автора точно отмечать даты. Мы также не знаем, откуда выехали эти крестьяне, но из последующего повествования узнаем, что они возвращаются домой, в село Лампожню. Один из этих крестьян (по имени Симеон) обнаруживает на краю дороги икону — «образ в меди изваян». Эта маленькая подробность показательна как отражение реалий повествования и свидетельствует о возникновении рассматриваемой повести в демократической среде. Как правило, в сказаниях об иконах фигурируют обычные «писаные» деревянные иконы. Но в демократической среде городских низов и среди крестьянства в XVII в.

---

[4] «Повесть о явлении чюдотворнаго образа святыя единосущныя неразделимыя Троицы в пределех области Мезенския в веси, нарицаемей Лампожня» — ИРЛИ, Пинежское собр., № 300. Входит в состав сборника XVII в. (последняя четверть), полуустав, в 4-ку, 123 л.; переплет — доски, покрытые кожей. Состав: Повесть о явлении и чудесах образа святой Троицы на Лампожне (лл. 1—10), чудеса от иконы Богородицы в Черногорском монастыре на Пинеге (лл. 10—20), службы Козьме и Дамиану, Михаилу архистратигу, св. Клименту, св. Петру, служба в праздник Знамения иконы Богородицы в Новгороде, служба в праздник великомученика Иакова (лл. 20—122).

наибольшее распространение получили медные литые иконы, более дешевые и, следовательно, более доступные. Обычно меднолитые иконы были невелики по размеру. Такую икону было удобно взять в дорогу, что, по-видимому, и делали крестьяне, которым время от времени приходилось уезжать из дому по различным хозяйственным нуждам. В основе чуда таким образом может лежать вполне реальное событие: владелец маленькой медной иконы, едучи в санях по дороге, мог легко выронить ее на снег у обочины, где ее и нашел герой нашей повести. Обыденность, реалистичность рассказа подчеркивается описанием обретения Симеоном иконы. Он поступил с найденной иконой весьма прозаически: положил ее к себе на воз, даже не посмотрев, что на ней изображено («Приим же его [образ] и положи в воз свой, чие же воображение на нем, — не зряше»).

Но данное событие — чудо, и автор удачно подчеркивает это в своем, казалось бы, чисто реалистическом повествовании. Он вносит в рассказ дополнительные детали, сообщая, что накануне ночью шел сильный снег и дорога перед Симеоном и его попутчиками была не тронута ничьими следами («В ту же нощь паде снег вельми, и никто же бо в ту нощь шествова прежде их путем тем»). Следовательно, простой смертный икону, найденную Симеоном, обронить не мог, и появление ее может быть объяснено только чудом.

Не остаются без соответствующего объяснения и странное равнодушие Симеона к находке и довольно небрежное с ней обращение. После слов: «чие же воображение на нем, — не зряше» — автор добавляет: «не учен бо бе писанию, паче же и поселянин». Таким образом, извинившись за своего необразованного героя, автор продолжает рассказ о дальнейшем пути Симеона и судьбе найденной им иконы. В следующем селе, которое встречается Симеону на пути, — в Кулойском посаде, он решает все-таки выяснить, что собой представляет найденная им икона, и обращается за советом к Меркурию, «человеку некоему искусну», от которого узнает, что образ сей «имеет воображение святыя единосущныя неразделимыя Троицы». И опять автор делает характерное добавление, описывая икону: «еще же и чюден вельми». Эту тему чуда он будет упорно проводить сквозь реальный бытовой план повествования до самого конца повести.

Приведу еще один пример из текста сказания. Вернувшись в Лампожню, Симеон, исполняя волю иконы, чудесным образом открывшуюся его жене, отнес икону в церковь св. Георгия, находившуюся в этом же селе. Священник Иоанн, приняв от Симеона икону, поставил ее в церкви «на месте свещи пред образом святаго Георгия и нача молебная совершати». В соответствии с авторской трактовкой честь стоять перед образом святого, именем которого названа церковь, по-видимому, показалась иконе недостаточной: «Оле, чюдо! Внезапу божиею силою поколебася

свеща та, на ней же стояше чюдесный образ. Святая же та икона ниспаде на помост церковный». После того как она была водружена священником на прежнее место, повторилось то же самое. И только когда вконец испуганный иерей догадался установить ее «над великими враты святаго олтаря», икона перестала «гневаться» и осталась на месте.

Так объясняет поведение иконы автор повести. Однако в самом описании происшедших в церкви событий помимо воли автора заключено реальное объяснение чуда. Дело в том, что в церкви перед иконами часто ставились большие подсвечники, в центре которых помещалась толстая, так называемая ослопная свеча в окружении мелких свечей, которые ставили прихожане. Такая свеча имела довольно большой диаметр. На нее-то в углубление, образующееся при плавлении воска, священник и поставил небольшую медную иконку. Тут же перед этим непрочным сооружением иерей начал совершать молебен. Учитывая все это, не приходится удивляться, что икона недолго продержалась в таком довольно неустойчивом положении. Естественно, что прясло над церковными вратами явилось более подходящим местом для помещения иконы. Принимая во внимание этот реальный план повести, ее ярко выраженный бытовой колорит, можно вполне отчетливо представить, как создавалось это сказание. Позволим себе небольшую реконструкцию действительных событий, которые легли в ее основу.

Неграмотный крестьянин, возвращаясь из обычной деловой поездки домой, подбирает на дороге небольшую медную иконку, оброненную до него, вероятно, таким же «не зело богатым» человеком. Возвратившись домой, он забывает о своей находке, оставив ее в санях. Но икону обнаруживают жена Симеона Мамельфа и дочь его Акилина. Они относят ее местному священнику и, возможно по его просьбе, оставляют ее при церкви.

Известно, что вопрос о канонизации местных святых и местных чудотворных икон в XVII в. стоял очень остро. Каждая провинциальная епархия стремилась добиться законного признания своих местных святых, что удавалось далеко не всегда и не сразу. Многие местные чудотворцы и чудотворные иконы так и остались известными и почитаемыми только в пределах своей области. О них мы узнаем из местных сказаний, подобных сказанию о мезенской иконе Троицы. Авторами их чаще всего, по-видимому, были местные священники, стремившиеся прославить свою церковь, поднять ее престиж, привлечь к ней внимание вышестоящих духовных властей. Такова, очевидно, была и история появления сказания о мезенской иконе. То, что в роли чудотворной иконы оказалась икона Троицы, — факт, по-видимому, совершенно случайный: таким же образом могла быть потеряна любая другая икона из тех, что распространены были тогда среди местного населения.

Наибольший интерес в повести представляют моменты, проливающие свет на характер героини сказания — чудотворной иконы, ибо она, действуя в повести как самостоятельный персонаж, как живое лицо, наделена автором и соответствующим характером. Не желая оставаться пассивной, икона изъявляет то одно, то другое желание, о которых сообщается устами дочери Симеона Акилины. Среди них есть и традиционные (требование отправиться вместе с иконой в церковь соседнего села на молебен), и совершенно оригинальные. Так, в конце повести Акилина, сообщая волю иконы, говорит: «...повелено есть вам, да несете чюдотворный образ живоначальныя Троицы на реку, сущую ту, и да измыете святую ту икону на реце той с великим благоговением и страхом». Этот, казалось бы, необычный эпизод повести тоже имеет реально-религиозную основу. Очевидно, объяснение странному требованию иконы следует искать в распространенном на Руси церковном обряде водоосвящения (или водосвятия). Учитывая дату, указанную в повести, — 24 апреля, — можно установить, что в данном случае речь, по-видимому, идет о празднике преполовения пасхи, одном из трех христианских праздников, традиционно включающих торжественный обряд водоосвящения.

Текст публикуемой ниже повести о мезенской иконе Троицы, к сожалению, не окончен. И хотя повесть далека от литературного совершенства, это скромное произведение дает представление о местной литературной традиции.

ПОВЕСТЬ О ЯВЛЕНИИ ЧЮДОТВОРНАГО ОБРАЗА СВЯТЫЯ ЕДИНОСУЩНЫЯ НЕРАЗДЕЛИМЫЯ ТРОИЦЫ В ПРЕДЕЛЕХ ОБЛАСТИ МЕЗЕНСКИЯ В ВЕСИ, НАРИЦАЕМЕЙ ЛАМПОЖНЯ

Радости день и веселия, яко знамение радости, явися, хваления и исповедания лик, яко пречестный образ неразделимаго божества предста, оле пречестныя иконы явлению, на неи же неописанный существом троицы вообраз[а]... ‖ ею же беси отго- *л. 1 об.*
няются и мир просвещается. И кто убо не притичет узрети честное видение, кто не вожделеет лобызати троичный образ. Приидете, соберитеся, вся племена и языцы и всяк возраст, всяк сан и всяк житель, владый под областию, понеже благодетелно торжество. И како убо о явлении сего не достоит све[б] мнит бо
ми ся е чювство иму. ‖ Никакоже отвращающе благая благости, *л. 2*
но и окаляннын грехи очищающи и порочнаго скверпам избавляющи, и что возглаголю, кто убо о сем по достоянию восхвалити возможет от земных, но паче мало нечто коснемся повести поведати о явлении сея пречестныя иконы, о неи же нам ныне слово предлежит, понеже убо пресущественныи и пребожествен-

[а] *Далее текст испорчен.* [б] *В ркп. так.*

л. 2 об. ныи и пребезначальныи божии отчь состав, || иже словом уст
своих всю тварь от небытия, еже быти, сотвори и человека по
образу своему и по подобию. И падша сего не презрев, но возва
его законом и пророки наказа. Последи же умилосердися сын
слово отчее, милостию бога отца и сам сниде на землю и вопло-
тися от святаго духа и Марии, святыя богородицы. И пожив
в человецех, знаменми и чюдесы и различными силами величе-
л. 3 ство своея || силы божества показуя нам и вся строя на спасение
роду человеческому и егда убо мертвеное наше приим существо
и живоносную силу воскресения яви нам и потом на небо плоть
обоженную вознес и выше небесных сил, начал и властей и гос-
подтсв и всякого имени именующагося спосадив одесную пре-
стола величествия бога отца на небесех. И оттоле вся соборныя
л. 3 об. и апостольския церкви || на основании пророчесте и апостоль-
сте созданы от основавшаго их даже до небесныя тверди и еж-
дения на пресвятых ученицех и апостолех господа нашего Исуса
Христа, но сведением пресущественыя и живоначалныя троицы
освящающеся и совокуплением святаго духа огненосными языки
воедино составивше нераздельно. Вся же многообразная и мно-
гобожная языческая вера разсыпася и вся скверна всяческих
потребися ||

л. 4 ...им путем своим и близу быша веси некоея, нарицаемей
Шеймогора, в некий день заутра рано, яко же глаголют февраля
месяца в 1 день. В ту же нощь паде снег велий и никто же бо
в ту нощь шествова прежде их путем тем. И тако им шествую-
щим Иван убо и Козьма прежде едуще на возех своих, не видяще
ничтоже, Симеон же, последуя по них и виде о страну пути
л. 4 об. верху || снега образ в меди изваян лежащь, приим же его и
положи в воз свои. Чие же воображение на нем, — не зряше,
простоты ради своея, неучен бо бе писанию, пачеже и поселянин.
Приехавшим же им в весь, нарицаемую Кулойской посад, и на-
чаша витати ту. Предпомянутый Симеон показа обретенный той
образ человеку некоему искусну, именем Меркурью, вопрошая:
л. 5 «Чие есть || воображение на нем?». Он же отвещав ему: «Се убо,
брате, образ сей имать воображение святыя единосущныя нераз-
делимыя троицы, еще же и чюден вельми». Он же поведа ему,
како обрете его на пути. Приехавшу же в дом своим и нача вече-
ряти в дому своем. Бе же у него дощи девица именем Акилина.
И абие во время вечери некая сила божия похити ю и безгласна
л. 5 об. бысть. Такоже || и супругу его Мамельфу порази. И нача вопити
к мужу своему, яко имаши у себе на возиле образ святыя троицы.
Он же пристрашен бысть и, тек, внесе той обретенный образ
в хижу свою. Она же паки нача вопити: «Не угодно убо сему
святому образу в нашей хижы быти, но и повелено есть поставити
его во церкви святаго мученика Георгия и тамо пред ним молеб-
л. 6 ная совершити». || Он же, слышав се, и, внесе его со многим стра-
хом, несе его во церковь святаго Георгия и поведа иерею церкви

тоя именем Иоанну все приключившееся в дому его о обретении образа. Священник Иванн приим от него образ и постави его во церкви на месте свещи пред образом святаго Георгия и нача молебная совершати пред ним. Оле, чюдо! Внезапу божиею силою поколебася свеща та || на ней же стояше чюдесный образ. *л. 6 об.* Святая же та икона ниспаде на помост церковный. Священник же с причетъники своими со страхом подъемше ту, на том же месте поставиша. И абие та свеща паки восколебася и образ ниспаде. Страха же многа наполнишася вси. Иереи же с великим говением и со страхом подъем чюдесный той образ, постави его над великими враты святаго || олтаря и нача прочее *л. 7* молебная совершати. И пребысть неподвижим. Приведоша же Иоану прежде реченную жену Мамельфу и со дщерию ея девицею Акилиною, страждущих к молебному пению. Егда же начат священник чести святое евангелие, оле чюдо тогда: матери недуг преста, и дщери безгласие разрешися, и обе вскоре исцеление получиша. И начат девица поведати пред всеми ясно, || яко пове- *л. 7 об.* лено есть вам, да идете с честными кресты и со иконами ко церкви к великому чюдотворцу Николе Заакурью три поприща и в весь, нарицаемую Окладникову слободку, ко церкви пресвятыя владычицы нашея богородицы честнаго и славнаго его рождества 15 поприщь и да совершите тамо молебное пение. Они же совершиша тако: подъемше святыя иконы и кресты и со всем народом идо||ша тамо. Бе же год зимы и мраз лют в то время. Бе бо весь *л. 8* та отстояние имущи от места того 15 поприщь, и божиею благодатию шествующе, ни един от них не пострада ничтоже от великаго того мраза, но, аки в лете, идуще молящеся святей троицы. И тамо дошедше и молебная совершивше, паки возвратишася восвояси. И по явлении того чюдеснаго образа вся благая стране || той подавахуся, но и от прежде помянутого належащаго *л. 8 об.* великаго глада и в та лета елицы людие стрны тоя не могуще ту пребысть, разыдошася по различным странам Росийскаго царствия, тии въси изомроша от глаза по различным странам, а елицы осташа в той стране, ни един от них не умре гладною смертию милостию святыя троицы, аще и велию нужду подъяша от глада. || В то же лето по явлении того чюдеснаго образа месяца *л. 9* априля в 24 день прииде та же преди помянутая девица Акилина, поведающе иерею церкви тоя и всем людем, живущим в веси той, яко повелено есть вам, да несете чюдотворный образ живоначалныя троицы на реку, сущую ту, и да измыете святую ту икону на реце той с великим благоговением и страхом и || тою освященною *л. 9 об.* водою да покропите всю церковь и святыя иконы. Оставшее же от воды тоя да кропите болящих и различными недуги одержимых, и никако же на землю да уканет святая та вода, аще же небрежением уканет, и то место да измыется. На реку на праздник же пренесения мощей великого чюдотворца Николы да совершает все християнство канон и ...

О. П. Лихачева

ОСОБАЯ РЕДАКЦИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПОВЕСТИ «СТЕФАНИТ И ИХНИЛАТ»

В Новом Усть-Цилемском собрании Пушкинского дома под № 170 хранится рукописный сборник, в состав которого входит древнерусская переводная повесть «Стефанит и Ихнилат». «Стефанит и Ихнилат» — это басенный цикл, составленный в Индии, через арабскую и греческую версии и южнославянский перевод попавший на Русь и широко распространившийся там.[1] Памятник состоит из восьми частей, соответствующих восьми книгам греческого подлинника. В первой части рассказывается о двух шакалах — Стефаните и Ихнилате (по их именам названо все произведение): история о дружбе льва и быка, которых познакомил, а потом из зависти поссорил коварный Ихнилат, несмотря на советы благоразумного Стефанита. Вторая часть повествует о суде над Ихнилатом, спровоцировавшим убийство быка. В повествование о всех этих событиях введено четырнадцать нравоучительных басен, которые действующие лица рассказывают друг другу. В конце второй части Стефанит и Ихнилат погибают, но памятник на этом не кончается: далее идет еще несколько басен, посвященных различным нравственным проблемам — дружбе, вражде, коварству, мудрости правителя и т. п.

Композиционная нечеткость памятника вызывала естественное недоумение у древнерусских книжников, результатом чего могли явиться переделки, например сокращение памятника в пределах одного сюжета. Примером такого рода переделки является Троицкий список XV в.,[2] в котором отброшены шесть частей памятника, не связанные со Стефанитом и Ихнилатом. Однако сама структура памятника — включение в него вставных басен — делает естественным существование в пределах этого цикла басен, не связанных с образами Стефанита и Ихнилата, хотя, конечно, гибель главных, «титульных» героев в середине повести может казаться странным приемом. С другой стороны, басни, входящие

---

[1] Стефанит и Ихнилат. Средневековая книга басен по русским рукописям XV—XVII веков. Изд. «Наука», Л., 1969 (серия «Литературные памятники»). (Далее: Стефанит и Ихнилат).

[2] Стефанит и Ихнилат, стр. 45—62 и 182—284.

в цикл, в достаточной степени самостоятельны и могут быть по желанию редактора выброшены из памятника без ущерба для сюжета, как это наблюдается в Троицком списке. А если возможно и даже логично отбросить басни, находящиеся после конца основной сюжетной линии, то, видимо, также естественно и логично изъять вставные басни, прерывающие повествование. Вот это самое и сделано в рукописи, о которой идет речь. Составитель взял первую часть памятника — до суда над Ихнилатом — и, выбросив из нее все вставные басни, превратил ее в «Притчу о льве и телце и о Исхнилате», а другие басни поместил в конце как равноправные составные части. Но, по-видимому, не интерес к сюжету и не желание исправить композиционную нечеткость памятника толкнули составителя этой редакции на такую переделку. Если посмотреть состав сборника в целом и обратить внимание на предпосланное ему оглавление, то мы заметим следующее: составитель сборника собрал несколько произведений учительного характера, разбил каждое из них на отдельные части (притчи, слова, сказания и т. п.) и все эти мелкие произведения, входящие в состав разных памятников, объединил общей нумерацией в один учительный сборник. Та же судьба постигла повесть «Стефанит и Ихнилат». Составитель сборника воспринял ее не как единое целое, а как ряд самостоятельных притч. Любопытно, что памятник он воспринимал как учительное произведение, которое могло быть объединено с чудесами святителя Николая и Цветником.

Рукопись была найдена В. И. Малышевым в 1934 г. и подарена В. П. Адриановой-Перетц. В составе собрания В. Н. Перетца она поступила в Пушкинский дом (номер этой рукописи в собрании Перетца — 455), а при составлении Нового Усть-Цилемского собрания включена в его состав как усть-цилемская по происхождению. Рукопись связывается с именем И. С. Мяндина (1823—1896), известного усть-цилемского книжника, писца, редактора и реставратора старообрядческих рукописей. Его рукой, по определению В. И. Малышева, написаны первые листы рукописи и оглавление. По-видимому, И. С. Мяндин составил сборник: собрал и переплел вместе несколько старообрядческих рукописей, дописал недостающие листы и оглавление.[3]

Итак, рукопись представляет собой конволют, состоящий из рукописей XVII—XIX вв., всего 258 листов в восьмерку. Рукописи, вошедшие в состав конволюта, написаны полууставом разными почерками. Заголовки и инициалы выделены киноварью. Рукописи дефектные, некоторые листы утрачены, некоторые сильно порваны. Утраты восполняются листами, дописанными

---

[3] В вышеупомянутой книге «Стефанит и Ихнилат» (стр. 191) автор настоящей работы ошибочно назвал И. С. Мяндина писцом усть-цилемского списка. Таким образом, и датировка рукописи является там ошибочной.

в XIX в. В связи с малым форматом рукописи нет никакой возможности датировать ее по филиграням — на большинстве листов филиграней нет, на некоторых видны маленькие кусочки водяного знака Pro Patria позднего варианта. Поэтому основную датировку приходится производить по почеркам.[4]

Первый аллигат — рукопись XVIII в. «Житие и чудеса Николая архиепископа Мирликийского». Памятник сохранился не полностью. Начало рукописи утрачено, несколько листов дописано в XIX в. И. С. Мяндиным под заголовком «Житие Николы архиепископа Мирликийского»; далее идут: «Повесть о чуде о Агрикове сыне Василии», повесть о погребении Николая Чудотворца, повесть и похвала о пренесении мощей, сказание о трех мужех, чудеса об утопшем детище, о трех воеводах и об избавлении корабля от потопа, повесть о преставлении Николая Чудотворца и похвала ему. Второй аллигат — сборник слов и поучений, цветник, рукопись XVIII в. Третий аллигат — «Стефанит и Ихнилат», написан двумя разновременными почерками XVIII в. Четвертый аллигат — книга «Сын церковный», датируемая XVII в. Конец этой рукописи дописан в XIX в. Первый, второй и четвертый аллигаты, по определению В. И. Малышева, написаны великовоженскими почерками, третий — выгскими.

До сих пор мы имели лишь косвенные свидетельства о популярности «Стефанита и Ихнилата» в старообрядческой среде, такие, например, как находки рукописей у старообрядцев (назовем найденную в 1964 г. на Пинеге рукопись XVII в., находящуюся сейчас в Пинежском собрании Пушкинского дома под № 196). Интересное свидетельство есть и у автора литературного пересказа «Стефанита и Ихнилата» — известного русского писателя А. М. Ремизова.[5] В своей книге он рассказывает, что узнал эту повесть от своего товарища, ссыльного, который вырос в старообрядческой семье и с детства сохранил в памяти эту повесть. И вот мы встречаем «Стефанита и Ихнилата» в составе рукописи, созданной в старообрядческой среде.

Третий аллигат, т. е. «Стефанит и Ихнилат» (лл. 125—188), в свою очередь состоит из двух частей, написанных разными почерками. Первая часть (лл. 125—156 об.) — это сильно сокращенная первая книга памятника: текст кончается раскаянием льва, убившего тельца, и заключается авторской сентенцией о лукавом человеке, ссорящем любящих друзей. Далее следует введенная составителем данного списка притча о «старой бабе», поссорившей любящих супругов по бесовскому наущению и за это ввергнутой в преисподнюю. После притчи следует долгое

---

[4] При определении почерков мы получили неоценимую консультацию В. И. Малышева.

[5] А. М. Ремизов. Повесть о двух зверях. Ихнелат. Париж, 1950. См. об этой книге: Я. С. Лурье. А. М. Ремизов и древнерусский «Стефанит и Ихнилат». Русская литература, 1966, № 4, стр. 176—179.

рассуждение о льстивых и лукавых.[6] В отличие от обычных списков «Стефанита и Ихнилата» в данной редакции рассказывается только об одном звере — Исхнилате, а его друг два раза лишь упоминается без имени. Притчи, которые Стефанит и Ихнилат рассказывают друг другу, а также льву и тельцу, из текста выброшены. Однако места, откуда изъяты притчи, отмечены определенными значками. Притчи же помещены во второй части и имеют соответственно те же значки. Значки эти проставлены позже написания обеих частей. Вторая часть включает в себя притчи, изъятые из первой (пропущены притча о пифике и притча о лисице), а также некоторые притчи из II и IV—VI книг. II книга — «Суд над Ихнилатом» — опущена, кроме притч о враче, о двух женах и о лжесвидетеле, III книга (притча о гавране и мыши) и VII книга (притча о снах индейского царя) также отсутствуют. В конце второй части прибавлена не относящаяся к «Стефаниту и Ихнилату» «притча о утробе человечи».

При сравнении с почерками известных писателей-старообрядцев[7] мы установили, что вторая часть написана рукой известного выговского деятеля XVIII в. Мануила Петрова (1691—1758). Следовательно, можно считать временем написания рукописи середину, а то и первую половину XVIII в.

Итак, над составлением этой редакции работали два человека. Первый — Мануил Петров. Он выписал несколько притч из имеющегося в его распоряжении «Стефанита и Ихнилата». Для заголовков и инициалов он оставил место. Сами же притчи были переписаны без изменения. Потом другой писец написал первую часть в виде одной из учительных притч, а во вторую часть вписал заголовки. При этом заготовки он составил самостоятельно, они оказались гораздо обширнее тех, которые, по-видимому, были в протографе, с которого списывал писец второй части; в некоторых случаях они сильно заползают на поля. Они расширились за счет того, что редактор ввел в них сформулированную им мораль басни, свое понимание смысла притчи. Он стремится акцентировать главную мысль притчи, вынося ее в заголовок. Например, к названию притчи о зайце и льве прибавлен такой «подзаголовок»: «яко хитрость не токмо себе полезна, но и другим». Но он не всегда точно акцентирует, не всегда правильно понимает основное. Так, притчу о лжесвиде-

[6] Этот текст занимает в рукописи лл. 152 об.—156 об. На полях имеется глосса со ссылкой на 28-ю главу ветхозаветной Книги Иисуса сына Сирахова («Сир 28»). Действительно, в тексте содержится несколько цитат из Книги Иисуса Сирахова: «человек яр разжизает свар...» (Иисус Сирахов, 28, стих 10); «шепотника и двоязычника подобает кляти...» (Иисус Сирахов, 28, стих 16), «язва ранная струпы творит...» (Иисус Сирахов, 28, стих 21); ср.: Геннадиевская Библия, л. 468 об. Приношу свою глубокую благодарность М. М. Елизаровой за ценную консультацию.

[7] В. Г. Дружинин. Несколько автографов писателей-старообрядцев. Пгр., 1915 (изд. ОЛДП, № 134), табл. XIII.

теле он называет «притчей о вожделеющих чужих жен и яко лжесвидетели погибают напрасно», хотя в этой притче обличается не вожделение, а лжесвидетельствование.

Текст памятника, сохранившийся в данной переработке, восходит к погодинской подгруппе рукописей (согласно нашей классификации рукописей) и ближе всего он к рукописи Д (ГПБ, собрание Духовной академии, № 157, XVII в.). В рукописи Д даже форма имени главного героя, в отличие от других рукописей, та же, что и в Усть-Цилемской рукописи, — Исхнилат. По-видимому, под рукой Мануила Петрова был соответствующий список. Посмотрим каталог Выголексинской библиотеки.[8] Действительно, там в отделе светских рукописей (стр. 22) под № 8 числится «Сказание о притчах Антиоха Великого, другие же мнеша Иоанна Дамаскина» (XVIII в., 240 лл.). Нам известны три рукописи «Стефанита и Ихнилата» под таким названием. Они составляют в нашей классификации Вяземскую подгруппу Толстовской версии. Мы считаем, что одна из этих рукописей — рукопись ГПБ, собрание поступлений 1958 г., № 194 (в нашей схеме: Пс), XVIII в., 240 лл., — это и есть рукопись № 8 из Выголексинской библиотеки. Другая рукопись — В (собрание Вяземского, Q 38) — написана тем же почерком. По-видимому, можно обе рукописи, как и всю эту подгруппу, возводить к выговским книжникам. Характерны для этой подгруппы постоянное изменение языка повести, упрощение его, ликвидация грецизмов, непонятных мест, стремление приблизить повесть к читателю именно ее повествовательной стороной. Что же касается Погодинской подгруппы, куда относится рукопись Д, с которой мы сравниваем нашу Усть-Цилемскую рукопись, то в этой подгруппе, напротив, усилена дидактическая сторона, внесены новые интерполяции нравоучительного характера, основной же текст более или менее архаичен. Редактор был прав, выбрав именно такую редакцию для своей цели — составления учительного сборника.

Таким образом, мы видим, что выговские книжники неоднократно подвергали памятник обработке, при этом в разных планах. В Вяземской подгруппе сохранялась и усиливалась беллетристичность памятника; в Усть-Цилемской рукописи он почти полностью переводится в разряд учительных произведений.

Притча о Лве и Телце и о Исхнилате, и како лстивый и лукавый человек между други имеющуюся любовь во вражду приводит

Некий купец идяше некогда на куплю во ин некоторый град, имяше же с собою кола двома телцема влекома. И прилучися

[8] Е. В. Барсов. Описание рукописей и книг, хранящихся в Выголексинской библиотеке. СПб., 1874.

единому Телцу в тине увязнути. Купец же устремися на него со своими, возведоша его от тины и нужды ради юже подъят Телец он влеком из тины изнеможе, никако же || могий ходити, недоумением одержимь бе и, тихо походив семо и овамо, обрете поле некое травоносно и водно, питаяся в нем. Не по мнозе же времени зело отолсте и утучне, начат рогами землю рыти и велми рыкати. *л. 125 об.*

Пребываше же близ оного места некий царь Лев. Бяху же у него зверие различных родов, лвове и медведи, волцы же и лисицы, и инии мнози. В них же бе и Исхнилат, аще и || мал зело, обаче лукав бяше и много разумея вещем постазания. Лев же царь их бе вознослив и горд, мудростию же скуден. Слышав же Телче рыкание и убояся зело, и не хотяше боязнь свою явити сущим под ним, сего ради стояше на едином месте не преходя. *л. 126*

Исхнилат же, видев сие, рече в себе: «Чесо ради зрим Лва непреходна и яко померзша, и по обычаю своему никому же не насилующа? || Хощу его искусити, аще имать некое сомнение, и негли того ради обрящу в нему присвоение. Зрю бо и́ ужасна и всюду недоумеющася вкупе со всеми своими воины, и мню, яко получю достояние и честь некую от него». И шед ко Лву, поклонися ему. Лев же вопроси его: «Где пребыл еси толикое время?». Исхнилат же рече: «Неотступно приседя царским вратом и надеяся потребен быти в некоей рабо||те приидох. Знаю бо, яко многажды в неких вещех потребни бывают и скудоумнии мужие и малии множицею в великих вещех ползуют». *л. 126 об.* *л. 127*

И яко же услыша Лев таковая словеси, рече ко своим: «Благоразумный и словесный мужь многажды не познавается до беседования его, яко же и огнь сокровенный в кременце, егда в свет изыдет, тогда пламень творит». Разумев же Исхнилат, яко угодно есть || Лву, и рече: «О царю, подобает рабом царевым беседовати царю вся подобная и полезная, и потом восприимати от него достойиную почесть. Достоит убо владыкам не презирати меншая, иже под ними. И малый убо не мал, егда в великих ползует. Подобает убо властелину не точию добродродныя явленно почитати, но и достойныя словесныя мужи, и не точию своими доволну быти, но и чужих присвояти и издалеча при||зывати». Сия и иная многая глаголющу Исхнилату, ужасен быв Лев и глагола к предстоящим: «Не подобает властелину презарати разумныя мужы, аще и от дальния части суть, но комуждо достойную часть даяти, аще и негодуют нецыи». Видев убо Исхнилат Лвово к себе любезное присвоение, начат беседовати к нему со дерзновением многим и некогда наедине глагола ему: «Что се, царю, яко во || мнозе времени пребываеши неподвижим и не преходя на иное место по своему обычаю?». Восхоте убо Лев сомнение свое и страх утаити от него, но приключися внегда беседоваху услышати рыкание Телче, и пристрашен *л. 127 об.* *л. 128* *л. 128 об.*

бысть зело и рече: «Боюся сего велегласнаго зверя, да некогда
противу гласа и тело его будет, а противу тела и сила, а сопро-
тив силы и мудрость; темже, аще тако будет, бежим отсюду». ||
л. 129 Исхнилат, восприим слово, рече: «Не бойся, о царю, излихия
главы велегласия сего зверя, праздна бо суть, аще и велми слы-
шатся. Глаголется бо, яко лисица некогда алчущи и пищи ищущи
обрете некую вещь, зовому тимпан, на древе висящь, от колеба-
ния же ветра глас испущающь. Сие видевши и слышащи лисица
бояся приближитися к нему, обаче гладом побеждаема, всею
л. 129 об. силою прискочивши, растерза || его абие и рече: „Оле, како ху-
дейшая телеса величайша и велегласна являются". Таково убо
и мы, о царю, ныне страждем таковаго зверя гласом прелщаеми.
Хощеши ли, убо да иду к нему и видев, каков есть, и возвра-
щуся скоро». Посла его Лев, зане угодно явися ему. Оному по-
шедшу, много раскаявся Лев, глаголя: «Что се сотворих, еже
вверих Исхнилату всю свою тайну. Не подобает убо властелину
л. 130 вверяти || своя тайная словеса, ему же несть когда призрение
сотворил или его же чим обидел, или несуту человеку и лукаву,
и прочим таковым. Ибо Исхнилат мудр сый и лукав по всему,
яко же от многих слышах и пред враты моими прежде поверь-
жен бе, и сего ради не мню, яко верно поработает ми. Или обрет
онаго зверя болша мене силою, присвоится к нему и возвестит
л. 130 об. ему вся моя тайная словеса и не||можение мое». И таковая по-
мышляющу Лву, явися един Исхнилат грядый. И радостен быв
Лев зело, и рече пришедшу Исхнилату: «Что сотворил еси?».
Он же рече: «Видех, о царю, велегласнаго оного зверя, яко
Телец есть, и приближихся к нему, и беседовах, и никое же по-
вреждение ми бысть от него». Лев же рече: «Да мниши ли, яко
немощен есть, зане ничим тебе не повредил есть. И великии бо
л. 131 ветр и бу||ря малая древеса не повреждает, высокая же сломив
искореневает». Исхнилат же рече: «Да не мнится тебе, о царю,
яко таковое животное силнейше есть тебе. Аще бо хощеши,
ныне представлю его пред тобою, и в послушании и под обла-
стию твоею будет». Возрадовася убо Лев о сих, повеле сотво-
рити еже обещася вскоре. Шед же Исхнилат к Телцу и дерзо-
л. 131 об. стне рече ему: «Лев посла мя к тебе привести тя к нему. А||ще
бо потщишися поити к нему, простыню получиши, зане доселе
укоснел еси срести его, яко же и вси. Аще ли не ускориши,
скажю ему яже о тебе, да како последи раскаешися». Телец же
рече: «Кто есть Лев, пославый тя ко мне и где пребывает?».
Исхнилат же рече: «Царь есть зверем и на сем месте пребывает.
Иди убо скоро и последуй ми, аз же доведу и представлю ему
л. 132 тя». Телец же, убояся словес его, последова ему до Лва. || Лев
же, видев Телца, возлюби его и усердно прият его, и вопрошаше
его о всем. Он же возвести ему вся яже о себе. Потом обещася
ему Лев во всем благотворити и возложи на него всяку область,
и паче всех возлюби и почте его. Видев же Исхнилат сие и по-

завидев чести его и, не могий терпети, завистию одержим, обьяви сие некоему другу своему, глаголя: «Не дивишися ли сему, еже содеях на себе, || полезная бо Львови сотворих, а себе чести и приближения лиших. Приведох ему Телца, он же паче мене возлюби его и изящнее мене сотвори и почте его». Той же рече ему: «И что хощеши сотворити?». Он же рече: «Хощу паки в первое достояние доити и настасти, и не обретаю пути инаго подобна сему, токмо Телца убити. Се бо, яко же мню и от добре смыслящих, мне полезно есть, обаче же и Львови». Той же || рече: «И како возможеши повредити Льва, не веде тебе никое злое пребывающее, не радив о Телчем к нему присвоении». Исхнилат же рече: «Весть Лев, его же возлюби, а о прочих не радит». Той же паки рече: «Престани, како бо возможеши повредити Льва, много суща от тебе силнейша и многи други имуща и послушники». Исхнилат же рече: «Не взирай на мое неможение и смирение, не бывает бо победа силою и мощию, но мудростию и || разумом и добрым советом велеумных мужей. Мнози бо и от силных немощными победишася. Яко же вран велика змия повлушав добраго совета друга своего, кроме труда победив избавися от него. И яко же жаравль лукавствовав, многи рыбы погуби, последи сам от ежа смертно удавлен бысть, погибе. Дерзаю убо и верую многим вещем, еже тако быти. Иногда бо и заяц льва низложил есть». Потом той же || друг и советник рече ему: «Аще разумееши, яко неприятен есть Льву Телец и можеши погубити его, то начни делом, ибо и аз, и инии мнози от нас Телчияго ради присвоения презрени быша. Аще ли не можеши сие сотворити, отстани таковаго начинания».

л. 132 об. *л. 133* *л. 133 об.* *л. 134*

Во един убо от дней вниде Исхнилат ко Льву печален сый и скорби исполнен. И вопроси его Лев о скорби и рече: «Еда нечто прилучися ново?». Он же рече: «Прилучися вещь неполезна некая тебе же и || мне. Но беседует кто кому, и аще видит и разумеет, яко благоприятна суть словеса его, тогда благоразумне со усердием беседует ему. Но аще ты, царю, о них же глаголю и слашати не хощеши, последи добре познаеши известную и истинную службу мою и надеюся, яко истинни глаголи мои явят ти ся. Моя бо душа по тебе есть до смерти и нужно ми есть полезная и неудобная не утаити от тебе. Тем же свидетельствую и глаголю истину, яко слышах и уведех || от некоего достоверна свидетеля, яко Телец некиим сущим твоим рече и беседова с ними таковая: „Искусих Льва и разумех известно мужество и разум его, и обретох его во всем неполезна“. И от сицевых словес познавай, царю, безстудие его, яко толико возлюбив, превознесл еси его паче всех, и равночестна того себе сотворил еси. Он же не токмо тая глаголет о тебе, но и на убиение твое готовится и непрестанно сему поучается, и помышляет власть || и богатство твое похитити. Подобает убо таковаго исправляти, в смертную его язву вложити, донде же хотения своего не со-

л. 134 об. *л. 135* *л. 135 об.*

вершит, и сему бывшу вси в тишине пребудем. Лучше бо есть не впадшу в злая или впадшу не ленитися, нежели в беде сущу не промышляти о своем избавлении и погибнути. И се есть подобно некоторым трем рыбам». Лев же рече: «Помню и разумею притчю сию, но мнится ми, яко несть лести в Телце никоея
л. 136 же и никое же зло || пострадал есть от мене». Исхнилат же рече: «Зане несть ему зла от тебе, того ради на тя толикаго лукавства поучился есть. Яко толико возлюбив вознесл еси его, яко ни на един степень взирати ему, точию на твое достоинство. И се разумевай, царю, яко не приемляй от своих приятель слова приятельскаго подобен есть болному, иже полезная былия врачебная горчины ради отвращающу и не хотящу пити». Лев же рече:
л. 136 об. «Благоумне глаголеши. Но аще и свирепа || вменим быти Телца, аще и враг ми будет, но не возможет повредити мя, траву бо яст, а не мясо». Исхнилат же рече: «Да не прелщаешися таковым помыслом. Глаголется бо, яко аще кто тя учредит, не вверяй ему своея тайны, дондеже видиши веру его и друголюбие, да не подобно постраждеши, еже пострада корида». Лев же таковым словесем веровав, рече: «И что убо о сих подобает творити, гла-
л. 137 голи ми». Исхнилат же рече: «Гнилый || зуб инако не исцелится, аще не извечется, и злый яд блеванием прогонится». Лев же рече: «Отселе реку ему, да идет, амо же хощет, и тако избавлюся поношения и печали, ничто же зла воздав ему противу службы его, еже ко мне». Исхнилат же ведый сие, яко аще побеседует Телец со Лвом, уразумеется лесть его, того ради рече ко Лву:
л. 137 об. «Мнится ми, яко не полезно есть тако быти. Аще убо ра||зумеет Телец, яко ненавидим тобою, на противление и на брань уготовится. Мудрии бо царие яве мучат согрешающаго яве, тайно же мучат тайно согрешающаго». Лев же рече: «Егда царь по клевете нанесет кому муку, а не истинною и судом, себе паче бесчестит зело и срам велий и ненависть от людей будет ему». Исхнилат же рече: «Егда приидет к тебе Телец, готов буди и
л. 138 разсмотряй. Первие || ибо по очию его разумееши, яко злосоветник есть, узриши бо изменение лица его и трепетание удов его, а на десно и налево колебающася и рогама зело машуща, аки бости хотяща, и тогда веруеши истинным быти глаголом моим». Лев же рече: «Аще таковая знамения вижду на нем, тога верую глаголом твоим». Восхоте же Исхнилат ити тайно
л. 138 об. к Телцу и воздвигнути его на Лва, но помысли, яко || аще без повеления Львова беседует с Телцем, и услышав Лев таковая, уразумеет лесть его, того ради глагола ко Лву: «Аще повелиши ми, о царю, поиду к Телцу и вижду[a] его, совесть бо его не утаится от мене, от беседы бо его имам разумети». И повеле ему Лев поити.

---

[a] *Испр.; в ркп.* вежду, *сверху приписано другим почерком* и.

И шед Исхнилат к Телцу, и вниде к нему дряхл и скорбен.
Телец же с радостию приим его и вопроси его, глаголя: «Что
бысть вина, еже толико время || не проходити к нам?». Исхни- л. 139
лат же рече: «Кое добро есть, еже не владети собою, но ходити
вслед господина не истинна и не тверда в вере». Телец же рече:
«Еда прилучися вещь некая новая». Исхнилат же рече: «И кто
может от сеча на войне убежати, или кто властем работая или
приступая без вреда будет? Подобни суть владущии блудным,
иже многим примешаются. Но веси дружбу и любовь нашю, юже
имехом посреде нас. И како бых аз || повинен к тебе, зане тя ко л. 139 об.
Лву приведох, того ради нужду имам благоразумне беседовати
к тебе. Рече бо мне некто от верных ми истинных, яко Лев бесе-
дова ко своим ему, яко хощу Телца снести, зане одебеле и
отолсте. И се слышав, приидох сказати тебе совет его, яко да
промыслиши о себе». Яко убо слышав Телец таковая словеса и
разуме вся, и помысли на мнозе, и рече: «Что сотворих зло Лву
и боляром его, || яко таковая мыслят о мне? Но мню, яко некто л. 140
позавиде присвоению моему ко Лву и нечто ложно изрекоша на
мя, лукавии бо и завистливии человецы никогда убо добра и
о добрых не беседуют». Исхнилат же рече: «Несть ти ни от кого
зла, токмо от Лва, всегда бо той есть нелюбовен и нетверд
в вере и неразумив, первие сладок, а потом горек». Телец же
рече: «Добре рекл еси, вкусих бо сладости его первие и доспех
ныне до горкаго яда, || пострадах бо ныне, яко пчелы, сядя- л. 140 об.
щиися на нимъфеов цвет, и яко мухи, входящии во уши еле-
фантовы, удавлени бывают». Исхнилат же рече: «Остави мно-
гая иная и нынешняя смотряй и изобрящи совет, да избавишися
от смерти». Телец же рече: «Вем аз, яко же волк и лисица и
гавран сотвориша велбуду, боюся, да не и аз тая же постражду
от слуг Лвовых. Аще бо и Лев погубити мя не хощет, но свои
ему поучат его на таковое дело, || капля бо часто каплющая л. 141
изваяет камень, тем же уготовлюся на противление его». Исхни-
лат же рече: «Не подобает никому же о своем спасении не ра-
дети, но прежде хитростию и потом в брань уготовитися. Мудрый
бо мужь не покоряется, донде же низложит врага своего.
Послушай убо мене, полезная ти советующа, иже бо полезная
от друга своего не приемляй словеса пострадждет, яко же и
желва, тако збудется тому, иже не совершает обещаннаго хра-
нити». || Телец же рече: «Да како безстудно начну о Лвове по- л. 141 об.
гибели?». Исхнилат же рече: «Аще видиши на Лве знамения
таковая, веруй моим словесем; сиречь очи дивии и кровавы и
устремление неудержанно и колебание часто опаши его, тогда
разумей, яко на тя готовится. А что ти глаголю о таковых делех,
то и тебе надобно ведати и чтоб не вон износилось из тебе ко
иным таковыя глаголы нашы, но да и тебе будет крепко || и мне л. 142
добро и тебе глаголати впредь».

Се же им беседующим между себе, таже вниде Телец ко
Лву и виде его образом изменена и знамения вся виде на нем,
яко же рече ему Исхнилат. И наполнився ярости Телец, и рече:
«Лучше есть во гнезде змиеве жити, нежели у властелина не-
благосердна». А сие рек, на противление Лву ста. Видев же
Лев таковая знамения на Телце, яже рече ему прежде Исхни-
л. 142 об. лат, приплетеся || с ним на брань. И убив Лев тако Телца по
смущению Исхнилатову.

Бяше же ту друг Исхнилатов, и призвав его к себе, и рече
ему: «Виждь лесть и злобу, юже сшил еси, и кончину смотряй.
Лва[6] бо посрамил еси, Телца же погубил еси напрасно и едино-
мыслие нашея дружбы разрушил еси. Не веси ли, яко мудрый
советник не оставляет царя на брань устремлятися, аще где
л. 143 миром мощно упокоению быти, паче же уставити вражду, || аще
и врази немощни суть, мудрость бо паче брани многосилныя
побеждает. Аз же отнеле видех твою гордость и лукавство и
разумно познах, яко не имаши добра сотворити никому же.
Ничто же бо ино погублчет владелца, точию еже послушати и
приимати словеса от таковых, яков же еси ты, и таковый упо-
добися силигиню чисту, внутрь же согнившу, и егда преломит
й кто, тогда явится нечистота его, яко же еси ты. Укра-
л. 143 об. шаются || бо словеса разумом, а разум правдою, правда же
тихостию. И ты убо никому же восхотел еси присвоитися у Лва,
но царство со множеством людей составляется, безумно бо есть,
еже временно кого любити и радоватися погибели дружней,
а себе ползы искати. Совета не блага ничто же пакостнейше и
еще же к сим вем, яко, зане ти таковая глаголю, тяжек являюся.
Рече бо премудрый: не обличай безумна, да не возненавидит
л. 144 тебе, но блюдися, да не || постраждежи, яко же лукавый пифик.
Прелстив препростаго, всегда бо такова лукавому и лстивому
человеку бывает кончина. Аз бо всегда твоего языка бояхся,
яко же зуб змиевых. Добре бо рече некто: бегай лукава мужа,
аще и сродник ти ближний есть. Подобно бо ты ныне сотворил
еси оному купцу, у него же положи другий в залог железо за
сто сребреник. Тако и ты посрамишися, зане всегда ложная
л. 144 об. словеса плетеши, но злыи от таковых || словес ничто же при-
обретает, точию да всегда зовется зол. Горкий бо плод аще и
множицею помажется медом, но не прелагает своея гор-
чины в сладость. Похвално бо есть всякому человеку, еже с муд-
рыми любитися и беседовати с ними, а от лукавых же и лстивых
отбегати. Яко же бо ветр вземлет смрад и носит повсюду и по-
смражает всех, тако же и с лукавым человеком кто беседуяй, по-
л. 145 смражается от речей его. Тем же и еще мнит ми ся, яко || тяжек ти
являюся, зане тя тако наказую, ибо злии ненавидят безлобивых

---

[6] *Испр.; в ркп.* лво.

и от развращенных блазнии удобь погибают, аще и всю мудрость мирскую кто свесть».

Сия же тако им беседующим между себе. Слышав же сия между ими которания Лев и раскаявся о убиении Телца. Исхнилат же шед ко Льву и виде его дряхла суща, и рече ему: «О царю, почто раскаялся еси о убиении Телца. Не веси ли, яко гнилый перст аще смердит некиим сме||ртоносием и того ради напрасно отсекается, да не все тело от него обимется струпом и погибнет, и кто убо пощадит единаго перста за все тело свое». Слышав же се Лев от Исхнилата и утешився, верова льстивым словесем его. Тако убо злый и лукавый человек аще себе примесит посреде другов, имеющих любовь и дружбу, во вражду и мятеж претворяет любовь их, яко же сотвори некогда некая старая баба. || *л. 145 об.*

Глаголется бо, яко некая баба стара иде путем своим, обрете юношю седаща зело прискорбна и держаща в руках мех сребра. Вопроси же его она: «Чесо ради прискорбен седиши, о юноше?». Он же рече: «Сотвори мне оный человек, имя рек ему, много зла. Аз же за то хотел бых ему воздати и не домышляю чим. И хотел бых поне вражду сотворити между им и женою его, но и того не могу сотворити. И аще бы кто могл се || сотворити, все сие сребро вдал бых». Видевши же баба сребро, возжела его и глагола юноши тому: «Аз могу се сотворити не в долзе времени, но не солги ми отдати сребро сие». Юноша же клятся ей, да приидет по совершении того на оно же и приимет от него сребро оно. Потом шедши жена она в дом человека того и познася с ним и со женою его, и вверися им зело. И помалу нача жене шептати во уши, глаголя: «Веси||ли, яко мужь твой не истинную, но лицемерную и притворную любовь имеет к тебе. Аз бо видех деву некую, приходящу к нему на скверное дело, он же даде мзду, одежду некую». И шедши, сама купи некую одежду по повелению некоего соседа того человека, живущаго близ его, сущей у него дщери. Та же некогда пришедши к мужю, рече ему: «Вчерашняго дне аз бех у службы божия и видех жену твою совещавшуся с некоим || клириком на скверное дело и место назнаменовавшим, в не же хотят соитися». Прилучися же оной жене видети реченную девицу и ризу на ней узрети, юже рече оная баба, яко мужь ея даде ей, и велми о том опечалися. Баба же, видевши ю печалну сущу, рече мужю ея: «Вижде, яко жена твоя печаль имать о клирике оном, увеси же сие, егда сядеши вечеряти с нею». Егда же седоша вечеряти, жена она помяну ону девицу, ей же даде мужь ея одежду, впаде наипаче в печаль || и седяше за трапезою ничто же вкусивши. Видев же мужь ея, помысли истинну быти реченное о клирике, и того ради жена его печална и вкусити ничто же хощет. И оттоле бысть между ими друг о друзе зазор и сомнение и вражда, и к другу к другу ненависть и неверие в любви. И тако им пребывающим неколико времене и друг на друга гневающимся. Посем пришедши оная баба глагола жене: «Вижду мужа твоего

л. 146 *л. 146 об.* *л. 147* *л. 147 об.* *л. 148*

л. 148 об. всегда гневающася на тя || и не могу прочее терпети печали и слез твоих видети, но аще послушаеши мене, то аз могу ти се сотворити, да будете паки жити в том же прежнем благосоветии. Зная бо аз такова человека, который может сие сотворити, и некогда, жалея вас, вопросих его о сем. Он же мне сказа, дабы могла у мужа своего своима рукама тайно брады его устрищи[в] ножем и оныя
л. 149 власы в пищи да подаси мужю своему. || И егда сие сотвориши, будет оную блудницу имети в ненависти, тебя ж зело любити будет». Жена же желающи, дабы мужь ея имел к ней совершенную любовь, положи во уме своем, еже то делом сотворити и искаше подобна времене к тому, яко да на ложи егда уснет мужь ея, тогда отай хотяше сотворити. Оная же баба прииде тайно к мужю ея, глаголющи ему: «Сохрани себе, о добрый мужю, от жены своея,
л. 149 об. да не смертно что от нея || постраждеши. Достоверно и известно вем, яко жена твоя согласилася со онем клириком и хощет тя убити. И аще не имеши мне веры, то сея нощи, аще будеши имети себя во осторожности, познаеши, яко истину глаголю ти». Егда же наста нощь и возлегоша на одре своем по обычаю, жена же земши нож с собою тайно, помышляющи да уснувшу мужу ея урежет власов брады его. Мужь лестно сотворися вскоре
л. 150 уснути || крепким сном и яко спаше и храпляше. Жена же, не разумеющи лсти тоя и мнящи, яко воистину спит муж ея, земши в руку нож, другою же рукою приемши за браду мужа своего и хотящи резати власы брады его. Мужь же, внезапу аки от сна пробужден, напрасно ухвати руку ея, в ней же держаше ножь, и начат вопити велиим гласом: «О горе мне окаянному от губителницы сея жены моея, како мя хощет напрасно предати ||
л. 150 об. горкой смерти». И абие возбудишися домашнии, и принесоша свещи, и стекошася соседи и призвани быша сродницы, и бысть молва и смущение немало и ропот, и кричание велие. Мужь на жену ярости исполнися, хотяше судиям предати ю, да истязана будет и да скажет истинну всю, коея ради вины умыслила сотворити таковое богопротивное и беззаконное дело. Сродником же и
л. 151 соседом сопротивляющимся ему и не дающим || сего сотворити. Жена же стояше плачющися горки и рыдающи, не ведущи, что сотворити и чим избавитися от напасти тоя. И егда по многом роптании и кричании и молве известившеся о первом непорочном и честном и беззазорном своем житии, воспомянуша оную бабу, часто приходящую в дом ею, и вся ея советы и глаголания к ним в разум приимше, разумевше лесть быти и лукавство. И по-
л. 151 об. искавше, не обрето||ша ю в дому своем. Видевши оная баба окаянная таковую молву и смущение, абие тече скоро на оно место, на нем же виде юношю седяща и сребра мешец держаща, восхоте ему возвестити вся бывшая и мзду обещанную взяти за то. И пришедши на место, абие явися ей юноша той, яко же и прежде, и

[в] *В ркп. испр. на полях* резати.

начат благодарити и хвалити ю, глаголя: «Воистинну превзошла еси ты в злобе и лукавстве и наше бесовское существо. Аз бо || аще и бес есмь по естеству своему и всякаго лукавства исполнен, *л. 152* аще и многое попечение имех и тридесять лет уже имам, на всяк день смущах и прелщах всяким образом, да вложю в гнев мужа того сего или во огорчение жену его, и не возмогох сего сотворити. Ты же не во многи дни сие все сотворити возмогла еси. Воистинну много в лукавстве превосходиши нашю вещь и более не подобает || тебе прочее на земли со человеки[г] жити». И абие *л. 152 об.* восхитив напрасно, и сведе ю в преисподняя адъская сокровища восприяти достойную мзду противу лукавства ея и лстиваго языка.

Видиши, колико может лукаваго человека лстивый язык и лукавая словеса и яко лукавый человек превосходит в злобе самыя лукавыя бесы. Добре пророк к богу моляся вопиет, глаголя: «Изми мя, господи, от человека лукава и от мужа неправедна избави мя». || И премудрый глаголет:[д] человек законопреступен *л. 153* искушает други и наводит их на пути неблаги. И паки: человек строптив распаляет зло и зарю лестну возгнещает има и разлучает други. И паки: ин: [е]человек яр разжизает свар и муж грешник возмятет други и посреде мирных вложит клевету. Тем же и наводит, глаголя: шепотника и двоязычника подобает кляти, многи бо мирны суща погу||би, язык третии многи потрясл и *л. 153 об* разлучи я от языка во языки и грады тверды разори, и домы велможам разврати, язык третии и жены добря изгна и лиши я́ от трудов их. Послушаяй его не имать обрести покоя, не имать уселитися без молвы, язва бичная струпы творит, язва же язычная сокрушает кости. Мнози падоша острием меча, но не яко падшии языком. Блажен, иже укрыется от него, иже никогда же || приидет *л. 154* в ярости его и иже не возвлек ига его и узами его не связан бысть. Иго бо его иго железно, и узы его узы медяны, и смерть его смерть люта, и паче лучше есть ад не обладает благоверными и в пламени его не згорят. Оставльшии господа впадутся в онь и на них возгорится и не угаснет. Послана будет на ня, яко лев и яко пардус погубит я. Виждь и огради стяжание свое тернием, сребро свое и злато свое стяжи || и словесем своим сотвори иго и меру, *л. 154 об.* и устом своим сотвори дверь и завору. Внимай: егда како поползнешиси им, не падися прямо ловящему. Дивитися же подобает и пророку молящуся, како бо не помолися избавитися от бесов или лвов, но от человека лукава, являя убо, яко горшее человецы суть лукавыя бесов и лвов. Изми мя, господи, от человека лукава, не от зверя, зверие бо яве злобу свою показуют, человецы же лукавыя крыют || лукавство свое во образе кротости. *л. 155* Яко же змия Евву токмо прелсти, Каин же Авеля брата своего

[г] *В ркп. первоначально было* человети, *затем испр. на левом поле.*
[д] *В ркп. на полях глосса к этому месту* прит. 16. [е] *В ркп. на полях глосса к этому месту* Сир. 28.

не прелсти извед на поле, но и уби его ту. Дающии лстивая чародейства многажды медом помазывают чашю, горесть со сладостию смешающе. Тако и лукавыя человецы сласть словес во устех носят, горести же образы в сердцы держат, на языцех мед носят,
л. 155 об. а в разуме лесть куют, иныя из внутрь являю||щеся, а ины внутрь потаяющеся. Изми мя, господи, от человека лукава, не от бесов, беси бо крестным знамением прогоними бывают, человек же лукавый самому богу противится. Павел бо бесы словом изгоняше, Александра же Ковача злобы победити не можаше, тем же и глаголаше: Александр Ковачь многа ми зла сотвори. Изми мя, господи, от человека лукава, таковый бо лсти плетет, лицемерству
л. 156 поучается, зависть в сердцы кует. || Изми мя, господи, от человека лукава и от мужа неправедна избави мя. Не просто же молим усты точию бога,* но и делы благими достойне уготовимся на услышание молитвы, тако бо молящимся нам богу услышани будем и не точию измет и избавит ны господь от человека лукава и от мужа неправедна, но и от невидимых враг наших избавит и со благими земными сподобит вечных его благих. Изряднее же
л. 156 об. любовь друг ко || другу нелестну, но истинну сохраним и свое приобретение ближняго преспеяние бываемо помыслим и всем подражаем бога по силе человецы, бог бо любы есть и именуется, ему же слава и держава, отцу и сыну и святому духу. Аминь. ||

л. 157

Притча о вране и о змии и яко удобнее мудростию враги побеждати

Глаголется бо, яко вран некий вогнездяшеся в некоем древе в горе и от некоего змия на всяко время обидим пребываше и птенца его снедаше. И яко убо множицею таковое змий творяше, и шед вран к некоему другу своему зверю и рече ему: «Хощу тебе советника себе имети, не веси ли бо ныне каковая стражду от змия некоего, и мнит ми ся полезно быти тому, яко некогда змий уснет, мне же бы приближитися к нему и очи ему извертети, и тако ему против спона сотворити». Зверь же рече ко врану: «Не добре сие
л. 157 об. тако савето||вал еси, но промысли хитрость ину, ею же оного погубиши, а сам же ты невередим пребудеши, да не подобно постражеши, такоже, яко же жаравль некий».

Притча о жаравле и о еже и рыбах, и яко малии хитростию великих бед избывают

Глаголет бо ся, яко жаравль некий при некоем блате пребываяй, бе же то блато зело исполнено рыб всяких, он же от них питаяся. Егда же жаравль той состаре и на лов не возможе подвизатися и гладом одержим бысть по многи дни, и стужи си о том велми, и поиде в некую гору. И походя по горе мало, и об-

---

* *В ркп. это слово стоит в прямых скобках.*

рете ежа ту в своей скорби пребывающа. Еж же виде жаравля
печална суща и вопроси || его, глаголя: «Почто печален еси и л. 158
скорбен?». Он же восприим, рече: «И како да не скорбети ми,
понеже убо первее пребывах при некоем блате и от рыб его
питахся многим обилным суще. Днесь же узрех два рыбаря при-
шедша на место то ко блату, иде же бе пребывах аз и кормяхся,
и се рыбарие друг ко другу глаголюще и беседующе, како бы им
вся сущая ту рыбы изловити». Еж же, то слышав у жаравля,
прииде к рыбам во блато и поведа им вся, яже слышав от жаравля.
Рыбы же, слышавше от ежа глаголемое о изгублении своем, и
пришедше вси к жаравлю и реша ему: «Хощем тя советника себе
сотворити, слышахом бо, яко рыбари неции хотяху изловити нас ||
всех отсуду». Жеравль же рече им: «Несть вам в том нимало л. 158 об.
художства никоего, еже от сего блата преити во иное место тро-
стяно и водно, иде же доволну пищу обрести имате и добре жи-
вуще, и тако избавитеся от рыбарей онех належащия вам беды».
Рыбы же реша ему: «Пренеси убо ты нас на таковое место». Он же
рече: «Боюся да не прежде предложения вашего доидут рыбарие
семо, изнурят мя такожде и мне от них быти изловлену, но
обаче же елико ми мощно есть сотворю с вами». И начат с тако-
вою притчею преносити рыбы помалу в некий брег сух и тамо их
ядяше, и тако питаяся ими. Другим же рыбам мнящим во блате, ||
яко в порученное место переносит их, во еже сохранитися и со- л. 159
блюстися им тамо от сети ловящих. Зри, юже ископа яму инем,
безумный сам впаде в ню. Во един же убо от дний умоли еж жа-
равля пренести и того тамо, яко же и рыбы. Приим же его же-
равль и отнесе на то же место горнее, иде же рыбы приношаше и
изъядаше их, советовавше же в себе жаравль, како бы ему и ежа
снести. Видев же ежь кости рыбьи ту лежащи, и уразуме лесть
жаравля того и помышляше в себе, яко: «И аз нужно буду смер-
тен от него, аще противлюся ему или аще покорюся ему, един суд
прииму от него, яко повинуюся ему, то снест мя, аще ли против-
люся и одолеет ми, то || снест же мя, аще ли же аз измогу, то жив л. 159 об.
буду». И се мысляше, глаголя в себе: «Лутче ми тако есть, еже
си умыслих, да не безвестную смерть прииму, но лутче ми добре
жити, нежели зле умрети, тако бо благоумному мужу подобает».
И се напрасно обзинув жеравлеву шею устнама своима и нужно
удави его, и скончa зле живот свой.

«Слыши, о вране, сего ради сказах ти таковая, яко да увеси ты,
яко враждующии нецыи некая и сами сетми своими яти бывают.
Но не подобает ти тако змиеву погибель промыслити, яко же еси
ты умыслил, и сам бо он некако своими действы вскоре да по-
гибнет». По времени же некоем змий усмотрив долу женскую кра-
соту || чистейшую и похитив ю, и отнесе в гнездо свое змиево, л. 160
и оставив ю тамо, сего ради по ней последствуют нецыи и обретше
змия, убьют его. Еже и бысть тако, яко же рече. Тако бо сотвори
вран и избавлен бысть от змия.

Притча о лве и заяце и яко хитрость не токмо себе полезна, но и другим

Глаголет бо ся, яко лев некий обитоваше на некоем поле, иже бе поле то велми изобилно, травоносно и водно, и звери в нем мнози и различни живуще. Лев же от тех зверей на поле насыщаяся доволно изобилием, зверие же тии живущии ту вси страхом ужасаеми ото лва, и собрашася вси во едино место и совет ||
л. 160 об. сотвориша между собою, и реша к себе, яко: «Да идем вси вкупе ко лву и рцем ему: „О царю Лве, помилуй ны, мы бо тебе трудов избавим и болезней, себе же бес печали сотворим, ты убо со многим трудом и потом единаго от нас ловиши на кийждо день, мы же паки боящеся твоего ловления трепетни вси пребываем, но достоит убо нам, яко да на всякий день украшаем твою трапезу кроме трудов твоих приводом ти коегождо от нас“». Се же слышав от них лев, и угоден ему явися совет их, и повеле им тако творити, яко же обещашася ему. И тако зверие проводиша дни мно-
л. 161 гия, жребии творяще друг другу, и на коегождо || их жребий будет, посылаху его ко лву на пищу. И яко убо жребий доиде до заяца, рече же заец к ловцом и прочим зверем: «Послушайте мене, о ловцы, избавлю вас всех от тяготы сея, иже страждем ото лва сего». Они же реша ему: «Что хощеши, сотвори». Он же рече: «Рцете ведущему мя нескоро вести ко лву. Еда же близ будем у лва, да скрыются ведущии мя в сокровенно место, аз да отвещаю един лву». Они же тако сотвориша, еже им заец сказа. И шед заец медленным хождением к нему, яко же бы лву разъяритися гладом, и се заец един явися ко лву и глагола ему лев: «Почто доселе укоснел еси, а не яко же и прочии скоро ко мне прихо-
л. 161 об. дяху?». Заец же || рече: «Друга своего заяца влеках к тебе и некий лев на пути срет мя и похити его. Аз же много ему пригласих и засвидетельствоваху яко лвово есть, а не послуша мя, не отпусти заяца к тебе. Аще хощеши, ведуя тя к нему и еже хощеши, то и сотвори лву тому». Лев же разъярися рече заецу: «Последую ти, где есть поидем». И поведе его заец в некии кладязь глубок зело, в нем же вода пресветлая, и сотвори его приникнути в кладязь, а заец с ним же приниче и рече ему: «Видиши ли лва, иже похити твоего заяца? Сей же заец твой у него есть». И показа ему свою заечью в воду и лвову его. Се же видев лев образ свой
л. 162 и заечей в воде и || мнев, яко суще так есть, и ввержеся во кладезь. И тако утопе и скончася.

Притча о трех рыбах и яко нерадящии и невнимающии себе абие погибают

Глаголет бо ся, яко в некоем блатце близ реки суще пребываху ту три рыбы. От них же едина бяше мудра зело, другая же маломудра, третия же никако имыи никоея мудрости. Прилучи же ся

в некий день мимо то блатцо итти двум рыбарем и совещастася друг ко другу, яко да егда возвратятся и уловят рыбы оне[з] во блате. Мудрая же убо рыба, егда услышав от рыбарей таковое слово, и избежа из блата и преиде в реку. Прочии же две рыбы не радяще о своем спасении, || оставше в блате. Рыбарие же при- *л. 162 об.* шедше, заградивше блато от реки со утвержением. Се же видевши средоумная рыба и раскаяся, како небреже избежа из блата, и рече к себе: «Такова есть нерадящих кончина, которая убо есть ныне хитрость моему спасению, но аще ныне и поиду, всуе потщуся, обаче елико ми есть требе мощно, да хитростию си полезная сотворю». Тако же сотвори себе, яко мертву, и та мертвая носима бе по воде вверх чревом, ей же рыбари веру емше, и изимаша ю своими руками, и положи ся меж блата и реки на земли, сами же паки на лов устремишася. И абие вскочи средоумная рыба она от земли и вержеся в реку, и тако спасена || бысть от сети ловя- *л. 163* щих ю. Третия же безумная рыба, не имея нимало мудрости, много бегавши по блату семо и овамо, и не успе си ничто же и нужно уловлена бысть от ловцов.

Притча о кориде и о блохе и яко тихо и разсмотрително вещи свои управляющии предъуспевают, [и]не тако же лишают[и]

Корида бо некая в теле некоего велможи бысть и в мало время крыяшеся некако и пиющи кровь из него и тихо ползающи невидима бяше. И во едину от нощей прииде гостья к ней блоха, яже напрасно без разума уязви зело спящаго мужа оного велможу и пробуди его, и вскоре воста с постели своея муж той и взыскав, обрете кориду и уби ю напрасно, || блоха же скоро отскочи и из- *л. 163 об.* бавлена бысть и невережена.

Притча о льве и волке, лисице и гавране и велбуде и о зависти врагов

Глаголет бо ся, яко лев некий пребываше в некоем месте, иде же путь некий есть близ жилища его. Бухя же тамо три животна, любяще друг друга велми зело: волк, и лисица, и гавран. Некия же купцы мимо шедше путем места оного, оставиша на пути велбуда, а сами отъидоша. Велбуд же пришед ко льву, сказа ему яже о себе. Лев же рече ему: «Аще любиши со мною быти, не отпущаю тя от себе, но пребуди убо со мною в беспечалии во вся дни живота своего, покоя и пищи со мною наслажаяся». || И пребысть со львом велбуд немало время, и во един от дний изыде *л. 164*

[з] *В ркп. испр. на полях на* оны. [и–и] *В ркп. край надписи обрезан при переплете, сохранились только буквы:* не та. . ., же л. . ., шаю. . .

лев на лов и сретеся с елефантом,[к] и сразишася побежен бысть
лев и едва вовратися ранен и оструплен и окровавлен и лежа,
болезнию зело велми отягчен, ниже ловити могии что на пищу
себе, но ни поити не можаше, и оскуде ему пища. Околнии же его
не имеяху что ясти. Поразмысли же о сем лев и рече им, яко:
«Мнит ми ся о вас, бежати хощете отсюду». И рекоша ему: «Мы
о себе ныне орудия не имамы, всяко убо нужную пищу приобря-
щем, но о тебе скорбим, аще како быхом возмогли ти обрести
ползу некую, то со усердием содеяли быхом». Он же рече к ним:
л. 164 об. «Не утаит ми ся ваше усердие, разыдите ми ся || убо отсюду, да
обрящете пищу себе же и мне». Они же отшедше мало негде и
совещаща друг ко другу, глаголюще: «Что нам обещно с велбудом
сим травоядцем и инородным, но аще ны есть тогове сотворим
лву снести его». Лисица же рече: «Не мощно нам есть сего сотво-
рити и изрещи о сем лву яве, имат бо лев обещание к нему». Гав-
ран же рече: «Пребудите зде на месте сем и оставите мя ко лву
итти единаго». И тако поиде. И яко видев его лев идуща к себе,
и рече к нему: «Что пришел еси? или еда нечто ново прилучися?».
Он же рече: «Како хощет нам добро быти со иноплеменным сим
велбудом, но аще хощеши, послушай нас». Лев же ни слышати
л. 165 хотя, прогневався || рече: «Оле дерзости и свирепства! Не веси ли,
яко обещание имам с велбудом и согласия любезна. Не подобает
бо ти таковыя беседы глаголати ко мне, не мощно ми есть сего
сотворити. От писания бо навыкох: не скор буди в суд и во ответ
осужения. Соломану бо глаголющу: не скор буди во словесех.
Апостол же рече: не преже времени судите. Аз готов есмь тебе
и всякому дати ответ моего усердия. Приложим двери усердия
к слухом во благо время отверзати божиим глаголом и без года
затворяти ко влекущим вредным песнем. Управим око, да не ис-
падем напрасно в похоть». Гавран же рече: «Добре судил еси,
о царю, но едина душа за весь дом предается и дом весь о граде, ||
л. 165 об. и град о стране всей, и страна вся о царе. Мы убо ныне скор-
бим о тебе лишения ради брашен и тщимся всяко, да быхом ти
обрели ползу и избыли быхом поношения». И сия рек гавран воз-
вратися ко своей дружине и сказа им вся, елика слыша ото лва
и елико ко лву беседова. Они же слышав сие ото лва и смыс-
ливше такову вещь, яко да вси вкупе с велбудом приступят ко лву
и комуждо обещати себе дати лвови во снедение, и егда един ре-
чет о себе обещание, похваляя себе, тогда другии да отвещает по-
хуляя, глаголя, яко: «не си ты на пищу потребен», дондеже слово
и до велбуда доидет. Се же умысливше и приидоша ко лву, имуще
л. 166 с собою и велбуда. || И первие убо гавран рече: «Зрю тя, о царю,
немощию зело отягчена и несытием посрамлена. Многа же быша
благодеяния твоя на мне, но не имам ти что противу воздати, то-
чию себе сыи, но бес помышления снеждь мя». Инии же реша:

[к] *Испр.; в ркп.* елефантовом.

«Престани блядети, мал бо еси телом и худ». Лисица же рече: «Аз бо, царю, доволна ти пища буду днесь». Волк же рече: «Престани убо ты, смрадно бо есть твое тело и на пищу не потребно. Паче же аз на пищу цареви угоден есмь и готов». Гавран же и лисица вкупе отвещеваху: «Аще кто будет и песия мяса вкусил, таковый и твоя может вкусити, аще и вкусит, то в недуг чревный впасти имать». Мняше же и велбуд, яко и о нем то же возглаголют, ‖ и рече велбуд: «Аще и вси не потребни суть, но аз плоти *л. 166 об.* много имам и на пищу сладок есть цареви лву». Они же вси вкупе отрекоша: «Истину рекл еси, о велбуде». И нападше на него, и разтергоша и́ напрасно.

Притча о двунорцах и о желве и яко обещанияя своего не сохраняющии погибают

Глаголет бо ся, яко в некоем источнице пребываху два норца и желва с ними и любяху друг друга зело. Некогда же по многзех днех оскуде вода от источника и живши си норцы и восхотеша бежати от места оного. И рече им желва: «Вам убо печали несть о оскудении воды, вем бо, яко летающе крилы ‖ своими обрести *л. 167* имате воду. Но мне, окаянней, горе, зане не вем, где заползти ми, но молюся убо вам, да возмите и мене с собою и пренесите амо же хощете». Норцы же рекоша к ней: «Аще не преже обещаешися нам, яко да не проглаголеши, дондеже пренесем тя, то имаши поити с нами». Она же клятвою обещася има, яко не проглаголати ей на пути, дондеже несут ю. Они же вземше древо прямо и повелеша ей ухапитися за древо в половине меж их. И егда желва ухапися посреди древа, норцы же за край того же древа емше и воздвигоша на воздух с собою желву. Случи же ся неким человеком путем онем мимо итти, возревше же горе́ и видеша желву посреди норцов ‖ висящу, удивишася, глаголюще между собою: *л. 167 об.* «Видите чюдо и знамение, желва убо посреди двою норцу на воздусе летит». Желва же, слышавши се, отверзе уста своя проглаголати противу беседе их, и яко отверзе уста своя, и тако паде на землю и сокрушися. Тако бо збывается таковым, иже кто не совершает обещания своего.

Притча о двупифицех и яко свидетельствуяй ложно погибает

Глаголет бо ся, яко два пифицы некотории в некоей горе пребываху в зимно время и при студеной. Един же бе прост, а другий лукав зело, иместа ‖ между себе дружбу превелию. И во *л. 168* един же от дний ходящим им по полю вкупе и прилучися им обрести на некоем месте сокровище злато. И вынемше его оттуду и скрыша в землю в ыное место, и совещаша си между себе: егда нам требе будет колико возможно, толико возмем от злата, а про-

чее в земли оставим на сохранение, и егда требуем, тогда взимаем по малу, дондеже и все изнурим. И сим убо образом на долго время дружба их пребысть. И един же убо лукав сый, а другий препрост, и верова же препростый он лукаваго совету. И скрыша
л. 168 об. злато оно под дубом неким || велиим и погребше, возвратишася во своя си. По днех же неких изыде отай лукавый препростаго и прекраде злато все. И по времени некоем рече препростый к лукавому: «Идем и аще ны годе есть, возмем часть некую от злата, еже в земли имамы». И шедше оба и раскопавше землю и ничто же обретоша. Начат же убо лукавый власы своя терзати и в перси бити и неутешно вопити на препростаго: «Яко ты сокровенное злато взял еси». Препростый же тмами клятв того утвержая, яко ничто же тако сотворих. Конечнее же к некоему судии того при-
л. 169 веде. || Судия же к лукавому рече: «Аще на друга своего тако оклеветаеши, даждь ми поличие ему». Лукавый же рече: «Дуб сам свидетельствует истинну, аще бо и безгласен есть». Судия же слышав се и подивися о реченных. О клятва лукавая и слово блядения безделно сия глаголется еллински емагрия, сиречь гортанное бешение. И шед лукавый ко отцу своему и сказа ему яже о себе и умоли его, да внидет в дуб и да проглаголет из дуба, яко препростый есть взял сокровище. Отец же его рече: «Аз убо сие сотворю, но блюди, да не в своих сетех ят будеши». И в том
л. 169 об. часе отец его шед и вниде в дуб, бяше бо дуб он дупленат. || Судии же пришедшу и вопросившу дуба. И глас изыде из дуба, яко препростый взял есть сокровище. Се же услышав судия и разумев лукавство, и повеле дуб он запалити огнем. И абие разгореся огнь и взыде дым на крытаго оного, и напрасно возопи и извлечен бысть от дуплины дуба и лесть исповеда, и зело мучен бысть и с сыном своим, и отъяша у них злато. Тако бо повеле судия быти, и возвратиша все злато препростому. Такова убо есть лукаваго и льстиваго человека кончина.

Притча о купце, положшем в залог железо у соседа, и о лживом запрении ||

л. 170 Глаголет бо ся, яко купец некий хоте поити на куплю и положи залог у некоего человека железа на сто сребрянник. И егда возвратися от купли и прииде к нему, у него же бяше положил залог, и рече к нему: «Друже, даждь ми железо, еже положих ти залог». Он же рече: «В некоем куте дому моего погребох твое железо и изъядоша его мышеве, и не жалиси потому, понеже здрав пришел еси, но прииди к нам днесь да обедаем вкупе и порадуемся о твоем приходе». Он же послуша шед и обедова у него, и по обеде изыде, хотя поити в дом свой и срете сына человека того,
л. 170 об. ему же бе предал железо, и ят его, || отведе в дом свой и скрыв его в кущи, и возвратися сам на торжище, и обрете человека того, вопрошающа всех человек о сыну своем. И той рече к нему:

«Аще сына своего ищещи, аз бо видех его на воздусе носима от орла». Он же возопи всем и рече: «Видесте ли орла человека когда носяща по высоте». Купец же рече: «Истинно видех, иде же мышеве железо ядят, тамо и орли человек восхищают на высоту». Сей же позна бывшее и возврати купцу железо все, елико бяше приял от него на соблюдение, а сына своего взят.

Притча о слепом врачи, яко неведением уморяют человеки и сами такоже постраждут ||

Глаголет бо ся, яко врачь некий иде в некий град. Прилучи же ся дщери властелина града того в недуг впасти. И повеле некий врачь премудр, но слеп, яко да былием уврачюют болящую ону. И пришед убо странный той врачь разсудити врачбу о былии оном, еже завеща слепый врачь, и неведением ино былие неподобно раствори и даст девицы пити. Она же, испивши таковаго былия, во чреве болезненый недуг зело приимаше паче прежняго и нужно умре. Родителя же ея принудиша и врача того же зелия испити. Он же пив и смертная пострадавше. Слышите и вы вси також де же и той постражет, иже беседует неправедно и творит лстивно яже и не весть. || л. 171

Притча о поношающих чужей наготе, а своей не видящих л. 171 об

Глаголет бо ся, яко некия две жены с мужем от плена избегши и нази хождаху. Едина же от них некия рубы обретше и свой студ покрываше возвращися и рече к другой: «Не стыдиши ли ся, окаянная, сице бесчинующи и нага ходяща всем человеком на позор». А сама точию малыми рубищи срамоту свою прикрывши. Рече же мужь он к поношающей оной жене: «Не блюдеши ли, безумная, свою наготу, но на чюжую наготу поносиши».

Притча о вожделевших чужих жен и яко лжесвидетели погибают напрасно ||

Глаголет бо ся, яко некий крагуяр вожделе жену господина своего, еже лещи с нею. Она же не обращашеся к нему. Прогневав же ся крагуяр и улови в некий день две птицы, именем сою, и научи едину глаголати перским языком, яко видех госпожу свою со вратарем падшуся, а другую научи глаголати, яко не глаголю ничто же. И во един убо от дний прилучися господину его с персы беседовати и слышаша соя, яко господин ея беседует перским языком, и полюбиша их беседу, тако[1] же соя и слово исповедаша л. 172

---

[1] *Испр.; в ркп.* токо.

господину своему, яко: «Жена твоя, а моя госпожа, со вратарем падшися». Крагуяр же вне стоя и рече: «И аз свидетельствую,
л. 172 об. яко тако дело есть оно видех». || Господин же его разъярися и хотя жену свою убити. Она ж яже о крагуяре сказа мужу своему, яко лесть на ню сшил есть того ради, яко не послуша его на скверное дело. И глагола жена, яко иные беседы не имут сои, кроме сего блядиваго слова, иже научи их крагуяр. Персяне же вопросиша сои о иных неких речех, и обретоша их, яко ино ничто же не ведят беседы, точию лукавое оно и ложное слово. Пришед же ко крагояру госпожа его и рече: «Не боиши ли ся бога, яко на мя таковая лжесвидетельствуеши? Тако ли есть было дело, еже ты изглагола сам и сой научи глаголати?». Он же рече: «Тако есть было дело». И сия рекшу ему напрасно и узна господин его лесть в нем, и вскочи скоро и изверте крагояру очи за лжесвидетельствы его. ||

л. 173

Притча о гавранех и о выплех и о совете противу врагов и о мудром соведнице и яко лучше есть мудрому терпети тесноту у врагов, нежели поношение

Глаголет бо ся, яко в некоей горе бяше древо некое превелико и высоко зело, на нем же гавране пребываху тысяща их, им же бе старей гавран един. Бяху же близ того места выплеве тысяща же и их, имеяху же и тии единого выпля старейшину себе, имяху же всегда вражду с гавраны. Единою же нощию нападоша выплеве на гавраны и многих от них убиша, другия же раниша. Заутра же гавраном царь собра своя гавраны прочая и собор сотвори, и рече: «Видите ли колико выплеве нам содеяша и како ||
л. 173 об. наше силу победиша, и колицем перия исторгоша? И се есть горшее и укорно нам, еже дерзнути на них и преобидети нас имут и колика есть нам срамота тогда будет? Разсмотрите убо ныне последнее, да не постражем горше первых». Бяху же убо у царя того советник пять. От них же един первый рече: «И ничто же ино спасет нас, точию еже бежати от места своего во ино место и оставити здешнее наше пребывание, зане же не можем противитися сим врагом нашим». Другий же рече: «Не полезно есть тако быти, яко же рекл еси, еже от единой победы смиритися и отечество наше оставити и в чюжей земли жити и быти, но уготови-
л. 174 мся на брань и в мужество о||блецемся, и аще когда врази наши нападут на нас и мы сразимся с ними, и аще победим их, богу благодать воздадим о том, или аще паки победят нас, то по реченному, яко же земля испещренна различными цветы, и тако и мы узрим на себе кровавы раны и без срама первый свой совет совершим». Третий же рече: «Не добре, о царю, оба сии глаголют, но подобает нам добре уведати, аще хотят врази наши любитися с нами, и сотворим мирныя почести и дары пошлем к ним, и сего

ради беспечално житие поживем. Присно бо и инии мнозии царие пекутся о своей земли златом соблюдают ю, сиречь не пламенем пламень подобает гасити, но водою, тако и врагов || подобает дарми л. 174 об.
утоляти вражду их». Четвертый же рече: «Не добре и ты совет даеши, но лутчи есть в тесноте и в беде жити, нежели толико врагом не противитися и им подложитися, понеже бо мы болши есть их и честнейши. Но аще и дары принесем им, и не доволни бо они будут о сих, но излише нас начнут ратовати, яко же бо малая или велия честь не суть дар во очию безумнаго. Страшливый бо воин устрашается трубы, назнаменующия брань. Глаголет бо ся, яко мудрый который царь прежде брани врагов своих укращает дарми, и, аще ли чрез дар ополчается на него, то не уклоняется к ним, но смирение и терпение имеет с мудростию и на брань ||
тщится со всяцем оружием. Тако и нам по сему подобает с ними л. 175
творити сопротивление». Пятый же рече: «Не мощно есть противитися, силнейши бо они суть нас, иже бо кто на болшая сопротивляется, той себе вредит, безумнии бо всегда врагов своих зле[м] наричют, а страшливии бо на брань не исходят. Аз же всегда, и ныне и прежде врага боюся, ибо не подобает мудрому мужу враг своих не боятися, аще бо и далече пребывает, во всякой бо вещи ястие и питие и богатество ищется, а в брани ни о чем же мыслит кто, точию о души своей кождо». Царь же рече: «Аще брани не повелеваешь быти, что ино повелеваешь быти?». Он же рече: «Подобает убо, о царю, || от своих ти советник имети разумныя мужа, л. 175 об.
понеже убо добрый совет болши есть тмы воин, ибо воспоминает смотрения полезная, яко же бо мудрый мужь познавает вражию немощь и силу и мудрым своим советом и начинанием низлагает их. Понеже и ты, царю, советника мя поставил еси себе, и аз хощу ти наедине беседовати, а не пред народом не беседую ти». И поиде царь с холастиком, сиречь со уединенным, особь, и рече ему уединенный: «Сего наш закон не советует, сему нас господь не научил есть, яко не творити с ними брани и дань им даяти, и в повиновении у них быти. Великоумный бо мужь избирает паче славную смерть, нежели без||честно житие. Смотри убо, о царю, л. 176
о сих, яже в мысли своей аз имам и хощу беседовати тебе наедине, елико слышал есмь от древних мужь глаголемая». И сия от него слышав царь, и воста и беседова с ним наедине. И вопроси его, о них же имать к нему беседовати. Он же отвеща и рече: «Начало вражды, яже имамы с выпли, се есть убо, яко некогда собрася весь род птицам и избраху себе выпля царя и поставиша его еже царствовати над ними. И ту же у птиц прилучися гавран некий и рече им: „Почто вы остависте чесные птицы и не постависте от них на царство, но избрасте смрадную сию птицу, яже и душевную доброту погуби и безумна есть, и не мудра, и гневлива, и непоставна, и льстива, || и еще же горшие всех“. Сия же от л. 176 об.

[м] *В ркп. приписано над строкой другим почерком.*

гаврана слышавше весь птичий род, и низложиша выплеву власть. И яко низложен бысть выпль и рече к гаврану: „Не вем, о гавране, и не помних, яко бы тебе когда зло нечто сотворих, яко ты таковое воздаяние показал еси на мне. Но познай по сему, аще секирою усечено будет не ис корене, то паки срастается, тако же и по сему язва стрелная исцелевается и заглаживается, когда в тело уязвлена бывает, но язычная стрела не исцелна есть никогда, понеже бо касается посреди сердца самого, ибо огнь погашает вода и язва всякая уврачевается былием врачебным, а злоб-
л. 177 ный огнь присно животен есть, иже ся || есть всеял посреди нас и вас, о гавране. Дуб бо великий никогда же искореняем и подвижем“. Сия же речь выпль и отъиде, ярости наполнен сый. Гавран же раскаяся и опечалися зело. И оттоле и до ныне пребывает вражда посреди нас». Царь же рече: «Разумех о сих, прочее убо рцы ми о предлежащих, что подобает убо ныне творити нам противу их». Он же отвещав: «Еже о рати не престаю ти глаголю, ни же повелеваю быти сему, яко не быти брани, но инако никако не может что успешно быти о сем, токмо хитростию некоею. Понеже бо хитрость может паче успети рати великие и брани. Судих убо аз о сем, яко полезно сему быти, яко да прогневается
л. 177 об. на мя величество || твое, всем бо зрящым, и повели бити мя немилостивно пред всеми, яко окровавити ми ся от множества ран. Та же и перия моя извлекут и опаш, и да повержен буду близ древа сего. И егда сие на мне будет, и тогда ты отъиди отсюду со всеми своими вкупе, мене же остави лежати зде». И сотвори над ним царь тако, и отъиде оттуду со всеми своими вкупе, дивяся премудрости и многим клюкам и лукавству его. И се нощию тою выплеве к тому древу дошедше и не обретоша же ту никого же, точию того единого убиеннаго гаврана лежаща, и сказаша о нем царю своему. Он же приближився к нему и вопроси его: «Откуду еси». Гавран же рече: «Аз есмь онсица». Царь же рече: «Где суть
л. 178 прочии гаврани?». || Гавран же рече: «Не свем, како убо могу в таковых бедах разумети онех тайны». Царь же рече: «Поистинне сый есть первый советник гавраном. Вопросите убо его, коея ради вины таковая лютая пострадал есть». Гавран же рече к нему: «Мое злое советование таковым злым приплете мя. Егда убо побеждени быша от вас гаврани, совет сотвориша и кождо елико их уразуме советоваше. Аз же дерзнух о вас и рекох, яко силнейшия суть гавран выплеве и благородни, того ради не подобает нам им противитися, но мир искати и дани им даяти, и аще приимут дары и смирятся с нами, богу слава о том. И слышавше сия гаврани от
л. 178 об. мене, и восташа || на мя, и мнеша, яко о вашей пользе беседую им таковая, и ярости наполнившеся и таковым осуждением мене осудиша и сицевым злым предаша мя, и за то пострадах от них». Сия слышав от гаврана царь выплем и рече к некоему от первых советник своих: «Что подобает о нем творити?». Он же отвеща первый: «Скоро да убиен будет, понеже бо убиение его пособие

нам велие будет и избавим бо ся от лукавства и хитрости его, еже всегда хитрит о нас. Малою бо скважнею пламень входит и потом разыдется и вся растлевает и погубляет, малый бо перст когда от змия ухаплен бывает, то вскоре отсечен бывает, да не все тело вскоре погубится. Яко же и сей нас хощет искусити злохитрием своим. || Глаголет бо ся, яко же бо кто достизает спа- *л. 179*
сения, той преже о себе не радит, аще и велия скорби ключится ему понести, вся бо терпит, дондеже желаемое получит. А иже бес труда хощет спасение приобрести, то никако же сего постигнет таковый. Тако и сей гавран убитый, искушая нас скорби на себе подъя лестию, яко же бо волк кожею овчею покрыт есть, а словеса и мысли его яко огнь суть поядают зело препростая сущая овца. Вижду бо его, яко огнь горящее древо испепеливает тем же образом и сей нас хощет низложити. Велика бо слову сила не разумеющим прелести». Другий же некто от первых советник царевых рече: «Не подобает того убити, писано бо есть, яко трость ||
сломленая с корене паки никогда сломляется вторицею, дондеже *л. 179 об.*
положим суд его на земли, паче же праведно есть миловати и щедрити его, зане таковыя пострада беды и заушения таковыя подъят, и подобает убо того хранити, еже бо питати враги своя велия есть похвала». И повеле убо царь с честию и говением пребывати у себе гаврану. Первый же советник он, иже убити того повелевыи, рече: «Понеже того ныне не убисте, но да будет крепце в сохранении блюдом и пребывает у нас яко враг[н] назираем. Аз бо его вем, яко сей гавран лют есть зело и льстив, и мнит ми ся, яко прельщения ради зде пришел есть к нам, яко же бо змия питающего ю погубляет, || тако и сей нас. Вопроси бо некто не- *л. 180*
коего от ведети могущих, чесо ради провиде бог неким падениям тем дарованьми и чюдесы украси. Он же рече, яко да и прочая духовная утвердит и самовластное покажет и безъответны падшая на суде сотворит. О царю, восхлащай и опасуй слух и очи, тем бо вся стрелы греховныя входят». И начат гавран исперва с выпли беседовати наедине и с ними любитися. Во един же убо от дний рече к ним гавран: «Слышах бо от древних мужь глаголющее, яко аще кто себе во огнь немилостивно ввержет, то скоро от бога милость приимет. Хощу бо и аз таковое сотворити и умолити бога скоро и милость, яко да преложится естество || мое на выпльское *л. 180 об.*
видение, яко да сотворю с вами брань вкупе на гавраны и воздам им таковая, яже они на мне содеяша немилостивно». Бяху же ту и той выпль, иже на убиение его советоваше, и рече ему: «Подобна суть сия твоя словеса питию, исполнену смертнаго яда. Аще бо не сожжем тебе огнем, то не можем естество твое преложити на выпльское». Пребысть же убо гавран с выпли немало время и смотряя начинания их вся, и отолсте и утучне, и возрастоша ему перия вся, яко же и преже бе. И некогда время получно обрет и убежа от них к прежним своим гавраном и рече: «Радуйся,

---

[н] *Испр.; в ркп.* врачь.

л. 181 о царю, се бо ти желание свое соверших, || уже бо все выплеве в некоем месте скрышася. Востанем убо ныне вся гавраны и поидем к выплем, вземше каждо нас сучия, елико можем понести, и положим на устиях язвины и огнь подложим, и крилы роздомем, яко быти пламени воздушну, и сим образом ови внутри вси дымом удавлени будут выплеве, овии же исходяще опалени будут». И сотвориша гавраны тако и до конца враги своя погубиша. И возвратися гавраном царь во своя си обители победоносец нарицая я́, и рече к гаврану оному: «Како терпел еси выплем беседования их неподобная?». Гавран же рече: «Мудроумный бо мужь, аще в беды впадает, то покаряется и худым, донде же со-
л. 181 об. вершит желанное свое». || Царь же рече: «Скажи ми, разум выплев каков есть?». Гавран же рече: «Не видех ни единого выпля разумна, точию рекша на мое убиение советовавшаго. Прочии же беяху далече от премудрости. Подобает убо царем тайны своя соблюдати и не оставити чюждая некоего к писанием его приникнути или к воде, из нея же хощет мытися, или к постели, или ко одежи, или ко оружию и ко ястию и питию. Несть бо мощно[о] кому никогда з гордостию враги своя победити, малую убо победу составляет, горделивый же советники своя творит безумныя, неудобне когда от погибели таковыи спасается. Аз же смирихся и покорихся врагом, яко да получю такое исправление, яко же змий, подложивыйся жабе». ||

л. 182

Притча о змеи, подложившимся жабам[п] и яко немощи ради телесней подобает скорби терпети, нежели гладом таяти

Глаголет бо ся, яко змий некий заматорев состаревся и не возможе ничто же ловити на пищу, и недоумеяшеся в себе, и поползав, и доиде блата некоего исполнена жаб, иде же первие ловяше, и показася уныл и скорбен зело и себе тамо близ простре. Жаба же некая рече к нему: «Почто скорбиши, о змию?». Он же рече: «И как да не скорбя буду? Преже бо от сего блата пищу си взимах,[р] ныне же проклят мя некто отступник, не могу ловити, уже бо хощу, да буду яко конь яздялный царю вашему». И се слы-
л. 182 об. шав жабам царь и прият его, яздяше на нем || и даваше на нем пищу на всяк день по две жабы. Тако и аз таковые работы ради скорбно время зле пострадах.

Притча о пифице и о желве и подруги ея, яко и любящии сластолюбие в беды впадают и дружася со льстивыми погибают напрасно

Глаголет бо ся, яко пифицы нецыи царя у себе имуще, состаревшася зело и заматоревша многими леты и старости его ради

[о] *Испр.; в ркп.* мошно. [п] *В ркп. первоначально было* змии, *потом зачеркнуто и испр.* [р] *В ркп. далее ошибочно повторено* ныне же взимах.

изгнаша от царьския власти. Он же всяким недоумением одержим быв прииде к некоей смоковнице, стоящей при брезе морстем и пребывающе у нея, и ядяше от плода ея. || Во един же от дний л. 183
ядущу ему смокви и паде из руки его едина смоква и ю же приимши дивия желва и изъяде, и удивися желва, питающися смоквами. Онем же пифик посмеяся, и оттуду не престаяше желва питающися смоквами. Она же сладку пищу обретши и дом свой забы, и сего ради подруг ея малодушествоваше зело и искаше притчю, како бы пифика погубил и подруга своего возмет. И единою убо отшедши желва в дом свой и скорбна друга своего обретши, и рече к нему: «Почто вижу тя скорбна и дряхла и болна суща?». Он же рече: «В болезнь люту впал есмь и несть ми исцеления обрести, аще не получю сердце пификово». Она же недоумеяшеся о сей || речи и помышляше в себе, яко ино сердце не имам обрести, л. 183 об.
точию гостя своего. И еже и преступление быти разумевши, дивяшеся помышленми и недоумеяшеся, что сотворити. И пришед к пифику пригласи его. Он же вопроси ея о коснении. Желва же отвеща: «Ни о чесом же укоснех, точию зане срамляюся тебе и не имам достойна воздаяния о благодеянии твоем воздати тебе». Пифик же рече: «Не помышляй таковая, несть бо аз таков, еже от своих любовных искати воздаяние, паче же ты ми благодетелница была еси, таковыми бедами одержима изгнана сущи утешающи мя». Желва же рече: «Хочю еще утвердити любовь посреди нас сущи, утвержают бо ся треми || вещьми, сиречь еже л. 184
в дом в дружнии вхождение и сродником зрением и посещение, иже вкупе пребывание». Пифик же рече: «Тако составляется любы, о друшко, иже в слабости жития своего живущии». Желва же рече: «Истинну рекл еси, достоит бо другом совершенную любовь и сердечную от своих другов искати, а иже за некия ради житейских потреб любовь составляти на нетвердом основании зиждем, понеже бо не подобает от любовных ино ничто искати, точию сердца проста и веры правы и истинны. Телец же, аще и без млека матерь свою ссет прогневается, яко прогнану быти от нея. Аз же хощу, яко да приидеши в дом мой, живу же аз во острове травоноснем, яко тмами исполнено благих плодов, их же око человека нерадива || плотно по Павлу: ни ухо лениваго не слыша, ни на л. 184 об.
сердце человеку унылу не взыде, яже уготова бог любящим его. И славу мою узриши по писанному: внидите, друзи, в радость господа своего. Аз бо на рамо свое вземши, отнесу тя». И верова пифик взыде на желву и ношашеся по пучине морстей от нея. И яко быша посреди пучины и тако косно плаваше, ста помышляющи, како погубити пифика. Видев же пифик коснение желвино и уразуме лесть, и глаголаше в себе: «Еда на мя нечто зло умысли желва». И тако рече: «Вижу тя, о друшко желва, в попечении в размышлении и боюся тебе о том, и повеждь ми, любезная, что убо есть попечение твое и косное плавание, како не повеси ми такову другу верну ти сущу, вопрошаю || тя убо о сем, л. 185

да повеси ми истинну». Желва же отвещав, рече: «Печаль ми есть велика зело, яко дошед в дом мой и не обрящеши вся достойная, яко же хощу аз, на одре бо лежит подруг мой». Пифик же рече: «Не пецыся о сем, ничто же бо ползует печаль, но пецыся паки о врачебных былиях». Желва же рече: «Глаголют врачебстии отроцы, яко пификово сердце может исцелити болезнь его». И се слышав пифик свою погибель и в себе рыдаше, глаголя: «Оле моего безумия, яко несмь сего узнал паче стару ми сущу, в таковых злых мене вложи и преблазни сия желва, иже бо в малых теснотах и в скудости пребывания беспечално житие живет, желая же чести не без скорби бывает». Та же и
л. 185 об. к желве рече: ‖ «Вскую, о любимая, не сказа ми таковое слово преже, даже не изыдох из дому моего, яко да и сердце свое с собою взял бых. Закон бо есть нам сицев: да еда к любовному идет, то сердце свое дома оставляет для тоя ради вины, дабы нечто лукаво у друга седящи не помыслити». И сия слышавши желва вспять возвратися и пловяше радующися и донесе пифика на брег. Он же на сушу наступив тощно и на смоковницу взыде, желва же доле стоя и вопияше: «Сниди скоро, друже, яко да поидем». Пифик же отвещав и рече: «Аще сниду, до конца сердце свое не приобрящу».

Притча о человеце и о жене его и яко не подо-
л. 186 бает впредь ничто же мыслити, ‖ яко мыслящии напредь напрасно впадают в злополучение

Глаголет бо ся, яко мужь некий вкупе с своею женою наедине живяше, кроме людей. И в некий день рече к ней: «Жено, благонадежен есмь, яко мужеский пол отроча родится нам и со усердием поработает нам, егда возрастет, и смотри каково имя наречем ему». Она же рече: «Престани, мужу, блядети, подобен бо еси оному мужу, пролиявшему мед и масло.

Глаголет бо ся, яко мужь некий от убогих имеяше у себе в неких сосудех мед и масло, иде же бе в ложищи своем. И во едину убо от нощей помышляя в себе и глагола: „Хощу масло сие и мед
л. 186 об. продати на пенязи и тем куплю си десять коз и ‖ тии родят ми толико же козлищ за пять месяц, и пятьми леты составлю их осмерицею пятдесят. И яко тии у мене умножатся, и продам я́ и куплю пять волов крат пятерицею пятьсот, и сими посею нивы, и от того плода житнаго и от прочих плодов пребогат буду велми и домы си воздвигну четверокровны и трикровны и златоверхи и рабы раличные искуплю, и жене припрягуся, и родит ми отрока и нареку имя ему Пангел, сиречь все добре, и накажу его всему, яко же подобает ми. Аще ли нерадяща его вижду и сим жезлом бью его сице“. И взем прилежащии ему жезл и внезапу удари им по сосудо в них же бе мед и масло, и разби их напрасно и про-
л. 187 лияся мед и масло по браде его». ‖ Та же роди отрока жена его,

и по неких днех рече жена к мужу своему: «Приседи мало́ зде́ у отрока сего, дондеже шедше возвращуся». И отъиде жена его. И позван же бысть от властелина мужь ея и поиде и остави детище едино. И приключися абие пресмыкатися змии на детища, и видевши жена брата его невестка змию, и скочивше и зубы иссяче змию и уби ю и рукама своима растерза ю и окровавися змииною кровию. Пришед же паки мужь он и видев невестку окровавлену змииною кровию и мняше, яко отроча се его убила есть и не стерпе дондеже видит отроча, и удари сию по главе немилостивно и умре от того. Вшед же во храмину и обрете отрока цела и змия содроблена, и зело раскаяся плакася горко. ||

Притча о утробе человечи и о удех и яко богатых имение нищим на пользу есть — л. 187 об.

Человек бо некий рече притчю сию сице. Некогда прилучися совокупистася утроба со всеми уды телесными и досаждаху чреву и глаголаша очима: «Сотворим руце и нозе ходити и делати». Язык же и устне реша: «Елико мыслит сердце мы провещеваем сия». Уши же реша: «Елико беседуют человецы нами все слышим, услышав же ум и внимает вся». Руце же реша: «Нами делает человек пищу свою». Нози же реша: «Мы трудимся, носим все тело на себе, всем удом гиблющимся. Ты же, чрево, ничто же делаешь и несть ползы от тебе никоея ни во единой вещи, но работаем || вся тебе, яко же госпоже своей царицы». Отвеща же чрево ко всем удом и рече: «Елико глаголете истинну, рекосте и аще годе вам есть не служите ми и не питайте мене». Удове же уставиша чрево оставити и не питати е́. И сице не дающим удом чреву ясти и изнемогоша руце и нозе и вси удове и ослабеша весма и быша безделни и недвижими. И тогда уведавше удове, яко еже снедает чрево, всем им есть на ползу и на крепость. И от сея повести уведавше вси людие, яко имение богатых на ползу нищим суть, аще бо множится имение богатых, не озлобляются нищии гладом, и аще бо богатии не имеют ничто же у себе, то во время нужда не могут нищим по||мощи сотворити и хотят вси погибнути гладом и жаждею.

л. 188

л. 188 об.

Н. С. Демкова, Л. В. Ярошенко

МАЛОИЗВЕСТНОЕ СТАРООБРЯДЧЕСКОЕ СОЧИНЕНИЕ СЕРЕДИНЫ XVIII в. «ИСТОРИЯ ПОСТРАДАВШИХ ОТЕЦ ФИЛИППА И ТЕРЕНТИЯ»

Во время работы археографической экспедиции Ленинградского университета на Пинеге в июле 1969 г. нами была найдена небольшая тетрадь весьма посредственной сохранности без переплета, писанная плохим полууставом XIX в., который на Пинеге называют «домашним письмом». Тетрадь была найдена в классических для практической археографии условиях — на повети нежилого старинного дома в дер. Шотова Гора (под Карпогорами), в груде мусора и вещей, уже отживших свой век, среди корзин, медных колокольчиков, подсвечников, веретен, старой обуви. Владелица дома А. А. Щепоткина любезно разрешила нам взять эту рукопись «для науки», как и две других, уже совсем размокших от многолетней сырости, убедившись в их очевидной бесполезности для домашнего хозяйства.

Содержанием тетради А. А. Щепоткиной оказалась «История пострадавших отец Филиппа и Терентия» [1] — редкое старообрядческое сочинение, принадлежащее перу одного из последователей известного выговского старца Филиппа, который отказался молиться за царя, основал особое филипповское согласие в старообрядчестве и кончил жизнь самосожжением 14 октября 1742 г.

«История» посвящена рассказу о возникновении разногласий между старцем Филиппом и руководителями Выга, о преследованиях Филиппа и «злодействе» выговцев; она описывает, наконец, и самую «огненную» смерть Филиппа в часовне, окруженной со всех сторон «монастырскими» и командой солдат, которых выговцы, по рассказу автора, привели с собой из Олонца. Живость описаний, публицистичность замысла, связь текста с устной речевой стихией, наконец, малое количество сохранившихся источни-

[1] Рукопись хранится в Отделе рукописей ИРЛИ АН СССР, Пинежское собр., № 414. Рукопись представляет собой отдельную тетрадь третьей четверти XIX в., в 8°, состоящую из 12 лл. «История» занимает лл. 2—8 об.; лл. 9—10 чистые, на л. 10 об. хозяйственная запись 1867 г. На лл. 11—12 читается окончание «Истории» (с повторением части текста); по-видимому, это остатки текста, послужившего черновиком для лл. 7 об.—8 об. Бумага тетради двух сортов: лл. 1—4 и лл. 11—12 — старая бумага, на которой начали писать рукопись, лл. 5—10 об. — новая бумага с текстом, заменившим предшествующий (см. ниже издание текста).

ков — исторических и литературных — о начале филипповского согласия и событиях 1742 г. на Выге делают это сочинение весьма интересным памятником старообрядческой литературы середины XVIII в., противостоящим идеологической и литературной позиции Выга.

Текст этой «Истории» мало известен (указание на него отсутствует в работе В. Г. Дружинина «Писания русских старообрядцев»), но, как оказывается, он уже был издан в 1884 г. в журнале «Братское слово» по другому, также пинежскому списку из Веркольского монастыря.[2]

Фактической основой повествования являются действительные события выговской истории. Выговская обитель в конце 30-х—начале 40-х годов XVIII в. переживала трудное время. В результате доноса, что выговцы не молятся за царя и являются «супротивниками» его власти, началось многолетнее (с 1737 по 1744 г.) расследование деятельности Выговской общины особой правительственной комиссией. Желая спасти общину, выговский собор принимает молитву за царя: «И по совету общему написали по нынешнему обыкновению тропарь „Спаси, господи, люди твоя“, как ныне говорят, — рассказывает современник, — и положили в часовню в часословы для приезду и осмотру в монастыри и по скитам на бору, и инде, чтоб помнить, как говорити. . .».[3] «Но принятие молитвы за царя стоило им отпадения некоторой части своих единоверцев, которые признали молитву за неправоверного царя противоречащей уставу и которые под руководством инока Филиппа в 1737 г. отделились от них и ушли вместе с ним. . . поселились на р. Умбе и основали там топозерские скиты».[4]

---

[2] Братское слово, М., 1884, № 10, стр. 534—539. При издании текста в журнале сообщалось следующее: «Печатаемая история о Филиппе заимствована из одного раскольнического сборника, ныне принадлежащего библиотеке Веркольского монастыря; список ее мы получили от о<тца> И. Легатова». Веркольский список весьма близок по тексту к списку, найденному нами на Пинеге, но здесь иногда используется правильная, «книжная» речь (вместо «стал хвостать лестовкой» читаем «стал бить»), есть пояснения («Жил в ригачи, то есть в овине»), правильно передаются имена выговских деятелей. Здесь много перестановок, есть пропуски. Вопрос о первоначальности текста пока не может быть решен. Местонахождение веркольского списка неизвестно. По-видимому, факты, описанные в «Истории», были знакомы М. М. Пришвину: рассказывая о возникновении филипповского согласия («третий толк — филипповцев — возник в то время, когда выговцы под давлением правительства принуждены были признать молитву за царя»), он использует деталь, сообщаемую «Историей» («Филипп. . . бросил кадило и вышел из часовни»); см.: М. Пришвин. Скрытники. В кн.: М. Пришвин. Очерки, т. II. СПб., 1913, стр. 279.

[3] Цитирую по кн.: П. Г. Любомиров. Выговское общежительство. М.—Саратов, 1924, стр. 60.

[4] В. Г. Дружинин. Очерк старообрядческой колонизации Севера. В кн.: Очерки по истории колонизации Севера, вып. I. Пгр., 1922, стр. 176.

Выговские «большаки» предпринимали много усилий, чтобы вернуть Филиппа и его последователей в лоно общины. Известно специальное «слово» Семена Денисова, отправленное на Умбу: «Велие и горчайшее есть зло и не оплаканное душевредство единыя церкве чадом... на части разделятися».[5] Но все это было напрасным.

Выговские историки склонны были объяснять это разделение «личным столкновением честолюбивого Филиппа с избранным в киновиархи Семеном Денисовым».[6] Однако причины раскола были гораздо глубже. Уход Филиппа из общины выражал глубокое принципиальное неприятие политики выговских «отцов», их тактики приспособления «к миру» и его законам, тактики компромисса. Современный историк старообрядчества так определяет социальную базу этих противоречий: «Поморщина превратилась в умеренное беспоповское направление, отражавшее интересы купцов и промышленников Севера»; «для крестьянской части поморщины примирение выговцев с „миром" было не чем иным, как поклонением „зверю" (т. е. антихристу). Крестьяне обвинили выговцев в том, что они „зверевы указы паче Евангелия облобызали, помалу начали в миру проживати и свое благочестие забывати; домы и фабрики созидали, а христиан, яко разбойников, суду предавали". Отколовшаяся от поморцев часть беспоповцев образовала филипповский толк, соответствующий интересам прежде всего патриархальной прослойки крестьянства (преимущественно черносошного крестьянства Севера), мало связанного с рынком и ведущего натуральное хозяйство».[7] Выговские источники отмечают популярность учения Филиппа среди «нищих» и «бездомовных» людей («и не по многом времени начаша собиратися к нему самыи нищие, бездомовные, крыющиеся от начальства»).[8]

Результаты острых противоречий Филиппа с Выгом не замедлили сказаться на судьбе ревнителя принципа. Розыск «незаписанных» раскольников, уклоняющихся от податей, который шел с «жестоким пристрастием», привел расследователей в скиты на р. Умбу. Не желая попасть в руки солдат, пришедших за ними, Филипп и вся «братия», числом около 70, сожгли себя в часовне.

«История пострадавших отец Филиппа и Терентия» написана ревностным почитателем Филиппа и по существу представляет собой тяжелое обвинение Выгу и его «большакам» в «злодей-

---

[5] Списки «слова» указаны в кн.: В. Г. Дружинин. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912, стр. 138—139.

[6] П. Г. Любомиров. Выговское общежительство, стр. 94.

[7] В. Ф. Миловидов. Старообрядчество в прошлом и настоящем. М., 1969, стр. 25, 27.

[8] См. «Известие о Филиппе старце»: БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 526 (557), л. 251.

стве» и даже в смерти «святого старца». В «Истории» настойчиво повторяется мысль о причастности выговцев к гибели Филиппа. Преследования Филиппа, по словам автора «Истории», начались вскоре после того, как он отказался молиться за царя; сам киновиарх Семен Денисов бил «святолепнаго старца» по щекам, заковал «в железа», из которых Филиппа освободил только внезапно появившийся доброжелатель — новгородский купец Мошников. После ухода Филиппа из обители и роста его популярности среди жителей «суземка» «монастырские» пытаются выманить его из скита («ово ласканием, ово страхом») «да посадить», причем некоторые из них откровенно заявляют о необходимости «заморить» Филиппа, «чтобы имя его не поминалось и не обличал бы». Когда же выманить Филиппа не удалось, они направились к нему сами, взяв в Олонце «каманду», а в Шуньге понятых «не волею»; шли они в скит к Филиппу с твердым намерением сжечь его: «Тогда Мануйло Петрович стал своим единомысленникам говорить: „Если что старец станет давать денег — сто рублей или триста, — отнюдь не берите, но токмо сожгите его“». Злодейские умыслы Мануила Петрова вполне раскрываются и в следующей сцене, которая воспринимается как сцена подготовки расправы над старцем Филиппом: «Пришли в Надежин скит ночью, възяли огня и смолья, и пошли нощию. И не дошедше до отца Филиппа за поприще, и приказал Мануил Петрович[9] всем нарубить колья для уразин: „Кто на дороги попадет или побежит, то бейте до смерти, не упущайте времени“». Хотя эти слова и действия «монастырских» и так не оставляют сомнения в их дальнейших намерениях, автор ставит последние точки над «и»: перебежчик из лагеря преследователей, некто Василий, сочувствующий Филиппу, «возвещает» ему, «горько заплакав»: «идут к тобе и совсем окончать тобя».

Тенденциозность описаний «Истории» так велика, что не вполне ясными остаются самые обстоятельства смерти Филиппа. Из глухого сообщения «Истории» («В то время скоро запустили огня под цесовню. . .») можно понять, что огонь «запустили» снаружи солдаты; такое восприятие тем более вероятно, что «посланной афицер» прямо об этом говорит: «Сожгли старца святаго. . .».

Тенденциозность «Истории» становится еще более очевидной, если сравнить ее с выговской версией рассказа о гибели старца Филиппа. Выговская версия рассказа о событиях 1742 г. известна нам по пяти спискам XIX в., где она имеет следующие заглавия: «Известие о Филиппе старце, от котораго и согласие

---

[9] Имя Мануила Петрова упоминается в этой ситуации только в данном списке, в веркольском — имени нет, читается безличное: «приказали». (Прим. наше, — *Н. Д.*, *Л. Я.*).

Филипово имянуется» или «Повесть о отце и старце Филиппе».[10] «Известие» рассказывает о следующих обстоятельствах дела. «А Каммисия не записных в староверство и протчих, укрывающихся от начальства, не толико что по указу и по данной инструкцыи от Синоду исполняше, но и свыше указу и инструкцыи поступаше, всяким коварством, всякаго попа и церковника, и мужика и женщин с великим испытанием в допросах не единократно держаще и с пристрастием пытаху, где, кто их прихода или семейства живяше, и вязахуся для своей корысти за всякое слово и дело, и таковым злодейством своим не токмо что монастырю или скитским обывателем, но и Шунским и протчих волостей християном многия и несказанныя беды нанесоша. Того ради некто из шунжан по научению дияволю подаде на писме находящемуся в Каммисии подъячему, что скитской староста целой скит людей, человек до ста утаил, в подушной двойной платеж не записал, и просил оной подъячей у старосты на выкуп сея скаски денег пять рублей. Староста же отрекся, что у нас утаенных несть ни единаго человека, сам же послал известие к старцу Филиппу, по прилучившеся его согласия человеке, что они обнесены в Коммисию, чтоб послал пять рублей денег выкупить скаску, и как-нибудь не можем ли сие дело молчанию предати.

И они денег не послали, и подъячей объявил сию скаску в Коммисию. И егда иермонах Игнатий сие узнавши, призвал к себе скитскаго старосту и выборных жесточайшими словесы и с ругательством несказанным нача спрашивати про старца Филиппа. Они же всячески отрицалися, что не имеется в нашем ведомстве таковых людей, и мы его не знаем, и никогда тамо не бывали. Иермонах же, не смотря ни на каковыя их отговорки, в скорейшем времени учинил определение и указ написал, и посылку нарядил, порутчика и капрала, и четырех салдат, и понятых ис Шунги десять человек, да дьячка въместо подъячего, и старосте скитскому приказал дать понятых десять человек и вожу. И тако с жесточайшим приказанием отпусти их, чтоб как можно, поимавши всех, привести в Каммисию. И егда сии началники и салдаты с понятыми дошедше Филиппа старца жилища, тогда по приказанию порутчика и капрала вдруг свирепым образом нападше, начаша сещи врата и окна, кричаще во весь голос: „Отпирайте ворота, мы к вам в гости пришли!“. И егда сие услышавше в затворе бывшии, един из них сотвори молитву Исусову трижды, благословения прося зажещи, и к третией молитве

[10] См. рукописи: БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 526 (557), лл. 237—260 об.; ГПБ, Q. I. 1086, лл. 92—110 (рукопись из скита на Топ-озере); ГБЛ, собр. Н. С. Тихонравова (ф. 299), № 299, лл. 108—129; Гос. Публичная научно-техническая библиотека СО АН СССР, собр. М. Н. Тихомирова, № 315, лл. 1—22 об.; ГБЛ, собр. Е. В. Барсова (ф. 17), № 239, лл. 1—24.

отдан бысть аминь, и рече: „Бог благословит“. И тако в мгновении она, едва не вся храмина огнем воспалися, бе бо ветха, и внутри и на потолоке разжоги премножество припасено было. И тако отец Филипп скончася и иже с ним числом всех мужеска и женска полу до седмидесяти человек или до седмидесяти дву, в лето 7251, октября 14».[11]

Как видим, «Известие» сообщает целый ряд новых, по сравнению с «Историей», данных, весьма ценных для воссоздания действительной картины: о доносе, написанном с целью выманить деньги у старообрядцев, об отказе Филиппа «откупиться», о реакции властей на донос и др. Подробно описывает выговский автор самосожжение Филиппа и «братии», заранее приготовивших для себя много «разжоги». «Известие» также не лишено тенденциозности в изложении событий: наряду с сообщением многих подробностей оно избегает упоминать имена каких-либо выговских деятелей, сопровождавших воинскую команду в скит Филиппа, дипломатично умалчивает о роли Мануила Петрова, и т. д.

Сопоставление данных обоих текстов — «Истории» и «Известия» создает очень яркую картину острой борьбы внутри Выговской общины. Оба памятника одновременно являются и конкретным выражением этой борьбы, ибо и тот и другой представляют взволнованный отклик на события конца 30—40-х годов. В тексте «Истории» нет точных указаний на время ее создания, но самый тон и подробности повествования, тенденциозность автора в описании отдельных сцен, воссоздание реплик и разговоров героев, искренность, отсутствие холодной риторики свидетельствуют о том, что «История» была написана довольно скоро после событий 1742 г. Однако автор ее уже знает о гибели старца Терентия, ближайшего последователя Филиппа, сгоревшего в 1747 г.,[12] так как заглавие повести упоминает о «страдании» Терентия («История пострадавших отец Филиппа и Терентия»), хотя в самом тексте рассказ о Терентии отсутствует (он упоминается лишь один раз при описании начала гонений на старца Филиппа).

Выговское «Известие о Филиппе старце» в рукописях не имеет имени автора. В известном тексте «Истории Выговской пустыни» Ивана Филиппова эти события не описаны.[13] Однако по стилю и характеру изложения (особенно в основной,

---

[11] БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 526 (557), лл. 253 об.—255 об.

[12] Выговский летописец сообщал: «1747 года. По клеветы Ивана Баталионскаго спрашивали указом в Синод стариков и Терентия старца на Умбы, он же с собранием огнем скончася» (Старопоморский летописец. Краткое летосчисление настоящего века Выгорецкаго общежительства. М., 1913, л. 4).

[13] Иван Филиппов. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862.

повествовательной части) «Известие» напоминает «Историю Выговской пустыни» Филиппова. Несомненно также, что существует связь — тематическая и отчасти стилистическая — между «Известием» и той «Повестью о самосожжении в Мезенском уезде в 1743—1744 гг.», которую опубликовал В. И. Малышев, высказавший предположение о принадлежности ее Ивану Филиппову.[14]

Указание на то, что в «Истории Выговской пустыни» был рассказ о старце Филиппе, мы находим в сочинении новейшего старообрядческого историка М. И. Залесского: «Выговская старообрядческая пустынь и самодержавие. Исторические очерки. 1700—1900 гг.». Описывая самосожжение 1742 г. с подробностями, совпадающими с нашим «Известием», М. И. Залесский указывает свой источник — «Историю» Ивана Филиппова.[15] Действительно, в позднем старообрядческом издании (Саратов, 1913), воспроизводящем «Историю Выговской пустыни» по поморской рукописи XVIII в., есть подробный рассказ о старце Филиппе и этой гари («Глава 115. О отце старце Филиппе, с прочими за благочестие скончавшимися огнем от создания мира 7151 году, во октябре месяце», лл. 167—173 об.). Кроме того, нам удалось обнаружить такой текст «Истории» (в поморской рукописи первой четверти XIX в. — ГБЛ, ф. 310 (собр. Ундольского), № 1130), где имеется и этот рассказ о Филиппе (лл. 642 об. — 652 об.), и «Повесть о самосожжении в Мезенском уезде 1743—1744 гг.» (лл. 690—702), которую В. И. Малышев определил как весьма близкую сочинениям Ивана Филиппова.[16]

Текст главы из этой «Истории Выговской пустыни» не идентичен «Известию», он много подробнее его, несравненно более терпим в отношении к Филиппу, и, по-видимому, именно он явился источником «Известия».[17]

---

[14] В. И. Малышев. Повесть о самосожжении в Мезенском уезде в 1743—1744 гг. В кн.: В. И. Малышев. Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960, стр. 168—191.

[15] Рукопись БАН, Каргопольское собр., № 91, 1966 г., лл. 26—29.

[16] Нам известен еще один список такой «полной» «Истории Выговской пустыни» — ГПБ, Q. I. 1063, конца XVIII—начала XIX в. («История» Филиппа занимает здесь лл. 454—463); по-видимому, можно найти и другие списки. Эти материалы показывают совершенно насущную необходимость археографического и текстологического исследования «Истории», которую до сих пор мы знаем по случайным спискам.

[17] Атрибутировать «Известие» в настоящее время можно лишь предположительно. В одной из рукописей «Известия», найденных нами в самое последнее время, есть такая помета: «В рукописи Щапова в конце этой статьи рукой писца прибавлено: „из многих наречий и обстоятельств замечательно, что сию Историю написал Тимофей Андреев, Лексинского монастыря начальник, поморский писатель и не малый историк, за что много обязано староверство благодарить навсегда"» (ГБЛ, ф. 17 (собр. Барсова), № 239, л. 24—24 об.). Действительно, в указателе В. Г. Дружинина упоминается

Много общего есть в этом рассказе из «Истории Выговской пустыни» и с «Историей» о старце Филиппе. В рукописной «Истории Выговской пустыни» проводник «каманды» по имени Василий «поколотился у окна»; в «Истории» о старце Филиппе посланный командой «Василей» «пришол ко отцу Филиппу ночью под окно, молитву сотворил, поколотился у старца Филиппа». Оказывается, что наставления Мануила Петрова нарубить кольев «для уразин» и «бить до смерти» в «Истории» о старце Филиппе полностью соотносятся с инструкциями «порутчика» «каманде» в «Истории Выговской пустыни»: «И пришед близ жилища отца Филиппа, остановилися, и порутчик приказал понятым всякому высечь дубину сырую березовую, понеже оружия малое число: одна фузея да три бердыша и два копьишка. И начальники — порутчик и капрал — еще укрепляху своих салдат и понятых, чтоб не ослабно притти, и кого можно, чтоб живых захватывать... не дать воли разбежатися и горети... Аще ли станут противитися — бить дубьем и на смерть колоть и стрелять».[18]

Текст «Истории» о старце Филиппе в одном случае даже не понятен без подробностей «Истории Выговской пустыни»: наказ Мануила Петрова своим «единомысленникам» не брать у Филиппа деньги в повести никак не мотивирован, в «Истории» же Выговской пустыни (и в «Известии») сообщается о деньгах, которыми Филипп должен откупиться, чтобы остановить розыск укрывающихся в скитах раскольников. Кажется, что сочинение неизвестного последователя старца Филиппа полемически направлено против рассказа в «Истории Выговской пустыни», постоянно имеет его в виду, ему возражает. Дальнейшее окончательное изучение взаимоотношения всех трех текстов и сопоставление их с официальными документами о «гари» 1742 г. сможет уточнить их связь и время создания «Истории» о Филиппе.

Полемическое задание во многом определило особенности повествовательной манеры автора «Истории» о Филиппе. Он претендует на достоверность сообщаемых им известий, отсюда стремление к документальности повествования; он точно фиксирует даты и временную протяженность событий. Так, повесть отмечает датой («7231 лето», т. е. 1732 г.) начало великой «распри» Филиппа с выговскими «большаками»;[19] тропарь «за

сочинение Тимофея Андреева «История о начальнике или основателе Филипповской церкви монахе Филиппе и его расколе с Поморскою церковию» (В. Г. Дружинин. Писания русских старообрядцев, стр. 52, № 14) без указания на рукописи его, со ссылкой только на каталог Павла Любопытного (№ 576). Сохранился еще один текст, направленный против филипповцев и также связанный с именем Т. Андреева, — это его автограф «Видения Димитрия, Выговъския обители стража» (там же, стр. 163).

[18] ГБЛ, ф. 310, № 1130, л. 645—645 об.

[19] Вопрос о допустимости молитвы за царя неоднократно обсуждался в Выговском общежительстве; известно сочинение Андрея Денисова 1722 г.

царя» в обители, как сообщается здесь, стали говорить «с Богослова осеннаго», но смута продолжалась до праздника воздвижения, когда «запели „Спаси, господи“ прямо за благочестивого царя». Взбунтовавшийся против решения «большаков» Филипп («Тогда старец Филип, святый благолепный муж, бросил кадило о пол, сам закричал, что пала вера християнская, и сам побежал ис часовни вон, едва его настигли на крилцы и затащили в келью») «сидел в железах три дни», а бежав из обители, «жил год в риги». Один из его обидчиков, Филипп Курпанов, который бил отца Филиппа, после этого «год не ставал с постели», и т. д.

В повести называются имена участников событий, по большей части хорошо известные в истории Выга: «старица-большуха» Марина (Марина Прокопьевна по веркольскому списку),[20] Семен Денисов, Мануил Петров, Захар Нефедьев[21] (так в веркольском списке, в списке же ИРЛИ ошибочно «Нефеев»), Филипп Курпанов, купец Мошников из Новгорода, некто Василий, сочувствующий Филиппу. Со знанием дела автор использует в повести топонимику Выга и его окрестностей («Надеждин скит», «Сергиев скит», «Шуньга»), указывает точные расстояния («за поприще» не дошли до скита Филиппа), и т. д. Ту же атмосферу документальности и историзма повествования создают реплики и разговоры действующих лиц, воспроизводимые автором как знатоком происшедших событий. «История», таким образом, несомненно тяготеет к жанру исторических записок.

Но «записка» эта весьма «неухищренная». Ей присущи отрывочность повествования и даже несвязность, что, по-видимому, не связано с порчей текста (см., например, диалог Филиппа и Терентия). Простота описания иногда доходит в ней до примитивизма: «Когда на крыласе стала старица говорить тропарь

о возможности именовать «государя-императора» «благочестивым»; оно снова переписывается и, видимо, обсуждается в сентябре 1742 г. (см.: БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 118 (149), лл. 86—92); специальные соборные постановления были приняты на Выге в 1731 г. (о молитве за Петра II) и в 1737 г. (о молитве за Анну Иоанновну).

[20] В «Известии» также упоминается факт столкновения Филиппа со старицей, но имя ее не называется: собор 1737 г. обвиняет Филиппа в том, что он «старицу не попустил замолитвовать» (лл. 246 об.—247). «Старица Марина» подробно характеризуется в «Истории» Ивана Филиппова: она «еще в первых летех прииде с великою верою и ревностию и усердием» на Выг, «лет близ тридцати во обители труждалася», «чины монастырские вельми храняше» (см.: Иван Филиппов. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862, стр. 359). Возможно, что она была автором одного из плачей на смерть Андрея Денисова: в собрании В. Г. Дружинина был «стих печальный», в заглавии которого было помечено: «поет постница Марина в печали» (В. Г. Дружинин. Писания русских старообрядцев, стр. 131, № 202); современный шифр рукописи этого стиха нам неизвестен.

[21] Под соборным выговским постановлением 1737 г. есть подпись Захара Мефодьева (БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 526 (557), л. 248).

прямо за благочестиваго, тогда отец наш благочестивый муж Филипп не даде ей говорить такаваго тропаря. Тогда старица-болшуха, имя ей Марина, перво зачела говорить с Богослова осеннаго. Тогда отец Филип не дал говорить ... стал хвостать лестовкой. Тогда большуха закричала: „Не твое дело, калугер, что нам даже болшаки велели говорить, но токмо не говорили...“».

Рафинированную литературу Выга иногда рассматривают как создание «мужицкой школы писателей».[22] С несравнимо большим основанием это определение следует применить к изучаемой повести, напоминающей иногда крестьянские письма.

В этой «неухищренности», непритязательности, необработанности повествования есть, однако, и своя прелесть — сохраняющийся яркий речевой колорит, ритм и интонация разговорной речи (ср., например, крик старух, услышавших стук топоров: «Батушко, батюшко, уже попадают в часовню!»; или, например, такой текст: «И которой бил отца Филипа тут же, имя ему Филип Курпанов, и он же вскоре поехал с Лексы; как он скоро за ворота выехал, так его лошать с себя шибла и волокла его даже что чуть не до Сергиева скита, но токмо еле жива оставила: рот ему своротило, и придрало всего, и приломало, и после того год не ставал с постели, кто поворотит, то и поворотится...»).

«История» находится на стыке устного рассказа и письменной литературы, поэтому и возможны были такие переделки в ее тексте, что возникали новые, как бы различно рассказанные варианты ее окончания (ср. печатаемый ниже текст на лл. 8 об. и 11—12). Связь «Истории» с устной речевой стихией проявляется и в том, что в тексте ее как бы случайно возникают фольклорные рифмы: «И стала к нему братия збиратися, един по-единому умножатися», «Чадо Симионе, дерзаеши, яко Христа распинаеши», «То скоро Мошников на Семена закричал: „За что светолепного старца сковал“», и т. д.

Однако автор «Истории» знаком и с книжной традицией: он описывает страдания, «страсть» «святого благолепного старца» Филиппа, и поэтому в его сочинении ощущается житийный колорит.

Агиографический план изображения влечет за собой устойчивые образы и ассоциации, этикетные ситуации и формулы. Избиение Филиппа Семеном Денисовым вызывает воспоминание о распятии Христа (старец даже «руки простер» картинно, чтобы усилить это сходство); обидчики старца — некто Филипп Курпанов и Захар Нефедьев — гибнут после нанесения ему обиды, причем гибнут неблагостной смертью; голос старца Филиппа уподоблен автором грому («яко гром грянул»); «братия», собрав-

[22] См.: П. Г. Любомиров. Выговское общежительство. М.—Саратов, 1924, стр. 77.

шаяся вокруг старца Филиппа, едина в своих помыслах и поэтому всегда говорит «едиными усты»; некий Василий, передающий весть Филиппу, сравнивается с «орлом высокопарным». Поучение, с которым обращается Филипп перед смертью к «братиям и сестрам», запертым с ним в часовне, уснащено ссылками на Евангелие, «слова» Ефрема Сирина и Ипполита, папы Римского. И тем больший контраст возникает в описании между медлительным и торжественным поучением «от божественного писания» и действиями пришедших в скит: «в то время напали, яко разбойники», «зачели часовню рубить в шесть топоров». Смерть старца Филиппа сопровождается «чудесными» знаками: «посланной афицер» увидел, «что отец Филипп стоит во пламени под окном невредим и ризы его целы»; словами этого офицера, как бы со стороны, автор подводит итог истории Филиппа: «Сожгли старца святаго, воистину святой старец, что огнем не горит».

«История» и должна была, по-видимому, стать житием святого — основателя нового филипповского согласия. Но это житие было далеким от канона, житийная традиция отразилась в нем лишь в виде отдельных этикетных моментов, примечательной же особенностью текста является его «историзм», ориентация автора на конкретность и документальность повествования.

Литературная необработанность текста повести о Филиппе, связь ее с конкретным историческим моментом, острая публицистическая направленность делают ее весьма примечательным литературным явлением, интересным фактом крестьянской литературы Русского Севера.

Кроме текста «Истории», найденной нами на Пинеге, в рукописных собраниях обнаружились еще и другие списки, и сейчас уже известно 9 списков «Истории», причем 5 из них северного происхождения.

1. ИРЛИ, Пинежское собр., № 49, лл. 1—10 об., конец XVIII в. (отдельная тетрадь в 8°, 10 лл., без переплета, полуустав). Список дефектный, без начала и конца. (Далее — $П_{49}$).

2. БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 361 (409), лл. 1—6, конец XVIII в. (отдельная тетрадь в 4°, 6 лл., без переплета, скоропись, филиграни: литеры «БОФЕБ» и даты «1793», «1795»). (Далее — $Д_1$).

3. БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 823 (780), лл. 1—7 об., конец XVIII—начало XIX в. (разрозненные листы в 4°, без переплета, полуустав, филиграней нет). Список дефектный, без начала. (Далее — $Д_2$).

4. ИРЛИ, собр. И. С. Маслова, № 15, последняя тетрадь в сборнике-конволюте (пагинация отсутствует), первая четверть XIX в. (рукопись в 4°, скоропись). (Далее — М).

5. ИРЛИ, Пинежское собр., № 414, лл. 2—8 об. и лл. 11—12, третья четверть XIX в. (отдельная тетрадь в 8°, 12 лл., без переплета, поздний неграмотный полуустав). (Далее — $П_{414}$; текст его издается ниже).

6. Гос. публичная научно-техническая библиотека СО АН СССР (Новосибирск), собр. М. Н. Тихомирова, № 464, лл. 77—86, вторая половина XIX в. (сборник в 8°, 86 лл., без переплета, плохой полуустав). (Далее — Т).

7. ИРЛИ, Мезенское собр., № 24, лл. 134—139 об., конец XIX—начало XX в. (старообрядческий сборник в 4°, 173 лл., поздний полуустав, переплет — доски в сатине). (Далее — $Мз$).

8. БАН, Каргопольское собр., № 87, лл. 27 об.—32 об., конец XIX—начало XX в. (сборник в 8°, 32 лл., без переплета, плохой полуустав). Список дефектный, не имеет конца. (Далее— К).

9. Печатный текст веркольского списка («Братское слово», 1884, № 10, стр. 534—539). (Далее — В).

Только два списка из девяти (Т и К) имеют полностью соотносимый текст, семь других списков дают обилие перестановок, замен, пропусков и дополнительных речений, иногда стилистических вариантов. В рукописной традиции «Истории» очень сильным было влияние устной речи, пересказа, поэтому весьма трудно установить жесткие связи между списками. Главное отличие текста, позволяющее разделить списки на две группы, — это смысловая и композиционная перестройка эпизода с вестниками, приходящими к Филиппу в скит.

В группе А (списки Т и $Мз$; в К этот текст отсутствует) только первый вестник (Василий), решивший предупредить Филиппа об опасности, остается у него. Далее в тексте следуют увещания Филиппа «братии» и описание быстрого марша солдат к скиту. Другой вестник, безымянный лазутчик, посланный командой, возвращается назад с сообщением «о вышереченном Василии», т. е. о том , что Филипп уже предупрежден.

В группе Б ($П_{49}$, $Д_1$, М, $П_{414}$, В) личность первого вестника как бы раздваивается: второй вестник-лазутчик также называется Василием (только в М—Иона), также остается в скиту и обращается к Филиппу со словами первого вестника (в первой группе), прося у него благословения «пить тую же чашу». Описание марша команды здесь непосредственно предшествует увещаниям Филиппа и осаде скита.

Какой же текст соответствует архетипу «Истории»?

Дело проясняет список $Д_2$ (близок $Мз$), хотя сам и дефектный: изображение последовательности событий здесь полностью соответствует группе Б, но, как и в группе А, лишь первый вестник, добровольный, остается в скиту. Таким образом, можно думать, что изменение текста в группе Б является поздним, что здесь произошло дальнейшее усиление тенденциозности «Истории».

Список Д2 сохранил и строгую фиксацию конца повести с дополнительной исторической справкой: «Тогда начаша о таковом страсе боятися вси. Конец сей повести. Сие бысть в лето 7250, в Заонежие (в рукописи «взхонежие»), на Умбе реце, от Лексы 20, а от болшаго монастыря 40 поприщь. И было по имяном 57, а без имян сколько было неизвестно».

Любопытно (и это может свидетельствовать о первоначальности текста Д2), что далее в этом списке идут выписки из книг, хранившихся в «Сергиевом монастыре», и цитируется «Книга бесед» протопопа Аввакума: «Святый страдалец протопоп Аввакум в беседах своих пишет: „Крест Христов..."» (текст обрывается).

В группе Б наибольший интерес представляет список П414, сохраняющий множество разговорных речений и оборотов. Только здесь мы читаем, что Филипп старицу «стал хвостать ле́стовкой» (в других списках «стал бить»), только здесь есть реплика Семена Денисова («Подем к старцу Филиппу») и др. Этот список и более тенденциозен: только здесь приказ «нарубить колья» исходит от Мануила Петрова (во всех других списках сказано безразлично: «приказали»).

Ниже публикуется текст этого списка (П414).

л. 2 || ИСТОРИЯ ПОСТРАДАВШИХ ОТЕЦ ФИЛИППА И ТЕРЕНТИЯ

В[а] 7231 лето, доказательство, когда тропарь прислали в монастырь говорить[б] за царя и повелели за православнаго молить, тогда отец наш, благолепный муж, божиим промыслом не благословя таковаго тропаря говорить, что не по древному преданию святых отец неблагочестиваго благочестивым нарицают. Тогда между собою учинилась великая распря, во время утреняго пения, что прежде того не бывало. Когда на крыласе стала старица
л. 2 об. говорить тропарь прямо || за благочестиваго, тогда отец наш, благочестивый муж Филипп, не даде говорить таковаго тропаря. Тогда старица-болшуха, имя *ей*[в] Марина, перво зачела говорить с Богослова осеннаго. Тогда отец Филипп не дал говорить, псалом*щицу*[г] стал хвостать лестовкой. Тогда большуха закричала: «Не твое дело, калугер, что нам даже болшаки велели говорить, ню токмо не говорили». И *п*родолжалось[д] даже до Воздвижения честнаго и животворящаго креста господня, тогда запели «Спаси, господи» прямо за благочестиваго царя. Тогда старец Филип, святый благолепный муж, бросил кадило о пол, сам закричал, что пала вера християнская, и сам побежал ис часовни вон, едва

[а] *В ркп. нет, стоит буква* а. [б] *Исправлено, в ркп.* говорит. [в] *Исправлено, в ркп.* е. [г] *Исправлено, в ркп.* псаломщику. [д] *Исправлено, в ркп.* родолжалось.

его настигли на крилцы и затащили в келью. И после того Се-
мен || Денисов з другими прочими совет сотворили: «Подем л. 3
к старцу Филипу». И пришли к старцу Филипу. Семен Денисов
стал светолепнаго стар*ца*[е] по щекам бить. Тогда старец Филип
рече: «Чадо Симионе, дерзаеши, яко Христа распинаеш*и*».[ж] Ста-
рец Филип руки простер свои. Тогда били его крепко. Тогда
отец Терентий еще был белцем и тогда по отце Филипе великую
ревность имел и говорил: «Отче, как будет?». Отец Филип рече
ему: «Чадо, молчи, что мне будет, ты буди мне после проповед-
ник,[з] топере молчи». Тогда старец светолепный муж Филип дер-
зостне говорил: «Что я крешу и каю, скажите прямо на миня, и
тропарь не принимаю,[и] и отвечать буду кроме вас сам».

И которой бил отца Филипа тут же, имя ему Филип Курпа-
нов, и он же вскоре поехал с Лексы; как || он скоро за ворота л. 3 об
выехал, так его лошать с себя шибла и волокла его даже что
чуть не[к] до Сергиева скита, но токмо еле жива оставила: рот
ему своротило, и придрало всего, и приломало, и после того год
не ставал с постели, кто поворотит, то и поворотится, и так зле
свой живот скончал.

А отец Филипп сидел в железах три дни, и приехал и на то
время с Новаграда купец, прозванием Мошников,[л] в монастырь
на Лексу; услышал, что Филип скован сидит, то скоро Мошни-
ков на Семена закричал: «За что светолепнаго старца сковал?».
И сам Мошников пошел, железа збил со старца Филипа и вывел
из монастыря вон в Надеждин скит. Жил там отец Филип год
в риги. ||

И стала к нему братия збиратися,[м] един по единому умножа- л. 4
тися, и поставили келью, и жил недолго на том месте, и усмот-
рел место за мхами, и поставил пять келей, и стали к нему бра-
тия множитися. И настроил келей много, то стали из монастыря
к нему ходить, отца Филипа уговаривать — ово ласканием, ово
страхом, — и того страха отец Филип ниже убояся, но токмо от
святаго писания предводит, с тем и поидут.

Многократно приходили, что с тем выманить да посадить,
а иные говорят: «Станем кормить», а другие говорили, что за-
морим его, чтобы имя его не поминалось и не обличал[н] бы; но
божиим судом таковаго дела не допусти бог: когда и подается
отец Филип итти, тогда брат*ья*[о] || яко едиными усти говорили: л. 4 об.
«Отче, не ходи», яко святым духом научены. И то видя таковую
его крепость во отце Филипе, ей, не могут его выманить, однако

[е] *Исправлено, в ркп. край листа истерся.* [ж] *Исправлено, в ркп. край листа истерся.* [з] *Исправлено, в ркп. край листа истерся.* [и] *Исправлено, в ркп. край листа обсыпался, слог* ма *приписан позже.* [к] *В ркп. буквы расплылись, возможно прочтение* но. [л] *В ркп. первая буква* н *переправлена из буквы* е. [м] *Более поздним почерком над словом поставлен* ъ: зъбиратися. [н] *Исправлено, в ркп.* облича. [о] *Исправлено, в ркп* братя.

придумали сами к нему и собрались именно: Захар[п] Нефеев, Мануил Петрович, иныя прочие, и стали советовать, яко на злодея, или яко на разбойника, или как жиды на Христа.

Когда совет сотворили, того дня Захара[р] Нефеева раздуло яко скотину, не удобь сказати человеку, в тои день, яко злодей, пропал горькою смертию, и в часовни отпеть не могли, понеже что утроба его лопнула, то пошло из него злосмрадна*го*[с] духу, что в часовни народу быть стало невозможно, недопевши
л. 5 вынесли вон в могильную яму, и тут многие люди[т] || прочь отбежали, не терьпя таковаго злосмраднаго духа.

И того оне, окаянныя, ниже страха и ужаса не убоялися: сходили в Олонец сами безо всякого понуждения и каманду взяли, в Шуньги понятых неволею,[у] яко на разбойника какого, а многия в то время не хотеша на таковое злодействие итти, то тех били, яко едва не до смерти; тогда многие разбежались и горьким плачем и рыдание*м*[ф] плакали, что на благолепнаго святаго старца вооружилися, окаян*ныя*,[х] яко на злодея.

И тогда собралися они в монастырь человек седмидесят и пошли ко отцу Филиппу. Тогда Мануйло Петрович стал своим единомысленникам говорить: «Если что старец станет давать де-
л. 5 об. нег — сто рублей или триста, — отнють[ц] не берите, || но токмо сожгите его, чтобы праху не было его».

И в то время тут стоял человек, именем Василей, того же монастыря, слышал таковое богоотступное его наказание безчеловечное, етот Василей, не терпя такаваго[ч] зломысленнаго наречения, етот Василей побежал ко отцу Филипу, яко орел высокопа*рный*,[ш] чтобы оне, окаянныи, не пришли *вне*запу.[щ]

Умыслиша, дабы кто отцу Филиппу не возвестил, пришли в Надежин скит ночью, възяли огня и смолья, и пошли нощию. ||
л. 6 И не дошедши до отца Филиппа за поприще, и приказал М*а*нуил[э] Петрович всем нарубить колья для уразин: «Кто на дороги попадет или побежит, то бейте[ю] до смерти, не упущайте времени».

И тогда стали[я] посылать единаго осмотреть, что у них творитца. И пошел к старцу посмотрения ради, имя ему Василей, пришол ко отцу Филиппу ночью под окно, молитву сотворил, поколотился у старца Филиппа, а сам горко заплакал: «Прости[II, а] мя, грешнаго, — согрешил, не того ради я к тебе пришол, что

[п] *Исправлено, в ркп.* Зарар. [р] *В ркп.* Зарара *исправлено на* Захара. [с] *Исправлено, в ркп.* злосмрадный. [т] *В ркп.* многие люди *повторено два раза — в конце этого листа и начале следующего.* [у] *Исправлено, в ркп.* невелею. [ф] *Исправлено, в ркп. край листа истерся.* [х] *Исправлено, край листа обсыпался.* [ц] *Исправлено, в ркп.* отнють. [ч] *Исправлено, в ркп.* татаваго. [ш] *Исправлено, в ркп.* высокопанный. [щ] *Исправлено, в ркп.* невзапу. [э] *Исправлено, в ркп.* Мнуил. [ю] *Исправлено, в ркп.* бете. [я] *Исправлено, в ркп.* стаи.
[II, а] *Исправлено, в ркп.* прсти.

тебя гонить, возвестить тебе, что идут к тобе и совсем окончать тобя».

Тогда отвещал ему Филипп: «Бог тобя простит, чадо, в сем веце и в будущем. Мы уже на то дело давно готовы». То он пошол, своим возвестил о вышереченном || Василии-вестнике; *л. 6 об.* когда он пришел ко отцу Филиппу и сказал все подробну, яже сам тут был, что и от таковаго страха едва жив прибежал, стал просить: «Отче, благослови и мене тую же чашу пить вместе с вами, да не изыду от вас вон». Тогда рече ему отец Филипп: «Господь тобя благословит, чадо, но пребуди с нами до скончания».

И от того часа отец наш, благолепный муж Филипп, нача братию збирати в часовню, уготовляя себе и братию к смертному часу, ожидая суда божия, но токмо приказал двери все запереть,[б] и заповедая братиям и сестрам молитися богу со слезами, чтобы бог избавил горкия муки страшнаго и нестерпимаго тартара и тмы кромешныя и огня негасимаго: «не бойтеся крамолы здешныя и клеветания от врагов неприязненых, понеже ратует ими диявол, не дает спокою верным своим || рабом. Ефрем *в*[в] *л. 7* слове своем 105: „Когда воцаритца прескверный змий, покоя не даде на земли верным своим рабом христовым не в горах и не верьтепах, ни в пропастех земных". Неуже не весте, братия моя, сего злаго змия наста*вшаго*[г] времени? Рече святый Иполит в своем слове: „Когда востанет царство на *ца*рство,[д] и царь на царя, и князь на князя, сын на отца, и жена на мужа, муж на жену, тогда злое будет время". Иоан Златоуст в Маргарите наречет: „Побежат церкви божия в горы, и в вертепы, и в пропасти земныя". Толк:[е] „церкви божия — сущия християны, тогда аньтихристово время будет". Не то ле уже, братия моя, оказалось самое дело? Господь сам своими пречистыми устами *рече*:[ж] „Аще кто душу свою убиет мене ради и *евангелия*,[з] той спасет ю, то уже, братия, || не бойтеся,[и] не убойтися сего нападения"». *л. 7 об.*

В то время увещавая светолепный и боголепный отец[к] наш Филипп братию свою, укрепляя божественным писанием, и в то время напали, яко разбойники, поколотилися у отца Филиппа *у а*кна,[л] а другие, не дожидая[м] старцова ответа, зачели чесовню рубить в шесть топоров и стали двери прорубать, то старухи закричали: «Батушко (так!), батюшко, уже попадают в часовню!». Тогда отец Филипп преподал благословение детям своим, последнее прощение положили, начал (так!), и стали класть конечное начало, тогда все умолкнули, и положиша начало,

---

[б] *Исправлено, в ркп.* заперетъ. [в] *В ркп. нет.* [г] *Исправлено, в ркп.* настаго *под титлом.* [д] *Исправлено, в ркп.* рство *под титлом.* [е] *В ркп.* тол *под титлом.* [ж] *В ркп. нет.* [з] *Исправлено, в ркп.* егваньлия. [и] *Исправлено, в ркп.* ботеся. [к] *Исправлено, в ркп.* от отец. [л] *Исправлено, в ркп.* а укна. [м] *В ркп. буква* о *переправлена из* ы.

и тогда [н]отец Филипп[н] поклонися братии[о] до земли и рек, яко
л. 8 гром грянул: «Простите мя, || отци и братия, в сем веце и в будущем». Тогда братия, яко единеми усты, вопияху: «Господь бог тебя простит, честный отче». И начаша вси по единому прощатце: «Прости[п] мя, отче честный». Тогда учинилася плачь прощенная.

Стали салдаты, кто у них поп спрашивать, кто ли есть. Тогда манастырьския сказали, что попа нет, а есть у них простой старец.

В то время скоро запустили огня под цесовню, тогда загорелось чесовня. Тогда ни единной из них не скричал и не зревел, яко вси прежде огня умерли, лехким сном заснули. Тогда манастырския[р] почали грабить, кому что попадет. Где отец Филипп стоит, то окно было одным ставнем не крепко заперто, скоро прогорело. Не точию солгать что, другия видели и молчат. ||
л. 8 об. Увидел посланной афицер, что отец Филип стоит во пламени под окном невредим и ризы его целы, и стоял до тех пор, пока не опал потолок. Тогда закрычал афицер на салдат и мужиков: «Отнють[с] ничего не троньте, понеже сожгли старца святаго, воистинну святой старец, что огнем не горит». А которыя с Филипом[т] горели, как поклонилися, так все рядом и ляжат... ||

(*ИРЛИ, Пинежское собр., № 414, лл. 2—8 об.*).

ЧЕРНОВОЙ ТЕКСТ ОКОНЧАНИЯ «ИСТОРИИ»

л. 11 ...|| до земли, яко гром грянул: «Просите мя, отцы и братия, в сем веце и в будущем». Тогда братия яко единеми усты вопияху: «Господь бог тебя простит, честный отче». И начаша все по единому прощатися: «Прости мя, отче честный». Тогда учинилася плачь прощенная. Стали салдаты спрашивать, кто у них поп. Тогда манастырския сказали, нет у них попа, есть простой старец. В то время скоро запустили огня и загорелись келии. Тогда не единой[а] из них не скрычал и не зревел из них, яко прежде огня все умерли, легким[б] сном заснули. Тогда манастырския почели грабить, кому что попадет. Где отец Филипп стоял, ||
л. 11 об. то окно было некрепко заперто однем ставнем, то скоро прогорело. Некто увидал и сказал прочим, что и другия тоже[в] видели.[г] Увидел поставленный афицер, что стоит отец Филип во пламени под окном невредим, и ризи его целы, и стоял до тех пор, пока не опал потолок. Тогда закричал афицер на салдатов и мужиков: «Отнюдь нечего не троньте, понеже святаго старца сожгли, воистинну

[н—н] *Исправлено, в ркп.* отцу Филиппу. [о] *Начиная с этого места весь текст повторяется ниже еще раз.* [п] *Исправлено, в ркп.* простит. [р] *Исправлено, в ркп.* манастыския. [с] *Исправлено, в ркп.* отнютъ. [т] *Исправлено, в ркп.* Вилипом. [а] *Исправлено, в ркп.* едино. [б] *Исправлено, в ркп.* леким. [в] *Далее оставлено чистое место для одного слова.* [г] *В ркп. далее* другия.

святой старец, что огнем ||[д] не горит». А которыя с Филипом[е] горели, как поклонилися рядом, но[ж] все яко уснули, не един от себя ни руки, ни ноги прочь не откинули. По згорении отца Филиппа нападе на них страх великий, яко земли колебати. Тогда начаша о таковом ти страсе дивитися, вси богу молитися со слезами. Богу нашему слава и ныне и присно и во веки веком. Аминь».[23] ||

[д] *Перед этой строчкой 5 строчек оставлено чистыми.* [е] *Исправлено, в ркп.* Вилипом. [ж] *Исправлено, в ркп.* нъ.

[23] Только что изданное «Описание Рукописного отдела БАН СССР» указывает еще один список «Истории» в рукописи БАН 21. 9. 19, лл. 180—188 (список начала XIX в., относится к группе Б) и его публикацию в книге В. И. Срезневского «Описание рукописей и книг, собранных для имп. Академии наук в Олонецком крае» (СПб., 1913, стр. 466—469), оставшуюся нам неизвестной. См.: Описание Рукописного отдела БАН СССР, т. 3, вып. 3 (Исторические сборники XVIII—XIX вв.), Л., 1971, стр. 106.

Р. П. Дмитриева

ОСОБАЯ РЕДАКЦИЯ ПОВЕСТИ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ

В. Ф. Ржигой было установлено четыре редакции Повести о Петре и Февронии. Та редакция Повести, о которой пойдет речь в настоящей статье, до последнего времени не была известна. Дадим ей условное название — Особая редакция. Первым и пока единственным опубликованным исследованием этой редакции являются тезисы доклада С. К. Росовецкого, прочитанного им на научной студенческой конференции.[1] Текст Повести Особой редакции до настоящего времени не публиковался.

Повесть о Петре и Февронии в этой редакции известна по единственному списку, хранящемуся в Пушкинском доме в Причудском собрании № 4. Рукопись эта была приобретена во время экспедиции 1961 г. в эстонское Причудье, в месте бывших старообрядческих поселений, существовавших с Петровского времени.[2] Рукопись представляет собой старообрядческий сборник XVIII в., написана она разными почерками мелким полууставом, в 8-ку, на 283 листах.

Содержание сборника разнообразное: в него включены «слова», сказания и повести из патериков, Лимониса, Пролога, Старчества, жития святых, апокрифические произведения, выписки из Толковой Палеи, статьи исторического содержания. Перечислим наиболее интересные из них: «О приходе царя Иоанна Васильевича в Новъгород и о пленении его», Послание Филофея Василию Ивановичу о Москве — третьем Риме, «Послание к царю Алексею Михайловичу христианское», «Книга глаголемая космографии, сложена от древних философ, преведена с римскаго языка, предисловие», апокрифы «Во святый и великий четвертог слово святаго блаженнаго Евсевия и о шествии Иоанна Предотечи во ад» и «Видение Макария Египтянина». Повесть о Петре и Февронии находится в начале рукописи на лл. 8—20 об.

---

[1] С. Росовецкий. К вопросу о взаимосвязях Повести о Петре и Февронии и фольклора. В кн.: Тезисы докладов XXI студенческой конференции. Филология и история. Вильнюс, 1968, стр. 31—32.

[2] Ju. K. Begunov. Auf der Suche nach altrussischen Handschriften bei den Altgläubigen am estnischen Ufer des Peipussees. Zeitschrift für Slawistik, Bd. XIV, H. 4, Berlin, 1969, S. 514.

Эта редакция Повести по своему характеру переделки оригинала отличается от остальных редакций. Вторая, третья и четвертая редакции сохраняют в основном текст первоначальной редакции, редакторы их делают только бо́льшие или меньшие добавления с целью подчеркнуть и усилить ту или иную мысль. В Особой редакции новых фактов и добавлений нет. В ней сохранены все элементы рассказа первой редакции, но по преимуществу они переданы в несколько сокращенном виде. В целом это самостоятельное переложение содержания Повести, взятого по первой редакции, под определенным углом зрения пересказчика и в его собственной манере изложения. Текстуальной близости между первой редакцией и Особой значительно меньше, чем между первой редакцией и другими переделками оригинала Повести. Прямых текстуальных заимствований из оригинала в Особой редакции почти нет, встречаются только отдельные фразы, преимущественно в диалогах.

Прежде чем говорить о литературной манере и характере изложения текста Особой редакции, следует остановиться на вопросе о зависимости Особой редакции от первой, о ее вторичности. В упомянутой выше публикации С. К. Росовецкого проводится мысль о том, что текст Повести о Петре и Февронии по списку Причудского собрания № 4 является первоначальной редакцией и что некоторые фольклорные мотивы, использованные в Повести, ближе здесь народному творчеству, чем в первой редакции.[3]

Доказать зависимость текста Особой редакции от первой сравнительно легко. Остановимся на начале Повести, где рассказывается о посещении змеем жены князя Павла и о борьбе князя Петра со змеем. В зависимости этого сюжета от фольклорной основы никто не сомневается. Но как передан рассказ в первой редакции и как в Особой? Для большей ясности и наглядности приведем начало эпизода по той и другой редакциям:

Первая редакция

В нем же бе самодръжствуяи благоверный князь, яко же поведаху, именем Павел. Искони же ненавидяи добра роду человечю диавол всели неприазненнаго летящаго змиа к жене князя того на блуд. И являшеся ей своими мечты яко же бяше и естеством, приходящим же людем являшеся, яко же князь сам седяше з женою своею. Теми же мечты многа времена преидоша. Жена же

Особая редакция

Бяше же у брата его (Петра, — *Р. Д.*) Павла жена прекрасна. Обое житием своим чисто живыи, заповеди господня соблюдающа и всеми добродетелми украющеся. Таже позавидев им диявол лукавый доброму их начинанию и совокупися с Павловою женою. И нача бес часто приходити во образе Павлове. От того же часа одолею враг насилием. И бысть жене той

[3] С. **Росовецкий.** К вопросу о взаимосвязях Повести о Петре и Февронии и фольклора, стр. 31.

сего не таяше, но поведаше князю мужеви своему вся ключьшаяся ей. Змий же неприазнивый осиле над нею.[4]

велия скорбь от него и болезнь. И вся поведа мужу своему.

Вместо сказочного огненного змея, обольстителя и насильника, каким он предстает в рассказе первой редакции, в Особой редакции выступает «диавол» или «бес», обычный отрицательный персонаж житийных произведений. Вторичность текста Особой редакции определяется некоторой непоследовательностью ее в изложении содержания. С начала эпизода и почти до самого конца его в Особой редакции речь идет о дьяволе или о бесе. Этот дьявол лишен каких-либо конкретных индивидуальных черт. Иногда он называется врагом. И только после того как Петр ударил мечом этого дьявола, в тексте сказано: «И абие явися змий и укану кров вражия на блаженнаго Петра».

Если исходить только из текста Особой редакции, упоминание змея в последнем предложении является неожиданным. Читатель должен недоумевать, почему же дьявол после смерти приобрел облик змея. К этому читатель не подготовлен ни предыдущим изложением, ни разъяснением в конце эпизода. Недоумение легко снимается, если обратиться к тексту первой редакции, где с самого начала эпизода речь идет о змее, который мог принимать различные облики, а после смерти явился в своем настоящем виде. Редактор Особой редакции, внося изменения в оригинальный текст, допустил оплошность: в начале рассказа он не упомянул, что дьявол имел облик змея.[5] Свидетельством того, что в оригинале речь шла именно о борьбе со змеем, является упоминание о подвиге Петра в похвале, помещенной в конце Повести («Радуйся, Петре, яко дана ти есть благодать от бога убити летящаго свирепаго змия») и в церковной службе («Петра благочестиваго въсхвалим, иже прегордаго змия поправшаго»).[6] Похвала без изменений сохранена в Особой редакции. Это лишний раз подтверждает, что Особая редакция является переделкой, а не оригиналом.

О том, что Особая редакция пересказывает первую, говорит также характер известий о брате Февронии. Редактор Особой редакции в этом эпизоде, как и в других случаях, передает со-

---

[4] Здесь и далее текст Повести о Петре и Февронии первой редакции цитируется по изданию: М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии. (Тексты). ТОДРЛ, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 225—247.

[5] Отметим, что и С. К. Росовецкий допускает подобного рода ошибку. Говоря о большей близости Особой редакции фольклорным мотивам, он рассматривает эпизод соблазнения женщины змеем. Эта связь действительно легко прослеживается в тексте первой редакции, но если обратиться к тексту Особой редакции, то фольклорные мотивы в ней можно установить только через посредство первой редакции. С. К. Росовецкий собственно и оперирует данными, взятыми по первой редакции.

[6] ЦГИАЛ, собр. Синода, № 3907, л. 315.

держание в более кратком виде, чем это изложено в оригинале. Разговор Февронии со слугой князя Петра сохранился, но он значительно сокращен. На вопрос слуги о брате Феврония отвечает загадкой: «А брат мой в наве зрети». Эта фраза близка тексту первой редакции: «Брат же мой иде чрез ноги в нави зрети». Разъяснение загадки в Особой редакции Феврония дает следующее: «А брат же на борзи лазит и зрит ясно на землю, кабы не упасть». Смысл разгадки в этом ответе остается неясным, так как здесь нет разъяснения, зачем брату Февронии понадобилось лазить на деревья. Это обусловлено тем, что редактор Особой редакции, дав свой вариант загадки об отце Февронии, как о хлебопашце, опустил из ее ответа фразу о том, что ее отец и брат являются бортниками («отец мой и брат древолазцы суть, в лесе бо мед от древиа вземлют»).

Таким образом, вторичность Особой редакции и зависимость ее от первой редакции очевидны. Высказанное С. К. Росовецким мнение о том, что текст списка Причудского собрания № 4 представляет собой первоначальную редакцию Повести о Петре и Февронии, от которой ведут свою историю остальные редакции, является ошибочным. Решаемый им в зависимости от этой гипотезы вопрос о взаимоотношении разных редакций Повести с фольклорными источниками также требует уточнения.[7]

О времени создания Особой редакции трудно сказать что-либо определенное. Единственный список ее относится к XVIII в.[8] По всей видимости, эта переделка Повести была сделана поздно, не ранее конца XVII—начала XVIII в. Дело в том, что в тексте Особой редакции встречается такое позднее словосочетание, как «госпоже прекрасная девица».

Решение вопроса, поднятого С. К. Росовецким, о зависимости Особой редакции от фольклорных мотивов связано с выяснением природы и характера переделки, проведенной редактором Особой редакции. Как убедимся ниже, редактор этого варианта Повести о Петре и Февронии поставил задачу пересказать содержание ее, приблизив стиль изложения к жанру жития. Сопоставив между собой тексты первой редакции Повести и Особой редакции, нетрудно убедиться, насколько текст оригинала Повести не трафаретен и далек от традиции житийного жанра и насколько пересказ его в Особой редакции приближен к житийной манере изложения. Это в известной степени привело к некоторому изменению содержания Повести. Излагая содержание Повести в житийной манере, редактор Особой редакции — хотел он того или нет — значительно притушил конкретность и конфликтность

---

[7] С. Росовецкий. К вопросу о взаимосвязях Повести о Петре и Февронии и фольклора, стр. 31—32.

[8] С. К. Росовецкий датирует его XVII в., см.: С. Росовецкий. К вопросу о взаимосвязях Повести о Петре и Февронии и фольклора, стр. 31.

рассказа, которые свойственны оригиналу. Особенно это коснулось тех частей Повести, где оригинал ее использует народно-сказочную основу.

Автор переделки стремился вернуть произведение к тому классическому стилю житийной литературы, который существовал на Руси с древнейших времен. Эта переделка Повести не связана с какими-либо новыми идейными или литературными тенденциями и течениями, а наоборот, редактор ее стремится сохранить старые традиции, выработанные для житийного жанра. Наряду с быстрым развитием литературы нового времени в XVIII в. продолжала существовать и средневековая система жанров, нередко связанная со старообрядческой средой.[9] Вероятнее всего, что и рассматриваемый вариант Повести о Петре и Февронии был написан в старообрядческой среде. Это одна из консервативных переделок Повести.

Чтобы мысль была ясна, следует сравнить этот вариант переделки с четвертой редакцией, которая тоже была составлена в XVIII в. Редактор ее не был особенно смелым и решительным, он внес в текст только небольшие добавления и распространения с целью подчеркнуть свои демократические симпатии. Он с теплотой говорит о Февронии, о ее стараниях помочь бедным и обездоленным, ему импонирует ее крестьянское происхождение. В. Ф. Ржига связывает появление этой редакции с общим усилением демократических тенденций в литературе последней трети XVIII в.[10] Задача, поставленная редактором Особой редакции, была совсем иной. Он относился к содержанию как к житию святых, поэтому и пересказ его построен с соблюдением канонов житийного стиля. Цель эта была им достигнута.

Последнее наглядно подтверждается сопоставлением Повести по Особой редакции с текстом проложной статьи, посвященной Петру и Февронии, которая была написана в XVI в. Они очень близки между собой по стилю изложения и по характеру содержания. Точнее сказать, редактор Особой редакции привносит в свой рассказ те общие для житий биографические сведения о святых, которые составляют содержание проложной статьи. Однако текстуальных совпадений между Особой редакцией и проложной статьей нет. Это говорит о том, что редактор Особой редакции не имел перед собой текста Пролога. Близость между Прологом и Особой редакцией объясняется стремлением составителя Особой редакции передать содержание произведения в традиционно житийном стиле. Для примера приведем начало того и другого произведения. В Прологе читается: «Сей благо-

---

[9] Д. С. Лихачев. Семнадцатый век в русской литературе. В кн.: XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969, стр. 327.

[10] В. Ф. Ржига. «Повесть о Петре и Февронии» в русской литературе конца XVIII в. ТОДРЛ, т. XIII, М.—Л., 1957, стр. 429—431.

честивый князь Петр родися от благочестиву родителю и святу и наказан бысть в добре исповедании и целомудрии во граде Муроме и праведно власть свою правя».[11] Повесть в Особой редакции также начинается с традиционного житийного зачина о детских годах святого: «Сей бе благородный и благочестивый великий князь Петр родися от благочестну родителю в Муроме граде и воспитан бысть от нею в добре наказании, в страсе божии, посте и молитве и всех добродетели прилежав».[12] В оригинале Повести этого текста нет. Автор первоначальной редакции в ходе изложения событий о посещении жены князя Павла змеем впервые вскользь упоминает о князе Петре: «Имеяше же у себе присного брата, князя именем Петра». О Февронии в Прологе сказано, что она «от благочестиву корене родися и добре научена бысть благочестию».[13] В Особой редакции также отмечено, что она была «от християну родителю». О правлении Петра в Муроме редактор Особой редакции говорит пространно и теми фразами, которыми обычно характеризуются добродетели житийных героев.[14] И здесь он очень близок проложной статье и по содержанию, и по стилю изложения.[15]

В отличие от проложной статьи, которая не передает конкретных фактов из жизни Петра и Февронии, составитель Особой редакции добросовестно перелагает содержание Повести. И во всех случаях, где только возможны параллели с житийными си-

---

[11] ГПБ, собр. Титова, № 536, л. 85 об.

[12] Ср. соответствующие тексты в житиях, написанных Пахомием Сербом: 1) «Се преподобный отец нашь Никонь рождение и воспитание имяше град Юрьев зовом. Сын родителю християну нача же благоверну и благочестием сиающу. От юна же възраста и от младых ногтей изволи богу работати»; 2) «Се убо преподобный отець наш Кирил родися от благочестиву и крестьяну родителю... Устрабивъшу же отроку и божественому писанию извыкъшу и прочее растущу ему въ всяком благоговеиньстве и чистоте и просвещенном разуме» (В. Яблонский. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908, стр. LXV, V).

[13] ГПБ, собр. Титова, № 536, л. 86.

[14] «И доехаше Мурома града и начаста жити вкупе во благочестии, посте и молитве, и ко святым церквам ходити, многу милостыню к нищим творяще господа ради. По мале же времени преставися Павел, брат его. И бысть по брате своем князем Муроме граде, добре строяше державъство свое, обидимыя избавляя от силных, печалных утешая, нищия милуя и во всем благоугоден бысть к богу и человеком» (ИРЛИ, Причудское собр., лл. 14 об.—15). В первоначальном варианте в этом месте сказано кратко: «Приидоста же во отчину свою, град Муром, и живяста в всяком благочестии, ничто же от божиих заповедей оставляюще» (М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии (тексты), стр. 236).

[15] «И тако оба свята и праведна беста и любяста целомудрия и чистоту, и быста милостива и праведна и кротка и обидимыя изимаста из руки обидящих. И иноческий и священнический чин добре любяста и милостыню подаваста им. Тако же нищая миловаста вельми и посту и воздержанию прилежаста, и паки по премногу Христу угодивша во всем добрыми делы своими, желающа по господню словеси кротких землю наследити и покой праведных обрести» (ГПБ, собр. Титова, № 536, л. 86).

туациями, автор пересказа прибегает к приемам житийного стиля. В рассказ о приобретении князем Петром агрикова меча автор переработки ввел стилистические формулировки, которые обычно употребляются в житийных текстах с описанием явлений святых. Вместо краткого упоминания в оригинале о том, что Петр, как обычно, пришел в церковь Воздвижения помолиться, Особая редакция в житийной манере передает страстное обращение святого к богу: «И паки вниде благоверный во святую церков, тепле припадая к божественному образом господним, со слезами молящеся богови на мног час». И в конце эпизода редактор включил подобающие этой ситуации фразы («И не видим бысть от него», «возда хвалу богу»).[16]

Сцена исцеления Петра в Особой редакции тоже передана ближе к житийному жанру, с использованием фразеологии, употреблявшейся в описании чудес об исцелении. Так более пространно и более близко к житийным стилистическим приемам сказано в Особой редакции о поисках к исцелению Петра: «Брат же его Павел со женою своею по вся дни велми о нем плачущеся, видевше его в велицей сей язвы. Многих врачев приводяще в дом свой целбу творяще. И ничто же помогающе. Уже бо да полу имения своего издаяше врачем, никоея же ползы обретше во граде».[17] Имеющиеся в этом эпизоде диалоги в Особой редакции несколько подсокращены, но стилизацию под житие в них было трудно провести, поэтому здесь она отсутствует. В конце же эпизода редактор Особой редакции опять пользуется приемами стиля жития, связав содержание Повести с определенной житийной ситуацией. Князь Петр нарушил данное Февронии слово и должен был к ней обратиться вторично. Автор оригинала Повести смотрел на отношения между Петром и Февронией как на обычные отношения между людьми и отметил то неловкое положение, в какое попал князь Петр («И паки възвратися на готовое исцеление к девицы. И яко же приспе в дом ея, с студом посла к ней, прося врачевания»). В Особой редакции этот заключительный момент с исцелением приближен к житийной ситуации, когда исцеляемый сомневается в способности чудотворе-

[16] Для сравнения можно привести пример из жития игумена Никона в чуде об исцелении купца Симеона Антонова. После молитвы Симеона к Сергию Радонежскому ему явились Сергий и Никон и благословили его. Кончается описание чуда следующим образом: «И абие оба невидимы быста. Симеону же възбнувшу от видениа, разуме яко болезнь отъяша от него святии, и здравие ему дароваша. Встав же в той час сотвори поклон, въздая благодарение богови и угодникам его преподобным отцем и чюдотворьцем» (В. Яблонский. Пахомий Серб и его агиографические писания, стр. LXXX).

[17] Ср. в Житии Варлаама Хутынского в чуде о слепом: «Тако много время бяше претыкаася, и сетуа, и плача свою слепоту, многа же и врачемь издаа, никоея ползы обреташе» (Великие Минеи-Четии, ноябрь, СПб., 1897, стлб. 208).

ния святого. Так, в Житии Кирилла Белозерского есть рассказ о том, как Кирилл тушил пожар в монастыре при помощи креста и молитвы. Видевший это один мирянин посмеялся над святым и в результате навлек на себя божий гнев. Рассказ заканчивается словами: «Познав же мирянин той свое согрешение за еже святому поноси и сего ради пострада и начат съ слезами молити святаго и прося от него прощения».[18] Такими же показаны в Особой редакции отношения между князем Петром и Февронией: «Таже князь Петр проразуме свое прегрешение к мудрей девицы, плакася горко греха своего. И скоро отъеде ко блаженей Февронии. И припаде к ней с великим молением и слово воздаст истинное». И о полном выздоровлении князя Петра Особая редакция сообщает в типично житийном стиле, свойственном чудесам, посвященным исцелению: «Премудрая же Феврония, виде его теплую любов к себе, вскоре исцеление дарова князю Петру и здрава сотвори, яко же прежде. И воздав хвалу господеви».[19] Первоначальная редакция в данном случае ограничивается фразой: «Он же въскоре исцеление получив».

Рассказывая далее о совместной жизни Петра и Февронии, редактор Особой редакции на протяжении всего текста вставляет формулировки, подобающие описанию жизни святых. Говорит ли он о деятельности и поведении Петра или касается поступков Февронии, во всех случаях он старается включить определения, свойственные житийному жанру. В эпизоде изгнания Петра и Февронии из Мурома составитель Особой редакции кроткое поведение Петра определил житийной формулой об уничижении святого: «Петр же вся терпя понос и уничижение господа ради». Автор же первоначального текста обмолвился об этом несколько иначе: «...бе ему обычай ни о чесом же ярости имея».

Уход в монастырь и преставление Петра и Февронии тоже переданы в Особой редакции в форме, более близкой житийному стилю, чем это было дано в оригинале.[20] Здесь опять много об-

---

[18] В. Яблонский. Пахомий Серб и его агиографические писания, стр. XXIX.

[19] Для сравнения можно привести пример из Жития Кирилла Белозерского: «Точию воды священыя от святаго принесенной вкусив и от нея по всему телу покропився, исцеление получи и бысть здрав молитвами преподобнаго Кирила» (В. Яблонский. Пахомий Серб и его агиографические писания, стр. XXXIII). Подобный же текст можно найти в Житии Варлаама Хутынского: «...и яко позна свое исцеление, и абие радости исполнився, исцелениа дар ясно всемь исповедаше, и тако отъиде в дом свой здрав... славя и благодаря бога и угодника его святого Варлама» (Великие Минеи-Четии, ноябрь, стлб. 208—209).

[20] В Особой редакции использованы формулы, обычные при описании ухода из мирской жизни: «во всем на бога уповающе и возъненавидеста мира сего красоты, во всем угодиша богу», «и возълюбиста ангельское житие и отидоша каждо во свой монастырь», «и препроводивше дни своя в посте и молитве, во всяком воздержании».

щего между Особой редакцией и проложной статьей о Петре и Февронии.

Редактор Особой редакции сохраняет принятый принцип изложения до последнего эпизода Повести — о соединении Петра и Февронии после смерти в одном гробу. Сообщив о том, как трижды святых пытались похоронить в разных гробах и в конце концов оставили тела их в общем гробу, редактор не очень удачно включил несколько фраз, обычно употреблявшихся при описании погребения. В результате получилось так, что он как бы вновь вернулся к началу рассказа о погребении. Этот добавленный традиционный текст, употреблявшийся при описании погребения святых, опять очень близок соответствующему месту проложной статьи.[21]

Редактор Особой редакции, строя свой самостоятельный пересказ Повести, был связан двумя обстоятельствами, о чем уже говорилось выше. С одной стороны, он хотел несколько короче передать содержание уже имевшегося текста, с другой — стремился передать его в стилистической манере жития. Он помнит, что главные его герои — святые, поэтому он не только дополняет рассказ обычными для жития биографическими сведениями, но и каждый эпизод повести стремится приурочить к определенной житийной ситуации. В первоначальной редакции отношения между князем Петром и крестьянской девушкой Февронией определены жизненными обстоятельствами, поступки их мотивированы и человеческими чувствами, и их социальным положением. В пересказе они поступают так, как должны поступать святые. В результате этого князь Петр оказывается в двойственном положении. Он главный герой жития, но в то же время в эпизоде его излечения роль святой отведена Февронии, и князю Петру приходится выступать в роли не только простого смертного, но смертного, допустившего проступок, — он нарушает данное Февронии слово. Эта двойственность положения Петра лишний раз говорит о том, что Особая редакция представляет собой один из вариантов переделки Повести о Петре и Февронии, — переделки, выполненной в стилистической манере жития.

Из изложенного ясно, что эта редакция не может быть ближе к народно-сказочным сюжетам; наоборот, она дальше, чем первая редакция, отходит от фольклорной основы. Автором перера-

---

[21] В Особой редакции читается: «И прославиша бога и препроводив честно со псалмы и песньми и пении духовными со многими слезами. Бысть плач велий, яко гром ею ради. И положиша честная их телеса во едином гробе в церкви соборней Рожества святей богородицы». Ср. в Прологе: «По сем плакахуся боляре и вельможи блаженнаго яко отца, гражане яко заступника и оборонителя, нищии же и вдовицы и алчющии яко питателя и наказателя. И тако святых весь град проводивше честно и положиша честныя ею мощи в том же граде Муроме в церкви в едином гробе» (ГПБ, собр. Титова, № 536, л. 86—86 об.).

ботки является книжный человек, хорошо знающий стиль житийного жанра. Особенно наглядно видно отступление от фольклорной основы и приближение изложения к житийному жанру на примере эпизода борьбы со змеем. Рассказ в Особой редакции построен на использовании житийной ситуации искушения бесом. В Особой редакции речь идет собственно не о сказочном огненном летающем змее, соблазняющем женщин, а о дьяволе, который позавидовал «доброму начинанию» князя Павла и его жены. Терминология в этом эпизоде выдержана в стиле жития: дьявол иногда называется бесом, иногда — врагом. В пересказе в соответствии с традицией житийного изложения подчеркнуто, что избавление от искушения дьявола бывает только по воле бога.[22] Заканчивается эпизод обычной житийной формулировкой о победе над дьяволом: «и обличив диявола и усекнув главу его». И лишь одна фраза в последнем предложении («и абие явися змий») напоминает о народно-сказочной основе этого рассказа.

Однако в этом варианте Повести имеется единственное добавление, которое на первый взгляд можно связывать с влиянием устно-народного творчества. Именно на это добавление обратил внимание С. К. Росовецкий и на основании только его одного сделал выводы о большой близости текста Особой редакции народному источнику и о первичности этого текста по сравнению с первой редакцией.[23] Добавление включено в число иносказательных изречений Февронии о ее родственниках. В первой редакции она произносит две загадки — первая о родителях, вторая о брате. В Особой редакции Феврония на вопросы юноши отвечает тремя загадками: первая относится к отцу, вторая — к матери, третья — к брату. Вторая и третья загадки повторяют содержание загадок первой редакции в несколько сокращенном виде. Первая же загадка, посвященная отцу, является оригинальным текстом Особой редакции. В ней говорится следующее: «Отец мой с малым изыде великая собирати». Разъяснение этой своей загадки Феврония дает такое: «Отец мой изыде на нивы сеяти, и послет бог много всякого обилия». Была ли эта загадка в первоначальном тексте Повести или вставлена в произведение составителем Особой редакции?

М. О. Скрипиль, выясняя сказочный прототип Повести о Петре и Февронии, относительно разговора мудрой девы о родителях и брате пришел к выводу, что первая загадка Повести объединяет две загадки сказочного сюжета (о матери и об отце).

---

[22] В Особой редакции читается: «Таже милосердый бог, милуяи рабы своя, избавляя от диявола искушение, не хотя человеком погибели, но изволи всех спасти от напрасныя смерти, вскоре человеколюбие свое милостивое подает рабом своим боящимся его».

[23] С. Росовецкий. К вопросу о взаимосвязях Повести о Петре и Февронии и фольклора, стр. 32.

По всей видимости, сказочный прототип, как полагал М. О. Скрипиль, имел отдельную загадку об отце, ответом на которую было: «отец поехал сеять».[24] Текстом этой загадки, наиболее близким к сказочному прототипу Повести, по мнению М. О. Скрипиля, является запись в сказке по изданию Н. Е. Ончукова № 212: «Где у тебя отец? — В поле взад да вперед ходит».[25] По содержанию этот сказочный текст действительно близок дополнительной загадке в Особой редакции. Тем не менее это еще не значит, что в данном случае Особая редакция передает чтение оригинала Повести о Петре и Февронии. И в то же время наблюдения М. О. Скрипиля о сказочном прототипе Повести остаются в силе.

Дело в том, что автор Повести, имея источником такой вариант сказки, не обязательно должен был раболепно все заимствовать из сказки. Он свободно использовал материал сказки для передачи своих мыслей. И в авторском тексте Повести о Петре и Февронии едва ли иначе были даны загадки—ответы Февронии, чем они дошли до нас по тексту Первой редакции. Сам автор Повести не включил в свой текст трех загадок, объединив вместе упоминание об отце и матери. Весь текст этой части Повести в первой редакции четкий и ясный, как точен и логичен весь диалог в целом; соблюдается полное соответствие между вопросами и ответами. Здесь нет следов изменения текста. Вопросы и ответы определены логикой повествования, они не связаны формулами устносказочной традиции. Юноша спрашивает Февронию: «Где есть человек мужеска полу, иже зде живет?». Ответ Февронии определен этим вопросом, она объясняет, почему нет мужчин в доме: «Отец и мати моя поидоша в заем плакати. Брат же мой иде чрез ноги в нави зрети». Далее она сообщает, что ее отец и брат древолазцы (бортники). Это упоминание противоречило бы содержанию загадки о том, что отец Февронии занимается хлебопашеством. Таким образом, надо признать, что автор Повести, отталкиваясь от сказочного сюжета, не следовал полностью его схеме. Он не включил в свой текст загадки о хлебопашестве.

Отмеченная выше нечеткость текста Особой редакции о брате Февронии как раз говорит о том, что редактор этой редакции, включив загадку о хлебопашестве, естественно должен был опустить в своем тексте слова Февронии о том, что ее отец и брат бортники. Из-за этого в тексте появилась неясность: непонятно, зачем брат Февронии лазит по деревьям.

Тем не менее необходимо остановиться на вопросе происхождения дополнительного текста Особой редакции, посвященного

---

[24] М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии муромских в ее отношении к русской сказке. ТОДРЛ, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 152.
[25] Н. Е. Ончуков. Северные сказки. СПб., 1908, № 212.

хлебопашеству. Составитель Особой редакции диалог между Февронией и слугой князя Петра о родственниках Февронии делает более коротким и упрощенным, чем в первой редакции. Но в то же время композиция его полностью соответствует тексту сказки, которую М. О. Скрипиль считал наиболее близкой к источнику Повести о Петре и Февронии.[26]

По всей видимости, эта часть Повести в Особой редакции пересказана под влиянием сказочного сюжета. Новым в содержании Повести по сравнению с оригиналом является только добавление загадки о хлебопашестве. Русские сказки это иносказание мудрой девы передают по-разному.[27] Однако стилистическая манера этой загадки в Особой редакции не имеет соответствия с народными сказками. Раньше всего заметим, что текст Повести здесь недостаточно точно сформулирован. В самой загадке речь идет о сборе урожая, а в ответе говорится о сеянии. Эти нечеткие формулировки свидетельствуют о том, что текст загадки — ответа не традиционный, а скорее является творчеством редактора.

В пользу этого говорит еще одно обстоятельство. Взяв тему хлебопашества из народной сказки, редактор и здесь остался верен своей стилистической манере. Его загадка о хлебопашестве по своему стилю стоит значительно ближе церковно-учительной литературе, чем фольклорным формулам, употребляемым в сказках или загадках.[28] Приемы метафорического сравнения с земледельческой тематикой, традиционные в учительной литературе,[29] редактор Особой редакции использует уже для передачи

---

[26] В сказке читаем: «— Где у тебя отец? — В поле, взад да вперед ходит. — А мать? — Взаймы плакать ушла. — А братья? — Промеж ног смотрят». Ответы на эти загадки будут следующие: «Отец пашет. Братья промеж ног дрова рубят. Мать взаймы плакать ушла — ушла плакать по родителям, когда она умрет, по ней дети плакать будут» (Н. Е. Ончуков. Северные сказки, № 212). Ср. текст в Особой редакции: «Отец мой с малым изыде великая собирати. Мати же моя изыде в заем плакати. А брат мой в наве зрети». Объяснения загадкам: «Отец мой изыде на нивы сеяти, и послет бог много всякого обилия. Мати же моя изыде по мертвом плакати, тоже и по ней будет. А брат же на борзи лазит и зрит ясно на землю, кабы не упасть».

[27] Приведем некоторые примеры. См. у Н. Е. Ончукова (Северные сказки, № 217): «А где у тебя папаша? — А на поли взад-нет ходит» (ответом является: отец пашет). У А. М. Смирнова (Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества, вып. 1. Пгр., 1917, № 18): «— Где у тебя отец? — Ушли старым молодое обманывать» (ответ: сеять, — зерно старое, а вырастет молодое). В «Сказах и сказках Беломорья и Пинежья» (Архангельск, 1941, стр. 113—114): «— Де отец? — Отец говорит в воду ушел» (ответ: рыбу ловить).

[28] Для сравнения можно привести, например, такие загадки: 1) «В землю горсткой, а из земли пудовкой», 2) «В землю бросаем, не жалеем, на тот год разбогатеем» (Загадки. Изд. подготовила В. В. Митрофанова, М.—Л., 1968, стр. 73).

[29] В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси, М.—Л., 1947, стр. 66—68.

реального явления, связанного с землепашеством. Само содержание загадки — ответа Февронии близко знаменитой евангельской притче о пшенице («Другая же падоша на земли доброй, и даяху плод, ово убо сто, ово же шестьдесят, ово же тридесять», — Евангелие от Матфея, глава XIII). Лексика и словосочетания в этой загадке совпадают с фразеологией, употреблявшейся обычно в метафорических выражениях о плодородии в учительной литературе.[30]

Таким образом, у нас нет оснований говорить о большой близости Особой редакции фольклорной основе. Напротив, составитель ее в своем пересказе, стараясь сохранить содержание произведения, но в то же время передать его в традиции житийного стиля, в значительной степени отошел от народно-сказочных мотивов, которые четко прослеживаются в оригинале Повести.

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ

л. 8 Месяца июня в 25 день житие святаго и благовернаго великого князя Петра и его благоверныя княгини Февронии, муромских новых чюдотворцев. Благослови отче.

Сей бе благородный и благочестивый великий князь Петр родися от благочестну родителю в Муроме граде и воспитан бысть от нею в добре наказании, в страсе божии, посте и молитве и всех добродетели прилежав. Часто хождаше святый по святым церквам, молящеся богови о своем спасении, мило-
л. 8 об. стыню и любов много к нищим творяще || господа ради.

Имеяше бо себе старейшаго единороднаго брата именем Павла, княжение имеяше в преславном граде Муроме. Бяше же у брата его Павла жена прекрасна. Обое житием своим чисто живыи, заповеди господня соблюдающа и всеми добродетелми украшающеся. Таже[а] позавидев им диявол лукавый доброму их начинанию и совокупися с Павловою женою. И нача бес часто приходити во образе Павлове.[б] От того же часа одоле ю враг наси-
л. 9 лием. И бысть жене той || велия скорбь от него и болезнь. И вся поведа мужу своему.

[а] *Это слово в ркп. написано два раза.* [б] *В ркп. добавлено* приходити.

[30] Для наглядности можно взять примеры из сочинений таких знаменитых русских писателей, как Серапион Владимирский или протопоп Аввакум: 1) «Всегда сею в ниву сердець ваших семя божественое, николи же вижю прозябша и плод породивша» (Е. Петухов. Серапион Владимирский проповедник XIII века. СПб., 1888, приложение, стр. 5); 2) «Зане сеянное в них семя словеси божия от церковнаго древлеотеческаго предания на ниве сердца их подавлено в них терпением печалей века» (Книга бесед протопопа Аввакума. Беседа седьмая «о старолюбцах и новолюбцах». В кн.: Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. I, вып. 1. Л., 1927, стлб. 314 (РИБ, т. XXXIX).

И виде ю Павел, муж ея, в толице скорби погибающею, и скорбяще по ней зело. И абие поведа брату своему князю Петру приключившуся напасть жене своей. И велми обоя сожалистася по ней, како погубити врага. И по сем повеле Петр брату своему вопросити жену свою[в] у беса:[г] «От чево будет тебе смерть?». Она же с лестию вопросила его о смерти. Диявол же поведа ей смерть свою, глагола ей: «Будет ми погибель от Петрова плеча и от агрикова меча. || Кроме того ничто же не вредит». Она же л. 9 об.
скоро поведа мужеви своему все по ряду. Павел же поведа брату своему[д] Петру вражию погибель. Петр же, слышав от него тацы глаголы, о сем зело оскорбе, како может быти дело сие. Таже милосердый бог, милуяи рабы своя, избавляя от диявола искушение, не хотя человеком погибели, но изволи всех спасти от напрасныя смерти, вскоре человеколюбие свое милостивое подает рабом своим, боящимся его.

Изыде же Петр в некое время благополучно вне||града в де- л. 10
вич монастырь Возъдвижение честнаго креста господня помолитеся. И паки вниде благоверный во святую церков, тепле припадая к божественному образом господним, со слезами молящеся богови на мног час. Таже преста ему юноша прекрасен зело от бога посланый и глагола Петру: «Хощеши ли, княже, аз ти победу покажу на врага?». И абие взем его за руку и веде его во святый олтарь. И показа ему в раселине стены агриков меч и рек ему: «Сим мечем победиши врага». И не видим бысть от него. Петр же о сем || возда хвалу богу и абие взем меч в расе- л. 10 об.
лине и отиде в дом с радостию велиею.

Прииде же брат его Павел и вся козни дияволи сказа ему, како воображается всячески. И увери Петра: «О любезный мой брате, аще и в мой зрак узриши его, не ими веры сему, но победи его». Таже Петр вшед в дом его и узре врага седяща со женою братнею во образе яко Павел, брат его. И не усумневся нимало и въскочив тамо во храмину и обличив диявола и усекнув главу его. И абие явися змий, и укану кров || вражия на блаженнаго л. 11.
Петра.

И от того часа начат тело его гнити, едва дыхание в нем оста от лютыя тоя болезни. Брат же его Павел со женою своею по вся дни велми о нем плачущеся, видевше его в велицей сей язвы. Многих врачев приводяще в дом свой целбу творяще. И ничто же помогающе. Уже бо да полу имения своего издаяше врачем, никоея же ползы обретше во граде.

Посем же отроки его вземше по всем градом поехаше целбы взыскующи, но нигде же обретающе. И приехаше в пределы Резанския || земли, иде же бяше блаженная Феврония от хри- л. 11 об.
стияну родителю.

[в–г] *В ркп. подписано над строкой.* [д] *Испр.; в ркп.* стоему.

И се един от отрок уклонися весь некую. И вшед в дом Февронии премудрыя и видев ю едину седящу в срачици единой ткущи платно. И абие узре девица, и глагола ему премудрая Феврония: «О человече, нелепо есть дому быти без ушию их и храму[е] безо очию, не бы тако просто семо пришел еси». Отрок же удивися разуму ея. И глагола отрок: «Рцы ми, госпоже прекрасная девица, что есть уши и очи?». Она же ему рече: «Очи есть —
л. 12 аще бы рабыня была, далече || бы тя узрела и поведала бы мне. А уши есть — аще бы пес был, то бы пролаел бы. Толико просто не пришел бы ко мне». Таже вопросив ю отца ея и о матери и о брате. Она же рече ему: «Отец мой с малым изыде великая собирати. Мати же моя изыде в заем плакати. А брат мой в наве зрети». Моли же ю отрок: «Рцы ми, госпоже, сия словеса мудрыя». Она же рече ему: «Отец мой изыде на нивы сеяти, и послет бог много всякого обилия. Мати же моя изыде по мерт-
л. 12 об. вом плакати — тоже и по ней будет. А брат же || на борзи лазит и зрит ясно на землю, кабы не упасть». И прочая беседоваше. И глагола ей юноша: «Вижу тя мудру сущу, девице. Како, госпоже, имя твое есть?». Она же рече ему: «Имя мое есть Феврония». И глагола ему: «Рцы ми, юноше, кто твой господинь есть». Он же рече ей: «Раб есмь муромъского князя Петра». И поведа ей вся, како избави сноху свою от лютаго врага и о болезни его. Таже рече ему Феврония: «Иди, рцы господину своему, аще поимет мене за ся, то избавлю его злыя болезни». И паки юноша поклонися ей до земля и отиде от нея.

л. 13 И пришед || поведа князю своему Петру мудрости ея беседу и о исцелении. Петр же слышав сия от юноши глаголы и обещася взяти ю за ся. И посла к ней юношу. Юноша же шед поведа ей все от князя Петра. Она же вда ему в сосуде кисляти мало и повеле его всего измазати, толко едино место оставити не помазанно. Абие же Петр вниде в баину мытися. И всего изъмазавши его и бысть вес здрав, благодаривше бога.

И хотя ю в мудрости искусити девицу. Посла к ней повесмо лну со отроком, глаголя: «Рцы ей, да ми сотворит в сей час
л. 13 об. срачицу || и порты, елико в бани изъмыюся». Отрок же шед, вда ей повесмо лну и заповеда ей вся — сотворити срачицу и порты в сий час. Она же рече ему: «Иди, рцы господину своему: аз в сий час лен чешу и готовлю». И вдаст ему поленъце мало и рек: «Да сотворит стативу в сем поленце». Отрок же пришед поведа князю Петру вся, еже рече ему блаженная. Князь же удивися премудрости ея и отсла к ней юношу, глаголя: «Как мощно сотворити сия[ж] в *мале*[з] древе толикое строение?». Она же
л. 14 ему ответы вда: «Како и ты, княже, искушаеши мя || во едином повесме срачицу и порты сотвори во единем часе».

[е] *Испр., в ркп.* раму. [ж-з] *Испр.; в ркп. неясно написано, первые буквы зачеркнуты, осталось только* ле.

Паки же Петр получи здравие и солга клятве своей и не понят ю за ся нищеты ради ея. И отиде во град свой весь здрав с радостию велиею.

И мало ему пребывшу во здравии своем. И начат ему от того места непомазаннаго тело его гнити. Таже князь Петр проразуме свое прегрешение к мудрей девицы, плакася горко греха своего. И скоро отеде ко блаженей Февронии. И припаде к ней с великим молением и слово воздаст истинное. Премудрая же Феврония, || виде его теплую любов к себе, вскоре исцеление *л. 14 об.* дарова князю Петру и здрава сотвори, яко же прежде. И воздав хвалу господеви. И понят ю за ся благоверный князь Петр.

И доехаше Мурома града и начаста жити вкупе во благочестии, посте и молитве, и ко святым церквам ходити, многу милостыню к нищим творяще господа ради.

По мале же времени преставися Павел, брат его. И бысть по брате своем князем Муроме граде, добре строяше державъство свое, обидемыя избавляя от силных, печалных утешая, нищия || милуя и во всем благоугоден бысть к богу и человеком. *л. 15*

Таже бояре завистию на нь начаста поносити Петра, глаголюще ему: «Что ради понял еси за ся нищелюбицу? Не хощем ю над собою имети госпожею, ни жены наша. Тебе бо вси любим, благородный княже, а сию же отпусти, амо же хощет. Како хлеб яст и собирает укрушие в руку свою, яко убогая раба». Петр же хотя ю искусити. Един начат с нею ясти. И видев ю тако творяще и глагола ей: «Что дееши?». И разгнув руку ея. Изыде от нея благоухание. И удивися чистоте ея и к тому не смеяше || искушати ю ни в чем же, но велми любляше ю душею. И сер- *л. 15 об.* дечною любов прилагающе друг ко другу, еже не разлучатися има до исхода душа своея.

Боляре же ему много о ней яко пси возбраняюще: «Отпусти ю, амо же хощет». Петр же вся терпя понос и уничижение господа ради. Слышав же сия Феврония злый их совет и глагола им: «Молю вы, братие, и прошу у вас единаго дадите ми, аз ваю волю сотворю». Они же с клятвою ей обещастася, что дади. Она же рече им: «Дадите ми единаго любимаго Петра, а имение наше все в руку || вашею будет». Они же не волию, клятве ради *л. 16* своея, со многою печалию вдаста ей князя Петра.

Таже Петр волею своею оставя княжение свое. С Февронией же седша в насады на Оку реку и отидоша в путь свой со благодарением.

Егда пловущим же им по реце Оке, тогда бысть в насаде Февронии же некто гребец, имея и жену у себе. Часто на святую Февронию взираша красоты ради лица ея. И вниде ему блудный помысл в сердце его. Премудрая же Феврония провиде в нем злый помысл и глагола ему: «Что помышляеши, человече, злая?». || И повеле ему: «Почерпи сея страны воды, испей». *л. 16 об.* Он же сотвори стране той и со другой стране тои же творяще.

И рече ему святая: «Какова есть вода ти?». Он же рече к ней:
«Единака, госпоже, есть». И поучив его на мног час:
«Не прельщайся, чадо, чюжей жене. Добро ти будет доволен
своею женою, едино естество есть».

Таже возълез же на брег. Рабы же их начаша потребная
брашна творити, древие секуще на огнь возълагающе. Блажен-
ная же Феврония хожаше с Петром по брегу, обоимающе усе-
л. 17 ченная древеса рукама своима. || И молитвою своею во едину
нощ вся та древеса возрастоша, яко же прежде бысть. И паки вси
видевше чюдо сие, удивишася.

По сих же бысть велие сметение в Муроме граде: друг друга
побивающе княжение ради. Таже постигают скоро гражане
благовернаго князя Петра и Февронию. И тепле припадающе
на нозе им и молиша их на мног час с великими с плачем и ры-
данием и глаголюще: «О благоверный княже Петре и Февроние,
покажите свое великое милосердие, возвратитеся во свое отече-
л. 17 об. ство, утолите кров напрасную!». || И паки возвратишеся[и] во свое
отечество во град Муром. И прияша их гражане с великою
честию. Благородная же двоице и всечестная не восхотеста нич-
тоже врагом своем мсти. Всегда добро творяще им преизлиха,
но во всем на бога уповающе и возъненавидеста мира сего кра-
соты, во всем угодиша богу.

И сотвориста себе гроб един с преградаю. И отвещастася и
по смерти своей телесем ею неразлучным быти. И возълюбиста
ангелеское житие и отидоша каждо во свой монастырь. И прият
л. 18 Петр ангельский образ || и наречен бысть во иноцех Давид.
Феврония же наречено бысть Ефросения. И препроводивше дни
своя в посте и молитве, во всяком воздержании.

И начат преподобная завесу шити в церковь соборную святей
Богородицы честнаго ея рожества в лицех святых. И мало ей не
докончавши. Таже присылает к ней Давид: «Госпоже моя
сестро! Хощу отити жития сего тленнаго, но жду тебе». Она
же отрек к нему: «Пожди, брате, мало, яко да вощъю воздух во
святую церковь». Паки присылает к ней въторое, тоже слово
л. 18 об. рек: «Уже бо я тя мало жду». И посла || к ней в третие:
«Госпоже моя сестро Ефросение! Мир тебе и благословение. Уже
бо тя не жду, уже бо хощу предъставитися». Она же остави дело
свое, недошивши риз и лиц святых, и вотъше иглу свою и нитку
приверте. И посла к нему, рек: «Иди, рцы ему — и аз иду с то-
бою в сий час». И обое став пред богом молястася на мног час
и вкупе обое во един час честно душа своя в руце господеви
месяца июня в 25 день на память святыя преподобныя мученицы
Февронии.

л. 19 Таже благороднии людие стекошася положиша || князя
Петра во своем гробе в церкви соборней святей Богородицы,

[и] *Испр.; в ркп.* возвратитеся.

а Феврония Воздвижения креста господня вне града в девичей манастыри. Таже на утрия пришедша в соборную церковь святей Богородицы множество людей, епископ же и игумены и весь освещенный собор и видевше святую во едином гробе лежаща с преградою и в недоумении быша. И покушахуся трижды телеса их пологати во свой гроб.[к] Святыи же телеса их трижды обреташеся во едином гробе. И к тому не смеяше гражане дерзати. || И прославиша бога и препроводив честно со псалмы л. 19 об.
и песньми и пении духовными со многими слезами. Бысть плач велий, яко гром ею ради. И положиша честная их телеса во едином гробе в церкви соборней Рожества святей богородицы. И прославиша бога о бывающих чюдесех святая и во гласех радование воспевающе пение глаголюще.

Радуйтася двоице честная и прекрасный плод добродетели благородный княже Петре и Февроние! Радуйся Петре, яко дана ти есть благодать от бога убити летящаго[л] свирепаго змия! ||
Радуйся Февроние, яко в женстве главе святых мужей и пре- л. 20
мудрости имела еси! Радуйся Петре, яко струпы и язвы на теле своем нося доблествене скорби претерпел еси! Радуйся Февроният, яко прияла еси от бога благодать в девьстве своем недуги целити! Радуйся Петре, яко самодержавства своего волею отступих не оставити супруги своея! Радуйся дивная Февроние, яко твоим благословением во едину нощ малое древие велико возрасте и изнесоша ветвие и листвие! Радуйтася честная главо и божественая || двоице! О благоверный княже Петре и Февро- л. 20 об.
ния, милости сокровище неоскудное еже получисте живот вечный на небесех, вы бо есте воистину граду своему слава, всему миру радости. Богу нашему слава ныне и присно и во веки веком. Аминь.

(ИРЛИ, Причудское собр., № 4).

[к] *В ркп. ошибочно добавлено* святая же телеса их пологати во свой гроб. [л] *Испр.; в ркп.* летяшаго.

Г. В. Маркелов

ПОВЕСТЬ В СТИХАХ XVIII в. О СВАТОВСТВЕ КУПЕЧЕСКОЙ ДОЧЕРИ

В июле 1969 г. в хранилище древнерусских рукописей Пушкинского дома поступила рукопись с фрагментом стихотворного произведения о сватовстве купеческой дочери. Ее в числе других рукописей прислал в дар институту В. И. Стирманов — известный пинежский собиратель старины, основатель народного краеведческого музея в пос. Пинега. К нему рукопись поступила из семейного архива крестьян Спировых (дер. Шеймогоры). В этом родовом архиве хранились также документы делового содержания 1722—1872 гг., два списка «Повести об Акире Премудром», апокриф «Иерусалимский свиток» в списках XVIII в. и другие произведения древнерусской литературы. По-видимому, это остатки некогда большой крестьянской библиотеки. Они свидетельствуют о сравнительно высоком культурном уровне крестьян-шеймогорцев. Из поколения в поколение передавались рукописные сборники нравоучительного, сатирического и просто развлекательного содержания.

Рукопись «Повести о сватовстве купеческой дочери» [1] представляет собой тетрадь конца XVIII в. (бумага с филигранью 1783 г.), в 8-ку, на 4 листах, писана скорописью с выносными буквами, обложка не сохранилась, начало текста утрачено, конец не дописан. На рукописи имеются очень неразборчивые записи, в том числе роспись какого-то канцеляриста и владельческая запись: «Сия книга Федора Спирова». Текст местами дефектен, некоторые слова разобрать не представилось возможным.

Хотя список произведения, к сожалению, не полон, дошедший до нас текст позволяет реконструировать содержание утраченной части следующим образом. Молодой горожанин, вероятно из купеческого сословия, но обнищавший, плутоватый, каким-то образом добывает деньги — много мелких серебряных монет. Дошедшая часть списка начинается с рассказа молодца, как он просил у старика соседа мерку — четверик, чтобы измерить свое серебро. Старик сначала отказывается, зная, что у просителя и денег нет, да и сам четверик он может пропить.

[1] ИРЛИ, р. IV, Пинежское собр., № 446.

Наконец, достав четверик, герой насыпает его доверху серебром. В щелях мерки застревают копейки, которые достает старик, разломав четверик. Неожиданно обогатившийся герой похваляется некоей старухе. Та обещает найти ему достойную невесту и отправляется в соседний город сватать дочь богатого купца Сусанну. И вот сваха расхваливает жениха перед отцом невесты и его гостями. Заканчивается текст тем, что купец затрудняется дать свахе ответ и просит у гостей совета по сему щекотливому делу.

Перед нами произведение, написанное характерным раешным рифмованным фразовиком со смежной рифмовкой.[2] Рифмы в большинстве точные и очень небольшой процент (ох—мог) вольных. В рифмах встречаются ассонансы (щелях—досках, мелки—копейки), переносы ударения (с верхо́м—серебро́м, деви́ца—краси́ца). Собственно на внешней, формальной организации стихов кончается сходство с раешником. Функционально это другой жанр, что видно из художественных приемов автора. Хотя он и приводит здесь прямую речь и молодца, и старика, и свахи с купцом, но не в виде реплик или монологов интермедий, а как в эпическом повествовании. Следовательно, мы можем в данном случае определить рукопись как бытовую новеллу в стихах XVIII в. Написана она была, конечно, не для профессионального исполнения. «Сватовство» читали или произносили наизусть в очень узкой среде, для отдыха, для забавы.

Возможно, текст «Сватовства» — автограф. Автор по каким-то причинам не дописал его при переписке. А в одном месте зачеркнул неудачную строчку («Только ты уберись»), заменив более подходящей («Только ты нарядись и чище уберись»). Вероятно, тетрадь со списком входила в книгу, где был весь текст.

В тексте есть слова свахи: «В городе славном, *нашему* равном». «Наш» — это город старухи и молодца. Вероятно, автор, как и его герои, горожанин. Он был близок к купеческой среде, знал ее интересы, ее характерные особенности, находился на том же культурном уровне. «Сватовство купеческой дочери» мог написать, например, приказчик у поморского купца или канцелярист.[3] Одним словом, средние городские сословия могли породить произведения так называемой «низовой литературы» вроде нашего «Сватовства».[4]

---

[2] При публикации смежная рифмовка оставлена внутри строки, что соответствует тексту оригинала.

[3] См. роспись канцеляриста после текста «Сватовства», хотя и сделанную другой рукой.

[4] Проблемы предстоящего изучения «низовой литературы» XVIII в. поставлены в книге: М. Н. *Сперанский*. Рукописные сборники XVIII века. М., 1963. См. также статью: П. Н. *Берков*. К вопросу об изучении массовой литературы XVIII в. Известия АН СССР, Отделение общественных наук, № 3, М.—Л., 1936, стр. 459—471.

Филиграни бумаги, особенности почерка, лексика «Сватовства купеческой дочери» позволяют отнести произведение к 80-м годам XVIII в.

Язык «Сватовства» малолитературен. Однако автор позволяет себе лишь в двух-трех случаях вульгаризмы («напромах», «не уходил» в смысле «не пропил», «не потерял»). Диалектные особенности указывают на северное происхождение текста. Это такие слова, как «разболокла» (сняла, разделась), «коты» (род валяной обуви), «вожоватый» (обходительный, уважаемый). Наконец упомянуто «поморское богатство» («Кораблей по пяти могли привести с товаром заморским и богатством поморским»). Таким образом, происхождение рукописи связано с северными районами, вероятнее всего с поморским купеческим центром.

Анонимному автору повести был хорошо известен фольклор. Например, эпизод с прилипшими ко дну четверика монетами неоднократно встречается в русских бытовых сказках. Автор уверенно пользовался раешным стихом, причем большинство рифм — пусть самых простых, глагольных, — точные. Описывая, например, как рассердился старик, автор использует грубоватый народный юмор. Его герой балагурит, посмеивается, прихвастывает. А старуха, видимо, успешно справляется со сватовством своего, «в новом чине», племянника. Темы и приемы устного народного творчества любопытно сочетаются в «Сватовстве» с элементами любовно-авантюрных повестей XVIII в. (неожиданное богатство, старуха-помощница, путешествие за невестой и др.). Для стиля повести характерны натуралистические подробности.

Тщательное и подробное изучение произведений «низовой литературы» XVIII в., произведений, к которым принадлежит и наше «Сватовство купеческой дочери», поможет вскрыть суть взаимосвязей фольклора с новой литературой XVIII в.

Ниже следует текст «Повести о сватовстве купеческой дочери», который печатается по правилам, принятым в ТОДРЛ.

л. 1

...Просить четверика у одного старика.
Оной вопрос предлагает и отвечать заставляет:
«На что я тебе дам, понеже знаю сам,
Что жита не имеешь и мерить не разумеешь,
И истинно такого не имеешь другого.
Для чего б его просить и мне досадить?
Я тебя опасаюсь и далее убираюсь,
Чтоб его не уходил и на вино не променил,
Тогда будет сожалеть, но уж негде взеть».
Таковое слово прибавило ума вново.
Стал вымышлять, чтоб четверик достать.
Речь к ему обращал и истинну доказал:
«Пожалуй дет,[a] ближной сосед,
Не жито им, но денгам моим

---

[a] *Так в ркп.*

Дать измеренье и точно исчисленье».
Тогда старик збесился,
На меня было бросился,
Плюнуть хотел, но слин не имел.
Вместо того из рота своего
Не в свою охоту возымел хрыпоту, *л. 1 об.*
Кашлем давился и от меня удалился.
Домашним говорил, надо мною шутил:
«Отдайте сему, нецелому уму,
Глупому детине, хвастуну сиротине!
Пусь уверит, денги измерит».
Тогда его взял, домой побежал,
Мерил, как можно, однако неосторожно —
Не уприметил извне щели на дне,
И за обручами не увидял очами.
Насыпал с верхом четверик серебром,
Денги мелки, серебряны копейки,
⟨*нрзб.*⟩ деда, ближняго суседа.
Окончив дело, побежал смело,
Дабы не удержать, старику обратно отдать.
Не рассмотрел второпях, что налнуло в краях
Денег моих приятных, дорогих.
Ушедши домой, хватился собой,
Сказал в горе: «Ох!»,
Да возвратить их не мог.
Сей старик был умом не дик. *л. 2*
Увидял, что в щелях ⟨*нрзб.*⟩ и досках
Денег много, поступил с има строго.
Почал рассекать, по доскам разбирать,
Изломал его в прах и бросил напромах.
Денгами обогатилсе, моему богатству подивилсе.
С того стал богат, дворянину брат.
Вот, бабушка моя, таков-то есть я!
«Да и подлинно ты, хотя на ногах не мудры коты,
Богат и славен, тысящникам равен.
А еще не знала, что ⟨*нрзб.*⟩
Теперь веру иму, дивлюся твоему уму!».
«Так надобно женится, с женою повеселится,
Да где же возму по богатству моему?
Не знаш ли где-нибуть помощницу ⟨*нрзб.*⟩..?».
«Постой-ко мало! На разум мне пало:
В етом деле, неподалеку отселе,
В городе славном, нашему равном,
Есть купец, изрядной молодец,
Корабли отпущает и товары закупает. *л. 2 об.*
Его нет богате и с людми вожавате.
У его дочь изрядна и весма нарядна,
Сусаной зовут, женихи многие тут.
Могу услужить, к нему сходить;
Начну дело, посватаюсь смело.
Даст ли он или выгонит вон?
Тебя похвалю и богатство обявлю,[6]
Только ты нарядись и чище уберись,
Выступи бравее, ходи хоробрее,
Как позовут и за тобою пошлют».
Времени немало потом миновало.
Всякая сваха — не бела рубаха,

В ркп. далее зачеркнуто: Только ты уберись.

До купца доходит и в горницу дверь находит.
Ноги переволокла, <*нрзб.*> одежду разболокла,
Учтиво крест кладет и поклоны ведет.
Случились тут гости, играли в кости.
Старуха поклоны, где стоят иконы,
л. 3 Хозяину и гостям и всем по частям,
Ударяет челом во весь его дом.
Все огледелись, тут кои имелись.
Стает подле печь, начинает свою речь:
«Здравствуй, господин! Знакомец мой един,
Купец знаменитой и чести отменитой.
Имя ваше забываю и отечества не знаю,
И гости почтенны, от всех возлюбленны.
Не позазрите слову, я речь скажу нову.
Мой приход до вас в сей особливой час,
Начать смело велико дело.
У нас в волосте, в великой часте
Выехало издалека два человека.
Один женат — мне по роду брат,
Другой не женат — молодец вожоват,
Племянник мне есть, заслужил велику честь.
За морем жили, торги они водили,
Приехали ныне в новом чине.
л. 3 об. Кораблей по пяти могли привести
С товаром заморским и богатством поморским.
Всех одолжили, кои богато жили,
И видит весь свет, что славнее их нет,
Кантору содержат, всех денег не издержат.
Меня послали, тебе знать дали,
Дабы с тобой, свет дорогой,
Вместе торговать и корабли отпущать.
Желают в сей год завести с тобой род.
У тебя есть девица, самая красавица,
Любима тобою и всею страною,
А у нас жених, почтеннее всих.
Так можно за нас отдать ей в сей час.
Невесту показать и за женихом наказать,
Друг друга увидят и красоте позавидят,
Тогда согласятся друг с другом не росстатся.
Я знаю сама, что наш полон ума,
И о вашей слыхала, разумной называла.
Так, милый мой свет, пожалуй мне ответ:
Хочешь ли дать или отказать?
л. 4 Чтоб я знала и жениху наказала,
Нас люди чтут и другую знатну дадут».
Увидя сию новость, пришол хозяин в робость,
И хозяйка ужаснулась, на старуху огленулась.
Гости вместе стали и зарассуждали.
Хозяин говорит и на ей умилно зрит:
«В нынешний год к добру ли твой приход?
Речи твои разумею, но ответа дать не умею.
Гости дорогие! Вложите мысли благие»...

Н. Ф. Дробленкова

НЕИЗВЕСТНЫЙ ВАРИАНТ СТИХА О ПОТОПЕ

В декабре 1969 г. чл.-корр. АН СССР В. П. Адрианова-Перетц передала в рукописное собрание Пушкинского дома сборник духовных стихов с пространным, до сих пор не встречавшимся вариантом стиха о потопе. Рукопись ИРЛИ, р. IV, оп. 13 (собрание В. Н. Перетца), № 667 — конволют из двух разноформатных тетрадей, в 8-ку, полууставом разных почерков, на 40 лл., без переплета. Первая тетрадь — сборник духовных стихов на бумаге 1840-х годов, вторая (лл. 27—40) содержит только «Стих о потопе Ноя праведнаго» (далее список А) и писана на бумаге конца XVIII— начала XIX в. Подобный, пространный вариант стиха о потопе не известен ни В. Варенцову,[1] ни П. Бессонову,[2] ни Т. С. Рождественскому,[3] ни Я. А. Богатенко.[4] Опубликованные ими стихи по сравнению с новым вариантом производят впечатление отрывков, так как обычно начинаются строками «Потоп страшен умножался...», которые читаются в середине текста пространного варианта. Судя по обилию списков, краткие варианты были весьма популярны. Мелодия их стиха, как отмечает Я. А. Богатенко, «находится почти во всех современных старообрядческих сборниках стихов».[5]

Список полного варианта стиха о потопе также оказался не единственным. В одном только рукописном собрании ИРЛИ среди

---

[1] В. Варенцов. Сборник русских духовных стихов. Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1860, стр. 200—201 (стих переиздан Т. С. Рождественским под № 65).

[2] П. Бессонов. Калики перехожие, вып. 4. М., 1863, стр. 69, №№ 528—530.

[3] Т. С. Рождественский. Памятники старообрядческой поэзии. Записки Московского археологического института, т. VI, М., 1910, стр. 100—103, №№ 64—65.

[4] Текст духовных стихов, исполняемых старообрядческим любительским хором (при братстве св. креста) на чтении Я. А. Богатенко «Старообрядческие духовные стихи, „псальмы" и „канты"» 21 ноября 1911 г. в Большой аудитории Политехнического музея в Москве. [Б. м., б. г.], стр. 8—9 (№ 10).

[5] Там же, стр. 8.

стихов о потопе, перечисленных в указателе В. И. Малышева[6] и машинописном дополнении к его работе,[7] нами обнаружено еще 5 списков этого варианта.

1. ИРЛИ, р. IV, оп. 10 (Мезенское собр.), № 142. Сборник духовных стихов начала XX в. (бумага ф-ки наследников Сумкина, № 6), полуустав, в 8-ку, 111 лл., в картонном переплете; тексты стиха на лл. 66—72 — список $М_1$.

2. ИРЛИ, р. IV, оп. 10 (Мезенское собр.), № 44. Сборник духовных стихов начала XX в. (бумага ф-ки наследников Сумкина, № 6), полуустав, в 8-ку, 23 лл., тетрадь без переплета; текст стиха на лл. 12—18—список $М_2$.

3. ИРЛИ, р. IV, оп. 7 (Карельское собр.), № 511. Сборник духовных стихов конца XIX в., полуустав, в 8-ку, 45 лл., без переплета, начало и отдельные листы в середине утрачены; текст стиха на лл. 18 об.—24 об.—список $К_1$.

4. В этом же сборнике на л. 38—38 об. отрывок стиха, кончая 33-й строкой — список $К_2$.

5. ИРЛИ, р. IV, оп. 7 (Карельское собр.), № 214. Сборник старообрядческих стихов начала XX в., полуустав, в 8-ку, 9 лл., тетрадь без обложки; текст стиха на лл. 1—7 — список $К_3$.

Еще Т. С. Рождественский, характеризуя сокращенные варианты стиха о потопе, отмечал, что они «мало имеют в себе типично старообрядческих положений и примыкают по содержанию и форме к псальмам и кантам слепцов и других калек».[8] Подобно большинству кантов, полный вариант стиха представляет собой стихотворное переложение прозаического произведения на ту же тему; таким образцом для него послужило сказание о Ное Мефодия Патарского. Полный вариант стиха (начинающийся от Адама и первородного людского греха) использует все основные мотивы сказания Мефодия Патарского, и прежде всего легенду о жене Ноя, которая с помощью хмеля выведывает у ставшего болтливым мужа тайну постройки ковчега.[9] В других переложениях библейских текстов о Ноевом потопе (например, в Палее Толковой,[10] у Аввакума и др.) этого эпизода нет. В кратких вариантах стиха (и это также свидетельствует об их более позднем происхождении) не только отсутствует начальная часть с мотивом о жене Ноя,

---

[6] В. И. Малышев. Древнерусские рукописи Пушкинского дома. (Обзор фондов). М.—Л., 1965.

[7] Ограничиваемся обзором списков, хранящихся в собрании ИРЛИ; за недостатком места не имеем возможности перечислить просмотренные нами в этом собрании списки кратких вариантов стиха.

[8] Т. С. Рождественский. Памятники старообрядческой поэзии, стр. 97.

[9] А. Н. Пыпин. Ложные и отреченные книги русской старины. СПб., 1862 (Памятники старинной русской литературы, изд. Г. Кушелева-Безбородко, вып. 3), стр. 17—18.

[10] Палея толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. Труд учеников Н. С. Тихонравова. М., 1892, стр. 101—112.

но и опущены отдельные эпизоды сказания Мефодия Патарского в конце стиха, сильно сокращенном и переработанном, и заметно стирается зависимость от текста сказания (так горы «Аравитцкие» переправлены, вслед за библейскими текстами, в горы «Араратские»). Следует отметить, что отдельные слова и словосочетания в стихе (которые не встречаются у Мефодия Патарского) совпадают с выражениями Аввакума в его сочинении «О сотворении мира, грехопадении перваго человека и о потопе».[11] Например, у Аввакума — «погибе с шумом водяным» (стр. 679), в стихе — «ковчег шумом носило и водой», «шум с водой сразился» (строки 197—198, 200); другие совпадения (строки 76—78, 281) близки также и текстам Палеи Толковой.[12] Однако знал ли Аввакум текст стиха или у этих текстов была обратная зависимость, судить не беремся. Начало полного варианта стиха о потопе (наказание людского рода за перворoccupational грех) тематически близко еще одному памятнику XVII в. — «Повести о Горе-Злочастии». Все эти выше изложенные наблюдения позволяют высказать предположение, что кант о потопе, по-видимому, был создан в конце XVII—начале XVIII в.

В полном варианте стиха переходы от одной темы к другой осуществляются с помощью фраз повторяющейся конструкции («Потоп болше умножался...», «Потоп Ноев продолжался...») и специальной оговорки из двух строф (строки 118—123), изобличающей в создателе человека, искушенного в книжных речениях. Это облегчило подвижность текста стиха, пропуски в нем и, наконец, отсечение первой части в месте этой «спайки» из двух строф.

Проверку временем в стихе (длительное бытование в виде кратких вариантов) выдержало основное описание разбушевавшейся морской стихии, всемирного потопа. Тематически и ритмически данному стиху близок другой, не менее известный — «Буря море роздымает...» (ср. строки 103—108 публикуемого стиха и ритмы стихов (по слогам): 8—8—8—8—4 и 8—8—4—4). В связи с этим любопытно привести изложенное в работе Н. Ф. Сумцова наблюдение исследователей (Гумбольта, Ревиля), уже неоднократно отмечавших, что «предания о потопе получали благоприятное развитие и местные приурочения в странах низменных, подвергавшихся наводнению, или в странах приморских, где сильные бури или землетрясения настолько усиливали прибой морских волн, что население опасалось погибнуть под ними».[13] Не беремся оконча-

[11] Протопоп Аввакум. О сотворении мира, грехопадении перваго человека и о потопе. В кн.: Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. 1, вып. 1. Л., 1927 (РИБ, т. XXXIX), стр. 651—684.

[12] Н. С. Сарафанова. Произведения древнерусской письменности в сочинениях Аввакума. ТОДРЛ, т. XVIII, М.—Л., 1962, стр. 332.

[13] Н. Ф. Сумцов. Очерки истории южнорусских апокрифических сказаний и песен. Киев, 1888, стр. 43.

тельно судить о месте возникновения стиха о потопе, однако, по-видимому, не случайно и то, что большинство списков канта принадлежит северным поморским районам, Заонежью, хранится в Мезенском, Карельском, Новгородско-Псковском, Верхне-Печорском и Причудском собраниях ИРЛИ. Предположению о возможном северном происхождении стиха не противоречит и слово «приветляна» (см. строку 50 по списку M_1 полного варианта стиха), производные которого встречаются не только в среднерусских, но и в северных, поморских говорах.[14]

Списки полного варианта стиха о потопе распадаются на две группы: $AM_1M_2K_2$ и K_1K_3. Список M_2 — почти дословная копия M_1, а список K_3 — копия списка K_1. Для изучения истории текста особенно интересны списки K_1K_3: в них стих разделен на две части (в K_1 виньеткой, в K_3 прописной буквой); данные списки регистрируют факт самостоятельного существования обеих этих частей. Вторая часть, которая начинается после строки 123 словами «Потоп страшен умножался...», ближе к текстам сокращенного варианта. Однако вряд ли списки K_1K_3 — отражение начальной истории сложения единого цикла стихов о потопе. Скорее всего, они представляют позднюю попытку реставрировать утраченный полный текст стиха. Вторая часть стиха в списках K_1K_3 сильно изменена и сокращена (нет строк 148—150, 172—174, 178—186, 202—221), в конце стиха утрачены некоторые отголоски сказания Мефодия Патарского (нет упоминания о горах «Аравитцких» и о возведении «столпа»). В то же время во второй части стиха повторно введена строфа, которая уже имеется в первой части (строки 22—24), где наличие ее вполне оправдано (сочинитель следовал за текстом Мефодия Патарского). Именно в таком же измененном виде, в каком эта строфа повторена во второй части списков K_1K_3, она встречается и в ряде других сокращенных вариантов стиха (например, в кратком варианте стиха в той же рукописи, где находится и список M_1 — см. л. 100—100 об.). Совершенно очевидно, что данная строфа — след, оставшийся от первой части стиха полного варианта.

Список А, так же как и близкие ему списки M_1M_2, представляет собой всего лишь позднюю неисправную копию. В нем, например, в отличие от всех остальных списков и в нарушение логики не на месте находятся строки 112—114, а после строки 220 пропущена

---

[14] В областных словарях зарегистрировано только слово «ветля́ный (ой)», то же что и «ве́тлый» — приветливый, ласковый, милый, общительный, разговорчивый, веселый (Псковская, Смоленская, Калининская, Калужская области и др., Латвийская ССР); «ветля́ный» — приветливый на словах (Олонецкая обл.), общительный (Пермская, Тобольская, Вятская области); «ветляно́й» — покладистый (Архангельская обл.). См.: Словарь русских народных говоров, вып. 4. Ред. Ф. П. Сороколетов. Главн. ред. Ф. П. Филин. Изд. «Наука», Л., 1969, стр. 195—196. За консультацию по этому вопросу признательна А. П. Евгеньевой.

целая строка, которая читается в списках M_1M_2. Введение и исправление строки 220 по спискам M_1M_2 затруднено, так как в них самих отсутствует вся предшествующая строфа. Списки M_1 и M_2 в ряде случаев дают более исправные (или исправленные?) рифмы (например, в строках 246—247, 205—206, 225—227 и др.). Однако, несмотря на ряд исправлений, которые пришлось внести в текст списка А, принимаем его за основной список как наиболее древний. Разночтения к нему подведены по всем известным нам спискам полного варианта стиха — $M_1M_2K_1K_2K_3$ собрания ИРЛИ.

Не претендуем на завершенность своих выводов: основная цель данной заметки — обратить внимание исследователей на неизвестный ранее пространный вариант стиха о потопе. Вопрос о том, как, когда, где и кем был сложен стих и в каком отношении к тексту пространного варианта находятся популярные краткие варианты стиха, окончательно можно будет решить, лишь изучив полностью рукописную традицию всех текстов стиха о потопе.

СТИХ О ПОТОПЕ[1] НОЯ ПРАВЕДНАГО[2] *л. 27*

От начала было века,
От перваго человека,
От Адама. (2)

Человек Адам неложен
[3] И в[4] законе непреложен,
Весма верен. (2)

У Адама жена Евва,
Точно как || прекрасна[5] дева, *л. 27 об.*
Вместе[6] жили. (2)

От Адама было[7] долго
Народилос людей много,
Умножалось.[8] (2)

Оне жили, все грешили,
Все законы преступили,
[9] Грех[10] творили.[11] (2)

[12] Увидал бог согрешенье,[13]
[14] Всех законов[15] преступленье,[16]
Истреблял их.[17] (2)

Истребляет[18] скоты || звери,[19] *л. 28*
Чтобы[20] люди взошли[21] в веру,[22]
Не грешили.[23] (2)

[1–2] праведнаго Ноя $M_1M_2K_2$; *нет* K_1K_3. [3–4] Он K_1K_3. [5] прекрасная $K_1K_2K_3$. [6] В раю K_1K_3. [7] прошло K_1K_3. [8] Умножилось $M_1M_2K_2$. [9–11] Самоволно K_1K_3. [10] Грехи $M_1M_2K_2$. [12–17] Попустил бог погубити, Всю вселенную потопити, / Беззаконых, безаконых K_1K_3. [13] согрешение M_2K_2. [14–15] Всем законом $M_1M_2K_2$. [16] преступление M_2K_2 [18–19] скот и звери K_3. [20–22] вышли люди к веру K_3. [21] вушли K_1. [23] грешились K_1.

Не всех творец истребляет,
[24] Спасти коих [25] умышляет
Для расплоду.[26] (2)

Истребляет их водою,
Весма зелною [27] морскою
И дождевной.[28] (2)

Захотел бог спасти Ноя [29]
От потопа водянова: [30]
Он [31] был [32] верен. (2) ||

л. 28 об. Говорил бог святым духом,
Ной услышал своим ухом
О потопе.[33] (2)

Научает господь Ноя
От потопа водянова
Ковчег строить. (2)

Широк, долог, превысоко: [34]
Вам [35] спастися от потопа
Со семьею. (2)

Ковчег строит, поспешает,
Все господь бог помогает,
[36] Чтоб скоряя.[37] (2) ||

л. 29 Ной же строит, умышляет,
Ничего жена не знает
О ковчеге. (2)

Захотелось ей узнати,[38]
Что Ной ходит созидати,[39]
Что за судно. (2)

Напоила Ноя пьяна,
Сотворила *приветляна*,[a, 40]
Расказал все: (2)

«Хожу, строю [41] я ковчежец,[42]
От беды [43] всегда earлиз-
От беды [43] всегда иземец,[44]
Ото всякой. (2) ||

---

[a] *Испр. по* M_1; *в ркп.* прелитвяна.

[24–25] Коих спасти $M_1M_2K_1K_2K_3$. [26] расплодия M_1M_2; расплода $K_1K_2K_3$. [27] земною $M_2K_1K_3$. [28] дождевою K_1K_3. [29] моя M_2. [30] водяноя K_1. [31] Ной K_1K_3. [32] бысть M_1. [33] ковчеге $M_1M_2K_2$ *(здесь кончается список* K_2*)*. [34] превысокой $M_1M_2K_3$. [35] Нам M_1M_2; там K_1K_3. [36–37] Чтобы спастися K_1K_3. [38] узнать M_1M_2. [39] созидать M_1; созидает M_2. [40] притляна M_2; умом слаба K_1K_3. [41] строить K_3. [42] ковчег M_1M_2; ковчега K_1K_3. [43–44] нам для убега K_1K_3. [44] избегнем M_1M_2.

Господь хощет сотворяти,[45] *л. 29 об.*
За грехи их[46] истребляти[47]
[48] Скот[49] и люди.[50] (2)

А мне бог о том сказует,
Своим перстом указует[51]
О ковчеге». (2)

Строил Ной ковъчег прекрепко.
Навещал его нередко
Сам господь бог. (2)

[52] Строил Ной[53] божией судбой,[54]
Осмолил всюду[55] смолой[56]
Верх[57] и снизу.[58] (2) ‖

Сотворил[59] ковчегу кровлю, *л. 30*
[60] Весма крепку[61] и трекровну,
Осмолив[62] ю.[63] (2)

Порешил[64] Ной ковчег строить,
Ни хотел[65] он[66] ни с кем[67] спорить,
[68] В ковчег входит.[69] (2) [6]

Не один Ной в[70] ковчег входит,[71]
Все семейство[72] свое[73] въводит
Тут[74] спастися.[75] (2)

Собирал[76] всю[77] живо‖тину: *л. 30 об.*
Зверей, птиц, гадов, скотину,[78]
Всех попарну. (2)

А[79] оставшия осталис,[80]
Все с народом истреблялис
От потопа. (2)

[в] *Набрал Ной хлеба доволно,*
Чтобы не было уморно[81]
Всем в ковчеге.[82] (2) [г]

Зотворил ковчегу двери,[83]
Сохранял[84] семью и[85] звери,
[86] Скот[87] и птицы.[88] (2)

---

[6] *Испр.; в ркп. цифра отсутствует; ниже восстановление цифр не оговаривается (выделены курсивом).* [в–г] *Испр. по спискам* $M_1M_2K_1K_3$, *в которых строки 82—84 читаются в данном месте; всписке А они ошибочно читаются после строки 114.*

[45] сотворити $M_1M_2K_1K_3$. [46] всех K_1K_3. [47] истребити $M_1M_2K_1K_3$. [48–50] Скоты-звери K_1K_3. [49] Скоты M_1M_2. [51] показует $M_1M_2K_1K_3$. [52–53] Ной строил K_1K_3. [53–54] божьею судбою $M_1M_2K_1$; божие судбою и K_3. [55] трижды K_1K_3. [56] смолою $M_1M_2K_1K_3$. [56–58] Сверху и низу M_1M_2. [57] Сверху K_1K_3. [59] Строил Ной K_1K_3. [60–63] И осмолил трижды смолою / Весьма крепку. (2) K_1K_3. [61–62] трижды / Осмолил M_1M_2. [64] Повершил K_1K_3. [65–67] ни с кем он M_1M_2. [66] *Нет* K_3. [68–69] Ковчег ходит K_1K_3. [70] *Нет* K_1K_3. [71] ходит K_1K_3. [72–74] своей водит, / Чтоб K_1. [73–74] водит, / Чтобы K_3. [75] спасется M_1M_2. [76] Собирает $M_1M_2K_1K_3$. [77–78] животну, / Скоты, зверей, птит, птиц, гады K_1; животну, / Скоты, звери, птицы, гады K_3. [79–80] оставшись и осталил K_1; оставшии и остались K_3. [81] голодно K_1K_3. [81–82] В сем ковчеге K_3; Сем ковчеге K_1. [83] дведи M_2. [84] Сохраняет K_1K_3. [85] *Нет* K_1K_3. [86–88] Скоты и птиц M_1; Скоты, птицы K_1K_3. [87] Скоты M_2.

Видит бог, что Ноя нету.
[89] Влез в [90] ковчег, не видит [д] свету,
Сохранял [91] их.[92] (2) ||

л. 31 [93] С семьей [94] Ноя сохраняет,
А других всех истребляет
[95] За грехи их. [95] (2)

[96] Все пучины открывает,
Снизу воду выпускает [97]
Всю [98] на землю. (2)

С небес [99] хляби отворяет, [100]
Превеликой дождь пущает [II, 1]
Безпрестанно. (2)

Позволяет бог морями,
л. 31 об. Чтобы хлынули волнами
На || всю землю. (2)

С моря волны поднялися,
С небес дожди пролилися
В одъно место. (2)

Лил дождь на землю нимало,
С моря волны поднялися [2]
Силным ветром. (2)

Вся вода совокупилась,
Вси народи возмутилис,
Видев воды.[3] (2)

Назвал бог [4] беду утопом,
л. 32 Ето Но||евым потопом,
[5] Потоп Ноев.[6] (2)

Ето Ной что сотворяет,
Ему [7] бог что позволяет [8]
Все за правду. (2)

Мы [9] на преднее [10] возъвратимся
[11] И, как [12] солнце, покатимся
[13] Над землею.[14] (2)

л. 32 об. Мы всю истинну || [15] покажем
И еще о том поскажем,[16]
Что там было. (2)

[д] *Испр. по* $M_1M_2K_1K_3$; *в ркп.* види.

[89–90] Вшел K_1K_3. [91] Сохраняя M_2; Сохраняяй. (2) K_1K_3. [92] *Нет* K_1K_3. [93–94] Семью $M_1M_2K_1K_3$. [95–95] Казнию смертно K_1; Казнию смертной K_3. [96–II, 6] *Нет строк 94—114* K_1K_3. [97] выпущает M_1M_2. [98] Все M_1M_2. [99–100] хлябии отворились M_1M_2. [II, 1] спущает M_1M_2. [2] поднимались M_1M_2. [3] воду M_1M_2. [4] *Нет* M_1M_2. [5–6] Казнию смертной M_1M_2. [6] *Далее в А строки 82—84.* [7–8] господь помогает K_1K_3. [9] Умом K_1K_3. [10] прежнее $M_1M_2K_3$; прежня K_1. [11–12] Аки M_1M_2 K_1K_3. [13–14] На их землю. (2) K_1K_3. [15–16] поскажом / И о том еще соскажом K_1; поскажем / И о том еще раскажем K_3.

Потоп болше[17] умножался;
Народ видя[18] испужался,
И[19] гнев[20] идет. (2)

Видев[21] воды многи, люты,
Побежали в[22] горы круты,
Там спастись.[23] (2)

Дебри водой[24] наполънялись,
Вси животны[25] выбирались
На верхи[26] гор.[27] (2) ||

Лютост в[28] кротосьть преложили,[29] *л. 33*
Един[30] друг друга[31] не вредили[32]
Лев с[33] овцею. (2)

Страхом силным[34] укрепилис,
Усъта их не отворилис
В[35] бытность тамо. (2)

Вси смотрили очевидно,
Как земъли[36] стало невидно,
[37] И[38] вода все.[39] (2)

Малы холми покрывалис,
Смерти горкой || предавалис *л. 33 об.*
[40] Зверей[41] род.[42] (2)

Крик великий поднимали,
[43] Когда[44] в воде[45] утопали[46]
В[47] злой[48] той час. (2)

[49] Птицы воздух наполняли,
Безпрестанно вси летали:
Сести негде.[50] (2)

Кверху гласы исъпущали,[51]
Когда дух свой прекращали[52]
[53] В смертной той час.[54] (2) ||

Все[55] их силы прекратилис,[56] *л. 34*
Сами в[57] воду повалилис[58]
В той потоп.[59] (2)

Кои плавали водами,
Тех покрыло всех волнами
И[60] водой той.[61] (2)

---

[17] страшен K_1K_3. [18] видев M_1M_2. [19] *Нет* $M_1M_2K_1K_3$. [20] Гнефы K_1; Гнеф K_3. [21] Видят K_1K_3. [22] *Нет* K_1K_3. [23] спастися $M_1M_2K_1K_3$. [24] воды M_1M_2. [25] животныи K_1K_3. [26] верх $M_1M_2K_1K_3$. [27] горы K_1K_3. [28] и K_1K_3. [29] перменились K_1; перъменили K_3. [30] И M_1M_2. [30–31] другаго K_3. [30–32] другаго не вредило K_1. [33] со K_3. [34] силом K_1. [35] *Нет* K_1K_3 [36] землю M_1M_2. [37–39] Все водай. (2) K_1K_3. [38] *Нет* M_1M_2. [40–42] Род зверевой. (2) K_1K_3. [41] И зверин M_1M_2. [43–46] Бога в помощь призывали M_1M_2. [44–45] воду K_1K_3. [47] *Нет* K_1K_3. [48] *Позднее исправлено карандашом* горкий M_2. [49–50] *Нет* K_1K_3. [51] воспущали K_1K_3. [52] спущали K_1; испущали K_3. [53–54] Ползы нету. (2) K_1K_3. [55] Си K_1. [56] прекратили K_1. [57] *Нет* K_1K_3. [58] утопали K_1K_3. [58–59] В потоп той M_1M_2; В горкий той час. (2) K_1K_3. [60] *Нет* K_3. [61] *Доб. строки:* Не всех творец истребляет, / Неких в ковчег затворяет, / Хранит преди. (2) K_1K_3.

Человек смотрел на звери,
[62] Отворились [63] смерти [64] двери
За грех [65] их.[66] (2)

Друг со другом обнималис,
л. 34 об. В [67] час последний разлу||чалис
[68] Со слезами.[69] (2)

Отец с [70] сыном тут прощалис,[71]
Мать [72] со дщерию [73] разлучались
В [74] горкой той час. (2)

Вдруг увидели очами: [75]
Ковчег Ноев с [76] сыновьями
[77] Носим тамо.[78] (2)

[79] Тогда было им завидно,[80]
Ковчег Ноев [81] ими видно [82]
Сохранялся.[83] (2)

Болше им досадно [84] было,
л. 35 По водам || долго носило
[85] Пагубой той.[86] (2)

[87] Горко плакавши, смотривши,
Ко творцу руки воздевши
За грех [88] свой. (2)

Оне плакали-рыдали,
Слезно к богу причитали:
«Нас помилуй!». (2)

От создателя им нету
Милосердова [89] ответу
За грех [90] их.[91] (2)

Вода [92] горы [93] все покрыла,[94]
л. 35 об. Род [95] людей || всех истребила [96]
И [97] зверей всех.[98] (2)

[99] Потоп Ноев продолжался,
Ной в ковчеге сохранялся,
Скот [100] и звери.[III, 1] (2)

[62–64] Отворил смертныя M_1M_2. [63] Как открылись K_1K_3. [65] грехи $M_1M_2K_1K_3$. [66] *Доб. строки*: Горько плакали, смотрели, / Руки сверху вси спостерли, / Творцу и всех. (2) K_1; Горко плакали, смотрели, / Руки кверху вси простерли / Творцу всех их. (2) K_3. [67] *Нет* K_1K_3. [68–69] Муж женою. (2) K_1; Муж с женою. (2) K_3. [70] *Нет* K_1K_3. [71] прощалил M_1. [72–73] з дочерью K_1K_3. [74] *Нет* K_1K_3. [75] волнами K_1K_3. [76] *Нет* K_1K_3. [77–78] Там спастися K_1K_3. [79–83] *Нет строк 172—174* K_1K_3. [80] *Доб. карандашом* как M_2. [81–82] им не видно M_1M_2. [84] досадность K_1. [84–86] стало, / Сердце злобою их востало / Пагубною. (2) K_1K_3. [85–86] В горкой той час. (2) M_1M_2. [87–91] *Нет строк 178—186* K_1K_3. [88] грехи M_1M_2 [89] Милосерднаго M_1; Милосердаго M_2. [90] грехи M_1M_2. [92] Воды K_1K_3. [93–94] вси покрылось K_1K_3. [95] *Нет* M_1M_2. [96] истребило K_1K_3. [96–98] Род зверевой. (2) K_1K_3. [97–98] зверин род. (2) M_2. [98] род M_1. [99–III,1] Ной ковчеге сохраняет, / Пока потоп продолжался, / Звери с нимы. (2) K_1; Ной ковчеге сохранялся, / Пока потоп продолжался, / Звери с ними. (2) K_3. [100] Скоты M_1M_2.

Ной печалился немало,
[2]Как [3]ковчег с ним[4] подънимало
Водой той.[5] (2)

Страх великий наводило,
Как[6] ко||вчег шумом носило л. 36
[7]И водой[8] той.[9] (2)

[10]В страхе силном находилис,[11]
Когда шум[12] с водой сразилса,[13]
Ной с[14] семьею.[15] (2)

Видит бог: по всему свету
Человека негде нету,
Кроме Ноя. (2)

Ной в ковчеге сохранялса,[16]
Вода в землю убиралас,
Горы видно. (2)

Видит бог народ || преслабый, л. 36 об.
[17]Затворяет небес[18] хляби.
Перестал[19] дождь. (2)

Бог всю землю осушает,
Воду в море всю впущает[20]
И в пучины.[21] (2)

Ной по утру очень рано
Послал ис ковчега врана
Смотрить землю. (2)

[2-4] Когда ковчега K_1K_3. [3-4] ковчежец M_1M_2. [5] тою K_1K_3. [6] Когда K_1K_3. [7-9] По водами. (2) K_1K_3. [8] волной M_1M_2. [10-11] Страхе смертной находился K_1K_3. [12] шумом K_1K_3 [13] сразились M_1M_2. [14] *Нет* M_2K_3. [15] *Далее в списках K_1K_3 строки 202—221 отсутствуют, а со строки 221 до конца текст дается в сильной переработке и сокращении (ниже текст публикуется по наиболее исправному списку K_3):*

Черным враном извещался,
Вран ковчегу не возвращался:
Земли нету. (2)

Голубица вылетала,
День в гуляница провождала:
С вестию нету. (2)

День ко вечеру приклонялся,
Голубица возвращалась,
С радостию. (2)

Сучец с древа знаменита,
От других древ отменита, ||
Масличная. (2)

На земли суша явилась,
Вода-потоп землю сокрылась,
Суша бысти. (2)

Ной весь сый день сыновьями
Хвалу богу возсылали
Радостию. (2)

На земли суша явилась,
Дверь ковчега отворилась,
Вышел Ною. (2)

За ним зверья выбирались,
По земли вси расселялись
Птицам роды. (2)

[16] сохранялись M_1M_2. [17-18] Затворил небесныя M_1M_2. [19] И престал M_1M_2. [20] зпущает M_1; зспущает M_2. [21] пучину M_1M_2.

[22] Вран всю землю осмотряет,
Приказ Ноев исполняет,
Что сказати.[23] (2) ||

л. 37 Усмотрил [24] вран [25] труп пловущий, [е, 26]
[27] Стал клевати.[28] (2)

Клевал ворон, насыщался
И в ковчег не возвращалса
Сказать Ною. (2)

Не дождавшис [29] Ной врана
Возвращенья к ковчегу,[30]
Был печален. (2)

Посылал Ной голубицу
Смотреть землю, как девицу,
[31] Все ли [32] видно. (2) ||

л. 37 об. Голубица все летала,
Негде места не сыскала,
Чтобы сести. (2)

Заманил Ной голубицу
В свой ковчег и во светлицу
До просухи. (2)

Продлил Ной еще седмицу,
Послал на свет голубицу,
Видно ли горы. (2)

Голубица все летала,
Сучец масличен сыскала,
Несет к Ною. (2) ||

л. 38 Увидал Ной голубицу,
Принимал, точно царицу,
[33] В свое [34] руки. (2)

Становился ковчех Ноев
На горах на Аравицких,[35]
Обмелел тут. (2)

Еще Ной продлил неделю,
Выходил он со семьею,
Скот [36] и звери. (2)

После етова утопу,[37]
Всенароднаго потопу [38]
Жили долго. (2)

[е] *Далее в ркп. отсутствует строка.*

[22–23] *Нет строк 217—219* M_1M_2. [24] Увидал M_1M_2. [25–26] мертвый труп M_1M_2. [26] *Доб.* Не исправил свой завет M_1M_2. [27–28] Сел клевать M_1M_2. [29–30] врана Ной / Возвращения в ковчег свой M_1M_2. [31–32] Всеми M_1. [33–34] Во свои M_1M_2. [35] Араратских (*испр. поздними чернилами, в ркп. было* Аравитских) вскоре M_1; Аравитских вскоре M_2. [36] Скоты M_1M_2. [37] утопа M_1M_2. [38] потопа M_1M_2.

Оне жили весма до‖лго, *л. 38 об.*
Расплодилос[39] людей много,
Умышляли.[40] (2)

Умышляли, соглашали,
Столп великий поставляли
Въверх до облаков.[41] (2)

Они строили, крепили,
На столп[42] влесьти все хотели
От потопа. (2)

Оне строить порешили,
Всяк себя на столп тащили, ‖
Вобралис все. (2) *л. 39*

Увидал бог их неверие,[43]
Возложил[44] на иноверие[45]
И разсеял их. (2)

Разсеял бог в[46] страны разны,
Назвал их людми[47] кажных[48]
Всяким родом. (2)

Православным християном,
И жидами, и татаром,
[49]Всех по званью.[50] (2) ‖

Ныне[51] в мире укрепимся,[52] *л. 39 об.*
Все от Ноя расплодимся[53]
И живем все. (2)

Дал им бог [ж]*крепку поруку,*[з]
Свидетеля[54] им в руку —
Дугу в небе. (2)

Вам потопу[55] ужь не будет,
В дожди в небе дуга будет
Вам свидетель. (2) ‖

Народ был тому уверен, *л. 40*
Что свидетель очень верен,
[56]Очень верен.[57] (2)

Столп же строили которы,
Тогда стали жить в покое
На земли все.[58] (2)

(ИРЛИ, р. IV, оп. 13 (собр. В. Н. Перетца), № 667, лл. 27—40).

ж–з *Испр. по* M_1M_2, *в ркп.* крепкую руку.

39 Наплодилось M_1M_2. 40 Умножилось M_1M_2. 41 облак M_1M_2. 42 стол M_1. 43 неверье M_1M_2. 44–45 на них зловерье M_1; на них зловерие M_2. 46 во M_1M_2. 47 *Доб. в скобках* разны M_1; *доб.* разны M_2. 48 каждым M_1M_2. 49–50 Всем по званию M_1; Всем по знанию M_2. 51 И ныне M_1M_2. 52 укрепились M_1M_2. 53 расплодились M_1M_2. 54 И свидетеля M_1M_2. 55 потопа M_1M_2. 56–57 Не сумнились M_1M_2. 58 той. Конец. M_1M_2.

О. В. Творогов

ТРОЯНСКАЯ ИСТОРИЯ В ПЕРЕРАБОТКАХ УСТЬ-ЦИЛЕМСКИХ КНИЖНИКОВ

Изучая книжную культуру Низовой Печоры, В. И. Малышев обратил внимание на интересный факт создания в конце XIX—начале XX в. новых редакций (точнее переделок) древнерусских литературных памятников. В значительной степени это явление было связано с деятельностью видного усть-цилемского книжника Ивана Степановича Мяндина (1823—1894 гг.). По предположению В. И. Малышева, этот «очень начитанный и грамотный человек, имевший большое собрание рукописей и старопечатных книг», «может быть, одним из первых положил начало переработкам старинных произведений на низовой Печоре». И. С. Мяндин «сокращал длинноты, упрощал стиль и язык», в некоторых случаях «вносил местные печорские особенности в произведения».[1]

Исследователи уже обращались к изучению усть-цилемских переделок, публиковали их.[2] Ниже рассматриваются две усть-цилемские переделки Троянской истории, одна из которых находится в сборнике, писанном рукой И. С. Мяндина и, как попытаемся показать далее, отредактированном им. Это сборник № 66 третьей четверти XIX в.[3] Троянская история озаглавлена «История греческая о древних мужех, прославившихся в бранех. О брани греческой и троянской». Текст ее приводится ниже, в приложении к статье.

Другой список Троянской истории в составе того же усть-цилемского собрания находится в сборнике № 267 начала XX в.,

---

[1] В. И. Малышев. Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960, стр. 14.

[2] См.: В. И. Малышев. Усть-цилемская обработка повести о царевне Персике. В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961, стр. 326—337; Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова. «Повесть о убогом человеке, како от диавола произведен царем» и ее усть-цилемская обработка. ТОДРЛ, т. XXI, М.—Л., 1965, стр. 252—258. Усть-цилемская переработка «Повести о Басарге» опубликована Л. А. Дмитриевым в кн.: М. О. Скрипиль. Повесть о Дмитрии Басарге и о сыне его Борзосмысле. Л., 1969, стр. 214—216.

[3] Описание сборника см.: В. И. Малышев. Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв., стр. 112—115.

на лл. 289—324 об.[4] Повесть озаглавлена «О брани греческой и троянской».

Оба текста бесспорно связаны друг с другом, хотя и опосредствованно. Эта связь в какой-то мере отражена уже в сходстве состава обоих сборников. В сборнике № 66 помещено «Историческое описание о сотворении мира», затем повесть «О брани греческой и троянской», «Сказание о Александре Макидоньском...», «Повесть о царе Константине и матери его Елены», «Краткая российская история...», «О судии праведном и о царе Иустине» и т. д. В сборник № 267 входят хронографическая компиляция от сотворения мира, Александрия, «О брани греческой и троянской», «О царе Константине и матери его Елены», «Повесть о судии праведном», «О великом царстве Российском, откуда начася...» и т. д.

Сравнение повестей о Троянской войне в обоих сборниках приводит к выводу, что текст повести в сборнике № 267 (называем его Анонимной редакцией и обозначаем далее А) и текст повести в переработке Мяндина (обозначаем М) восходят к общему архетипу (Ар) — компилятивной переработке двух версий Троянской истории: «Троянской истории» Гвидо де Колумна и главы «О златом руне волшебного овна» Хронографа редакции 1617 г., являющейся переделкой одной из глав Хроники Мартина Бельского.[5] Эти два источника Ар обозначаем соответственно Г и Б.

На происхождение А и М из одного источника указывает наличие ряда общих эпизодов и деталей, отсутствующих в иных версиях Троянской истории. Например: 1) в А и М золотое руно охраняется драконами, в Б и Г — драконом и двумя огнедышащими волами; 2) девушка, спасенная Геркулесом в М или Язоном в А, носит имя Поликсены; в Б и Г Поликсена — дочь Приама, возлюбленная Ахилла, а девушка, спасенная Геркулесом (Б) или плененная им (Г), — сестра Приама, Гесиона; 3) в А и М спасение Поликсены происходит после овладения золотым руном; в Б Геркулес спасает Гесиону на пути аргонавтов в Колхиду; в Г этот эпизод вообще отсутствует; 4) в А и М Приам во время первого разрушения Трои еще юноша, в Б о возрасте Приама ничего не говорится, в Г же сообщается, что он во время падения Трои вместе с женой и сыновьями осаждал вражеский город; 5) в А и М Парис похищает Елену на острове, где находится храм Аполлона; в Б говорится о «молбище Венеры», в Г — о храме Афродиты; 6) в А и М Париса убивает сын Ахиллеса Пирр, в Г Париса убивает Аякс, в Б — Филокрит, и т. д.

---

[4] Описание сборника см.: В. И. Малышев. Усть-цилемские рукописи XVII—XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания. ТОДРЛ, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 604.

[5] См. об этом: Троянские сказания. Л., 1972 (серия «Литературные памятники»), стр. 159—160.

На общий источник А и М указывают также — хотя и немногочисленные на общем фоне — текстуальные совпадения. Например:

М	А
Приблизившись к девушки, он (Геркулес, — *О. Т.*) заметил много человеческих голов и костей вскрай етаго озера (л. 118).	Близ же того места лежаху полно поле костей человеческих (л. 292).
Только сын его (царя Трои,— *О. Т.*) Приям был ранее отправлен в соседнее царство (л. 122 об.).	Во время брани с греками царь Трои заранее посла сына своего Прияма к другу своему, да сохранит его и воспитает... (л. 295 об.).
И храбростью своею и семерых сынов его многима странами завоевал, а друзии и сами охотно отдавались в подданничество (л. 123).	И ему родишася сынов 6 прекрасны и храб<р>ы зе<ло>, и той покори себе многи страны, а друзии же мнози искаша дружбы его, доброволно вдашася под его державу (л. 296 об.).

Приведенные примеры тем более показательны, что все они относятся к эпизодам или деталям, отсутствующим в иных версиях Троянской истории.[6]

Итак, А и М восходят к общему источнику Ар, контаминировавшему две версии Троянской истории (например, рассказ о спасении Гесионы Геркулесом имеется только в версии Б, а рассказ о захвате Трои с помощью воинов, спрятанных в чреве медного коня, — только в версии Г), дополнившему рассказ рядом новых эпизодов и изменившему некоторые сюжетные детали.

При этом Ар был единственным источником версий А и М. Правда, есть случаи, когда версии А и М имеют свои индивидуальные совпадения с версиями Б и Г.[7] Однако предположение, что версии А и М, помимо основного источника Ар, обращались еще и к версиям Б и Г, маловероятно. Совершенно исключена зависимость версии А от М и наоборот. Единственно возможным кажется предположение, что Ар, общий источник А и М, содержал наиболее пространный и наиболее близкий к «каноническим» версиям Б (в рассказе о походе аргонавтов) и Г (в остальной части повествования) рассказ, который в сокращенном, измененном, а кое в чем и дополненном виде дошел до нас в версиях А и М.

По отдельным чертам сюжета можно установить, что версия Г,

[6] Можно предположить, что рассказ о воспитании Приама в соседнем царстве навеян рассказом версии Б, согласно которой Приам отдал своего сына Полидора «на сохранение» царю Полиместру.

[7] Так, только в М говорится о посещении Геркулесом царства, где «прежде были Озон и Мидия»; рассказываемая далее их история напоминает историю Фрикса и Елены (Геллы), содержащуюся лишь в версии Б. С другой стороны, в версии М близко к Г излагается история гибели Троила, тогда как в А говорится, что Троила убил Мемнон — союзник троянцев! В описании же спасения Поликсены или совещания Приама с сыновьями ближе к версии Б и Г оказывается, напротив, версия А.

т. е. «Троянская история» Гвидо де Колумна, была известна составителю версии Ар не в своей Краткой редакции, распространенной в списках XVII—начала XVIII в., а либо в Древнейшей (полной), либо — и скорее всего — в редакции, легшей в основу издания 1709 г.[8] Эта редакция была широко распространена: во-первых за изданием 1709 г. последовало еще 9,[9] а во-вторых, уже начиная с первой четверти XVIII в. создаются многочисленные списки-копии печатных изданий.

Сложнее ответить на вопрос о времени создания и локализации переделок Троянской истории, являющихся предметом нашего рассмотрения. Версии А и М почти наверняка можно считать созданными усть-цилемскими книжниками — об этом говорит близость их текстов; оба сборника скорее всего восходят непосредственно, без промежуточных звеньев к сборнику, содержавшему версию Ар. Об этом же свидетельствует сходство состава сборников №№ 66 и 267. Возможно, в том же районе был создан и сборник, содержавший версию Ар. Переделка Троянской истории — явление отнюдь не исключительное для книжников Севера; сборники №№ 66 и 267 содержат также переделки Сербской Александрии, переделки ряда библейских сказаний; напомним о называвшихся выше усть-цилемских вариантах Повести о Басарге, Повести о царевне Персике и др.

В сборнике № 66 проявилась характерная манера, особый стиль одного из усть-цилемских редакторов. На фоне повествования, выдержанного в языковой и стилистической манере древнерусской книжности, в версии М выделяется рассказ об избавлении Поликсены. В версии Б, где имеется этот сюжетный мотив (напомним, что там речь идет о спасении Гесионы), мы читаем: «И Аркулес, ту шествующе, обрете на брегу моря деву красну зело, ей же руце и нозе связани суть. Вопрошаема же рече: „Аз есмь дщи Лаомедонта, царя Троянскаво, имянем Ексеона. Вина же моему связанию сице бысть: Ламедонт, отец мой, обещал сотворити капище Нефтуну, морскому богу, и не поставил. И за то на него Нефтун разгневался и велел выходити из моря великому змию и поедати люди. И по том отец мой молися Аполлону богу. И Аполлон рече: Аще дадут от царских детей на снедение змию, то укротится Нефтунов гнев. И сего ради меташа жребия на царския дети. И паде жребий на мене, и связавше ми руце и нозе,

---

[8] «Историа в ней же пишет о разорении града Трои Фригийскаго царства... Напечатана же славенски повелением царскаго величества в Типографии Московской лета господня 1709-го в месяце июнии».

[9] Издания 1712, 1717, 1745, 1760, 1765, 1775, 1785, 1791 и 1817 гг. См.: Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725. М.—Л., 1955, стр. 89; Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. 1725—1800. Т. I, А—И. М., 1962, стр. 203; Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина. СПб., 1828, стр. 233; В. С. Сопиков. Опыт российской библиографии, ч. III. СПб., 1904, стр. 102—103; ч. V. СПб., 1906, стр. 105.

положиша зде на снедение змию“. Еркулес же сия слышав, дождав змия и убил его. А девицу, развязав, ко отъцу ея Ламедонту предаст. Трояне же зело подивишася Еркулесове храбрости, многими дары одариша его и Ексену царевну в жену дати обещаша. Он же рече: „Дондеже возвращуся от пути своего, тогда брак сотворю и дары приму“».[10]

В усть-цилемских переделках этот эпизод значительно распространен и расцвечен подробностями. Особенно это касается версии М. Именно здесь мы находим черты «галантерейного», как говорили во времена Пушкина, стиля, резко отличающегося от стиля остальной части повествования, например: «Сии последнии слова так впечатлелись в сердце юнаго Еркулеса, что он не мог отказаться от таких приятных слов молодой и прекрасной девушки»; «и сама девушка ощутила к храброму незнакомцу горячую любовь»; «...только отложили брак до обратного пути. Тут условие было заключено на выгодных со обоих сторон пунктах» и т. д.[11] В А рассказ о спасении Поликсены ближе к версии Б. Там, в частности, нет упоминания о любви Поликсены и ее спасителя, а говорится лишь, что «царь... и вси людие сретоша храбраго юношу, и велию честь воздаша ему... И обещаша ту царскую дщерь вдати ему в жены, бе бо зело лепа».[12]

Любопытно, что в находящейся в том же сборнике № 66 переделке Сербской Александрии также есть дополнения, отсутствующие в переделке той же Александрии в сборнике № 267. В сборнике № 66 рассказывается (в противоречии не только с «каноническим» текстом Александрии, но и с предшествующим текстом самой усть-цилемской переработки) о любви Александра Македонского к дочери индийского царя Пора Поликсене (!). Язык этого эпизода напоминает нам язык рассказа о любви Геркулеса и Поликсены: «Потом шествующу ему к полатам царицы, тут невольно привлекла Александра одна знаменитая новость: дщерь царя Пора Поликсена на надгробной церемонии, егда провожаху царя Пора, вместо плача она играла на инструментах с зело сладким и умильным отголоском песней со всяким телодвижением... Кроме зело прекрасного телосложения она имела весьма привлекательные и умильныя взоры и нежныя члены белизны неизглаголанной».[13] Приведем и еще один фрагмент, на этот раз из переделки библейского рассказа об Иосифе Прекрасном. Переделка эта имеется также в сборнике № 267, но лишь в сборнике № 66 рас-

---

[10] Цитируем по списку Хронографа редакции 1617 г., рукопись БАН, собр. Арханг. С. № 139, л. 98—98 об.

[11] Ср. также в предшествующем рассказе о захвате золотого руна: «Несмотря на эти страшные известия, Еркулес избрал удобное время и отправился в Колхиду»; «Само собою разумеется, что златое руно было похищено».

[12] ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 267, л. 293 об.

[13] ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 66, лл. 171 об.—172.

сказывается, что Иосиф противился любовным домогательствам жены Пентефрия, движимый не высоким благочестием и целомудрием, а чувством верности к своей невесте Селиме (!), и приводятся отсутствующие в библейском рассказе подробности искушения юноши. Стиль этих вставок напоминает стиль рассказов о Геркулесе и Поликсене или об Александре и дочери Пора в том же сборнике: «Во един от дний прииде ко Иякову девица, именем Селима, зело млада и прекрасна», «Селима взаимно любяше Иосифа, яко же и он»;[14] жена Пентефрия (здесь она носит имя Далуки; ср. версию М, где Кассандра называется Далидой) говорит Иосифу: «О милый Иосифе! Чесо ради гнушаешися мене, госпожи своея, возлюбившия тебе сердечно? Почто убегаеши и не повеселишися со мною, почто не идеши в мои объятия, яко же и се бози наши любящеся». С этими словами Далука «показа на Венеру обнаженную, держащую Марса во объятиях своих», и «показа Иосифу все прелестныя и нежныя члены»,[15] и т. д. Тематическая близость дополнений и общий стиль, им присущий, указывают на то, что все эти дополнения в разных статьях сборника № 66 сделаны одним лицом.[16] Если учесть, что сборник этот писан рукой И. С. Мяндина, то можно предположить, что дополнения принадлежат именно ему. В этом случае окажется, что основной текст переделок принадлежит иному лицу, что существовала целая школа книжников, занимавшихся пересказом и переделкой древнерусских текстов. Сборник № 267 относится к началу XX в., т. е. моложе сборника И. С. Мяндина и, как показано выше, восходит не к сборнику № 66, а непосредственно к тексту Ар. У редактора версии А также есть свой индивидуальный «почерк»: его переделка находится под влиянием народной сказки, былины. Поэтому Язон сражается у него «заповедным мечом» и добывает руно с помощью перстня-талисмана; «змий», явившийся за Поликсеной, губит своих противников «звизданием» (свистом); Пирр скачет по полю боя на своем «вороном жеребце».

Итак, изучение усть-цилемских переделок и новых редакций древнерусских литературных памятников позволяет проследить, как же воспринималась литература древней Руси на крестьянском Севере прошлого века. Наличие в Рукописном собрании Пушкинского дома строго локализированных коллекций рукописей позволяет сделать выводы более объективными, наиболее детально проследить этот процесс.

---

[14] Там же, л. 30—30 об.

[15] Там же, лл. 34 об.—35 об.

[16] Можно привести и еще один пример: в версии М упоминается, что Геркулес находит в царстве, где «прежде были Озон и Мидия», развалины и «парамиды каменные». В Александрии в том же сборнике № 66 также есть отсутствующее в сборнике № 267 упоминание о «парамидах каменных» «древних философ и богов еллиньских».

ИСТОРИЯ ГРЕЧЕСКАЯ О ДРЕВНИХ МУЖЕХ, ПРОСЛАВИВШИХСЯ В БРАНЯХ. О БРАНИ ГРЕЧЕСКОЙ И ТРОЯНСКОЙ

Во времена царей израильских бысть во еллинех некий славен воин, именем Еркулес. Сей некогда услыша, яко в стране Колхиде объявися золотое руно, охраняемое двума лютыми драконами, ко-
л. 116 об. торое многия из сильнейших || воинов покушались похитить. И за ету дерзость платили жизнию, ибо страшныя драконы их умерщвляли внезапно, так что им не было времени увидеть, где оное сокровище и хранится. Несмотря на ети страшныя известия Еркулес избрал удобное время и отправился в Колхиду на кораблях со своими воинами, взял с собою и потребное количество запасу для истребления чюдовищь. ||

л. 117 Он был щасливее других воинов, потому что, как только пристал к берегу и сел на коня, и мимоездом с одного взмаху одного из страшных драконов пересек на полы. В ту же минуту и другой принял такую же участь от его остраго меча. Само собою разумеется, что златое руно было похищено и перенесено в карабли, которыя и отправил во свое отечество.

л. 117 об. Сам же Еркулес поехал на своем || коне искать новыя славы, новыя опасности [и на возврат],[a] так как поехал еще впредь и увидел вскрай одного большого озера стоящу зело прекрасную девушку в одежди, обшитой золотом, и плачем своим оглашающь воздух. Так храбрый Ерлулес (!) был тронут жалостию к девушки; особенно его привлекло любопытство узнать, чего ради такая добродная девушка и прекрасная одна стоит на пустом
л. 118 месте, || и не бежит к родным. Приближившись к девушки, он заметил много человеческих голов и костей вскрай етаго озера. И вдале виден густой дым. При виде незнакомца девушка сначала испугавшись, потом ободрилась и плачь оставила. Тогда Еркулес спросил девушку, откуду она и какого роду́ и для чего стоит при етом езере и плачет. Девушка же, видя, что етот воин желает
л. 118 об. узнать, начала сначала так: || «Отец мой есть царь великия Трои, многолюден зело. И за грехи наши разгневались наши боги за то, что одныжды отец мой хотел принести однаго детища им в жертву и не исполнил обещание. Послали на наш град страшнаго чюдовища, триглавнаго змия, которой ежедневно выходил из етого озера и пожирал людей и скота. А потому отец мой положил намерение вдати меня в жертву змию, дабы боги умилостивилися ||
л. 119 и не погубили бы наш город напрасно». Сия и ина многа сказа, и абие вскрыча девица: «Отиди скорее, человече! Змий идет и погубит нас обоих». Еркулес же отступи мало и срете чюдовищнаго змия и порази ему мечем во главы и за один взмах отсек все

---

[a] *Эти слова заключены в скобки в рукописи; палочка после „т" — вероятно, часть недописанной буквы, может быть буквы „н".*

три главы. Хобот же взвився и єдва не ударив на коня его. Сие видевши, девушка зело возрадовалась и нача звати новаго храбреца во град Трою, ко отцу своему, || глаголя: «Храбрый юноше! Удостой наш град своим приходом, ибо отец мой за щастие почтет видеть тебя во своей полате и за твою услугу не пожалеет и то, чего будет тебе приятно». Сии последнии слова так впечатлелись в сердце юнаго Еркулеса, что он не мог отказаться от таких приятных слов молодой прекрасной девушки. Тогда[б] во граде Трои все от мала и до велика находились в большом сетовании и слезах, || даже и сам царь Трои был немало печален о единьственной дочери своей. И внезапно их печаль и слезы обратились в радость, когда увидели царевну, идущу веселу, и некоего воина, едуща на кони. Вси бросились встречу им и по распросам узнали все происшествие. Несказанно обрадовался весь народ, даже и сам[в] царь приказал воина позвать к себе в полаты. И по многом угощении и дары одарили юнаго Еркулеса. Только ему одно || желание не выполнялось по словам девушки, которую он так полюбил, что лучше бы лишился всех драгоценных даров, а еи одну бы взял себе в сопружество. Ето желание было замечено и самим царем, даже и сама девушка ощутила к храброму незнакомцу горячую любовь,[г] а потому Еркулес начал подтвержать слова, говоренныя девушкой. Царь же и девушка были согласны, только отложили брак до обратнаго пути. Тут условие было заключено || на выгодных со обоих сторон пунктах. И храбрый Еркулес простился со своей невестой и с названным тестем и отправился в путь.

л. 119 об. *л. 120* *л. 120 об.* *л. 121*

Долго страньствовал герой Еркулес по странам мало известным. Наконец прибыл и в то царство, где прежде были Озон и Мидия, которых мачеха по ненависти выгнала и направила им путь через море по учиненому ея волшеством клубу. Только заказала им назадь не оглядываться, но[д] Мидия заказ не исполнила, || а потому и потонула в море. Брат же ея дошел до берега Колхиды. Тут из волшебнаго клуба учинилось златое руно, которое Еркулес похитил прежде. В царстве том он ничего заметнаго не нашел, кроме развалин и парамад каменных. Оттуда возвратился во свою землю и на пути он узнал, что жители етого царства за неверие и зависть превращены в парамады.

л. 121 об.

Достигнув Еркулес царства Троянскаго с надеждою взяти || свое обещание. Но как же он удивился, когда вместо честнаго приема ему были входы везде заперты, и грозная вооруженная стража из многочисленных воинов грозили Еркулеса убиством. Тут наш храбрец долго не думал, как помочь етому делу, вскоре отступил от города и отправился во свое отечество и там вооружил

л. 122

[б] *Над строкой надписано тем же почерком* егда. [в] *Надписано над строкой тем же почерком.* [г] *Написано на поле тем же почерком со знаком вставки.* [д] *Надписано над строкой тем же почерком.*

многочисленныя и храбрыя еллины для отмщения вероломным троянцам.

л. 122 об. Нечаянно напали греки на Трою, || так что им не было времени взяться за оружие. Тут Еркулес излил всю злобу свою, всех в городе предал огню и мечю, не оставил в живых и отца Поликсены, так называлась ета прекрасная девушка. Только сын его Приям был ранее отправлен в соседнее царство. Но Поликсена была пленена со многима девушками и богатьством. Тогда-то Еркулес отправился во свое отечество с корыстию многою и женился на Поликсене. ||

л. 123 Егда же Приям, сын троянскаго царя, возмужал и женился на хошенькой (!) царевны Еккубы и породил храбрых сыновей. Тогда возвратился на свой престол отца своего, паки обнови и востави на первую степень. И храбростию своею и семерых сынов его[е] многима странами завоевал, а друзии и сами охотно отдавались в подданичество. Только царь Приям неоднократно помышлял о отмыщение грекам за нанесенныя им обиды и пленение сестры.

л. 123 об И про || того ради в один день собрал всех своих сынов и бояр знаменитых и прочих к себе в полату и по многом разглагольствии спросил их и отмщении (!) обиды греком. На что умнии отвращаху и не хотяху начинати брани, малоумнии же и скодоумнии советоваху лучше отмстити греком, особенно 3-й сын царев, Парис, сказа какое-то сонное мечтание, велящее итти в Грецыю и оттуда привести прекрасную жену. На что сестра его, именем Да-
л. 124 лида, || прибежа в собрание, рече: «Не отправляй, отче царю, Париса в Грецыю. Наживем беду велику, что неволею лишимся царства». На ети речи умныя девушки нимало не хотели послушать.

Скоро отправился Парис на кораблях в Грецыю с войском и на пути приста к одному знаменитому *греческому*[ж] острову, на котором стоял Аполонов кумир, давал ответы о будущем, кто его спрашивал с большим усердием. Того ради и Парис хотя
л. 124 об. узнати, || благополучно ли он совершит путь в Грецию, и Аполонову истукану принес богатейшия дары. Сам же показася собравшемуся народу первым красавцем, во мноценных (!) одеждах, а потому греческой народ не смотрели на своего истукана так, как на Париса. Сего ради слава об нем протекла во многия царства греческия. Доиде в *слух*[з] сие[и] и до царицы Елены, сопруги царя Менелая, которая во дни своя красотою сияла, аки некая богиня.
л. 125 Та претворившися, || якобы исполнити обет на остров той, и скоро отправилась на корабли. И яко бысть на острове, узре Парис

[е] *Надписано над строкой тем же почерком.* [ж] *В рукописи* парискому; *слог* парин *написан карандашом на месте стертых букв; первоначально читалось, видимо,* греческому. [з] *В рукописи слово стерто и дописано карандашом; сохранились буквы* с . . .и. [и] *Надписано над строкой тем же почерком.*

царицу, абие возгореся на ню любовию. И сего ради положи во уме, еже бы како нощию похитити и отвести в Трою.

Наставши же нощи, повеле Парис позвати ю к себе на ужин в корабль. Царица же Елена, не зная умышления его, иде в простоте сердца в Парисов корабль со своими служащими, коих и упоиша. И егда быша вси в безчювсвии, || тогда служащих отвели на берег, а короблям Парис приказал плыти обратно в царство Троянское. Егда же царица Елена, ощутив себя везомую в чюжое царство, начат плакати неутешно, чего ради Парис утешив ю, глаголя: «Не плачь, прекраснейшая Елено, ты едеш в царство такое, которое славнее и сильнее твоего. Будеши мне любезная сопруга. И тебя станут почитати не точию простой народ, но и цари и князи». Сие услыша царица Елена, мало утешився. || Егда же присташа ко граду Трои, бысть им великолепная встреча. Даже и сам царь проздрави Елену, и прочии вси радости исполнишася. Но старший сын царев и сестра его предвидели от сего великое нестроение, чего ради отказались и в праздновании брака Парисова с Еленою и в прочем увеселении. *л. 125 об.* *л. 126*

Вскоре после отплытия кораблей Парисовых дошло известие и к царю Менелаю о похищении сопруги. Сие егда услыша, впаде в печаль неутешную. || Потом мало утешився от печали, посылает грамоты ко всем царем и князем греческим и молит их отмстити за жену, особенно брата своего Агамнона и других родствеников. Все цари и князи гречестии совокупились во едино ополчение, яко быти всему воинству их до пяти сот тысящ и кораблей более двух тысящ. *л. 126 об.*

Однако на пути они спрашивали Нептунов кумир, на что он жерцу своему так сказал: «Греки хотя и много своих || воинов потеряют, но с великим трудом победят и разорят Трою». Сие слышавше, царие и князи гречестии идоша с великим тщанием со многочисленным воиньством, над коим избран воеводою царь Агемнон. *л. 127*

Егда же ощутивше трояне нашествие греческое, абие ополчишася против неприятелей во множестве сильных храбрецов, не точию не даша греком приближитися ко граду Трои, но едва снидоша на брег греки со оружии, || царев больший сын Гектор, как крылатый орел, на своем бранном коне напал на греков, коих без милости сечаше и конем попираше, дондеже ночь наста и брань разруши. Греки же в той день много потерпеша поражений. Аще бы не подоспели прочии корабли и войско, то велия бы учинилась утрата [к] воином греческим.[л] *л. 127 об.*

В протчия же дни трояне паки вышли на брань, воевода же [м] у них Гектор, кои и нападоша на греков так сильно, что греки, не могуще || исправитися, вспять обращахуся и падаху, инии же *л. 128*

[к–л] *Исправлено в рукописи тем же почерком; первоначально читалось* воинским. [м] *Следующее слово* (бе?) *смазано.*

и своею волею предавахуся, пока не подоспе греческий воевода Агемнон. Тогда брань пошла на другую сторону, и гониша троян до врат градских. И ночь наступи.

И тако трояне едва не предаша града. Наутрие же все сыновья царьстии выступиша из града: Гектор, Деифеб, Парис и Троил и прочии, сотвориша со греки жесточайшую брань, ибо и греки л. 128 об. кроме воеводы имуще || храбрых царей и князей, то есть Мемнона, Менелая, Пира и Аххилеса и других. Но Гектор тогда уби многих греческих вождей, тако же и греки многих убивающе, дондеже нощь разлучаше их от брани. И аще не бы положено между ими перемерие, то много бы греки и трояне лишились воинов.

В етом перемерии греческий витязь Аххилес во время бытности во граде Трои [не за][н] увидел одну из царских дочерей, зело л. 129 прекрасную, пожелал || взять еи в замужество, чего ради обещался все греческое войско отвести от брани, аще ему будет ему жена. Аххилес же для получения царевны хотя пред греческими царьми и многи ходатайствовал, но ничего не успел, ибо не все были согласны. А потому он отказался и от брани.

По перемерии же паки греки и трояне сотвориша жестокую брань. И на етой брани много было убито со обоих сторон царей л. 129 об. и князей. И аще бы || не подоспела ночь, то бы все греческое воиньство потерпело поражение. Наутрие же много молиша Аххилеса, да изыдет на брань. Он же отречеся, точию даде своих воинов. На етой кровопролитной брани убиен бысть царев сын Деифеб и царь Мемнон греческий. И трояне гониша греков да (!) шатра Аххилесова, и ночь разлучи брань.

На другой день сам Гектор выехал на греков и тако их убил. 130 вая, яко ни един не може гонзути его меча. || Се же видев Аххилес, яко много гибнет греческое войско, сам воурожается (!) и выеждает противо Гектора, но Гектор его поражает с коня, сам же устремися на греки. Аххилес же повеле своим воином, да обступят Гектора, дабы ему было возможно, да от руки его убиется Гектор. И абие узре Аххилес Гектора, обстоима воинами, и направи копие и пронзе. И тако умре храбрый Гектор, убивый л. 130 об. более двудесяти греческих царей || и князей.

Се же яко услышавше во граде Трои, велий плачь сотвориша не точию сродницы, но и страннии, зане храбр бе зело. Такожде жена его, и дети, царь и царица, и вси вельможи. На другий день предаша тело Гекторово земли с рыданием многим.

И абие предводителем выеха Парис и сразився с Менелаем, и узреша друг друга, начаша ругатися за Елену. Но Парис порази Менелая мечем, но не вреди его, точию рани его мало. Менелай же л. 131 хоте || ударити мечем, и промахнувся и паде с коня. Парис же остави Менелая и нападе на греки, сеча и топча ногами конскими. И в той день многое грек побито. И ночь наста.

[н] *Слова заключены в скобки в рукописи.*

В другий же день Троил, сын царев, яко крылат орел зело
скоро нападе на греки. Се же видев, Аххилес абие сразився с Тро-
илом, но Троил сверже его с коня, сам же устремися на греков,
сечаше немилостивно. Тогда Аххилес, виде много побиваемых гре-
ков, || повеле своим воином обступити Троила, и нападе на него, *л. 131 об.*
и уби его мечем, а тело Троилово привяза коню за хвост и влаче.
Се же видевше, трояне зело смутишася и, пришедше, отняша тело
его. Сего ради Парис совещася со своими призвати Аххилеса во
град, яко бы сотворити брак с сестрою его.

Аххилес же верова словесем их и поиде во град[о] и вниде[п]
в капище Аполоново, еже бы како вскоре совокупитися браку
с прелестною царевною. || И абие нападе на него Парис с воины *л. 132*
своими с мечем и уби Аххилеса. И тако умре храбрый Аххилес.
И тело его повергше на площадь градскую на поругание. Се же
слышавше, цари гречестии зело опечалишася и послаша к царю
Прияму с молением, еже бы даровати тело Аххилесово. Царь же
Трои повеле взяти в полки гречестии. И тако взяша греки и по-
гребоша с рыданием многим. И послаша в царство, иде же живяше
сын его || Пиор, сего призвавше в полки греческия, да отмстит *л. 132 об.*
за смерть отца своего.

И яко лев устремися на троян, вышедших на брань после двух-
месечнаго перемерия. И абие нападе на Париса, побивающаго гре-
ков, и порази его мечем. И тако умре. И абие восхитиша трояне
и несоша во град. Се же видевше, троянстии жены и Елена зело
восплакашася и сотвориша рыдание три дни. В четвертый же день ||
паки изшедше из града.[р] Греки же,[с] нападше на троян, во мно- *л. 133*
жестве же их убивающе и конскими ногами уязвляху, зане же
воеводы и вожди храбрии оскудеша. Несть бо храбраго Гектора,
чюднаго Троила и сильнаго Деифеба и Париса, всех бо сокруши
мечь греческий.

Се слышавши амазонская царица Петанзалия, яко царство
Троянское лишися прежняго величества и силы, и побиени быша
царстии храбрии сынове греками, || паче же зело любяше Гектора *л. 133 об.*
за храбрость его, и яко услыша убиена его[т] от Аххилеса, абие
устремися со своими девицами от своея страны во град Трою
на помощь к царю Прияму на отмщение за сыны его. И бе у нея
девиц до 3000, зело храбры на бранех, вооружены бяху стройно,
изучени бо бяху ратному делу мали зело, ибо[у] одевающе[ф] на ся[х]
броня, и шлем, украшающь главы, и груди их доспехи меди ара-
витския блещащеся, || яко злато. Егда же со враги бьющеся и, *л. 134*
дабы не мешало им держати копие и мечь, подвязываху правыя
сосца своя, а левыя оставляху, особенно те, у которых сосца ве-
ликия.

[о–п] *Надписано над строкой тем же почерком.* [р–с] *Надписано над строкой тем же почерком.* [т] *Написано на поле тем же почерком.* [у] *Надписано над строкой тем же почерком.* [ф–х] *Надписано над строкой тем же почерком.*

Таковое ополчение егда ощути Приям царь, зело возрадовася и благодаря царицу за ея мужество. И егда уготовишася на брань, царь Приям сам изыде противу греков. И сразишася, и бысть сеча

л. 134 об. зело велика. Царица же Петанлазия нападе на || греки, зело храбро сечаше их, такожде и девицы ея сечаху греков. В той день и Приям царь много храбровав за сыны своя на греки. Того ради в той день много побито греческаго войска. Видив же Пирр, яко жены, охрабившеся, сечаху греки зело, абие устремися на них и нача их разделяти мечем своим на полы. Егда же ощути Петензалия царица Пирра, зело убивающа девицы, кои от меча его

л. 135 падаху яко снопия, || прискочи к нему и внезапу сверже его с коня, но не рани. Пирр же абие взыде на коня и удари царицу мечем, и раздели ю на полы тако, яко мертву ю сотвори. Тогда вси трояне в бегство обратишася и запершися во граде, ибо греки устремишася на троян, зело сечаху их. Царь же Приям едва утече. И абие нощь наступи, и брань преста.

На другой день изыдоша трояне на брань, но не тако, яко же

л. 135 об. преже с храбрыми военачальники, || унылы и несмелы, ибо со греки уже последнюю брань сотвориша. И абие скоро разыдошася. Наутрие же созва царь советники своя, Антенора и Енею, и нача советовати, дабы мир сотворити со греки. Антенор же и Енея присоветоваша, еже бы заплатити греком за все, и вдати и Елену и прочих. Сие слышав, младший сын царев воспротивися тому, и тако разыдошася со гневом.

Тогда Антенор и Енея таи нощию совещавшеся со греки, ||

л. 136 еже бы нощию пустити во граде и ничтоже за утрати не взыскивати, точию 40 000 гривен злата и от грек в знак дара — меднаго тощаго коня, в которого всадити 40 воинов. И тако сотвориша греки, и трояне принесоша злато и вовлекоша коня во град. Греки же вседше в корабли и отидоша от брегов Трои. Трояне же зело возвеселишася о отшествии греков и концу брани. И тако вси окрестнии цари и князи отидоша от Трои с малыми весьма воины. ||

л. 136 об. Егда вси трояне возлегоша и заспавше в нощи, и тогда отверзше двери и давше знамение греком затворении. Тогда греки, увидевше сие, абие приидоша Трои и вышедше на брег. Затворении же избивше стражу и отверзоша врата граду, и все греческое воиньство внидоша во град, и абие устремишася на троян, огнем и мечем сотвориша велие убийство. Страшно бо в ту нощь

л. 137 содеяся, ибо в темноте ночней жители не зная, || что творити: мужие бо бежаху из домов своих, жены с грудными младенцы течаху не весть куда и впадаху в руки неприятелей, девушки прелестныя не можаху утещи от блудных юношей, кои на всяком месте насиловаху им.

И бе град Троя великая велиим страхом и зельным плачем обьята бысть. Царь же Приям скрыся в храме Апполоновом. Се же увесть Пирр, вниде с воины и уби его. Царица же Еккуба

со дщерию Поликсеною бежа и всрете || Енея и Антенора. *л. 137 об.*
И рече им с рыданием: «О злии предатели града нашего! Что сотвористе ныне, яко царя погубисте и люди вся! Мы же не вемы, где скрытися от рук неприятелей. То хотя се едино сотворите ныне добро: укрыйте нас от грек, да не поругаются дщери моей». Антенор и Енея сжалишася к царицыну воплю и сведоша в место, идеже никто же весть.

Егда же грецы довольно насытиша месть свою над пленными трояны и обогатеша || имением их и златом и драгими одеяниями, *л. 138*
и всяк себе присвоиша из прекрасных троянок в жены. А Меналай царь Елену приведе в свой стан, Адромину, жену Гекторову, Пир, Аххилесов сын, взя себе,[ц] а едину от дщерей царевых, зело прекрасную и младу собою, вдаша в дар Агамнону царю за верную его службу. Сего ради Паламон царь зело вознегодова, и мнози присташа к тому цари и князи, прочии же на стороне Агамнове. Ту же бысть и царь || Уликс, который своим красно- *л. 138 об.*
речием паки утоли несогласие. Точию Пирр сказал к царям: «Мне сие не зело велико, что царю Агамнону дариша царевною, но се меня интересует, яко Поликсена, прельстившая и погубившая отца моего, скрывшись доселе, и не приемлет праведнаго наказания». Тогда вси цари гречестии приступиша к Антенору и Енею, да откроют Поликсену царевну. И яко не могоша отпретися, абие приведоша к ним. Тогда взем Пирр || царевну Поликсену и веде *л. 139*
ю на гроб отца своего Аххилеса. И ту отсече ей главу. Мати же ея, царица Еккуба, слыша сие, и яко ощути умершу дщерь, нача бегати и скакати на всех, и тако ей скачющу простовласу и открытою грудью и сосцема висящима в безпорядке, сю же всяк со смехом провождаше от себя с сильными побоями, дондеже пад и умре. Цари же гречестии Антенора и Енея осудиша на вечное заточение в иныя страны, зачто скрывал (!) || Поликсену. *л. 139 об.*

Прочее же цари и князи гречестии в свои царства отправишася, и на пути мнози погибоша, друзии же пришедше во свои царства и видевше, яко жены их с другими совокупишася, абие брань воздвигоша. А других отгнавше от своих царств по клеветы недругов. Мали зело благополучно возвратишася, те, кои правдою и любовию украсиша себе и чистою совестию.

И тако скончася брань греческая и троянская.

(ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 66).

[ц] *Написано на поле тем же почерком.*

Г. М. Прохоров

ШУТОЧНОЕ СТИХОТВОРНОЕ «ПРОШЕНИЕ»

Предлагаемое вниманию читателя «Всеслезное прошение» представляет собой народно-литературную шутку в форме послания крестьян к помещику. Поверенный крестьянин Артюшка Артюшкин Кукин от своего и «прочих владельцев женского звания» имени просит «инарал-прапорщика» Савелия Пафнутьевича Шерешперова-Шереусова не присылать к ним на будущий год двух лихих «междовых мерщиков», землемеров, взяточников и бабников — Ласточкина и Мокеича.

Несмотря на свою относительную молодость — «Прошение» создано, по-видимому, где-то около середины XIX в., — эта литературная шутка опирается на очень старые традиции: сатирические прошения к начальству насчитывают в русской литературе много веков. Напомню шутовские челобитные XVII—XVIII вв. и — как оставшуюся далеко позади вершину — «Моление» к князю Даниила Заточника (XII в.). В полном соответствии с формальными требованиями этой традиции текстовая ткань «Всеслезного прошения» декорирована ритмическим узором: это крайне свободный, разговорно-балагурный, прибауточный стих с приблизительной глагольной рифмой, иногда «растворяющейся» в прозу. Традиционно и то, что смех здесь обращен больше всего на себя, на горемычных «владельцев женского звания» — жалобщиков. Легко представить себе, что деревенский острослов, шутник и балагур, который «за словом в карман не полезет», развлекал этим «Прошением» своих соседей-крестьян.

Список «Всеслезного прошения», хранящийся в архиве Пушкинского дома (единственный известный), помещается на двух ветхих, протершихся на сгибах, большого формата листах толстой желтоватой бумаги третьей четверти XIX в.; он написан коричневыми чернилами, крупным, довольно корявым почерком, рукой не очень грамотного человека. Текст «Прошения» не просто списан, но также выправлен: на втором листе зачеркнуты слова «вертеться перед ним» и вместо них вставлено «на век горевать». Исправление это может, конечно, быть завершающей стадией авторской правки, но более вероятно, что это — редактура переписчика. Перед

нами по-настоящему народное, не огражденное от вариаций и переделок, открытое для сотворчества переписчиков и исполнителей произведение.

ОТ ПОВЕРЕННАГО ИНАРАЛ-ПРАПОРЩИКА САВЕЛЬЯ ПАФНУТЬЕВИЧА ШЕРЕШПЕРОВА-ШЕРЕУСОВА КРЕСТЬЯНИНА ЕГО АРТЮШКИ АРТЮШКИНА КУКИНА И ПРОЧИХ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ЖЕНСКАГО ЗВАНИЯ ВСЕСЛЕЗНОЕ ПРОШЕНИЕ

Прошлою весною присланы были от вашего высокородия в земляную, лесную и водяную дачу нашу два междовых мерщика, один-то старший Ласточкин прозывается, а другой-то младший Макеечем называется. И учали они нашу дачу межевать и нас, грешных, горемычных, обиждать; что раз цепь проволокут, то к ним куренка несут, два раза проволокут — барана за рога ведут, а как три проволокут, то теленка повлекут, а он бедный упирается, мычит и бодает(ся) — не хочется на обед к нечестивым попасть. А где они, вышереченные Ласточкин и Мокеечь, астролюцию поставят, там на нас, горемычных, по десятку яиц с дому пошлины надбавят; о молоке же, хлебе, крупе и рыбе не говори — всего подавай, а платы ничего не ожидай. Ну, просто в разор разорили, спасибо, что осени хватили и во свояси поспешили, а то уже на наших коровушек и бычков зубы острили.

Ну да это-то все ничего, ваше высокородие, черт с ними, чтобы им насквозь прошло. Главное вот в чем дело: больно они в другом нас обижали — баб и девок на роботу наряжали; и это ничего, да очень веселыми домой отпускали, верно чем-нибудь хорошо угощали, а они, окоянныи, разлакомились, роботы побросали, у них дневали и ночевали. А Мокеечь так ухитрился, что разными хитростями и к соседкам бояpашням подбился; раз лекарем притворился — у безногих ноги правил и на ноги ставил. А междовал, просто беда, никому спуску не давал, у барышни-старушки последнюю пустошонку попалам разрезал и всю отрезать добирался, да, верно, бога побоялся, а у другой посреди пустошки столб поставил и на век горевать[a] заставил.

А потому всеслезно прошу ваше высокородие на будущий год их не посылать, чтоб нас не обиждать, а то как им быть придется, то плохо нам доведется: последнего быка (своло)кут и всех нас с ума сведут, а в особенности бабам, девкам и бояpашням такаго хода зададут, что они просто-запросто как черви пропадут.

---

[a] на век горевать *написано выше зачеркнутых слов* вертеться перед ним.

Ю. К. Бегунов

СТИХ-РАЕШНИК О ЧАЕ

Среди многочисленных уставных статей, часто переписываемых в XIX—XX вв. русскими старообрядцами, имели хождения правила, запрещающие пить чай и кофе, курить и нюхать табак, стричь бороду, танцевать, играть в азартные игры, в том числе в карты, шахматы и «костырьские игры», и т. п. Вот некоторые из них, переписанные во второй половине XIX в. рукой писца из русской деревни Малые Кольки, расположенной в Эстонии на западном берегу Чудского озера: «Книга Иоанна Назарея, глава 1-я, лист семидесятый. Аще кто дерзает пити чай, той отчается сам самого господа бога и да будет предан треми анафемству. Аще кто дерзнет пити кофей, но и в том человеки будет ков и лукавство и не будет самого господа бога в сердцы его, той человек десятерицею предан будет анафемству.

Книга Феодора Валсамона, глава 1-я, лист 100. Слово к православным христианом. Аще кто от православных християн дерзает курить табак, той от святых апостол и святых отец да будет проклет».[1]

К этим правилам примыкает старообрядческий стих-раешник о чае, сочиненный в середине XIX в. и переписанный красногорским наставником А. И. Жбановым в 1886 г. Приводим его текст по рукописи Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР, Причудское собрание, № 15, лл. 20 об.—25, с разночтениями по рукописи 1878 г. из собрания И. А. Смирнова, № 16, лл. 33—38 об., также хранящейся в Пушкинском доме.

Публикуемый нами по рукописи Пушкинского дома текст дается в современной орфографии; восстановленные нами чтения даются в квадратных скобках. Разделение текста на строки наше. Акцентировка дается по рукописи.

[1] ИРЛИ, Причудское собр., № 23, вторая половина XIX в., л. 32—32 об. Подобные же правила читаются в конце Тихотского сборника второй половины XIX в. из собрания Таллинского исторического музея (ф. 237, оп. 2, № 55), в Двинском сборнике конца XIX в. (ИРЛИ, Причудское собр., № 29, л. 151—151 об.). Запрещение пить чай и кофе содержится в 10-й статье Федосеевских правил, принятых в 1868 г. на соборе в Речино: «Чаю и кофию вовси не пить, а подобно обратиться на предки, что наши отцы съжили, век не пили, и мы можем ето зделать» (ИРЛИ, Причудское собр., № 68, л. 5 об.; № 124, л. 46).

[а]РАЗГОВОР НЕКОЕГО ЧЮЖЕСТРАНЦА, РОДОМ ИЗ КИТАЙСКОГО ЦАРСТВА, ПО ИМЕНИ НАЗЫВАЮТ ЕГО ЧАЕМ[а] л. 20 об.

О̆ че́м говори́т Ча́й,
то̀ чти̇́,[1] чита́тель, замеча́й.
И расскажи̇̀, ка́к сле́дует бы́ть,
кому̇̀[2] должно̀ меня̇̀ пи́ть.
Я̆ из Кита́я при́слан господа́м,
а не для̇̀ просты́х мужико́в с борода́м.
В тако́м случа́е господа̀ испива́ют
и меня̇̀ уважа́ют.
Про́тчии же хотя̇̀[3] употребля́ют,
но мно́гия их укоря́ют
и с большо́й кля́твою пи́ть меня̇̀ запреща́ют.
Й от Писа́ния представля́ют,
кто̀ где̇̀ ча́ем угоща́ется,
то́т челове́к[4] ца́рствия небе́снаго отлуча́ется.
Ӑ я̆ слы́шал и лу́к кото́рыя[5] лю́ди ядя́т,
то̀ и те́х || от ца́рствия небе́снаго отлучи́ть хотя́т. л. 21
В тако́м случа́е кому̇̀ же и ве́рить,
потому̇̀ что̀ привы́кши ны́нче[6] все̇̀ лицеме́рить.
Кто̀ что̀ употребля́ет,
то́т то̀[7] и уверя́ет.
Во́т и меня̇̀ кто̀ испива́ет,[8]
то́т и похваля́ет,
Ӑ кто̀ не испива́ет,
то́т во́все проклина́ет.
В про́тчем я̆ пра́вду скажу̇̀, что̀ де́ется в ны́нешнем све́те:
почти̇̀ все̇̀ зако́нники в фальши́вом предме́те.
При пу́блики ста́нут бо́гу моли́тся,
то̀ ка́к мо́жно стара́ются пони́же поклони́тся.
Ӑ ӗстли никто̀ не ви́дит,
то̀ ка́к бы́[9] скоре́е отмоли́тся
и[9] на де́ньги устреми́тся,
[10]то̀ куморо́в протяжа́ют.[10]
Ӑ ӗстли никто̀ не ви́дит,
то̀ без сомне́ния || и вельблю́дов[11] пожира́ют. л. 21 об.
Ӑ[12] иногда̀ о не́которых дела́х и говори́ть стыдя́тся.
Ӑ по́д случа́й приде́т вре́мя,[13] то̀ и зде́лать не боя́тся.
Сластолю́бие, ка́к ду́мают, что̀[14] не гре́х,
а оно̀ плени́ло собо́ю почти̇̀ что̀[15] все̇̀х,
не то́кмо просты́х люде́й, но чтецо́в и певцо́в,
да и[16] са́мых духо́вных честны́х[16] отцо́в.
Я̆ в Про́логе чита́л, что̀ и[17] жа́реную пи́щу на сковороде̇̀ о̆чень грешно̀ употребля́ть,
да на ӗто,[18] не кто̀, не кто̀, не кто не ду́мает и взира́ть.
Ры́бу с лу́ком и[19] ма́слом жа́рят и я̆дя́т,
а на гре́х во́все не глядя́т.

[а–а] *Заголовок киноварный.*

[1] *Нет.* [2] *Доб.* меня. [3] *Доб.* и [4] *Нет.* [5] который. [6] ныньча. [7] тое. [8] испивают. [9–9] *Нет.* [10–10] При публики то право комаров процежают. [11] вельбудов. [12] *Нет.* [13] *Нет.* [14] *Нет.* [15] *Доб.* и. [16–16] самыих честныих духовных. [17] *Нет.* [18] евто. [19] *Доб.* с.

Другия варят[20] гусёнка
или зажарят поросёнка.
Многия же пекут блины,
да ещё и не одне:
л. 22 гороховыя,[21] || гречнивыя,[22] и овсяныя[23] и также пшеничныя.[23]
Разными пищими[24] чреву угождают,
да в том и греха не заключают.
Токмо одного меня, чюжестранца, одного,[25] ругают
и пить строго запрещают.
Признатся еще и вино со мною вместе[26] заодно страдают.[26]
Хотя[27] которыя люди его[27] и в меру[28] употребляют,
но и тех пияницами полагают.[29]
Нынешния[30] воздержники то полагают,
что пияницы только[31] от вина и бывают.

А того не воображают,
о чем[32] и книгами[32] утверждают:
что пияницы не от одного вина бывают,
но от многих небогоугодных дел бывают.[33]
Пияницами зовутся,
л. 22 об. в коих и сами найдутся нынешнии воздерж || ники.
Вот и[34] теперь прошу, прошу[35] поискать,
в чем Писание изволит объяснять.
Пияницы. первыя,[36] бывают от вина,
да токмо те,[37] которыя люди[37] напиваются дапьяна.[38]
[39] В которыя[39] от пресыщения пищи разной.
Третрши[40] от беседы разной.
Четвертыи, которыя[41] с малыми грехами людей осуждают,
а себя с великими оправдают.
Пятыи много насыщающими бывают,
„вот ето — апостол“, — утверждают.[42]
Шестыи же[43] — всякаго сластолюбия.
[44] Да правда, что[44] сребролюбие,
то и пиянство — весма опасное мытарство.

А особино[45] в нынешнем времени никто не может похвалится,
что не подумает соблазнится.
л. 23 Но как по правде сказать все || желают,
как бы денег[46] накопить побольше.[46]
Не токмо что молодыя,
но и старыя,[47] седыя,
не токмо купцы,
но и духовныя отцы.
Другой сокровищует и невесть кому собирает,
а придет смертный час — все оставит.[48]
Да так просто не оставит,
а возмет, да в землю заправит,
чтобы капитал его не пользовал никому.[49]
Писано есть, что капитал грех собирать,
но, несмотря на ето, все собирают.
А нужду и бедность великим пером выщитывают.[50]

---

[20] сварят. [21] *Доб.* и. [22] пшенишныя. [23-23] *Нет.* [24] пищами. [25] *Нет.* [26-26] страдает заодно. [27-27] которыи. [28] *Доб.* его. [29] считают. [30] Нынешнии. [31] токмо. [32-32] и книги. [33] *Нет.* [34] *Нет.* [35] *Нет.* [36] первыи. [37-37] которыи. [38] допьяна. [39-39] Вторый. [40] Третий. [41] которыи. [42] утверждает. [43] *Нет.* [44-44] А седмыи самыи злыи от сребралюбия, да правда, что. [45] особенно. [46-46] побольше собрать. [47] *Доб.* и. [48] оставляет. [49] никого. [50] считают.

Богáтый,[51] хотя̀ и невѐжа, но завсегдá[51] в почтéнии.
А̑ бéдный же[52] и разýмный тò[53] бывáет в презрéнии.
Когдà богáтый говори́т,
тò вся̀ кóмната молчи́т, ||
хотя̀ и непрáвду говори́т,[54] л. 23 об.
и[55] всѐ говоря́т: „да, справедли́во“.[56]
Бéдный[57] же, хотя̀ и[58] прáвду стáнет[59] говори́ть,
тогдà[60] говоря́т: „непрáвда,[61] мóжет[62] бы́ть“.
Вóт, любéзный читáтель, замечáй,
чтò говори́т Чáй.
Да в прóтчем всéм[63] раскáжеш, чтò ны́ниче[64] творя́т
люди,[65] „а всѐ ё̀то нечевò“, — говоря́т.
Мáло ли во всéм[66] свéте примéров,
безстрáшных лицемéров.
А̑ кáк стáнут им прáвду говори́ть,
тó не извóлят и люби́ть.
Признáтся, не моѐ бы дéло о[67] ё̀том разсуждáть,
да чтó же когдà не умолчáть.
[68]Другóй чтò[68] болтáет,
а о чéм и сáм не знаéт,
а̑ оди́н[69] невéжа[70] подъслы́шит,[71]
да и в закóн запи́шут.
Браздéлицу || какýю-нибýдь ученя́т, л. 24
и в вáжним в дéле узнáть[72] хотя́т.
„Меня̀ пи́ть — ужаснóй грéх“, — говоря́т,
а другóе чтò начудя̀т,
тò всѐ за смéх становя́т.
Но и мáло ли чтò нагрéзят,
да с клеветли́вым я̑зыком к томý же и подлéзут.
Ну тáк чтò же, пýсть страдáют,
а на тóм свéте всѐ узнáют.
А̑[73] молоды́я деви́цы дóлжны[74] жи́ти[75] кáк[76] в клéтки пти́цы,
а ны́нче деви́цы
живýт кáк лиси́цы,
в прóтчем ё̀та рéчь не на всéх,
а котóрыя[77] заслýжевают таковóе[78] звáние, тóлько на тéх.
Вóт в числѐ и[79] старýх
мнóго ё̀сть и клеветýх.
Да и бывáют стáрыя, седы́я,
слóвно пáрни молоды́я.
Други́я || бегýт на вечери́нку, л. 24 об.
гдѐ бы̑ им[80] уви́дить Катери́нку.
[81]И стáрыя други́я[81] на бесéду тáк несéтся,
дáже[82]у егò[82] седáя бородà трясéтся.
А̑ пáрни молоды́я, нéкоторыя, мнóго[83] винà
пью́т[83] и смóтрят, кудà пошлà чужàя женà,
да, впрóчем, и духóвныя отцы́,
тò[84] ё̀сть молотцы̀.
Други́я не о[85] чéм не воздыхáют,
тóлько[86] о пирогáх разсуждáют.

[51–51] невежда навсегда. [52] *Нет.* [53] *Нет.* [54] *Нет.* [55] а. [56] *Нет.* [57] Бедной. [58] *Доб.* и. [59] начнет. [60] *Нет.* [61] не. [62] *Доб.* так. [63] всели. [64] ныньча. [65] *Нет.* [66] *Нет.* [67] об. [68–68] Другое чадо. [69] *Нет.* [70] невежды. [71] послышут. [72] и знать не. [73] *Нет.* [74] должно. [75] жить. [76] *Доб.* как. [77] которыи. [78] такое. [79] *Нет.* [80] *Нет.* [81–81] *Нет.* [82–82] *Нет.* [83–83] пьют вина. [84] тоже. [85] об. [86] токмо.

Я̆ в Писа́нии могу̀ объя̆снйть,[87]
что̀ сребро̀ [88] и зла́то [88] гре́х собира́ть,
а все̇ об ё̆там зна́ют,
а заче́м же его́ [89] собира́ют?
Потому̀ и замеча́ю,
что̀ ето̀ не лу́тчие Ча́ю.
Ӑ [90] в про́тчем не хвалю́ся и [91] я̆, ду́маю,
едва̀ ли и то́т в ра́й попаде́т,
кто̀ и меня̀ с са́харем пье́т,
ё̆то̀ ну́жно ра || зсудйть,
кто̀ мо́жет сластолю́бием бо́гу угодйть.
Пу́сть кто̀ ка́к [92] хо́чет,
то́т [93] та́к и су́дит,
но ето̀ некогда̀ не бу̀дет:
Чтобы̆ кто́ на се́м све́те пирова́л,
а в [94] бу́дущем све́те [95] в раю̀ ликова́л.
Не́т, го́споду [96] ну́жно [97] не та́к угодйть,
потому́ что̀ в ца́рство небе́сное ну́жно приско́рбнем путе́м ходйть.[97]
А [98] сластолю́бцы, [99] кото́рыя широ́ким путе́м ходйть жела́ют,
то̀ [100] тйи в ца́рство небе́сное не попада́ют, [100]
Зате́м, чита́тель, и [II,1] проща́й,
но то́лько [2] по́мни, что̀ тебе̇ говорйл Ча́й.
Коне́ц.[3]

(ИРЛИ, Причудское собр., № 15, лл. 20 об. — 25).

---

[87] доказать. [88–88] *Нет.* [89] *Нет.* [90] *Нет.* [91] *Нет.* [92] *Нет.* [93] *Нет.* [94] на. [95] *Нет.* [96] господа. [97–97] есть царствие небесное приобресть. [98] *Нет.* [99] *Доб.* и. [100–100] те царствия небеснаго не получают. [II,1] *Нет.* [2] токмо. [3] *Доб.* разговорам чужестранца. Хоша сие писание нам не дает отраду, а нужно его принять за правду.

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ

А. И. Копанев

СПИСОК ПОКАЯННОГО СТИХА XV в.

В богатом собрании древнерусских рукописей Пушкинского дома имеется несколько сборников покаянных стихов XVII—XIX вв., которые свидетельствуют о многовековой традиции переписки и чтения в народе стихов, возникших на идеологической основе христианства.[1]

Самый ранний сборник такого содержания относится к началу XVII в.,[2] большинство же списков — к XVII и XVIII вв.[3] В науке высказано мнение, что некоторые стихи сборника созданы в XVI в., а иные и в более раннюю пору. В данной заметке мы хотели бы обратить внимание на список стиха о смертном часе XV в., включаемого во все сборники покаянных стихов полного состава.

Текст стиха написан на небольшом листке (13.5 × × 15 см), вложенном в рукопись Стихираря XVI в., приобретенную в 1968 г. одной из археографических экспедиций Библиотеки АН СССР (см. вклейку между стр. 312 и 313).

Вот как читается этот стих в нашей рукописи:

Окаянный и убогий человече,
Век твой кончается и конец приближается,
А суд страшеный готовитеся.
Горе тебе, убогая душе,
Солнеце ти есть на заходе,
А дене при вечере,
И секира при корени.
Душе, душе, почто тлеющими печешыся?
Душе, вострепещи, како ти явитися создателю своему,
И како ти пити смертную чашу,

---

[1] В. И. Малышев. Древнерусские рукописи Пушкинского дома. (Обзор фондов). М.—Л., 1965, стр. 36, 59, 77, 112, 138, 177.

[2] Впервые сборник покаянных стихов описан был П. Д. Бессоновым в 1863 г., см.: П. Д. Бессонов. Калики перехожие. Сборник стихов и исследование, ч. II, вып. 6. М., 1863, стр. IX—XV.

[3] В. И. Малышев в одной своей статье отметил, что «сборник дошел до нас от XVII—XVIII вв. в большом количестве списков» (В. И. Малышев. Стих «покаянны» о «люте» времени и «поганых» нашествии. ТОДРЛ, т. XV, М.—Л., 1958, стр. 371), а в другой указал ряд сборников в разных хранилищах (В. И. Малышев. Стихотворная параллель к «Повести о Горе и Злочастии». ТОДРЛ, т. V, М.—Л., 1947, стр. 143).

Й како ти терпети смрадныя ефиопы
И веченыя муки!
Ото неяже Христе молитвами
Рожешая тя избави душа наша.

Как и в последующей рукописной традиции, текст стиха писан на крюках 5-го гласа.

Какие же могут быть приведены доказательства для отнесения нашего рукописного листка к XV в.?

В какой-то мере о древности листка свидетельствует его местонахождение: он обнаружен в рукописи Стихираря,[4] датируемого по филиграням 30—40-ми годами XVI в.[5] Запись по листам,[6] сделанная рукой архимандрита Архангельского монастыря в г. Великом Устюге Васьяна Вахнеева (до 1568 г. по Строеву[7]), подтверждает, кажется, датировку рукописи, установленную по филиграням. Наш листок обнаружен в конце этой рукописи, как последний, свободно лежащий листок. Конечно, трудно сказать точно, когда листок попал в данную рукопись, однако можно предположить, что это произошло во время ее изготовления.[8] Основанием для такого предположения является то, что верхняя строчка записи на правом поле листка оказалась наполовину срезанной, видимо, при переплете рукописи. Что листок был вложен именно в эту рукопись, вполне объяснимо: Стихирарь имеет тот же нотный характер письма, что и листок. До того как листок вложен был в рукопись, он какое-то время обращался отдельно и был сложен вчетверо, о чем свидетельствуют два горизонтальных сгиба и один вертикальный.

Листок изготовлен вне связи с рукописью Стихираря. Это очевидно из следующего: 1) почерк письма листка не сходится ни с одним из почерков, которыми написан Стихирарь; 2) расстояние

---

[4] В настоящее время рукопись находится в Устюжском собрании БАН СССР (№ 70). Форматом в четверку, она насчитывает 769 листов. Переплет «в пятку», с обрезом на уровне с краями деревянных крышек, на коже геометрический орнамент. Состав: л. 1 — «Отчасти исповедание от жития преподобнаго отца нашего Иоанна Дамаскына», л. 4 — «Охтай», л. 116 — «Ирмолой», л. 227 — «Стихораль месячной», л. 615 об. — «Стихораль постной», л. 693 — «Начало святых страстей Христа», л. 761 — названия нотных знаков, л. 762 — «Канон за умерших», л. 769 — наш листок.

[5] В рукописи встречаются следующие филиграни: 1) кувшинчик с лилией на брюшке, соответствует № 12759 (1537—1544 гг.) у Брике; 2) кувшинчик с двумя поясками на брюшке, соответствует № 12661 (1537 г.) у Брике; 3) козлик, соответствует № 2857 (1531—1532 гг.) у Брике; 4) рука с короной над пальцами, соответствует № 11331 (1552 г.) у Брике; 5) кувшинчик с буквами, соответствует № 12767 (1544 г.) у Брике.

[6] Приводим ее полностью: «Сия книга глаголемая Стихараль. Дал книгу Стихараль архимандрит Васьян Вахнеев Архангельскаго манастыря вкладу в дом Ведению пречистой архистратига Михаила и руку приложил».

[7] П. Строев. Список иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стр. 740.

[8] Следы клея на левом краю листка свидетельствуют о том, что некогда листок был приклеен.

между строк на листке почти в 2 раза больше, чем в рукописи; 3) филигрань, имеющаяся на бумаге листка, не встречается ни одного раза в рукописи Стихираря, т. е. бумага листка другая, чем в рукописи; 4) по размеру листок меньше формата рукописи (короче на 6 см), это скорее столбец, какой употребляется не в книжной, а деловой письменности.

Итак листок не одновременен с рукописью; более того, некоторые особенности его позволяют предполагать, что он написан значительно ранее рукописи Стихираря. Филигрань на листке неполная, имеется лишь крест, обвитый мощными кольцами змеи, но нетрудно догадаться, что это часть филиграни «бычья голова», которая по альбому Брике может быть отнесена к 1474—1512 гг.[9] Следовательно, по филиграни написание листка можно отнести к концу XV или самому началу XVI в. Такая широкая датировка может быть уточнена с помощью записи, которую сделал на поле листка какой-то неизвестный читатель нашего стиха. Эта запись гласит: «Множество содеяными зол помышляю окоянный и трепещу страшная, яко окоянный ... по велицей милости твоей. Окоянне убогий человече, век твой кончаетеся и конец приближаетеся. Се бил челом великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии в ыщенно место Якова Иванова сына». Эта запись драгоценна не только тем, что в ней звучит взволнованный отклик древнего читателя на стих, запавший в душу его (недаром он цитирует его) и вызвавший раскаяние, но и тем, что в ней говорится о вполне житейском деле этого читателя — челобитии его великому князю Ивану Васильевичу за какого-то истца («ищею», как он назван в приписке[10]) по имени Якова Иванова сына. Указание на великого князя Ивана Васильевича может иметь датирующее значение. Если принять этого князя за Ивана III, то выйдет, что автор приписки и читатель стиха жил в конце XV или в самом начале XVI в. (Иван III умер в 1505 г.); если же речь идет о Иване IV (тоже Васильевиче), то дата отодвигается до 1547 г., когда Иван IV стал царем. Принять последнее предположение вряд ли возможно, так как этому противоречила бы несомненная дата листка, устанавливаемая по филиграни. При принятии первого предположения никакого противоречия нет: и годы княжения Ивана III и дата листка по филиграням совпадают. А если это так, то и стих, написанный на листке несомненно раньше цитированной записи, может быть отнесен к концу XV в. или к самому началу XVI в. Мы считаем более вероятной первую дату, т. е. конец XV в.

Палеографические наблюдения дают дополнительный материал для датировки листка XV в. Это, во-первых, относительно круп-

[9] Брике, №№ 15366—15402.

[10] В Судебнике 1497 г. термин «ищея» употреблен в статьях 3, 26, 36, 38, 67, 68 (Судебники XV—XVI веков. М.—Л., 1952, стр. 20, 22, 24, 28, 29).

ный шрифт текста на листке (в XVI в. буквы в певческих рукописях мелкие), во-вторых, простая нотация знамен, в основном длинно-прямолинейных, и, наконец, отсутствие тонких и толстых черт в знаменах, что свойственно для нотного письма XV в.[11]

Запись позволяет характеризовать и социальное лицо читателя нашего стиха. Это, вероятно, тот стряпчий, который назван в статье 68 Судебника 1497 г. («и окольничьему и диаку воспросити исцев, ищеи и ответчиков, кто за ними стряпчей» [12]) как помощник сторон в суде. Автор приписки и был таким помощником со стороны истца, подав за него челобитную в княжеский суд. Он столичный стряпчий, так как подал челобитную в суд центральный. Итак, стих обращался в чиновной среде Москвы. Это может быть подкреплено еще одним соображением. Дело в том, что на обороте нашего листка в его верхней части читается оборванное на полуслове обычное начало великокняжеских жалованных грамот: «Се яз князь великий Иван Васильевич всея Русии пож...».[13] Создается впечатление, что на листке сначала хотели написать жалованную грамоту, но бросили это намерение после первой строчки, может быть потому, что увидели несоразмерность листка — столбца с текстом, обычно обширным, великокняжеской грамоты. Такую грамоту, конечно, могли писать лишь в правительственном учреждении. Неиспользованный листок потом был употреблен для записи покаянного стиха (грамоту, несомненно, не стали бы писать на занятом с одной стороны столбце бумаги), который и попал в руки нашего стряпчего. Итак, переписчика и читателя, а может быть, и создателя приведенного покаянного стиха нужно искать в приказной среде Москвы XV в.

Нет необходимости говорить об источниках публикуемого стиха. Грустный лиризм и меланхолизм, обусловленные величием темы ожидаемой смерти, выливались, в соответствии с идеологией эпохи, в готовые формы христианского богослужения и проповеднического наставления и утешения.[14] Но стих — не молитва к богу, а сказ о мятущейся душе человека, о его чувствах и переживаниях. Поэтому стихи, подобные нашему, ходили в списках в народе задолго до того, как они были собраны в специальный сборник стихов «покаянных, слезных и умильных». В. И. Малышев отметил,

---

[11] С. Смоленский. О древнерусских певческих нотациях. Историко-палеографический очерк. Памятники древней письменности и искусства, № 145, изд. ОЛДП, 1901, стр. 62—63 (образцы №№ 15, 16); М. В. Бражников. Архивная обработка певческих рукописей. Вопросы архивоведения, 1965, № 1, стр. 53 (образец V).

[12] Судебники XV—XVI веков, стр. 29.

[13] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси, т. I. М., 1952, №№ 462, 463 и др.

[14] В. И. Малышев указал, что стихи покаянные «в своем большинстве основаны на богослужебных книгах (Октоих, Минея, Златоуст и т. д.)». (В. И. Малышев. Стих «покаянны» о «люте» времени и «поганых» нашествии, стр. 371).

что этот «чрезвычайно интересный сборник стихов», заменивший мирскую поэзию для определенных кругов тогдашнего общества, «до сих пор не исследован; не известны время его возникновения, состав, источники, не решен окончательно вопрос об авторстве».[15] Конечно, основываясь на одном из стихотворений, нельзя решить поставленные вопросы, однако наличие стиха (в списке XV в.), включенного в сборник, дает представление о его источниках. Положение П. Д. Бессонова, что в сборнике объединены и стихи, взятые составителем из предшествующей традиции, получило новое подтверждение. Вывод В. Н. Перетца о принадлежности некоторых стихов в сборниках к эпохе до Смутного времени, может быть ко времени Ивана Грозного, также подтверждается.[16] В сборник включены стихи куда более далекого периода — времени Ивана III.

В заключение отметим одну текстологическую особенность — это устойчивость текста покаянного стиха. Сравнивая наш ранний текст с текстом этого же стиха в одном из сборников XVII в. (БАН СССР, собр. Дружинина, № 239, лл. 16 и 17), мы обнаруживаем лишь одно разночтение: последние слова стиха в сборнике читались как «и спаси душа наша». Однако писец знал и то окончание стиха, которое имеется в нашем листке. Он это отметил следующим образом: «Ин конец: избави душа наша» (л. 17).

Итак, в каких-то списках стих читался в XVII в. точно так же, как и 200 лет назад — в XV в.

Я. С. Лурье

УСТАВ КОРНИЛИЯ КОМЕЛЬСКОГО В СБОРНИКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в.

В сборнике ИРЛИ, собрания В. Н. Перетца, № 29 среди ряда житий русских святых и примыкающих к житийной литературе повестей (повесть о Темир-Аксаке и о Петре царевиче Ордынском) помещен памятник, озаглавленный «О жительстве от божественных писаний избранна, о устроении преданных нам образ от святых отець в спасение душам и писанием вдан сущим о Христе братиям моим в обители Преславныя богородица честнаго ея Введения, в ней же жительствуем» (л. 427). Из этого заголовка памятника можно установить только, что перед нами устав, составленный при основании какого-то монастыря Введения богородицы. В книге «Древнерусские рукописи Пушкинского дома» В. И. Малышев предположил поэтому, что текст

---

[15] В. И. Малышев. Стих «покаянны» о «люте» времени и «поганых» нашествии, стр. 371—372.

[16] В. П. Перетц. К истории древнерусской лирики (стихи умиленные). Slavia, т. XI, 1932, кн. 3—4, стр. 476.

в сборнике Перетца № 29 — это «Устав московского Новинского введенского богородична монастыря, что в Воробьеве».[1] Монастырь Введения Пречистые на Воробьеве был действительно в первой половине XVI в. новым монастырем[2] и мог нуждаться в уставе. Но текст памятника содержит и другой ключ к его происхождению. В одной из последних его статей, направленной против «пианственного пития» в монастыре, автор неожиданно обращается к читателю и называет свое имя: «Вся же, яже в писании сем написах недостойный моею рукою, аз, инок грешный Корнилие, и предах господе братии моей, в месте сем постригшимся и приходящим всем живущим с нами и сущим по ошествии моем, хощу, да и живу ми сущю и по смерти моей, теко творима да будуть» (л. 447). Перед нами Устав Корнилия, предназначенный для основанного им монастыря Введения богородицы, именуемого обычно в литературе (по местности, где он возник, — недалеко от Вологды) Комельским монастырем.

Устав Корнилия Комельского был известен археографам уже во всяком случае с начала XIX в.; в 1812 г он был издан,[3] однако списки, положенные в основу издания, не указаны. Известно несколько рукописей Устава Корнилия: 1) ГПБ, Софийское собр., № 439 (старый № 757); писана в 7097 (1589) г. в Корнилиевом монастыре иноком Нафанаилом (запись на л. 216), содержит наряду с Уставом (лл. 25—79) также Житие Корнилия (лл. 80—182 об.); 2) ГБЛ, собр. Ундольского, № 329, XVII в.; 3) ГБЛ, собр. Ундольского, № 369, XVII в.[4]

Сборник В. Н. Перетца, по-видимому, самый древний из дошедших до нас списков памятника. Он писан разными почерками на бумаге первой половины XVI в. (водяные знаки: единорог — ср.: Н. П. Лихачев, №№ 1538, 1539 (1527 г.) и 1806, 1807 (1557 г.); монограмма «РС» (или «РМС») — ср.: Н. П. Лихачев, №№ 1583, 1584 (1531 г.); рука в рукавчике, над пальцами

---

[1] В. И. Малышев. Древнерусские рукописи Пушкинского дома. (Обзор фондов). М.—Л., 1965, стр. 84.

[2] Ср.: ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853, стр. 269; т. VIII, 1859, стр. 295.

[3] История российской иерархии, собранная Амвросием (Орнатским), ч. IV. М., 1812, стр. 661—704. В библиографической литературе указывается еще, что в 1812 г. Устав был издан отдельно (ср.: П. М. Строев. Библиологический словарь. СПб., 1882, стр. 181). Однако в библиотеках Ленинграда этого издания нет; нам неизвестно, было ли это особое издание или оттиск из «Истории российской иерархии».

[4] В «Обзоре» Филарета (Филарет [Гумилевский]. Обзор русской духовной литературы. Изд. 3-е. СПб., 1884, стр. 140—141) упоминается еще одна рукопись Устава Корнилия — Вологодской архиерейской ризницы Кириллова Новоезерского монастыря (в 4-ку, XVII в.). В. О. Ключевский считал Нафанаила (писца и автора приписки в рукописи Соф. собр., № 439, известной историку по более поздней копии) составителем жития Корнилия (В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 303—304); если это так, то житие в рукописи Соф. собр., № 439 представляет собой автограф.

крестовидная розетка — ср.: Н. П. Лихачев, №№ 1444 (1514 г.), 1460 (1514 г.), 1534 (1527 г.)). Заслуживает внимания состав сборника. Большинство святых, жития которых помещены в нем, связаны с Русским Севером (Павел Обнорский, Дмитрий Прилуцкий, Дионисий Глушицкий, Кирилл Белозерский, Исайя, Леонтий, Исидор и Авраамий Ростовские); все они в начале XVI в. были удостоены общерусского или местного почитания.[5] Вполне естественно предположить поэтому, что окружение Устава Корнилия в этом сборнике не случайно, что сборник восходит к авторскому тексту из Корнилиева монастыря. Новый список Устава Корнилия должен, как нам представляется, вновь привлечь внимание к этому любопытному памятнику, еще не бывшему предметом специального исследования, но достаточно важному для истории русской общественной мысли конца XV—первой половины XVI в.

Уже Амвросий, публикуя в своей «Истории российской иерархии» Устав Корнилия, отметил в примечании, что некоторые места из предисловия к нему «заимствованы из предисловия Устава преподобного Нила Сорского».[6] Действительно, начало «Предсловия» к Уставу Корнилия (лл. 427—429) совпадает с началом известного «Предания о жительстве святых отец» Нила (от первых слов «Благовещением и вседействием господа...» до слов «яко да не повинны будем с заповедей преступлением и слова божия инако сказанию»).[7] Однако на этом использование «Предания» Нила заканчивается, и составитель непосредственно, без всякого соединительного текста, начинает цитировать другой памятник. Новая цитата так удачно примыкает к предыдущей, что читатель, не знающий источника, мог подумать, что перед ним — продолжение предшествующего текста: «И пакы боюся и трепещу божественного писания, глаголющаго: истязан будет настоятель о всех, иже под ним сущих...». А между тем перед нами заимствование из совсем другого автора — Иосифа Волоцкого. Начиная с приведенного текста компилятор цитирует пространную редакцию монастырского Устава Иосифа, включенного в его «Духовную грамоту».[8] Напоминая о своей

---

[5] Это относится и к святым, жившим в XV в. Ср.: Е. Голубинский. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903, стр. 73, 82, 84—85.

[6] История российской иерархии..., ч. IV, стр. 662.

[7] Нила Сорского Предание и Устав. Со вступительной статьей М. С. Боровковой-Майковой. СПб., 1912 (ПДПИ, CLXXIX), стр. 1—4. Корнилий заимствовал первый абзац Предания (до слов «от нашел лености прившедших» — там же, стр. 2), опустив следующее далее у Нила исповедание веры («В начале же подобно умыслих положити о вере... и еретики вси чюжи нам да будут» — там же, стр. 3—4), и несколько видоизменил начало третьего абзаца (л. 428; ср. там же, стр. 3—4).

[8] Великие Минеи Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием, сентябрь, дни 1—15. СПб., 1868, стлб. 499—566 (далее ссылки на это

старости и болезнях, волоколамский игумен пишет: «Сего ради боюся и трепещу; слышах бо божественнаа писаниа, глаголюща: истязан имат быти от всех настоятель, иже под ним сущих...». «Духовной грамоте» Иосифа Корнилий следует и в дальнейшем тексте своего «Предсловия» (лл. 429—431), отступая от него только к концу вводной части. Последние слова его «Предсловия» несколько отличаются от последних слов введения Иосифа. «Сего ради поне отныне попещемся о господних заповедях и о отечьскых законоположениих и о еже зде написанных нами преданиих по сведетельству божественых писаний и по завещанию великаго Василия, яже суть сиа...», — читаем мы у Корнилия (л. 431). В «Духовной грамоте» Иосифа говорится о «евангельских заповедех и отечьскых писаниих» и нет ссылки на Василия Великого; на словах «по сведетельству божественых писаний, яже суть сиа» (стлб. 501) введение к «Духовной грамоте» заканчивается и затем следует оглавление помещенного далее устава. В «Предсловии» к процитированным словам еще добавлено: «Прежде всего подобает инокам обще живущим не имети своеа воля ни в чем, но повиноватися настоящему и дрьжати послушание с смирением и не имети особнаго стяжания ничто же и трудитися телесне, аще мощни суть, и готовым быть в всяку службу, паче ж юнным, и вся узаконеная в монастыри благообразно и по чину творити тщательно, елика сила». Нам не удалось найти этого текста ни у Иосифа Волоцкого, ни в сочинениях о монашестве того автора, на которого ссылается «Предсловие», — у Василия Великого (Кесарийского), одного из наиболее авторитетных для древней Руси византийских церковных писателей.[9]

Следующие далее в нашем памятнике правила монашеской жизни также в значительной степени следуют Уставу Иосифа Волоцкого, хотя передают его с сокращениями. Так, статья 1 Устава Корнилия «О церковном благочинии и о соборней молитве» в целом ряде мест соответствует первой главе пространной редакции Устава Иосифа (ср. л. 431—431 об. и стлб. 504—505; л. 433 и стлб. 509, 511, 513); статья 2 «О благоговеиньстве и благочинии трапезном и о пищи и о питии» — начальной части второго слова той же редакции (ср. лл. 433 об. — 435 и стлб. 513—516); статья 4 «О еже не подобает кому ясти и пити кроме трапезы без благословениа» — средней части того же

издание даются в тексте в скобках). О том, что Устав Корнилия «во многом напоминает пространную редакцию Устава Иосифа Волоцкого и отчасти Устав Ефросина Псковского», писал И. У. Будовниц (И. У. Будовниц. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв. М., 1966, стр. 284), но он не производил текстуального сличения этих памятников, имея в виду, очевидно, лишь их общее содержание.

[9] Ср., например, постнические слова Василия Великого в сборнике 1482 г., принадлежавшем князю Андрею Углицкому: Собрание рукописей Пушкинского дома, р. IV, оп. 17 (Пинежское собр.), № 32, лл. 31—304 об.

слова (ср. л. 436—436 об. и стлб. 516—517). Статья 5 Устава Корнилия «О одеждах и обущах и о прочих вещех» в начале и затем еще в одном месте совпадает с третьей главой Устава Иосифа в пространной редакции (ср. лл. 437 об. — 438 и стлб. 520; л. 438 об. и стлб. 524—525); отрывки из той же третьей главы содержатся и в статье 7 Устава Корнилия «О еже не имети особнаго стяжаниа никому ничего» (ср. лл. 439—440 об. и стлб. 522—524); одно место в статье 7 Устава Корнилия (л. 439 об.) напоминает краткую, более раннюю редакцию Устава Иосифа.[10] Третья глава пространной редакции Устава Иосифа отразилась еще в одной статье Устава Корнилия — в статье 8 «О еже не взимати никому же ничто же нигде же без благословения игуменя и каларева» (ср. лл. 440 об.—441 об. и стлб. 526—527). В остальных статьях Устава Корнилия (3, 6, 9—15) нам не удалось найти прямых заимствований из Устава Иосифа (хотя тематика иногда совпадает, например в статье 13 Устава Корнилия «О еже не быти питию пианственному» и в слове Иосифа «Яко не подобает в обители питию быти, от него же пианьство бывает»).[11]

Что же представляет собой Устав Корнилия, когда этот памятник был написан и какие явления русской общественной мысли нашли в нем отражение? Время составления Устава Корнилия может быть установлено лишь на основании косвенных данных. Корнилий устроил свою «храмину» в Комельском лесу еще в 1497 г., но подлинное основание Комельского монастыря следует относить, очевидно, к 1515—1517 гг., когда Корнилий воздвиг «превелику» церковь Богородицы, начал «келейное здание» и устроил «четвероюголен образ монастырю».[12] Устав Кор-

---

[10] Как и Иосиф в краткой редакции, Корнилий заявляет, что «иж в иночьскый святый образ одеяни и в монастырех общих живуще, ниже слово глаголати дльжни суть вещь кую любо: мое, собинное, или твое, или сего, или оного... не подобает сиа общая жития нарицати, но разбойничскаа съборища» (ср.: Послания Иосифа Волоцкого. М.—Л., 1959, стр. 308; в пространной редакции Устава Иосифа соответствующего места нет). Однако мы не можем утверждать, что в этом случае Корнилий обращался к краткой редакции Устава Иосифа. Соответствующий текст озаглавлен у Корнилия «От старчества»; он имеет некоторые существенные отличия от текста Иосифа («плевелосеятели», сохраняющие личную собственность, у Корнилия именуются «глаголемии пекуле»). Возможно поэтому, что и Иосиф в краткой редакции и Корнилий обращались к некоему предшествующему поучению «от старчества».

[11] В Уставе Корнилия статья эта носит более конкретный характер и имеет целью предостеречь иноков на случай, если «кто от великих или всяк христолюбец приидет в монастырь и восхощет какое питие, еже имать пианьство, во утешение быти братиям» (лл. 446 об.—447); в Уставе Иосифа речь идет о греховности пьянства вообще (стлб. 542—543).

[12] Житие Корнилия — ГПБ, Соф. собр., № 439, лл. 88 об. и 94 об.— 95 об. Ср.: И. У. Будовниц. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв., стр. 282—284.

нилия во всяком случае составлен не ранее «Духовной грамоты» Иосифа, на которую он опирается, а эта последняя была написана перед смертью волоцкого игумена в 1515 г.[13] Сам Корнилий, прося братию соблюдать заветы Устава после его смерти («по ошествии моем»), также рассматривал свое сочинение как завещание. Естественней всего поэтому относить его Устав ко времени, близкому к 1537 г. — дате смерти Корнилия.

Такая датировка Устава Корнилия делает особенно интересным его двойственное происхождение — соединение вводной части «Предания» Нила Сорского с широкими заимствованиями из Устава Иосифа Волоцкого. Нам уже приходилось отмечать, что, вопреки мнению историков церкви, противоставлявших «критическое», «нравственно-либеральное» направление Нила «консервативно-формальному» направлению Иосифа, между обоими церковными деятелями XV в. было немало точек соприкосновения; Иосиф Волоцкий использовал одно из посланий Нила в своих противоеретических сочинениях; ученики Иосифа переписывали сочинения сорского старца для библиотеки Волоколамского монастыря.[14] Но все эти факты относятся к концу XV—началу XVI в. Устав же Корнилия был написан в более позднее время. В этот период между иосифлянами и нестяжателями уже началась ожесточенная борьба (она отразилась, в частности, в «Духовной грамоте» Иосифа); в ходе полемики с Иосифом Волоцким глава нестяжателей Вассиан Патрикеев охотно противопоставлял волоколамскому игумену «своего старца» — Нила Сорского. Какова же была позиция Корнилия Комельского в этом споре? Житие Корнилия не дает ясного ответа на этот вопрос. Автор жития, описывая Корнилия как деятельного игумена основанного им общежительного монастыря, вместе с тем настаивает на том, что сам Корнилий все время стремился «безмолвствовать» — в самом монастыре или в пустыне; Н. Коноплев склонен был поэтому связывать Корнилия с нестяжателями.[15] Однако И. У. Будовниц справедливо отметил, что известия о стремлении Корнилия к «безмолвию» и о том, что он с неохотой принимал земельные пожалования от великого князя, представляют собой характерный житийный штамп. Вопреки этим утверждениям сам автор жития рассказывал, как Корнилий «умолил» Василия III дать ему «земли мало с лесом», и великий князь дал ему землю, включая «деревьни и починъки и со всяцем угодием».[16] Ко времени смерти Корнилия монастырь владел

---

[13] Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.—Л., 1960, стр. 452—454.

[14] Там же, стр. 312—315.

[15] Н. Коноплев. Святые Вологодского края. ЧОИДР, 1895, кн. IV, отд. IV, стр. 101.

[16] ГПБ, Соф. собр., № 439, л. 128—128 об.

12 деревнями в Вологодском уезде и столькими же деревнями в Белозерском уезде.[17]

Связь Корнилия с единомышленниками Иосифа Волоцкого, «воинствующими церковниками», несомненна. В течение нескольких лет Корнилий, как рассказывает его житие, пребывал при дворе одного из вождей «воинствующих церковников» — архиепископа Геннадия Новгородского; именно от Геннадия он получил сан священника.[18] О близости к иосифлянству свидетельствует и Устав Корнилия — не только там, где он прямо совпадает с Уставом Иосифа, но и в других, оригинальных местах. Весьма характерны для Устава Корнилия тенденции, проявившиеся именно в пространной редакции Устава Иосифа, — принципы иерархической субординации, строгого и точно регламентированного подчинения администрации монастыря.[19] Особое внимание к этой теме обнаруживается и в заголовках отдельных статей Устава Корнилия («О еже не подобает кому ясти и пити... без благословениа», «О еже не взимати ... без благословения игуменя и келарева», «О еже не подобает из монастыря ... безсловесно исходити»), и во всех текстах, добавленных Корнилием к своим источникам. «Благословение настоящего» или повеление келаря требуется и при любом отступлении от повседневного распорядка жизни: при получении какой-либо пищи и питья вне общей трапезы (лл. 435 об. — 436), при обмене вещами с другим монахом (л. 440 об.), при выходе из монастыря (лл. 442 и 443 об.). Опоздав почему-либо на молитву, инок должен просить прощения у игумена (л. 432); получив грамоту, «поминок или какову вещь, малу или велику», он должен показать ее настоятелю (л. 440 об.); «исповедати ... настоящему» необходимо не только о своих грехах, но и о чужом «согрешении» (л. 444 об.). «Настоятель благочинне да уставляет» (л. 443 об.), «всяка вещь без благословения проклята есть» (л. 446 об.) — эта основная тема Устава Корнилия вполне соответствует духу иосифлянства XVI в.

Если, составляя свой иосифлянский Устав, Корнилий мог предпослать ему введение, основанное на «Предании» Нила Сорского, то это свидетельствует о том, что церковные деятели XVI в. относились к провозвестнику нестяжательства гораздо «историчнее», чем ученые XIX в. Они могли резко осуждать «величавого» и «высокошиявого» Вассиана Патрикеева, но вовсе не склонны были переносить свое отношение к Вассиану на его учителя Нила. Основатель Сорской обители был для них прежде всего одним из тех защитников и теоретиков монашества, кото-

---

[17] И. У. Будовниц. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв., стр. 285—289.

[18] ГПБ, Соф. собр., № 439, лл. 86 об.—87 об.

[19] Ср.: Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в., стр. 451—452.

рые выступили в XV в. против «еретической бури», представителем той плеяды основателей монастырей, к которой принадлежал и Корнилий Комельский.

Н. А. Казакова

К ИЗУЧЕНИЮ ВКЛАДНЫХ КНИГ

Тонкий знаток русских источников XV—XVII вв. С. Б. Веселовский писал о вкладных книгах: «Кроме множества ценных сведений о вотчинном служилом и монастырском землевладении вкладные книги дают ценнейший материал для истории быта (описание, иногда очень подробное, вещей) и для истории экономической (очень часто указаны цены вотчин, вещей, хлеба, скота и т. п.). В том случае, когда до нас дошли данные на вотчины, вкладные книги не дают ничего нового, но так как большая часть монастырских актов пропала, то вкладные книги являются ценным возмещением утраты актов».[1] К сказанному С. Б. Веселовским можно добавить, что вкладные книги содержат целый ряд сведений, важных и для истории древнерусского искусства.

Однако, несмотря на всю значимость вкладных книг как исторического источника, они до сих пор сравнительно мало привлекали внимание источниковедов и археографов. Изданы вкладные книги лишь небольшого числа монастырей: Волоколамского, Кирилло-Белозерского, Нижегородского Печерского, Антониева-Сийского, Ростовского Борисоглебского, Брянского Свенского, Махрищского.[2] Еще хуже обстоит с изучением вкладных книг. Они почти не подвергались специальному источниковедческому исследованию. Помимо нескольких замечаний С. Б. Веселовского об особенностях вкладных книг как исторического источника, включенных в главу «Историография. Обзор источников» его названного выше исследования,[3] можно назвать лишь одну работу, в которой ставятся вопросы источниковедческого порядка: это статья Л. И. Ивиной «Вкладная и кормовая книга Симонова монастыря».[4]

В связи с такой скудостью литературы до настоящего времени остаются неясными многие вопросы в истории вкладных книг, в частности вопросы об их происхождении, формуляре и струк-

---

[1] С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, стр. 30.

[2] Библиографию изданий см.: А. А. Зимин. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964, стр. 65, прим. 2—4 и стр. 66, прим. 1—5.

[3] С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев, стр. 30—32.

[4] Л. И. Ивина. Вкладная и кормовая книга Симонова монастыря. В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, сб. 2. Л., 1969, стр. 229—240.

туре. Автор настоящей статьи на основе сравнительного изучения Синодика и вкладной книги Волоколамского монастыря надеется сделать наблюдения, которые, быть может, будут не бесполезными для решения этих вопросов.

Неизданный Синодик Волоколамского монастыря, хранящийся в Рукописном отделении Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом),[5] датируется концом XV—началом XVI в.[6] По своему содержанию он делится на три части. Первую часть составляет «Помянник», содержащий список лиц, чьи имена были внесены в Синодик для поминания (лл. 3—39). Вторая часть представляет собой, если следовать терминологии исследователя синодиков Е. В. Петухова, «Предисловие», включающее литературный материал на тему о заупокойных молитвах и загробной жизни (лл. 40—66 об.).[7] Третью часть Синодика, специально интересующую нас, занимают тексты, озаглавленные «Поминаниями» (лл. 67 об.—77 об.). Эти заголовки не вполне соответствуют содержанию текстов, так как они представляют собой не поминания в собственном смысле слова, а записи вкладов и условий поминаний. Записям вкладов предпослано небольшое введение, в котором указывается цель записей: сохранить имена тех, кто внесен в монастырское поминание, и память об их «благодеяниях» — вкладах (лл. 66 об.—67 об.).

Вклады в подавляющем большинстве случаев были денежные: из имеющихся в Синодике 37 записей вкладов (три из них вычеркнуты) денежные фигурируют в 22 случаях (размер вкладов колебался от 30 до 150 рублей). В 10 записях названы земельные вклады — села, деревни. Порою вкладчики жертвовали монастырю различные ценные вещи (книги, колокол, соболью шубу), среди которых встречались произведения искусства; так, в одной из записей в качестве вклада упоминаются иконы письма Андрея Рублева (л. 73).[8] Иногда вкладом служил овеществленный труд, если он представлял особую ценность для монастыря. Например, Феодосий «иконник», сын знаменитого Дионисия, был

---

[5] ИРЛИ, ф. PIV, оп. 23, № 52. Синодик как источник по истории идеологии исследуется в работе: Н. А. Казакова. Синодик Волоколамского монастыря — памятник идеологии раннего иосифлянства. В кн.: Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960, стр. 342—354.

[6] Начало Синодика было написано Иосифом Волоцким в 1479 г. (л. 3). Последняя из поддающихся датировке записей вкладов, имеющихся в Синодике, — запись вклада Клементия Скамейникова (л. 77) — относится к 1514—1515 гг. (см. ниже, стр. 262).

[7] По наблюдениям Е. В. Петухова, «Предисловие» в большинстве случаев помещается, согласно своему названию, перед «Помянником», но иногда оно следует за ним (Е. В. Петухов. Очерки из литературной истории Синодика. СПб., 1898, стр. 88). Последнее имеет место и в нашем случае.

[8] Подробнее об этом см.: Н. А. Казакова. Сведения об иконах Андрея Рублева, находившихся в Волоколамском монастыре в XVI в. ТОДРЛ, т. XV, М.—Л., 1958, стр. 310—311.

внесен в повседневное поминание за то, что он «церковь подписывал да купил деревню су» (л. 72 об.).

Записи вкладов сделаны по определенному формуляру, употреблявшемуся в двух вариантах — кратком и пространном. Краткий вариант: «(Имя рек вкладчика, иногда и его родственников). Поминати, доколе монастырь Пречистые стоить, ис повседневнаго поминаниа не выгладити. А дал на то (наименование вклада)» (см., например, л. 72). Распространенный вариант: «(Имя рек вкладчика, иногда и его родственников). Сих поминати, доколе манастырь Пречистые стоит, ис повседневнаго поминания не выгладити. Да быти по них корму (дата). А дал на то (имя рек) манастырю Пречистые (наименование вклада)» (см., например, л. 69). В ряде случаев в обоих вариантах формуляра встречается добавление — указание на дальнейшую судьбу вклада: отмечается, что на деньги вкладчика были куплены село, деревня или же производилось строительство в монастыре; указывается, что село, деревня, данные вкладчиком, были обменены на другие населенные пункты, и т. п. Отклонения от приведенных вариантов формуляра встречаются редко и они очень незначительны.

Записи земельных вкладов можно датировать путем сопоставления их с грамотами Волоколамского монастыря на соответствующие земли. Датировка дает следующую картину: № 1, вклады удельных князей волоцких (лл. 67 об. — 68 об.), 1480—1504 гг.;[9] № 4, вклад князя А. А. Голенина (л. 69—69 об.), 1508—1515 гг.;[10] № 8, вклад Андрея Невежина (лл. 71 об.—72), 1508—1515 гг.;[11] № 9, вклад князя П. Н. Оболенского (л. 72), до 1507 г.;[12] № 10, вклад Василия Баламутова (л. 72), до 1511 г.;[13] № 20, вклад В. А. Челяднина (л. 74 об.), до 1515—1516 гг.;[14] № 22, вклад Ивана Синицына (л. 75—75 об.), 1511—1512 гг.;[15] № 28, вклад Игнатия Глазатого (л. 76 об.), 1512—1513 гг.;[16] № 30, вклад Якова Ракитина (л. 76 об.), до 1510 г.;[17] № 34, вклад Клементия Скамейникова (л. 77), 1514—1515 гг.[18] Как мы видим, в расположении записей земельных вкладов преобладает хронологический принцип, хотя от него имеют место отступления.[19] Это дает основание для предположения о том, что

[9] Ср.: Акты феодального землевладения и хозяйства, т. II. М., 1956, №№ 14, 17, 18, 33 (далее: АФЗХ).

[10] Ср.: там же, № 41.

[11] Ср.: там же, № 42.

[12] Ср.: там же, № 38.

[13] Ср.: там же, № 49.

[14] Ср.: там же, № 65.

[15] Ср.: там же, №№ 51, 52.

[16] Ср.: там же, № 57.

[17] Ср.: там же, № 27.

[18] Ср.: там же, № 59.

[19] Нарушают этот принцип и две имеющиеся в Синодике датированные записи: № 11, поминание кн. Ивана Звенигородского, запись произведена

в записях других, неземельных вкладов также имела место, вероятно, тенденция к хронологическому порядку, соблюдавшаяся, однако, не строго.

Но наряду с указанной тенденцией в расположении записей вкладов в Волоколамском синодике наблюдается и другая — выделение записей вкладов в группы в зависимости от положения вкладчика на социальной лестнице. Так, на первом месте сгруппированы записи поминаний-вкладов удельных князей волоцких, — не только князя Бориса Васильевича, его жены Ульяны и сына Ивана Борисовича, относящиеся к 1480—1504 гг., но и князя Федора Борисовича (лл. 67 об. — 68),[20] вклад которого следует датировать, по-видимому, более поздним временем. Интересно, что запись поминания князя Федора Борисовича (№ 34, л. 77 об.) первоначально была сделана в Синодике после записи поминания и вклада Клементия Скамейникова, датируемого 1514—1515 гг., но затем поминание Федора Борисовича было вписано вслед за записью поминаний-вкладов Бориса Васильевича Волоцкого, его жены Ульяны и их сына Ивана Борисовича. Таким образом, налицо зарождение социального принципа группировок записей вкладов (правда, пока этот принцип касался только волоцких князей, на земле которых находился Волоколамский монастырь).

От наблюдений над записями вкладов в Синодике Волоколамского монастыря перейдем к вкладной книге монастыря.

Вкладная книга начинается с введения, в котором указывается: «Главы книги сия — дачи благовернаго и христолюбиваго государя великаго князя Василия Ивановича всея Русии... по себе и по своему роду и по своих прародителях... И дачи богом венчанного царя государя великого князя Ивана Васильевича всеа Русии самодержца по своих родителях, и христолюбивых князей и боляр и всех православных христиан дачи в вечной поминок по себе и по своих родителех... Сих же память пребывает в векы, их же имена написаны в книгах сих».[21] Если сопоставить это введение с уже упомянутым введением к записям вкладов в Синодике Волоколамского монастыря, то можно провести аналогию: в обоих введениях формулируется одна и та же цель последующих за ним записей — сохранить имена вкладчиков и память об их вкладах.

в 1503 г. (л. 72 об.), и № 15, поминание Василья Махню, запись произведена в 1504 г. (л. 73).

[20] В Синодике имеется только начало записи поминания Федора Борисовича Волоцкого, включающее указание на поминание его и на «корм»; указание на вклад отсутствует; оно имеется во вкладной книге (Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI в. В кн.: А. А. Титов. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахромееву, вып. V. М., 1906, № 8).

[21] А. А. Титов. Рукописи славянские и русские..., стр. 1.

Вкладная книга Волоколамского монастыря была составлена, как это следует из введения, в царствование Ивана IV; последняя датированная запись, встречающаяся в книге, относится к 1567 г.[22]

Из 37 записей вкладов, находящихся в Синодике, в состав вкладной книги вошло 30 записей; если же учесть, что из 7 не вошедших во вкладную книгу записей три были вычеркнуты в самом Синодике, то окажется, что во вкладную книгу не вошли из Синодика только 4 записи.[23] В подавляющем большинстве случаев записи вкладов во вкладной книге, аналогичные записям в Синодике, повторяют последние текстуально. Отклонения встречаются двух типов. В первом случае вместо формулы «а как преставится, поминати», встречающейся иногда в Синодике, во вкладной книге читается просто «поминати».[24] Это изменение было вызвано тем, что записи вкладов в Синодике делались часто при жизни вкладчиков, во вкладную же книгу записи о вкладах конца XV—начала XVI в. вносились, когда вкладчиков давно не было в живых. Второе отклонение от текстуального совпадения между записями вкладов в Синодике и во вкладной книге заключалось в добавлении в последних указаний на дальнейшую судьбу вкладов.[25] Текстуальное совпадение между записями вкладов в Синодике и во вкладной книге свидетельствует о том, что формуляр вкладной книги повторял формуляр записей вкладов Синодика. Отметим, что и более поздние записи вкладной книги сделаны по формуляру, очень близкому к установленному нами для записей вкладов в Синодике и аналогичных им записей вкладной книги.

Датировка земельных вкладов, произведенная нами для начальной части вкладной книги (включающей, в частности, записи, входящие в состав Синодика), дает следующую картину: № 1, вклад вел. кн. Василия Ивановича, не датируется;[26] № 2, вклад кн. А. И. Городецкого, не датируется; № 4, вклад вел. кн. Ивана Васильевича, 1562 г.;[27] №№ 6, 7, вклады удельных волоцких князей, 1494—1504 гг.;[28] № 8, вклад кн. Федора Борисовича

---

[22] Там же, № 340.

[23] Не вошли записи вкладов Тимофея Рокитина (л. 69), неизвестного вкладчика, внесшего иконы Андрея Рублева (л. 73), Досифея, «братанича» Иосифа (л. 73) и Тимофея Стремоухова (л. 77). Вычеркнуты в Синодике записи с именами князя Василия Звенигородского (л. 72 об.), Василия Махню (л. 73), Дмитрия Ловчего (лл. 76 об.—77).

[24] Ср., например, запись вклада Феодосия иконника в Синодике (л. 72 об.) и во вкладной книге (№ 38).

[25] Ср., например, запись вклада Ивана Давыдова в Синодике (л. 76 об.) и во вкладной книге (№ 41).

[26] Здесь и далее датировка не дается нами в тех случаях, когда не сохранились данные грамоты.

[27] Вклад датирован во вкладной книге.

[28] Ср.: АФЗХ, т. II, №№ 18, 33.

Волоцкого, не датируется; № 10, вклад удельного князя Дмитрия Ивановича Угличского, 1522 г.;[29] № 11, вклад удельного князя Юрия Ивановича Дмитровского, 1510 г.;[30] № 17, вклад кн. П. И. Оболенского, до 1507 г.;[31] № 20, вклад кн. А. А. Голенина, 1508—1515 гг.;[32] № 21, вклад В. А. Челяднина, 1515—1516 гг.;[33] № 23, вклад Арсения Невежина, 1508—1515 гг.;[34] № 24, вклад Василия Баламутова, до 1511 г.;[35] № 30, вклад Клементия Скамейникова, 1514—1515 гг.;[36] № 31, вклад Игнатия Глазатого, 1512—1513 гг.;[37] № 33, вклад Дмитрия Хворостинина, 1507—1515 гг.;[38] № 35, вклад кн. Дмитрия Небогатого, не датируется; № 45, вклад Евпраксии Чиркиной, не датируется; № 47, вклад Игнатия Ракитина, до 1510 г.;[39] № 50, вклад Иоанна Синицына, 1511—1512 гг.;[40] № 53, вклад Савы Клокачева, 1516—1522 гг.[41]

Эта картина позволяет сделать следующие выводы о структуре вкладной книги. Порядок расположения записей вкладов в ней определялся в известной мере социальным принципом. Он сказывается в выдвижении на первое место записей вкладов великих князей (№№ 1, 4; между ними вклинилась только запись вклада кн. А. И. Городецкого, № 2); на второе место выделяются записи вкладов удельных князей (№№ 6—11). И только за этими записями начинаются записи вкладов остальных лиц, расположенные более или менее в хронологическом порядке. Таким образом, в структуре вкладной книги Волоколамского монастыря прослеживаются те же две тенденции, что и в Синодике: группировка записей, с одной стороны, по социальному признаку, а с другой — по хронологическому принципу. Отметим, что в более поздних вкладных книгах социальный принцип получает большее развитие. Так, С. Б. Веселовский, характеризуя вкладную книгу Троицкого Сергиева монастыря редакции 1673 г., указывает, что она была разделена на следующие главы: первая глава — вклады царей и великих князей, вторая — вклады митрополитов, патриархов, владык, князей, бояр и всяких служилых людей; далее идут главы, содержащие записи вкладов дьяков разных приказов, монастырских властей, торговых гостей

---

29 Ср.: там же, № 87.
30 Ср.: там же, №№ 46, 47.
31 Ср.: там же, № 38.
32 Ср.: там же, № 41.
33 Ср.: там же, № 65.
34 Ср.: там же, № 42.
35 Ср.: там же, № 49.
36 Ср.: там же, № 59.
37 Ср.: там же, № 57.
38 Ср.: там же, № 40.
39 Ср.: там же, № 27.
40 Ср.: там же, №№ 51, 52.
41 Ср.: там же, № 75.

и т. д., а затем, постепенно спускаясь по социальной лестнице, записи вкладов троицких слуг, крестьян, бобылей, стрельцов и пушкарей.[42] Во вкладной же книге Волоколамского монастыря, так же как и в Синодике, социальный принцип находился еще в стадии своего становления.

Произведенный нами сравнительный анализ третьей части Синодика, содержащей записи вкладов, и вкладной книги Волоколамского монастыря показывает, что оба памятника по своему назначению, формуляру и структуре были аналогичны; аналогичными являются, как мы уже указывали, по своему содержанию и введения, имеющиеся в обоих памятниках. Все это позволяет сделать вывод о том, что третья часть Синодика представляет собой по существу древнейшую вкладную книгу Волоколамского монастыря. Единственное ее отличие от вкладной книги середины XVI в. заключалось в том, что последняя оформилась в качестве отдельной книги, первая же существовала в составе другого памятника — Синодика.

Этот вывод дает, как нам кажется, основание высказать некоторые соображения по вопросу о происхождении вкладных книг. Существует мнение, что возникновение вкладных книг относится к середине XVI в. Так, Л. И. Ивина, изучившая вкладную книгу Симонова монастыря, считает, что начало составления ее следует отнести ко времени Грозного. Толчком к оформлению в монастыре книги явилось, по ее мнению, постановление Стоглавого собора, которым предписывалось монастырям на основании поступивших вкладов «на помин души» определять «кормы» братии, а имена вкладчиков записывать в синодики.[43] Мы полагаем, что названное постановление действительно могло послужить толчком к упорядочению ведения вкладных книг, и в частности к оформлению их в виде отдельных книг. Само же возникновение вкладных книг, как определенной разновидности монастырской документации, обладающей своими структурными и дипломатическими признаками, относится к более раннему времени. Только искать эти древнейшие вкладные книги следует в составе синодиков — памятников, которые, так же как и вкладные книги, были связаны с заупокойным культом.

---

[42] С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев, стр. 31.

[43] Л. И. Ивина. Вкладная и кормовая книга Симонова монастыря, стр. 231; Стоглав. СПб., 1863, стр. 230—231.

М. А. Салмина

ВНОВЬ ОБНАРУЖЕННЫЙ СПИСОК УСТЮЖСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Во введении к изданию Устюжской летописи, предпринятому в 1950 г. Ленинградским отделением Института истории,[1] в числе известных науке списков этой летописи был упомянут список, принадлежавший еще в конце XIX в. Л. Мацеевичу, знатоку и собирателю древних документов. Однако к изданию Устюжской летописи список Мацеевича привлечен не был; рукописный сборник, заключавший его, считался утерянным.

В настоящее время рукопись Мацеевича хранится в Рукописном отделе Института русской литературы АН СССР. Ее подарил Институту пражский ученый А. В. Флоровский.[2]

Сборник Мацеевича, заключающий в себе список Устюжской летописи, значится под шифром: Отдельные поступления, оп. 23, № 134, без переплета;[3] писан на 270 листах, в 4°,[4] скорописью нескольких почерков конца XVII в., на бумаге с водяными знаками шута (напоминающими №№ 1978 и 2022 у Хивуда)[5] и герба г. Амстердама. На л. 6 об. и 270 об. находятся две записи, сделанные почерком Мацеевича: «Принадлежит Льву Степан. Мацеевичу» (л. 6 об.) и «Принадлежит Льву Мацеевичу. Куплена в Одессе у букиниста в июле 1894 г.» (л. 270 об.).

Список Устюжской летописи находится в сборнике на лл. 1—159. Кроме того, в состав сборника входят летописные записи (л. 159), сделанные в XVII в., Степенная книга[6] (л. 188), сочи-

---

[1] Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). Подготовка к печати и редакция К. Н. Сербиной. М.—Л., 1950 (Академия наук СССР. Ленинградское отделение Института истории).

[2] См.: В. И. Малышев. Новые поступления в собрание древнерусских рукописей Пушкинского дома. Русская литература, 1969, № 2, стр. 124. Существует описание рукописи Мацеевича, сделанное А. В. Флоровским, см.: А. В. Флоровский. Из материалов для истории русского летописания (Мацеевичев список Архангелогородской летописи). Научные труды Русского народного университета в Праге, т. IV, Прага, 1931, стр. 83—95.

[3] При Мацеевиче переплет рукописи еще существовал (см.: Л. Мацеевич. Рукописный сборник 17 века со списком Архангелогородского летописца. В кн.: Древности. Труды археографической комиссии Московского археологического общества, т. I, вып. 1, М., 1898, стлб. 32.

[4] У Мацеевича указано ошибочно в 8°.

[5] Monumenta chartae papyraceae historiam illustrantia or collection of works and documents illustrating the history of paper. General editor E. J. Labarre, t. I. Watermaks mainly of the 17th and 18th centuries by Edward Heawood. The Paper Publications Societi. Hilversum (Holland), 1950.

[6] На лл. 188—208 и 218—253 сборника находятся отдельные выписки из Степенной книги с нарушением хронологической последовательности источника. Такое впечатление, что текст был переписан с рукописи, листы которой были перепутаны.

нения Ивана Пересветова,[7] подборка статей из патристической и учительной литературы (отдельные главы из «Вопросов и ответов Афанасия к князю Антиоху» — л. 253, Толкование священнического чина Василия Кесарийского — л. 258, Притча о святом Варлааме и Иоасафе первой редакции[8] — л. 267, Слово об Иоанне Златоустом[9] — л. 269 и пр.) и др. Последний лист сборника, л. 270 об., содержит записи XVII в., связанные с Устюгом Великим.[10]

Список Мацеевича Устюжской летописи писан несколькими почерками конца XVII в. Подобно изданным спискам он начинается известием 6360 (852) г., однако в отличие от изданных текстов он оканчивается более поздней датой — 7128 (1620) г. Под этим годом сообщается о возведении на патриаршество митрополита Филарета и о том, что «погоре Устюг Великий».[11] Эту особенность списка отметил еще Мацеевич, опубликовавший все его дополнительные известия с 7105 по 7128 г. включительно.[12] Непосредственно к Устюжской летописи (л. 159) примыкают известия другого летописца, начинающегося также записью 6360 (852) г.[13]

В сборнике нарушен порядок следования листов; очевидно, это произошло при переплетении рукописи. Поэтому текст летописи под 6479 г. после л. 14 об. следует читать далее на л. 23.[14]

---

[7] С середины л. 208 по л. 218 в некотором сокращении и переложении идут сочинения Пересветова: «Сказание о книгах», «Сказание о Магметесалтане», «Первое предсказание философов и докторов».

[8] См.: О. В. Творогов. Притчи Варлаама в собрании древнерусских рукописей Пушкинского дома. ТОДРЛ, т. XXIV, М.—Л., 1970, стр. 381.

[9] Ср.: Великие Минеи Четии, ноябрь, дни 13—15. СПб., 1899, стлб. 887.

[10] «Преставление святого праведнаго Прокопия Устюжскаго чюдотворца в лета 6811 года»; «В лето 7176-го году заложена бысть церковь каменная на Устюге Великом Прокопия Праведнаго, а освящена в лето 7177-го году сентября в день...»; «В лето 7161-го году заложена бысть церковь каменная соборная Успения пресвятыя богородицы на Устюге Великом».

[11] Последняя дата, под которой известия списка Мацеевича еще сходствуют с известиями изданных списков, — 7025 г. (в списках ЛОИИ, колл. 115, № 148 и ГИМ, собр. Синодальное, № 965 это 7024 (1516) г.). После 7024 г. в изданных списках следуют записи под 7038, 7039, 7040, 7042, 7055 (дата приведена дважды), 7061, 7062, 7060 (так!), 7065, 7068, 7069, 7070, 7079, 7080, 7090, 7092, 7106 (1598) гг. В списке же Мацеевича после 7025 г. сразу следует запись 7092 г., где, так же как и в изданных списках, сообщается о смерти Ивана Грозного и восшествии на царство князя Федора Ивановича, но в иных выражениях. Тут же в списке Мацеевича сообщается и дата смерти Федора Ивановича (называется ошибочно 7104 (1596) г.). Далее в списке Мацеевича следуют известия, полностью отсутствующие в изданных списках: под 7105 г. (о восшествии на престол Бориса Годунова), 7113 г. (о Гришке Отрепьеве и восшествии на престол Василия Шуйского), 7117, 7121, 7127 гг. (о стоянии Владислава Литовского под Троицким монастырем и заключении царем Михаилом Федоровичем мира с ним), 7128 (1620) г.

[12] Л. Мацеевич. Рукописный сборник..., стлб. 37—38.

[13] Летописец включает в себя родословец.

[14] На нижнем поле л. 22 об. имеется запись: «зри впереди».

Известия последующих лет — 6480—6494 — расположены на лл. 23 об.—30 об. Затем следует вновь возвращаться к лл. 15—22 об.,[15] где читаются заключительные известия под 6494 г. и известия 6495—6523 гг. Продолжение известий 6523 г. читается начиная с л. 31. Имеется нарушение и в самом тексте списка: так, отрывок, начинающийся со слов «и повеле Олг дань даять» и кончающийся словами «коня своего сухую кость лобзают, понежь», повторен в рукописи дважды (лл. 5 об.—7 об.).

Что касается текста летописи по списку Мацеевича, то он, соответствуя в основном тексту остальных изданных списков,[16] в то же время является новым вариантом Устюжской летописи. В списке, как писал еще Мацеевич, «есть некоторые отмены... сравнительно с печатным текстом в показании годов, имен, вообще в выражениях и т. п.».[17] Но, отмечал он далее, «наибольшей особенностью» списка является «желание сокращать изложение событий» Устюжской летописи.[18] Стремление к сокращению известий прослеживается в списке на всем его протяжении, в меньшей степени в первой его половине и в большей — во второй. Эти сокращения выражаются иногда в опущении лишь кратких известий летописи (например: «В лета 6377. Крещена бысть болгарская земля»; «6500. Заложил Белъград»), иногда в пропуске части известий под тем или иным годом (например, под 6831 г. пропущено известие о смерти в Орде князя Юрия Даниловича, под 6882 г. — о приезде князя Ивана Тверского из Литвы, и др.); порой опускаются подробности в изложении (например, под 6745 г. — о последствиях Батыева нашествия). Начиная же с известий конца XIV и особенно XV в. количество сокращений становится особенно значительным; кроме того, из летописи начинают исключаться уже целые отрывки (ср., например, известия под 6971, 6973, 6974, 6976, 6981, 6999 гг. и многими другими).

Сокращение текста достигается часто перефразировкой отдельных мест летописи (например, вместо «В лето 6666. Князь великий Андрей Юрьевич приде из Киева на великое княжение, и отселе бысть великое княжение в Володимере» в списке Мацеевича читаем: «В лето 6666 князь великий Андрей Юрьевич княжил в Володимере»). Перефразировки многих чтений, сохраненных списками ЛОИИ, колл. 115, № 148 и ГИМ, собр.

---

[15] Об этом говорит запись на л. 30 об., сделанная другими почерком и чернилами: «зри назади».

[16] Из четырех известных науке списков Устюжской летописи (ЛОИИ, колл. 115, № 148; ГИМ, собр. Синодальное, № 965; ГПБ, собр. Погодина, № 1422; список Мацеевича — ИРЛИ, оп. 23, № 134) к ее изданию в 1781 г. (переиздано в 1819 г.) и в 1950 г. были привлечены лишь два первых списка (в издании 1950 г. первый, под шифром ЛОИИ, № 148 (806), взят за основной, второй, под шифром ГИМ, № 965, привлечен для вариантов).

[17] Л. Мацеевич. Рукописный сборник..., стлб. 35.

[18] Там же.

Синодальное, № 965, — характерная черта списка Мацеевича вообще (см. особенно известия за годы 6906, 6914, 6912, 6980, 6985 и др.).

В списке Мацеевича встречаются и дополнительные чтения, но они незначительны. Так, например, к известию под 6677 г. «и приступиша ко граду уже взяти» добавлено «его», к известию «в лето 6835 священна бысть церькви святыя Богородица Успение» добавлено «на Москве», и т. п.

Список имеет, кроме того, и множество мелких разночтений. Так, например, если в изданных списках под 6453 г. Ольга «повеле людем своим могилу ссыпати», то у Мацеевича читаем: «копать»; в изданных списках под 6477 г. Ольга «бысть предтечя руской земли», у Мацеевича — «христианской земли»; в изданных списках под 6876 г. «явися звезда хвостата», у Мацеевича — «копейным образом», и др.

Список Мацеевича не лишен описок и искажений текста. Так, в известиях под 6360 г. вместо «дань» читается «вал», вместо «беле» — «боле», вместо «Боричев» — «Боригев»; под 6430 г. вместо «Олг» дано ошибочно «Игорь»; под 6453 г. вместо «у Корьстеня града» — «у Констянтина града»; под 6939 г. вместо «князя Федора Пестрого» — «князя Федора Петровича», и др. Но в то же время список дает и более правильные чтения по сравнению со списками изданными. На это обратил внимание еще Мацеевич.[19] Так, например, в списке ЛОИИ, колл. 115, № 148, взятому издателями за основной, имеются описки в известиях под 6389, 6408, 6491, 6890, 6892, 6995 гг. (что отмечено в издании), в то время как в списке Мацеевича этих погрешностей нет. Интересно отметить, что в списке Мацеевича в рассказе под 6890 г. о нашествии Тохтамыша на Москву, согласно Софийской I летописи, князья суздальские говорят: царь пришел «не на вас», «вас хощет жаловати», не хочет «у вас ничего», в то время как в изданных списках читаем: «не на нас», «нас хочет жаловати», не хочет «у нас ничего».

Список Мацеевича не зависит ни от основного списка, ни от списка ГИМ, собр. Синодальное, № 965, приводимого в аппарате издания. Он включает в себя чтения как одного, так и другого списка.[20] Взаимоотношения между всеми тремя списками довольно сложные. Прямая зависимость между ними не устанавливается.

Список Мацеевича представляет интерес и своими подчас более исправными чтениями, и своей новой концовкой, и своими

---

[19] Там же, стлб. 33—35.

[20] Список Мацеевича не идентичен списку ЛОИИ, как сказано во Введении к изданию Устюжского летописного свода. Под годами 6455, 6463, 6472, 6494, 6523, 6527, 6545, 6866, 6879, 6883, 6888, 6890, 6906, 6908, 6923, 6942, 6943, 6944, 6948, 6994 в нем встречаются чтения, сходные со списком ГИМ, собр. Синодальное, № 965.

сокращениями. Любопытно было бы выяснить, первоначальны ли эти более правильные чтения или это результат позднейших исправлений и чем могли быть вызваны сокращения. Изучение особенностей чтений списка Мацеевича должно вестись не только в сравнении его с уже введенными в науку списками Устюжской летописи, но и в сопоставлении его с летописями, имеющими с Устюжской летописью общий источник.[21] Такое изучение, возможно, поможет определить происхождение и состав этой сравнительно поздней, но несомненно интересной летописи, историю которой пока еще нельзя считать до конца исследованной.[22] Результатом такого изучения должно явиться новое научное издание Устюжской летописи по всем спискам в серии «Полного собрания русских летописей».[23] Это издание, как отмечал еще А. Н. Насонов, должно отражать не только смысловые разночтения, дополнения и пропуски, но также и перестановки слов.[24] В нем должны быть устранены отдельные ошибки и неточности издания 1950 г.

До сих пор не вполне учтенный в науке список Мацеевича несомненно сыграет важную роль при исследовании и научном издании Устюжской летописи.

Б. П. Полевой

НОВОЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ «СКАЗАНИЯ О ВЕЛИКОЙ РЕКЕ АМУРЕ»

В последней четверти XVII в. в России стало распространяться во многих списках «Сказание о великой реке Амуре». Весьма скоро оно получило известность и за границей: в конце XVII—XVIII в. «Сказание» трижды публиковалось на гол-

---

[21] Я. С. Лурье. Новые памятники русского летописания конца XV в. (К выходу в свет тт. XXVII и XXVIII «Полного собрания русских летописей»). История СССР, М., 1964, № 6, стр. 119.

[22] Там же, стр. 119; Я. С. Лурье. Изучение русского летописания. В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968, стр. 29—30. Об Устюжской летописи см. работы: А. А. Шахматов. 1) Начальный киевский летописный свод. СПб., 1897; 2) Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908; 3) Летописи. В кн.: Новый энциклопедический словарь Брокгауза—Ефрона, т. XXV, стлб. 164—165; К. Н. Сербина. Устюжский летописный свод. Исторические записки, т. 20, М., 1946, стр. 239—270.

[23] О необходимости издания летописей, в частности Устюжской летописи, в составе серии «Полного собрания русских летописей» писал еще Д. С. Лихачев (Вопросы истории, 1951, № 5, стр. 109).

[24] См. рецензию А. Насонова на книгу «Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец)» (Подготовка к печати и редакция К. Н. Сербиной. М.—Л., 1950): Вопросы истории, 1951, № 3, стр. 115.

ландском языке.[1] В прошлом столетии древнерусский текст был напечатан в двух вариантах. Первый (укороченный) был опубликован дважды: сперва в 1853 г. известным историком Сибири Г. И. Спасским, а затем в 1890 г. А. А. Титовым.[2] Второй (подробный) вариант был воспроизведен историком Ю. В. Арсеньевым в 1882 г.[3]

Исследователи уже давно обратили внимание на то, что это же произведение неоднократно включалось в виде последней главы под названием «Описание великия реки Амура» в знаменитое сочинение Н. Г. Спафария «Описание первой части Вселенной, именуемой Азией. . .». Именно такой список этого сочинения Н. Г. Спафария имеется и в собрании древнерусских рукописей Пушкинского дома Академии наук СССР в фонде В. Н. Перетца (№ 182).[4] Здесь сочинение Н. Г. Спафария имеет название «Книга истории, а в ней писано о начале Китайского государства». Шестидесятую главу этого сочинения и составляет интересующее нас «Описание великия реки Амура» (лл. 202—208). Сразу же вслед за этим произведением в сборнике дана так называемая «Татарская книжица» Н. Г. Спафария — «Книга, а в ней повесть, как в нынешнем веке богдойские таторовя одолели и завладели мало не все Китайское царство», т. е. описание войны между маньчжурами («татарами») и китайцами в первой половине XVII в., которая привела в Китае к свержению минской династии и установлению цинской.

Включение «Описания великия реки Амура» в сборник сочинений Н. Г. Спафария давно уже наводило исследователей на мысль, что автором «Сказания о великой реке Амуре» является сам Н. Г. Спафарий. Однако Н. Г. Спафарий отмечал, что он в своих трудах нередко пользовался чужими «повестями». Так, достоверно известно, что в основе «Татарской книжицы» Н. Г. Спафария лежит его перевод труда иезуита Мартини «De bello tartarico historia». В книге Н. Г. Спафария о его путешествии по Сибири («Книга, а в ней писано путешествие царства Сибирского от города Тобольска и до самого рубежа государства Китайского») отчасти используются отрывки из «Книги Большому чертежу» и различных росписей чертежей Сибири. По-

---

[1] N. C. Witsen. Noord en Oost Tartarye, t. II. Amsterdam, 1692, pp. 30—32; 1705, pp. 73—74, 85—88; 1785, pp. 73—74, 85—88. Перевод неполный, но он дополнен вставками, сделанными самим Н. К. Витсеном по другим русским источникам.

[2] Г. И. Спасский. Сведения русских о реке Амуре в XVII столетии. Вестник Русского географического общества, 1853, ч. VII, отд. II, стр. 15—42; А. Титов. Сибирь в XVII веке. В кн.: Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890, стр. 105—113.

[3] Ю. В. Арсеньев. О происхождении Сказания о великой реке Амуре. Известия Русского географического общества, 1882, вып. 4, стр. 245—254.

[4] В. И. Малышев. Древнерусские рукописи Пушкинского дома. (Обзор фондов). М.—Л., 1965, стр. 75.

этому невольно возникал вопрос: уж не положил ли Н. Г. Спафарий в основу «Описания великия реки Амура» кем-то ранее созданное «Сказание о великой реке Амуре»?

В 1882 г. Ю. В. Арсеньев, большой знаток сочинений Н. Г. Спафария, выразил твердое убеждение, что автором «Сказания о великой реке Амуре» все же является сам Н. Г. Спафарий. Во-первых, в трудах Н. Г. Спафария оказался ряд ссылок на составленное им описание великой реки Амура.[5] Во-вторых, анализ текста «Сказания» показал, что он явно составлен по образцу совершенно аналогичных по своему стилю описаний других рек Сибири в известном сочинении Н. Г. Спафария о его путешествии по Сибири, например описания Иртыша, «великой реки» Оби, Енисея, Ангары и Аргуни.[6]

К сожалению, Ю. В. Арсеньев не обратил внимание на то, что все эти описания рек Сибири, особо выделенные в сочинении Н. Г. Спафария, были сделаны в виде расширенных чертежных росписей к новым, уточненным в 1675 г., маршрутным чертежам этих рек.[7] А это дает теперь полное основание заключить, что и аналогичное «Сказание о великой реке Амуре» (или «Описание...») первоначально тоже возникло как расширенная, литературно обработанная роспись уточненного Н. Г. Спафарием и его спутниками марщрутного чертежа этой реки. Видимо, биограф Н. Г. Спафария — известный украинский историк И. Н. Михайловский был прав, когда утверждал, что протограф этого любопытнейшего сочинения об Амуре был создан еще до выезда Н. Г. Спафария из Сибири в Китай.[8] Скорее всего оно было написано еще в Забайкалье в декабре 1675 г. Однако до нас дошли лишь те его варианты, которые уже были пополнены некоторыми дополнительными сведениями, полученными русскими в Китае. Так, список «Описания великия реки Амура» в сборнике из фонда В. Н. Перетца, как и некоторые другие аналогичные списки, заканчивался ссылкой на слова «асканьямы», т. е. какого-то китайского должностного лица. В некоторых случаях Н. Г. Спафарий некритически повторял ошибочные сведения маньчжуров или китайцев. Все же основная часть сведений об Амуре в его сочинении была вполне достоверной, так как

---

[5] Н. Милеску Спафарий. Сибирь и Китай. Кишинев, 1960, стр. 105, 288, 341.

[6] См.: Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Записки Русского географического общества по Отделению этнографии, т. X, вып. 1, 1882, стр. 40—50, 68—71, 85—87, 132—134 и др. См. также: Н. Милеску Спафарий. Сибирь и Китай, стр. 32—42, 62—67, 70—74, 114—116 и др.

[7] См. подробнее: Б. П. Полевой. Географические чертежи посольства Н. Г. Спафария. Известия АН СССР, сер. геогр., 1969, вып. 1, стр. 116—117.

[8] И. Н. Михайловский. Важнейшие труды Николая Спафария (1672—1677). Киев, 1897, стр. 41.

исходила от русских бывалых людей, достаточно хорошо знавших Амур.

Подробный анализ всех дошедших до нас вариантов «Сказания о великой реке Амуре» (или «Описания...») ясно показал, что в этом сочинении имеются сведения, полученные от участников самых различных походов на Амур — от морского плавания И. Ю. Москвитина летом 1640 г. в район устья Амура[9] до ходивших на верхнюю Зею амурских казаков, восстановивших зимой 1665/66 г. Албазинский острог. Наиболее широко в этом сочинении использованы сообщения В. Д. Пояркова и его спутников — участников самого первого русского похода по Амуру, 1643—1645 гг.

Известно, что только поярковцы вслед за нанайцами называли реку Уссури с нижним течением Амура (от устья Уссури) «Большим Амуром».[10] Говоря о «пятой реке Ушур», Н. Г. Спафарий также счел нужным напомнить, что именно эту реку «называют казаки Большим Амуром» (л. 205). В найденных недавно распросных речах поярковца Микулы Тимофеева и его пяти товарищей, записанных в Якутске 9 ноября 1645 г., указывается, что «прошла де Амур река весною о Николина дни» (9 мая) и что тогда через некоторое время они смогли поплыть по Охотскому морю.[11] В рукописи из собрания В. Н. Перетца в описании нижнего Амура сказано: «зима стоит до майя месяца, и около Николина дни... река Амур и береги морския отпущаются и тогда мочно на море плавати» (л. 206 об.). Установление же прямой связи между этим сочинением и сообщениями поярковцев позволило нам выяснить, о каких именно загадочных «куярах» говорилось в нем при описании района устья Амура. Вне всякого сомнения, сюда по ошибке были отнесены сведения поярковцев о южносахалинских айнах. О них М. Тимофеев и его товарищи сообщали: «есть де подле моря черные люди, а называют де их куями а живут де они подле моря по правую сторону».[12]

---

[9] См. подробнее: Б. П. Полевой. Доходил ли Иван Москвитин до устья Амура? Материалы Отделения истории географических знаний Географического общества СССР, вып. 1, 1962, стр. 71—74.

[10] Новые архивные находки подтвердили правильность гипотезы Р. К. Маака о том, что в основе названия «Амур» лежит нанайское название реки Уссури и нижнего Амура — «Мангбу». В докладе на Втором совещании географов Сибири и Дальнего Востока во Владивостоке в 1962 г. автор настоящей статьи подробно показал, что нанайское «Мангбу» сперва превратилось у тугуро-амгуньских эвенков в «Мамур», а затем в форме «Омур—Амур» дошло от охотских эвенов до участников похода И. Ю. Москвитина в 1639 г. Подробнее см.: Б. П. Полевой. — Амур — «слово московское». Дальний Восток, 1972, № 1, стр. 140—141.

[11] Б. П. Полевой. Забытые сведения спутников В. Д. Пояркова о Сахалине (1644—1645 гг.). Известия Всесоюзного географического общества, вып. 6, 1958, стр. 349.

[12] Цит. по: там же, стр. 348.

Утверждение же о том, что «куяры делают... кумачи и камки и бархаты и иные портища», не является правильным. Просто к «куярам» ошибочно было отнесено известие, относившееся к другим южным народам Дальнего Востока. Возможно, что эта ошибка появилась по вине какого-то переписчика сочинения Н. Г. Спафария. Но следует сразу же оговориться, что текст «Описания великия реки Амура» в сборнике из фонда В. Н. Перетца безусловно более близок к протографу, чем список, опубликованный Г. И. Спасским и А. А. Титовым. Поэтому он помогает раскрыть истинное содержание некоторых загадочных мест, вызвавших сомнения у Г. И. Спасского.

Вот несколько примеров.

В списке, опубликованном Г. И. Спасским и переизданном А. А. Титовым, упоминается таинственное царство «Каргалть». Г. И. Спасский готов был в этом названии усмотреть Корею, Японию, или остров «Иедзо» (Хоккайдо).[13] Список в сборнике из фонда В. Н. Перетца еще раз подтверждает, что здесь произошло простое искажение названия: следует читать не «Каргалть», а «Камбалык, где богдыхан живет» (л. 207). «Камбалык» — широко известное в те времена тюркское название Пекина («город хана»).

Г. И. Спасский уделил большое внимание вопросу о «ленном Петрушке», о котором шла речь в опубликованном им списке «Сказания о великой реке Амуре». Он доказывал, что слово «ленный» (феодальный) в Сибири не употреблялось и что здесь нужна поправка: «оленный Петрушка».[14] Список В. Н. Перетца кладет конец всем сомнениям в этом вопросе. В нем говорится, что в вершине реки Зеи «живет тунгус Петрушка ленский с родом своим, который бежал с Лены в прошлых годех, а ныне паки Албазинского острогу казаки поймали ево и ясак взяли» (л. 203 об.). По документам Якутского острога удалось установить, что здесь идет речь об эвенке-манегире «Ювита да Лама, а другое ему имя Петрушка».[15] Этот эвенк-манегир действительно сперва давал ясак русским на верхней Лене, затем перешел на Олекму и оттуда в верховья Зеи, где его задержали казаки Никифора Черниговского из Албазинского острога.

В интересующем нас сочинении об Амуре некоторые сомнения вызывал рассказ о «водяном бое» «на усть Шингала [Сунгари] реки» (л. 204 об.). Недавно достоверность этого рассказа была полностью подтверждена благодаря находке документа, подробно воссоздавшего историю героической гибели основной

---

[13] Г. И. Спасский. Сведения русских о реке Амуре в XVII столетии, стр. 37.

[14] Там же, стр. 29; А. Титов. Сибирь в XVII веке, стр. 107.

[15] ЦГАДА, фонд Якутской приказной избы, оп. 3, 1644—1645 гг., док. № 106, л. 23.

части отряда Онуфрия Степанова летом 1658 г. на Амуре, вблизи устья Сунгари.[16]

Особое значение «Сказание» (или «Описание») имеет как географическое сочинение. Оно бесспорно является самым ранним из дошедших до нас русских описаний всей амурской водной системы. В нем немало достоверных географических подробностей, однако имеются и некоторые довольно существенные географические неточности. Дело в том, что Н. Г. Спафарий и большинство его спутников сами не бывали на Амуре. Они или записывали не всегда правильные чужие сообщения, или же пользовались ранее составленными, не совсем точными маршрутными чертежами Амура. Видимо, в их распоряжении были маршрутный чертеж Амура, сделанный в Тобольске по опросным данным к чертежу Сибири 1667 г.,[17] аналогичный чертеж 1673 г.[18] и какой-то чертеж с изображением «Даур» (Приамурья), составленный по памяти в 1674 г. бывшим участником похода Я. П. Хабарова — С. В. Поляковым.[19] К сожалению, эти чертежи до нас не дошли. Об их содержании мы можем судить в какой-то мере по знаменитой подробной карте «Татарии» Н. К. Витсена, датированной 1687 г., но изданной лишь через три года — в 1690 г. На этой карте Амур изображен весьма подробно; очевидно, что все эти детали Н. К. Витсен мог заимствовать только из русских чертежей, в первую очередь из маршрутного чертежа Амура 1667 г. и аналогичного чертежа, составленного Н. Г. Спафарием и его спутниками. В самом деле, изображение Амура на карте Н. К. Витсена служит прекрасной иллюстрацией к тексту интересующего нас сочинения о «великой реке Амуре».

Вот несколько характерных примеров.

В верховьях Амура на карте Н. К. Витсена стоит надпись: «Otsel Poschel». Еще А. И. Андреев вслед за Л. И. Шренком отмечал: «Указанная на карте Витсена в начале р. Амура провинция со странным названием „Otsel Poschel“ — несомненно непонятое им русское название или надпись на каком-то русском

---

[16] ЦГАДА, фонд Сибирского приказа, столбец 124, лл. 196—192.

[17] О маршрутных чертежах 1667 г. см.: Б. П. Полевой. 1) Гипотеза о «Годуновском» атласе Сибири 1667 г. Известия АН СССР, сер. геогр., 1966, № 4; 2) К трехсотлетию «Годуновского чертежа» Сибири. Доклады Института географии Сибири и Дальнего Востока, Иркутск, 1968, № 17.

[18] О региональных маршрутных чертежах «в подсвоение ясаку» в составе чертежа Сибири 1673 г. идет речь в нашей статье «Чертеж Сибири 1673 г. в свете данных С. У. Ремезова», подготовленной к вып. 15 сборника «Страны и народы Востока».

[19] См.: Записки Русского географического общества по отделению этнографии, т. X, вып. 1, 1882, стр. 160. Об участии С. В. Полякова в походе Я. П. Хабарова см.: Б. П. Полевой. Первооткрыватели Сахалина. Южно-Сахалинск, 1959, стр. 36.

чертеже „отсель пошел Амур“».[20] Видимо, эта надпись была призвана облегчить находку на чертеже того места, о котором в «Описании великия реки Амура» сказано: «А где сошлися Шилка и Аргуня паки, обе потеряли имена своя и именутся Амуром иноземским званием и до самого моря одно имя имать Амур река» (л. 203 об.).

Напротив Албазинского острога на карте Н. К. Витсена вместо реки Албазихи была ошибочно изображена река Комара, которая на самом деле впадает в Амур значительно ниже Албазина. Но это явно ложное изображение отражает одну из неточностей «Описания», в котором говорится: «А по Амуру реке вниз пловучи на правой стороне Албазинского острогу первая река Камара течет с хребта з богдойской стороны. . .» (л. 203 об.).

В «Описании» упоминается, что на устье Ушура (Уссури) живут «джючера». На карте Н. К. Витсена в устье реки «Schur» также показана народность «Dtzoezera». Интересно отметить, что «джючерами» они названы были только в интересующем нас памятнике. В других русских источниках XVII в. они обычно назывались «дючерами», реже — «жучерами». Так русские в XVII в., как показали новейшие исследования, называли предков современных нанайцев — прямых потомков северных чжурчженей.

В описании «шестой реки Хамуна» (Амгуни) говорится, что от нее «вниз по Амуру реке до моря до Гилятцкия земли ходу две недели и до устья Амурского, а подле моря земля Гиляцкая» (л. 205). Именно так «Zemle Giletskaia» изображена и на карте Н. К. Витсена. Там же удачно проиллюстрирована фраза: «А против того устья Амурского на море далеко остров великой». На карте этот остров дан под названием «Амурский остров», в нем нетрудно узнать остров Сахалин. Заметим здесь, что в XVII в. русские называли Сахалин обычно просто «Гилятцким островом», название же «Амурский остров» в России не употреблялось. Очевидно, что такое название острову Н. К. Витсен дал под влиянием «Сказания о великой реке Амуре».

Все эти данные еще раз подтверждают, насколько тесно было связано «Сказание о великой реке Амуре» (или «Описание. . .») с ранней сибирской картографией. Теперь уже вполне очевидно, что это сочинение было по существу не чем иным, как литературно обработанной, расширенной росписью маршрутного чертежа Амура, составленного участниками посольства Н. Г. Спафария на основании старых маршрутных чертежей Амура и дополнительных сведений бывалых русских людей. Характерная вводная часть этого сочинения принадлежала самому Н. Г. Спа-

---

[20] А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1. М.—Л., 1960, стр. 91; Л. И. Шренк. Об инородцах Амурского края, т. I. СПб., 1883, стр. 97.

фарию. Она даже давалась от первого лица: «Великая и преименитая река Амур еще у древних и у нынешних земнописателей и слуху про нея нет во Описаниях. Однако же река Амур превосходит величеством не токмо всех сибирских рек, но, чаю, всех, что кои есты на свете...» (л. 202). Заметим здесь, что Н. Г. Спафарий усиленно изучал русский язык именно в Сибири и оборот «однако же» — явная дань местным речениям. В остальной же части Н. Г. Спафарию помогали специально приставленные к нему для ведения письменных дел подьячии Н. Венюков и И. Фаворов. Вот почему сам Н. Г. Спафарий отмечал, что этот труд был создан коллективно: «про Амур писали особное описание».[21]

В литературе уже неоднократно поднимался вопрос о переиздании «Сказания о великой реке Амуре». Особенно горячо за это ратовал покойный А. И. Андреев. Очевидно, что теперь это следует сделать с учетом особенностей всех существующих списков данного сочинения, в том числе и списка, который имеется в сборнике «Книга истории...» из фонда В. Н. Перетца в замечательной коллекции древнерусских рукописей, собранной В. И. Малышевым и его сподвижниками.

Еще в 1955 г. Н. И. Циммер, проведя большую работу по выявлению многочисленных списков трудов Н. Г. Спафария, справедливо заметил, что список в фонде В. Н. Перетца является одним из лучших. Возможно он менее полон, чем тот, которым в свое время пользовался Ю. В. Арсеньев. Но зато текст его является наиболее совершенным по своим литературным достоинствам. Именно по этой причине мы, когда нам потребовалось использовать известное подробное сообщение Н. Г. Спафария об острове Сахалине, сознательно остановили свой выбор на тексте, имевшемся в сборнике из фонда В. Н. Перетца.[22] Этот текст привлек наше внимание не только своеобразием языка, но и тем, что в нем оказались некоторые любопытные подробности, каких не было в других источниках. Теперь, познакомившись еще более внимательно с данным списком, мы смогли убедиться в том, что ему свойственно еще одно большое достоинство: как видно из приведенных примеров, по нему легче можно уяснить истинный смысл тех фраз, которые ранее вызывали недоумение или сомнения. А следовательно, теперь появилась возможность опубликовать «Сказание о великой реке Амуре» с более подробными и достоверными комментариями, чем это было возможно во времена Г. И. Спасского или даже Ю. В. Арсеньева.

Желательно, чтобы в ближайшем будущем исследователи занялись тщательным изучением текстовых особенностей и других

---

[21] Н. Милеску Спафарий. Сибирь и Китай, стр. 341.
[22] Б. П. Полевой. Первооткрыватели Сахалина, стр. 35.

сочинений Н. Г. Спафария, включенных в тот же сборник из фонда В. Н. Перетца. Особого внимания заслуживает до сих пор не опубликованная так называемая «Татарская книжица».

М. И. Белов

ПИНЕЖСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ О РАЗВЕДОЧНОМ ПОХОДЕ ПОМОРОВ В МАНГАЗЕЮ

В рукописи, найденной в 1969 г. сотрудниками Пушкинского дома в Поморье и хранящейся ныне в его Рукописном отделе под № 440, сделана следующая запись: «Лета 7105 году Юрье Долгушин устьцылемец, да пан литовский полоненик, да Смирной пинежанин лавелец первые Мунгазею проведали Надым реку, а на другой год Таз реку. А воевода 1 в Мунгазеи Мирон Шоховской» (полный текст летописца см. на стр. 65—91).

Это сообщение о путешествии Юрия Долгушина и его товарищей в Мангазею, основанное, по всей вероятности, на показаниях очевидцев, представляет несомненный интерес. И не только потому, что оно единственное, не повторенное ни в одной северорусской летописи или в другом каком документе, но и потому, что раздвигает рамки наших довольно туманных представлений о той исторической обстановке, которая предшествовала постройке и расцвету первого заполярного города — Мангазеи.

Мангазея как земля стала известна в конце XV в., когда безымянный новгородский книжник в сказании «О человецех незнаемых в Восточной стране» упомянул ее в связи с описанием племен, кочевавших на севере Западной Сибири. «На Восточной стране, — писал он, — за Югорскою землею, над морем живут люди самоеды, зовомые Малгонзеи».[1] Но с тех пор прошло полвека, прежде чем появились первые известия о походах в Мангазею, причем дошли они до нас в изложении иностранных путешественников, посетивших Русский Север. Сведения эти пришли от моряков и касались главным образом описания морских путей на Восток. Так, английский агент «Московской компании» Стефен Барроу, пытаясь совершить плавание из Печорского моря на Обь, летом 1556 г. повстречал у Югорского Шара целую флотилию поморских судов, намеревавшихся идти в Мангазею.[2] На вопросы Барроу мореходы отвечали, что они ходят на реку Обь, а сейчас вынуждены отложить свое путешествие потому, что опоздали к Мангазейскому морскому ходу. В 80-е годы агенту

[1] Древности. Труды Московского археологического общества, кн. 14, 1890, стр. 234.

[2] См.: Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Под ред. Ю. Готье. М.—Л., 1937, стр. 107.

той же торговой компании Кристоферу Холмесу во время плавания у западного побережья Новой Земли поморы-мореходы рассказали об обычных путях прохода на реку Обь. Кроме уже хорошо известного в те годы пути через Югорский Шар в Карское море и через волоки Ямальского полуострова — речки Мутную и Зеленую, на Обь имелся еще, утверждали они, проход через Маточкин Шар.[3] Имелась дорога на Обь и по сухопутью. Ссылаясь на рассказ пермяка, Р. Джонсон писал: «Из Двинской области известна дорога на Печору до Оби, если путешествовать на оленях по суше».[4]

Впервые о мангазейских походах русские источники стали сообщать только с конца XVI в., а главным образом в следующем столетии. По сохранившимся в архиве Сибирского приказа распросам 170 поморов-мангазейцев, произведенным в 1616 г. воеводой Иваном Биркиным, массовые поездки северных крестьян на реку Таз по Мангазейскому морскому ходу начались в 70—80-х годах. Поморы заявили: «ходят де они, торговые и промышленные люди, с Пинеги и с Мезени и с Двины морем, которого лета льды пропустят, в Мангазею для промыслов своих лет по двадцати и по трицати и больше на Пустоозеро и на Карскую губу, на волок. . .».[5] Косвенные сведения о частых, ставших к тому времени обычными поездках в Мангазею можно почерпнуть и в царской жалованной грамоте пинежанам, датированной январем 1600 г. Грамота составлена на основании челобитной пинежан царю Борису Годунову, поданной еще в конце столетия, т. е. за год ли два до ответа на нее. В грамоте говорилось: «А про свою нужу имати им с собою по топору человеку или по два, да ножей по два или по три ножи человеку. . . для того что они (пинежане, — *М. Б.*) там (в Мангазее, — *М. Б.*) для своих промыслов живут года по два и по три (разрядка моя, — *М. Б.*). И им без того быти нельзе. . .».[6] Ввиду массовости мангазейских поездок царские власти распорядились на Мезени в Окладниковой слободе установить специальную таможенную службу для сбора десятинной пошлины, отменив такой сбор в Пустоозерске.

И все же неизвестна география поморских промыслов в Мангазейской земле. Вероятнее всего, эти промыслы располагались в лесотундровых районах рек Пура и Таза, потому что именно там раньше других стала ощущаться «беспромыслица», т. е. исчезновение пушного зверя в результате хищнического истребления. Промышленники устремились дальше на восток. Еще в пре-

---

[3] Там же, стр. 191.

[4] См.: М. П. Алексеев. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск, 1941, стр. 127.

[5] Русская историческая библиотека, т. II, 1875, № 254.

[6] Акты исторические, собранные и изданные Археографической экспедицией, т. II. СПб., 1841, № 135.

дыдущем веке они проникли на реку Енисей, о чем могут свидетельствовать поступавшие в поморские таможни «енисейские соболи». В 1596 г. с таких соболей на Усть-Сысольском яме у промышленника Федора Петрова была взята десятинная пошлина.[7] Возник вопрос о проложении близкого и дешевого пути на Енисей. Им, конечно, мог быть только морской путь. С целью его разведки при Федоре Ивановиче (1584—1598 гг.) по Оби и Обской губе совершил при поддержке тобольских воевод выдающееся плавание московский гость Лука. Его сопровождали двигавшиеся по берегу служилые люди. В дороге путешественник знакомился с особенностями плавания и изучал суровую природу края. Луке удалось пройти из Обской губы в Енисейский залив и даже побывать на реке Пясине, но на обратном пути он и его спутники погибли.[8]

Усилия торговых и промышленных людей Поморья не могли не привлечь внимания царских властей, уже к концу XVI в. рассматривавших Мангазею как богатый источник нового пополнения казны пушниной, являвшейся уже в те годы ценной валютой, столь необходимой в условиях многолетних войн и внутренних затруднений.

Освоение Сибири и ее северных областей особенно быстро стало развиваться после того, как в 1596 г. заведование всеми сибирскими делами перешло в руки боярина Бориса Федоровича Годунова, добившегося царского указа о невозвращении из Сибири на Русь крестьян, сбежавших от помещиков и бояр.[9] В этом плане надо рассматривать и снаряженный в 1598 г. мангазейский поход дьяка Федора Дьякова. Дьякову поручалось выполнить важную задачу: следуя на судах от Тобольска по реке Оби и Обской губе, достичь нижнего течения реки Таз, осмотреть поморские промыслы, собрать с промышленников государеву десятинную пошлину (в отряде имелось два целовальника), узнать как можно обстоятельнее о кочевых племенах и, взяв с них ясак, возвратиться в Москву. Для похода в Мангазейскую землю ему передавалось четыре морских судна — коча, построенных на Верхотурском плотбище. В походе участвовали вымичи во главе с Василием Тарабукиным.[10] На поход в Мангазею и обратно Дьякову потребовалось три года. В Москву он вернулся в 1600 г. И этому не приходится удивляться. Продвижение судов по реке Оби, Обской и Тазовской губам прохо-

---

[7] М. И. Белов. 1) Мангазея. Л., 1969, стр. 118; 2) Раскопки «златокипящей» Мангазеи. Л., 1970.

[8] Русская историческая библиотека, т. II, стлб. 1062; М. П. Алексеев. Сибирь в известиях иностранных путешественников..., стр. 264—268.

[9] И. В. Щеглов. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032—1882 гг. Иркутск, 1883, стр. 96—97.

[10] М. И. Белов. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. М., 1956, стр. 111.

дило тогда медленно. В лучшем случае на поход из Тобольска в Мангазею уходила целая навигация, продолжающаяся не более как два—два с половиной летних месяца. Совершить обратную поездку возможно было только на следующий год, точнее, в навигацию следующего года. Задержка в пути грозила остановкой, и тогда зимовка считалась неизбежной. Обратно в Тобольск попадали на третий, а иногда и на четвертый год.

Теперь вернемся к сообщению пинежского летописца о походе Юрия Долгушина с товарищами. Сам Юрий Долгушин являлся жителем Усть-Цильмы — поселка, расположенного при впадении реки Цильмы в Печору. Обычно усть-цилемцы не пользовались морской дорогой в Мангазею, а по речным системам — по северным притокам Печоры, главным образом рек Усы и Шугора, шли на Урал и, преодолев горные ущелья, появлялись на восточных его склонах. Отсюда рекой Северной Сосьвой, при впадении которой в реку Обь стоял уездный центр город Березов, они выходили на Обь. В Березове имелись судовые верфи-плотбища и здесь, как правило, образовывались мангазейские морские караваны, пускавшиеся в далекий и опасный путь — по Мангазейскому морю, как называли тогда Обскую и Тазовскую губы. Товарищем Долгушина оказался пинежанин Смирной; летописец счел нужным уточнить его местожительство — он был жителем лавельской деревни. Пинежане являлись опытными мореходами, они водили свои суда по Студеному морю — к Шпицбергену и на Новую Землю. Ходили они и в Мангазею. Поэтому неудивительно, что Долгушин выбрал себе в спутники опытного человека. Третий участник похода не назван по имени, но отмечено, что он литовец знатного происхождения («пан литовский»), попавший в плен к русским.

Несколько слов о датировке похода Юрия Долгушина. Летописец сообщает, что только до реки Таз Долгушин шел два года; в одну навигацию поморы не смогли пройти. И это тоже понятно. Им пришлось идти по самому трудному речному и волоковому пути, переходить Уральский хребет, а затем, достигнув Оби, строить достаточно прочное судно, пригодное для плавания по бурным волнам Мангазейского моря. По точному смыслу летописной записи, поход Юрия Долгушина начался в 7105 (1597) г., а закончился на реке Таз через год, т. е. в 7106 (1598) г. Целый год был пропущен из-за остановки на реке Надыме; летописец называет ее «мангазейской рекой», так как действительно река расположена восточнее Обской губы, в которую впадает в двухстах километрах от Обдорска (ныне Салехард); а все, что находилось восточнее Обской губы, — это уже Мангазейская земля. О Надыме в источниках есть краткие, но любопытные данные. В XVI в. там было построено какое-то поселение, очевидно находилась стоянка торговых и промышленных людей — опорный пункт для тех, кто шел на реку Пур и

Таз.[11] Возникло это становище раньше города Мангазеи и в какой-то степени заменяло его, являясь своего рода центром промыслового освоения Обско-Пуровского района. Перезимовав в Надыме, поморы-путешественники отправились дальше и, пройдя Обскую и Тазовскую губы, попали на другую мангазейскую реку — Таз.

Обратило на себя внимание некоторое совпадение во времени этого похода и экспедиции Федора Дьякова. Действительно, основной участок пути в Мангазею — плавание по Обской и Тазовской губам — они прошли в один и тот же 1598 год, хотя поморы вышли в дорогу на год раньше. Неясно, присоединились ли они к Дьякову или совершили поход на реку Таз самостоятельно. Вероятнее всего последнее, так как встреча могла произойти только случайно, о чем летописец ничего не говорит. В свою очередь сведения об экспедиции Дьякова крайне скудны. И поэтому о связях этих двух экспедиций можно только гадать. Одно бесспорно: поморы совершили самостоятельный поход в Мангазею, и пинежскому летописцу, очевидно не знавшему о путешествии Федора Дьякова, казалось, что они «первые проведали» эту землю. Во всяком случае история русских географических открытий в Сибири и морских путешествий безусловно обогатилась новыми фактами — новыми сведениями о походе в Мангазею.

Вторая часть сообщения пинежского летописца, внутренне связанная с первой, касается вопроса об образовании Мангазейского воеводства. Речь в летописной записи идет об экспедиции князя Мирона Шаховского, назначенного в 1600 г. воеводой в Мангазею, точнее о том, что Шаховской был первым мангазейским воеводой. Это сообщение очень важно потому, что не сохранилось известий о конечной судьбе данной экспедиции. Известно только, что, отправившись с войсками на реку Таз из Тобольска и Березова на кочах, Шаховской и его товарищ воевода Данила Хрипунов попали в бурю и потеряли свои суда. Спешившись, они продолжали поход, но на Пуре их встретила «пуровская и енисейская самоядь». Произошло вооруженное столкновение, во время которого князь был ранен, а часть стрельцов погибла.[12] Сохранилась отписка воевод, посланная в Березов с места сражения, в которой князь просил срочной помощи. Дальнейшие сведения о Шаховском и Хрипунове отсутствуют. Поэтому в литературе было высказано несколько

[11] Там же, стр. 108. Ныне на реке Надыме существует поселок и вскоре начнется строительство Нового Надыма, откуда возьмет свое начало и выйдет через Урал в центр страны мощный газопровод. Во время посещения в 1969 г. Обской губы и Тазовского района мне рассказали, что местные жители видели на высоком сосновом берегу реки в обвалах торчащие из земли бревна каких-то срубов — очевидно, построек древнего Надыма.

[12] Г. Ф. Миллер. История Сибири. М., 1937, стр. 395.

предположений, одно из которых сводилось к тому, что первые мангазейские воеводы до реки Таза не дошли, а с Пура вернулись назад. Первыми мангазейскими воеводами и строителями Мангазеи стали посланные в навигацию 1601 г. из Тобольска на помощь Шаховскому с 200 стрельцами князь Василий Мосальский и Савлук Пушкин. Они якобы и построили город Мангазею. И хотя это предположение не получило поддержки исследователей, державшихся той точки зрения, что Шаховской достиг Таза и построил там укрепление в виде острога, оно все же не было до конца опровергнуто. В 1968 г. на городище Мангазеи работала историко-географическая экспедиция Арктического и антарктического института под руководством автора этих строк. В задачу ее входило, кроме прочего, изучение ранних построек города Мангазеи, центра Мангазейского уезда. В короткий полевой сезон удалось установить местонахождение (планов города не сохранилось) главных городских сооружений — обнаружить остатки первой крепости: трех из пяти башен, острожной стены из вертикально забранных столбов (острожен), стоявших на самом краю 12-метрового обрыва правого берега реки Таз. Внутри крепости найдены воеводский двор (раскопки его завершены в сезон 1970 г.), съезжая изба, соборная церковь Троицы и другие здания. На посаде обнаружен большой гостиный двор и другие торговые постройки. Для датировки древесины экспедиция остановилась на методе молодой биологической науки — дендрохронологии, позволяющей установить точное время не только роста деревьев, но и время их порубки, а следовательно, и время употребления в дело. Анализ более сотни спилов с бревен нижних венцов показал, что на городище Мангазеи самые ранние здания датируются 1601 г., причем заготовка бревен проходила на год раньше. Так, на воеводском дворе, постройка которого относится к 1601 г., положены бревна, порубленные осенью 1600 г. То же можно сказать и о срубах съезжей избы, а также о срубах торговых зданий на посаде.

Из анализа дендрохронологов можно сделать для нашей цели следующие выводы: 1) Мирон Шаховской после сражения на реке Пур продолжал поход и осенью прибыл на реку Таз, где «срубил» новый город, получивший имя Мангазея, став первым его воеводой; 2) первый острог-крепость был построен воеводами Мосальским и Пушкиным. Эти выводы вполне согласуются с данными пинежской летописи, а его автор — помор-летописец — является не только скрупулезным в отборе фактов, но и человеком, осведомленным в важнейших политических событиях того времени. Думается, вполне удалась ему и попытка поднять на уровень общерусского события местный случай похода крестьян-поморов на реку Таз. Сделал он это умело и тонко, связав поморский поход с образованием Мангазейского воеводства. Ока-

зался он прав и тогда, когда поставил свой текст о походе Долгушина между близкими по характеру событиями — «деяниями» Ермака в Сибири и рассказом о возвышении и восшествии на престол царя Бориса Годунова. И то и другое, с его точки зрения, имело прямое отношение и к его родному Поморью, и к Мангазее.

Г. Я. Симина

ПИСЦОВАЯ КНИГА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

(о писцовой книге XVII в., найденной в 1963 г. на Пинеге)

В одной из экспедиций на Пинегу летом 1963 г. мне удалось в деревне Церкова Гора Пинежского района Архангельской области найти большое количество рукописных грамот и книг (всего 88 названий).[1] В числе этих находок обнаружена писцовая книга Кеврольского стана, состоящая из 8 тетрадей в четверку, всего 60 листов скорописного письма XVII в. (имеется и потетрадная нумерация). На бумаге есть водяной знак (голова скомороха). Книга без переплета, однако тетради сшиты и крепко держатся на льняных (или конопляных) нитках.

По содержанию это перепись населения Кеврольского стана, по-видимому часть пинежской писцовой книги, охватывающей, как известно, и другие пинежские территории (волости) и территорию Мезени. Отрывок этот, вероятно, был оставлен в Кеврольской воеводской канцелярии для местных нужд и юридических справок, касающихся только кеврольских близлежащих земель.

Мною была произведена сверка этого отрывка с писцовыми книгами Пинежья, хранящимися в Москве в ЦГАДА. Оказалось, что найденный список написан тем же почерком, что и писцовая книга 1623 г. «Кевроль и Мезень. Книга писцовая писма и мѣры Осипа Прончищева да подьячих Семена Роткина и Петра Шарапова. Книга Двинского уѣзду черным волостям Кевроле и Мезени писма и мѣры Осипа Яковлевича Прончищева, лѣта 7131 (1623) г.».[2]

Текстовые сверки еще более убедили меня в почти полном сходстве текстов. Однако есть и расхождения.

В найденной мною книге не сохранились первые два листа, в которых были заглавие и первые записи по Кеврольскому

[1] См. описание пинежского собрания рукописей, хранящихся в кабинете русского языка Ленинградского университета, сделанное Г. Я. Симиной и Э. М. Шусторович (Вестник ЛГУ, 1966, № 20); все эти рукописи переданы мною в Отдел древних рукописей Пушкинского дома в Ленинграде.

[2] ЦГАДА, ф. 1209, № 185.

стану: «В Кевропьском стану деревни по рекѣ по Пукшенге: д. Молчановское, а Воробьевское тож; д. Новинка, Чивикса тож; д. Городок». Нет и двух листов в последней, 8-й тетради — первого и последнего листа, где речь идет о погостах в Кевропьском стане, а также заключительных статей оброчных угодий.

Сличение текстов нашего отрывка с писцовой книгой ЦГАДА выявило неисправность и этой основной книги: в книге, хранящейся в ЦГАДА в единственном экземпляре, тоже есть существенные пропуски. Так, в первой тетради утрачен лист 6-й, где описаны деревни Кашинская, Еремеевская, Павловская; в нашем списке статьи с описанием этих деревень представлены, и, таким образом, можно будет исправить текст, включить пропущенное в основную книгу (текст этого листа дан ниже).

В писцовой книге ЦГАДА допущено искажение текста и в пятой тетради: пропущен целый лист (8-й), где даются записи «На Киглохте» по деревням Починок Сталной, пустошь Куклинская и «На Шардонеме» по дер. Сысоевской. Вследствие пропуска целого листа часть текста, относящегося к дер. Сысоевской, попала в описание дер. Трофимовское. Последнюю запись нужно читать так: «Деревня Трофимовское, Березникъ тож, а в ней крестьян: во дворе Онкудинко Осетров да дѣти ево Володка да Давыдко три чети, во дворе Куземка Семенов сын Осетров да сын ево Офонка четь с полуосминою, во дворе Онцыфорко Елкин четь. И всего пашни паханые середние земли пять четей с полуосминою в поле, а в дву по тому ж. И з березниковскимъ полем сѣна сто копен в живущем четь и пол чети выти», т. е. здесь не должно быть записи «дв. Филка Онтонов да сын ево Офонка и во дворе Павлик Ларионов», так как это концовка записи, относящейся к дер. Сысоевской.

Отмечаются и более мелкие погрешности текста и разночтения. Сравним, например:

В книге ЦГАДА	В нашем списке
Лукашка Микитин (л. 45).	Лушка Микитин (л. 39).
д. Пермянская (л. 46).	д. Пермяковская (л. 40).
д. Ивашевская (л. 46 об.).	д. Ивановская (л. 40).
Некраско Ортемьев да сын ево Васка (л. 48 об.).	Нехорошко Ортемьев да сын ево Васка (л. 41 об.).
Логинко Григорьев да сын ево Омельянко (л. 35).	Шумилко Григорьев да сын ево Омельянко (л. 30 об.).
Третьячко Мосѣев да сын ево Ротко (л. 37).	Третьячко Мосѣев да сын ево Родионко (л. 30).
Данилко Савельев (л. 51 об.).	Давыдко Савельев (л. 44 об.).
Онашка Овдокимов да сын ево Фомка (л. 51 об.).	Онашка Евдокимов да сын ево Фочка (л. 44 об.).
Бориско Корнильев да сын ево Шумилко (л. 51 об.).	Бориско Корнильев да сын ево Поспѣлко (л. 44 об.).
Васка Тимофѣев да сын ево Поспѣлко (л. 51 об.).	Тимофеев да сын ево Поспѣлко (л. 44 об.; имени хозяина двора не написано).

Макарко Семенов (л. 51).	Марчко Семенов (л. 44 об.).
Сенка да Митка Мосѣевы (л. 51).	Сенка да Микитка Мосѣевы (л. 44 об.).
Петрушка Семенов (л. 51).	Пропущено.
Симонко Костентинов (л. 50).	Пропущено.
Биричко Павлов да сын ево Павлик (л. 50 об.).	Биричко Павлов (далее пропуск; л. 44).
Половник ево Тихонко Хрипунов (л. 62 об.).	Половник ево Тихонко Харитонов (л. 52 об.).
Да бобыли Калинка прозвище Дрока Ошурков (л. 56).	Да бобыли Калинка прозвище Дрока Ушаков (л. 49).
Овсейко Федоров (л. 63).	Оверкѣйко Федоров (л. 53).
Гришка Хрипунов (л. 20).	Гришка Грипунов (л. 17).
Двор пуст Зотичка Гологузова (л. 32).	Двор пуст Зотичка Голозубова (л. 28).
д. Сивенгорская (л. 20 об.).	д. Сивесгорская (л. 18).

Можно отметить и еще целый ряд других, более мелких разночтений.

Сопоставление двух памятников дает возможность установить, что в нашем отрывке довольно много ошибок, описок; это свидетельствует о вторичности записей, о переписывании, т. е. можно полагать, что нами найден не подлинник, а список — вероятно, с писцовой книги 1623 г. Видно это и из того, что в нем есть вставки пропущенных при переписи строк. Так, мелкими буквами над верхней строкой на л. 10 написано: «Потапко Кузмин четь без четверика. Фочка Клементьев да сын его Самойлик четь без четверика»; на л. 60 написано на полях и над строкой: «Да у них же двѣ рѣчки Шардонемы впали в рѣку в Пѣнегу, а рыба в них щука, окунь, харюс».

Очевидно, этот список, сделанный с писцовой книги 1623 г., был оставлен в канцелярии кевролького воеводы для местного пользования; все, что не относилось к Кеврольскому стану, в этот список не вошло за ненадобностью. Канцеляристам облегчало работу с этим списком и то, что перепись каждой волости начинается с новой страницы, хотя бы место для этого оставалось и на предшествующей странице. В писцовой книге, хранящейся в ЦГАДА, такого свободного от записей места на страницах нет, как нет и стремления записи отдельных волосток начинать с новой страницы.

Сравнение найденного нами текста с книгой ЦГАДА показало и то, что книга ЦГАДА — это тоже список, но с экземпляра, очевидно, не вполне исправного (как уже отмечалось, есть пропуски листов, не замеченные переписчиком и исказившие текст).

Найденный нами экземпляр, таким образом, поможет восстановить правильный текст записей, исправить ошибки, вкравшиеся в основной список писцовой книги 1623 г. «Кевроль и Мезень», хранящейся в ЦГАДА в единственном экземпляре. Ниже приводим текст пропущенных листов в книге ЦГАДА.

Отсутствует лист 6-й первой тетради писцовой книги Осипа Прончищева: «Деревня Кашкинская, а в ней во дворе Ивашко Максимов — три чети с осьминою, во дворе Омоско Корнильевъ — чет с осминою. Да в той же деревни пашет наѣздом из деревни Майбуровские Исачко Иванов да Парфенко Ярафѣев — двѣ чети. И всего пашни паханые худые земли семь четей в поле, а в дву по тому ж. Сѣна сто шездесят копен в живущемъ пол выти без пол пол чети выти.

Деревня Еремѣевская, а в ней во дворе Захарко Васильевъ сын Сухарев — пашни паханые худые земли пять четей с третником в поле, а в дву по тому ж. Сѣна пятдесят копен в живущем треть выти.

Деревня Павловская, а в ней во дворе Васка Сухаревъ да сын ево Тарханко — три чети. Во дворе Томилко Исаковъ да сын ево Ивашко — две чети бес полу осмины. Во дворе Тимошка Кирилов да дѣти ево Посничко да Ивашко — двѣ чети. Во дворе Матюшка Карпов з братьею с Окулком да Некраском[3] — двѣ чети. И всего пашни паханые середние земли десять четей бес полу осмины в поле, а в дву по тому ж. Сѣна сто пятдесят копенъ в живущем пол выти с полу четью выти».

Пропущен в писцовой книге, хранящейся в ЦГАДА, лист 8-й пятой тетради: «Деревня, что был починок Сталной, а в нем крестьян: во дворе Исачко Онкудинов — пашни паханые середние земли двѣ чети с третником в поле, а в дву по тому ж. Сѣна двадцать копенъ в живущем пол трети выти.

Деревня, что была пустошь Куклинская, а в ней во дворе Дружинка Агѣев — четь с третником; да наѣздом пашет деревни Гришинской Юшко Ларионов осмину. И всего пашни паханые середние земли четь с полутретником в поле, а в дву по тому ж. Сѣна десять копен в живущем пол пол трети выти.

У Кевролъских же крестьян у всей волости на лугахъ от пукшенского устья подлѣ Пѣнегу меж покосов пашни паханые худые земли тритцать шесть четей в поле, а в дву по тому ж в живущемъ двѣ выти с четью выти.

На Шардонеме деревня Сысоевская, да к ней же припущена в пашню другая деревня Сысоевская, а в ней крестьян во дворе Ондрюшка Онтонов да сын ево Онтонко — три чети с осминою. Во дворе Мартынко Оврамов да сын ево Баженко — четь с осминою. Во дворе Филка Онтонов да сын ево Офонка — три чети с осминою. Во дворе Павликъ Ларионов — двѣ чети. И всего пашни паханые середние земли десять четей с осминою в поле, а в дву по тому ж. Сѣна сто десять копенъ в живущем выть без чети выти».

---

[3] Слово «Некраском» было пропущено, а затем вставлено (мелким почерком) над строкой.

Как уже говорилось, текст со слов «во дворе Филка Онтонов...» до конца этой записи в экземпляре писцовой книги ЦГАДА ошибочно попал в запись, относящуюся к дер. Трофимовской.

В Писцовой книге, хранящейся в ЦГАДА, нет и следующего текста, представленного в найденной мною рукописи: «Пустое городище, что бывал Зеленой двор, а в нем двор пуст, хоромы огнили и розвалились, пашню пашут наѣздом деревни Зуевой Васка Мелентьев — пашни паханые середние, земли осмина и пол пол третника в поле, а в дву по тому ж. Сѣна пятнатцать копен в живущем пол пол пол трети выти».

Запись эта находится на листе 4 об. четвертой тетради, и этой записью заканчивается перепись черносошных деревень на Чюхченеме.

Писцовые книги содержат перепись населения определенной территории в целях обложения хозяйств налогом и положения крестьян в тягло. Поэтому в этих документах представлен перечень всех населенных пунктов данной территории и имен крестьян — хозяев двора, а также имен их детей мужского пола. Таким образом, несомненное достоинство писцовых книг состоит в том, что они дают перепись всего населения, всех «черносошных» душ, подлежащих обложению государственным налогом, перечисляют названия всех населенных пунктов в указанной местности на данный период времени.

Статьи этих записей однообразны, однотипны по содержанию. Они состоят из следующего: 1) названия деревни, 2) перечня имен хозяев двора в данной деревне, 3) сообщения о количестве пашенной земли (в четях и вытях). Заканчивается статья неизменной формулой: «Всего пашни паханые середние (или худые) земли... в поле, а в дву по тому ж. Сена ... копен в живущем... четей... вытей». Эти застывшие формулы тогдашнего делового письма — обязательная принадлежность официальных документов подобного рода; живая народная речь проникает в них с трудом. В силу специфичности назначения писцовых книг и характера записей в них может показаться, что этого рода памятники мало что дают для изучения языка и истории.

Однако и эти скупые записи могут рассказать нам многое из истории народа, о быте, занятиях жителей и т. п. Топонимическая система, исчерпывающе представленная в писцовых книгах, и является важнейшим источником для установления этих показателей жизни общества того времени и той отдаленной территории. Так, на основе топонимических материалов писцовых книг можно узнать, что первыми земледельцами на Пинежье были русские люди и что это были выходцы из новгородских земель. Записи писцовых книг позволяют заключить, что именно

русские люди принесли сюда навыки хлебопашества, оседлого скотоводства, что они расчищали поля, пашни, строили поселения на удобных для этого землях-урочищах. Они же были и создателями местной топонимии.

Названия урочищ, на которых селились русские пришельцы, были во многих случаях дославянскими (например, Кеврола, Киглохта, Лохта, Шардонем и т. п.). Эти субстратные топонимы были унаследованы русскими от предшественников-кочевников и продолжали употребляться в качестве наименований микротерриторий-урочищ. Деревни же, построенные русскими насельниками на этих урочищах, получали русские наименования (обычно по именам первонасельников, расчистивших эту пашню). Выстраивались группы деревень на том или ином урочище, объединенные общим названием этого урочища. Это определило характерную особенность северных заселений и их топонимики: на удобном урочище выстраивалась группа деревень — «околков», связанных общностью замкнутой микротерритории и названием ее. Например: «На Шасто Горѣ деревня Микитинская, д. Ортемовская, д. Сидоровская, Борисовская тож, д. Фоминская» (из писцовой книги 1623 г.). Это именно «пучок» деревень, объединенных территориально (все они расположены на Шастогоре); объединены они и по названию, так как все носят обобщенное название Шастогора; современное название этой местности и деревни — Шаста.

По свидетельству писцовой книги 1623 г., вся территория Пинежья была заселена оседлым русским населением почти в современных границах: по всему бассейну реки Пинеги были раскиданы подобные пучки деревень, разделенные обширными и иногда непроходимыми лесами и болотами, куда не всегда могли проникнуть даже сами составители писцовых книг и полностью описать «государевы земли». Вот какая запись сделана в писцовой книге 1686 г.: «А лѣса в Кевролъском стану и на Марине Горѣ и в Чаколе большие черные по болотом и боры по рекѣ Пѣнеги и по сторонным рѣкам немѣрены, потому что в тѣх лѣсах прилегли болота великие и топкие, и затѣм мѣрить их невозможно» (л. 327 об.).

При анализе пинежского топонимического материала XVII в. обнаруживается, что дославянский слой топонимики Пинежья не столь многочислен. Такие словосочетания, как «В Шардонеме», «В Лавеле», «В Кушкопале» и т. п., иноязычными являются только по своей основе; к XVII в. они полностью включились в русскую грамматическую систему, обросли русскими аффиксами, так что нерусскими эти топонимы можно назвать только чисто условно: эти субстратные по происхождению топонимы образованы уже русскими людьми, бытуют в русской среде, выполняют ту же назывную функцию, что и другие собственные имена. Можно смело утверждать, что дославянский слой пинеж-

ской топонимии — это русские образования и едва ли они древнее остальной топонимии Пинежья; возникали они одновременно, наряду с топонимами русскими — названиями собственно деревень. Например: «На Касконеме деревня Игнашевская Микулинская да Оксовская тож» (книга 1678 г.). Как кажется, именно тогда и сложился топоним «На Касконеме», когда понадобилось назвать деревню, расчищенную неким Игнашем, определить ее местоположение, дать ей пространственную характеристику. При этом было не существенно, русское по основе название данного урочища или нерусское, так как по этой же модели возникали и чисто русские названия, например: «На Карпове горе деревня Гришинская». Функционируют топонимы «На Касконеме» и «На Карпове горе» совершенно одинаково, это названия местностей (бывших урочищ), на которых русские поселенцы построили свои деревни, расчистили поля и пашни.

Само слово «деревня» — творение народа-земледельца. Этим термином обозначается в писцовых книгах и сам населенный пункт, и пашня, т. е. расчищенное («разодранное») место. Деревня была и своеобразной единицей измерения пашни (деревня, полдеревни, треть деревни и т. п.). Например: «На Карпове горе деревня без полтрети и без пол пол пол трети Тупиковские... а полтрети тое деревни за московским веденцом за Богданом Семеновым сыном Щепоткиным» (из книги 1686 г.); «Всего в Чакольской волости семдесят шесть черных деревень без полудеревни». Деревня могла быть и без построек, только пашня: «Деревня Чюсовская, дворов на ней нет, пашут наездом...»; «Деревня Ивановская, Слудка тож, дворов на ней нет», и т. п.

Названия населенных пунктов, собственно деревень, даны в писцовых книгах обычно в форме прилагательного, образованного от личного имени первонасельника: Трофимовская, Гришинская, Ивашковская и т. п.

История гласит, что насельниками Заволочья (в том числе и Пинежья) были новгородцы. Это подтверждается и материалами пинежской топонимики, представленной писцовыми книгами.

В качестве производящей основы названий деревень использовались бытовые варианты личных имен с характерными суффиксами: -хно, -дя, -ша, -юта и т. п. Например: Ивахно, Грихно, Гридя, Павша, Прокша, Оксюта, Олька. Как известно, подобные образования личных имен свойственны древненовгородскому диалекту. В пинежских писцовых книгах XVII в. имеются названия деревень: Михновская (от Михно — Михаил), Рохновская (от Рохно — Родион), Яхновская (от Яхно — Яков), Остахнова (от Остахно — Евстафий), Гридинская, Гриневская, Гришинская (от разных бытовых вариантов имени Григорий), Павшинская (от Павша — Павел), Прокшинская (от Прокша — Прокофий), Даншино печище (от Данша — Даниил), Першинская,

Першково (от Перша — Порфирий), Якшинская (от Якша — Яков), Ярушевская, Ярышевская (от Яруш, Ярыш — Ерофей), Осташевская (от Осташ — Евстафий), Ивашевская, Ивашковская (от Иваш, Ивашко — Иван), Олюшевская, Олькинская (от Оля, Олюш, Олька — Александр), Оксютовская (от Оксюта — Авксентий), Офутовская (от Офута — Афанасий), Семушинская (от Семуша — Семен) и др.

Отмечено в древней пинежской топонимии и специфически новгородское произношение полных христианских имен. Например: «деревня Леонтьевская на Труфанове горе». Основой для образования топонима Труфанова гора служит бытовой вариант христианского имени Труфан вместо канонического Трифон. Многие древненовгородские памятники фиксируют это имя только в варианте Труфан (новгородские грамоты, кабальные книги, Новгородская летопись и т. п.). Замена звука «и» через «у» в христианских (греческих по происхождению) именах — явление обычное, широко отраженное в древних рукописях Новгорода. Так, например, в Синодике XIV в. представлены имена: Пумена, Курила, Анусьи, Перфурья, Труфана и др.;[4] в двинской грамоте № 114 (по изданию А. А. Шахматова): «с Кюриловыми детьми». Древненовгородский диалект был окающим; в полном соответствии с его нормами образованы названия пинежских дервень с начальными «о» вместо канонического «а»: Офремовская, Ортемовское печище, Остафьев холм и т. п. Имеет место и специфическая замена начального «н» на «м»: Микитинская, Микулинская (от Микула — Николай) и т. п.

Все это дает основания полагать, что диалектной основой древней пинежской топонимии был древненовгородский говор, а это в свою очередь позволяет заключить, что первыми оседлыми насельниками — земледельцами Пинежья и творцами его топонимики были выходцы из новгородских пределов. Только с приходом русских людей появляются на Пинежье деревни, пашенные земли; дославянская же топонимия отражает лишь названия местностей-урочищ, охотничьих, лесных угодий.

Писцовые книги могут рассказать и о том, как назывались предки современных жителей Пинежья, познакомить с их личными именами. В пинежских переписях представлен огромный и, что очень важно, исчерпывающий антропонимический материал, позволяющий сделать некоторые наблюдения над сложением антропонимических формул, над процессами русификации личных иноязычных имен и т. п.

Как известно, у русских людей в далеком прошлом было два личных имени: наряду с календарным, полученным при крещении, человеку давалось родителями или обществом мирское, некалендарное имя (русское по своей основе). В домашнем обиходе

[4] ЦГАДА, ф. 141, лл. 29, 38, 42, 11 об. и др.

употреблялось некалендарное имя, оно было проще, понятнее, с отчетливо осознаваемой внутренней формой. Это некрещеное русское имя играло в быту главную роль, служило основным средством номинации, так как выражало качественную характеристику лица (прозвище). Мирские собственные имена прекрасно выполняли свою основную функцию — называть человека, обозначая при этом его реальные, характерные признаки. Так, в пинежских писцовых книгах отмечено много некалендарных имен, связанных с характеристикой цвета волос, с оценкой внешности человека: Беляйко, Брованко, Лобанко, Русанко, Сивко, Пологлазко, Некраско, Нехорошко, Невзорко, Коротайко, Рудачко, Ушачко и т. п. Давались имена, образованные от порядковых числительных, по порядку появления детей в семье: Первушка, Вторко, Третьячко, Пятунка, Шестачко, Девятко и т. п. Есть имена, присвоенные человеку по дню недели, в которой он родился, по времени рождения: Суботка, Поздейко, Задянко, Истомка, Томилка и т. п. Есть в писцовых книгах Пинежья ряд имен, отражающих отношение родителей к рождению ребенка, показывающих, желанным или нежеланным было его появление в семье: Жданко, Любимко, Хотейко, Миляйко, Новейко, Нежданко, Нечайко и т. п. Многочисленны имена, данные ребенку по его поведению, характеру: Беспутко, Бессонко, Верещажка, Бука, Жадной, Пинайко, Несмеянко, Рюма, Ратейко, Добрушка, Дружинка и т. п. Как видим, имя человека включает прямую или переносную качественную характеристику его. Христианское имя не могло выполнять этой функции — оно было иноязычным, т. е. лишенным значения, и не содержало достаточной информации о реальных свойствах лица. Эту информацию и обеспечивает второе, некалендарное, русское имя человека.

Представляет интерес для исследователя и форма личных имен, отмеченная в писцовых книгах XVII в. Все христианские (и некалендарные) имена даются в форме «полуимени», т. е. не в их канонически правильном виде. И это неслучайно. Длительная история сложения бытовых вариантов личных имен (христианских типа Ивашко, Сенка) есть не что иное, как проявление процессов русификации иноязычных по своей природе имен. На протяжении многих веков происходила адаптация чуждых русскому языку греческих имен, вырабатывались способы включения их в русскую словообразовательную систему. Процесс адаптации христианских имен начался с принятием христианства, с наречения русских людей церковными именами, и продолжается по настоящее время. Личное греческое имя обрастает славянскими суффиксами, тем самым постепенно укладывается в антропонимическую систему, сложившуюся в живой народной речи, русифицируется.

Словообразовательной базой для русификации христианских имен послужили те же суффиксы, которые представлены и

в русских некалендарных именах: -к(о), -шк(а), -ушк(а), -ик, -иц(а) и т. п. Эти суффиксы и явились тем дифференциальным признаком, который отличал собственное личное имя от других языковых образований; круг этих антропонимических формантов ограничен. Поэтому по образу и подобию мирских имен типа Нежданко, Поздейко, Первушка и т. п. преобразовывалось и крещеное, непонятное имя; оно приобретало реальные черты, свойственные исконно русской системе личных имен. По этим исконно русским эталонам оформлялись и христианские, иноязычные имена, складывались их бытовые варианты: Поздей — Поздейко, а значит и Дорофей — Дорофейко; Первушка, а значит и Петрушка, Лаврушка, Павлушка; Пятунка, а значит и Якунка; Вторко, а значит и Флорко, Никонко.

Таким образом, экспрессивные суффиксы (-к(а), -ушк(о) и др.), которые мы называем уменьшительно-ласкательными или уменьшительно-уничижительными, в свое время в говоре были нейтральными, служили лишь словообразовательным средством русификации иноязычных личных имен; отрицательного, уничижительного смысла они не выражали. Читаем, например: «Ивашко Семенов». Ивашко — это его бытовое и официальное имя, под этим именем он записан в писцовых книгах — документах, несомненно, большой государственной важности. В пинежских писцовых книгах XVII в. почти нет христианских имен без этих антропонимических суффиксов: нет имен Иван, Дорофей, Никифор, а только Ивашко, Дорофейко, Микифорко и т. п. И думается, это вовсе не потому, что в писцовых книгах дается перечень черносошных крестьян и этим выражается якобы пренебрежительное отношение к ним; в подобных же бытовых вариантах даны там и имена служителей церкви: дьячок Ондрюшка Иванов, пономарь Гурейко Макаров, поп Самойло Федоров (а не Самуил), Воскресенский поп Софроней Марков (а не каноническое — Софоний) и т. п.

Следовательно, христианские имена первоначально употреблялись только в сложении с русскими антропонимическими суффиксами, т. е. уже ставшими в какой-то степени русифицированными, более или менее удобопроизносимыми. Древние суффиксы, оформлявшие ранее некалендарные, русские имена (Жданко, Русанко, Немирко, Первушка и т. п.), и явились той словообразовательной возможностью, которая позволила приспособить иноязычные, церковные имена к своим, согласовать несвойственные русскому языку (по форме и по фонетическому звучанию) пришлые христианские имена греческого происхождения с русским фонетическим строем речи и с русской словообразовательной системой.

В писцовых книгах прослеживаются, наряду со словообразовательными процессами, и явления фонетической русификации христианских имен, адаптации их в духе фонетических законов диа-

лекта. Очевидно, в пинежских говорах еще действовали слоговые законы (открытого слога и сингармонизма), так как именно в этом направлении происходило «исправление» чуждых христианских имен. Отмечены разнообразные приемы фонетической обработки их: 1) происходило устранение зияния, стяжение гласных звуков: греческое Иоанн превращалась в русское Иванко, Ивашко; Даниил — в Данилку; таковы же Гаврилко вместо канонического Гавриил, Мосейко вместо Моисей, Фофанко вместо Феофан, и т. п.; 2) отмечены процессы упрощения групп согласных, например: Стахейко вместо полного имени Евстафий, Харламко вместо Харлампий, Офимко вместо Евфимий, Остратко вместо Евстратий, Митрейко вместо Дмитрий, и т. п.; 3) имела место и вставка интервокального согласного, например: Родивонко вместо канонического Родион, Левонтейко вместо Леонтий, Семивон вместо Семеон, Ларивонко на месте Иллариона; 4) прослеживается утрата начальных безударных гласных, например: Катеринка, Катериница вместо Екатерина; Политко вместо Ипполит; Осипко, Оска вместо Иосиф; Юдка вместо Иуда, и т. п.

В ходе исторического развития русской антропонимической системы активно протекали процессы фонетической адаптации, и это вместе со словообразовательными тенденциями все более изменяло чужеземную, непонятную природу христианского имени, делая личное крещеное имя пригодным для живого обращения между людьми; письменные памятники помогают восстановить и датировать эти явления.

Писцовые книги, таким образом, могут рассказать о многом, безвозвратно ушедшем, поэтому находка еще одного списка пинежской писцовой книги и включение ее в научный обиход представляются ценным достижением.

М. В. Рождественская

АВТОГРАФЫ ВЫГОВСКОГО ПИСАТЕЛЯ МАНУИЛА ПЕТРОВА

В 1956 г. из археографической экспедиции ИРЛИ АН СССР на Печору В. И. Малышевым и А. М. Панченко был привезен в Пушкинский дом Торжественник XVIII в.[1] В Усть-Цилемском собрании он числится под № 151.

В кратком описании рукописей, найденных на Печоре, В. И. Малышев отмечает, что Усть-Цилемский Торжественник — «один из старых, если не самый древний список поморского Торжественника».[2] Ценность его представляет и то, что, как пола-

[1] См.: В. И. Малышев. Отчет о командировке на Печору в 1956 г. ТОДРЛ, т. XV, М.—Л., 1958, стр. 398—408.

[2] Там же, стр. 399.

гают В. И. Малышев и А. М. Панченко, большая часть сборника написана почерками двух выговских писателей — Мануила Петрова и Алексея Иродионова. В собраниях Библиотеки Академии наук и Пушкинского дома хранятся рукописи, написанные выговцами. Но автографов Мануила Петрова нам известно не так уж много. По свидетельству Дружинина,[3] в деле архива Синода находится протокол спора иеромонаха Неофита с Мануилом Петровым, содержащий подпись последнего. Кроме того, подпись М. Петрова, как указывает в издании автографов поморских авторов В. Г. Дружинин, имеется в деле И. Круглого на допросных речах 1739 г.[4] Основываясь на этом, В. Г. Дружинин устанавливает принадлежность М. Петрову двух сочинений в сборнике старообрядческих поучений № 145 своего собрания[5] — «Слова приветственного Семену Дионисиевичу по случаю его возвращения» и «Слова надгробного бывшему выгопустыннаго общежительства смиренному настоятелю Иоанну Филипповичю». В 1915 г., издавая копии с почерков писателей-выговцев, В. Г. Дружинин в том же сборнике из своего собрания указывает еще несколько сочинений, принадлежащих М. Петрову:[6] рассуждение о святом писании и святоотеческих книгах (лл. 25—31), без названия; «реестр новшеств великороссийской церкви» (л. 32); «Окончение» непереписанного сочинения о страданиях старообрядцев (л. 47—47 об.); молитва (л. 48); вирши в день тезоименитства Семена Денисова (лл. 50—51 об.); приветствие Семену Денисову (л. 52); слово надгробное Семену Денисову (лл. 54—59).

Приобретенный в 1969 г. археографической экспедицией Библиотеки Академии наук на р. Вятке старообрядческий Цветник XVIII в. содержит несколько поучительных слов, написанных рукой Мануила Петрова и, очевидно, им сочиненных. В сборнике Усть-Цилемского собрания Пушкинского дома № 170 — конволюте, составленном известным переписчиком Мяндиным, — также находим листы с текстом, написанным почерком Мануила Петрова. Помимо этого, в Пинежском собрании Пушкинского дома находится «Виноград Российский» С. Денисова (№ 130); это сборник в 8-ку, на 405 лл., написанный скорописью и поморским уставом разных почерков. На многих листах основной части рукописи (лл. 1—97 об., 352 об.—357 об., 358 об.—374 об.) можно узнать почерк Мануила Петрова. Некоторые

---

[3] В. Г. Дружинин. Несколько автографов писателей старообрядцев. СПб., 1915, стр. 12.

[4] Государственный архив, вып. VII, 1738, № 591, допросные речи от 7 апреля 1739 г. (лл. 324—326).

[5] БАН, собр. Дружинина, № 145, лл. 54—59 и 65—69 об. О принадлежности этих произведений Мануилу Петрову см. в кн.: В. Г. Дружинин. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912, стр. 226—227.

[6] В. Г. Дружинин. Несколько автографов..., стр. 12.

листы, однако, написаны очень размашисто, небрежно, и сказать определенно, что это почерк М. Петрова, нельзя. По-видимому, его почерком написано несколько стихотворных сочинений (лл. 301, 118 об., 356 об.); эти тексты были недавно изданы.[7] Принадлежность большей части поморского Усть-Цилемского Торжественника руке Мануила Петрова устанавливается путем сличения его почерка с таблицами, изданными в 1915 г. В. Г. Дружининым, воспроизводящими почерки Семена Денисова, Алексея Иродионова, Трифона Петрова, Мануила Петрова и других поморских книжников, а также с теми рукописями Библиотеки Академии наук (из собрания В. Г. Дружинина) и новыми поступлениями, где автографы М. Петрова уже установлены.

Почерком М. Петрова написаны, как определил В. И. Малышев и что подтвердилось уже известными автографами Петрова, лл. 4—18 об., 27—42, 43—80, 81—89, 90—113, 115—128 об., 131—196, 203—218, 219—234 об., 236—258, 259—282 об. поморского Усть-Цилемского Торжественника.

Что же представляет собой эта рукопись? О составе поморского Торжественника писал в свое время В. Г. Дружинин.[8] Приводя полностью сделанное А. Н. Поповым[9] описание Торжественника из собрания А. И. Хлудова, как наиболее полного по количеству праздничных «слов», В. Г. Дружинин, однако, тут же замечает, что по составу поморские торжественники неоднородны и что даже самый полный из них «не вмещает в себе всех Поморских слов на праздники». Кроме Торжественника из собрания А. И. Хлудова, в распоряжении В. Г. Дружинина имелись торжественники собственного собрания, Библиотеки Академии наук, библиотеки В. И. Вахромеева, две выписки из оглавлений торжественников, находящихся у частных лиц на Двине и в Ярославле.[10] «Слова» на праздники в этих торжественниках, как отмечает В. Г. Дружинин в кратком описании, расположены в минейном или триодном порядке, но некоторые сборники этот порядок нарушают, соединяя и то и другое. В. Г. Дружинин утверждает, что с течением времени в Торжественник, состав которого установился в XV в., проникают «слова» поморских отцов; последние переписываются наряду с произведениями отцов церкви, и постепенно создается новый тип Торжественника — поморский, целиком состоящий из сочинений поморских писателей. Торжественник из собрания А. И. Хлудова представ-

---

[7] Poems in an Unpublished Manuscript of the Vinograd rossiiskii. By J. Sullian and C. L. Drage. Oxford Slavonic Papers, new series, vol. I, 1968, pp. 27—48.

[8] В. Г. Дружинин. Поморский Торжественник. В кн.: Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову. СПб., 1911, стр. 34—35.

[9] Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. Составил А. Н. Попов. М., 1872, стр. 540.

[10] См.: В. Г. Дружинин. Поморский Торжественник, стр. 45.

ляет собой именно такой сборник. При сопоставлении состава Усть-Цилемского Торжественника с Хлудовским можно заметить, что содержание обоих торжественников почти полностью совпадает, если не считать нарушения порядка расположения праздничных «слов» в нескольких местах и отсутствия некоторых «слов» в Усть-Цилемском сборнике. Так, например, в Усть-Цилемском Торжественнике нет одного «Слова на рождество богородицы» (нач.: «Небо небес радуется днесь, слышателие благочестивии»), «Слова на воздвижение честного креста» (нач.: «Преславно во истинну и зело преславно нам днесь светоносие возсиявает»). В. Г. Дружинин указывает, что в Хлудовском Торжественнике сохранился единственный список последнего «слова». Не находим в Усть-Цилемском Торжественнике еще нескольких «слов» — «на введение богородицы во храм», «на рождество Христово», «на богоявление господне»; «на воскресение Христа» и др.

Но в то же время в Усть-Цилемском Торжественнике нет ни одного сочинения, которого бы мы не нашли в Хлудовском сборнике.

Описание Усть-Цилемского Торжественника приведу полностью:

Торжественник, в 4-ку, середины XVIII в., на 334 лл. Переплет: доски, обтянутые кожей. На переплете сверху вытиснено украшение в виде двойной рамки. Водяные знаки: Pro Patria, герб города Амстердама и др. Поморский полуустав и скоропись разных почерков.

Записи карандашом: [11]

Л. 1. «Случилось почита сию божест. книгу торжественник человеку невеликому Артемью Н. Тиронову».

Л. 3 об. «Сия книга в чтении оказ<*нрзб.*> очень полезна».

Л. 80 об. «Случилось почитать сию божественную книгу к. с. Устьцилемска Артемию Никитичу Тиронову. В 181 году, месяца декабря 6-го дня».

Л. 114. «Сия книгу читавал Артемие Никитиць господин Тиронов 1875 года 21 декабря, Архадольскою губерни, Мезенского уезда, устелемского волосного прос <*нрзб.*> сия книга покаже...».

Л. 218 об. «Сию книгу читывал крестьянин Архангельской губернии Мезенского...».

Лл. 2—3. «Оглавление книги сей, колико имеет слов».

Лл. 4—18 об. «Слово на рождество пресвятыя богородицы. Гряди от Ливана, невесто, гряди от Ливана. Песни Песней, глава 4».

Нач.: «Рождество владычицы нашея...» (Дружинин, стр. 418, № 640).[12]

Лл. 19—26 об. «Слово на рождество пресвятыя богородицы. Благословена ты в женах и благословен плод чрева твоего. Лука, глава I, зачало 4».

Нач.: «О новых и преславных вещей...» (Дружинин, стр. 418, № 641).

Лл. 27—42. «Слово на воздвижение честнаго и животворящаго креста господня. Аще аз вознесен буду от земли, вся привлеку к себе. Словеса

---

[11] Почерк всех карандашных записей одинаков.

[12] В скобках даются страница и порядковый номер, под которым указывается данное сочинение в книге В. Г. Дружинина «Писания русских старообрядцев».

самого владыки нашего Христа Исуса, во евангелии Иоанновом, во главе 12, стих 32».

Нач.: «Любовь божия к человеческому естеству толико велия и премнога есть...» (Дружинин, стр. 418, № 642).

Л. 42 об. — чистый.

Лл. 43—58 об. «О введении в церковь. Приведутся царю девы вслед ея, и искренния ея приведутся тебе. Словеса сия суть священного песнопевца Давида, по псалме 44».

Нач.: «Превысокое и пребожественное настоящаго дне таинство...» (Дружинин, стр. 420, № 650).

Лл. 59—66 об. «Откуду мне се, да прииде мати господа моего ко мне. Лука, глава I, стих 43».

Нач.: «Что сия всесладчайшая радость...» (Дружинин, стр. 420, № 651).

Лл. 67—80. «Слово на память святаго Николы».

Нач.: «Се возлюбленнии приспе всечестное торжество...» (Дружинин, стр. 420, № 653).

Лл. 81—89. «Рождество твое Христе боже наш, восия мирови свет разумный. Словеса сия суть всекраснаго церковнаго песнопения, яже в тропаре настоящаго всерадостнаго праздника всерадостно воспеваются».

Нач.: «Нынешняго всепресветлаго торжества всепречюдная вина...» (Дружинин, стр. 420, № 654).

Лл. 90—101 об. «В нем бо звездам служащии, звездою поучахуся, тебе кланятися солнцу праведному. Тропарь рождеству Христову».

Нач.: «Вчерашния многоценныя трапезы пресладкия останки...» (Дружинин, стр. 421, № 655).

Лл. 102—113. «Христос рождается, славите. Григорий Богослов на рождество Христово».

Нач.: «Вифлеем град Давидов...» (Дружинин, стр. 421, № 656).

Л. 113 об. — чистый.

Л. 114 — карандашная запись о чтении рукописи.

Л. 114 об. — чистый.

Лл. 115—128 об. «Слово на крещение господне. Во Иордане крещающутися господи отческое явися покланяние. Словеса сия суть церковнаго песнословия, яже в настоящий пресветлый праздник всерадостно воспеваются».

Нач.: «Пречюдная настоящаго всекраснаго торжества...» (Дружинин, стр. 422, № 661).

Лл. 129—130 об. — чистые.

Лл. 131—139 об. «Слово на сретение господа нашего Иисуса Христа. Введоста родителя отроча Исуса в церковь сотворити има по обычаю законному о нем. Лука, глава 2, зачин 8».

Нач.: «Царское всерадостное торжество днесь торжествуем...» (Дружинин, стр. 422, № 662).

Лл. 140—148 об. «Днесь спасению нашему начаток и вечней тайне явление, сын божий, сын девичь бывает, и Гавриил радость благовествует. Словеса святыя церкве, в настоящий всечестный праздник в тропаре глаголемая».

Нач.: «Аще кая всесладчайшая радость проуготована бяше человеком...» (Дружинин, стр. 423, № 665).

Лл. 149—159 об. «Слово в неделю цветную. Рцыте, дщери Сионове: се царь твой грядет тебе кроток, вслед на осля и жеребя сына яремнича. Ев. Матфея, глава 21».

Нач.: «Всекрасное настоящее торжество есть всего мира сладкая радость...» (Дружинин, стр. 423, № 666).

Лл. 160—173. «Слово на воскресение господне. Видехом славу его, славу яко единароднаго от отца. Словеса сия суть святаго апостола и евангелиста Иоанна Богослова, в первой евангелия его главе, стих 14».

Нач.: «Христос воскресе, радуйтеся людие...» (Дружинин, стр. 423, № 667).

Л. 173 об. — чистый.

Лл. 174—196. «Слово в новую неделю. Тем же аще кая о Христе нова тварь. Древняя мимо идоша, се быша вся нова. Посл. к коринф., глава 5».

Нач.: «Новая неделя нарицается настоящий день...» (Дружинин, стр. 425, № 673).

Л. 196 об. — чистый.

Лл. 197—202. «Апреля 16. Уведите, яко удиви господь преподобнаго своего. Псалом 6, стих 5. Светоносная память настоит днесь, Зосимы, преблаженного отца нашего».

Нач.: «Слышателие пречестнии, Зосимы друга божия...» (Дружинин, стр. 426, № 675).

Л. 202 об. — чистый.

Лл. 203—210 об. «Слово на вознесение господне. Господь же убо по глаголании его к ним, вознесеся на небо и седе одесную бога. Евангелие Марка, глава 16, стих 19».

Нач.: «Радуйтеся, людие, радостию сугубою...» (Дружинин, стр. 426, № 677).

Лл. 211—218. «Слово на память святаго апостола и евангелиста Иоанна Богослова».

Нач.: «Красный и всечестный восия нам праздник днесь...» (Дружинин, стр. 419, № 645).

Л. 218 об. — запись о чтении книги.

Лл. 219—230. «Слово на сошествие святаго духа. И будет по сем, излию от духа моего на всяку плоть. Иоиль, 3».

Нач.: «Да возвеселятся небеса и радуется земля, яко помилова бог люди своя...» (Дружинин, стр. 426, № 678).

Лл. 230—234 об. «Дух свой благий наставит мя на землю праву. Псалом 142».

Нач.: «Ныне вся тварь светло радуется...» (Дружинин, стр. 427, № 679).

Л. 235 — запись о чтении рукописи.

Л. 235 об. Текст молитвы «От канона всем святым, песни первыя, стих первый».

Лл. 236—244 об. «Слово в неделю всех святых. Дивен бог во святых своих, бог Израилев. Псалом 76».

Нач.: «В настоящий святый и прекрасный день празднует церковь Христа всечестный праздник всех святых...» (Дружинин, стр. 427, № 680).

Лл. 245—258. «Слово на рождество святаго Иоанна Предотечи. Елисавети же исполнися время родити ей, и роди сына. Евангелие Луки, глава I».

Нач.: «Иоанн днесь раждается, и кто не возрадуется...» (Дружинин, стр. 427, № 681).

Л. 258 об. — чистый.

Лл. 259—264 об. «Слово на память святых верховных апостол Петра и Павла. Во всю землю изыде вещание их и в концы вселенныя глаголы их. Псалом 18».

Нач.: «Восия нам прекрасное светозарное торжество божественных апостол велегласных слова...» (Дружинин, стр. 427, № 683).

Лл. 265—274 об. «Слово на память преподобных отец Зосимы и Саватия соловецких чюдотворцев. Праведницы во веки живут».

Нач.: «Яко же на тверди небесней два светила великая...» (Дружинин, стр. 122, № 139 — сочинение А. Денисова).

Лл. 275—282 об. «Слово на преображение господа нашего Исуса Христа».

Нач.: «Преображения всекрасное торжество настоит днесь возлюбленнии, и вся тварь светло радуется...» (Дружинин, стр. 428, № 686).

Лл. 283—297 об. «Слово на успение богоматери. В рождестве девство сохранила еси и во успении мира не оставила еси, богородице. Тропарь, глас 1».

Нач.: «Праздник светлый и всерадостный восия нам днесь, слышателие, христолюбивии...» (Дружинин, стр. 428, № 687).

Лл. 298—312 об. (лл. 304 об.—305 чистые). «Уподобися царство небесное человеку царю. Иже восхоте страдати ся словеси с работы своими. Евангелие Матфея, глава 18».

Нач.: «Преблагий и человеколюбивый бог наш, иже неизреченныя ради благости...» (Дружинин, стр. 123, № 143 — сочинение А. Денисова).

Лл. 313—324. «Сребру покаряются всяческая. Еклесиаст, глава 10».

Нач.: «Премудрый царь Соломон...» (Дружинин, стр. 119, № 128 — сочинение А. Денисова).

Как говорилось выше, почерком Мануила Петрова в Усть-Цилемском Торжественнике написано много «слов» на различные праздники. Это «Слово на рождество пресвятыя богородицы» (лл. 4—18 об.), «Слово на воздвижение честнаго и животворящаго креста» (лл. 27—42), два «Слова о введении в церковь» и «Слово на память св. Николы» (лл. 43—80), три «Слова на рождество Христово» (лл. 81—113), «Слово на крещение господне» (лл. 115—128 об.) и многие другие.

О Мануиле Петрове известно немного. Знаем, что он «был росту небольшого, собой худощав, лицем продолговат и смугл, браду имел долгую и узкую». Так описывает выговского писателя П. Любопытный. От него же мы узнаем, что Мануил Петров — «муж благочестивый и строгой жизни, редких талантов, знатный писатель нравственности и торжественных слов на двенадесятые праздники, сказанные из уст».[13]

В 1911 г. В. Г. Дружинин, приводя сведения о М. Петрове, которые он нашел у П. Любопытного, ничего не сообщает о том, что же представляли собой эти торжественные «слова».[14] Там же В. Г. Дружинин упоминает, что в «Риторике» из его собрания под № 153[15] имеются выписки из сочинений Андрея Денисова и его учеников, в том числе и Мануила Петрова.[16] Действительно, в этом сборнике при приведении примеров риторических фигур и тропов против каждого примера на полях стоят инициалы его автора. Много инициалов С. Денисова, А. Денисова, Д. Викулина. Инициалы М. Петрова тоже встречаются против многих текстов, но, видимо, кто-то намеренно соскабливал и стирал их, часто до дыр, и поэтому буквы «М. П.» не всегда хорошо читаются.[17]

[13] Сборник для истории старообрядчества, изд. Н. Поповым, т. II. С приложением беспоповщинского словаря и каталога. М., 1866, стр. 138—139.

[14] В. Г. Дружинин. Словесные науки в Выговской поморской пустыне. СПб., 1911, стр. 12.

[15] БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 122 (риторика Софрония Лихуды и переработки).

[16] В. Г. Дружинин. Словесные науки..., стр. 12—13.

[17] См.: БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 122, лл. 494, 497, 501, 504 об., 508 об., 513 об., 516 об., 521 об., 532 об., 552, 558 об., 560 об., 561 об., 562 об., 563 об., 565, 568 и сл.

В 1912 г. в «Писаниях русских старообрядцев» Дружинин называет уже два произведения, признавая за ними авторство М. Петрова.

В 1915 г., как уже упоминалось, при издании автографов писателей-выговцев В. Г. Дружинин к двум «словам» присоединяет еще несколько сочинений Мануила Петрова из того же сборника. Можно ли считать Мануила Петрова автором переписанных им торжественных «слов» в Усть-Цилемском сборнике?

Мы знаем, что поморский Торжественник составлялся целиком из сочинений поморских писателей, и к середине XVIII в., времени написания Усть-Цилемского Торжественника, состав и авторство сборника, по всей вероятности, уже установились. Поэтому логично предположить, что переписанные Мануилом Петровым сочинения принадлежат ему самому.

Наиболее полно в Усть-Цилемском Торжественнике представлены «слова» на рождество Христово. Их три, и они помещены в рукописи одно за другим. В. Г. Дружинину были известны эти сочинения,[18] но он не связывал их с именем Мануила Петрова. Все эти три «слова» распадаются на отдельные, логически завершенные рассуждения о смысле торжества, о «чудесной» сущности Христа, об убогости и смиренности человека, о целомудрии. Композиционно каждое из «слов» строится по-разному. Одно из них (лл. 81—89) начинается с ответа на вопрос: «Что есть торжество нынешнее?». Другое (лл. 90—101 об.) вспоминает о «звездах небесных» — Василии Великом, Иоанне Златоусте, апостоле Павле, воспевших святой праздник. Третье «слово» дает праздничное описание Вифлеема. Язык этих «слов» и некоторых других, написанных также рукой Мануила Петрова, например «Слова на рождество богородицы», необыкновенно метафоричен («играет земля, чюдится море, реки плещут руками, горы и холмы сладость источают, и вся тварь светло радуется...» — л. 82), торжественно приподнят («О таинства великаго и страшнаго! О чюдесе преславнаго и неизглаголанного! О радости прекрасныя! О веселия всепресветлаго!» — л. 11), синтаксически строен («иде же благо греха, тамо злато благодати; иде же гной и сметие, тамо бисер драгоценный; иде же грехов пучина, тамо окиян милости; иде же скверны без дна, тамо святыни море; иде же пещера разбойнича, тамо чертог царский» — л. 11 об.), ритмически организован («... грядет в мир сей злополучный и окаянный, исполненный бед и напастей, исполненный грехов и беззаконий, исполненный нечастия и студодеяния, исполненный злобы и лукавства, смердящий нечистотою, помраченный неверием, ослепленный идолослужением, отягощенный злостраданием» — л. 11), насыщен звуковыми аллитерациями («и своими святыми всю землю просветил еси» — л. 88).

---

[18] В. Г. Дружинин. Писания русских старообрядцев, стр. 421 (№№ 654. 655, 656).

Если сопоставить отрывок из сочинения, бесспорно принадлежащего Мануилу Петрову, — первые строки его «Окончения», которое, по-видимому, должно было завершать рассказ о судьбах ревнителей старообрядчества,[19] с отрывком из «слова» «на крещение», станет ясно, принимая во внимание все особенности стиля, о которых речь шла выше, что написаны оба этих сочинения если не одним человеком, то по крайней мере людьми, чья манера письма очень близка. Для обоих отрывков характерно стилистическое единство.

Слово на крещение (лл. 125—126)	Окончение (л. 47)
О коликое таинство уведеша человецы в настоящий святый день. О коликую премудрость позна вселенная. О коликое богоразумия просвещение озари весь мир, крестившуся сладкому Исусу... Таково убо и толь прекрасно есть настоящее таинство, сицева и толико превелия радость восия нам во днешний день.	Такова убо страдания российских мучеников, таковы подвизи новых страстотерпцев, таково мужество крестоносных воинов, такова победа храбрых подвижников, такова слава наших венечников, таков останок сладчайших плодов всекраснаго и превозлюбленнаго сада российскаго.

Вся эта «украшенность» речи ведет к торжественному красноречию раннехристианских авторов и — через них — еще дальше: к языку Библии. Недаром библейские изречения, отрывки из псалмов, цитаты из отцов церкви, предваряющие каждое сочинение в Усть-Цилемском Торжественнике, так естественно и прочно, варьируясь, входят в самую ткань текста. «Эпиграфы» над каждым «словом» лишний раз свидетельствуют о том, что поморские писатели, и в частности Мануил Петров, сознательно ориентировались на святоотеческую традицию красноречия. Учитывая весь опыт раннехристианских апологетов, выговцы стремились создать собственную школу страстных, увлекающих проповедников. Поэтому они и составляют поморский Торжественник, поэтому их сочинения, входящие в него, являются — в плане стилистики — завершением традиции святоотеческой литературы.[20]

В «Слове на рождество богородицы» мир земной страшен — он «смердящий», «помраченный», «ослепленный», «отягощенный», исполненный грехов, зол, напастей. Мануил Петров развивает эту мысль, прибегая к приему амплификации, и достигает большой выразительности. Дошедшая от времен первых веков христианства тема недоброго, греховного мира нашла сочувствие у старообряд-

---

[19] В рукописи БАН, собр. Дружинина, № 114 «Окончению» предшествуют два с половиной чистых листа.

[20] См. «слова» на рождество Христово Иоанна Златоуста и Василия Великого в торжественниках, например: БАН, 33.I.10, лл. 185—190, 190—192 об., 192 об.—196 об., 197—199, 204—206.

цев. Себя они осознавали вне его и твердо верили, что за все оскорбления и унижения, которые терпят они от никониан, «потом воздастся». Оттого в праздничных «словах» Усть-Цилемского Торжественника мотив убогости «твари божьей» приобретает особый смысл. Именно Иоанн Златоуст с его сочинениями, осуждающими богатство, сребролюбие, жадность и другие человеческие пороки, с его вносящей элемент учительности проповедью чистой, высокодуховной жизни оказался близок старообрядцам. Ряд тем в Торжественнике вызван конкретными условиями. Так, в «Слово на рождество богородице» неспроста включена обширная похвала чистоте и целомудрию, ведь Выговская пустынь была монашеской обителью. Но главное внимание сочинений Мануила Петрова, в частности трех «слов» на рождество Христово, отведено раскрытию символа бога. Что есть бог? Составляя торжественники из собственных произведений, выговские писатели, с одной стороны, осознавали себя преемниками традиции, идущей от творений отцов церкви, а, с другой стороны, стремились создать собственную, обновленную (а в их представлении — старую) веру.

Уместно вспомнить о том, что Выговская пустынь была в XVIII в. своеобразным литературным и культурным центром на Севере. В. Г. Дружинин называл деятельность выговских писателей «новой страницей в истории литературы» и посвятил специальную работу «словесным наукам» в Выговской обители. По описаниям и каталогам рукописей и книг мы можем судить о размерах и богатстве выговской библиотеки.[21] Деятельность выговских писателей связана со святоотеческой литературой; традиция ораторского жанра не останавливается на имени Феофана Прокоповича, а личная проповедь, не развивавшаяся до XVII в. и открытая Феофаном Прокоповичем, продолжает жизнь в творчестве выговцев. На Выге пристально изучается «Риторика» Прокоповича и создаются собственные правила словесного искусства.[22] Это необходимо иметь в виду при изучении выговской литературы, чтобы не усматривать в ней связь лишь с творениями раннехристианских отцов церкви.

На Поморском берегу и в деревнях, раскиданных вокруг Выговской пустыни, на всем обширном пространстве Севера, где только поселялись старообрядцы, большинство жителей были крестьяне, не искушенные в богословии, и выговские писатели видели свою задачу перед паствой в выполнении того высокого назначения, которое взял на себя когда-то митрополит Иларион, — дать этим людям теоретические основы новой веры.

---

[21] См.: Е. В. Барсов. Описание рукописей и книг, хранящихся в выголексинской библиотеке. Летопись занятий археографической комиссии, вып. 6, 1877; Сборник для истории старообрядчества.

[22] См., например, схемы составления «слов» для произнесения по определенному случаю С. Денисова в уже упоминавшейся «Риторике» С. Лихуды (БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 122).

Для окончательного установления авторства Мануила Петрова по отношению к праздничным «словам» в Усть-Цилемском сборнике необходимо детальное исследование его стиля. По всей вероятности, М. Петров — действительно автор, по крайней мере упоминавшихся трех «слов» на рождество Христово, и Усть-Цилемский Торжественник из собрания Пушкинского дома представляет определенный интерес для изучения творчества одного из видных литературных деятелей старообрядчества.

Е. А. Бобков

ДРЕВНЕРУССКИЕ ВЕЛИЧАНИЯ В ПЕВЧЕСКОМ СБОРНИКЕ XVII в.

В Карельском собрании хранилища древнерусских рукописей Пушкинского дома имеется певческий сборник XVII в. (№ 424),[1] в составе которого находится несколько величаний, представляющих собой интересные образцы русского гимнографического творчества.

Приняв христианство от греческой церкви, Россия в богослужебно-книжном отношении находилась под сильным влиянием Греции. Наши службы праздникам и древним святым, как и вообще все наши богослужебные книги, переведены на церковнославянский язык с греческого. Но даже и тогда, когда русское самосознание достаточно сильно проявилось и в церковной области, когда начались частые канонизации русских святых и появились службы им, все-таки многие элементы службы были традиционными и заимствовались из греческих переводов. Сюда относятся ирмосы канонов, прокимны, запевы на стиховне, избранные псалмы, величания.

Тем более интересно встретить необычный текст величаний. На л. 217 указанного сборника находится величание князю Владимиру Киевскому (980—1015):

Величаем тя, благоверный княже Владимире,
и чтем святую память твою:
иже идолы поправшаго и всю Русскую землю
святым крещением просветившего.

Первая часть величания вполне традиционная. Вторая же его половина вместо завершающих слов «ты бо молиши о нас Христа бога нашего» дает характеристику деяний князя — крестителя Руси.

---

[1] Сборник певческий на крюковых нотах, 1658—1661 гг., 347 лл., полуустав, 14.7×9.5 см, переплет — доски в коже. Нотация знаменная без помет и признаков. Текст истинноречный. Фиты без разводов.

Другой интересный образец находим на л. 192 — величание князю Михаилу Черниговскому и его боярину Федору, убитым в Орде:

Величаем тя, благоверныи княже Михаиле,
и з болярином твоим Феодором,
и чтем святую память вашу,
иже за Христа кровь свою излиясте,
и ныне молите за нас Христа бога нашего.

Если следовать традиционным формам величания страстотерпцам и мученикам, то сразу после обращения должны были бы идти слова: «и чтем честная страдания ваша, яже за Христа претерпели есте». Здесь автор величания пишет о страданиях в конкретной форме («кровь свою излиясте») и подчеркивает продолжающуюся связь мучеников с Русской землей («и ныне молите за нас...»).

На л. 197 об. помещено величание «Знамению пресвятой богородицы, иже в Великом Новгороде»:

Величаем тя, пресвятая Дево,
и чтем образ твой честныи,
им же победу на враги дарова граду нашему.

Поскольку праздник Знамения русский, то и величание его русского происхождения, а не переводное. Во всех певческих книгах находим это величание с такой формой последней строки: «...им же показала еси преславное знамение». В нашем случае величание заканчивается оригинальной фразой. Под «градом нашим», очевидно, имеется в виду Новгород; значит, можно предположить, что рассматриваемый сборник новгородского происхождения. Знамение — праздник новгородский, и новгородцы, видимо, решили отметить его особым величанием. Вряд ли величание в такой форме могло употребляться в других местах. На новгородское происхождение сборника указывает и частое чередование *ч*—*ц*.

Датируется сборник очень узким периодом — 1658—1661 гг. Такая строгая датировка возможна благодаря тексту на л. 225:

Утверди, боже, веру христианскую,
соблюди, господи, и помилуй
благовернаго царя и великаго князя Алексея,
и благоверную царицу и великую княгиню Марию,
и благовернаго царевича и великаго князя Алексея,
и благоверныя царевны,
спаси, господи, и помилуй патриарха имярек,
и вся христианы, господи, спаси.

В 1658 г. родилась царевна София; так как в тексте упоминаются царевны, то сборник не мог появиться ранее этого года. Он не мог быть также написан позднее 1661 г., когда родился второй царевич — Федор, в молитве не упомянутый. Имя патриарха пропущено потому, что это был период междупатриаршества — после оставления Никоном кафедры, но еще до его осуждения на соборе 1666—1667 гг.

О. А. Белоброва

ЛИЦЕВЫЕ РУКОПИСИ
(краткий обзор)

Значительная часть древнерусских рукописей Пушкинского дома имеет художественное оформление — рамки, заставки, концовки, буквицы и т. д. Около 150 рукописных книг украшены миниатюрами, иногда гравюрами — лицевыми изображениями (более 1500 листов). Среди них пергаменное галицко-волынское евангелие XIV в., рукописи московской и северорусской традиции, книги поморского письма, в том числе XVIII—XX вв. Художественные особенности миниатюр нашего собрания почти не привлекали внимания специалистов, хотя еще в 1965 г. В. И. Малышевым был опубликован список иллюминованных рукописей.[1]

Собственно средневековых миниатюр, XIV—XVII вв., в собрании сравнительно немного: несколько более 200. Однако и среди рукописей XVIII—XIX вв. немало списков, украшенных по принципам средневековой системы книжного оформления. Поэтому изучение лицевых рукописей, в том числе поздней традиции, может значительно обогатить наши представления о книжном искусстве, слагавшемся на Руси в течение столетий.

Самую многочисленную группу лицевых рукописей Пушкинского дома составляют сборники различного содержания, XVII—XX вв. (более 30). Примечательны списки оригинальных русских и переводных житий XVII—XIX вв. (до 15), псалтыри XVII—XIX вв. (13), евангелия XIV—XIX вв. (9), «Страсти Христовы» XVIII—XIX вв. (8), месяцесловы XVII—XIX вв. (7), синодики XVIII—XIX вв. (7), апокалипсисы XVII—XIX вв. (6), каноны богородице XVIII в. (2), списки «Слова Палладия мниха о втором пришествии» XVIII—XIX вв. (4), «Видения пророка Даниила» XVIII—XIX вв. (4), «слова» Ефрема Сирина о покаянии XIX в. (3) и многие другие.

В подавляющем большинстве миниатюры и рисунки, украшающие рукописи, безымянны. Бесспорна принадлежность протопопу Аввакуму сатирического рисунка в уникальном списке — автографе его «Жития». Ряд списков XIX и XX вв. связан с определенными художниками, не только профессионалами (ярославский иконописец А. А. Великанов и др.), но и переписчиками (К. И. Уткин, Н. П. Шестаков и др.). Заслуживают интереса поздняя владельческая приписка в сборнике конца XVII—начала XVIII в.: «Сия книга Федора Федорова иконописца 1858 го<да>» (ИРЛИ, собр. Пухальского, № 6, л. 1 об.), а также упоминание Андрея Самилова,

---

[1] В. И. Малышев. Древнерусские рукописи Пушкинского дома. (Обзор фондов). М., 1965, стр. 171—176 («Лицевые рукописи»). См. также выступление О. А. Белобровой в прениях на Тихомировских чтениях 1970 г.: Тихомировские чтения 1970 года. М., 1970, стр. 91—99.

«санъпитербурско<го> мещанина», названного «живописцем», в сборнике конца XVIII в. (собр. Перетца, № 420, л. 104).

В ряде случаев средневековые рукописи получили украшение только в новое время. Таковы, например, три евангелия XVI в. (собр. Перетца, №№ 50, 58, 83): два с вклеенными в них подражательными стилизованными миниатюрами XIX в.,[2] а одно с наклеенными хромолитографиями из издания ПДПИ.[3]

Иногда в рукописи вклеивались гравюры, не связанные непосредственно с текстом, как в Азбуковнике XVII в. (собр. Перетца, № 105), где встречаем более поздние гравированные изображения Григория Двоеслова, Иоанна Златоуста и сцены Богоявления (лл. 1 об., 26 об. и 170 об.). Одна из рукописей XIX в. — Иконописный подлинник (собр. Перетца, № 524) — сохранила две цветные литографии из редкого издания 1816 г. с изображениями московского великого князя Василия II и царя Федора Алексеевича.[4]

Напротив, чаще наблюдаются случаи органической связи текста и вклеенного позднее листа гравюры. Примерами могут служить Псалтырь XVIII в. с изображением царя Давида (собр. Перетца, № 225, л. 30 об.), сборники житий соловецких чудотворцев с гравюрами, изображающими Зосиму и Савватия и Елеазара Анзерского. Последняя, с подписью гравера-самоучки Артемия Касаткина и с датой «1806 год», является довольно редким оттиском.[5]

Иногда для украшения рукописных книг приспосабливали оттиски настенных гравюр, произвольно уменьшая их размеры или вырезая из них детали — головки ангелов, житийные клейма, как это можно видеть на примере списка жития Зосимы и Савватия XIX в. с вклейками из гравюр еще XVIII в. (Отдельн. поступл., оп. 23, № 93).[6]

---

[2] Принадлежность миниатюр евангелия из собрания Перетца, № 50 к подделкам конца XIX—начала XX в. отмечена в работе: В. К. Петухов. Сербская рукопись XVI в. (Из собрания В. Н. Перетца). ТОДРЛ, т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 631.

[3] Заставки и миниатюры четвероевангелия 1507 г. СПб., 1880 (ОЛДП—ПДПИ, вып. LVIII и LXXXVI), стр. 11, 20.

[4] См.: Я. Орлов. Памятники событий в церкви и отечестве, чч. 1—5. СПб., 1816. Принадлежность литографии этому изданию установлена по кн.: Н. Обольянинов. Каталог русских иллюстрированных изданий 1725—1860 гг., т. II. М., 1915, стр. 388, № 1942.

[5] См.: Д. А. Ровинский. 1) Русские народные картинки, кн. II. СПб., 1881, стр. 307, № 626; 2) Подробный словарь русских граверов XVI—XIX вв., т. II. СПб., 1895, стлб. 470.

[6] В этой рукописи находим часть гравюр работы Луки Зубкова, 1772 г. (ср. ГПБ, Э $\frac{\text{Даль}}{\text{2-83}}$, а также: Д. А. Ровинский. 1) Русские народные картинки, кн. IV, стр. 491; 2) Подробный словарь..., т. I, стлб. 352—353) и, кроме того, 6 из 10 клейм гравюры, относящейся еще к первой половине XVIII в. (ср. ГПБ $\frac{\text{Олс.}}{\text{5-841}}$, а также: Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, кн. III, стр. 607, № 1459). От одного из этих клейм отрезаны

Включались в рукописи и целые серии гравированных картинок XVIII в., по-видимому специально предназначавшиеся для иллюстрирования таких книг, как например «Страсти Христовы» (ср. списки из собр. Перетца, №№ 187 и 245).[7]

Характеризуя книги, украшенные эстампами, следует назвать два экземпляра редкого цельногравированного Синодика (с рукописной частью в конце, — собр. Перетца, № 391 и Отдельн. поступл., оп. 23, № 159) с оттисками гравюр Леонтия Бунина, Афанасия Трухменского, Василия Андреева и др. Он был отпечатан в середине XVIII в. со старых досок. По классификации Д. А. Ровинского, этот Синодик носит наименование «третьего издания Синодика Бунина».[8] Экземпляр из собр. Перетца № 391 отличается сравнительной полнотой (в нем недостает пяти листов); гравюры, несколько перепутанные при переплете, раскрашены довольно искусно; второй экземпляр (оп. 23, № 159) полный.

Иногда гравированные изображения старопечатных книг копировались одновременно с перепиской их текста. В нашем собрании имеется полный список 1750 г. со сравнительно редкого киевского издания 1694 г. под названием «Венец молитв седмичных» (Причудское собр., № 8). Здесь черно-белые гравюры (Троица, Распятие, Успение богоматери), а также буквицы, заставки и концовки заменены перовыми рисунками, сделанными неумелой рукой, по-своему старательно подражавшей оригиналу.[9] Примечателен и список 1770 г. с печатной «Азбуки» В. Бурцева, изданной в Москве в 1637 г. (собр. Перетца, № 377). Здесь на месте гравюры на дереве с изображением училища находим рисунок пером с раскраской, явно восходящий к оригиналу.[10]

Во многих рукописях встречаются также наклейки гравированного орнамента, вырезанного из старопечатных книг. Таковы, например, заставки и концовки в Цветнике XVIII в. (собр. Перетца, № 246). А в Псалтырь XVIII в. (собр. Перетца, № 225) оказалась вклеенной гравированная рамка-заставка с изображениями пророка Моисея и царя Давида и с выходными данными печатной московской Псалтыри 1731 г.

три беса и на листе списка вместо них пером пририсован крест на Голгофе, что более соответствует здесь тексту жития.

[7] Д. А. Ровинский (Русские народные картинки, кн. III, стр. 323—325, № 862) отмечал, что в этот комплекс резцовых гравюр на меди входило 14 листов; ему был известен экземпляр рукописи с вклеенными гравюрами из собрания Ф. И. Буслаева. В двух экземплярах Пушкинского дома представлены не все листы этой серии (очевидно, некоторые были утрачены).

[8] Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, кн. III, стр. 190, 206. Автору были известны лишь два экземпляра. Нами для сравнения привлекался один из них — ГПБ, F. I. 736 — буслаевский, с нераскрашенными гравюрами и с перепутанными листами.

[9] Нами привлекался для сравнения экземпляр ГПБ, V.8.18.

[10] См. воспроизведение гравюры в кн.: А. А. Сидоров. Древнерусская книжная гравюра. М., 1951, стр. 188, рис. 67.

Неоднократно встречаются также лицевые рукописи, украшавшиеся постепенно, в течение длительного времени. Например, очевидно разновременное — в два этапа — оформление списка «Страстей Христовых» XVIII в. (собр. Перетца, № 355).

В настоящем обзоре дается суммарная характеристика миниатюр, современных рукописям.[11]

Наиболее ранний лицевой список, как уже отмечалось, — недавно поступившее евангелие на пергамене, XIV в. (Отдельн. поступл., оп. 25, № 30). Здесь находятся одна миниатюра с изображением Иоанна Богослова и Прохора (л. 1 об.), а также рисунок (подготовительный набросок?) «Сошествия св. духа на апостолов» (л. 1). В печати уже сообщалось, что евангелие относится к галицко-волынской традиции и что оно не принадлежит к числу роскошных.[12] Миниатюрист изобразил диктующего Иоанна Богослова в рост, Прохора — сидящего за письмом. Вверху слева полуфигура слетающего архангела Михаила, а справа погрудно представлен благословляющий Вседержитель. Распределение четырех фигур на листе пергамена оказалось нелегкой задачей для художника. Несколько необычно отсутствие архитектурной среды, подобной храму на аналогичной миниатюре ярославского Федоровского евангелия (1321—1327 гг.).[13] Разномасштабные фигуры отличаются непропорциональностью: удлинены ноги Прохора, несоразмерны плечи Иоанна, лик Христа и его рука. Все персонажи переданы в легком движении. Представляет интерес колористическая гамма миниатюры, хотя осыпь красочного слоя довольно значительна. Запоминаются локальные фоны (зеленый для архангела Михаила, голубой для Вседержителя, зеленый и желтый для Иоанна); поразительны волосы — красновато-рыжие у Христа и голубовато-синие, с широким коричневым контуром у Иоанна. Художник был в большей степени колорист, чем рисовальщик. Незаконченный рисунок семи сидящих полукругом апостолов на л. 1 — более мелкого масштаба. Он сделан уверенной рукой, по-видимому пером. Деликатная раскраска ликов и рук (только их!) отличается от приемов передачи лиц в композиции с евангелистом. По-видимому, как рукопись переписывалась не одним, а по крайней мере двумя писцами, так и ее украшение (в частности, многочисленными буквицами, заставками) создавалось разными, хотя и современными художниками.

В собрании нет ни одной лицевой рукописи XV в.

---

[11] Орнаментированные списки, в том числе с гравированными элементами, в обзоре не рассматриваются.

[12] Л. П. Жуковская. Пергаменная рукопись XIV в. из собрания Пушкинского дома (новое приобретение). ТОДРЛ, т. XXIII, Л., 1968, стр. 305—311.

[13] История русского искусства. Под ред. И. Э. Грабаря, В. С. Кеменова и В. Н. Лазарева. Т. III. М., 1955, рис. на стр. 15.

Среди рукописей XVI в. евангелие (собр. Перетца, № 38), украшенное лицевыми изображениями евангелистов, сравнительно близкими по времени переписки рукописи. Но эти миниатюры, вырезанные из другого списка, вклеены позднее, окружены поздними геометризованными рамками и снабжены шелковыми предохранителями. Первоначально рукопись была украшена только искусно выполненными в красках и золоте заставками и буквицами. Миниатюры отличаются от них по колориту, по типу орнамента (рис. 1). Они довольно эффектны — золотофонные, с красиво прорисованным силуэтом сидящего евангелиста (торс несколько удлиненный). Но однообразие поз евангелистов, архитектурных фонов, горок указывает на зависимость от одной, хотя и хорошей прориси.[14]

Рукописные книги XVII в. с лицевыми изображениями составляют целую группу, разнообразную по содержанию. Это евангелие, псалтырь, апокалипсис, жития святых, месяцеслов, иконописный подлинник и др. В их оформлении принимали участие царские изографы и скромные иконописцы-ремесленники, миниатюристы-профессионалы и писцы рукописей, а один, уже упоминавшийся рисунок исполнил протопоп Аввакум. Книги эти имели разное назначение, одни — для церковной службы, другие — для домашнего чтения и повседневного пользования (месяцесловов), третьи — для работы, например иконописца. Все это всегда учитывалось при их украшении. Вот почему выделяется своей роскошью Евангелие (Карельское собр., № 241) конца XVII в., приписываемое царевне Софье Алексеевне, будто бы целиком переписавшей его для подарка в ссылку своему фавориту В. В. Голицыну (в конце читается запись скорописью: «София трудишася царевна»). Все оформление рукописи отличается единством замысла и совершенством исполнения. Заставки растительного характера, обрамления шелковых предохранителей (различные на лицевой и оборотной сторонах листа), буквицы, три миниатюры евангелистов[15] выполнены с поразительным разнообразием (рис. 2). Сверкающая золотом, холодноватая гамма сильно разбеленных красок искусно передает богатство архитектуры: центрические купольные здания с полуспущенными золочеными решетками в окнах, кивории, башни с переходами, ограды, лепнину, резьбу и т. п. Тяжелая резная мебель — мир весомых вещей — окружает евангелистов; их облачения отливают золотом, письменные принадлежности отличаются изысканностью. Художники Оружейной палаты создали поистине великолепную

---

[14] О художественном оформлении Евангелия из собр. Перетца, № 38 см.: И. И. Гумницкий. Лицевое Евангелие XVI века из собрания В. Н. Перетца. ТОДРЛ, т. XXVII (в печати).

[15] Четвертой миниатюры — с изображением евангелиста Иоанна — недоставало уже около 100 лет назад. Ср.: С. Миропольский. Царевна София Алексеевна. Заметка. Русская старина, СПб., 1878, № 9, стр. 130—131,

книгу, место которой было отнюдь не в ризнице захудалого каргопольского монастыря, а в столичном соборе, в блеске торжественных богослужений.[16]

Среди «четьих» книг XVII в. примечательны лицевые списки житий русских святых. Одна рукопись, в 4-ку (собр. ИМЛИ, № 9), содержит Повесть о Петре и Февронии и украшена всего лишь одной миниатюрой, заставкой и буквицей. Миниатюрист изобразил на л. 2 об., предваряющем начало жития, Петра и Февронию в рост, обращенных друг к другу, на белом фоне, в монашеском облачении (рис. 3). Над ними погрудно представлен Христос-Вседержитель с благословляющей рукой и с книгой. У всех троих золотые нимбы. Колорит отличается приглушенностью тонов. Это работа опытного рисовальщика, умело создавшего торжественную композицию, призванную здесь создать настроение благочестивости. Подобная единичная миниатюра ближе по замыслу к иконе (типа «моленной»). Как известно, лицевые списки жития Петра и Февронии довольно редки.[17] Еще более редки лицевые списки житий Варлаама Хутынского[18] и Михаила Клопского.[19] Сборник из собр. Каликина, № 35 представляет нам целую серию миниатюр к этим житиям.[20] Это перовые рисунки с раскраской в теплой цветовой гамме, некоторые целиком в лист, некоторые в лист в два яруса, а иные на две трети, половину или треть листа, в сочетании с текстом жития. Миниатюры были вы-

---

[16] Репродукции миниатюры с изображением апостола Луки и заглавного листа Евангелия см. в издании: В. И. Малышев. Обзор древнерусских рукописей, поступивших в Рукописный отдел ИРЛИ за 1952—1954 гг. Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского дома, вып. VI, М.—Л., 1956, вклейка между стр. 100 и 101.

[17] О. И. Подобедова в своих работах о теме Петра и Февронии в изобразительном искусстве (О. И. Подобедова. 1) «Повесть о Петре и Февронии» как литературный источник житийных икон XVII века. ТОДРЛ, т. X, М.—Л., 1954, стр. 292—304; 2) Лицевая рукопись XVII столетия «Повести о Петре и Февронии». Там же, т. XIII, М.—Л., 1957, стр. 393—406) называет два лицевых списка жития (ЛОИИ, собр. Н. П. Лихачева, № 50, XVII в., и № 396, XVIII в.). Добавим к этому сборник ГПБ.Q.I. № 1361, конца XVIII—начала XIX в., в котором выполнены миниатюры, текст же остался невписанным, а также рукопись XVII в. из ГИМ, ср.: Т. Протасьева. Сказание о Петре и Февронии. 15 открыток. М., 1971.

[18] Н. Барсуков (Источники русской агиографии. СПб., 1882, стлб. 79—85) называет только одну лицевую рукопись — ГПБ, Софийское собр., № 1430.

[19] Список ИРЛИ — первый лицевой. Ср.: Л. А. Дмитриев. Повести о житии Михаила Клопского. М.—Л., 1958.

[20] Ряд миниатюр из этого сборника впервые репродуцирован, а именно: 1) Пророчество Варлаама Хутынского (л. 76) и 2) Видение пономаря Тарасия (л. 99) — см.: Л. Д. Лихачева. Миниатюристы — читатели новгородских литературных произведений. ТОДРЛ, т. XXII, М.—Л., 1966, стр. 335—341, рис. 1 и 2; 3) Ловля рыбы (л. 330 об.) — см.: Житие Михаила Клопского. Подготовка текста, перевод и примеч. Л. А. Дмитриева. В кн.: «Изборник» (Сборник произведений литературы древней Руси). М., 1969 (Библиотека всемирной литературы), вклейка между стр. 416 и 417.

Список покаянного стиха XV в.

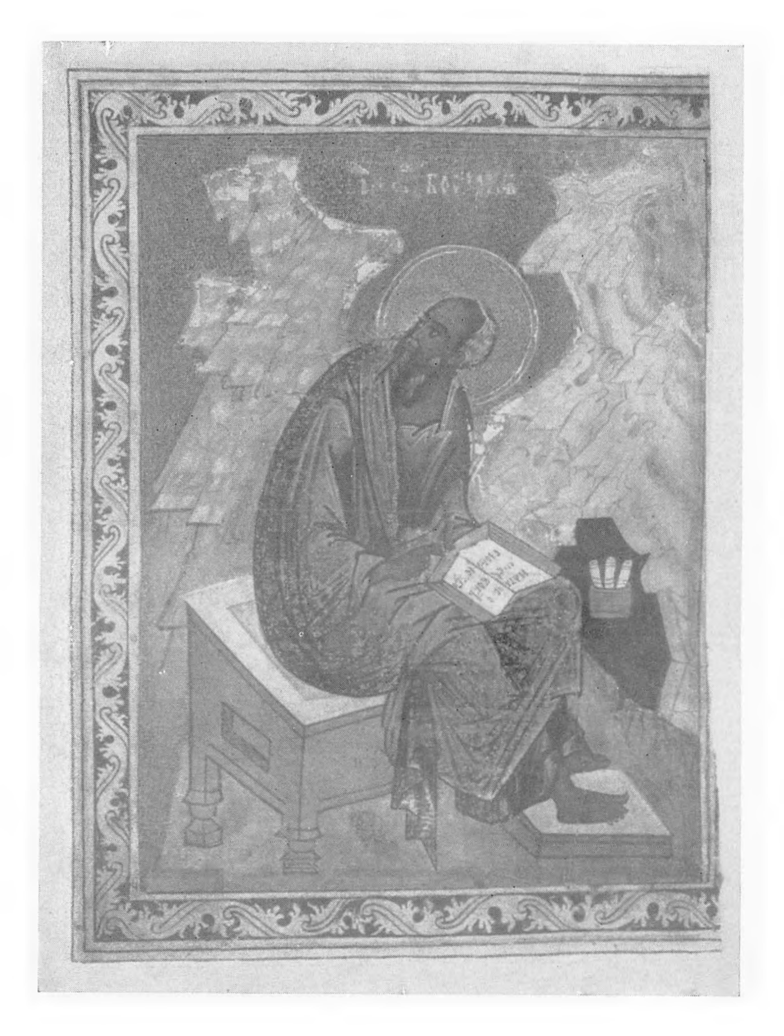

Рис. 1. Евангелист Иоанн Богослов. Миниатюра из Евангелия XVI в. (собр. Перетца, № 38, л. 2 об.).

полнены несколькими мастерами. Текст, по-видимому, написан раньше, чем рисунки: в сборнике остались незаполненными места для миниатюр к житию Антония Римлянина (более 50). О высоком композиционном мастерстве миниатюристов позволяют судить листы с текстом, рисунки в верхней части которых решены как заставки: это силуэты то пятикупольного храма, то башен, то палат и т. п. Привлекают внимание типичные для северорусских городов реалии: деревянные тесовые ворота, заборы с заостренными зубчатыми верхами, мостки через ручей, бревенчатые житницы, сани. Примечательно изображение в житии Варлаама Хутынского панорамы Новгорода, очевидно хорошо знакомого миниатюристам. Довольно искусно передана вода (в эпизоде изведения кладезя в житии Михаила Клопского, л. 318; в сценах чудес из жития Варлаама Хутынского, лл. 71 об. (рис. 4), 83 об.). Типичное для этого сборника двухъярусное построение миниатюр может быть представлено, например, чудом об умершем отроке в житии Варлаама (л. 86 об.) Рукопись украшена не с царской роскошью, она не уникум, ее художественное оформление не поражает, а сопровождает текст, поясняя его. Художники и писцы работали здесь рядом, бок о бок.

О труде художника XVII в. напоминает Иконописный подлинник, входящий в состав конволюта (собр. Богословского, № 4). Строго говоря, этот подлинник не лицевой, а толковый, но в него вклеены 10 листов, в 8-ку, с изображением пророков (лл. 180—189 об.). Это перовые рисунки в масштабе, годном для пророческого ряда на походных (переносных) иконостасах, часто встречавшихся в художественной практике XVII в. Все фигуры представлены в легком движении, с развевающимися свитками; они переданы в штриховой манере. Изображения сопровождаются именами пророков.

Примером воплощения в миниатюрах XVII в. сложных символико-догматических тем могут служить лицевые изображения Апокалипсиса (Карельское собр., № 247). Их в рукописи 75. Они выполнены несколькими художниками, в разной степени владевшими искусством рисовальщика и даже применявшими разную цветовую гамму (один, например, обходился без синего и голубого тонов). Выразительны сцены брани, например на л. 61 об. (глава 34 Апокалипсиса), где видим ангелов на белых конях, наступающих на бесов — «муринов» и на семиглавого змия. Миниатюра на л. 62 об. (глава 35 Апокалипсиса) представляет змия в мощном движении (рис. 5). Наряду с этим встречаются неумелые рисунки (идущий ангел на л. 75). Наш лицевой список представляет незаурядный интерес при изучении Апокалипсиса.[21]

---

[21] Ср.: Ф. И. Буслаев. Русский лицевой Апокалипсис. Свод изображений из лицевых апокалипсисов по русским рукописям с XVI-го века по XIX-й. М., 1884.

Не менее ценный список лицевого Апокалипсиса толкового, конца XVII в., поступил в собрание в 1970 г. (Отдельн. поступл., оп. 23, № 183). В нем сохранились не все миниатюры, современные тексту (сейчас их насчитывается 61; кроме того, в XIX в. добавлены вместе с недостающим текстом три перовых рисунка). Текст Апокалипсиса написан одним писцом, толкования — другим. Все миниатюры выполнены в одной, достаточно своеобразной художественной манере. Это главным образом двухчастные композиции, соответствующие тексту на развороте листа. Особенность миниатюр — их прозрачность, достигаемая динамичным рисунком с применением красок двух-трех основных тонов лишь по контурам фигур и складок одежд.

Особого внимания заслуживают непрофессиональный перовой рисунок и перовая же заставка, выполненные писателем протопопом Аввакумом в так называемом Пустозерском сборнике И. Н. Заволоко (Отдельн. поступл., оп. 24, № 43). Рисунок[22] изображает земную сферу, внутри которой размещены полуфигуры пяти святых с нимбами (по предположению В. И. Малышева, это символы «пустозерской пятерицы»: Аввакума, Епифания, Лазаря, Никифора и Федора). С внешней стороны сферы вверху оглавно представлены два восточных патриарха: Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский; внизу, также оглавно (но для читателя уже вниз головой) изображены три представителя русской православной церкви: патриарх Никон, митрополит крутицкий Павел и епископ рязанский Илларион. Все это противники старообрядчества. Их имена подписаны, к именам добавлены ругательные эпитеты. Рисунок (л. 2) и заставка (л. 1) выполнены черными чернилами и суриком, в точечно-пунктирной манере. Изображения довольно выразительны и по-своему меткие, как и надписи к ним. Это уникальный сатирический рисунок автора XVII в., значение которого пока еще даже трудно оценить. Зрительным прототипом для Аввакума, может быть, все же послужили какие-то миниатюры в рукописях с изображением символических кругов и полуфигур. В частности, близкие (только по композиции) изображения находим в Синодике XVII в.[23]

Привлекают внимание лицевые рукописи Петровского времени — конца XVII—начала XVIII в. Среди них Месяцеслов (Отдельн. поступл., оп. 25, № 19), Синодик (собр. Перетца,

---

[22] Воспроизведен в издании: В. И. Малышев. Новые поступления в собрании древнерусских рукописей Пушкинского дома. Русская литература, 1969, № 2, стр. 119—125, вклейка между стр. 124 и 125. Следует оценить настойчивое внимание В. И. Малышева к изучению рисунков Аввакума еще до находки И. Н. Заволоко Пустозерского сборника. Ср.: В. И. Малышев. Рисунки протопопа Аввакума? Русская литература, 1965, № 2, стр. 154—155.

[23] J. Nowikowa. Eine anonyme russische Handschrift des 17. Jahrhunderts. Göttingen—Vandenhoeck—Ruprecht, 1968, Blatt 34.

№ 176), сборник пасхальных служб (собр. Груздева, № 11), сборник житий (собр. Перетца, № 200), сборники неопределенного состава (собр. Пухальского, № 6; собр. Перетца, № 427). К концу XVII в. относится лицевой Месяцеслов, украшенный изображениями четырех времен года. Перовые рисунки с тонко выполненной раскраской фигур, с неокрашенным фоном включены непосредственно в текст. Изображены бытовые сцены, как например мельник за работой; переданы приметы осени — сильные ветры, улетающие птицы. Ощущение холода передается фигурой отрока, греющего руки у костра в сцене зимы. Любопытно, что рисунок весны не соответствует ее описанию в тексте: вместо девы видим юношу в красном кафтане, в короне, с кубком и свитком; облик этого юноши неуловимо напоминает молодых людей Петровского времени. Рисунок миниатюр Месяцеслова несколько угловатый, цветовая гамма мягкая, теплая.

К началу XVIII в. относится Синодик, украшенный 73 миниатюрами (собр. Перетца, № 176; листы его перепутаны при переплете, часть утеряна). Этот список включает историческое предисловие, ряд притч, «Чин бываемый на разлучение души от тела» (статья из Требника,[24] ее листы разрознены и перепутаны) и т. п. Миниатюры выполнены пером, раскраска одежд локальная — в красный, желтый, зеленый тона; лики и руки не окрашены. Среди миниатюр к притчам привлекает внимание изображение пирующего боярина — «худоумного человека» (л. 65 об.). Здесь на огромном столе братины, кумганы, чарки, вокруг стоят и сидят мужи. Не менее примечательны миниатюры к повествовательным сюжетам, например к рассказу из «Бесед» Григория Двоеслова о кипрском пресвитере из города Кентулы с изображением бани (лл. 5 об., 6, 6 об., 10а и 10а об.) и многие другие. Излюбленный прием миниатюристов этого Синодика — передача действия в интерьере палаты с окнами, срезанными сводом. Отличаются сложностью и богатством силуэтов архитектурные фоны: здесь городские стены, башни, здания с щипцовыми кровлями.

Среди рукописей с единичными миниатюрами и рисунками начала XVIII в. отметим сборник житий (собр. Перетца, № 200) с условным портретом византийского писателя VII в. Леонтия из Неаполиса Кипрского,[25] созданным, возможно, в Александро-Свирском монастыре. В другом сборнике (собр. Перетца, № 427)

---

[24] Ближайшие аналогии к этой части Синодика находим в лицевом списке ГПБ, Q.I.407, XVII в., лл. 83—110, а также в издании: Синодик пустыни Дедовского острова (1703 г.). СПб., 1877 (изд. ОЛДП, № XIII (№ 125)), лл. 8—43. Ср.: Е. В. Петухов. Очерки литературной истории Синодика. СПб., 1895, стр. 230.

[25] Воспроизведен в издании: О. А. Белоброва. Изображение Леонтия из Неаполиса Кипрского в древнерусском рукописном сборнике Пушкинского дома. ТОДРЛ, т. XXIV, Л., 1969, стр. 384—386.

находится рисунок пером типа заставки с изображением двух кораблей на берегу Невы, на фоне крепости и купольных сооружений, с подписью сверху «Санктъ Питербурхъ». В Псалтыри толковой конца XVII в. (собр. Богословского, № 8), переписанной в книгописной мастерской Афанасия Холмогорского, сохранилась пострадавшая от времени красочная миниатюра с изображением царя Давида с тонко прорисованным ликом, в пышном архитектурном обрамлении.

Рукописи XVIII в. сохранили значительное количество миниатюр (около 700), не считая гравюр. Состав лицевых рукописей достаточно разнообразен. Довольно широко представлена житийная традиция (Алексей человек божий, Евфросиния Суздальская, Зосима и Савватий, Никола, Сергий Радонежский и др.), встречаются сборники житий, повестей, исторические сочинения. Здесь же списки псалтыри, «Страстей Христовых», апокалипсиса, синодика, эсхатологических сочинений. Появляются рукописи светской традиции, например лицевые учебники.

Среди лицевых житий XVIII в. наиболее примечателен список жития Николы (Усть-Цилемское собр., № 184), выполненный, по-видимому, поморскими мастерами в конце столетия (особенно характерны орнамент заставок и общий колористический строй миниатюр с преобладанием малиновых, желтых, изумрудно-зеленых тонов). Рисунок пером, с применением штриховки, например при передаче морских волн. Объемы подчеркнуты затенениями, размывкой. Пропорции фигур изящны, контуры четки, композиции торжественны. Примером может служить хотя бы сцена пришествия св. Николы на первый вселенский собор (л. 72 об.). Любопытны привнесенные миниатюристами черты русского быта, такие как высокие дощатые заборы (л. 79), дощатые полы (далеко не всегда соответствующие роскоши палат, как например в сцене явления св. Николы царю Константину, — л. 86; ср. также л. 161), ладьи-дощеники под парусами (л. 174) и др.[26]

Значительно уступают по мастерству исполнения миниатюры в списке жития Евфросинии Суздальской 1755 г. (собр. Перетца, № 282). Сравнение нашего списка с другими лицевыми рукописями того же содержания[27] показывает, что его миниатюры вполне традиционны, хотя и отличаются средним ремесленным уровнем. Возможно, что в оформлении рукописи участвовали два художника. Наиболее интересны здесь батальные сцены (лл. 61

---

[26] Деталь миниатюры с изображением поморской ладьи воспроизводилась в изданиях: М. И. Белов. История открытия и освоения Северного морского пути, т. I. М., 1956, стр. 191; В. И. Малышев. Памятники древней письменной культуры Печоры. Летопись Севера, вып. 2, М., 1957, стр. 267 и 269.

[27] Нами привлекались списки: ГПБ, собр. Вяземского, F.25 (опубликован в издании: ОЛДП, № XCI, СПб., 1888); ГПБ, F.I.146; ГПБ.F.I.728.

об., 62, 63 об. и сл.) с изображением хана Батыя, битвы на реке Сите и др.

В скромном лицевом сборнике житий и служб 1784—1786 гг. (Новгородско-Псковское собр., № 9) находим единичные изображения птиц Сирина и Алконоста, святых Параскевы Пятницы, Феоктиста и Ксении. Очевидно, в сборнике было еще несколько миниатюр. Оформители рукописи с любовью выписывают ветки с цветами и плодами и с сидящими на них птичками, вазоны. В этом растительном орнаменте в дробных заставках-рамках представлены два изображения св. Параскевы (лл. 7 об. и 35). Св. Ксения в овальном картуше окружена стилизованным старопечатным орнаментом, а св. Феоктист дан поколенно в прямоугольной рамке.

К поморским рукописям следует отнести сборник повестей (о видении Козмы игумена и о видении Иоаннове, из книги Великого Зерцала — собр. Перетца, № 494). Назидательные, не особенно умело раскрашенные рисунки восходят к традиционным средневековым миниатюрам; они насыщены изображениями бесов, грешников, сценами наказаний. Такой же назидательный характер носит единичный рисунок «смерти страшной» в сборнике апокрифов и повестей (Карельское собр., № 48). Миниатюры к Слову Палладия мниха в сборнике-конволюте (собр. Каликина, № 70), довольно тонкого очерка пером, с раскраской, также главным образом изображают грешников и праведников, иногда, впрочем, на фоне травок и цветов.

Близки к традиционным средневековым рукописям псалтыри XVIII в. с изображением царя Давида. Среди них выделяется поморская Псалтырь (Карельское собр., № 228) с миниатюрой, выполненной пером, с раскраской в плотные желто-малиново-синие тона.

Немало рукописей XVIII в. украшено в новом духе, с элементами развитого барочного стиля. Среди них Апокалипсис (собр. Перетца, № 457), «Страсти Христовы» (собр. Перетца, № 308), сборник, включающий «Историю разорения Иерусалима» Иосифа Флавия (собр. Перетца, № 334). Четыре миниатюры к последней напоминают западноевропейские гравюры к Библии. В собрании находим список «Liber de arte poetica» на латинском языке — очевидно, список киевских книжников-униатов (собр. Перетца, № 260); здесь примечательны типичная для книжного барокко заставка-рамка и изображение Пегаса.

Привлекают внимание три рисунка пером к тексту «Воскресения мертвых» Г. Конисского (собр. Перетца, № 332), переписанному служителем земского суда гадячского повета М. Л. Быляком. Здесь находим редкие изображения крестьянина и сельского священника на фоне тополей и пшеницы. Возможно, предполагалось сделать и другие рисунки на оставленных далее пустых местах.

К светской традиции среди рукописей XVIII в. следует отнести учебник навигации (собр. Перетца, № 247) с текстом, переписанным штурманским учеником Полубояриновым, а также с чертежами и рисунками (например, «изображение компаса в ящике для определения азимута» — л. 118), «Описание пехотного строя» (собр. Перетца, № 285) с заставками, украшенными пышной военной арматурой, с чертежами и топографическими планами. В последней рукописи применяются растушовка и размывка.

Немало рукописей XVIII в. украшено современными им гравюрами, например список сочинений Дмитрия Ростовского «Руно орошенное» (собр. Перетца, № 210), «Звезда пресветлая» (собр. Перетца, № 178), Луцидариус (собр. Перетца, № 312), Канон богородице (собр. Перетца, № 338) и др.

Лицевые рукописи XIX в. представлены многочисленными сборниками (житий, апокрифов, повестей, эсхатологических сочинений), месяцесловами, списками произведений старообрядческой традиции. Встречаются также лицевые апокалипсисы, псалтыри, синодики и др. Основная масса миниатюр в собрании приходится именно на рукописи XIX в.[28] Довольно много книг украшено миниатюрами в духе средневековья. К ним следует отнести псалтыри, синодики, евангелия. Но уже в апокалипсисах при сохранении традиционной схемы встречаются любопытные отклонения. Например, вместо одного из четырех апокалиптических всадников — на рыжем коне — в списке Керженского собр., № 74, конца XIX в., изображен на л. 82 об. юный безбородый жандарм в каске и голубом мундире, с папиросой в зубах, с обнаженным мечом в правой и пистолетом в левой руке (рис. 6).[29] В этой же рукописи в главе 26 находим под текстом «людие взыскоша смерти» изображения средовека и отрока в обличье русских крестьян, без шапок, в сапогах, в рубахах навыпуск. А в главе 27 юноша, сидящий на льве, нарисован не только в оранжевой русской рубахе, но еще и в фуражке (л. 119 об.).

При этом основная масса лицевых рукописей, несмотря на традиционность, по-своему красива. Иногда только бумага и состав красителей убеждают в принадлежности рукописи не к XVIII, а именно к XIX в. Примером могут служить миниатюры к «слову» Ефрема Сирина о покаянии (и к примыкающей к нему евангельской притче о приглашении на пир), сохранившиеся в трех списках — полном (собр. Перетца, № 548)[29а] и отрывочном (Ка-

---

[28] Иногда их более 100 в сравнительно небольшой книге, в 4-ку; например, 178 миниатюр в сборнике из собр. Богословского, № 41, на 267 лл.

[29] Ср.: В. И. Малышев. Древнерусские рукописи..., стр. 55; воспроизведение см. в изд.: M. Cherniavsky. The Old Believers and the New Religion. Slavic Review, Washington, 1966, vol. XXV, № 1, March, fig. 13.

[29а] В 1971 г. поступил сборник (Северодвинское собр., № 152) с аналогичными миниатюрами, сделанными той же рукой. К этой же группе относим и рукопись ГПБ О.I.428.

рельское собр., № 140). В духе старинных миниатюр выполнялись в XIX в. лицевые изображения в рукописях старообрядческой традиции. Особенной популярностью у старообрядцев пользовались списки жития Василия Нового и видения ученика его Григория. Например, уже упоминавшийся сборник с изобилием миниатюр (собр. Богословского, № 41) содержит лицевые изображения, расположенные либо среди текста, либо на отдельных листах. Это рисунки пером с легкой раскраской в оранжевый, лиловато-пурпурный, желтый и зеленый тона (обычные при раскраске гравюр). Их иконография обычна для древнерусских рукописей, даже наименования их как «лице» подчеркивают, что это не просто картинки, а полные символики образы. И здесь не обходится без курьезов: когда миниатюристу нужно было изобразить двух «дельфимонов», которые вынесли Василия на берег, он, не зная, как их представить, рисует двух собак (л. 5).

Иногда обилие лицевых изображений в старообрядческих сборниках вынуждало миниатюристов вклеивать складывающиеся (и разворачивающиеся при чтении книг) рисунки. Примером могут служить лицевая рукопись (Отдельн. поступл., оп. 24, № 13; включает житие Василия Нового, Григориево видение, повести из «Великого зерцала», патериков, Старчества и т. п.), а также рисунки XX в., выполненные Н. П. Шестаковым (Красноборское собр., №№ 20 и 83) и, по-видимому, предназначавшиеся для вклейки в рукописную книгу. Сопоставление миниатюр из сборника XIX в. с рисунками Н. П. Шестакова позволяет оценить своеобразную устойчивую традицию, сложившуюся в Красноборском районе Архангельской области и существовавшую не менее столетия. В частности, здесь особенно характерны архитектурные фоны и интерьеры; в оконных проемах видны срезанные по вертикали полуфигуры; цветы и деревья имеют фантастический вид.

К старообрядческим сборникам относится рукопись (собр. Перетца, № 541) с изображением Максима Грека. Его образ здесь может быть отнесен к типу святого (преподобного), а не ученого и писателя; он напоминает его условные иконописные, а не рукописные портреты.[30]

Лицевой Октай, или сборник крюковой, 1835 г., сибирского письма с тремя миниатюрами, заставками, буквицами обнаруживает связь с традицией украшения поморских рукописей (Отдельн. поступл., оп. 25, № 50).

В традиции древнерусских житийных списков украшена миниатюрами «История о взятии Соловецкого монастыря» Семена Денисова (собр. Каликина, № 14).

---

[30] О. А. Белоброва. К вопросу об иконографии Максима Грека. ТОДРЛ, т. XV, М.—Л., 1958, стр. 301—309.

Среди старообрядческих сборников XIX в. нельзя не назвать рукопись из собр. Перетца, № 625, состоящую из рисунков (иногда с текстами), нередко восходящих к лубкам, настенным гравюрам и другим источникам.[31] В сборник вложены более поздние рисунки (лл. 26 об. и 27), восходящие к Апокалипсису; здесь представлены лжепророк с «числом звериным 666», царь Алексей Михайлович, патриарх Никон и «старец Арсеней» (видимо, Арсений Суханов).[32]

Парное изображение царя Алексея Михайловича и патриарха Никона, сходное с прорисью конца XVII в., включенной в Сийский иконописный подлинник, находим и в лицевом сборнике сочинений протопопа Аввакума (Отдельн. поступл., оп. 24, № 16, л. 13). Этот сборник первой четверти XIX в. содержит редкие иллюстрации (конца XIX—начала XX в.) к «Житию» Аввакума.[33] Оформление рукописи в целом носит подражательный и эклектический характер. Здесь встречаем мотивы плетенки, зооморфные заставки и концовки — с птицами, лошадьми, оленями на полях, растительные и геометризованные орнаменты, буквицы, т. е. самые разновременные мотивы. Выполнены все они тонко, с тщательностью, но колорит их неустойчив: в плетенке видим то красный фон и голубой контур (л. 2 об.), то синий фон и красный контур (лл. 3 об., 76 об., 117 об.), и т. д. В сборнике всего 9 миниатюр, две из них изображают царя Алексея Михайловича: на л. 13 в рост, с патриархом, как уже упоминалось выше, а на л. 3 об. он представлен один, погрудно; остальные 7 миниатюр — сцены жития Аввакума. Это акварельные рисунки, вклеенные в рукопись и, как правило, расположенные на лицевой и оборотной сторонах вклеек (лл. 3, 3 об., 13, 76, 76 об., 82, 82 об.,

---

[31] См. ниже, статью О. А. Белобровой «Настенные листы», стр. 329.

[32] Воспроизведение рисунков из рукописи ИРЛИ, оп. 13, № 625, лл. 26 об. и 27 см. в изд.: M. Cherniavsky. The Old Believers and the New Religion. Slavic Review, Washington, 1966, vol. XXV, № 1, March, fig. 6. Сатирические изображения царя и патриарха известны в рукописях поморской традиции. Ср.: В. И. Срезневский. Описание рукописей и книг, собранных для имп. Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913, стр. 9, 390—403. Наряду с этим укажем на существование вполне благочестивого образца: мирно беседующих царя Алексея Михайловича и патриарха Никона находим в прорисях Сийского иконописного подлинника, см.: Н. В. Покровский. Сийский иконописный подлинник, вып. III. ПДПИ, вып. CXXII, СПб., 1897, стр. 136, табл. XLIII).

[33] Перечень миниатюр, сведения об их авторе — ярославском иконописце А. А. Великанове и воспроизведение миниатюры «Боярыня Морозова навещает протопопа Аввакума в темнице Николо-Угрешского монастыря» приведены в изд.: В. И. Малышев. Обзор древнерусских рукописей, поступивших в Рукописный отдел ИРЛИ за 1952—1954 годы. Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского дома, вып. VI, М.—Л., 1966, стр. 102, вклейка между стр. 100 и 101. Ср. также: В. И. Малышев. История «иконного» изображения протопопа Аввакума. ТОДРЛ, т. XXII, М.—Л., 1966, стр. 397. При изучении манеры А. А. Великанова были учтены рукописи с миниатюрами его работы из собрания В. В. Лукьянова в БАН СССР.

К стр. 311

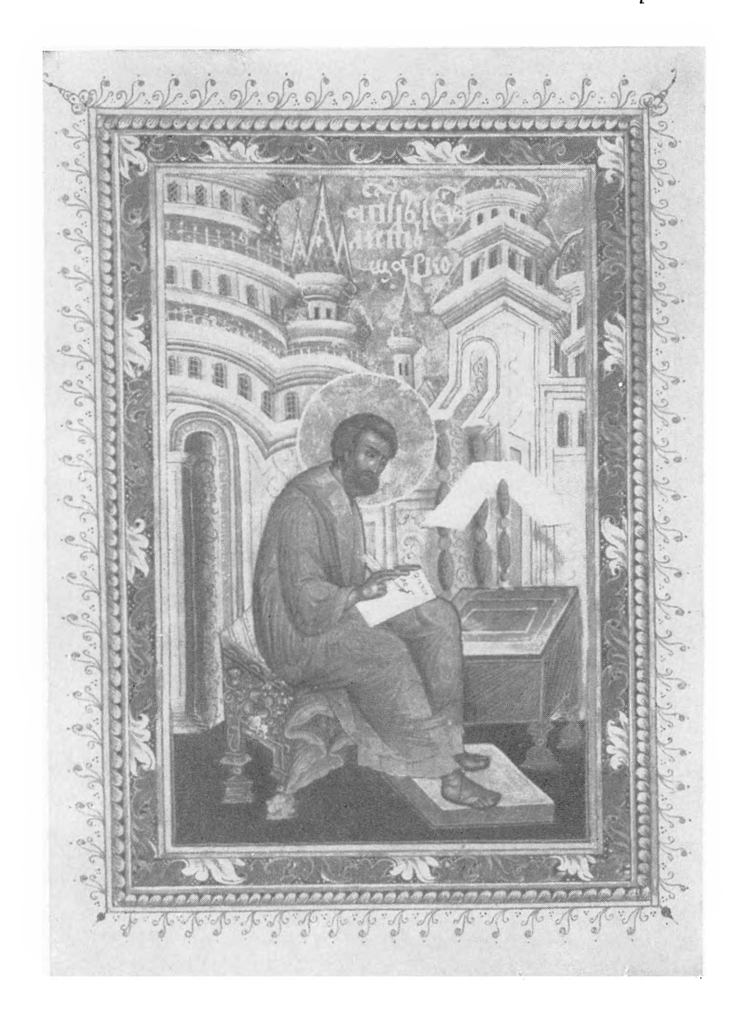

Рис. 2. Евангелист Марк. Миниатюра из Евангелия (царевны Софии Алексеевны) конца XVII в. (Карельское собр., № 241, л. 137 об.).

Рис. 3. Св. Петр и Феврония. Миниатюра из списка жития Петра и Февронии XVII в. (собр. ИМЛИ, № 9, л. 2 об.).

Рис. 4. Чудо св. Варлаама Хутынского о рыбах. Миниатюра из сборника житий XVII в. (собр. Каликина, № 35, л. 71 об.).

Рис. 5. Миниатюра к главе 35 Апокалипсиса XVII в. (Карельское собр., № 247, л. 62 об.).

Рис. 1. Картинка „Яко напрасно нам виновен бес бывает“ (Отдельные поступления, оп. 23, № 28; 47.5 × 32.2 см). XIX в.

Рис. 6. Миниатюра к главе 14 Апокалипсиса XIX в. (Керженское собр., № 74, л. 82 об.).

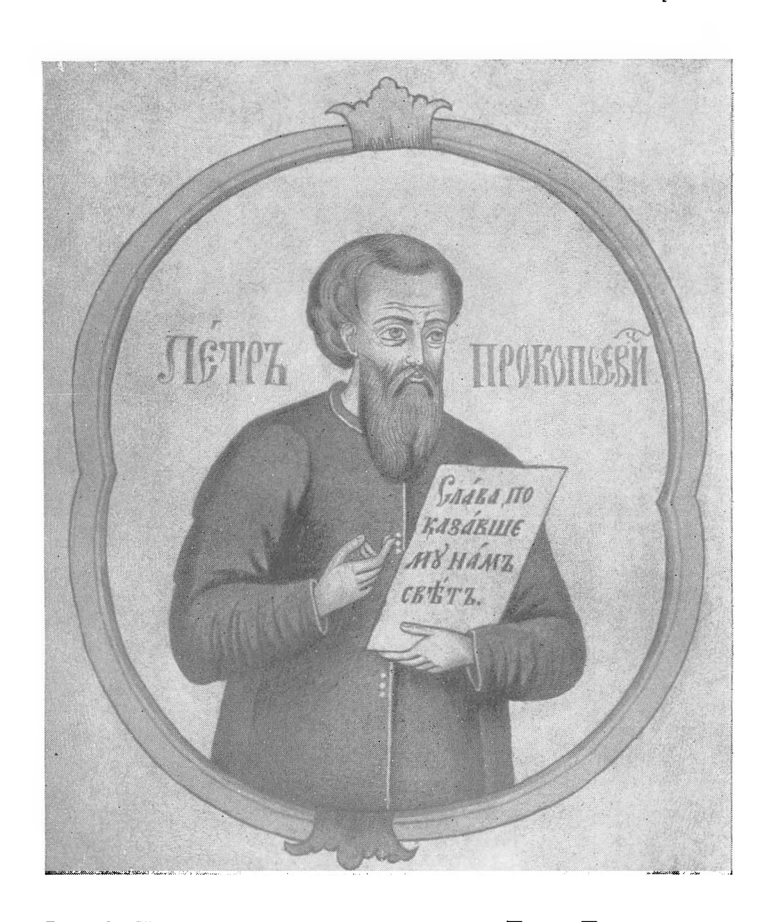

Рис. 2. Портрет выговского наставника Петра Прокопьевича (Отдельные поступления, оп. 23, № 46; 16.4 × 19.2 см). XIX в.

Рис. 3. Портреты выговских наставников Петра Прокопьевича и Семена Денисовича в старообрядческом сборнике, в 4-ку (собр. Перетца, № 625, лл. 10 об. и 11). XIX в.

153 об., 154). Миниатюрист обычно делал карандашный набросок (см. л. 82 об.), затем обводил его пером и раскрашивал, пользуясь при этом сильно разбеленными, глухими тонами. Впрочем, в миниатюре на л. 3 («Видение Аввакума») применяется только кистевая техника, без рисованного контура. Весьма возможно, что подобная разница вызвана различием привлекавшихся ярославским иконописцем А. А. Великановым прототипов. Может быть, для миниатюры «Видение Аввакума» он опирался на уникальное иконное изображение протопопа, а в остальных случаях отталкивался от прорисей к общепринятым житийным эпизодам. Выбранные для иллюстрирования сюжеты позволяли изображать мучение и стойкость Аввакума (например, наказание батогами, сожжение). Общее впечатление от миниатюр можно сравнить с впечатлением от палехской живописи, в которой подчеркнута иконописность всех изобразительных приемов.

Среди рукописей, украшенных в более светской манере, отметим месяцесловы (собр. Перетца, № 635; Усть-Цилемское новое собр., № 35; собр. Груздева, № 5). Наиболее интересны поморские, выговские, богато орнаментированные списки: один 1841 г., на сложенном в 9 раз листе (собр. Груздева, № 5), другой, 1829 г., в 8-ку, с миниатюрами.[34] Среди них символы времен года, вписанные в затейливые картуши из гирлянд цветов и плодов и выполненные с применением графичного перового контура (ленты, вазоны) и кистевой росписи с размывкой (незабудки, розы), на золотом фоне. На л. 85 об. в рамке-заставке погрудное изображение Епифания Кипрского, по предположению Ю. К. Бегунова — патрона художника, скрывшего свое имя за инициалами «Е‹пифан?›. Н.».[35]

К светской, вполне свободной от подражания древнерусскому образцу манере исполнения следует отнести и рисунки XIX в., связываемые с К. И. Уткиным (собр. Богословского, № 60), среди которых находится выразительная сатира на злоупотребление чаепитием (л. 18 об.); в других случаях изображены дровосек, пахарь, нищие, встречаются библейские сцены. Эти рисунки — то карандашные, то перовые — не всегда умелые, но довольно живые и разнообразные. Они помогают определить обширный круг чтения рисовальщика.

Так же вполне реалистичен рисунок портового города, судя по силуэтам — Константинополя, наклеенный на обложку сборника житий, переписанного в 1844 г. Калистратом Мефодиевым (собр. Перетца, № 611). Может быть, изображение Царьграда

---

[34] Воспроизведение рамки-заставки на л. 4 и миниатюры «Лето» на л. 93 см. в изд.: Ю. К. Бегунов. Миниатюры поморского месяцеслова. Искусство, 1965, № 7, стр. 64.

[35] J. Begunov. Rukopisi iz Ust'Cil'my (отчет об археографической киноэкспедиции). Die Welt der Slaven, Jahrgang XIII, H. 4, 1968, SS. 408—409, 415.

не совсем безразлично к составу сборника, в котором немало переводных греческих житий, в том числе Нифонта Кипрского, Иоанна Милостивого и многих других.

Лицевые рукописи начала XX в. немногочисленны. Среди них Акафист московскому князю Даниилу с его изображением, отдаленно напоминающим парадный царский портрет XVIII в. (Отдельн. поступл., оп. 23, № 3, л. 2 об.), Октай с рисунком ангела с бледно-зелеными волосами (Отдельн. поступл., оп. 25, № 31, л. 18), сборник с рисунками Ф. И. Вокуева, в числе которых изображение архангела с трубой (Усть-Цилемское собр., № 227, л. 16 об.). Лишь вспомогательное значение, в качестве наглядных образцов, имеют рисунки пером с раскраской в сборнике «История Ветковской церкви» (Мезенское собр., № 67), воспроизводящие изображения клобука, алтарной завесы, предметов священнического облачения и т. п. Следует также назвать лицевой, хотя и неполный, список жития Василия Нового в составе сборника житий (Верхнепечорское собр., № 119). Здесь находим 13 рисунков пером с раскраской в гамме холодных анилиновых цветов. Изображения традиционны, их уровень не выше ремесленного.

В конце краткого обзора нельзя не выразить пожелания, чтобы для всестороннего изучения собрания лицевых рукописей ИРЛИ был составлен их полный каталог, с привлечением аналогий и источников из других архивохранилищ. Только тогда удастся сделать более ясные выводы о значении нашего собрания для истории культуры оформления рукописных книг.

О. А. Белоброва

НАСТЕННЫЕ ЛИСТЫ
(краткий обзор)

В собрании древнерусских рукописей Пушкинского дома особое место занимают единичные листы с различными изображениями. Общее число их — около 50. Среди них находятся так называемые прориси — образцы для иконописцев и миниатюристов; рукописные копии с печатных лубочных картинок; печатные листы; старообрядческие перовые рисунки (крестов, напросвирных печатей и т. п.); орнаментированные стихиры (например, на Рождество, на Воздвиженье креста) и др. Кроме того, имеется более 60 листов отрывков из лицевых рукописей, в том числе миниатюры, еще не вшитые или не вклеенные в книги. Для выявления и изучения всех этих материалов большое значение имеет список лицевых рукописей, опубликованный В. И. Малышевым еще в 1965 г.[1]

[1] В. И. Малышев. Древнерусские рукописи Пушкинского дома. (Обзор фондов). М.—Л., 1965, стр. 171—176 («Лицевые рукописи»).

Обратимся к прорисям. Они (например, ИРЛИ, р. IV, Красноборское собр., № 93 и Отдельн. поступл., оп. 23, № 129) выполнены на бумаге XIX в. Некоторые прориси претерпели позднейшие изменения: на них видны обводка чернилами поверх контура, кое-где раскраска. Листы, происходящие из Красноборского собрания, выполнены на бумаге первой четверти XIX в. (филиграни близки к №№ 123—124, 126—128 Клепикова). Все они связаны с эсхатологической тематикой: изображены то грешники в вертепе, то адская пучина, поглощающая мужей и жен, то бесы со свитками, то ангелы на облачках, и т. п. Весьма вероятно, что эти прориси служили пособием не одному поколению миниатюристов для украшения рукописей сложными многофигурными изображениями, располагавшимися на длинных вклейках, свернутых в размер книги. Примерами сборников с миниатюрами такого типа и именно данного масштаба могут служить рукописи под шифрами оп. 24, №№ 13 и 20, XIX в., и многие другие. Примечательно также погрудное изображение святого без нимба на бумаге XIX в. (Отдельн. поступл., оп. 23, № 129; 22 × 36.5 см). Оно могло предназначаться либо для иконы — типа аналойной, либо для настенного листа, но уже не для рукописи.[2] Самостоятельное значение имели также когда-то прориси, позднее вклеенные в Иконописный подлинник первой половины XIX в. (собр. Перетца, № 524) вместе с книжными литографиями и рисунками. Чтобы вместить их в рукопись в 4-ку, многие листы надрезали или срезали по углам. Часть листов выполнена здесь в технике наколки, большинство прорисей контурные, иногда черно-красные, иногда однотонные. Наклеенные здесь листы выполнены на бумаге разных цветов (от голубоватой до коричневато-желтой) и относятся к разным десятилетиям XIX в. Здесь встречаются многофигурные композиции двунадесятых праздников и миниатюрные фигуры святых из деисуса, парные изображения святых «целителей» Козьмы и Дамиана и многие другие. В ряде случаев очевидна система получения зеркальных оттисков для парных икон (лл. 14, 15 и др.). Все эти прориси после их вклейки в рукопись стали миниатюрами-иллюстрациями данного сборника.

Рукописные копии лубочных картинок могут быть представлены, например, перовым раскрашенным рисунком «Семь смертных грехов» (Отдельн. поступл., оп. 23, № 28; 38 × 29.4 см) с кратким текстом. Этот лист восходит в конечном счете к гравированному изображению Симона Ушакова, 1665 г., однако он несет черты позднейших трансформаций — XVIII—XIX вв., отмеченные еще Д. А. Ровинским.[3] Орнамент круглых медальонов,

---

[2] По невыясненным причинам это изображение считается портретом старообрядческого наставника Семена Денисовича.

[3] Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, кн. III. СПб., 1881, стр. 157—160; кн. IV, стр. 567—568.

заключающих тексты о грехах, и почерк писца типично поморские. Как удалось определить, наш лист происходит из собрания А. Е. Бурцева и был опубликован еще в начале XX в.[4]

Большой настенный лист с 12 сценами из истории грешника (Отдельн. поступл., оп. 23, № 28; 53 × 71 см) — перовой рисунок с раскраской в теплой цветовой гамме — также восходит к гравированным народным картинкам XVIII—XIX вв. под условным названием «Повесть о некотором немилостивом человеке, любителе века сего».[5] В нашем листе сохраняются общая для всех этих гравюр композиция, последовательность сцен и текстов. Имеются при этом и некоторые отклонения от гравюр, например в первой сцене с изгнанием бедных просителей; особой выразительностью в нашем рисунке наделены дьявол и его «мурины».

Очевидно, к концу XIX или к началу XX в. относится настенный лист «Врачевание духовное», или «Врачебница», с текстом внизу (собр. Каликина, № 64; 33.7 × 43.8 см). Этот рисунок пером с раскраской в холодноватой цветовой гамме (ярко-желтый, зеленый, малиновый тона) не особенно искусен. Протооригиналом этого листа были также русские народные гравюры XVIII—XIX вв., известные под названием «Аптеки духовной»;[6] сравнение нашей картинки с этими оттисками позволяет оценить наивное простодушие неискушенного художника, старательно передавшего самое для него главное — назидательность нравоучения.

Также к концу XIX в. следует отнести изображение «Всешутейшего собора Петра I» — акварель с размывкой, с применением слегка разбеленных красок, с текстом об упразднении патриаршества и о шутовской свадьбе Никиты Зотова с ржевской старицей. Эта многофигурная композиция (вверху 26 фигур, внизу 21) не имеет сколько-нибудь известных аналогий. Приведенный текст иллюстрируется здесь достаточно полно; в частности, художник принял во внимание, что «все царедворцы были одеты в платье шутов и скоморохов и иностранцев, а народу было вывезено много сороковок (бочек) вина...». Некоторые просчеты художника можно увидеть в неумелом размещении фигур в рамке листа. На оборотной стороне находится «План отхожей пожни на р. Сухоне (Кадниковский уезд Воло-

---

[4] А. Е. Бурцев. Библиографическое обозрение древнеславянской и русской письменности от XIV до начала XX в., т. V. М., 1904, вклейка между стр. 31 и 32.

[5] Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, кн. III, стр. 77—80, № 726; кн. IV, стр. 544. Нами привлекалась в качестве протооригинала гравюра XIX в. из собрания ГПБ, Э $\frac{\text{Даль}}{\text{2-42}}$.

[6] Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, кн. III, стр. 53, № 708.

годской губ.)» начала XIX в. с масштабным чертежом и с гербовой печатью вверху. Нельзя не припомнить здесь, что некоторые народные картинки — также перовые рисунки с раскраской конца XIX в. — выполнялись на оборотной стороне подобных планов того же Кадниковского уезда Вологодской губернии, относящихся опять-таки к началу XIX в. Это было отмечено еще В. И. Срезневским[7] по поводу копий лубков (ныне хранятся в собрании рукописей БАН СССР).[8]

Наряду с рисунками, сделанными с печатных листов, в собрании ИРЛИ хранится несколько подлинных лубков. Среди них наиболее интересны «Сирин» и «Алконост». Это парные раскрашенные гравированные изображения (Карельское собр., № 474; 31.2×40.2 и 31.4×40.2 см), наклеенные на картон и сильно пострадавшие от времени.

В собрании преобладают, однако, гравированные изображения духовно-нравственного содержания конца XVIII—начала XIX в. Назовем, например, раскрашенную гравюру «Введение пр. богородицы» (Северодвинское собр., № 89; 36 × 43.5 см),[9] два листа «Молитвы святителю Николаю чудотворцу» (Северодвинское собр., № 89; 33.2×42 см и 33.2×41 см),[10] «Распятие» (Северодвинское собр., № 89, лист сохранился не полностью). Эти гравюры, не поднимаясь выше ремесленного уровня, связаны еще с народной традицией. Более поздние печатные листы, середины и конца XIX в., уже лишены непосредственности народных картинок. Таковы «Троица новозаветная» (Северодвинское собр., № 89; 34.3×40.3 см), отпечатанная в 1850 г. «в Металогр. А. Логинова», «Суета сует всяческая суета» (Карельское собр., № 474; 36.1 × 44.3 см) с датой 1884 г. и указанием на литографию Морозова в Москве и цветная литография «Изображение жития преподобныя Мария Египетския» (Карельское собр., № 474; 29.6×37.2 см). Гравированный настенный лист с изображением Голгофы, напросвирной печати, жезла митрополита Петра, алтарного престола, дискоса сопровождается текстом с обоснованием двуперстия (Отдельн. поступл., оп. 23, № 108; 31.6×52 см). Подобные изображения встречаются и в весьма посредственных рисунках. Таков, например, настенный перовой рисунок с раскраской (Отдельн. поступл., оп. 23, № 28; 31.3×42.5 см); таковы и портативные рисунки (Верхнепечорское собр., № 78, 68.7× × 30.8 см и № 99, 11.2 × 8.6 см).

---

[7] В. И. Срезневский. Описание рукописей и книг, собранных для имп. Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913, стр. 407, 408—409.

[8] «Видение св. Антония» (БАН, 28.7.1; 37.3×52.5 см) и «О девице Марии и ее посмертном явлении отцу» (БАН, 28.7.2; 54×38 см).

[9] Ср.: Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, кн. III, стр. 457, № 1163.

[10] Ср.: там же стр. 651, №№ 1569—1572.

Примечательны картинки на темы, затрагиваемые в старообрядческих сборниках. Например, два листа с известным текстом «Сказания о лестовке» и наглядным изображением ее (Северодвинское собр., № 88, 22.2 × 35 см; Усть-Цилемское новое собр., № 21, 19.2 × 27 см). Последний из них — рисунок пером с очень деликатно выполненной раскраской нежно-розовым и зеленым тонами. Особенно выразителен настенный лист с двумя изображениями и текстом целой главы (138-й) сборника «Зерцало мирозрительное» (Отдельн. поступл., оп. 23, № 28; 47.5 × 32.2 см) — «Яко напрасно нам виновен бес бывает» (рис. 1). Эта картинка изображает кражу репы крестьянином, его попытку свалить воровство на беса, негодование последнего (ведь он кричал вору: «не рви репы, скажу старцу»), смущение крестьянина, изобличенного во лжи перед старцем. С большой любовью и знанием предмета художник изображает гряды репы, наполненное репой плетеное лукошко. Текст главы приведен в нижней части листа полностью.[11] Этот рисунок по-своему идилличен, — перед нами настоящая народная картинка.

Выделяется редкостью иконографического типа изображение «Богородицы — Умягчения злых сердец». Этот акварельный рисунок с жестким перовым контуром подписан и точно датирован автором — Агапитом Матвеевичем Беловым (1911 г.). А. М. Белов в подписи называет свой рисунок не образом, не иконой, а именно «картинкой». Недаром он придал рисунку такую вольную, яркую цветовую гамму: розовая, зеленая, светло-коричневая — все «анилиновые» краски холодных оттенков.

Привлекают внимание и другие рисунки с приписками авторов. Например, весьма посредственный лист с рамкой-заставкой (Сирин и Алконост) «Стихира Рождеству Христову», XX в. (Причудское собр., № 110; 22.7 × 35 см) имеет на обороте две надписи: «ни мудра моя работа, но вгодить тебе ахота» и «ни мудра моя работа, угодить мани ахота».

Наибольший интерес в коллекции настенных листов ИРЛИ представляют портреты старообрядческих наставников. Прежде всего выделяется целый «иконостас» представленных погрудно одиннадцати выговских деятелей. Все портреты выполнены на бумаге в одно время, по единому замыслу, с соблюдением центрической композиции и были рассчитаны на развеску в один ряд (Отдельн. поступл., оп. 23, № 46; размер каждого листа 24.3 ×32.8 см). Здесь в центре четыре монаха (крайние в трехчетвертном повороте к середине); слева три, а справа четыре полуфигуры в кафтанах, с развернутыми свитками. Все представлены без нимбов. У всех четырех иноков одинаковые жесты рук; у остальных семи расположение рук меняется через одного,

---

[11] Текст сверялся по сборнику ИРЛИ, собр. Каликина, № 17, л. 220—220 об. Сюжет этот известен и по сборнику «Великое зерцало».

но всегда в одной руке развернутый свиток, а другая рука у груди. Рисунок и колорит портретов очень своеобразны. На первый взгляд все портреты подчеркнуто плоскостны и условны. Например, у всех фигур обозначен объем только правого плеча (в то время как у некоторых плечо поднято не правое, а левое). Коричневым контуром намечены черты лица, пряди волос, причем расположение морщин и мускулов на лице напоминает текстуру дерева. Часть наставников (кроме монахов в центре) в коричневато-желтоватых, а часть в серовато-черноватых одеждах. У всех миндалевидные, широко раскрытые глаза с черными зрачками. Однако вглядываясь в эти изображения, понимаешь, что художник не только унифицировал портретируемых, но и сохранил известную индивидуализацию. Например, разной высоты лоб, разная форма черепа, по-разному переданы волосы — то русые с крутыми завитками, как у Мануила Петрова, то вьющиеся пряди бороды, как у Семена Денисова, и т. п. Немалую роль играют свитки и тексты на них. Каждый лист имеет подпись — имя и отчество изображенного лица, помещенные слева и справа от головы. Все листы перенумерованы вверху карандашом. Кроме того, на трех листах дополнительно приписано другими чернилами под именами: «поморския || старцы и создатели || Выговской пустыни».

Представляется, что эти листы были выполнены не позднее первой четверти XIX в. (а может быть, еще в конце XVIII в.) и что они украшали собой просторное помещение деревянного здания — возможно, покои наставника Выговской обители. Думается, что это было убранство не из дешевых. Куда проще было бы изобразить всех на иконных досках (или даже на общей доске).

Как нам удалось установить, все эти 11 портретов в начале XX в. принадлежали А. Е. Бурцеву; все они были тогда репродуцированы в цитированном выше его труде (без какого-либо описания, но с указанием их редкости в подписях под репродукциями).[12] Редкость подобных изображений отмечал еще Д. А. Ровинский, писавший, что такие портреты «при сильном гонении на раскольников... могли проникать только в богатые раскольничьи дома и ставились там в молельнях наравне с иконами».[13]

В другом своем труде Д. А. Ровинский опубликовал из личной коллекции гравюру со стихотворной надписью под портретом

---

[12] А. Е. Бурцев. Библиографическое обозрение древнеславянской и русской письменности от XIV до начала XX в., т. III. СПб., 1904, вклейка между стр. 82 и 83, стр. 156, 130, 124, 173. Из современных публикаций этой серии назовем репродукцию портрета Ивана Филипповича в работе В. И. Малышева: V. Malyshev. The Confession of Ivan Filippov, 1744. Oxford Slavonic Papers, vol. XI, 1964, вклейка между стр. 22 и 23.

[13] Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, кн. V. СПб., 1881, стр. 80—81, прим. 67.

Даниила Викулина[14] и попутно указал, что это «плохой, но довольно редкий лист». В собрании ИРЛИ следует отметить рисунок пером и кистью именно с этой редкой гравюры с теми же стихами: «Се Даниил он сын Викулов честен был / Что святость веры дел собой он сохранил» (Отдельн. поступл., оп. 23, № 128; 26.7 × 37.4 см). Следует учесть, что Д. А. Ровинскому были неизвестны 11 бурцевских портретов выговских наставников, отдельные их изображения, хранящиеся ныне в собраниях Музея истории религии и атеизма и Рукописного отдела БАН. Именно поэтому он не назвал прототип для опубликованной им гравюры. Нам же представляется, что бурцевские портреты, относящиеся к концу XVIII—началу XIX в., и явились образцами для дальнейшей переработки, правда, не всегда одинаково совершенной в художественном отношении. В частности, изданная Д. Е. Кожанчиковым в 1862 г. «История Выговской старообрядческой пустыни» сопровождалась 11 литографиями с изображением тех же лиц в той же самой иконографии. По-видимому, портреты типа бурцевских копировались, перерисовывались. Особенно близки к ним два листа с парными портретами Епифания и Корнилия, Кирилла и Виталия первой половины XIX в. (собр. Каликина, № 92; 35.4 × 22.1 см и 35 × 22.2 см). Отличие составляет лишь рамка вокруг каждого портрета. Иконографическое родство с бурцевской серией обнаруживается и в миниатюрах старообрядческих рукописных сборников из собрания ГПБ.[15] Зато совсем далек от своего раннего прототипа рисунок в красках с изображением Петра Прокопьева начала XX в. (Отдельн. поступл., оп. 23, № 92; 17.5 × 26.7 см).

В собрании ИРЛИ, кроме того, имеется еще ряд изображений старообрядческих выговских наставников, исполненных в другой художественной манере. Это портретные миниатюры в фигурных рамках из двух полуовалов, изображающие поколенно Петра Прокопьева (Отдельн. поступл., оп. 23, № 46; 16.4 × 19.2 см; см. рис. 2) и Семена Денисовича (Отдельн. поступл., оп. 23, № 46; 13.6 × 18.9 см) в трехчетвертном повороте один к другому, со свитками, и парное изображение в такой же рамке двух иноков — Корнилия и Виталия, в рост, на фоне деревянных строений и угодий Выговской обители (Отдельн. поступл., оп. 23, № 46; 16.2×19.8 см). Эти портреты менее аске-

---

[14] Д. А. Ровинский. Подробный словарь русских гравированных портретов, т. I. СПб., 1886, стлб. 497—498.

[15] ГПБ, Q.I.1228, лл. 1 об., 180 об., 360 об. (это миниатюры с неискусными изображениями Петра Прокопьева, Даниила Викулова и Андрея Денисова; ср.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1898 г. СПб., 1902, стр. 173); ГПБ, Q.I.317, л. 449 об. (миниатюра со сходным изображением Андрея Денисова; ср.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1889 г., СПб., 1893, стр. 159). См. также: В. Г. Дружинин. Писания русских старообрядцев. Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописных собраний. СПб., 1912, стр. 77, 128—129, 240.

тичны, их цветовая гамма ярче и разнообразнее, рисунок более объемный. Однако представленные на них лица кажутся менее значительными и примечательными, чем в серии 11 портретов. Данные миниатюры, по всей вероятности, тоже составляли целый ряд — серию или комплекс. Судить об этом позволяет рукописный сборник ИРЛИ, собр. В. Н. Перетца, № 625, где находятся четыре миниатюры, явно воспроизводящие портреты выговских наставников именно этого характера. Среди них не только воспроизведения уже известных нам портретов Петра Прокопьева и Семена Денисова со свитками (лл. 10 об. и 11; см. рис. 3), но и портреты Даниила Викулина и Андрея Денисова в подобных же заоваленных профилированных рамках, также с текстами на свитках. Легко убедиться в том, что эти портреты попали в рукописный сборник № 625 именно путем копирования настенных листов, а не наоборот. Дело в том, что в данном сборнике находится еще ряд рисунков в красках, восходящих к самостоятельно существовавшим картинкам. Среди них «Сказание о лестовке» (л. 3 об.), близкое к упоминавшемуся выше экземпляру ИРЛИ (Усть-Цилемское новое собр., № 21); изображение праведной души (л. 12 об.);[16] три рисунка на тему притчи из Синодика о двух юношах (лл. 17, 17 об. и 18), восходящие непосредственно к раскрашенной гравюре 1830—1840-х годов, известной еще Д. А. Ровинскому.[17] Наконец, миниатюры сборника на тему об истинных крестах, митре, двуперстии также, возможно, восходят к печатным настенным листам. Впрочем, эти изображения могли проникнуть и из рукописных сборников. Особенно убедительна связь народных картинок с миниатюрами этого сборника на примере миниатюры на л. 2 об., где изображены семь смертных грехов.

Сборник был создан не позднее третьей четверти XIX в. Он позволяет судить о знакомстве миниатюриста и составителя сборника с народными картинками. Таким образом, изучение единичных и особенно настенных листов может оказать неоценимые услуги при изучении ряда лицевых рукописных книг. Тем самым точнее определяется место картинок и рисунков в рукописных собраниях. Среди картинок с пространными текстами собрания ИРЛИ можно назвать настенное нравоучение Тихона Воронежского и Елецкого (Отдельн. поступл., оп. 23, № 30; 33.2×50 см)

---

[16] Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, т. III, стр. 137—138, № 760. Ср. гравюру 1820—1830-х годов из собр. ГПБ, Э $\frac{\text{Даль}}{2\text{-}120}$.

[17] Д. А. Ровинский (Русские народные картинки, т. III, стр. 53—54, № 709) сообщает о двух разновременных гравюрах на эту тему — первой половины XVIII в. и 1830—1840-х годов. Оттиск последней, привлекавшийся нами из собрания ГПБ, Э $\frac{\text{Даль}}{2\text{-}36}$, и явился прототипом трех миниатюр сборника № 625. Три миниатюры Синодика 1788 г. (ИРЛИ, собр. Перетца, № 401, лл. 47—49) близки к более ранней гравюре, XVIII в.

с его погрудным изображением, неумелым по рисунку и неискусно раскрашенным.

В настоящем обзоре не рассматриваются листы миниатюр для рукописей, еще не вплетенные в них, или из старых рукописей, почему-либо отделенные от текстов сборников. Отчасти они уже упоминались в обзоре лицевых рукописей.

В итоге следует указать, что коллекция картинок ИРЛИ заслуживает специального изучения и сравнения с аналогичными коллекциями крупных архивохранилищ и музеев.

Л. А. Дмитриев

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ КНИЖНО-РУКОПИСНЫХ ТРАДИЦИЙ ЗАОНЕЖЬЯ

Особенностью собрания древнерусских рукописей Пушкинского дома является не только его молодость, но и то, что оно составлено преимущественно из рукописей, собранных и собираемых археографическими экспедициями. Систематическое собирание рукописей в определенных районах Советского Союза дает возможность изучать рукописную традицию локально-определенной местности. Именно такой характер рукописных фондов древнерусского собрания Пушкинского дома позволил В. И. Малышеву, в течение многих лет собиравшему рукописи в Усть-цилемском районе Коми АССР и составившему цельное обширное собрание усть-цилемских рукописей, восстановить историю рукописно-книжной традиции Низовой Печоры, выявить местных писателей и их произведения, воссоздать картину культурного влияния русской рукописной и старопечатной книги на коренное население. Поэтому-то книга В. И. Малышева «Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв.»[1] оказалась не просто археографическим описанием собранных материалов, но и очерком истории книжной культуры Низовой Печоры.

Среди фондов, образующих собрание древнерусских рукописей Пушкинского дома, значительное место занимает Карельское собрание,[2] насчитывающее в настоящее время 522 единицы хранения. Карельское собрание составлено из рукописей, поступивших в Пушкинский дом из Института истории, языка и литературы Карело-финской базы Академии наук СССР, а также приобретенных в различных районах Карельской АССР и Мурманской области археографическими экспедициями Пушкинского дома. Собрание рукописей Карело-финской базы, являющееся ядром Карельского собрания Пушкинского дома, составлено также

[1] В. И. Малышев. Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960.

[2] Обзор собрания см.: В. И. Малышев. Древнерусские рукописи Пушкинского дома. (Обзор фондов). М.—Л., 1965, стр. 38—52.

из приобретений археографических экспедиций, организовывавшихся в свое время Карело-финской базой. Необходимо отметить, что подавляющее большинство рукописей Карело-финской базы — результаты археографических поездок В. И. Малышева. В Карельское собрание входят рукописи, найденные в селах и деревнях по побережью Белого моря, в Пудожском районе Карельской АССР, в Мурманской области и в Заонежье.

Заонежье, своеобразный заповедник самобытной культуры Русского Севера, привлекало к себе внимание и искусствоведов, и этнографов, и фольклористов. Большой интерес представляет этот уголок Русского Севера и как один из старейших центров книжной культуры. Восстановить историю рукописно-книжной культуры Заонежья, составить представление о ее характере дают возможность собранные здесь рукописные и старопечатные книги, материалы археографических поездок в этот район. И большое значение для решения этой проблемы имеет рукописное собрание Пушкинского дома.

И географически и исторически Заонежье было тесно связано со старообрядческим Выго-Лексинским общежительством. Хорошо известно, какую большую роль сыграл этот старообрядческий монастырь в истории Русского Севера в XVII—XIX вв., и в частности в истории книжности в этот период. И Данилов монастырь на Выге, и его женский филиал на Лексе за свою многолетнюю историю создали в своих стенах богатейшие библиотеки древних рукописей и старопечатных книг. Многочисленные комиссионеры этих монастырей всяческими способами собирали старинные книги для монастырских библиотек во всех уголках России. В стенах самих монастырей, и особенно на Лексе, велась большая работа по переписыванию книг. Так, в первой четверти XIX в. в одной только лексинской мастерской на переписке книг было занято несколько сот человек.[3] В Выго-Лексинском общежительстве были организованы специальные школы, готовившие писцов книг. Рукописи, созданные на Русском Севере в XVIII—XX вв., писались в традициях, выработанных в писцовых кельях Выга и Лексы. Как отмечает В. И. Малышев, все рукописи выговской традиции «отличаются высокохудожественной работой и резко выделяются из массы рукописного материала XVIII—XIX вв. чертами особого, присущего им стиля в миниатюрах, заставках, инициалах и особым „поморским“ почерком».[4] В украшениях рукописей, в их миниатюрах, инициалах, заставках, отразились художественные вкусы жителей северных сел, создававших эти рукописи. Изучение этих особенностей рукописей Русского Севера

[3] И. Шавелкин. Поморские старообрядческие скиты. (Из путевых записок). Русские ведомости, 1866, № 53, стр. 5—7.

[4] В. И. Малышев. Как писались рукописи в Поморье в конце XIX— начале XX в. Известия Карело-Финской научно-исследовательской базы Академии наук СССР, 1949, № 1, стр. 74.

бесспорно может дать очень ценный материал исследователю местной народной культуры.

В 50-х годах XIX столетия Выго-Лексинское общежительство было закрыто. Но выходцы с Выга и Лексы продолжали свою деятельность по переписыванию книг в скитах и старообрядческих селах. Книжные богатства Выго-Лексинской библиотеки частично были конфискованы официальными властями, частично распроданы самими же «старцами» и «монастырками» любителям старины из Москвы и Петербурга, но немалая часть этого собрания разошлась по окрестным селам и скитам. Часть этих книжных богатств попала и в Заонежье. Было бы, однако, неверным считать, что только эти рукописи и составили книжно-рукописный фонд Заонежья.

Многочисленные археографические экспедиции последнего времени в самые различные места Советского Союза подтвердили высказываемое и ранее предположение, что основную роль в сохранении и бытовании рукописной книги в той или иной местности играли старообрядцы. А в Заонежье в этом отношении почва была вполне благоприятной, так как заонежане в подавляющем большинстве придерживались старой веры. Достаточно напомнить, что основателем Выговского старообрядческого общежительства был житель заонежского села Шуньги дьяк Данила Викулов. И, конечно, еще задолго до разорения Выго-Лексинского общежительства в самом Заонежье имелись и любители книг, собиравшие большие библиотеки из рукописей и книг дониконовской печати, и местные переписчики: многие из обучавшихся на Выге и Лексе писцовому делу возвращались по окончании обучения в свои села и деревни и здесь продолжали заниматься переписыванием книг. Хотя по официальным данным уже во второй половине XIX столетия большинство жителей Заонежья не считалось старообрядцами, тем не менее в душе, тайно все они, или по крайней мере большинство, оставались ревнителями старой веры и по-прежнему продолжали бережно относиться к «досельным» книгам, собирать и переписывать их.

Первым систематическим обследованием Заонежья с целью собирания там рукописных и старопечатных книг была археографическая поездка в эту местность в 1903 г. заведующего Рукописным отделом библиотеки Академии наук В. И. Срезневского. В 1905 г. он еще раз посетил Заонежье, но попутно и очень ненадолго. В 1903 г. В. И. Срезневский проехал от Шуньги до Сенной губы через Пабережье, Кажму, Медведово, Региматку, Калозеро, Космозеро и Великую губу, с заездами в близлежащие к этим основным пунктам места. Для В. И. Срезневского эта поездка явилась открытием своеобразного заповедника русской рукописной старины. В своем отчете он писал: «Есть деревни, где в редкой избе вы не найдете книгу — или рукописную или почаевской и гродненской печати, икону старинного письма, картину,

ручное кадило — „дымило"; в редкой семье нет связи со старой верой, с какой-нибудь „монастыркой", ушедшей или выгнанной с Лексы во время ее разорения, оставившей своим родственникам сбереженные с страшной опасностью предметы запретного церковного обихода».[5] В Шуньге местный священник сказал В. И. Срезневскому, что в его приходе нет ни одного старообрядца и что надежда ученого «найти старинные книги у его прихожан неосуществима». «А на следующий день, — продолжает рассказывать В. И. Срезневский, — мне стали приносить книги, через день на рукописи я истратил более 60 рублей, а через три послал в Академию по почте несколько пудов своего сбора».[6] Уже в то время В. И. Срезневский отмечал, что старинные рукописи гибнут из-за небрежного к ним отношения. Вместе с этим в его отчете приводятся факты, свидетельствующие о бережном отношении к книге, о большом интересе отдельных жителей к рукописной старине. Он писал: «Есть и доныне в тех краях собиратели книг — библиофилы; с одним из таких я встретился в одной из деревень Кижского прихода на берегу Онега; у него я видел целую библиотеку старопечатных книг, очень ценных, пополняющуюся до последнего времени. Недалеко от этой деревни есть еще библиотека, тоже принадлежащая крестьянину».[7] В. И. Срезневский застал еще и местных переписчиков рукописных книг: «мне посчастливилось, — пишет он, — у скрытников читать их книги и самодельные рукописи и рассматривать миниатюры их письма еще в работе».[8]

К сожалению, открытие В. И. Срезневского не привлекло к себе должного внимания. Бесспорно, если бы начатое им собирание рукописей в Заонежье было бы тогда же продолжено в достаточной степени интенсивно, мы располагали бы теперь гораздо более обширным фондом заонежских рукописей.

Та картина высокоразвитой книжной культуры в Заонежье, которую нарисовал в своем отчете В. И. Срезневский, нашла подтверждение и через 50 лет, во время археографических поездок сюда в 1948 и 1949 гг. Количество найденных рукописей было значительно меньшим, чем у В. И. Срезневского, но рассказы заонежан свидетельствовали о том, что и после поездок Срезневского в Заонежье оставалось еще много как рукописных, так и старопечатных книг, которые к 1948—1949 гг. в основной своей массе погибли. В 1948 г. были обследованы деревни Великогубского, Космозерского, Фоймогубского, Толвуйского и Кузарандского сельсоветов, а в 1949 г. — деревни Типиницкого, Пайницкого и Деригузовского сельсоветов. Всего было приобре-

---

[5] В. И. Срезневский. Поездка в Петрозаводск и Заонежье. Известия ОРЯС Академии наук, т. IX, кн. 3, СПб., 1904, стр. 20.

[6] Там же, стр. 20—21.

[7] Там же, стр. 22.

[8] Там же, стр. 21.

тено 29 рукописных и 4 старопечатных книги. Чем же объясняется скромность этих цифр? Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Заонежье было оккупировано, бóльшая часть населения эвакуирована, а остававшиеся неоднократно переселялись с места на место. В результате этого много имущества было растеряно и брошено, и прежде всего, разумеется, страдали книги. Очень часто те заонежане, у которых по самым достоверным сведениям должны были быть старинные книги, полностью подтверждали это, но затем сообщали о том, что все погибло в годы войны, в том числе, конечно, и книги. На вопросы о «досельных» книгах не раз приходилось слышать в ответ, что книги, и именно «досельные», были, было их много, но старики, когда-то собиравшие и читавшие их, поумирали, и никого уже больше не интересовавшие, непонятные книги уничтожались или, в лучшем случае, отдавались тем, кто ими интересовался. К сожалению, чаще происходило именно первое. Весьма характерна в этом отношении судьба библиотеки при единоверческой церкви села Пайницы.[9]

Еще В. И. Срезневский отмечал, что при пайницкой церкви имелось большое собрание книг. В 1930-х годах эта церковь была закрыта, и все принадлежавшие церкви книги остались у священника, жившего тут же, в Пайницах. Мне удалось в 1949 г. побывать в доме этого священника и услышать от его дочери рассказ о судьбе пайницкой библиотеки. По ее словам, книгами у них был забит весь чердак, «вышка», как говорят в Заонежье. После смерти отца, который берег книги и говорил, что среди них имеются уникальные, его дочь, как рассказывала она сама, в течение нескольких лет жгла эти книги. Не верить этому было нельзя, так как жители Пайниц подтверждали, что хозяйка книг мешками сдавала их в утиль. Разумеется, среди книг этого собрания должны были иметься в немалом количестве поздние церковные издания, но бесспорно и то, что там могли быть и редчайшие рукописи, в том числе пергаменные. О последнем свидетельствуют и слова самой рассказчицы: «Иногда попадались книги, сделанные не из бумаги, а из чего-то твердого — кожи, наверное; их никак было не разорвать и приходилось сжигать целиком».

И однако, несмотря на все эти обстоятельства, и в 1948 и в 1949 гг. еще попадались рукописи, и среди них XVI в. Думается, более красноречивое свидетельство того, как богато было Заонежье рукописями, трудно найти.

---

[9] Как известно, единоверие представляло собой своеобразный компромисс между старообрядчеством и православной церковью: старообрядцы принимали от церкви законное священство, церковь же разрешала старообрядцам соблюдать старые обряды и пользоваться старыми книгами. Это способствовало сосредоточению больших книжных богатств при единоверческих церквах.

Но не только находки книг и рассказы о когда-то имевшихся книжных собраниях дают представление о высоте книжной культуры Заонежья. И в 1948—1949 гг. встречались еще и живые хранители и знатоки книжно-рукописной старины.

В деревне Космозеро я познакомился с Иваном Михеевичем Абрамовым, 80-летним, ослепшим к этому времени стариком. И. М. Абрамов когда-то сам занимался переписыванием книг и был иконописцем. Хорошо помнил он и о посещении Заонежья Срезневским. И. М. Абрамов (это рассказал он сам) выполнял поручения В. И. Срезневского: после того как последний побывал в Заонежье, И. М. Абрамов собирал для него книги и посылал их в Петербург. Посылки эти, если доверять рассказчику, были довольно частыми. Начетчиком и знатоком старинного «юсового» письма был и 83-летний житель деревни Якорь-Ледина Михайло Федорович Котов. Но такие люди, как Абрамов, Котов и некоторые другие, были исключениями, а большинство владельцев старинных книг просто случайно имели у себя старые книги, доставшиеся им по наследству.

Рукописи, собранные В. И. Срезневским в Заонежье, вошли в более обширное Северное собрание, однако они могут быть выделены в этом собрании, так как в его описании указываются места приобретения. Заонежские рукописи Пушкинского дома также выделяются в Карельском собрании — на них имеется самостоятельная краткая опись.

До более или менее полного выявления заонежских рукописей по всем тем собраниям, где эти рукописи могут находиться,[10] нельзя делать обобщающих выводов о характере рукописной традиции Заонежья. Однако как материалы, собранные В. И. Срезневским, так и заонежские рукописи Пушкинского дома дают материал для предварительных соображений по этому вопросу.

Сравнивая количество церковнослужебных текстов с текстами литературного и исторического характера, убеждаешься, что последних не только не меньше, а, скорее, даже больше, чем первых. Широко представлена в Заонежье житийная литература. Среди заонежских рукописей встречаются списки таких древнерусских литературных памятников, как «Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть о Дмитрии Басарге», «Повесть о Савве Грудцыне», «Повесть об Азовском осадном сидении», «Повесть о Бове-королевиче», «Сказание об Индийском царстве», «Повесть о белом клобуке», «Слово о старом муже, како сватался на прекрасной девице», и целый ряд других произведений. Этот перечень достаточно ярко характеризует литературные интересы

---

[10] В БАН, кроме собранных В. И. Срезневским, заонежские рукописи могут находиться в собраниях В. Г. Дружинина, Н. Е. Ончукова, Ф. А. Каликина; в ГБЛ — в собраниях Е. В. Барсова и Е. Е. Егорова; в ГИМ — в собрании Е. В. Барсова.

крестьян Заонежья: здесь и историко-героические сюжеты, и сказочно-повествовательные. Нельзя забывать и того, что и церковно-религиозные тексты могут дать обильный и интересный материал для суждений о книжно-рукописных интересах местного населения.

Многие церковно-религиозные сборники, составленные в Заонежье, интересны тем, что наряду со служебными текстами в них широко включаются религиозно-назидательные произведения сюжетно-повествовательного характера. Таковы, например, сборники Карельского собрания № 27, второй половины XVIII в., № 74, конца XVIII в., № 46, середины XVIII в., № 80, XIX в., и некоторые другие сборники из Заонежья, в которых службы и молитвы святым, выписки из Евангелия, поучения отцов церкви перемежаются с рассказами из «Великого зерцала». Значительный интерес представляет сборник Карельского собрания начала XX в. № 91, приобретенный в 1949 г. в Фоймо-Губе. Начинается он с молитвы Зосиме и Савватию соловецким; имеются в нем молитвы и другим святым, молитвы и похвала богородице. Среди этих церковно-служебных текстов составитель поместил несколько стихотворений. Одно из них, «Духовная аптека на пользу всем человеком», — памятник старообрядческой поэзии.[11] По-видимому, такого же рода (у Т. С. Рождественского оно не зафиксировано) стихотворение «Отчаяному грешнику сповехо» («Не отчайся, грешник бедный, хоть и много зол твоих. . .»), остальные же — стихотворения русских поэтов на религиозные темы. Среди этих стихотворений составитель поместил «Ангела» Лермонтова. Что такого рода сборники не были единичным, случайным явлением, подтверждается находками В. И. Срезневского. В деревне Великая Губа им был приобретен сборник третьей четверти XIX в., состоящий из подборки самых различных стихотворений, среди которых имеются стихотворения Пушкина, Жуковского, Глинки, Козловского.

Наряду с такого рода сборниками, в которых самый подбор текстов представляет значительный интерес для суждений о литературных вкусах жителей Заонежья, имелись в Заонежье и сборники оригинальных местных сочинений. Так, например, среди рукописей, приобретенных Срезневским, имеется небольшая тетрадка позднего письма, конца XIX в., купленная собирателем в деревне Пабережье, с восемью стихотворениями сатирического характера, написанными местным жителем. В Заонежье широко бытовали так называемые настенные листы — картинки духовного или светского содержания с подписями. И среди них попадались оригинальные, созданные в Заонежье. Именно таким настенным листом является найденная В. И. Срезневским

---

[11] Ср.: Т. С. Рождественский. Памятники старообрядческой поэзии. Записки Московского археологического института, т. VI, М., 1910, стр. 135.

в районе Шуньги картинка «Сердечное одиночество» со стихотворной подписью «Красна девица во тереме своем заплетает русы кудри серебром. . .».[12] В собрании Пушкинского дома заонежских рукописей такого рода нет, но во время экспедиции 1948 г. в деревне Загорье Космозерского сельсовета нас познакомили со стариком 62 лет Иваном Антиповым Якушевым, который, по словам местных жителей, «сочиняет хорошие стихи». И. А. Якушев показывал нам свои произведения: это оригинальные небольшие стихотворные повествования на местные темы (письмо к сыну, рассказ о своей работе колхозным сторожем и т. п.).

Большой исторический и историко-культурный интерес представляют владельческие, вкладные и всевозможные другие записи на рукописях и старопечатных книгах. В ряде случаев эти записи фиксируют исторические факты из жизни Заонежья. Среди собранных В. И. Срезневским книг привлекает внимание в этом отношении сборник третьей четверти XIX в., составленный крестьянином одной из деревень Кижского погоста. Этот сборник содержит выписки из книг светского содержания, на полях его многочисленные записи составителя о местных событиях 1850—1860-х годов. Стремление зафиксировать местные события на бумаге отразилось и в ряде других рукописей. Так, например, в святцах XVIII в. из Карельского собрания имеются записи о событиях 30—40-х годов XIX в.: «1838 года, месяца сентября 24 числа в Выгорецком общежитии отрезали колоколы. 1840 года, месяца февраля 24 числа запечатали часовню. . .» и т. п.

Исследование В. И. Малышева, посвященное усть-цилемским рукописным книгам, было первым научным трудом о книжно-рукописной традиции определенной местности. Такого рода исследования необходимо продолжить. Возможность выделить рукописные книги заонежского происхождения дает богатый материал для исследования рукописной традиции Заонежья. Такая работа раскроет одну из сторон культурной жизни этого уголка Русского Севера и поможет полнее осветить историю народной культуры Заонежья.

В. В. Колесов

РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА И ПИСЬМА В СЕВЕРНОРУССКИХ РУКОПИСЯХ ИЗ СОБРАНИЯ ПУШКИНСКОГО ДОМА

Лингвистическое значение нового рукописного собрания в Пушкинском доме трудно переоценить. Оно дало обширный, систематизированный и продуктивный материал для изучения средне-

[12] Текст этого стихотворения опубликован В. И. Срезневским полностью, см.: В. И. Срезневский. Описание рукописей и книг, собранных для имп. Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913 стр. 480—481.

векового севернорусского наречия, и именно тогда, когда такое изучение встало на повестку дня.

В самом деле, создалась парадоксальная ситуация, связанная именно с характером исторических источников. Древнейшими из них являются севернорусские. Интересные по языку памятники южнорусского наречия дошли до нас от конца XV в. и более близкого времени. Поэтому древнейшая история русского языка изучалась по новгородским памятникам, а история языка в XVI—XVII вв. — по памятникам южнорусского происхождения; с течением времени тривиальным стало утверждение, что начиная с XVI в. рукописные источники почти не отражают особенностей севернорусского наречия. Такое утверждение чревато многими осложнениями и искажениями исторической и диалектной перспективы в изучении русского языка. Рукописи Пушкинского дома, в большинстве своем созданные не при монастырях и воеводских канцеляриях, а в грамотейской мещанско-крестьянской среде, дают интереснейший материал для изучения истории севернорусского наречия. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить хотя бы рукописные фонды Кирилло-Белозерского монастыря (Ленинградская Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) или Антониево-Сийского монастыря (Библиотека Академии наук СССР в Ленинграде) с книжными коллекциями Пушкинского дома, собранными по деревням в бассейне великих северных рек.[1]

Установление различительных особенностей рукописных книг, созданных на территории Карелии, по Северной Двине, по Мезени и по Печоре, в свою очередь может дать объективные критерии при дальнейшей классификации собранных рукописных сокровищ. Сейчас пока нет полной уверенности в том, что рукопись, найденная, например, в Усть-Цильме, написана именно на Печоре или что каждая рукопись Карельского собрания создана на территории Карелии. Одного факта нахождения рукописи на определенной территории недостаточно для того, чтобы безоговорочно признать и ее написание на этой территории и притом представителем распространенного здесь говора. Углубленной расшифровке книжных собраний может способствовать и лингвистическое их описание.

---

[1] Исследованы следующие рукописи ИРЛИ: Карельское собрание: Кар. 7 — сборник XVII в., Кар. 223 — Минея XVII в., Кар. 225 — Псалтырь 1601 г.; Печорское собрание: УЦ 197 — Повесть об острове Муромском конца XVII в., УЦ 5 — сборник XVII в., УЦ 2 — конволютный сборник, в котором выделяются две части (УЦ 2 с почерком XVII в. и УЦ 26 на лл. 113—119 об. с почерком XIX в.); Мезенское собрание: Мез. 3 — сборник XVII в., Мез. 116 — Цветная триодь XVII в.; Пинежское собрание: Пин. 1 — Минея середины XVII в. из собрания автора, Пин. 99 — Постная триодь 1606 г., Пин. 129 — Пролог XVI в. (два почерка), Пин. 131 — сочинения Григория Синаита в списке 1651 г. (Кожезеро).

Широкая территориальная приуроченность собранных источников гарантирует возможность отражения в них диалектных расхождений. Конечным результатом их комплексного изучения может стать уяснение важной проблемы, издавна интересующей историков, лингвистов, этнографов, фольклористов: как, когда и какими путями шло заселение Русского Севера восточными славянами.

Исследование должно показать и правильность предварительного выбора именно данных источников, которые избирались по принципу наибольшей вероятности местного происхождения: источники с пометками, указывающими на происхождение писца или рукописи (так, рукопись Пин. 131 написана кожезерским старцем Авраамием), а также содержащие чисто местные сочинения, см., например, Кар. 7 (тексты о Зосиме и Саватии, один из которых является выходцем из Заонежья, с упоминанием Кижей и окрестных весей) и УЦ 197 (вся рукопись состоит из повести об Онежском острове), и т. д. Особенный интерес представляют безграмотные записи более позднего времени, попавшие в уже готовый древний текст. К числу таких следует отнести записанный в УЦ 2 почерком XIX в. текст церковного содержания, изобилующий ошибками, характерными для представителя данного северного говора.

Последовательное совпадение орфографических норм и языковых отклонений в рукописях, предварительно объединенных общностью нахождения, доказывает и их общее территориальное происхождение. Однако одного этого недостаточно, потому что орфографическая норма всегда шире диалектных границ и в территориальном, и в историческом отношении. В таком предварительном, «нащупывающем» исследовании, как наше, при интерпретации письменных данных следует опереться на какой-то объективный критерий разграничения. Таким объективным критерием может стать сравнение с современными севернорусскими говорами, генетически связанными с исследуемыми памятниками. Совпадение результатов сравнения по указанным двум источникам также доказывает общее происхождение рукописей, отразивших сходные языковые особенности.

Сказанным определяется ограничение исследования только некоторыми лингвистическими особенностями изученных памятников. В интересах точности предварительных результатов, которые для последующей работы в этом направлении должны стать исходными, пришлось пренебречь их широтой, т. е. пришлось ограничиться только теми фактами письменных памятников, которые соотносятся с фактами современных северных говоров.

1. Аканье

В принципе результатов смешения безударных гласных после твердых согласных мы не ожидали бы в рукописях, написанных на Севере. Исключение можно было бы делать только для карельской коллекции, поскольку в Заонежье имеются «акающие» говоры, однако из этих памятников только Кар. 225 дает единственный пример аканья: *трубы ражаны* 78 об.[2]

Примеры аканья в двух мезенских рукописях также не очень убедительны. В рукописи Мез. 116 *нескозанно* 140 (рядом: *показающе* 143 об.) может быть гиперизмом по отношению к обычным формам типа *покланятися, поклонитися*. Мез. 3 дает две формы с отражением аканья: *не начевали* 153 и *овадовъ* 138. Первая, по некоторым сведениям, отражает обычное на Севере произношение этого слова,[3] вторая также может передавать диалектное произношение отдельного слова (в северных говорах неизвестно само слово 'овод', поэтому оно могло заимствоваться в южнорусском произношении). В рукописи Пин. 99, переписанной с печатной московской книги, *пакой* 231, 277 при сомнительных с фонетической точки зрения *от оброщения* 113, 126, 140; *покоряюся* 158, *поклоняется* 183 (в двух последних формах сам писец исправил *о* на *а*). По-видимому, такие написания можно отнести за счет оригинала, не ставя вопроса об аканье в речи писца.

Результаты аканья определенно отражены только во втором почерке Пин. 129: *угатование* 293 об., *на рагозинѣ* 90 об., 145 (ср. *рогозинѣ* 63), *с родамъ* 329, *с критьскаго острава* 320 об., 321, *его же радителя* 274; особенно часто *о* вместо *а* в слоге перед ударным *а*, ср.: *отлогайте* 312, *съ стродалцемъ* 314 об., *покозати* 317 об., 28 об., *покоза* 383 об., *покозавъ* 317 об., 321, *покояние* 286, 320 об., *в покоянии* 326, *устовляя* 328 об., *пострoдавшимъ* 291. Подобное произношение возможно в северновеликорусском говоре с намечающейся переходностью,[4] и довольно часто встречается в рукописных книгах XVII в. Сопоставить эти факты с каким-то определенным северным говором XVII в. пока довольно трудно. Можно только отметить, что большинству говоров поморского типа свойственно нелабиализованное [о], которое в положении после некоторых согласных (прежде всего после плавных и заднеязычных) может сближаться с [а]. Результаты такого смешения, возможно, и отражены в пинежских рукописях.

---

[2] Цифры после примеров в данной работе означают листы соответствующих рукописей.

[3] См.: В. Н. Сидоров. Из русской исторической фонетики. М., 1969, стр. 44—46.

[4] Там же, стр. 45.

2. Смешение букв *е* и *а*

Севернорусское произношение [е] вместо [а] между мягкими согласными отражено только в написаниях *съ дедею* в первом почерке Пин. 129 (107 об.) и, возможно, *исправлѣя* во втором почерке той же рукописи (274 об.). Остальные примеры написания *е* вместо *а* касаются морфем в безударной позиции, что обычно для многих русских рукописей XVII в., ср. Кар. 7: *отресающе* 105 об., *кленущая* 148; Кар. 225: *кленяхуся* 80 и др., *паметь* 80, 107 и др.; Мез. 3: *земленая* 53 об.; УЦ 5: *заець* 55, *кладези* 39 об., *кладезю* 39 об.; Пин. 99: *мѣсеца* 456, 270, 270 об., *кленяшежеся* 483, *древено* 282 об.; Пин. 129: *обезавъ главу* 329 об., *о посеганин* 319 об.; Пин. 1: *пламе* 140 об., *кленися* 134, *кленемъ* 257 и др.

Большинство этих примеров сомнительно как фонетический факт или имеет различное объяснение. Даже как графическая возможность подобные написания не отличают северные русские рукописи разных областей друг от друга или всех их вместе от московских, ибо в московских также возможны подобные написания.

Гораздо интереснее в этом отношении смешение *е* с *а* после букв *ч* и *щ*, ср. Пин. 99: *скончевастеся* 212, *вѣнчевающе* 227, *окончевше* 404 об. (во всех примерах сам писец *е* исправил на *а*); Пин. 129: *къ рожещамуся* 330 об., *терпящаму* 316, *служащаму* 308 (2 раза), *на плащенице* 304 (а также на месте *и*: *в нарочатыя праздники* 329); Пин. 1: *мучевше* 155 и характерная описка — слово *шевца* 298 писец начал писать верно, но, не закончив, исправил, создав контаминацию *шевшавца*. Своеобразное понижение артикуляции после глухих шипящих (т. е. после [ш], [ш'ч'], [ч']) отмечается только в пинежских рукописях и соотносится с современным произношением соответствующих форм в говорах Пинежья.

3. Употребление буквы *ѣ*

Наиболее выразительные расхождения средневековые русские источники дают в употреблении буквы *ѣ*. Установлено несколько групп рукописей в зависимости от характера нарушений орфографической нормы употребления *ѣ*. Обычными являются написания с *е* вместо *ѣ* в безударной позиции (южнорусские, а с XVII в. и некоторые московские памятники) или в слоге перед мягким согласным (памятники ростово-суздальского происхождения). Собственно северные рукописи отличаются от указанных, во-первых, возможностью смешения *ѣ* не только с *е*, но и с *и*, а во-вторых, широкой вариативностью подобных смешений в отдельных рукописях (хотя имеются и памятники, четко различающие *ѣ*, *е* и *и*, что указывает на сохранение старого про-

тивопоставления трех фонем и также может служить характеристикой при выделении севернорусских памятников). Л. Л. Васильев указал еще на одну возможность употребления е вместо ѣ: в зависимости от характера предшествующего согласного. Современные севернорусские говоры определенно различают [ѣ] и [е] как звуки с разной степенью мягкости согласного перед ними: перед ѣ согласный мягкий, перед е — смягченный. Поэтому и в некоторых памятниках XVII в. можно видеть зависимость употребления ѣ или е от качества предшествующего согласного и не ставить вопроса о качественном различении самих гласных, обозначенных буквами ѣ и е.[5]

Изученные рукописи различаются по употреблению буквы ѣ. Только УЦ 2 в своей древней части не дает убедительных примеров смешения ѣ и е: лишь после *ц* возможно написание *цепь* 5 и, наоборот, *оцѣтъ* 53 об. (вместо *цѣпь* и *оцетъ*); *о словесѣхъ* 37 представляет собой, по-видимому, морфологическое выравнивание по типу *грѣсѣхъ*; *о камѣнѣ сердцѣ* 54 об. — ошибочное написание *мѣ* под влиянием следующего слога.

Все остальные источники четко делятся на три группы:

1) замена ѣ на е только в изолированной позиции;

2) почти последовательная замена ѣ на е в любой позиции;

3) написание *и* и *е* на месте ѣ.

К первой группе относится большинство исследованных рукописей. Одни из них (Мез. 3, УЦ 5, Пин. 131) дают небольшое число написаний с е вместо ѣ, представляя собой как бы переходный этап от закономерного различения е и ѣ к первой группе памятников, к которой относятся прежде всего Кар. 7, Кар. 223, Пин. 1, Пин. 99.

Чтобы представить фонетические условия замены ѣ на е, приведем исчерпывающие списки примеров по этим последним рукописям.

Е вместо ѣ в корне слова. Пин. 1: *бедà* 240 об., *из беды̀* 68 об., 333 об., *беду̀* 265 об., вин. мн. *беды* 274 об., *бедны́мъ* 217, *победи́мъ* 229 об., *победи́въ* 292, *бежы̀* 209, *бежи́ши* 51 об., *отбежè* 72, *бежи́мъ* 304, *бежытè* 257, *белу̀* 185, *беле́цъ* 8, 188 об., 190 об., *белцу̀* 8, *бесны́я* 7 об., *нá бесы* 140 об. (ср. *бѣси* 140 об.), *вене́цъ* 22 об., 64, 132, 158, 201 и др., *венцы̀* 253 об., 310, *венцà* 138 об., *венчáше* 77 об., *венчáвъ* 56 об., *венчáнъ* 279, *о гресѣ* 205 об., 327, *о гресѣхъ* 59 об., 138, 174 об., 214, 232 и др., *деви́чь* 305 об., *делесы̀* 181 об., 182, *дѣдъ и прáдедъ* 149, 156, *прáдеду* 135 об., *лени́мся* 34, *лени́тся* 259, *реку̀* 17 об., 37, 307, 271 об., *в рецѣ* 42 об., *светя́щеся* 68 об., *слепе́цъ* 329 об., *слепы́я* 7 об., *седя́ща* 8, *седáлищи* 74, *последѝ* (наречие) 95 об.,

---

[5] См.: Л. Л. Васильев. Несколько данных для определения звукового качества буквы ѣ сравнительно с буквой е в памятниках XVII в. Известия ОРЯС, т. XV. 1910, кн. 3

157 об., 172 об. и др., *к стенѣ* 118, *на стенѣ* 155, *стена́мъ* 195, *хлеви́не* 36 об., *хлеви́ну* 247; Мез. 116: *бесовьския* 113, *цела* 8, *целебница* 146 об., *побежение* 104 об., *прибегаю* 75, 181, *прегрешении* 148, *пременива* 13 об., *ослепленою* 147 об., *певецъ* 143, *песка* 127, *стена* 16, 22, 24, 48 об., 170, 199, *стену* 52, 54 об., 56 об., 100, 104 об., 145, 162, 190 об., *стено* 41, *стенами* 97 об. и др.

Е вместо *ѣ* в конечном открытом слоге. Пин. 1: дат. ед. *вѣ́ре* 13 об., 25 об., 48, 63, 117 об., 200, 206, 231, 263, 251, 272 и мн. др., местн. ед. *вѣ́ре* 97, 270 об., 282, 297 и др., *в дѣ́ле* 5, 270 об., 181 об., *по си́ле* 5, 29 об., *въ ски́те* 209, 251, *в лѣ́те* 63, 244, 251 об., 288, *въ пла́те* 234 об., *по ма́ле* 120, 248, *по мѣ́ре* 243, *на мѣ́сте* 7 об., 13 и др. (36 раз), местн. ед. *трапе́зе* 28, 86 об., *пеще́ре* 8, 52 и др., *невѣ́сте* 39, *возду́се* 186 об., *бесѣ́де* 59, *побѣ́де* 200, 302, *по обѣ́де* 220 об., *наро́де* 223 об., *хлѣ́бне* 185, *во́ свѣ́те* 289 об., *по ми́ре* 257, *вѣ́це* 29, 77, *в лѣ́се* 155, в окончании аориста (*у́спе* 11 об. и др.) и наречия (*досе́ле* 91 и др. постоянно); Мез. 116: *о тѣле злате* 22 об., *во скоре* 92 об., *во гробе* 125 об., *въ блуде* 132, *на мѣсте* 161 об. и т. д.

Е вместо *ѣ* в конечном закрытом слоге. Пин. 1: *велблу́дехъ* 106, *грѣ́сехъ* 18, *в до́мехъ* 252, *дѣ́лехъ* 144, *лѣ́техъ* 37, 47, 102, 185, 204, 293 об., *мѣ́стехъ* 68, 283 об., *мно́зехъ* 234 об., *въ по́гребехъ* 150 об.; Мез. 116: только *во грѣсехъ* 186 об. Меньше соответствующих примеров в УЦ 5, Кар. 7 и Кар. 223; совсем мало их в Мез. 3 и Пин. 131. Однако условия замены *ѣ* на *е* во всех этих рукописях совпадают: эта замена имеет место только в таком безударном слоге, который не становится подударным при изменении формы слова (изолированная позиция *ѣ*). Например, в словах типа *бѣда*, *вѣнецъ*, *рѣка*, *свѣча*, *стѣна* корневой слог является постоянно безударным,[6] и именно это обстоятельство приводит к частому замещению *ѣ* на *е*.

Любопытен набор слов с частой заменой ѣ на е в абсолютном конце слова. Дательный и местный единственного числа типа *вѣ́ре, дѣле, лѣте, мале, мѣ́ре, мѣсте, плате, силе, хлѣ́бе* и многих других двусложных представляют собой слова с постоянным ударением на корне (класс баритона), но даже и у имен подвижного класса флексия *-ѣ* в местном единственного числа (и ни разу в дательном единственного числа, где как раз возможно было наконечное ударение некоторых слов!) во всех случаях и всегда безударна; под ударением же ей соответствует окончание *-у*, ср.: *в ми́рѣ — в миру́* и т. п.

[6] За исключением формы родительного множественного числа типа *бѣдъ, рѣкъ*; ср. единичное *у стенъ* в Мез. 116; у имен мужского рода к этому добавляются формы именительного и винительного единственного числа, ср. *слѣдъ* при *слѣда̀, слѣду̀* и т. д. Аналогия косвенных форм может привести к появлению формы, зарегистрированной в Пин. 1: в *сле́дъ мене* 133 об.

Что же касается флексии местного множественного числа *-ѣхъ*, то написание с *-ехъ* можно толковать двояко. Это может быть и аналогичное предыдущему изменение *ѣ* в *е* в изолированной от ударения позиции. Пин. 99, Пин. 131, Кар. 7, УЦ 5 и дают такую замену только для слов баритонированной парадигмы (*дѣло, лѣто, мѣсто, человѣкъ*). Собственно, на то же указывают и данные рукописи Кар. 223, где, кроме *лѣтехъ*, находим еще *трудехъ, гресехъ* и *холмехъ* — три слова окситонированной акцентной парадигмы, которые, в соответствии с акцентным законом Станга, в древнерусском имели накоренное ударение в местном множественного числа. Таким образом, предложенное объяснение написаний *-ехъ* вместо *-ѣхъ* кажется более приемлемым, чем возможное другое, а именно, что в написаниях типа *мѣстехъ* вместо *мѣстѣхъ* можно видеть смешение с другим типом склонения, например *скорбехъ*, где *е* закономерно. Специально для северных памятников придется, по-видимому, признать обратное воздействие типа *мѣстѣхъ* на тип *скорбехъ*. Ср. данные рукописи Пин. 1, в которой наряду с приведенными написаниями типа *лѣтехъ* находим подударные окончания *въ путѣхъ* 143 об., *напастѣхъ* 162, *кораблѣхъ* 182, *в лестѣхь* 310, *в скорбѣхъ* 310 и мн. др. вместо ожидаемых *въ путехъ*, и т. д.

Тот факт, что замена *ѣ* на *е* встречается в постоянно безударном слоге и притом независимо по отношению к ударному слогу слова, позволяет сделать два важных вывода. Во-первых, замена *ѣ* на *е* не результат еканья, как это имеет место в южнорусских памятниках, поскольку изменение происходит не только в предударном слоге. Во-вторых, нельзя говорить и о совпадении замены *ѣ* на *е* в северных рукописях с соответствующим изменением в южных русских рукописях: на севере *ѣ* > *е* наблюдается не просто в безударном слоге, но в безударном слоге п о с т о я н н о б е з у д а р н о й м о р ф е м ы.

Что касается второй группы памятников, то последовательная замена *ѣ* на *е* независимо от ударения обнаруживается только в единственной рукописи. Это Пин. 129, где находим *венець* 260, *веньцем* 288, *по пределомъ* 310, *светилникъ* 305, *стена* 284 об., *бесовъ* 293 об. и многие другие примеры перехода в безударной позиции, но также *в грехъ* 295 об., *пешь* 303, *до места* 328 об., *о хлебѣ* 327 об., *медныхъ* 291, *лицемеръ* 284, *вернаго* 284 об. и др. с аналогичным переходом в подударной позиции.

Сближение рукописей первых двух групп с южнорусскими имеет внешнее оправдание в однонаправленном рефлексе *ѣ:ѣ* заменяется только на *е*. Однако не только условия замены, но и некоторые ее результаты препятствуют такому сближению, заставляя говорить о своеобразии в изменениях севернорусской фонемы *ѣ*. Речь идет о редком, но возможном написании *и* на месте *ѣ*, ср. Пин. 99: *разумивъ въ вещехъ* 392; Пин. 1: *зило* 129, 285, *смиешися* 7 об., *стариишинѣ* 24; Мез. 116: *изволинием* 37, *листвица* 221, *цѣлинием* 109; УЦ 26: *знаминие* 117; ср. на небольшом

пространстве текста в УЦ 197: *свитающу* 4, *перевисища* 7 об., *володит(и) землею* 7 об., при написаниях типа *мѣсте* 4, 5, 8 об., 9 об., *на тѣле* 9 об., *на озерѣ онѣге* 3, 7. Именно среди архангельских говоров распространены теперь такие, которые наряду с последовательным изменением *ѣ* на *е* сохраняют произношение [и] на месте *ѣ* в отдельных словах. Памятники указывают условия такой замены: это обычно подударное положение *ѣ*, как правило перед [и] в следующем слоге. Собственно, это результат ассимиляции в позиции, наиболее способствующей изменению *ѣ* в *и*.

Большое число примеров замены *ѣ* одинаково на *и* и на *е* находим лишь в одной из числа исследованных рукописей карельского собрания — в Кар. 225: *бигая* 41 об., *погибнутъ* 82 об., *прибижище* 45, 83, но одновременно и *бежать* 50, *убежати* 45; *свидиния* 96 об., 98, 100, но *завещанъ* 67, *возвестихъ* 31 об.; *увири* 61 об., *вировавше* 62, но *уверишас* 75 об.; *содилалъ* 19 об., *предилъ* 50 об., *одияния* 34 об., *одияшеся* 57 и мн. др. (*и* на месте *ѣ* около 50 раз, *е* на месте *ѣ* около 40 раз); в окончании преобладает замена *ѣ* на *е*. Таким образом, Кар. 225 — пример памятников третьей группы, для которых характерна безразличная замена *ѣ* на *е* и *и*, независимо от каких-либо условий. Подобные памятники обычно связывают с северо-западной диалектной зоной (Новгород и его область), поскольку это ближе всего соответствует местному изменению *ѣ*. Рукописи с таким отражением *ѣ* не могут быть написаны на Печоре или на Мезени.

В определении фонетического значения всех приведенных выше написаний оказываются важными случаи обратного написания *ѣ* вместо *е*. Только безразличное смешение букв *ѣ* и *е* может указывать на совпадение фонем [ê] и [е] в говоре писца.

Безразличное смешение *ѣ* и *е* (не только *е* на месте *ѣ*, но и *ѣ* на месте *е*) свойственно лишь рукописи Пин. 129; ср. дополнительно к приведенным примерам: *пѣщь* и *пещь* 306, *в нѣм* 296 об., *будѣмъ* 281, *вѣрсту* 301, *свѣрьши* 308, *приидѣши* 302 об., *сбѣрите* 299 об., *словѣсы* 316 об. и мн. др. Следовательно, только эта рукопись из числа исследованных отражает говор, в котором исчезло различие двух фонем — [ê] и [е]. Можно ли ее территориально связывать с Пинежьем, покажут последующие наблюдения над рукописями. Сейчас отрицать подобную связь вряд ли возможно, поскольку почти все пинежские говоры утратили фонему [ê].

В отличие от рукописи второй группы Пин. 129 единственная рукопись третьей группы Кар. 225 вообще не дает никаких написаний с «новым ятем»; *ѣ* здесь пишется в нескольких словах на месте *и*, а не *е*, ср.: *возненавѣди* 38 об., *возненавѣдилъ* 2 об., *крѣлу* 8, 9 и *крѣли* 41 об. (крылья), ср. *крилу* 43 и др., им. мн. *скотѣ* 38 об., *неповѣннюю кровъ* 76. Другими словами, в рукописи с двояким рефлексом ятя (*и* или *е* на месте *ѣ*) новый five ять вместо *е* не обнаруживается. Сказанное относится и к другой рукописи с относительно большим числом замен *ѣ* на *и* (правда, в тексте нов-

городской грамоты): в УЦ 197 также нет примеров нового ятя. Таких примеров нет и в основной части УЦ 2, также в Пин. 99 и Пин. 131, которые вообще-то имеют примеры написания *е* на месте *ѣ*, но не *ѣ* на месте *е*. Поскольку изменение *е* на *ѣ* не всегда связано с обратной заменой *ѣ* на *е*, следует поставить вопрос о возможной связи нового ятя с каким-то другим фонетическим явлением, не относящимся к изменениям самой фонемы [ê].

Могут проявиться самые неожиданные условия в появлении нового ятя. Так, в Мез. 3 находим *любословесѣнъ* 50, *в весѣхъ, словесѣхъ, очесѣхъ, чюдесѣхъ* и др.; также в дат. мн. *очесѣмъ, къ персѣмъ*, род. мн. *весѣи* и т. п. (обычно после с, исключение единично: *въ скорбѣхъ* 50). Таким образом, новый ять пишется в новозакрытом слоге независимо от ударения, всегда на месте исконного [ь]. Нечто похожее обнаружено в более ранних и только северных рукописях — с середины XII до конца XV в.[7] Примеры Мез. 3 могут быть связаны с этими ранними северными рукописями, однако их фонетическое истолкование затруднительно.

Совсем другие условия появления нового ятя обнаруживаем в основной (первой) группе памятников с частым написанием *ѣ* вместо *е*.

Новый ять после сонорных отмечается в следующих источниках. УЦ 5: *повѣлѣ* 56, *снѣси сѣмо* 58, *к двѣремъ* 124, *сѣвѣрнымъ* 124, *свѣтяся* 132 об.; Мез. 116: *вѣрсѣ* 32, *твѣрдо* 53, *развѣрзая* 70 об., *словѣснѣ* 114, *певѣць* 143, им. ед. *морѣ* 18, *соболѣзднующаго* 43 об., *лѣстию* 103, *телѣсную* 209 об., *послѣть мя* 77, *прилѣжно* 162 об. и др.; Кар. 223: *осенѣния* 352 об., *ис корѣния* 312 об., *прилѣжалъ* 74, *рѣкша* 79 об., *горѣ мнѣ* 83, и т. д. (только в этой позиции).

Новый ять после сонорных и аффрикат находим в следующих рукописях. Пин. 1: вин. ед. *морѣ* 83, 85 об., 324 об., 330, 223 об. и др., им. ед. *горѣ* 62, 68, *в полѣ* 213 об., *к воли царѣвѣ* 290, *к звѣрѣмъ* 34, *зберѣши* 76, *погрѣбоша* 10 об., *отгрѣбающагося* 82, *рѣвность* 259, *влѣзуща* 79, *влѣзи* 152, *извѣдъше* 112, *осквѣрни* 79, *оклевѣташа* 88 об., 295 об., *клевѣту* 295, *извѣртеша* 47, *милостынѣю* 289 об., *вѣнѣць* 250, *белѣцъ* 188 об., 190 об., *злѣца* 257 об., также им. ед. *лицѣ* 216, 235, 236, *багряницѣю* 284, *третицѣю* 258, *множицѣю* 184, *сулицѣю* 267, *с лицѣмъ* 81, 113, 222 и др.; Кар. 7: *клеврѣтъ* 55, *твѣрдыи* 26, *речѣ* 54, *Колычѣвъ* 60, *с князѣмъ* 60, *зъ палицѣю* 177, *сущѣ* 49, *общѣе* 44, *ополчѣния* 46 об., *лѣствицѣ* 47 и мн. др. (также только в указанных условиях).

В приведенных примерах употребление *ѣ* вместо *е* не зависит ни от ударения, ни от происхождения *е* (потому что *ѣ* пишется и на месте [ь], и на месте [е]) и определяется только характером предшествующего согласного. Так, *ѣ* вместо *е* ставится : 1) после

---

[7] См.: В. В. Колесов. Новый *ѣ* в рукописях новгородского происхождения. Вестник ЛГУ, 1961, № 14, вып. 3.

л, р, н, в; 2) после *л, р, н, в*, а также после *ц, ч, щ*, ꙅ, т. е. во втором случае более последовательно, чем в первом. Общим признаком для обеих групп согласных применительно к XVII в. могут выступать два их отличия от всех прочих согласных: сонорные и аффрикаты совпадают в признаке длительности или в признаке мягкости. Написание следующей за указанными согласными буквы *е* в виде *ѣ* может одинаково передавать и особую длительность, и особую мягкость слога типа [ре] или [че]. Первая особенность этих согласных характерна для всех говоров русского языка, вторая же следует из исторических условий образования севернорусского наречия: в праславянском языке, к которому оно восходит, только сонорные (кроме [в]) и указанные аффрикаты были палатальными.

В предварительном решении этого вопроса следует учесть и некоторые поздние данные. Например, в УЦ 26 (XIX в.) сочетание *лѣ, вѣ* заменяет старое написание *лѧ, вѧ*, тогда как в положении после других согласных новый ять пишется на месте *е*; ср. *хлѣби* 'хляби' 113 об., *свѣтое* 116 об., *о съвѣтѣмъ* 116, *съвѣтыи* 116, *съвѣтыхъ* 116 (вместо *свѧтое* и т. п.), но *дѣвятои* 116, *сѣдъмъ* 116 (ср. *седмъ* 116), *страстѣи* 117. Положение после указанной выше группы согласных и здесь отражается на изменении тембра гласных. Современные северные говоры в безударной позиции также дают изменение тембра [е] после этих согласных, но только в [ę]; ср. [го́р'ę], [н'ęси́], [л'ęжа́л], [су́ш'ш'ę] с написаниями *горѣ, снѣси, прилѣжалъ, сущѣ*.

Таким образом, условия замены *ѣ* на *е* для всех памятников первой группы совпадают (изменение происходит в изолированной позиции) и могут считаться общими для всех говоров, отраженных в этих памятниках. Условия замены *е* на *ѣ*, напротив, различаются в тех же памятниках, но разных диалектных зон: в мезенских и печорских (кроме рукописи Мез. 3, о которой уже сказано выше) — после сонорных, в пинежских — после сонорных и аффрикат; карельские же, как и в других отношениях, занимают промежуточное положение, отражая оба типа изменения. Следует иметь в виду, что нейтрализация в изолированной позиции *ѣ* — *е* > *е* усложняется обратным изменением тембра [е] после согласных палатального ряда; обозначение такого [е] знаком *ѣ* носит условный характер, не отражая его «смешения» с фонемой [ê].

4. Обозначение сонорных

Важной особенностью северных рукописей является пропуск буквы в сочетании сонорного с другим согласным. Буква, обозначающая сонорный, сохраняется только в том случае, если опущен знак предыдущего гласного; в других случаях часто остаются недописанными буквы *л, р, н* изредка *й*. Приведем ряд примеров

(в скобках проставлена пропущенная буква). Кар. 7: *прете(р)пѣти* 155 об.; Кар. 223: *безмо(л)вницу* 378 об., *среб(р)омъ* 292 об.; Пин. 1: *в п(л)амени* 313, *оск(л)абиши* 329, *оск(л)абленымъ* 222, *изм(л)ада* 187, *в с(л)ужбѣ* 241, *в х(л)ѣбъ* 86 об., *возв(р)ащу* 279 об., *возв(р)атися* 282, *к д(р)угомъ* 225 об., *идоложе(р)твенныхъ* 110, *изг(н)ати* 206 об., *богатест(в)о* 46 об., *об(в)ечерившимася има* 229, *из мерт(в)ыхъ* 66 об. и т. д., а также менее доказательные *возопи гласо(м) великимъ* 204, 203 об.; Мез. 3: *благоде(н)ствии* 233 об., *празд(н)овавъ* 195 об.; Мез. 116: *помыш(л)ение* 148, 152 об., *вѣ(р)но* 218 об., *сове(р)шаемъ* 61 (в последнем примере сам писец надписал над словом маленькое *р*), *ско(н)чевающи* 158 об., *расторг(н)и* 205, *пре(в)зносите* 2, *образы пресла(в)ными* 7, *нечю(в)ственая* 176 об., и т. д. Сюда же, видимо, следует отнести и частое в рукописях опущение эпентетического *л*; ср. Кар. 225: *оскорбяюще*; Мез. 116: *оскорбяюще* 79, *умерщвенную* 214 об. Отмечено всего два примера опущения шумного в сочетании с сонорным (Мез. 3: *без(п)лотныхъ* 15 об.).

Напротив, в сочетании сонорного с гласным обычно опускается гласный; ср. Пин. 1: *м(и)лостыню* 301 об., *мудрыми слов(е)сы* 253; Мез. 116: *плод чр(е)ва* 34, *грѣх(о)внѣ* 52 об., *убл(а)жаю тя* 54, *стр(а)шнаго* 206, 209 об.[8] То же находим в рукописях, не имеющих примеров пропуска сонорных; ср. Кар. 225: *пол(о)жиша* 70, *т(е)лець* 86; Пин. 99: *единице пр(о)ста* 100. Перестановка сонорных в сочетании, по-видимому, также указывает на «неопределенность артикуляции» соответствующих согласных; ср. написание в Пин. 1: *зелмю* 250 об. вместо *землю*, *поржети* 64 об. вместо *пожрѣти*, и т. д.

Из представленного материала видно, что пропуск сонорных не отражен во всех печорских и почти во всех (кроме Пин. 1) пинежских рукописях.

Ближайшую аналогию пропуску сонорных находим в древних новгородских рукописях XI—XIII вв.: *вѣ(р)но, к(р)асоты, ст(р)адающи, х(р)ама* и др., с одной стороны, и *тв(а)рь, кр(о)ви, дв(е)ри* и др. — с другой. Подобные написания свидетельствуют о разложении силлабемы по признаку гласности непосредственно перед утратой редуцированных гласных:

красоты > касоты, т. е. trat > tat,
крови > крви, т. е. trat > trt,

что указывает на функциональную близость гласного и сонорного (оба могли выступать в значении слогового). Если приведенная аналогия с рукописями XI—XIII вв. верна, то и применительно к памятникам XVII в. следует говорить о фонетической вокаль-

---

[8] В этой рукописи, несмотря на большое число разных надстрочных знаков, встречаются также написания типа *смрти* 204, *страстотрпци* 165, *умртвивше* 46 и др., не имеющие никаких титлованных помет.

ности сонорных. В этом смысле интересно отмеченное в Пин. 99 написание слова 'мерзкий' как *мерръ||ския* 320 об. — при переносе на другую строку писец особенно четко осознавал длительность сонорного [р].

В некоторых написаниях отражаются ошибки обратного типа, т. е. написание лишнего сонорного; ср. Мез. 116: *риза стрѣлами испрещрена* 156 (здесь же: *испрещрении* 192) вместо *испещрена;* Пин. 1: *со стра||рцѣмъ* 127 об.; Мез. 116: *тмы внѣчныя* 220 вместо *вѣчныя*. Приведенные гиперизмы, обязанные своим появлением антиципации, весьма показательны, иллюстрируя неуверенность писца в обозначении консонантного сочетания с сонорным.

Пропуск йота отмечен в большом числе примеров только в Мез. 116 : *убица* 145 об., *убицу* 39 об., *житиское* 78 об., *житискими* 203 об., *сердце змино* 121, *благовино радуясь* 137 об., *тебе ходатацѣ* 139 об. (ср. *ходатаицю* 144), *разбонику* 154. Учитывая позиционную ограниченность такого изменения (главным образом в сочетании с [и]), ему также следует придавать фонетическое значение и связывать с севернорусской дефонологизацией йота.

5. Обозначение мягкости согласных

В рукописях довольно много примеров, указывающих на смешение мягких и твердых согласных. Оставляя в стороне недоказательные в этом отношении чередования типа *трапеза—тр*ѧ*пеза* или исконные написания слов типа *рищущихъ, скрыжаль, распалашеся* и т. д., остановимся на характеристике примеров, которым можно придавать фонетическое значение. Сюда, по-видимому, относятся написания типа Мез. 116 — *раснами* 125, 156, потому что в памятниках, известных до сих пор, это слово писалось как *р*ѧ*снами* Ср. также Пин. 1: *прозабаютъ* 297; Мез. 116: *прозабеньем* 107 об. (вместо *проз*ѧ*баютъ, проз*ѧ*беньем*). Аналогичное написание И. И. Срезневский отмечал только в одной рукописи XII в., но его выписка сомнительна.

В обозначении сонорных смешение мягких и твердых особенно выразительно в конце слова; ср. Кар. 7: *свѣтель* 156 об.; Кар. 225: *пепель* 117, *кровъ* 76, 121 об.; Мез. 116: *простерь* 101 об. (*простеръ* 117 об.), *дверъ* 83 об., *печалъ* 83 об., *степенъ* 44, 52, *пламенъ* 14, 15, 216 об.; Пин. 1: *весь мирь* 172, *стрѣмъглавь* 274 об. и *стрѣмглавъ* 325 об. (также *разоривь* 69); Мез. 3: *монастиръ* 112; Пин. 129: *любовъ* 309 об., 310, *червъ неусыпающий* 283. В других позициях отмечены лишь следующие примеры: Мез. 116: *заблюждшего* 26 об., *от земла моя* 151 об. (*от земля* 152); Пин. 1: *единю* 283 об.; Кар. 225: *пожнютъ* 103 об. Сюда же, возможно, относятся и написания Кар. 7: *древному* 109 об.; Мез. 116: *древнаго* 153, *волною и всесилнею милостью* 38; Пин. 1: *ранное прозябение* 255 об.; Мез. 3: *многолѣтное* 5; Кар. 225: *неповѣннюю кровъ* 76 и другие суффиксальные образования на *-н-*

Колебания в обозначении мягкости или твердости особенно касаются [л]. Так, в Кар. 7 возможны написания типа *льститъ* 109 об. и рядом *лъстя* 109 об.; в Пин. 131 находим творительный множественного числа от слова 'гребля' в виде *гребьлы* 113 об. — со странным соединением графического обозначения мягкости [л] (ассимилятивная мягкость предшествующего согласного передается знаком *ь*) и вместе с тем его твердости (обозначена буквой *ы*). Видимо, не характер дополнительной артикуляции, а место образования являлось различительным признаком фонемы [л].

В сочетании двух сонорных мягкость первого из них, как правило, не обозначается. Особенно это характерно для сочетаний [л'н], [л'н'] и [н'м], ср. в Пин. 99: *свѣтилникъ, селныи, началники, сопрестолно, вонми, писанми* и др., но в других сочетаниях *пастырьми, кровьми, доблестьми* и т. п. (также *чюдесъми* с явным указанием на отвердение [с]). В Кар. 7 рядом с написаниями типа *содѣлника, тъ* ‖ *щателно, доволно, умилно* и т. п. находим *вельми, вельможи, большая, льститъ* (*и лъжесвидѣтель* 142 об.). Таким образом, знак мягкости опускается именно в сочетаниях двух сонорных, отражающих какие-то колебания мягкости—твердости. т. е. [л] и [н]. В такой ситуации обозначение мягкости оказывается неважным для первого сонорного, ср. одинаковую передачу [л] в сочетании с твердым [н] (*селныи*) и в сочетании с мягким [н'] (*началникъ*). Если же за *л* следует какой-то другой согласный, то *ь* всегда опускается только перед твердым; ср. в той же рукописи Пин. 99: *болша, страдалцы, телцу, велможи, молбу* и т. д. На этом основании можно было бы полагать, что [н] во всех своих проявлениях сближается именно с твердыми согласными и, следовательно, даже перед передним гласным является твердым. Такое качество прежнего смягченного [н'] отражается в Пин. 99, Пин. 129, Пин. 131 и Кар. 223 (в последней рукописи с некоторыми исключениями).

Зато обе мезенские рукописи указывают на последовательное опущение *ь* в сочетаниях типа *лн, лб, рк, лц, зм, тм* и т. д. (исключение касается только корня *льст-*). Лишь в форме творительного множественного числа сочетания с *н* отличаются от сочетаний с другими согласными; ср. в Мез. 116: *повелѣнми* 14, *прогрѣшенми* 17 (но также *рыданьми* 8 об.) при последовательных *вещьми, кровьми, скорбьми, властьми* и т. д. В Мез. 3 написания типа *хмелнаго* 152 встречаются наряду с написанием *ъ* на месте *ь*, ср.: *свободъно* 6, *свѣтолѣпъныи* 8 об., *приемъникам* 31, *старъца* 50 об. и др., что указывает на отвердение корневого согласного. Данные печорских рукописей противоречивы, указывая на какую-то искусственность в обозначении мягкости консонантного сочетания. УЦ 2 в этом отношении полностью совпадает с мезенскими рукописями, а в УЦ 5 наряду с *умилно, страдалца* и т. п. находим написания *пользу* 94, *пользуя* 100, также *пол'зы* 104, о *пол'зѣ* 105 об. и т. д.

И в этом отношении особое место занимает Пин. 1. Знак *ь* отсутствует здесь при [л], [р], ср.: *свирѣлникъ, свирѣлныя, о телцахъ, лва, велможь, изволше, прилпѣ, Олга, горко, двермu, звѣрмu, четырми* наряду с обычными написаниями типа *мьзду, от льсти, мьстити, мощьми, сѣтьми, гвоздьми* и др.

Таким образом, только в пинежских и карельских рукописях в консонантных сочетаниях не обозначалась мягкость [л'] перед следующим *н* или любым твердым согласным. Постоянная мягкость этого [л'] делала обозначение мягкости его излишним.

Сделанный вывод можно подтвердить и написанием *ь* в суффиксах *-ьск, -ьств*. Хорошо известной особенностью современных северных говоров является отсутствие ассимиляции по твердости в сочетаниях корневого согласного с указанными суффиксами: обычно произношение *дереве*[н'ски]*й*, *зве*[р'ски]*й* (а также и произношение типа *хле*[б'ны]*й*, т. е. сочетание корневого мягкого согласного с суффиксальным [н]). Это связано с длительным сохранением суффиксального [ь], и потому северные рукописи даже в XVII в. почти последовательно дают написания с *ь* в суффиксах *-ьск, -ьств* после сонорных согласных. Ср. данные УЦ 5, Мез. 3, Мез. 116, Пин. 1, Пин. 131, Кар. 7 и Кар. 223 (в последних двух рукописях непоследовательно), где подобное написание обычно: *вѣрьство, суздальскимъ, казаньский, мирьским* и др., с опущением *ь* после остальных согласных (типа *руския* и т. п.).

В некоторых сочетаниях наряду с *ь* возможно и написание *ъ*. Наиболее последовательно такая дифференциация *-ьств, -ьск* и *-ъств, -ъск* прослеживается в Пин. 1: после сонорных указанные суффиксы пишутся с *ь*, а после других согласных на месте *ь* употребляется только *ъ*; ср. *морьскую, царьство, арменьскую, латыньскаго* и т. п. после *р, л*, но после *в* и *м* — *бѣсовъскаго, боровъскаго, московъскаго, дѣвъство, моравъскый, ростовъский, явъствоваша, римъский* и др. (два раза после шумных: *сытъство* и *уродъство*). Редкие примеры с *ъ* вместо *ь* после *р, н* возможны лишь перед слогом с непередним гласным, например: *в срачиньстемъ* 130 об. — *срачинъскаго* 130 об., *сирьския* 207 об. — *сиръская* 150, *фаворьския* 204 — *фаворъскую* 204 и т. д. Аналогичное явление в Мез. 116: *морьской, меньский* и др., и вместе с тем *чювъства, бѣсовъския, авраамъския*. Суффиксальный редуцированный сохраняется только в положении после сонорных (включая и [в]), но лишь после *л, н, р* он одновременно с этим указывает и на мягкость предшествующего согласного, т. е. [*л', н', р'*], тогда как губные [в, м] в этом положении являются твердыми. Указанным позиционным распределением подтверждается фонетическая длительность всех сонорных при непозиционной мягкости только трех из них — тех самых, которые еще в праславянском языке выступали как парные по мягкости—твердости ([л'], [н'], [р']).

Рукописи определенно печорского происхождения (УЦ 2, УЦ 197) и рукопись Пин. 99, списанная с печатной московской книги,

последовательно опускают суффиксальный *ь*. Это совпадает с употреблением *ь* в других сочетаниях, отмеченным в данных источниках, и указывает на принципиально другую орфографическую традицию, которую условно можно назвать «московской традицией».

Примеры отвердения других согласных являются обычными для всех русских говоров и в памятниках встречаются довольно рано. Все исследованные рукописи, например, отражают твердость [м] в окончаниях — в форме творительного падежа единственного числа (*столомъ, тѣмъ*), в первом лице единственного числа (*вѣмъ*) и др.

Из возможных в древнерусском языке вариантов с твердым и мягким окончанием наречных форм наши источники последовательно избирают первый, ср.: *близъ* Пин. 1 (л. 254), Пин. 129 (л. 305 об.), УЦ 5 (л. 13 об.), Кар. 225 (л. 76); *назадъ* УЦ 2 (л. 38), но здесь же и *назадь* (л. 37 об.); *отнюдъ* Мез. 3 (лл. 115, 115 об.), Пин. 1 (л. 176 об.). Твердый вариант окончания появляется и в других наречиях, ср. *сугубъ* Мез. 116 (л. 155), *опятъ* Пин. 1 (л. 220 об.), *удобъ* УЦ 5 (л. 16). Употребление таких форм характерно для северных рукописей, которые сохраняют твердый вариант и в окончаниях имен, например: *гроздъ* Кар. 225 (л. 123), Мез. 116 (л. 91) и др.; *ногты* Мез. 3 (л. 181). Пин. 1 (л. 74) и др. Отвердение конечного зубного обнаруживается и в написаниях типа *снѣдъ* Кар. 225 (л. 53), *на пажитъ живоносную* Кар. 223 (л. 151), *крѣпостъ убо...* Мез. 116 (л. 97 об.); ср. в положении перед передним гласным обратное этому смягчение конечного зубного перед йотом в Мез. 116: *ты мость ихъ жизни* 92.

Последнее соответствие указывает на возможное ассимилятивное воздействие со стороны окружающих согласных. Действительно, только в рукописи Мез. 116 обнаруживаются надежные примеры ассимиляции согласных по мягкости и твердости: *побьди въ молитвахъ* 173, *сь||тену* 56 об., *горьсть* 205 об., *несь||мѣным* 59 об. и, наоборот, *деръ||зновение* 183, *преклонъшися* 143, *миръну* 145, *сродъ||ство* 146 об. и др. Подобные же примеры извлечены из памятников ростово-суздальского происхождения, но они возможны и в некоторых двинских грамотах.[9] Большинству же северных рукописей такая ассимиляционная мягкость согласных неизвестна. Более того, печорская рукопись УЦ 2 в своей наиболее поздней части (на лл. 113—119 об.) показывает последовательное отвердение губных и зубных согласных в любой позиции (на конце слова и перед согласным); ср. здесь написания *дъяволъ, дъявола, тридесятъ осмое, седъминъ, седъмъдесятъ, тъвоемъ, съвѣтѣмъ, съвѣтыи* и другие написания слова 'святой', *исконъчается, исконъчание, неправъды, шестъдесятъ, дъвухъ, погибелъми, утверъдитъ, въсякия, мытаръствомъ, въ*

---

[9] См.: К. В. Горшкова. Очерки исторической диалектологии Северной Руси. М., 1968, стр. 83—84, 90.

бибълии, сутъ, естъ и т. п. Написания *искюсити* 115 (рядом: *искусити* 115) и *не попюститъ на ны* 115 также связаны с обозначением заднеязычных и губных, представляя собой гиперкорректные обозначения постоянно твердых [п] и [к]. В другой рукописи, Пин. 1, *на патомъ соборѣ* 327 об. — иначе обозначенная та же неуверенность писца в передаче губного согласного, не имевшего в говоре парного по мягкости согласного. До сих пор архаические северные говоры, в том числе и пинежские, фонологически не различают губные и заднеязычные согласные по мягкости—твердости. Памятники указывают на отсутствие такого различия и для взрывных зубных согласных.

6. Сочетания *кы, гы, хы*

Те же архаические говоры факультативно сохраняют старое произношение [кы], [гы], [хы]; ср. записанное в пинежском говоре произношение [п'етухы], [ногы], [гр'ехы] наряду с возможным под влиянием литературного произношения [гр'ех'и] и т. д.

Из памятников наиболее последовательна в обозначении *кы, гы, хы* рукопись Кар. 223; ср. здесь написания типа *книгы, погыблъ, въ вѣкы, грѣхы, хыщникомъ* и мн. др. (исключение в заимствованном слове: *скиты* 203 об.). Почти последовательны написания с *кы* в Кар. 225 и в основном почерке УЦ 5 (главным образом на стыке морфем, ср. вин. мн. *духы, врагы, волкы* при им. ед. *раби, скоти, дуси*). В Пин. 129 наряду с *многымъ* 132, *послухы* 102 об., *магыстръ* 132 и др. в виде исключения находим написание *в Киевѣ* 136. В Пин. 1 возможно написание *хы* (наряду с написанием *хи*) при обычных для рукописи *ки* и *ги*. Только новые написания *ки, ги, хи* зафиксированы в Кар. 7, в обеих мезенских и во всех печорских рукописях.

В одном случае отмечено отсутствие второй палатализации, ср. Пин. 1: *и обѣ плещы тростьми на полы раскеплеными бодоша* 257. Написание *оусерѧгъ* 'серьга' в Пин. 99 (29 об.) указывает на отсутствие третьей палатализации в этом слове. Как явствует из последних исследований, именно севернорусские говоры восходят к тем праславянским диалектам, в которых результаты 2-й и 3-й палатализаций отражены непоследовательно.[10]

7. Обозначение мягкости шипящих и [ц']

Обратным образом с обозначением твердости заднеязычных связано обозначение (с помощью следующей гласной буквы) мягкости шипящих и [ц'].

Наименее выразительны сочетания букв *ж, ч, ш, ц, щ* с буквами *а* и *у*, поскольку чередование *а*—*ѧ* (ꙗ) или *у*—*ю* в данном слу-

---

[10] См.: С. М. Глускина. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке. В кн.: Псковские говоры, т. 2. Псков, 1968.

чае не указывает однозначно на отвердение соответствующего согласного. Для всех исследованных памятников обычно сочетание шипящих с *а*, и только очень редко (хотя в пределах отдельного памятника и довольно последовательно) возможны написания типа *жѧ* (в Кар. 223) или *чѧ* (в Пин. 1). Сочетания с *ю* распространены шире. *Чю* пишется последовательно во всех рукописях, *жю*, *шю* — во всех, кроме Пин. 1, Пин. 99, Пин. 131 (в этих рукописях *шу*, *жу* наряду с *шю*, *жю*); в этих же пинежских рукописях последовательно пишется *цу*, *щу* вместо обычных для других рукописей *цю*, *щю* (наряду с *цу*, *щу*).

Только в двух рукописях встречено определенное указание на твердость [ч'] — *чы* в Пин. 131 и в Кар. 225 (обычное обозначение этого сочетания в других рукописях *чи*); *щъ*, *щы* может встретиться в любой рукописи, кроме карельских и печорских. Твердость [ж, ш, ц], отраженная в написаниях *жы*, *шы*, *цы*, *жъ*, *шъ*, *цъ*, отмечается во всех рукописях, но с известным ограничением: все три согласные пишутся с *ы*, *ъ* в мезенских и пинежских рукописях (также в Кар. 7 и в УЦ 2), а в Кар. 223, Кар. 225, УЦ 5 и УЦ 197 возможны написания *цъ* и *цы*, но нет написаний *жы*, *жъ*, *шы*, *шъ*.

Объясняя приведенные данные, следует иметь в виду, что все отраженные в памятниках говоры являлись цокающими, поэтому различие между *ц* и *ч* в приведенных текстах является условным. По-видимому, в представлении писца определенной школы письменный язык характеризовался не различием двух аффрикат ([ц] — [ч'] или [ц'] — [ч']), а противопоставлением двух сочетаний: всегда мягкого *чь*, *чю*, *чи* и т. д. и всегда твердого *цъ*, *цы*, *цу*. Независимо от фонетической интерпретации такого расхождения, единственное, что дают такие написания в плане различительных графических черт северных рукописей, это противопоставление мезенских и пинежских памятников карельским и печорским. Характерно, что противопоставление *цы—жи* встречается в тех именно источниках, которые одновременно сохраняют старые написания *кы*, *гы*, *хы*. Это обстоятельство дает уже основания для фонетического объяснения приведенной графической дифференциации.

8. Цоканье

Смешение *ц* и *ч*, как характерная особенность и современных северных говоров, должно встретиться в памятниках северного происхождения. В действительности же надежные примеры цоканья обнаружены только в трех рукописях: Кар. 223 (дат. мн. *черноризчемъ* 276 об.), Пин. 1 (*срачини* 72 об. при *срацынъ* 108 об., *едину чату* 325 об.), Мез. 116 (*лѣцбами* 150, *человѣколюбча* 159 об.). Почти во всех примерах находим *ч* вместо *ц*, а не наоборот. Такая замена неудивительна в условиях мягкого цоканья,

когда для писца самой важной заботой было установить правила написания именно *ч*. Своеобразный гиперизм и представляют собой обнаруженные примеры.

9. Смешение глухих и звонких согласных перед гласными и сонорными

Написания типа *прижьствие, требетъ, скрешетъ* и т. п. вместо *пришьствие, трепетъ, скрежетъ* характеризуют памятники северного происхождения начиная с середины XII в. и прослеживаются вплоть до XVII в. Фонологически это можно объяснить отсутствием противопоставления согласных по глухости—звонкости.[11] Из обследованных рукописей только Кар. 225 отражает интересующее нас смешение: *слыжахъ* 195 (=*слышахъ*), *ненавите* 78 (=*ненавиде*), *поперет мя* 110 (=*впереди меня*). То же явление напоминает и написание в Пин. 1: *внезапу же наитетъ на тя страхъ* 286 об. (=*найдет*). Однако, учитывая постоянные для этого памятника формы типа *внитти во врата* 79, 81, *изытти* 109 об. и др., можно усомниться в фонетическом значении *наитетъ* (из *наиттетъ*?).

10. Обозначение [г]

Фрикативное [γ] отмечается из северных говоров только в некоторых русских говорах Карелии. Пропуск буквы *г* в тексте Кар. 225 — *ти же разнѣваша* (=*разгнѣваша*) 87, возможно, передает диалектное произношение [γ] в положении между гласными. Впрочем, написание именно этого корня без *г* встречается и в ранних новгородских рукописях.

11. Смешение к ~ х

Смешение *к* и *х* до сих пор распространено на Севере, и это смешение приписывают влиянию неславянского субстрата. Только в Пин. 1 употребляется *х* вместо *к* перед плавным (написание *в схкляницу* 129 об. с последующим исправлением *х* на *к*) и *к* вместо *х* перед передним гласным (*въ кизицы* 143 об. = *хижина*). Указанным заменам можно было бы дать и фонетическое объяснение, например [к] вместо [х] встречено перед [и]; заметим, что Пин. 1 относится к числу рукописей, отражающих изменение *кы, гы* в *ки, ги*, но последовательно сохраняющих старое написание *хы*. По этой причине *хы* в данном случае заменяется не на *хи*, а на *ки* — фонетически самым близким слогом, связанным с гласным переднего ряда.

---

[11] См.: В. В. Колесов. Северновеликорусские чередования согласных, парных по глухости—звонкости. Вестник ЛГУ, 1963, № 2, вып. 1.

После мягкого согласного [а] обозначается буквой ѧ во всех рукописях, за исключением Кар. 225 и второго почерка Пин. 129. В этих последних в данном значении используется буква ꙗ, обычно употребляемая для передачи сочетания [ja], ср. *помꙗну, растꙗженъ, времꙗ, всꙗкъ, клꙗлъ* и т. д. В Кар. 225 использование буквы ꙗ совпадает с употреблением буквы *оу* во всех положениях (ȣ̆ «ук» только изредка в конце слова и притом главным образом при переносе); напротив, в остальных рукописях *оу* пишется лишь в начале слова: *оуноша* — *внȣ̆къ*. Тем самым рукопись Кар. 225 оказывается самой архаичной в обозначении [а] после мягких согласных и [у]. Орфография этой рукописи во многом напоминает орфографию ранних новгородских памятников (например, начала XII в.).

В некоторых источниках наряду с *о* после согласных пишется и ѡ. Ожидаемая связь этого ѡ с напряженным [ô], характерным для ряда русских говоров, не всегда обнаруживается. В Пин. 1 и Пин. 131 ѡ после согласных употребляется очень редко, в Кар. 223 написаний с ѡ гораздо больше, но и здесь они не проведены последовательно и не поддаются никакому объяснению. Тем не менее во всех трех рукописях ѡ обычно употреблено на месте [ô], ср. в Кар. 223: *пѡстъ* 108 об., *мнѡѕи* 88 об., 97 об., *извѡлиша* 106, *гадѡвъ* 219 и др. Создается впечатление, что все такие написания перенесены из оригиналов, которыми пользовались писцы. Если это верно, можно надеяться в будущем встретить рукописи с последовательным разграничением фонем [ô] — [о] в виде различия букв о—ѡ. Такие рукописи могут быть связаны с пинежской и карельской зонами.

В отличие от карельских и пинежских рукописей мезенские и одна печорская довольно часто используют знак ѡ в другом значении, для передачи [о] после определенных согласных; например, в УЦ 2 ѡ пишется после *к, г, х, н, м, в, л, р, б*, в Мез. 3 — после *к, г, х, р, л, н, в, б, п* (единственное исключение: *красѡтъ*), в Мез. 116 ѡ и о не имеют последовательности в употреблении. Таким образом, в восточной части описываемой территории ѡ служит для дополнительной характеристики предыдущих согласных, главным образом заднеязычных и губных, которые в этих говорах не развивали противопоставления по мягкости—твердости и, следовательно, различались каким-то другим признаком. Если эту особенность восточных рукописей связать с характерными для них заменами *е* на *ѣ* после исконно мягких согласных, можно было бы говорить о передаче знаком ѡ лабиовелярности губных и заднеязычных согласных. В любом случае следует отметить распространенность в северных рукописях такого типа написаний, которые передают фонетические характеристики слога в целом, например «мягкость» слога *рѣ* в отличие от слога *ре* или лабиализованность

слога рω в отличие от слога ро. Тщательное изучение большого круга источников покажет в будущем, имеем ли мы здесь дело с орфографической нормой или за указанным распределением кроется фонологическое отличие этого говора.

13. Редуцированные гласные в слабой позиции

Севернорусские говоры до сих пор выделяются большим числом словоформ, в которых на месте слабого редуцированного гласного (который обычно утрачивался с связи с дефонологизацией [ъ, ь]) слышится гласный соответствующего качества. Следовательно, в этих говорах в определенных условиях слабые ъ̆, ь̆ изменились в о и е параллельно изменению сильных ъ̊ и ь̊ в *о* и *е*.

В исследованных рукописях почти нет примеров опущения корневого [о] или [е] по аналогии с «беглыми е и о», например в словах *лед* или *ров*; ср. Пин. 1: *на леду* 66 об., *съ ледомъ* 121 об.; Кар. 225: *в ровѣ* 70; Пин. 129: *ледомъ* 92, и т. п.

Пинежские и мезенские рукописи дают много примеров прояснения слабого редуцированного в сложных сочетаниях согласных. Ср. в Пин. 1:

а) в причастных формах — *отступлеше* 5 об., *преставле́шися* 289 об., *оставле же* 13, *оставлеше* 62 об., 145 об. (ср. *оста́вльшу* 255 об.), *удивле́шися* 83 об., 131 об., *дивле́ся Диоклитианъ* 197 об., *явлешагося* 200 (ср. *явльшемуся* 224 об.), *богу же наставле́шу мя* 226, *роже́ся* 272 об. (ср. *рожься* там же), *стражу запрещешу* 285 об., *рожешую* 289 об.;

б) в суффиксах имен — *богатество* 29 об., *богатествомъ* 65 об., *божественыхъ* 18, *кораблеником* 27 об., *кораблеником* 226 об., *Понтескаго моря* 238, *крѣплеши и лутши* 334 и т. п.;

в) в окончаниях слов: *возвративеся* 2 об.

Такие же примеры прояснения слабых редуцированных в Мез. 116:

а) *рожеши* 34, 136, 142 и др., *совокуплешись* 65, *осквернешаяся* 77 об., *рожешемуся* 84, *явлешуся* 29, *явлешись* 45 и др., *избавлешаго* 44 об., *потоплешу* 142 об. и т. д.;

б) *хужеши* 124, *вышеши его* 86, *превышеши* 32 об., *богатество* 139 об., *земено* 113 (рядом: *земно*) и т. д.;

в) *и вопиющих теме* (= *тѣмь*, т. е. ухом) *услыши* 103, *и приступле молюся* 71 об. и т. д.

В других пинежских рукописях таких примеров меньше, но это как раз памятники с довольно выдержанной традиционной орфографией, и в таких условиях сам факт подобных написаний имеет большое значение; ср. в Пин. 99: (*с*) *гласы пѣснеными* 102 об.; *раждежение душес* 123, *пе́рвенечество* 372, *въ церквѣ предотечевѣ* 492; в Пин. 129: *вѣне́цемъ украсися* 162 об.

Ничего подобного не обнаружено в печорских и карельских рукописях. Правда, в УЦ 197 находим *дале посадникѣ словенскаго*

конца Иване Фомине сыне пречистои богородици... приложиле Иване Фомине... (лл. 7 и 8), однако написания *ле, не* вместо *лъ, нъ* характеризуют только приведенный отрывок — текст дарственной новгородской грамоты, включенной в повествование; это явная зависимость от оригинала, которая не указывает на особенности произношения самого печорского писца.

Слабый редуцированный [ъ̥] в составе предлога в двух памятниках довольно последовательно представлен гласным о, если следующее за предлогом слово начинается с гласного; ср. Пин. 1: *во олътари* 171 об., *со осляте* 178, *во юноши* 268 об., *во иныя* 258 об. и др.; Кар. 225: *во яму 3* об., *изо устъ* 35, *во утро* 91 и др. По мнению Л. Л. Васильева, такое произношение возникло еще до окончательной утраты слабых редуцированных и более всего было свойственно говорам, позднее легшим в основу украинского языка.[12] Последние исследования уточняют этот вывод, подчеркивая более позднее происхождение предложных форм с [о] и говоря о книжном их характере («отражают церковно-книжное произношение писцов»).[13] В нашем случае важно, что прояснение редуцированного отмечается и перед «йотированными» гласными.

О вместо *ъ* в предлоге перед группой согласных в исследованных памятниках встречается гораздо чаще, чем в современном (литературном) языке, ср. в Мез. 116: *во скорби* 19, *воскорѣ* 27 об., 71 и мн. др. (также *воoскорѣ* 157 об.), *ко свѣту* 47 об., *во чревѣ* 47 об., *ко злобѣ* 85 об. и мн. др.

14. Написание сочетаний типа *верх-*

Качество [р] и [л] косвенным образом можно установить и по употреблению их в старых сочетаниях с редуцированным в положении между согласными: *верх-* из *вьрх-*.

В первом почерке Пин. 129 и в двух карельских рукописях (Кар. 7 и Кар. 225) возможны довольно частые (в последней — почти последовательные) написания с редуцированным после плавного, ср. в Пин. 129: *дръжится, отвръзение, тръпя, вртѣти, длъженъ* и мн. др. Обычно такие написания связывают с искусственной традицией «второго южнославянского влияния». Остальные рукописи характеризуют обычные для русских памятников написания типа *держа, отверзъ, терпя.*

Некоторые рукописи дают русские написания, осложненные знаками еров после плавного, например: *о смерьти, скорьби, перъсты.* Таких примеров нет в первом почерке Пин. 129, в Пин. 131, в Кар. 223 и Кар. 225, в УЦ 2 и УЦ 197; всего несколько

[12] См.: Л. Л. Васильев. О влиянии нейотированных гласных на предыдущий открытый слог. Известия ОРЯС, т. XIII, 1908, кн. 3.

[13] См.: О. В. Малкова. К вопросу о влиянии «нейотированных гласных» на предшествующий *ъ* в предлогах и *е* в отрицании в древнерусском языке. В кн.: Русская историческая лексикология. М., 1968, стр. 133.

таких примеров в Мез. 3 (*скорьби, верьзетъ*), Мез. 116 (*горьсть, перь||стомъ*) и УЦ 5 (*отверьзе, серьдечною, сверь||стницы, безмолъствуя*). Таким образом, только в пинежских (и Кар. 7) рукописях обычны написания, которые следует рассмотреть внимательнее.

Легко определить условия появления еров после плавных: *ъ* употребляется перед твердым, *ь* — перед мягким согласным; ср. в Кар. 75: *утверъжающуся, деръжавномъ, деръжати, в теръзании, умеръшвение, умерътвися, деръзати, торъжествуи, усеръдно, черъны, развеоъгше* и др., но также *бесмерьтия, умерьщвяеми, серьдечнаго, усерьдиемъ, о перьсти земной* и т. п. Во втором почерке Пин. 129: *черънъ* 324, *пѣръсты, развѣръземъ, скверъну* и др., но перед мягким *оскорьби, жерьцем, тверьдемъ, скорьби, перьсть, на перьстехъ* (*серьпъ* 318, 320 об.). Зависимость *ь* или *ъ* от характера следующего согласного видна и на других типах сочетаний, например *в ларьцѣ* 331 об. — *старъцу* 315.

В других пинежских рукописях указанная зависимость от следующего согласного менее определима, главным образом потому, что *ъ* может употребляться и перед мягким согласным, но лишь в сочетаниях типа *волхв*, т. е. после корневого *о*, ср. *на Волъзе, молъвятъ* и др. в Пин. 1.

Следовательно, и применительно к данным корням можно говорить об обозначении позиционной мягкости—твердости, но не всех вообще согласных, а только [р] и [л]. Некоторые примеры совпадают с диалектным (в том числе и старомосковским) произношением типа [с'ер'п], [в'ер'х] [п'ер'вый] (ср. *серьпъ* в Пин. 129). Даже если *ь* и *ъ* в приведенных написаниях и служат для указания длительности плавных, они могут обозначать и их позиционную мягкость или твердость. Поскольку такое различие плавных является чисто позиционным, мы вправе говорить об отсутствии в этой позиции старого противопоставления твердых и мягких плавных.

15. Морфологические расхождения

В пинежских и в одной печорской рукописи отражены старые окончания родительного падежа единственного числа имен *кровь* и *любовь*, восходящих к основам на **ū*, ср. Пин. 1: *от крове сия* 255, *любве ради* 333; Пин. 99: *крове* 156, 195 об., 491 об., *ради любве* 183; УЦ 2: *от крове* 43 об., *капля крове* 32. В остальных источниках последовательно отражена общерусская флексия *-и* (*от крови* УЦ 5 и т. д.).

Севернорусское воздействие мягких основ на твердые обнаруживается очень редко и не всегда определенно, ср. в Мез. 3: *во алчбы* и *жажди* 51 (вместо *во алчбѣ*); Пин. 1: *первее не можетъ плода доброте творити* 260 (вместо *доброты*); Пин. 99: *вѣнца побѣде взяста от бога* 339 (вместо *побѣды*). В двух последних слу-

чаях можно предполагать и дательный падеж, и тогда приведенные примеры указывают только на замену ѣ буквой *е*.

Интереснее встреченное в Мез. 116 употребление возвратной частицы в виде *се*: *солнце побѣди се твоею свѣтлостью* 153 об., *сего ради рождеше се в нетлѣние* 215 об., и др. По наблюдениям диалектологов, употребление *се* вместо *ся* очерчивается границами архангельской и олонецкой групп севернорусского наречия.[14]

16. Флексия глагола в 3-м лице настоящего времени

Во всех рукописях глагольная флексия 3-го лица выступает обычно в варианте *-тъ*, что соответствует севернорусским говорам в их современном состоянии. Различительные признаки можно искать только в одном направлении — в употреблении разных флексий (*-тъ* и *-ть*) или в отсутствии их в границах каждой отдельной рукописи.

В современных пинежских говорах записаны формы без окончания, но только в 3-м лице единственного числа у глаголов старого III класса. В Пин. 1 на л. 256 об. находим полное этому соответствие: *яко богъ согрѣшающая мучит, а правдою жившая вѣнчае*. Можно ли на основании такого соответствия делать вывод о диалектном различительном признаке именно пинежских источников, покажут дальнейшие исследования северных рукописей.

Зато совершенно определенно некоторые карельские памятники указывают на смешение флексий *-ть* и *-тъ*. Кар. 225 при обычном *тъ* изредка дает *-ть*: *кто... поживеть* 72 об., *(он) наставить мя* 110 об., *возвеселиться* 123 об. В Кар. 223 флексии *-ть* и *тъ* встречаются одинаково часто и употребляются в известной последовательности: *-ть* выражает окончание 3-го лица единственного и множественного числа глаголов I спряжения, *-тъ* — глаголов II спряжения; ср., с одной стороны, *молитъ, творитъ, велитъ, любятъ, видятъ, ходятъ*, а с другой, — *возметь, избереть, вѣруеть, можеть, дадуть, требують, блюдуть* и др. Глаголы первых трех классов в качестве варианта могут употребляться и с общим для северных рукописей и говоров окончанием *-тъ*, глаголы же IV класса никаких смешений *-ть* и *тъ* почти не допускают.

Полного совпадения с современными русскими говорами на территории Карелии такая дифференциация флексий не дает. Однако важно, что из всех русских говоров только некоторые заонежские дифференцируют употребление *-т* и *-т'* в презенсных окончаниях глагола: здесь лишь глаголы I спряжения и только в 3-м лице множественного числа сохраняют праславянское мягкое окончание (*беруть*), а во всех остальных случаях оно заменяется твердым (*сидят*). Является ли такое распределение результатом

[14] См.: С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола. М.—Л., 1953, стр. 72.

дальнейшего развития дифференциации, сохраненной в Кар. 223, неясно. Тут необходимы дополнительные изыскания. В качестве предварительного вывода можно высказать только следующее предположение: памятники с более или менее последовательным разграничением глагольных флексий *-ть* и *-тъ* следует относить к числу «карельских» (и даже у́же — заонежских).

17. Написание отдельных слов

Расхождение в написании конкретного слова также может стать различительным признаком рукописи.

Чередование *о—е* в некоторых корнях как различительный признак ранних северных и южных рукописей отметил еще И. В. Ягич. По его мнению, написания типа *съсьць, скърбь* более свойственны северным, а *сьсьць, скьрбь* — южным русским памятникам.[15]

В этом смысле карельские и печорские рукописи отражают типично северную огласовку корня; ср. Кар. 7: *гроздъ* 156; Кар. 223: *сосецъ* 256 об., *стормины* 214 об., 215 (=*стремнины*); УЦ 5: *от сосьцю* 92 об., *троскота* 35, *троскотание* 37 об.; УЦ 2: *сосцами* 26. В Кар. 225 наряду с *гроздъ* 123, *гроздову* 121 об. в виде исключения находим *пепелъ* 117. Близки к указанным памятникам Мез. 3 (*гроздъ* и пр.) и Пин. 99, где отмечены: *въ гроздѣ* 448, *попелъ* 391, 483 об., *попеломъ* 125 об., 126, 393, *скорбь* 218, *от сосецъ* 455 об., *троскотъ* 247 об. и т. д.

В пинежских и в близкой к ним по многим показателям рукописи Мез. 116 наряду с указанными написаниями возможны и написания с *е*; ср. в Пин. 1: *на сосцѣ* 98 и *сесца* 110 об., 207 об., также *грѣздновию* 256 и *попелъ* 263, 293, 299 об., 335 об., в Пин. 129: *попе́лъ* 207 об., 237 об., 273 об., *попе́ломъ* 240 об. и *в пе́пелъ* 235 (с изменением словесного ударения), *сосецъ* 240 об., *сосца* 83, 163 об., 171 об., 213 об. и *сесца ссаша* 209 об., *по сесцама* 172 об. и др.; в Пин. 131: *от сосецъ* 7 об., *пепелъ* 55; в Мез. 116: *гроздъ* 91 и *грездъ* 18, *сосца* 32 об. и *сесцю* 153 об., *сесцама* 144, *расторгни* 27, 170 об., *исторгни* 25 об., 148, *расторгла* 156 и *не истергни мене* 142, а также *скорби* 199 об., *скорбящим* 162.

Близость Мез. 116 к пинежским рукописям подчеркивается и возможностью употребления приставки *оби-*; ср. в Пин. 1: *обиядения* 34 (*обятъ* 271); Пин. 99: *обиятъ буди* 211 об. (*обьядения* 246); Мез. 116: *обияла еси* 153 об., *обистояния* 82 об., *обистоянии* 118 об., 143 (*обьяти* 151 об.), тогда как в остальных рукописях находим только *обь-* (в Мез. 3 *об'ятъ* 136 об. и *под'ялъ* 15 наряду с *обьятъ* 255 и др.; в УЦ 2 *об'ятъ* 28 об. и т. д.). Употребление приставки *оби-* — глубоко архаичная особенность северных рукописей, сближающая их с древними новгородскими памятниками.

---

[15] И. В. Ягич. Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889, стр. 15, 26.

Различия в словесном ударении могут оказаться важными в определении происхождения рукописи, но только при условии сплошного и систематического ее изучения с этой точки зрения. Ниже приводятся результаты сопоставлений рукописных источников, проведенных на более широком материале.[16]

Общим отличием всех северных рукописей от южных (если в число последних включать все рукописи, написанные южнее линии Калинин—Ярославль) в области словесного ударения является:

1) почти полное отсутствие оттяжки ударения с подвижноударного имени на еровый префикс, т. е. на предлог-приставку *въ*, *къ*, *съ*;

2) возможность смешения подвижных и окситонированных непроизводных имен и глаголов в сильных формах (с ударением на корне);

3) активное употребление двойных знаков ударения над словом;

4) отчетливое проявление архаических особенностей словесного ударения, вообще утраченных к этому времени южнорусскими говорами.

Различительные признаки рукописей создаются вариациями указанных акцентных особенностей или их отсутствием.

1. Почти никаких примеров оттягивания ударения на префикс не дают печорские и мезенские рукописи (УЦ 2, основной почерк УЦ 5, Мез. 3, также Кар. 6). В первом почерке УЦ 5 оттяжка ударения возможна, но только на еровый предлог, ср.: *вó имя* 5, *вó дни* 14, *сó гнѣвом* 14 об., *кó граду* 20 об., *вó гробъ* 34, *вó страну* 33, *сó страхом* и т. п. Именно это обстоятельство заставляет предполагать искусственность такого рода оттяжек для представителя данной диалектной зоны. Редкие примеры оттяжки ударения на предлог воспринимаются как следование оригиналу, ср. в Мез. 3: *по мóрю* 191 об., *на мóре* 190, *на нóсъ* 180, *на пóмощь* 189 об., *по рядý* 129, *на лѣ́съ* 179, *другъ за дрýга* 151 об. и мн. др., при возможной оттяжке в сочетании с числительным: *зá пять* 58 об., 134, *зá два и зá пять* 173 об. (рядом: *за двà* 173 об.),

[16] Дополнительно изучены следующие акцентованные рукописи ИРЛИ: из Карельского собрания Кар. 6 (конец XVII в.) и Кар. 10 (XVII в.); из Печорского собрания УЦ 6 (XVII в., с текстом хождения Трифона Коробейникова) и ВП 2 (XVII в., с текстами жития Александра Невского и повести о посаднике Щиле). Привлечены также акцентованные северные рукописи других собраний: Ст. — сборник XVII в. из Заонежья, БАН, 21.7.8; Пч. — Пчела 1640 г. (Вологда), ГПБ, Кир.-Белоз. 114/1191; Зап. — записная книжка монаха (Кубенское озеро), нач. XVII в., ГПБ, O.XVII. 67; Д. — сборник XVII в. (Заонежье), БАН, собр. Г. Ф. Нефедова № 3; Уст. — Житие Прокопия и Иоанна устюжских чудотворцев, XVII в. (Устюг Великий), БАН, 45.10.2.

зá три 179 об. Таким образом, для восточной части изучаемой территории характерно сохранение словесного ударения и в границах словосочетания, т. е., другими словами, характерна и до сих пор отмечается синтагматическая устойчивость ударения.

Оттяжка ударения на любые предлоги, кроме еровых, наблюдается в Пин. 131, УЦ 6, ВП 2, Ст., Д. Только в очень редких, специфически церковных сочетаниях отмечена оттяжка на еровые предлоги, ср. в ВП 2 *вó страсѣ божии* 125, в УЦ 6 *вó церковъ* 80 об., в Д. *сó страхом божиимъ* 2 об., 14 об., в Ст. *вó вѣки* 8, 26, 32, 49 об., *сó страхомъ* 40, в Пин. 131 *вó гласѣ* 101, *сó властью господней* 149. Такие редкие примеры оттяжки ударения вслед за Л. Л. Васильевым можно считать отражением церковного произношения и объяснять их влиянием оригинала рукописи.[17] Кстати, ВП 2 и УЦ 6 вообще дают очень мало (не более двух десятков каждая) примеров оттяжки на другие предлоги (*нá, зá*), сближаясь в этом отношении с памятниками первой группы, к которым они принадлежат территориально.

К третьей группе следует отнести рукописи, указывающие на оттяжку ударения на любой предлог, в том числе и еровый: Кар. 7, Кар. 10, Зап., Пч. и почти все пинежские (Пин. 1, Пин. 99, Пин. 129). Ср. в Пин. 129: *нá землю* 11, *нá древѣ* 49, *нá полы* 51 об., *пó ряду* 65 об., *нá гробъ мои* 78, *дó времени* 81 об., *пó плоти* 105, *нá месть* 108, *нá помощь* 135, *нá власть* 225 об., местн. ед. *нá земли* 299 об. и мн. др., а также на еровый предлог: *кó гробу* 9 об., *вó градѣ* 88, *вó время* 47 об., *вó свѣтѣ* 69, *сó древа* 84, *вó дни* 124 об. Впрочем, количество примеров с оттяжкой на еровые предлоги и в этой группе памятников ограничено. Как правило, такая оттяжка касается тех слов, которые в сочетании с предлогом обычно безударны; ср. *дó времени, нá время, прú времени, ý гроба, нá гробъ, прú гробѣ*; в результате и присоединение еровых предлогов вызывает аналогичную оттяжку ударения с корня, ср. *вó время, кó времени, кó гробу, вó гробъ* и т. д. Другими словами, приведенные оттяжки на еровые предлоги могут быть результатом выравнивания ударения в пределах сочетания; следовательно, соответствующие говоры характеризуются синтагматической неустойчивостью словесного ударения. Географически эта особенность распространяется на территорию к востоку от Онежского озера, включая юг Архангельской и север Вологодской областей.

2. Совмещение подвижных и окситонированных корней особенно четко прослеживается в глагольных формах настоящего времени. При широком развитии наконечного ударения во 2-м и 3-м лицах единственного числа, 1-м и 3-м лицах множественного числа обнаруживается полное отсутствие накоренного ударения в 1-м

---

[17] Л. Л. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII вв. Л., 1929, стр. 7.

лице единственного числа для исконно подвижных корней и частичное сохранение наконечного ударения во 2-м лице множественного числа.

Наряду с закономерным для подвижных корней ударением типа *уморя́тъ*, *скорби́тъ*, *учи́тъ*, *яви́тъ*, *несу́тъ*, *несе́ши* и т. д. северные памятники дают такое же (наконечное) ударение и для исконно окситонированных корней, ср. *лови́тъ*, Пин. 229 (л. 244 об.), Пин. 99 (л. 10 об.), *ловя́тъ* УЦ 6 (л. 157), *могу́тъ* Уст. 24, *люби́ши* Зап. 95; см. в Пч.: *смотри́ши* 112, *ходи́ши* 143 об. и т. п. вместо исконной акцентовки на корне. Такое расхождение между исконным и диалектным ударением окситонированных корней дает возможное расхождение между памятниками разных областей Севера:

губи́тъ, *губи́ши*, *губя́тъ*, *губи́мъ* в Пин. 129, Пин. 131, Пин. 1, но вместе с тем и *погуби́ши* Зап. 72, *погу́биши* Зап. 122 об.;

держи́тъ, *держи́ши*, *держа́тъ*, *держи́мъ* в Мез. 3, УЦ 6, Пин. 1, Пин. 99, Пин. 129, Пин. 131, но вместе с тем и *де́ржатъ*, *де́ржимъ* в Ст., Д;

моли́тъ, *моли́мъ*, *моли́ши* в Мез. 3, Кар. 7, Зап., но вместе с тем и *мо́лимъ*, *мо́лятъ* в Пин. 99, Пин. 129;

отпусти́тъ, *отпустя́тъ* в Мез. 3, Пин. 1, но вместе с тем и *отпу́ститъ*, *отпу́стятся* в Кар. 10, Ст.;

скорби́тъ, *скорби́ши* в Зап., Пин. 129, но и *ско́рбиши* в Ст.;

твори́тъ, *твори́ши*, *твори́мъ* в Пин. 1, Пин. 99, Пин. 129, Пин. 131, Пч., но вместе с тем и *тво́ритъ*, *тво́рятъ* в Ст., Пин. 1;

терпи́ши, *терпя́тъ*, *терпи́мъ*, *терпи́тъ* во всех пинежских, а также в УЦ 2, Кар. 7, Кар. 10, но вместе с тем и *сте́рпитъ* Ст. (здесь же *терпи́ши*), а также в УЦ 6: *те́рпи́мъ*, *те́рпятъ* (также *терпи́тъ*).

Привлекая примеры колебания ударения в низкочастотных глаголах (например, ВП 2: *получи́ши и полу́ча́тъ*; Мез. 3: *положи́тъ* и *поло́жатъ*; Ст.: *мо́лчи́ши*, *де́рзнетъ* и т. п.), можно совершенно определенно очертить границу постепенной стабилизации ударения на корне: она обнаруживается в заонежских и в северовосточных (печорских) рукописях, отражая устойчивость словесного ударения.

Исконно подвижные и окситонированные глаголы отличались друг от друга и ударе́нием в форме 1-го лица единственного числа: подвижные на корне (*ле́жу*), окситонированные на окончании (*молю̀*).

Накоренное ударение подвижных корней в 1-м лице единственного числа не известно в современных северных русских говорах и, по-видимому, не отражается в северных рукописях. Только в Пин. 99, переписанной с печатной московской книги, обнаруживаем дифференциацию окситонированных и подвижных глаголов в данной форме; ср. у окситонированных *могу̀* 357 об., *молю̀* 23 об., 88 об., *ношу̀* 94, 166 об., *прошу̀* 232 об., *хожду̀* 194 об., *хощу̀* 245 и т. д.; у подвижных *вве́ду* 69, *на́веду* 118, 249,

да́ю 304 об., *зо́ву* 135, 355, *ле́жу* 109, 120, 301, *по́несу* 114 об. и мн. др.

Такого рода дифференциация совершенно чужда рукописям, написанным на Севере. Два отмеченных исключения (УЦ 5: *ско́рблю* 83 об.; Пин. 99: *сте́рплю* 34 об., при возможном ударении в Кар. 7: *скорблю̀* 133 об. и т. д.) в такой ситуации только подчеркивают правило, которое заключается в том, что подвижные по своему ударению в форме 1-го лица единственного числа совпадают с окситонированными, т. е. *ле́жу* дает *лежу̀* и т. п.

Исконное наконечное ударение подвижных корней во 2-м лице множественного числа полнее всего отражено в пинежских рукописях, и это полностью соответствует современному произношению юго-восточных архангельских говоров; ср. в Пин. 1: *впадетѐ* 43 об., *дадитѐ* 36 об., *держитѐ* 92, *живетѐ* 333 об., *творитѐ* 270, *пасетѐ* 265, *бежитѐ* 252 об. и др.; в Пин. 99: *даетѐ* 224, *поживетѐ* 249 об. и мн. др. Если в копии с печатной книги Пин. 99 отражено сохранение подвижного типа *жи́ву—живе́тъ—живетѐ*, то Пин. 1 является примером собственно севернорусских акцентовок: *живу̀-живе́тъ-живетѐ*. В мезенских и печорских рукописях, как и следовало ожидать, исходя из общих особенностей их ударения, нет надежных примеров наконечного ударения во 2-м лице множественного числа (кроме *творитѐ* и *обложитѐ* в УЦ 2), а некоторые карельские источники дают их в ограниченном количестве (4 раза Кар. 10, 1 раз Кар. 6, 1 раз Ст.). В этих крайних западных и крайних восточных русских говорах Севера ударение максимально стабилизировалось, утратив подвижность. Этой особенностью данная группа говоров выделялась и при характеристике оттяжек ударения на предлог.

Сказанное целиком относится и к именным формам. Например, у прилагательных, производных от окситонированных имен, развивается новое наконечное ударение, которое в исходной системе было свойственно только производным от подвижных имен; ср. в Пин. 129: *мечно́е* 30, 239; Пин. 131: *рѣчно́е* 21, *чревно́е* 86 об., *чревно́му* 62 об., *блудно́й* 35 об.; Пин. 99: *травно́е* 105, и т. д. (вместо исконного *ме́чное*, *рѣ́чное* и т. п.).

3. Двойные знаки ударения над одной словоформой свойственны определенно северным рукописям, например УЦ 5, УЦ 6, Мез. 3, Пин. 1, Пин. 129, Пин. 131, но отсутствуют в Пин. 99, переписанной с московского издания. Дело здесь, следовательно, не в колебаниях писца, встретившего в оригинале ударение, расходящееся с его собственным диалектным. Если бы такое объяснение было верным, колебания прежде всего обнаружились бы в Пин. 99, как в переписанной рукописи с определенно несеверной системой.

Вторым знаком ударения обозначается предударный (одновременно он является предконечным) слог или новозакрытый слог слова, например: *кри́чю̀*, *хва́лу̀*, *зѣ́лѷ*, *смѣ́шно̀* или (с новозакры-

тым слогом) *сдѣла́лъ, оста́ви́лъ, прии́ду́тъ, хода́та́и, трепе́ще́тъ* и т. д. Таким образом, северные рукописи показывают взаимодействие двух последних слогов слова по ударению, а это отражается и в современном севернорусском произношении (происходит смешение длительности конечного слога и динамического ударения предпоследнего слога, или наоборот).

4. Общий архаический характер северных ударений можно иллюстрировать на акцентовке отдельных слов или форм.

Так, акцентное расхождение между родительным и отложительным значениями родительного падежа единственного числа имен женского рода хорошо прослеживается как раз на материале этих источников; ср. Пин. 1: *принести во́ды* 202; Пин. 99: *яко стѣна во́ды* 99 об. (ср. в другом значении формы *от воды̀* 256 об., *от горы̀* 222); Мез. 3: *в конецъ го́ры* 238; УЦ 6: *и ту пробито го́ры до полусажени* 13 об., 98; Д.: *около же го́ры каменыя* 76 об. и др. (ср. у Ломоносова: *вздержите быстрой ре́ки ток*; у Пушкина: *не жажду го́ры серебра*). Такому ударению генетивного значения противопоставлено в тех же рукописях наконечное ударение этих форм в их отложительном значении (*от горы̀, от воды̀* и т. п.).

Окситонированные имена мужского и среднего рода в местном падеже множественного числа исконно имели накоренное ударение, т. е. *в се́лѣхъ, в грѣ́сѣхъ*. Северные памятники дают интересное отступление от этой нормы: только имена среднего рода сохраняют старое ударение на корне, в то время как имена мужского рода обобщают новое для них наконечное ударение, свойственное прежде только подвижным именам; ср. Пин. 99: *въ се́лѣхъ* 31, 211, 334, *на ко́лѣхъ* 449 об., 501 об., но вместе с тем и *на торзѣ́хъ* 171 об., *въ грѣсѣ́хъ* 272 об., *на скотѣ́хъ* 295 об. и др.; Мез. 3: *в се́лѣхъ* 150, но вместе с тем и *рабѣ́хъ* 264; Пин. 129: *на ре́брѣхъ* 119, но вместе с тем и *грѣсѣ́хъ* и т. д. Только в одном слове мужского рода отмечено последовательное накоренное ударение данной формы: *во дво́рѣхъ* (Пин. 1, Пин. 99, Пин. 129 и др.), — ударение, единственно возможное в этом слове в древнерусском языке[18] и отражающее даже оттяжку на предлог (*во́ дворехъ* Кар. 1, л. 356).

Именно севернорусские рукописи последовательно сохраняют старое наконечное ударение женских имен *jā-основ; ср. вин. мн. *броня̀* в Пин. 131 (л. 153 об.); ср. также Пин. 1: *воня̀* 156; Пин. 99; *воня̀* 427; *стража́* 132 *мрежа̀* 407 об.; УЦ 2: *вонѝ* 62; УЦ 5: *по волѣ́ его* 105 об.; Мез. 3: *тоня̀* 128 и др. В северных же рукописях сохраняется архаическое ударение производных имен; ср. *ти́шина* в Пин. 131, Пин. 1 и др., и современное поморское ударение этого слова *ти́шина* с ударением *тишину̀* в Мез. 3 (л. 191), которое отражает несевернорусскую и во всяком случае позднюю акцентовку данного слова.

---

[18] См.: Л. Л. Васильев. О значении каморы..., стр. 214.

При определении диалектных лексических расхождений в границах севернорусского наречия следует, по-видимому, отказаться от мысли о географическом варьировании заимствований или общерусских архаизмов. Например, слово *карбас*, хотя и отмечено лишь в некоторых источниках (ср. Мез. 3: *карбасъ лодеиной* 237 об.), однако вполне может быть встречено и в рукописях других северных местностей, если характер текста, его содержание этого потребуют. Равным образом встречаемое в Кар. 223 слово *ногата* (*удержа у себе десять ногатыхъ* 75) не дает оснований для установления диалектной границы слова, потому что нигде на Севере, и в Заонежье в том числе, такое обозначение денежной единицы, естественно, уже не встречается.

Ниже приводятся диалектные слова, извлеченные из рукописей, в настоящее время известные только в некоторых северных говорах.[19]

Жератокъ, ср. в Пин. 1: *и помазаша главу его масломъ и жератком посыпатъ бысть* 254 об. Слово *жераток* (*жараток*) 'место в печи для хранения жара' не встречается теперь в печорских, мезенских и пинежских говорах, оно отмечено только в западных районах севернорусского наречия: в Архангельской (Кемь), в некоторых местах Новгородской, Калининской, Вологодской и Ярославской областей, в русских говорах Карелии. В Кеми это слово отмечено с другим значением: 'железный прут у печи для навешивания котлов', в нашем тексте оно употреблено в своем исконном значении — 'пепел, зола'.

Жировати, ср. в Пин. 1: *завесть и лесть жируетъ и несытость держится* 146 об. В данном значении (*жира* — 'жизнь, хозяйство') слово употребляется в вологодских, архангельских и олонецких говорах вплоть до Шенкурска, т. е. и применительно к нашему тексту может считаться диалектным.

Зегзица, ср. в Кар. 8 (рукопись XVII в.): *птица гогзица* 62 об. Слово соотносится с современным заонежским *загошка* 'кукушка'. В печорских и пинежских говорах это слово не отмечено, так же как и в других русских говорах (по данным картотеки Словаря русских народных говоров).

Лядина, ср. в Пин. 99: *и взыдетъ на него* (т. е. на виноградник, — *В. К.*) *яко на лядину терние* 196 об. Это слово неизвестно в мезенских и печорских говорах, но встречается в архангельских, северноленинградских, вологодских, калининских, новгородских го-

[19] Для сопоставлений использованы картотеки словарей русских говоров Печоры, Пинежья и Карелии (хранятся на кафедре русского языка и при Межкафедральном словарном кабинете в ЛГУ), а также обширная картотека к Словарю русских народных говоров Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР. Для краткости в тексте не делаются отсылки к этим источникам.

ворах и в русских говорах Карелии во многих значениях, в том числе как 'топкое место в лесу', 'молодой лесок на запущенном поле'.

Одерень — как юридический термин в настоящее время неизвестен, но это слово зафиксировано в новгородском (*водерень* 'в рабство') и колымском (*одеревень* 'в собственность') русских говорах. Данное слово встречено в УЦ 197 в тексте старой новгородской дарственной грамоты и потому, строго говоря, различительным признаком служить не может (ср. сказанное выше об архаизмах в рукописях).

Осторобленый, ср. в Пин. 1: *остороблєному от него и простившему и* 314 об. Это слово не регистрируется ни диалектными, ни историческими словарями. По мнению А. А. Шахматова, принятому и М. Фасмером в «Этимологическом словаре русского языка», это слово представляет собою результат контаминации двух слов — *усторобити* (ср. *стербнути*) и севернорусского *сторов* (из *здоров*) и означает 'выздороветь'.

Похабъ, ср. в Кар. 223: *они же рѣша: честный отче, нѣкыи похабъ прииде к тебѣ прося* 79. Старое значение этого слова 'юродивый' зафиксировано теперь только в Архангельской области (*похаба* 'поврежденный умом, юродивый'). Это опять-таки территориально совпадает с западной частью севернорусских говоров.

Рудити, ср. в УЦ 197: *а хто наступи и грамоту нашу поруди и от богородици отдастъ.* Соответствующее слово в настоящее время отмечено только в печорских говорах (*рудиться* 'испачкаться сажей, или чем-либо еще'), а судя по старым текстам, употребляющим его в другом значении ('нарушить'?), оно распространено было в памятниках московской сферы влияния (на востоке).

Свычай 'навык' отмечается в современных заонежских говорах, а по памятникам только в Пин. 1: *и паки нудяше мя другое доспѣти полотно, яко уже и свычай ми бысть* 234; также в Пин. 129: *ти яко свычаевѣ* (*это делать*) 180 об. По производным (*свычный*) это слово можно восстановить для архангельских, костромских, олонецких, новгородских и некоторых сибирских говоров.

Смяглъ, ср. в Пин. 129: *Христосъ бо бѣ смяглъ лицемъ* 219. Ближайшая (и единственная) диалектная аналогия к этому слову обнаруживается в череповецком говоре, в котором в начале века записано: *смягнуть* — 'неприятное ощущение во рту после болезни'. По мнению М. Фасмера, это слово встречается только в древнерусском языке со значением 'темный, черный' (И. И. Срезневский сопоставлял его со *смуглъ*). Сопоставление с череповецким указывает на возможный оттенок значения: 'жаркий' (Христос отличался от окружающих не черным, а пылающим лицом).

Церкати, ср. в Пин. 1: *он же тростию прецеркаше* 263. В 1928 г. в с. Усьяно-Дмитриевское на Северной Двине это слово записано в том же значении: *церкать* — 'царапать, чертить'.

Шаять, ср. в Мез. 3: *пития же пиянственного отнюдъ ошаятися повелѣ* 115. *Шаяти* 'тлеть' употребляется в севернорусских говорах, но только не в мезенских и не в печорских.

Следует отметить, что из приведенных слов *жераток, жирует, лядина, похаб, свычай, шаяти* характерны для западной части севернорусского наречия, а *рудити* — для восточной его части (одновременно указывая на связи с московскими источниками). *Зегзица,* возможно, сохраняется только в рукописях, написанных в районе Карелии. *Одерень* и *остороблений* (последнее только в том случае, если верно толкование А. А. Шахматова) — специально северные диалектные слова; на это указывают второе полногласие в *одерень* и контаминация на специфически севернорусском *сторовъ* в *остороблений*. Пока что эти два слова зарегистрированы только на западе описываемой территории. К западной же территории распространения севернорусского наречия, по-видимому, следует отнести и *смяглъ, церкати* (с отражением цоканья во втором слове).

20. Результаты сопоставлений

Таким образом, по акцентологическим и лексическим особенностям печорские и мезенские рукописи противопоставлены карельским и пинежским. Это позволяет выделить два ареала: восточный и западный. Морфологические особенности (прежде всего глагольная флексия *-ть*) и ряд фонетических (например, *е* и *и* на месте *ѣ*) дополнительно разграничивают пинежские и некоторые карельские памятники.

Орфографические особенности рукописей, связанные и не связанные с фонологическими системами соответствующих говоров, представляют более сложную картину. Это неудивительно, учитывая возможность территориально широкой орфографической традиции по отношению к некоторым особенностям письменной речи. Приводимая ниже таблица показывает наличие (+) или отсутствие (—) рассмотренных особенностей в конкретных рукописях (плюс или минус, данные в скобках, указывают возможность колебания в ту или иную сторону), ср.: 1) возможность замены *ѣ* на *е* в изолированной позиции; 2) возможность замены *ѣ* на *и*; 3) возможность замены *е* на *ѣ* после сонорных и аффрикат; 4) замена *е* на *ѣ* без всяких условий; 5) пропуск сонорного в консонантном сочетании; 6) смешение твердых и мягких сонорных; 7) возможность написаний типа *лн* при написаниях с редуцированным типа *льм*; 8) возможность всех вариантов написаний типа *лн, лм* без *ь*; 9) употребление *ь* в суффиксе *-ьск* после *р, л, н;* 10) ассимиляция согласных по мягкости—твердости; 11) примеры отвердения губных и зубных согласных; 12) написания типа *кы, гы, хы*; 13) написания *ци* и *жи* (+) или *цы* и *жы* (—); 14) отражение

Особенности / Рукописи	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25
Кар. 7	+	—	+	—	+	+	+	—	(+)	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	+	—		+	+ (+)	—
Кар. 223	+	—	+	—	+	—	+	—	(+)	—	—	+	+	—	—	+	—	—	(+)	—	—		—		+
Кар. 225	+	+	—	—	+	+	—	+	(+)	—	+	+	+	+	+	—	+	+	—	—	—	+	+		+
УЦ 197	+	+	—	—	—	—			—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—			— (—)	—
УЦ 5	+	—	+	—	—	—	+	—	+	—	+	+	+	—	+	—	—	—	—	(—)	—		+	— (—)	—
УЦ 2	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—		+	— (—)	—
Мез. 3	+	—	—	+	+	+	—	+	+	+	+	—	—	+	+	—	—	—	+	(—)	—		+	— (—)	—
Мез. 116	+	(+)	+	—	+	+	—	+	+	+	+	—	—	(+)	—	+	—	—	+	(—)	+	+	—		—
Пин. 1	+	(+)	+	—	+	+	—	(+)	+	—	+	(+)	—	—	+	+	—	—	(+)	+	+	+	—	+ (+)	—
Пин. 99	+	(+)	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	+	+	—	—	—	—	+	+	—	+	+ (+)	—
Пин. 129	+	(+)	(+)	+	—	+	—	+	+	—	+	(+)	—	+	+	—	—	+	—	+	+	+	—	+ (+)	—
Пин. 131	+	—	—	—	—	—	—	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	(+)	—	—	—	—	+ (—)	—

аканья; 15) замена ѧ на е в безударной позиции; 16) отражение цоканья; 17) смешение глухих и звонких согласных в сильной позиции; 18) написание ѩ после согласных; 19) употребление ѡ после заднеязычных и губных (+) или на месте исконного [ô] (—); 20) написания типа *перьсть, верьхъ*; 21) прояснение слабого редуцированного; 22) прояснение слабого редуцированного только в предлоге (типа *во утро*); 23) написания с о в корне в словах типа *гроздъ* (+) или колебания типа *сосець—сесець* (—); 24) оттяжка ударения на предлог (в скобках — возможность оттяжки на еровый предлог); 25) возможность употребления *-ть* в глагольных формах.

Учитывая количество плюсов, следует выделить все печорские рукописи и Пин. 131 (минимальное число различных признаков), а с другой стороны собственно пинежские (Пин. 1, Пин. 129) и близкую к ним рукопись Кар. 225 (максимальное число различных особенностей). Карельские и мезенские памятники твердо занимают срединное положение по количеству различных особенностей письма и языка. Таким образом, легче всего идентифицировать рукописи пинежского происхождения, труднее

всего — печорские. Сопоставление печорских источников с Пин. 131 показывает, что дело здесь не в характере и интенсивности диалектных особенностей, а в типе письма — устойчиво традиционном, очень «грамотном».

С обозначением сонорных связаны различительные признаки в графах 3, 5—9, 20. По характеру отклонений от традиционной графики и орфографии можно судить, что в пинежских, мезенских и некоторых русских на территории Карелии говорах функционировала сложная система плавных: в отличие от других согласных они характеризовались повышенной длительностью, а также мягкостью.

По изменениям, связанным с редуцированными, выделяются пинежские рукописи (а также близкая к ним рукопись Мез. 116), ср. написания типа *отступлеша* вместо *отступльша, во утро*, оттяжка на еровый предлог и колебания в обозначении старых корневых [ь, ъ]. Это указывает на своеобразие в изменениях редуцированных в окраинных новгородских говорах. Карельские и некоторые печорские отличаются от рукописей других областей особенностями в обозначении заднеязычных и шипящих, мезенские — в обозначении ассимилятивной мягкости согласных.

Таким образом, каждая группа памятников имеет свой набор различительных особенностей, которые следует воспринимать в целом, в связи с остальными особенностями текста.

Что же касается диалектных систем, отраженных в изученных памятниках, то в качестве предварительного можно сделать следующий вывод. Наиболее архаичную диалектную систему отражают пинежские рукописи, наибольшую близость к памятникам московского происхождения показывают рукописи восточной зоны (мезенские и печорские), наибольший разброс в проявлении различных особенностей дают карельские рукописи, из чего следует заключить о внутренней неоднородности карельских памятников в смысле их происхождения.

Ю. К. Бегунов

ДРЕВНЕРУССКАЯ КНИЖНО-РУКОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ ПРИЧУДЬЯ

(Обзор)

Появление русской рукописной книги в Эстонии было обусловлено давними историко-культурными связями двух народов — эстонского и русского. Первые рукописные книги на славянском языке появились на эстонской земле еще в XI в., когда князь Ярослав Мудрый основал на месте замка Тарбат новый град Юрьев (1030 г.). В XI—XII вв. проникновение русской книги носило случайный характер, так как на территории Эстонии еще не было устойчивого русского населения. Последнее появилось позд-

нее, в XIII в., когда во многих городах Прибалтики, и в первую очередь в Колывани и Юрьеве, возникают «русские концы», «русские улицы» и русские церкви. Храмы Николы Чудотворца и Георгия Победоносца были центрами новгородско-псковских торговых организаций — купеческих «сто», входивших в ганзейский союз.[1] Тогда же появляется первое устойчивое русское население на территории Эстонии — к северу и северо-востоку от Чудского озера, на реке Нарове (крепость Сыренец).[2] Северный берег Чудского озера от Наровы до Логовеси (Лохусу) еще в XII—XIII вв. заняла ославянившаяся водь. В XIII—XIV вв. выходцы из Псковской земли, жившие на р. Желчь, основали на острове, называемом лифляндцами Порка или Борка, деревню Желч или Желачек (Жолчок); позднее, после 1721 г., этот находившийся на скрещении водных торговых путей Нарва—Псков остров получил название Межа или Пийрисаар, так как граница между Лифляндской и Петербургской губерниями проходила как раз через него. Этот остров в течение веков служил «мостом», связывающим восточный, «русский» берег Чудского озера с западным, «эстонским» берегом. На западном берегу Чудского озера еще не было постоянного населения в XIII—XIV вв.; строились лишь временные хижины для рыбаков, занимавшихся сезонным ловом рыбы. По данным польских и шведских ревизионных книг, в конце XVI—XVII в. возникают небольшие смешанные эстонско-русские рыбацкие деревни на западном берегу Чудского озера между Лохусу и Омеду, в том числе Муствээ, Райя, Кикита, Тихеда, Казепя, Нина и др.[3]

У русских поселенцев, несомненно, были свои книги, особенно богослужебные.[4] Крупнейший книжный центр северо-западной

[1] Храм св. Николы упоминается с 1371 г., см.: Н. Цветиков. Церковь святителя и чудотворца Николая Мирликийского в г. Ревеле. В кн.: Труды Московского предварительного комитета X археологического съезда в г. Риге, вып. II. М., 1896, стр. 169—181. Ср.: А. С. Будилович. О русском Юрьеве старого времени в связи с житием священномученика Исидора и с ним сопострадавших 72 юрьевских мучеников. В кн.: Сборник учено-литературного общества при имп. Юрьевском университете, т. IV. Юрьев, 1901, стр. 75—144; Страдания св. священника Исидора и с ним 72, изданное при службе им. СПб., 1897; В. Плисс. Святые юрьевские мученики — пресвитер Исидор и с ним 72 и первое празднование памяти их на месте мученической кончины их в г. Юрьеве. Рижские епархиальные ведомости, 1898, № 3, стр. 103—120; А. И. Рогов. Повесть об Исидоре Юрьевском как исторический источник и памятник русской публицистики периода Ливонской войны. В кн.: Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969, стр. 313—327.

[2] А. К. Вассар. Эстонские земли в составе древнерусского государства. Известия Академии наук ЭССР, т. 3, № 2, Таллин, 1954, стр. 167—181.

[3] A. Moora. Peipsimaa etnilised ajaloost. Ajaloolis-etnografaafiline uurimus eesti-venesuhetest. Tallinn, 1964, pp. 51—65, 287.

[4] Так, например, в 1582 г. протестанты разрушили в Колывани русскую церковь св. Николы и нашли в ней несколько русских книг. См.: Н. А. Лейсман. Состояние православия в Прибалтийском крае со времени утверждения в нем немцев до присоединения Ливонии к России. В кн.: Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской епархии, вып. 1. Рига, 1898, стр. 161.

Руси Псково-Печерский монастырь распространял русскую книгу среди эстонского населения и полуверцев юго-востока страны.[5]

Оживление древнерусской письменной культуры связано с новой волной русских переселенцев в Причудье в конце XVII—начале XVIII в. Возникли первые поселения русских старообрядцев, давшие начало устойчивому русскому рыбацкому населению западного берега Чудского озера.[6]

Первые староверы в Эстонии появились в конце XVII в. на побережье близ Муствээ. После освобождения прибалтийских земель от шведского владычества (1704 г.) на них устремились сотни крестьян из Псковской, Новгородской, Витебской губерний, а также из центральных областей России, спасавшихся от преследований правительства и никонианской церкви. В 1710 г. на речке Выбовке

---

[5] Во время русско-ливонской войны в 1553—1558 гг. игумен Псково-Печерского монастыря Корнилий «наполни грады чужие русскими» и успешно проповедовал православие, распространяя русские книги в Нейгаузине и других ливонских городах.

[6] Сведения об истории заселения, быте, культуре и языке русского населения в эстонском Причудье см.: Беспоповцы в Эстляндской губернии (статьи из «Эстляндских губернских ведомостей» за 1869 и 1870 гг.). В кн.: Эстляндский сборник. Ревель, 1870, стр. 177—179; Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской епархии, вып. 1. Рига, 1893; Труды Московского предварительного комитета X археологического съезда в г. Риге, вып. II. М., 1896, стр. 88—96, 98—102, 169—181; К. А. Малышев. Краткая летопись Кикитовской общины в Причудском крае. Родная старина, 1929, № 7, стр. 27; И. Н. Заволоко. 1) Житие Феодосия Васильева. Родная старина, 1929, № 8, стр. 6—8; 2) Ряпино. Там же, № 9, стр. 9—10; 3) История церкви Христовой. Рига, 1937, стр. 152—153; Протокол 5-го старообрядческого съезда в Эстонии 17—19 июля 1928 г. Красные Горы, 1929; Старообрядчество в Эстонии. Родная старина, 1932, № 11—12, стр. 22; Русский календарь за 1930—1939 гг. Таллин, 1930—1939; N. Hindo. Ap. õigensu Räpina kogudus (1752—1937). Räpina, 1937; K. von Stern. Dorpats-und Pleskaus-Kampf um die Fischerei auf dem Peipussee. Posen, 1944; Т. Ф. Мурникова. 1) Личные имена в говоре Причудья. (По материалам диалектологической экспедиции 1958 г.). Ученые записки Тартуского гос. университета, вып. 78, Труды по русской и славянской филологии, т. II, Тарту, 1959, стр. 229—237; 2) Русские говоры в Эстонии. Ученые записки Латвийского гос. университета им. Петра Стучки, т. 36, Филологические науки, Сборник кафедры русского языка, вып. 6а, Рига, 1960, стр. 44—52; 3) Из материалов диалектологических экспедиций на остров Пийрисаар (1955—1960 гг.). Ученые записки Тартуского гос. университета, вып. 104, Труды по русской и славянской филологии, т. IV, Тарту, 1961, стр. 266—271; 4) Описание русского говора острова Пийрисаар. Там же, вып. 119, Труды по русской и славянской филологии, т. V, Тарту, 1962, стр. 345—363; А. Л. Мурников. 1) Остров Пийрисаар и старообрядцы поморцы (в Эстонской ССР). В кн.: Старообрядческий церковный календарь на 1959 г. Вильнюс—Рига—Москва, 1959; 2) Из прошлого и настоящего Воронейской общины старообрядцев поморской церкви. В кн.: Старообрядческий церковный календарь на 1971 г. Вильнюс—Рига—Москва, 1971, стр. 75—76; Л. Э. Альтин. Некоторые топонимические наименования на острове Пийрисааре. Ученые записки Тартуского гос. университета, вып. 104, Труды по русской и славянской филологии, т. IV, Тарту, 1961, стр. 272—276; A. Moora. Peipsimaa etnilised ajaloost. Ajaloolis-etnografaafiline uurimus eesti-venesuhetest. Tallinn, 1964.

(мыза Ряпина) последователи старообрядца Феодосия Васильева построили общежительный монастырь. История его возникновения следующая. В самом конце XVII в. в среде старообрядцев-беспоповцев возникли разногласия по ряду догматических вопросов (в том числе о титле «Исус Назарянин, царь иудейский» на кресте и т. п.), по вопросу о браках и др., которые привели к уходу недовольных во главе с Феодосием Васильевым, бывшим ранее дьячком Крестецкого яма и происходившим из рода московских бояр Урусовых. В 1699 г. они обосновались в польских пределах, в Кропивинской волости Невельского уезда, и жили там 9 лет. Однако начавшаяся война заставила феодосеевцев переселиться в Вязовскую волость Великолуцкого уезда. На новом месте переселенцы страдали от голода и болезней (эпидемия моровой язвы). «В прошедшим 7218 (1709) годе от того же князя Меньшикова дана бысть в Юрьевском уезде Ряпина мыза во владение им, — рассказывается в Житии Феодосия Васильева. — Приити же тамо на житие въсем не бяше еще повелено. Достопамятному же и блаженному отцу положися намерение, еже бы переселитися тамо, зане место оно зело угодно бе к пропитанию многим и рыбныя ловли довольно».[7]

Вскоре и Феодосий Васильев с сыном и тремя старцами направился в Новгород, к боярину Якову Корсакову, просить разрешение на переселение. Однако здесь посланных ждали тяжкие испытания: споры о вере, тюрьма, пытки. В 1711 г. Феодосий Васильев погиб от руки новгородского архиерея. Тем временем единомышленники Феодосия продолжали борьбу. Василий Кононов, сын Феодосия Евстратий и брат Феодосия Егор нашли тело страдальца и погребли его «на брезе Выбовки реки в Ряпине мызе, и мало древо, березу, посадивше над гробом страдальца».[8] «Вскоре потом, — продолжает автор Жития Феодосия Васильева, — от того же Корсакова указ дан бысть хотящим староверцом из Вязовской волости преходити на житие в Ряпину мызу. По которому указу во обители сущии и окрестнии въси преселишися тамо и живяху божиею милостию снабдеваеми в великом изъобилии хлебом и рыбою и прочими потребами лет седмь».[9] Переселенцы, которых насчитывалось 2000 человек, построили две обители — мужскую и женскую. У скитян было немало древлеписьменных и старопечатных книг. Несомненно, что в обители имелись многие сочинения учителя Феодосия, например написанное им в 1707 г. и переданное Константину Федорову для руководства «обличение» о пришествии антихриста, в котором говорилось, что антихрист

---

[7] См. Житие Феодосия Васильева: ИРЛИ, Причудское собр., № 124, лл. 25 об.—26. Эта рукопись, последней трети XIX в., найдена И. Н. Заволоко в дер. Раюши. Ср.: П. С. Смирнов. Споры и разделение в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб., 1909, стр. 56—60.

[8] ИРЛИ, Причудское собр., № 124, л. 36.

[9] Там же.

уже пришел в мир в 1666 г. и что следование антихристу есть отступление от веры.[10]

Ряпинцы и сами занимались переписыванием пришедших в ветхость книг, создавали новые произведения, особенно полемические послания. Так, Евстратий Федосеев вел переписку со старообрядцами-беспоповцами Черной деревни и поповцами Сыренца. Известно, что в январе 1716 г. Андрей Денисов от имени выговцев обратился с примирительным посланием к федосеевцам на Ряпину мызу.[11] Послание привез к Евстратию Федосееву выговец Иван Федоров. Федосеевцы устроили собрание, прочитали на нем это послание и составили ответ — «малое писание», в котором поставили условием примирения принятие выговцами креста с четырьмя буквами «І. Н. Ц. І.».[12]

Евстратий начал исправлять старопечатные книги изданий патриархов Филарета и Иосифа («лицы» вместо «образы»); ряпинцев настолько встревожили эти исправления, что они решили созвать в 1719 г. собор.[13] Однако последний не состоялся: по наущению новгородского архиепископа Феодосия и «отступника» Константина Федорова, одного из наставников общины, перешедшего в православие, «самодержец, — рассказывается в Житии, — повеле юрьевскому воеводе воинство в Ряпину мызу послати и во обители сущих началных такожде и по селом духовных по реестру имяны боле двадесяти человек възяты и в Питербург на истязание привести и на муки отдати».[14]

В апреле 1719 г. мужская и женская обители были разорены солдатами; некоторые руководители общины — духовник Илья Яковлевич, сын старорусского дьячка Семен Иванович и Федор Федотович — были замучены в Петербурге,[15] остальным удалось бежать: одни бежали в свои родные места, другие — в Польшу, третьи — на западный берег Чудского озера. Часть книг причудских федосеевцев погибла при разгроме скита, другая часть была передана в 1723 г. в Юрьевскую церковь Успения богородицы.

Возможно, в среде причудских старообрядцев в 30-е годы XVIII в. возникла легенда, позднее (в 1741 г.[16]) записанная

---

[10] П. С. Смирнов. Споры и разделение в русском расколе..., стр. 164—174.

[11] Послание на Ряпину мызу. В кн.: П. С. Смирнов. Споры и разделение в русском расколе..., стр. 061—068.

[12] «Малое писание» имеется в рукописях: ГБЛ, Музейное собр., № 2555 и ГБЛ, собр. В. М. Ундольского, № 1252. Ср.: П. С. Смирнов. Споры и разделение в русском расколе..., стр. 068, прим. 67.

[13] П. С. Смирнов. Споры и разделение в русском расколе..., стр. 329—330.

[14] ИРЛИ, Причудское собр., № 124, л. 37.

[15] О следствии над ряпинскими старообрядцами см.: Е. Г. Есипов. Раскольничьи дела XVIII столетия, т. 1. СПб., 1861, стр. 85—103.

[16] См. Житие Феодосия Васильева: «Написано житие и жизнь блаженнаго страдальца и приснопамятного отца Феодосия Васильевича в лето 7250-е рукою грешным Евстратием Феодосиевым; тым же списателем и Петрово и

сыном Феодосия Евстратием: «А по оном разорении обители Ряпина мыза бысть во владении некоего немца Левенволда. И неколико лет мину близ места того, идеже погребен блаженъный страдалец и дивный отец Дионисий,[17] над рекою стояще баня, и единою оного немца слугам мыющимся в ней некий от тоя березы, яже бе посажена на гробе святаго и блаженнаго страдальца отца Дионисия, и въшед в баню паряшеся. В той абие час нача на нем быти великая свербота с гнойным струпы и яже разыдошася по всему телу. Его лекари же врачеваши его ту с полгода, и ничто же успеша, и в город Ригу отвезен бе и тамо всячески врачеван, обаче нималыя пользы обрете, но паче в горшее прииде, и тако два лета люто страдав умре, дерзости своей горкий суд восприем».[18] Евстратий Федосеев, вероятно, записал услышанную им от причудцев легенду в Литве, где он жил во владениях пана Эльзана,[19] основав Гудишскую и Дегуцкую обители.

По данным эстонских мызных книг, на западном побережье Чудского озера в имении Флеммингсгоф в 1711 г. жило 12 русских старообрядцев, из них 4 крестьянина и 8 рыбаков. Один из русских — Иван Никитич (?) (Kikita Hans) в 1711 г. якобы основал деревню Кикита (Kückűda); умер он в 1731 г. В 1721 г. в Киките жило 9 русских крестьян (Сергей, Иван, Тарас и др.) и 7 эстонцев, в Муствее — 5 русских рыбаков-старообрядцев, переселившихся еще в «шведское время» (т. е. до 1704 г.). В документах 1744 г. находятся более подробные сведения о первых жителях Причудья — крестьянах, плативших ежегодно 2—3 рубля за аренду земли мызы Флеммингсгоф. В этих документах перечислены: Иван Елисеев, бывший крепостной генерал-адмирала Апраксина, приехал из Новгорода «до чумы» (т. е. до 1710—1711 гг.), имел сына; Иван Софронов, бывший дворцовый крестьянин; Михаил Архипов, приехал из Новгорода «до чумы»; Митрофан Петрович, приехал из Псковского Крыпецкого монастыря; Илья Григорьевич, приехал в 1729 г., бывший крепостной дворянина Ялугина; Степан Симонов, отец которого бежал из Новгорода «до чумы»; Сергей Васильевич Федоров; Василий Иванович, приехал в Причудье в 1722 г. с купцом из центральных районов России, заболел

иже с ним страдание написано и Прасковии девицы» (ИРЛИ, Причудское собр., № 124, л. 39). Евстратию Федосееву (1692—1768 гг.), кроме жизнеописания отца, принадлежит еще целый ряд сочинений: «Рассуждение о таинстве крещения и священства», «Рассуждение о титле, положенной Пилатом на кресте И. Х.», 15 посланий к поморянину Михаилу Григорьеву, 15 посланий к разным лицам, правила, уставы и исповедание веры, а также малоизвестное «Страдание Петра и девицы Параскевы» (см.: В. Г. Дружинин. Писания русских старообрядцев. Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописных собраний. СПб., 1912, стр. 279—280).

[17] Второе имя Феодосия, данное ему в старообрядческом перекрещении. (Прим. наше, — *Ю. Б.*).

[18] ИРЛИ, Причудское собр., № 124, л. 38—38 об.

[19] П. С. Смирнов. Споры и разделение в русском расколе..., стр. 61.

и остался здесь; Ефрем Федорович, пришел из Троицкого монастыря «до чумы»; Филипп Амельянов, приехал в 1729 г. из Новгорода.[20]

Одной из первых в Причудье возникает Кикитовская старообрядческая община, где в 1740 г. на средства новгородского купца Никитина и московского боярина Морозова был выстроен первый храм; ктиторы пожертвовали в церковь и привезенные из России богослужебные книги.

В конце XVIII—начале XIX в. в причудские деревни хлынула еще одна волна русских переселенцев — старообрядцев из сопредельных губерний России. По документальным данным, если в 1782 г. на западном берегу Чудского озера русское население составляло приблизительно 820 человек, то в 1818—1820 гг. оно возросло до 3500 человек.[21]

В конце XVIII—начале XIX в. строятся старообрядческие молельные дома на мызе Кавваст в Воронье (1792 г.), на мызе Кокора в Красных Горах (1802 г.), на мызе Флеммингсгоф в Черном Посаде (1802 г.), на мызе Кастер в Меже (Пийрисаар) (1802 г.), на мызе Алацкиви в Кольках (1802 г.) и Казепеле (1812 г.). В начале XIX в. старообрядческие храмы возникают в Юрьеве и Ревеле; в последнем в 1822 г. было два молельных дома и более 200 старообрядцев. Причудцы охотно приглашают наставников из Риги, Ревеля, Юрьева, Верро, которые привозят с собой и рукописи.

С 1782 г. и до 20-х годов XIX в. особенным уважением пользуется воронейский наставник Федот Никитич, старший во всем Причудье, занимавшийся также перепиской книг. Между ним и старообрядческим наставником из г. Сольцы Псковской губернии Василием Ивановичем существовали тесные связи и обмен книгами.

Нам известны следующие причудские хранители и переписчики книг конца XVIII—середины XIX в.: Иван Никитин, Алексей Егоров, Андрей Иванович Воробьев, Кралов, Алексей Григорьевич Кириллов, Трофим Лаврентьев (все из Межи), Федор Никитин, Иван Никитич Зайоникин, Ефим Петров (все из Вороньи), Макар Васильев (из Казепели), Тимофей Алексеев, Дмитрий Павлов, Иван Иванов (все из Красных Гор), Петр Яковлевич Мызников, Иван Тимофеев (оба из Кикиты), Григорий Алексеев, Макар Васильев, Игнатий Трофимов, Петр Савельевич (все из Колек), Авраам Данилов, Софрон Васильев, Прокофий Никифорович Яковлев (все из Черного).

Федосеевские и поморские общины были тесно связаны с Рижской Гребенщиковской старообрядческой общиной, а также со старообрядцами Эстонии, Латгалии (Режица и Двинск), Новгород-

---

[20] Все эти сведения получены мною от И. Н. Заволоко, изучавшего в 1930-е годы эстонские мызные книги (Igauņu muižu aktis) в Латвийском государственном правительствующем архиве г. Риги. Место хранения эстонских мызных книг в настоящее время нам неизвестно.

[21] A. Moora. Peipsimaa etnilised ajaloost, pp. 94—96, 288.

ской и Псковской губерний, Москвы. Между прибалтийскими старообрядцами существовал и оживленный обмен книгами.

В 20—50-е годы XIX в. старообрядческие общины Причудья переживают полосу гонений и преследований со стороны местных властей и православного духовенства. Так, в 1827 г. некий портной Осип Иванов в своем доносе архиепископу псковскому и лифляндскому Мефодию требовал разыскания и следствия по делу о старопечатных евангелиях, отобранных носовским священником А. Орловым в моленных Красных Гор и с. Черного, а также о раскольничьих книгах — «большой книге, наполненной ужаснейшими различными богохулениями, в лицах изображенными, которую наставники выдают в каждую деревню на неделю и две для наставления и утверждения в раскольнической секте и большего отвращения от православной церкви»; он сообщает еще о двух книгах, представленных преосвященному, одной «лицевой, а другой повести о соловецких страдальцах, наполненных богохулениями и ругательствами».[22] Духовенство со своей стороны также ведет наступление на причудское старообрядчество. В 1827 г. строится православная Покровская церковь в населенной православными дер. Нос, в 1849 г. — единоверческая Троицкая церковь в с. Черном, где жили русские, старообрядцы и единоверцы, а также эстонцы. Приходские попы охотно поддерживают акции полиции, способствуя изъятию и уничтожению старообрядческих рукописей. В 1827 г. были отобраны книги моленной в Кольках у наставника Вороньи Ивана Никитича Зайоникина, заключающие в себе «хуление православной церкви», и препровождены в Юрьев, а потом в Псковскую духовную консисторию.[23]

В 1837 г. была закрыта моленная в Киките, а в 1848 г. — в Черном; были отобраны книги, в том числе евангелия 1605 и 1633 гг. издания, одно из которых было ранее подарено старообрядцами Юрьевской Рудальцевской моленной.[24] В 1848 г. были закрыты моленные в Кольках, Меже, Красных Горах. У наставника Петра Савельева отобрали 21 книгу; из них 11 были конфискованы — частью как противные православию, частью как печатанные в давнее время за пределами России «без благословения патриарха и святейшего синода»,[25] а 10 возвращены владельцу.

Приводим здесь «Реестр книг, взятых из дома так называемого раскольничьего наставника Петра Савельева в деревне Кольках Дерптского уезда»:

---

[22] ЦГИА Латвийской ССР (Рига), фонд рижского генерал-губернатора, XIII, Rask. 1, ч. VI, 1827 г.

[23] ЦГИА ЭССР (Тарту), ф. 291, № 635, Доношение епископу рижскому Филарету Егора фон Фелькерзама от 13 декабря 1842 г.

[24] И. Веселов. Черносельская свято-троицкая единоверческая церковь. В кн.: Труды Московского предварительного комитета X археологического съезда в г. Риге, вып. II. М., 1896, стр. 99.

[25] ЦГИА ЭССР (Тарту), ф. 291, оп. 8, № 1352, Дело о высылке из дер. Кольки наставника Петра Савельева.

В лист

1. Преподобнаго и богоноснаго отца нашего Никона, игумена Черные Горы, с 63 словами о разных предметах, печатана с рукописи 1795 г. в Почаеве.
2. Избрания от многих святых отец писаний о нужнейших потребах, пристоящих к нашей православной церкви (противу Калвина и Лютера), печатана 1791 г.
3. Общая минея (печатана при Иоасафе).
4. Иоанна Лествичника с 30 словами.
5. Жития разных святых, рукописная, 1647 г.
6. О вере истинной православной и о святой церкви, содержит 30 глав, печатана в Гродне.

В четверть листа

7. Праздничная общая минея, печатана 1645 г.

8 и 9. Октай, осмогласник, в двух экземплярах, 1592 г., трудами мастера Андроника Невежи.

10. Катехизис 1627 г.
11. Псалтырь 1626 г.
12. Большой каноник, печатан в Почаеве.
13. Служба рукописная некоторым святым.
14. Ирмолой нотный крюковой, рукописный.
15. Октай, осмогласник, нотный крюковой, рукописный.
16. Обиходник крюковой нотный, рукописный.
17. Слово в неделю мясопустную Кирилла, архиепископа александрийскаго, с видением преподобнаго Макария и со сказанием о Федоре купце.
18. Последование по усопшим, рукописное.
19. Служба всем святым российским чудотворцам, в Кракове 1786 г.

В осьмую долю листа

20. Служба вседневная с месяцесловом.
21. Требник рукописный.[26]

В июне 1848 г. рижский епископ Филарет «особо секретно» извещал рижского генерал-губернатора о том, что в дер. Кольки у Парфена Андреева имеется лицевая книга «Тропник», т. е. «Тропник или малый путь к спасению» Иннокентия, папы римского, перевод с польского языка на русский Ф. К. Гозвинского, 1609 г. Эта книга, по мнению епископа, «зловредно действует на воображение простаков»; однако посланные властями жандармы не смогли отыскать книгу.[27]

В 1849 г. были опечатаны книги в доме воронейского наставника И. Н. Зайоникина. Однако вскоре в доме оказались разбитыми три окна, и 15 книг были унесены, в том числе: Обиход, Потребник, Ирмосы, Общие минеи, Псалтырь, Требник, Канонник, Тихвинская богоматерь, Служба, Часовник, Отпуст, Кафизмы, Уставник, Служба св. отец, два поминальника.[28] В том же году

---

[26] Там же.

[27] Там же, № 1321.

[28] Там же, № 173 (Дела из архива канцелярии генерал-губернатора лифляндского, эстляндского и курляндского). В 1854 г. в доме И. Н. Зайони-

у красногорского наставника Ивана Иванова было отобрано 20 книг: Евангелие напрестольное, Евангелие толковое, Златоуст, Общая минея, Часослов, Шестоднев, Праздничная минея, Октай, три Псалтыри, Обиход, Апостол, Житие Николы, Синодик, Устав, Потребник, 2 тетради, Азбука христианская.

К 1850 г. все старообрядческие молельни в Причудье, кроме Казепельской, были разрушены. В 60-е годы XIX столетия общины стали восстанавливать и строить новые молельни и часовни вместо закрытых или разоренных. В 1861 г. старообрядцы открыли две моленных на острове Пийрисаар: одну в дер. Межа, а другую у пристани мызы Кастер. В 1863 г. строится старообрядческий храм в дер. Желачек. Ревнители старой веры пополняли моленные спрятанными и сохраненными от разграбления древними книгами и иконами, пришедшие в ветхость рукописи переписывали. Об отсутствии хороших наставников и духовном голоде причудцев известно из переписки причудских, режицких и московских старообрядцев того времени.[29]

В 1865 г. в Причудье приехал речинский наставник Петр Иванович Карпушенко и присоединил к федосеевскому согласию «до тысячи душ мужских». В Кольках были оставлены еще два латгальских наставника, кроме Карпушенко, — Исаак Александрович и Алексей Осипович, но в 1869 г. им пришлось вернуться в Режицу.

Во второй половине XIX в. известностью пользовались колецкие писцы П. Г. Соколов, Сидор Макарович Кукин-Билокуров, П. И. Кукин-Смуглин, раюшский писец Игнатий Никитин, красногорские писцы В. С. Морозов, Алексей Иванович Жбанов, Андрей Яковлевич Кабацкий, по прозвищу Баранцев, канпельский писец Петр Ильич Амелькин и др. Центром рукописной книжности становится первый центр федосеевцев — Малые Кольки.

Особым оживлением в жизни причудского старообрядчества отмечены 20—30-е годы XX в.: 10 000 старообрядцев в Эстонии оформляются организационно, действует Центральный совет из 6 членов, ежегодно созываются специальные съезды уполномоченных от 12 общин — двух безбрачных федосеевских и десяти брачного согласия, поморских. Это организационное укрепление было естественным противодействием националистической политики правительства буржуазной Эстонии.

Центром рукописной книжности становится второй центр федосеевцев — Раюши, где первый старообрядческий храм был построен еще около 1870 г. Приобретают известность местные мастера иконописания — Г. Е. Фролов (ум. 1930 г.), П. М. Сафронов, М. Г. Солнцев, Ф. А. Мызников, Н. И. Глухов. Пополняются

кина в г. Верро был найден рукописный «Чин, како подобает пети дванадесят псалмов особь»; он был признан вредным и отослан в Юрьев.

[29] ИРЛИ, Причудское собр., №№ 53, 54.

библиотеки старопечатных и рукописных книг, ведется оживленная книжная торговля. Пришедшие в ветхость рукописи переписываются местными писцами: П. И. Амелькиным, Авксентием Писаревым и Федором Петровичем Савосткиным (все из Казепели), Григорием Ефимовичем Фроловым (Раюши), Никоном Дмитриевичем Кукиным (Красные Горы), Олимпием Петровичем Мироновым, Алексеем Мефодьевичем Лашковым (Межа), Иваном Федоровичем Кашевым (Воронья), Федором Васильевичем Огурцовым (Кыннукюля), Каллистратом Антоновичем Малышевым (Тихотка), Софроном Гурьяновичем Белузовым (Малые Кольки) и др.; их и сейчас еще хорошо помнят местные жители.

Некоторые сведения о причудских рукописях изредка появлялись на страницах журнала «Родная старина» (Рига, 1927—1933 гг.) и других прибалтийских русских журналов и газет. И. Н. Заволоко, неоднократно в 20—30-е годы бывавший в Причудье, опубликовал в «Родной старине» некоторые данные о рукописно-книжных богатствах. Так, он упомянул Хронограф XVII в., приобретенный нами в 1960 г. у братьев Гориных (Малые Кольки). В 1930-е годы И. Н. Заволоко не раз бывал в этих местах вместе с хором «Кружка ревнителей старины» Рижской Гребенщиковской общины, тщательно записывал в Причудье, особенно в Раюшах, древние одноголосые знаменные распевы и напевы старинных духовных стихов, собирал рукописи и сведения по истории старообрядчества этого края.[30]

Многочисленные фольклорные и диалектологические экспедиции Тартуского университета, работавшие в Причудье почти ежегодно начиная с 1929 г., в силу своей специфики не занимались собиранием древнерусских рукописных книг. Систематическое археографическое обследование Причудья начал вести сектор древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. В 1958—1961 гг. сектор направлял в Причудье три археографических экспедиции, которым удалось собрать 129 рукописных книг XVI—XX вв., составивших Причудское собрание рукописей Пушкинского дома.[31] Археографическое обследование Причудья продолжается, так как еще не все рукописи удалось разыскать; сведения о местных переписчиках

---

[30] Ju. K. Begunov. Ivan Nikiforovič Zavoloko. Zum 70 Geburtstag. Die Welt der Slaven, Jhrg. XIV, Wiesbaden, 1969, H. 1, SS. 32—41.

[31] Ю. К. Бегунов и А. М. Панченко. 1) За старинной рукописной книгой (по Причудскому краю). Молодежь Эстонии, Таллин, 1958, № 256, 31 декабря; 2) Археографическая экспедиция в Эстонское Причудье. ТОДРЛ, т. XVI, М.—Л., 1960, стр. 522—527; Ю. К. Бегунов. 1) Древнерусская рукописная книга в Эстонии. Известия АН Эстонской ССР, серия общественных наук, Таллин, 1962, № 2, стр. 190—192; 2) Археографическая экспедиция 1960 г. в Прибалтику. ТОДРЛ, т. XX, М.—Л., 1963, стр. 386—391; 3) Auf der Suche nach altrussischen Handschriften bei den Altgläubigen am estnischen Ufer des Peipussees. Zeitschrift für Slawistik, Bd. XIV, Berlin, 1969, H. 4, SS. 506—518.

книг и их литературных интересах также собраны еще не полностью.

Тем не менее, изучая уже имеющиеся в Пушкинском доме причудские рукописи, мы можем составить предварительное суждение о книжно-рукописном репертуаре Причудья.[32] Причудские рукописные книги, как можно полагать, в большинстве своем были богослужебного и церковно-учительного характера: прежде всего переписывалось и распространялось то, что было необходимо для ведения служб по старому обряду и для наставления паствы в духе старой веры, для обучения грамоте.[33] Использовались и служебные книги, переписанные в других областях Русского государства — на Псковщине, в Новгородской земле, а также книги, напечатанные в Москве до патриарха Никона или старообрядческими типографиями в XVIII—XX вв. Служебные книги находились главным образом в моленных и часовнях, у наставников и головщиков общин. Так, в Казепельской и Малой Колецкой общинах хранились полный круг служебных миней XVI—XVII вв. и множество богато украшенных певческих рукописей позднего, подражающего поморскому, письма XVIII—XX в. Впрочем, в общинах и особенно в домах рыбаков и крестьян находилось немало «светских» рукописных произведений, отчасти восходящих к древнерусской письменности, отчасти продолжающих старообрядческую письменную традицию второй половины XVII в. Ведущую роль

---

[32] Суммарный перечень произведений, встречающихся в причудских рукописях, см. в кн.: В. И. Малышев. Древнерусские рукописи Пушкинского дома. (Обзор фондов). М.—Л., 1965, стр. 136—142. В настоящем обзоре мы учитываем только местные рукописи, т. е. такие, которые определенно переписывались в Причудье, и притом не только хранящиеся в Пушкинском доме, но и в частных собраниях причудцев В. А. Селезнева, Ф. Я. Ноева, К. А. Малышева, Я. С. Кривоногова, рижанина И. Н. Заволоко и др., а также одну причудскую рукопись Таллинского исторического музея. Не учитываются непричудские рукописи, т. е. рукописи, найденные в Тарту, Таллине и Даугавпилсе и не имеющие никаких следов причудского происхождения (см., например: ИРЛИ, Причудское собр., №№ 6—8, 11, 19, 20, 29, 52, 65, 67, 79; оп. 24, №№ 21—23; оп. 25, № 26).

[33] См., например, приведенные выше перечни книг, конфискованных в 1849 г. в Воронье и Красных Горах, а также следующую опись книг Раюшской общины 1948 г.: «1. Евангелие напрестольное, в лист; 2. Евангелие, в четверку; 3. Апостол; 4. Октай старый; 5. Шестоднев; 6. Минея праздничная; 7. Златоуст; 8. Часослов; 9. Треодь постная; 10. Треодь цветная; 11. Псалтырь; 12. Книга правил; 13. Книга русским чудотворцам; 14. Кормчая; 15. Библия; 16. Евангелие толковое; 17. Евангелие благовест; 18. Трефолой; 19. Статьи благовещения; 20. Ирмосы; 21 и 22. Обиход, две книги, в пол-листа; 23. Каноник, в лист; 24. Трезвон, в пол-листа; 25. Пролог старый, в четырех частях; 26—37. Минеи месячные, 12 частей; 38. Торжественник, рукописный; 39. Беседы Иоанна Златоуста на Псалтырь». К этому списку надо добавить до трех десятков певческих рукописных книг, многие из которых работы местных мастеров. Полный каталог книг общины, бывших в наличии до пожара 1944 г., в 1960 г. находился у раюшского иконописца Е. Е. Кекишева.

среди причудских книжников всегда играли федосеевские переписчики.

Среди исторических сочинений, например, в Малых Кольках обращался Хронограф второй редакции, в списке последней четверти XVII в. (№ 76). В XIX—XX вв. из него часто делались выписки; нам известны 8 причудских сборников (№№ 9, 24, 25, 27, 28; Цветник XIX в., принадлежащий Я. С. Кривоногову, дер. Раюши; два сборника XIX в., принадлежащие Трифону Цокухину, Малые Кольки), содержащих хронографические сказания о пленении и разорении Иерусалима, о создании и взятии турками Царьграда, о Махмете-салтане, «како хотел сожещи книги греческие» (на основе сочинения И. С. Пересветова), о ереси «жидовствующих», об албанской стране, о взятии Белграда турками, о воине Таксиоте, о Евагрии Философе, толкование о четырех зверях, «слово» о Паламе и великом звере Тронтуре, выписки из хронографической Александрии о рахманах.

В Колецком сборнике третьей четверти XIX в. (№ 25) находим летописную заметку: «В лето 6938 явился в Смоленске волк гол и людей много поядал. Тогда же во граде Торопце седмь дней озеро кроваво стояло. Того же лета мгла стояла 6 недель, птицы на землю падали и рыбы в водах мерли». Аналогичные этому известия, более первоначальные, читаются в Софийской 1-й летописи: «В лето 6938 явися в Смоленьсце волк гол, шерсти не было на нем, да люди ел; а в городе Троцех озеро стоало 7 ден кроваво... В лето 6939... мьгла стоала 6 недель, солнца не видели, и рыбы в воде мерли и птици на землю падали, не видели летати».[34]

Из древнерусских повестей встречаются следующие местные списки: березьевский, начала XX в., об Иоанне Новгородском (№ 30); колецкий, третьей четверти XIX в., о Динаре (№ 24); колецкий и красногорский, начала XVIII в. и конца XIX в., о Петре и Февронии (№№ 4, 17); колецкий и красногорский, второй половины XIX в., о Тимофее Владимирском (№№ 14, 17); красногорский, конца XIX в., о Савве Грудцыне (№ 17); красногорский, середины XIX в., «Беседы отца и сына о женской злобе» (принадлежит Ф. Я. Ноеву, Красные Горы); колецкий, начала XVIII в., о разорении Новгорода Иваном IV (№ 4); три местных списка, XIX в., об Удоне (№№ 12, 24 и принадлежавший В. А. Селезневу, Березье); березьевский, конца XIX в., о гордом Аггее (принадлежал В. А. Селезневу, Березье); колецкий, начала XIX в., о костромской Федоровской иконе богородицы (№ 28); пять местных списков, XIX в., об Иверской (афонской) иконе богородицы (№№ 4, 17, 23, 25, 59); списки XIX в. повестей о купцах: об именитом купце Иоанне, о купце и его целомудренной жене, о христолюбивом купце, пострадавшем от беса, о Федоре-

[34] Софийская 1-я летопись. ПСРЛ, т. V, СПб., 1851, стр. 264.

купце, о купце и разбойнике (№№ 5, 22, 27). Колецкий список «Повести о Петре и Февронии» является переработкой 1-й редакции повести, сделанной в старообрядческих кругах.[35]

Из русских житий мы находим новгородское по происхождению Житие Антония Римлянина XIX в. (№ 22), псковское по происхождению Житие Исидора и 72 юрьевских мучеников, XIX в. (№№ 15, 25, 46). В причудских сборниках нередки выписки агиографического характера — об Афанасии Затворнике, о Евагрии Дьяконе, о Матфее Прозорливце, о Моисее Угрине, о Прохоре Печерском из Киево-Печерского патерика (№№ 4, 27, 32); в списке XVIII в. дошел «Устав» Нила Сорского (№ 3). Из апокрифов в причудских списках XVIII—XX вв. известны следующие: «Беседа трех святителей» (в сборнике XIX в., принадлежавшем Ф. Я. Ноеву), Вопросы Иоанна Богослова к Авраамию о праведных душах (№ 30), Житие Василия Нового и Григориево видение, конца XVIII—начала XIX в. (принадлежавший В. А. Селезневу) и XIX в. (№ 27), Макариево видение (№№ 4, 12, 25); молитва архангелу Михаилу (№ 24), Сон богородицы и Сказание о 12 пятницах (в сборнике XX в., принадлежавшем К. А. Малышеву, Кикита), Сказание о 12 сивиллах (№ 24), Слова Евсевия Самосадского о сошествии Иоанна Предтечи в ад (№ 4), Епифания Кипрского «о погребении тела господа нашего Иисуса Христа» (№ 25), Иисуса Христа «о жидовине, кокоше и яйце» (№ 18 и в сборнике 1884 г. А. И. Жбанова, принадлежавшем Ф. Я. Ноеву), Мамерацаря «о снех», 2-я редакция (№ 5), слово о том, «како господь праведники выведе из ада, перевод с польских книг» (№ 24), о ранах Христа (№ 4), о рукописании Адама, данного дьяволу (в сборнике конца XIX в., принадлежавшем В. А. Селезневу), об обычаях Христа (№ 24), «Страсти Христовы» (№№ 24, 74), Хождение богородицы по мукам (№ 39). В сборниках XIX в., принадлежащих Я. С. Кривоногову и И. Н. Заволоко, имеются апокрифы об Андрее Критском и Григории, папе римском.

С рукописи последней трети XVII в. в 1887 г. в Причудье был переписан Синодик 3-й литературной редакции, содержащий «Притчу евангельскую от Луки о Лазаре», «Слово о милостивом Созомоне», «Слово Афанасии игуменьи о умерших душах», «Слово отца Макария» (№ 66).

Среди учебной и научной литературы отметим причудские списки XIX в. начальной Азбуки (№ 42) и списки XVIII в. Космографии (№ 4).

Из книжных и народных духовных стихов в причудских списках XIX—XX вв. известны следующие: Об Адаме и рае (№ 36),

---

[35] С. Росовецкий. К вопросу о взаимосвязях Повести о Петре и Февронии и фольклора. В кн.: Тезисы докладов XXI студенческой научной конференции. Филология и история. Вильнюс, 1968, стр. 31—32. См. также выше статью Р. П. Дмитриевой «Особая редакция Повести о Петре и Февронии», стр. 192—209.

О Борисе и Глебе (№ 36), О введении богородицы (в сборнике второй половины XIX в. Таллинского исторического музея, далее в сокращении — Тал. сб.), О великомученице Варваре (Тал. сб.), О воскресении Христове (№№ 39, 40), Газета из ада (№ 39), О Георгии Храбром (№ 40), О Голубиной книге (Тал. сб.), О гробе, «Глас 6-й» (№ 27), О душе (№ 27; в сборниках XIX—XX вв., принадлежавших К. А. Малышеву, Кикита, далее в сокращении — Мал. сб.), О заблудшей агнице (Тал. сб.), Об иноческой жизни (№ 69; Мал. сб.; Тал. сб.), Об Иоасафе-царевиче (два варианта) (№№ 38, 40; Тал. сб.), Об Иосифе Прекрасном (№№ 27, 34, 35, 38, 40; Мал. сб.), О кончине века (Мал. сб.), В неделю цветную (№ 38; Мал. сб.), О памяти смертного часа (№№ 33,[36] 38, 39, 41), О печальном страннике (Мал. сб.), «Плач преболезненна кафоликов» (№№ 34, 35, 36, 38), О покаянии (№№ 38, 39, 41; Тал. сб.), Покаянен (нищего) (№№ 36, 39, 40), О пользе наук (№ 10), Покаянный (№ 72), О потопе (№№ 36, 39; Мал. сб.), О пустыне (№ 33), О пьянстве (Мал. сб.), О страннике-пустынножителе (№№ 35, 36, 39), О рождестве Христове (№№ 35, 39; Тал. сб.; Мал. сб.), Сатира на Павла Прусского (№ 16), О скончании века (№№ 23, 37, 39, 73), О смерти (три варианта) (№№ 23, 34, 36—40, 71; Тал. сб.) О страстях Христовых (№№ 36, 73; Мал. сб.), стих «Боже, зри мое смиренье...» (Мал. сб.), стих-молитва богородице (№№ 33—35, 30—40, 70; Тал. сб.), стих-раешник о чае (№ 15), стих соловецких иноков (№ 1, 13), стих узника-невольника (№ 31; Тал. сб.), О суете жития и покаянии (№ 39), «Увеселение есть юноши премудрость» А. Денисова (№№ 33, 38), О юности (№ 36).

В Раюшах до сих пор хранятся переписанные Е. Г. Фроловым большие настенные листы с духовными стихами. С одного из таких листов И. Н. Заволоко в 1932 г. опубликовал «Стих душеполезный», начинающийся словами «Вы, голуби, вы, белые...».[37] В сборнике начала XX в., принадлежавшем К. А. Малышеву, среди духовных стихов встретилась ода Г. Р. Державина «Утреннее размышление о божьем величестве».

Из старообрядческих произведений в списках XVIII—XIX вв. встречаются: Повесть Феодора об Аввакуме, Лазаре и Епифании (№ 23); Сказание о патриархе Никоне (№ 14); Житие Корнилия Выговского (№ 14); «Поморские ответы» Андрея и Семена Денисовых (№ 60); «История о взятии Соловецкого монастыря» Семена Денисова (№ 2), другой список которой фигурировал еще в середине XIX в. в следственных делах о причудских старообрядцах; Житие Феодосия Васильева, составленное сыном его Евстратием в 1741 г., — список из Раюшской общины, переписанный в 70-е годы XIX в. «ис книги купца Василья Михайловича Соло-

---

[36] В этом сборнике текст стихов сопровождается крюковой нотописью.

[37] Стих душеполезный. Родная старина, Рига, 1932, № 11—12, стр. 8.

довникова» неизвестным писцом, скрывшим свое имя за инициалами «Л. Е. С.», содержит более исправный текст, чем изданный А. Н. Поповым[38] (№ 124); Старообрядческий синодик (№ 15); «Сказание о лестовке» (№ 23); «Скитское покаяние» (№№ 24, 25); «Меч духовный» Алексея Самойлова (№ 49); Повесть о происхождении табака — «Сказание от книги глаголемые Пандок» (в сборнике 1884 г., переписанном А. И. Жбановым и принадлежавшем Ф. Я. Ноеву).

В причудских сборниках встречаются полемические сочинения о крещении, об антихристе, о разделении церквей, о единоверческой церкви, «о ядении и питии с еретиками», ответы на вопросы единоверца Егора Антоновича, полемика с Н. Субботиным[39] о течениях среди старообрядчества и др. (№№ 14, 16, 17, 21, 24, 45, 50). К ним примыкают сочинения нестарообрядческого происхождения: «Вопросы о патриархе Никоне» боярина С. Л. Стрешнева и «Ответы» митрополита Газского Паисия Лигарида (№ 14), «Увет духовный», составленный епископом холмогорским Афанасием (№ 14, список с печатного издания 1682 г.), Послание начала XVI в. старца Филофея ко князю Василию Ивановичу о Москве — третьем Риме, озаглавленное как «Послание к царю Алексею Михайловичу християнское», в списках XVIII и XIX вв. (№№ 4, 17); в последнем старообрядцев могло заинтересовать обращение автора послания к царю с просьбами вернуться к «истинному» крестному знамению и заповедям прадедов, пополнить церкви «истинными» пастырями, прекратить «вдовство» церкви, т. е. поставить патриарха. В среде причудских старообрядцев был известен и Стоглав (список конца XIX в., принадлежавший В. А. Селезневу).

Интерес представляют и старообрядческие сочинения «Поучение и наказание св. отец и вселенских учителей новосвященному духовному отцу» начала XX в. (№ 61), «Клятвенное обещание» вступающего в должность наставника 1886 г. (№ 15), а также «Метрическое свидетельство» 1840 г., выданное старообрядческим наставником дочери жителя дер. Межа Ивана Петрова (№ 63), — за выдачу подобных документов наставники подвергались преследованию со стороны властей. Любопытны часто встречающееся старообрядческое сочинение второй четверти XIX в. «Мартыново увещевание», в котором в вопросно-ответной форме содержалась защита основ «старой веры» (№№ 16, 21, 51); Устав федосеевской общины в 25 статьях, принятый на общем совете в дер. Речино Режицкого уезда в 1868 г. (№№ 68, 124); Письмо Иосифа Козлова К. П. Волкову 1866 г. из Режицы в дер. Кики-

---

[38] Житие Феодосия Васильева, основателя Феодосеевского согласия, написанное сыном его Евстратом в 7250-м году. ЧОИДР, 1869, кн. 2, отд. 5, стр. 73—92.

[39] Н. Субботин. Материалы для истории раскола за первое время его существования, изданные редакцией «Братское слово», т. I. М., 1875.

тово, «в берегах», о скором приезде речинского наставника Петра Ивановича Карпушенко (№ 53); Письмо речинского наставника Петра Ивановича 1869 г. в Москву и ответ московских старцев о помощи причудским старообрядцам (№ 54); «Беседа двоих друзей Вани и Гриши и никонианского попа о религиозном положении», отпечатанная на гектографе в Сызрани П. М. Безводиным в конце XIX в. (№ 43); Самарские ответы священника Дмитрия Александрова на 7 вопросов Семена Васильевича Рязанова и вопросы последнего, гектографированное издание 1869 г. (№ 50); Беспоповский катехизис в вопросах и ответах, гектографированное издание конца XIX в. (№ 45); постановление Московского собора христиан-поморцев 1909 г. (сборник 30-х годов XX в., принадлежавший Ф. А. Ноеву); религиозно-бытовая переписка старообрядцев П. М. Бабаева, А. С. Подковыркина, Г. Е. Фролова и др. (№№ 55, 57, 58); неоконченное произведение Г. Е. Фролова «Чем объяснить неисчислимое количество религий», 1920-е годы (№ 75); Послание Ф. П. Савосткина к Г. Е. Фролову под названием «Борьба правды с неправдою Казепельской общины» о древности онного пения по сравнению с наречным[40] и о том, что федосеевцам надо соединиться с другими беспоповскими общинами, 1929 г. (№ 62).

Чрезвычайно любопытны и часто переписываемые старообрядческие уставные статьи о запрещении пить чай и кофе, курить и нюхать табак, стричь бороду, танцевать, играть в азартные игры, в том числе в карты, шахматы и прочие «костырьские игры», и т. п. (№ 23; Тал. сб.; сборник, принадлежащий И. Н. Заволоко). К ним примыкает и стих-раешник о чае под заглавием «Разговор некоего чюжестранца, родом из Китайского царства, по имени называют его Чаем», сочиненный в середине XIX в. и переписанный в 1886 г. красногорским писцом А. И. Жбановым (№ 15).

В собрании И. Н. Заволоко имеется написанная Г. Е. Фроловым в 20-е годы нашего столетия на большом листе «Стихера надгробная Ильи Алексеевичю Ковылину, основателю Преображенской обители в Москве. Глас 6-ый». Причудские старообрядцы часто переписывали понравившиеся им поучения, переводные и оригинальные, — о ленивом (№ 2), о женах, злых и молчаливых (№№ 12, 23, 25), о почитании родителей (№№ 22, 27), направленные против пьянства (с именами Иоанна Златоуста и Василия Великого и безымянные) и матерной брани (№ 2). Кроме литературы оригинальной, причудских старообрядцев интересовала церковно-историческая переводная, греко-византийская литература. Так, в XVIII—XX вв. ими переписывались жития Агапия, Алексия Человека божия, Андрея Критского, Антония Великого, Варвары,

---

[40] Ср.: Г. Е. Фролов. О наречном пении. Родная старина, 1928, № 4, стр. 29. Ср.: И. Н. Заволоко. Онное или хомовное пение. (Историко-филологическая справка). Родная старина, 1933, № 13, стр. 22—23.

Георгия Победоносца, Григория Синаита, Дмитрия Солунского, Евстафия Плакиды, Екатерины, Зосимы Пустынника, Иоанна Богослова, Иоанна Кушника, Иоакима и Анны, Ирины, Кирика и Улиты, Ксенофонта, Марии Египетской, Марины, Марфы, Николы Мирликийского, Парасковии Пятницы, Симеона Столпника, Таисии Тарской, а также «Чудо Георгия о змее», «Чудеса» Николая Мирликийского. Переписывались и сочинения ораторской учительной прозы — «Стослов» Феодора Эдесского, «Беседы о жительстве различных отец» Григория Богослова, многочисленные «слова» и поучения отцов церкви, среди них особенно популярным было «Слово Ипполита, папы Римского, о втором пришествии антихриста». Одно из таких «слов» — толкование к словам Евангелия от Матфея «Просите и дастся вам» — переписано вместе с пометами на полях, которые касаются риторических тропов и фигур, употребленных в проповеди (№ 9).

О большой начитанности и глубоких интересах причудских книжников говорят факты использования ими ряда широко известных сборников устойчивого состава, из которых делались всевозможные выписки: Альфа и омега, Беседы апостольские, Беседы евангельские, «Маргарит» Иоанна Златоуста, Великое зерцало, Диоптра, Звезда пресветлая, Измарагд, Златоуст, Катехизис, «Книга о вере» Кирилла Иерусалимского, Книга притч, Кормчая, Космография, «Лебедь» и «Мессия правдивый» Иоанникия Галятовского, Лимонис, Минеи-Четьи, «Пандекты» Никона Черногорца, «Паренесис» Ефрема Сирина, Пролог, Пчела, Римские деяния, Скитский и Египетский Патерики, сборник «Слов» Василия Великого, Соборник, Старчество, Сын церковный, Толковый Апокалипсис, Толковый Апостол, Толковое Евангелие, Толковая Палея, Толковая Псалтырь, Требник, Тропник Иннокентия, папы римского, Физиолог, Цветник Аввы Дорофея, «Шестодневы» Василия Великого, Севериана Гавальского и Георгия Писиды, Щит веры. Причудцы сами составляли сборники наподобие «Пчел» или средневековых флорилегиев, состоящие из выписок из различных древнерусских книг (№№ 14, 25, 27, 32).

К числу рукописей, которые имели хождение в среде причудских старообрядцев в XIX—XX вв. и читались, но не переписывались ими, относятся следующие: 1) Торжественник второй четверти XVI в., содержащий Повесть о Темир-Аксаке, жития Сергия Радонежского, Петра, митрополита московского, Амфилохия Иконийского, Ильи пророка, Михаила Архистратига, Никиты Великомученика, Спиридона Тримиуфинского, Стефана Нового, Сказание об иконе богородицы Римлянки, «слова» Анастасия Синайского, Григория Двоеслова, Григория Никомидийского, Иоанна Златоуста, Кирилла Александрийского, Кирилла Туровского, Севериана Гавальского и «Многосложный свиток» — послание патриархов к Феофилу о поклонении иконам; 2) Кормчая книга с Русской Правдой середины XVI в., полученная не ранее середины

XIX в., вероятно, из Пскова и принадлежавшая в XX в. Ф. П. Савосткину. Начало, конец и оглавление к Кормчей переписаны рукой причудского писца.

Причудские сборники интересны и для палеографов: они дают материал для изучения особенностей причудского письма XVIII—XX вв., мастерства художников и переплетчиков. Причудцы умели украшать книги заставками, инициалами и концовками поморского стиля, а также красочными миниатюрами древнерусской традиции. Таковы лицевые рукописи Апокалипсиса, Жития Василия Нового и Григориева видения, в лист, конца XVIII—начала XIX в. (принадлежащие В. А. Селезневу); лицевой, в лист, Синодик 1887 г. с 26 миниатюрами (№ 66); певческие нотно-крюковые рукописи XVIII—XIX вв. (№№ 32, 70, 77, 78, 80, 95, 99, 100, 101, 109, 110, 114). Ценность представляют записи и надписи на полях рукописей, на крышках переплета, на чистых листах, которые позволяют судить о судьбе книге, о ее переходе от одних владельцев к другим, о читательских интересах и восприятии ими прочитанного, о событиях местного значения, о местных писцах и владельцах книг и т. п.

На этом мы ограничиваем наш предварительный обзор, цель которого ознакомить с книжным репертуаром Причудья, весьма типичным для поздней старообрядческой традиции. Более глубокое изучение книжно-рукописной культуры Причудья станет возможным уже после того, как все причудские рукописи будут собраны.

А. Х. Горфункель

НАХОДКИ СТАРОПЕЧАТНЫХ КНИГ

С первых же лет археографической работы Пушкинского дома участники экспедиций наряду с рукописями привозили и старопечатные книги, привлекшие их какими-нибудь примечательными особенностями: стариной, рукописными добавлениями к основному тексту, записями владельцев. Эти случайные находки бывали подчас весьма ценными (достаточно упомянуть московской печати «дофедоровскую» Триодь, «Псалтырь с часословцем» из виленской типографии Мамоничей конца XVI в., львовский «Апостол» Ивана Федорова 1574 г. с владельческой записью XVII в., называющей имя владельца книги Богдана Матвеевича Хитрово), однако специальной задачи поисков старопечатных славяно-русских книг археографы перед собой не ставили.

С 1963 г. Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Ленинградского университета, работая в тесном сотрудничестве с Пушкинским домом, начал направлять в северные районы страны экспедиции для розыска и сбора старопечатных книг. Позднее к этой работе присоединился и Филологический факуль-

тет, направлявший группы археографов во главе с Н. С. Демковой. Так как район археографической работы университета и Института русской литературы совпадал, было принято, что все найденные в этой совместной работе рукописи передаются в собрание древнерусских рукописей Пушкинского дома, а все старопечатные книги — в библиотеку ЛГУ. Это позволило не дробить сложившиеся территориальные рукописные собрания и одновременно сосредоточить работу над книгами кирилловской печати первых веков славянского книгопечатания в Отделе редких книг университетской библиотеки.

Приступая к археографической работе, Научная библиотека ЛГУ имела в виду прежде всего необходимость использовать этот важный источник для пополнения хотя и ценного, но все же сравнительно небольшого университетского собрания славянских старопечатных книг, важного как для учебной, так и для научно-исследовательской работы кафедр филологического и исторического факультетов, для создания в Отделе редких книг и рукописей достаточной базы книговедческих исследований в области раннего отечественного книгопечатания. Основанное в 40—50-х годах прошлого столетия благодаря щедрым пожертвованиям старосты университетской церкви почетного гражданина В. А. Пивоварова, наше собрание старопечатных книг насчитывало менее полутора сот изданий XVI—XVII вв. и почти не пополнялось в последующие годы. Необходимо принимать во внимание и более широкое, нежели забота о пополнении университетских книжных фондов, общественное значение археографической работы в этой области. Пренебрежительное, а иногда и прямо преступное отношение к старопечатным книгам, как к предметам исключительно религиозного культа, приводило нередко к гибели ценнейших памятников национальной культуры. Сосредоточение их в хранилище Научной библиотеки должно было способствовать сохранению и спасению многих ценных изданий. И наконец существование параллельных — в Пушкинском доме и в университете — собраний рукописей и старопечатных книг должно было содействовать более глубокому изучению книжной традиции в своеобразной культуре крестьянского населения Русского Севера.

Экспедиции, организованные в 1963—1969 гг., работали в традиционных районах археографических поисков: по берегам северных рек — Северной Двины, Пинеги, Мезени и Печоры, в Архангельской области (Пинежский, Холмогорский, Верхне-Тойменский, Лешуконский и Мезенский районы) и в Усть-Цилемском районе Коми АССР. Результаты этой работы оказались весьма значительными и позволили не только существенно пополнить университетское собрание книг кирилловской печати, включив в него многие редкие и ценные издания, но и восполнить некоторые пробелы в истории отечественного книгопечатания, так как был обнаружен ряд изданий, не учтенных в предшествующей библиографии.

Первоначально основной интерес археографов был направлен, естественно, на издания первых столетий русского книгопечатания; однако опыт показал, что не следует пренебрегать и встречающимися изданиями позднейшего времени, XVIII, XIX и даже XX вв. Всего участниками экспедиций было найдено за это время 235 книг; из них изданий XVI в. — 19, XVII в. — 112, XVIII в. — 82, XIX в.—9 и, наконец, XX в.—13 книг. Разумеется, соотношение это отражает не только реальный состав крестьянских библиотек на Севере, но прежде всего направленный интерес самой археографической работы. И все же преобладание изданий дониконовской печати, равно как и изданий старообрядческих типографий, среди книг XVIII—XX вв. весьма показательно. Издания синодальных типографий (московской и петербургской) встречаются сравнительно редко; это преимущественно остатки библиотек православных священников и монастырей.

Среди собственно старопечатных книг преобладают издания московских типографий. Таково найденное А. М. Панченко в г. Кимры Калининской области «дофедоровское», так называемое узкошрифтное Евангелие (это, кажется, единственное исключение в преимущественно северной географии находок). Однако среди изданий XVI в. наибольший удельный вес принадлежит изданиям, вышедшим в свет в западнорусских типографиях, но напечатанных по типу первых московских изданий. Особо надо отметить три книги, напечатанные Иваном Федоровым. Все они были найдены в Усть-Цилемском районе Коми АССР. Это заблудовское «Евангелие учительное» 1569 г. — превосходно сохранившийся, почти полный экземпляр; самая неполнота его весьма показательна: из книги аккуратно вырезано все, что свидетельствовало о ее западном происхождении, — лист с гербом Ходкевича и несколько строк о месте печатания книги; причем, судя по старым владельческим записям, сделано было это каким-то давним владельцем книги, до записей XVII—XVIII вв. Без послесловия сохранилось и другое федоровское издание — львовский «Апостол» 1574 г.; имеющаяся в нашем экземпляре запись свидетельствует о раннем появлении книги на Русском Севере: «Лета 7110 апреля в 30 день сию книгу глаголемую Апостол положил на Усть-Вым в дом Благовещения святые богородицы и Стефану Пермскому чудотворцу архиепископль крестьянин Михайло Иванов сын Торлопов. Диакон Тимофей Михайлов руку приложил». Хуже других сохранился острожский «Новый Завет с Псалтырью» 1580 г.; это в сущности фрагмент издания, переплетенный с рукописными частями текста и с фрагментом «Скитского покаяния» в издании одной из старообрядческих типографий XVIII в.

Сравнительно часто встречаются среди находок издания виленской типографии Луки и Кузьмы Мамоничей: здесь и «Апостол» в двух изданиях, 1592 и 1595 гг., и два варианта издания

«Евангелия учительного» 1595 г., и два издания 1600 г. — «Евангелие» (издание с сигнатурами) и «Псалтырь» (так называемая «Псалтырь с черными точками»). Особый интерес представляет недавно найденный фрагмент редчайшей «Псалтыри с восследованием» (1592 г.), до сих пор известной по единственному экземпляру, хранящемуся в Библиотеке им. В. И. Ленина в Москве.

Из московских изданий XVI в., вышедших в свет после отъезда Ивана Федорова за рубеж, нельзя не назвать два экземпляра «Псалтыри» 1568 г., напечатанной Никифором Тарасиевым и Андроником Невежей. К ней примыкает «Псалтырь» невежинской печати, изданная в 1577 г. в Александрове, куда переселился со своим двором Иван Грозный. Из более поздних изданий Невежи, напечатанных им в Москве, следует упомянуть «Триодь постную» 1589 г., «Триодь цветную» 1591 г. и «Минею общую» 1600 г.

Среди изданий XVII столетия безусловно господствуют издания Московского печатного двора. Характерно, что ни разу не повстречались археографам книги, изданные «Верхней» типографией, явно не предназначенные для крестьянского чтения и не имевшие распространения в старообрядческой среде. Очень редко попадаются издания других городов. Киевские издания крайне редки; можно назвать лишь «Лимонарь» из типографии Спиридона Соболя 1628 г., «Ключ разумения» Иоанникия Галятовского да два тома «Житий святых» Димитрия Ростовского и фрагмент одного из лаврских изданий «Киево-Печерского патерика». Из изданий других типографий были найдены лишь немногочисленные издания Максима Вощанки (Могилев) («Перло многоценное» Кирилла Транквиллиона 1699 г.), кутеинская «Диоптра»; почти нет после 1600 г. виленских изданий — единственное исключение составляет «Псалтырь с Новым Заветом» из типографии «Братства» 1623 г. (фрагмент, содержащий только «Псалтырь»).

Но в результате археографических экспедиций последних лет университетское собрание книг московской печати XVII в. пополнилось самым существенным образом. Здесь нет нужды перечислять все многочисленные находки — они отражены в подготовленном к печати каталоге. Достаточно сказать, что здесь представлены почти все виды и наименования наиболее характерных московских изданий этой эпохи. Здесь есть и издания Кондрата Иванова, софийского попа Никона, Василия Федорова Бурцова. Не только богослужебные, но и четьи книги: «Библия» 1663 г., сборник переводов Епифания Славинецкого 1665 г., «Маргарит», «Сборник из 71 слова», многочисленные издания «Пролога», «Поучения» Ефрема Сирина и аввы Дорофея и т. п. Однако совсем не встречались чисто светские издания, вроде «Строения и хитрости ратных людей» или «Уложения» царя Алексея Михайловича 1649 г.: у первого не было причин для проникновения в крестьянскую среду, у второго — для сохранения. Ни разу не

встречались вообще чрезвычайно редкие буквари XVII в., они успешно заменялись «Псалтырями» и «Часовниками» (характерны записи на экземплярах «Псалтыри» в изданиях XVII в.: «По сей книге учатся», «по сей Псалтыри выучился Митрофан Яковлев»). Естественно, что не могла иметь успеха никонианская «Скрижаль»; редко попадаются, но все же иногда встречаются послениконовские служебные книги, часто без выходных данных; поздняя учительная литература вызывала, очевидно, меньше возражений.

Поиски книг археографами позволили не только увеличить университетское книжное собрание «кириллицы», но и обнаружить ряд изданий чрезвычайно редких и даже уникальных. Нельзя не вспомнить, что именно на берегах Пинеги сотрудниками Русского музея (Э. С. Смирнова) был найден переданный впоследствии в библиотеку Ленинградского университета превосходный (самый полный из шести известных в настоящее время) экземпляр первой славянской книги кирилловской печати — «Осмогласника» Швайпольта Фиоля, изданного в Кракове в 1491 г. Но и среди более поздних изданий оказалось немало замечательных по редкости находок. Два из недавно найденных московских изданий были известны лишь в единственных экземплярах. Это «Псалтырь» 1625 г., единственный дефектный экземпляр которой был известен лишь в собрании Государственного Исторического музея в Москве, и «Канонник» 1672 г., который также был описан в библиографии по уникальному экземпляру Центрального государственного исторического архива древних актов.

Особый интерес для истории московского книгопечатания XVII в. представляют найденные археографами издания, которые вообще не были учтены в библиографии и представлены ныне в библиотеке Ленинградского университета единственными в мире экземплярами. Таких книг оказалось восемь. Лишь в одной из них сохранился лист с выходными данными — это «Часовник» 1630 г. Остальные датируются предположительно, хотя и достаточно точно, по употребленным в них орнаментам, количеству строк на странице, шрифтам и т. п. В числе их еще четыре «Часовника», относящиеся соответственно к 1630-м, 1640-м и 1650-м (два издания) годам, а также три «Псалтыри», предположительно датируемые 1623, 1662 и 1690-ми годами. Если учесть, что вся известная московская печатная продукция первых полутора столетий ее существования насчитывает немногим более 500 изданий, станет очевидно, что всякая новая возможность пополнить и уточнить библиографию московских изданий XVII в. имеет существенное значение. А главное — наши северные находки, равно как и аналогичные им, сделанные археографами Библиотеки Академии наук, убеждают в плодотворности поисков в этом направлении.

Не столь сенсационны, но не менее важны для истории культуры поиски и находки более поздних изданий. Казалось бы,

меньше всего могли бы заинтересовать археографов стандартные синодальные издания богослужебных книг, но даже и среди них иногда оказывались редкие экземпляры, не представленные в наших крупнейших национальных книгохранилищах. Еще более интересны издания старообрядческих типографий. К сожалению, до сих пор они не стали предметом обстоятельных книговедческих исследований; тем более важно собрать необходимый для таких исследований материал. Среди находок археографов старообрядческие издания представлены во всей своей характерной географии: здесь Супрасль и Клинцы, Вильна и Варшава, Гродно и Почаев для XVIII в., Яссы и Иоганнесбург («Собрание краткие науки об артикулах веры», перепечатка московского издания, сделанная в «Ио...рге») для XIX столетия, Москва и Тушка Вятской губернии для предреволюционных лет.

Среди этих изданий, разумеется, наибольший интерес вызывают неслужебные книги, такие как супрасльские издания «Истории о отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова, популярный среди старообрядцев апокриф «Страсти Христовы», многочисленные «Цветники», а также полемические сборники 1910-х годов, к которым примыкают гектографированные издания конца XIX в.

Не следует, однако, пренебрегать и менее важными, на первый взгляд, изданиями — такими как многократные старообрядческие перепечатки «дониконовских» московских книг. В некоторых случаях интересно было бы проследить историю самих этих перепечаток: так, например, гродненское переиздание «Катехизиса» Лаврентия Зизания базируется, как известно, на московском издании, запрещенном церковной цензурой и почти полностью уничтоженном. С другой стороны, даже «стандартные» переиздания служебных книг нуждаются в подробном учете и исследовании: почти всегда в таких случаях в выходных данных говорится, с какого именно издания сделана данная перепечатка; полный учет этих сведений позволил бы, вероятно, обнаружить неизвестные библиографам и не дошедшие до нас книги; кроме того, можно было бы восстановить круг изданий, имевшихся в распоряжении старообрядческих типографий.

Находки книг светского содержания (в одном случае был привезен из экспедиции даже найденный в одной из деревень номер «Современника»!) и книг гражданской печати XVIII—начала XIX в. носят, как правило, случайный характер. Нелишне все же отметить «Лексикон» Федора Поликарпова 1704 г., несколько полемических сочинений, направленных против старообрядчества, два сочинения кардинала Роберто Беллармино («О вечном блаженстве святых», СПб., 1784 и «О седми изречениях», СПб., 1795), впоследствии запрещенные духовной цензурой, и переведенный с французского роялистский памфлет «Путешествие диавола и глупости» (СПб., 1806).

Собранные археографами книги интересны не только как пополнение книжного собрания университетской библиотеки (хотя нельзя не заметить, что благодаря их трудам собрание книг кирилловской печати XVI—XVII вв. в Отделе редких книг за последние годы увеличилось вдвое и насчитывает около 300 экз.), но и как свидетельство своеобразной книжной культуры северного крестьянства. По внешнему виду книги эти заметно уступают своим собратьям из крупнейших государственных книгохранилищ, происходящим из богатых монастырских библиотек или из коллекций знаменитых собирателей. На них часто самодельные переплеты, иногда из холста, многие из них пришли в жалкое состояние из-за плохих условий хранения, а то и вовсе рассыпались, прогнили и превратились в груды листов, доставляя немало хлопот реставраторам. У них своя судьба, но она-то и придает им особую ценность. Многочисленные рукописные добавления (например, «Житие Иоанна Дамаскина» в списке XVIII в., приплетенное к сборнику переводов Епифания Славинецкого, или «Служба святых новоявленных мученик Антония, Иоанна и Еустафия, иже в Литве пострадавших» в апрельской «Минее» 1625 г.), переплеты, подклеенные документами (фрагменты писцовых книг XVII в. в «Псалтыри» 1638 г. или ревизских сказок со сведениями о самосожженцах в «Апостоле» 1606 г.), многочисленные владельческие записи превращают каждую из найденных книг в исторический памятник, требующий исследования. Записи царских писцов из Приказа большого дворца и из Приказа тайных дел о пожаловании книг в дальние монастыри, записи белозерских посадских людей, купцов и крестьян, в том числе коллективная запись 62 владельцев декабрьской Минеи 1620 г., о каждом из которых сообщается, сколько он «дал в сию книгу», приобретенную миром для общей пользы, — все они позволяют проследить судьбу книг на протяжении столетий — до тех их владельцев, кто передал от дедов полученные и бережно сохраненные до наших дней сокровища для нужд науки в университетское книгохранилище.

Таким образом, благодаря археографической работе к настоящему времени собрание старопечатных русских книг Научной библиотеки Ленинградского университета приобрело особый характер: подобно собранию древнерусских рукописей Пушкинского дома оно в значительнейшей своей части связано происхождением и составом с крестьянской культурой Русского Севера и в этом плане заслуживает дальнейшего пополнения и углубленного исследования.

Н. Н. Розов

МЕЗЕНСКИЕ СБОРНИКИ XIX—XX вв.

По реке Мезени и ее притокам, так же как по Северной Двине и впадающим в нее рекам, исстари селились старообрядцы. Поэтому туда еще в прошлом веке устремились собиратели рукописных книг. Одним из первых на Мезени побывал известный в конце прошлого века собиратель П. Д. Богданов, коллекция которого хранится в Государственной Публичной библиотеке.[1] В наше время, особенно в послевоенные годы, туда несколько раз выезжали археографические экспедиции Пушкинского дома, в котором в итоге сосредоточилось довольно большое (более 120 томов) Мезенское собрание рукописной книги XVI—XX вв.[2] Поэтому, когда летом 1967 г. в устье Мезени оказалась случайно (изза вынужденного изменения маршрута) археографическая экспедиция ГПБ, трудно было рассчитывать на ее успех. Тем более что по населенным пунктам, где побывали участники экспедиции — заведующий Отделом рукописей ГПБ А. С. Мыльников и автор этих строк, только что прошел один из московских коллекционеров. И действительно, за неделю работы удалось разыскать в низовьях Мезени всего 12 рукописных книг да три грамоты. Чтобы эти находки не были забыты, следует дать о них хотя бы краткую информацию. Исследователям уже известно, что было собрано на Мезени и ее притоках Пушкинским домом, и им нелишне будет пополнить эти сведения информацией о находках экспедиции ГПБ. К тому же несколько поздних старообрядческих сборников, которым посвящена эта заметка, представляют определенный историко-культурный интерес. На них стоит сосредоточить внимание хотя бы уже потому, что аналогичные материалы в описаниях Пушкинского дома «растворяются» в массе остальных, более значимых для истории русской литературы материалов. Описываемые же сборники относятся скорее к истории русской общественной мысли, чем к истории русской литературы, и, стало быть, не являются «профильными» для Института русской литературы. Хотя сектор древнерусской литературы ИРЛИ в свое время проявил значительное внимание к истории русской публицистики, его интересы не простирались за пределы XV—XVI вв.

В историю русской общественной мысли двух последующих веков немалый вклад внесли старообрядцы — представители широкого народного движения против «казенной» российской церкви,

---

[1] И. А. Бычков. Каталог собрания славяно-русских рукописей П. Д. Богданова, вып. I. СПб., 1891, стр. 5.

[2] Оно кратко описано в кн.: В. И. Малышев. Древнерусские рукописи Пушкинского дома. (Обзор фондов). М.—Л., 1965, стр. 57—63. Здесь же приводятся сведения, где опубликованы тексты некоторых из этих рукописей и описания отдельных частей Мезенского собрания (в отчетах об археографических экспедициях).

которых упорно и жестоко преследовало, но так и не могло «истребить» царское правительство. И хотя большинство из многочисленных сект старообрядцев к концу прошлого столетия пришло к компромиссу с правительством, легализовалось, некоторые старообрядческие «толки» продолжали утверждать, что царская власть — «власть антихриста». Им приходилось уходить в подполье и распространять свои идеи не столько словесно, сколько в форме различных посланий и писем. Именно такими сектантами-«скрытниками» (так они сами себя называли) и составлены привезенные с Мезени сборники. Они были найдены в доме, где жил и сравнительно недавно умер один из последних, как нам сказали, в Архангельской области «скрытников».

Первый из этих пяти сборников — начала прошлого столетия — по своему происхождению не относится к литературе собственно «скрытников»: он содержит весьма популярные в старообрядческой рукописной книжности XVIII—XIX вв. «Страсти Христовы», так называемую «Соловецкую челобитную» и «Соловецкую историю». Но если первая статья отмечена писцом сборника как заимствованная из печатной книги, то про остальные две кем-то из читателей сказано: «Сия книга Челобитная и История списана с древлеписменнаго списка». Обе эти статьи — старейшие памятники старообрядческой литературы: в них рассказывается о небывалом в истории России событии — вооруженном сопротивлении царским войскам одного из старейших русских монастырей, монахи которого воспротивились реформам патриарха Никона и встали за «старую веру». Поэтому понятна популярность этих произведений в старообрядческой рукописной книжности. И на этом сборнике (в Книге поступлений Отдела рукописей ГПБ за 1968 г. он записан под № 7) сохранились следы внимательного чтения. Один из читателей отметил, например: «В печатной сих статей нет» (далее идет перечень номеров, отсутствующих в печатном издании статей). Стало быть, писец этой книги не скопировал печатную, а выбрал из нее лишь то, что ему понадобилось. Так в этом позднем сборнике проявилось традиционное свойство русской рукописной книжности — избирательность репертуара.[3]

Два следующих сборника (№№ 11 и 13), хотя и написаны разными почерками, прежде, вероятно, составляли один; они были собраны в доме «скрытника» по листочкам, отреставриро-

---

[3] Для палеографов и историков русской бумажной промышленности интересна бумага этого сборника: на некоторых листах в начале рукописи есть штемпель «Фабрика Сумкина № 5». В современном исследовании филиграней и штемпелей русской бумаги XVIII—XIX вв. учтен лишь штемпель «наследников Сумкина» (С. А. Клепиков. Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв. М., 1959, стр. 109). Любопытны и примитивные заставки этого сборника, сделанные неискусной рукой, без попытки подражать распространенному в те времена пышному «поморскому» книжному орнаменту. В наивных «петушках», украшающих некоторые из этих заставок, угадывается связь с народно-прикладным искусством.

ваны и переплетены уже в ГПБ. На последнем листе первого из них кем-то из читателей сделана отсылка, рекомендующая «читать здесь, в этой же книжице, ниже списанное Ответное написание, написанное... Романом Логиновым на два вопроса почтенной старице Дросиде Васильевне Понизовкине». С «Извещения» этой «почтенной старице» начинается теперь сборник № 13 (кем-то из читателей на полях отмечено, что это — «сочинение ответное Романа Логинова».[4] О чем же спрашивала «почтенная старица» и что отвечал ей Логинов?

Заглавие сочинения не сохранилось — его первые листы не были найдены. Но речь идет о весьма популярном среди старообрядцев сюжете — о «конце света» и «пришествии антихриста». И рукопись лучше назвать сборником, так как отдельные части сочинения и выписки из источников плохо связаны друг с другом. Но к обычным источникам такого рода сочинений — выпискам из творений отцов церкви и старообрядческих вероучителей — здесь прибавлены некоторые «сочинения нынешних времен». Среди последних выписки из изданной в 1855 г. «Всеобщей истории в простых рассказах для детей» Н. Берте. Эта книга попала, вероятно, на Мезень как школьное учебное пособие, но была использована в своих целях старообрядцами. Да и один из обычных источников, из которого сделаны выписки, — Толковый апокалипсис, обозначен как принадлежащий «печерскому миссионеру Ильину — одному из тех, которых Синод специально готовил и посылал для борьбы с «раскольниками». Так использовали старообрядцы оружие своих противников против их же самих.

Составитель еще одного сборника (№ 12), такого же преимущественно содержания, еще больше расширил круг своих источников. Кроме обычных в таких случаях выписок из старообрядческой «Книги о вере», Апокалипсиса, сочинений отцов церкви и русских богословов «дониконианского периода», здесь есть сведения о первопечатнике Иване Федорове и его изданиях (лл. 189—193). Выписан даже большой отрывок из трилогии Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист» (лл. 103 об.—106 об.) — о том, как на смертном одре царевич Алексей Петрович отказался от причастия, повторив слова «раскольничьего старца». Здесь же можно получить сведения об основании в 1808 г. в Москве, на Преображенском кладбище, «богадельного дома» — там, где потом организовался и до сих пор существует административный центр нескольких старообрядческих церковных организаций. Переписанное в сборнике прошение московских старообрядцев «на высочайшее имя» несколько раз прерывается вставками из сочинений отцов церкви, проклинающими «Антихриста» и его «слуг».

---

[4] В известном исследовании В. Г. Дружинина «Писания русских старообрядцев» (СПб., 1912) сочинения Логинова не учтены.

Самым интересным из мезенских сборников является, несомненно, сборник № 10. Его следует отнести к началу нашего столетия, так как в нем есть выписки из сочинений акад. В. Н. Перетца, изданных в 1900 г. Даже научную литературу старообрядцы использовали в своих целях, не говоря уже о рукописных источниках — старинных книгах, хранившихся тогда в Румянцевском музее, в Казанской и Петербургской духовных академиях. А в двух последних специально готовились (и по тем же источникам!) кадры миссионеров, «обличителей раскольников». Есть также выписки из изданий В. И. Кельсиева, пытавшегося организовать печатание старообрядческой литературы за рубежом, даже в Лондоне, у Герцена.

Особенно интересны оригинальные старообрядческие сочинения этого сборника. Некоторые не озаглавлены, но аннотированы в «Каталоге или указании текстов на листах, содержащихся настоящей сей книжице, именуемой съборничке». Таковы статьи: «Аще кто покорится и подписуется нынешнему власти», «Показание истинное о тех, кои и каким делом поклонились и покорились вместо Христа Антихристу» (под последним подразумеваются Петр I и последующие русские императоры), «Вопросы не покаряющихся нынешним власти» и др. Отразилась в этом сборнике и борьба между отдельными «согласиями» и «толками» старообрядчества, например прения по поводу «крещения от еретик», происходившие в 1884 г. на нижегородской ярмарке между Н. А. Першиным и И. И. Зыковым — известными лидерами «согласий». О том, как происходили подобные прения, свидетельствует регламент диспута, происходившего в том же году в селе Крестовоздвиженском, начало которого следует привести целиком (л. 71).

«Мы, ниже подписавшиеся, между собою на время ведения беседы, в силу соблюдения порядка и для мира, тишины и спокойствия других, изложили сие условие:

1. Чтобы беседа должна происходить непременно в один голос — когда один беседует, тогда другому не должно прерывать речь, пока он не кончит.

2. Не кончивши рассуждения об одном, к другому не переходить. И вообще о многих предметах одновременно не рассуждать, дабы не было слияния смысла и непонятия.

3. Из народа самовольно без дозволения собеседующих в беседу вступать никто не может, и все присутствующие должны слушать с молчанием, что будет говориться.

4. Во время беседы книгами той и другой стороны собеседникам пользоваться свободно. . .» и т. д.

Есть в этом сборнике объемистое (лл. 101—110) стихотворное произведение, по характеру своему напоминающее раешник. Речь в нем идет об истории церковного раскола в России и о гонителях старообрядцев, начиная с патриарха Никона и кончая профессором Н. И. Субботиным — автором многочисленных исследований

по истории старообрядчества и его литературы. Вот начало этого оригинального памфлета:

Любезная братия, древлеправославные христиане — верные и миряне!
Хочу поделиться с вами словом — только старым, а не новым.
Вот это было в 1654 годе, когда патриарх Никон был в моде.
Он саном своим очень гордился и на святые древние книги разсвирепился.
Он бы по своему нраву их жжог, да так один сделать не мог.
А потому он на хитрость пускается и хитрой лисой, лисой притворяется.
И чтобы решить душевный свой спор, он созвал российский собор

и т. д.

Подробно «раскритиковав» последующие «соборы» против старообрядцев («Вот какие были отцы — на всякия дела молодцы: Вместо Христова учения уложили телесныя озлобления»), автор отмечает, что «после соборов таких вышло много ругательных книг», которые тут же называются (в том числе «с Мартином пращица — фальшивая и ложная разскащица» — известная антистарообрядческая подделка церковников, разоблаченная старообрядческими палеографами в начале XVIII в.). Не меньше достается и современникам — главарям различных, очевидно противоборствующих, старообрядческих «толков», причем подчас делаются попытки дать их портретные зарисовки, например: «Виноградов руки поднимает, а сам головкою трясет и такую речь ведет»; или о Субботине: «И кто о древности помянет — говорить он с тем не станет, а сейчас же без тревоги закричит — давай бог ноги!». Несколько неожидан и, может, быть, неискренен финал этого раешника: «Но теперь божиим провиденьем и великим царским повеленьем Прежнее гонение уничтожено и конец всему положено...» (затем следует многолетие царю с царицей).

Подписано это произведение «Скорбный старообрядец»; разыскать этот псевдоним у Масанова не удалось.

Таковы несколько примеров полемического и литературного творчества старообрядцев начала нашего столетия. Когда-нибудь и оно привлечет внимание исследователей, и тут мезенские сборнички им пригодятся.[5]

[5] Кроме описанных сборников, были привезены следующие рукописи: книга сочинений Ефрема Сирина начала XVIII в. (была найдена в селе Семже в устье Мезени), Канонник второй половины XVIII в. и старообрядческий Требник начала текущего столетия с «чинами» приема «приходящих от великороссийския или единоверческия церкви», переходящих в данное согласие «беспоповцев разных сект», «беглопоповцев» и других как рядовых старообрядцев, так и церковнослужителей («Чин како примирити церкви впадшего в раздор иерея»). Так эта богослужебная книга — даже названиями обрядов — характеризует состояние старообрядчества лет пятьдесят тому назад. В одном из двух певческих, «крюковых» сборников интересны красочные заставки самых разнообразных стилей — от традиционных «старопечатного» и «поморского» — в причудливых сочетаниях. А владелица сборника духовных стихов, расставаясь (не без сожаления) с ним, исполнила, по нашей просьбе, несколько стихов. Найденные грамоты XVII в. оказались остатками архива местной, давно уничтоженной церкви; в подвале уцелевшего причтового дома этой церкви был найден полуистлевший певческий сборник XVII в., восстановленный реставраторами ГПБ.

М. В. Кукушкина

РУКОПИСИ БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУК СССР, СОБРАННЫЕ ПРИ УЧАСТИИ В. И. МАЛЫШЕВА

Археографическая деятельность В. И. Малышева началась задолго до возникновения реальной возможности создания им единого собрания рукописей при Пушкинском доме. Еще будучи студентом и располагая в денежном отношении лишь стипендией, В. И. Малышев с 1934 г. начал собирать рукописи в разных районах нашей страны.[1] Его первая поездка была в 1934 г. на Печору в Пустозерск, позднее, в 1935—1936 гг., в древнерусские города северо-восточной России: Углич, Ростов, Ярославль, Боровск. Свои первые «трофеи» В. И. Малышев с душевной щедростью раздавал известным ученым: Б. Д. Грекову, А. С. Орлову, В. П. Адриановой-Перетц, М. А. Яковлеву, а также в некоторые научные учреждения. Среди таких учреждений, пополнившихся рукописными книгами, собранными в результате первых археографических экспедиций В. И. Малышева, была и Библиотека АН СССР. Так, в 1936 г. В. И. Малышев привез из Боровска шесть рукописей XVII—XVIII вв., которые были переданы им в Библиотеку Академии.

С 1937 г. собирание В. И. Малышевым рукописных книг стало планомерным. Он сосредоточил свои поиски в одном районе, на Низовой Печоре, которая «издавна славилась рукописной стариной».[2] Многократное обследование этого района позволило увлеченному археографу не только собрать значительное количество рукописей (более 400), но и изучить книгописную традицию, существовавшую на протяжении двух веков в Усть-Цильме.

Первые рукописи из Усть-Цилемского района Коми АН СССР были также переданы В. И. Малышевым в Библиотеку АН СССР.[3] В результате археографических экспедиций 1937—1938 гг. в Рукописный отдел Библиотеки, в собрание текущих поступлений, было занесено 19 единиц из Усть-Цильмы. Уже само распределение рукописей по векам говорит о ценности археографического дара, сделанного В. И. Малышевым Библиотеке. Из 19 книг половина моложе XVIII в., четвертая часть относится к XVI в., одна рукопись XV в.

Если судить по содержанию, в рукописях много ценных памятников. Один из сборников (Текущие поступления, № 153) является важным историческим источником, ибо содержит жития русских святых: Исидора Ростовского, Иоанна Устюжского, Стефана

[1] В. И. Малышев. Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960, стр. 3.
[2] Там же.
[3] В. И. Малышев. Отчет о командировке в село Усть-Цильму Коми АССР. ТОДРЛ, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 474—476.

Пермского, Петра царевича Ордынского, Василия Московского, Алексея человека божия, память князю Владимиру и др.; не менее ценен и Пролог XVI в. за март—август. С литературной точки зрения наиболее интересными приобретениями для БАН являются рукописи XVII—XVIII вв. Среди них были произведения протопопа Аввакума, например «Книга нравоучений и толкований» XVII в. (Текущие поступления, № 105), которая стала предметом исследования самого В. И. Малышева.[4] Из Усть-Цильмы в те же годы была привезена В. И. Малышевым и «Книга бесед» Аввакума XVIII в. (Текущие поступления, № 415). В историко-литературном сборнике XVIII в. (там же, № 398) находится ряд ценных повестей: о белом клобуке, о взятии Царьграда турками, о создании церкви св. Софии в Новгороде, сочинения старообрядцев Федора дьякона, Саввы Романова и др.[5]

Активно продолжая археографическую деятельность в конце 30-х годов и после войны, В. И. Малышев стал собирать не только отдельные рукописи и старопечатные книги у населения, почти ежегодно совершая экспедиции в разные районы нашей страны, но и выявлял владельцев частных рукописных собраний Москвы и Ленинграда, готовых продать или передать свои собрания в государственные хранилища.

При содействии В. И. Малышева в Библиотеку АН в 1938 г. поступило собрание известного советского писателя А. Н. Чапыгина в количестве 14 рукописей XVII—XVIII вв. Собрание богато старообрядческими сборниками, среди которых один сборник XVIII в., лицевой, содержит 52 рисунка. Примечателен также лицевой Апокалипсис XIX в., в котором 72 рисунка. Помимо этого, в собрании имеются 4 рукописи исторического содержания.[6]

В 1939 г. было куплено — также при содействии В. И. Малышева — собрание рукописей ленинградца Г. Ф. Нефедова, состоящее из 12 единиц хранения XVI—XIX вв. В этом собрании половина рукописей очень ранних — XVI в. Одна из них, Апостол, иллюстрирована многочисленными красочными заставками. Представляют интерес также следующие рукописи: Хождение игумена Даниила XVII в., сказание о страдании боярыни Морозовой и сестры ее — княгини Урусовой в списке XVIII в.[7]

В том же году В. И. Малышев, только что окончивший филологический факультет Ленинградского университета, был направ-

---

[4] В. И. Малышев. Старейший список «Книги толкований и нравоучений» протопопа Аввакума. В кн.: От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Л., 1969, стр. 266—273.

[5] В. И. Малышев. Отчет о командировке в село Усть-Цильму Коми АССР, стр. 475.

[6] Подробнее о данном и других собраниях Библиотеки АН СССР см.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук, вып. II. XIX—XX вв. М.—Л., 1958, стр. 190—191.

[7] Там же, стр. 191.

лен по запросу Библиотеки на работу в Рукописный отдел. Однако его деятельность в Библиотеке была очень кратковременной. Началась Финская война, и Владимир Иванович ушел на фронт. В Библиотеку в качестве сотрудника Малышев больше не вернулся, но, оставаясь ее читателем, продолжал оказывать содействие в комплектовании рукописных фондов. Так, летом 1940 г. В. И. Малышев привез из г. Семенова и села Воскресенье (на озере Светлояр) Горьковской области 51 рукопись XVI—XIX вв. В заметке об обследованных собраниях В. И. Малышев упомянул многие новые списки из известных в науке историко-литературных памятников, собранные им в этом районе.[8] В настоящее время это собрание называется собранием Семеновского районного отделения НКВД и входит в состав текущих поступлений БАН.[9] В том же году при его содействии было приобретено собрание Петухова (найдено на чердаке в одном из домов на Садовой улице в Ленинграде).

Другие собрания, при поступлении которых В. И. Малышев принимал непосредственное участие или косвенное (выражавшееся в договоренности с владельцем или указании его адреса), поступили после войны. Наиболее ценными из этих собраний, как по количеству рукописей, так и по их содержанию, являются три: М. И. Успенского, Ф. А. Каликина и В. В. Лукьянова. Кроме этих трех значительных собраний после войны В. И. Малышев содействовал приобретению Библиотекой 19 рукописей XVII—XIX вв. у писателя А. А. Морозова и 31 рукописи XV—XIX вв. у архивиста Н. В. Тимофеева.

Собрание М. И. Успенского, кандидата Московской духовной академии и члена Московского археологического института, поступило в Библиотеку в 1946 г., в составе 213 рукописей XV—XX вв. Собрание включает ряд ценных исторических и литературных памятников, списки житий русских святых, учебную литературу, старообрядческие и сектантские рукописи, сборники, содержащие учительное богословие и философские сочинения. Из исторических рукописей, например, в собрании имеются два списка Хронографа XVII в., Новгородский летописец, доведенный до 1674 г., сборники XVIII в., содержащие летописные известия, Синопсис Иннокентия Гизеля и др.

Среди литературных сборников много стихотворных произведений XIX в., повести и сказания более ранних веков в списках XVIII в.. такие как повести о белом клобуке, о Димитрии Басарге, о царице и львице и т. д.

---

[8] В. И. Малышев. Заметки о рукописных собраниях Петрозаводска и Тобольска. ТОДРЛ, т. V, М.—Л., 1947, стр. 154.

[9] Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела..., вып. II, стр. 196.

Географические произведения в собрании представлены списками «Хождения Трифона Коробейникова» в сборнике XVIII в. и «Космографией» в списке XVII в.

В искусствоведческом плане интересен Иконописный подлинник XVIII в., в котором даны описания икон и советы иконописцам. В собрании М. И. Успенского имеются также 16 культовых и богослужебных рукописей XV—XVI вв.[10] Многие рукописи из этого собрания были предметом изучения разных исследователей по древнерусской культуре, а 15 из них описаны в печатных «Описаниях Рукописного отдела БАН».[11]

Собрание Ф. А. Каликина поступило в Библиотеку АН в течение 1948—1952 гг. В нем 188 единиц хранения XIV—XX вв. Самая ранняя рукопись датирована 1390 г., две других, старших по времени создания, — XV в.; по содержанию все они представляют собой «Пандекты» Никона Черной горы. В собрании Ф. А. Каликина имеются Хронограф, Степенная книга, Казанский летописец в списках XVII в., Псковская летопись в списке XIX в., «Просветитель» Иосифа Волоцкого XVIII в. и другие исторические и литературно-публицистические памятники. В особенности, однако, это собрание богато старообрядческими рукописями, среди которых много сочинений основателей Выголексинской общины или известных старообрядческих деятелей: Андрея и Семена Денисовых, Ивана Алексеева, Тимофея Андреева, Павла Любопытного. Имеется также Выговский летописец, содержащий сведения за 1663—1803 гг.[12]

Наконец, в 1964 г. по рекомендации В. И. Малышева[13] Библиотека приобрела собрание известного ярославского коллекционера В. В. Лукьянова, в котором 311 рукописей. Самую значительную часть собрания В. В. Лукьянова представляют материалы литературного и исторического содержания, в том числе сборники — всего 120 единиц хранения. Правда, большинство из этих материалов позднего происхождения, XVIII—XX вв., и лишь 17 рукописей XVI—XVII вв. В собрании имеются в списках XVIII в. Хронограф редакции 1512 г., повести Петровского времени, но характерным для всего собрания в целом является то, что в его рукописных текстах преобладает местная тема, как в житиях святых, так и в историко-литературных произведениях. Из ранних иллюстрированных рукописей особенно примечателен

---

[10] Там же, стр. 192—194.

[11] Описание Рукописного отдела Библиотеки АН СССР, т. 3, вып. 1. Составители В. Ф. Покровская, А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, М. Н. Мурзанова. М.—Л., 1959; т. 3, вып. 3. Составители Н. Ю. Бубнов, А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, О. П. Лихачева. М.—Л., 1971; т. 4, вып. 1. Составители А. П. Конусов и В. Ф. Покровская. М.—Л., 1951.

[12] Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки АН СССР, вып. II, стр. 195—196.

[13] В. И. Малышев. К вопросу об обследовании частных собраний рукописей. ТОДРЛ, т. X, М.—Л., 1954, стр. 454—457.

Номоканон Матвея Властаря XVII в. Его владельцем был некогда патриарх Никон, подаривший Номоканон в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь. Эта рукопись выделяется исключительно тонко и изящно выполненным по подбору красок и рисунку орнаментом в заставках, концовках, гирляндах, а также миниатюрами, изображающими евангелистов. Весьма художественно оформлены две рукописи XVI в. — Евангелие и Апостол, а также Лицевой синодик XVII в. Собрание В. В. Лукьянова богато также документальным историческим материалом: грамотами, различными патентами, челобитными, книгами хозяйственного значения; всего в нем насчитывается 105 подобных единиц хранения. Большинство документов относится к XVIII в. — 54 единицы; 23 единицы — к XVII в. Имеются две грамоты XVI в.: одна — духовная князя Михаила Васильевича Горбатого 1535 г., с приложенной к ней печатью; другая грамота на латинском языке, данная от имени Флавия Августина в Риме в 1582 г. и затрагивающая церковные вопросы; грамота эта украшена орнаментом с человеческими фигурами; в рисунках использовано золото; к грамоте также приложена печать.[14]

Таким образом, при содействии или непосредственном участии В. И. Малышева в Библиотеку АН СССР поступило 8 частных собраний с общим числом около 850 рукописных книг и более 25 отдельных рукописей. В настоящее время некоторые рукописи из перечисленных собраний введены в научный оборот благодаря включению их в печатные Описания Рукописного отдела, а многие книги были предметом более пристального изучения и публикации специалистов.

Вместе с тем активное собирание старинных книг В. И. Малышевым положило начало широкому развитию в советское время археографической деятельности различных учреждений в масштабе всей страны. Среди учреждений, которые стали почти регулярно организовывать археографические экспедиции за рукописями и старопечатными книгами, является и Библиотека АН СССР. Следует отметить, что две первые археографические экспедиции были совершены совместно представителем Пушкинского дома Л. А. Дмитриевым и представителем Рукописного отдела А. И. Копаневым.[15]

Таков значительный вклад, внесенный в результате археографической деятельности В. И. Малышева в дело пополнения рукописных фондов Библиотеки АН СССР.

---

[14] М. В. Кукушкина. Поступления рукописей в БАН СССР в 1964 г. В кн.: Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. М.—Л., 1966, стр. 103—104.

[15] Л. А. Дмитриев и А. И. Копанев. 1) Археографическая экспедиция в Беломорский, Кемский и Лоухский районы Карельской АССР летом 1959 г. ТОДРЛ, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 531—544; 2) Археографическая экспедиция в Мурманскую область и Карельскую АССР летом 1960. ТОДРЛ, т. XVIII, М.—Л., 1962, стр. 412—419.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ В. И. МАЛЫШЕВА [1]

I. Книги и статьи в сборниках и журналах

1940

1. Сведения о собраниях рукописей и старопечатных книг в некоторых городах северных областей. — ТОДРЛ, т. IV, М.—Л., 1940, стр. 247—253.

1946

2. Български рукописи. — Славени, София, 1946, № 8, стр. 285 (на болгарск. яз.).

1947

3 Житие Александра Невского (по рукописи середины XVI в. Гребенщиковской старообрядческой общины в г. Риге). — ТОДРЛ, т. V, М.—Л., 1947, стр. 185—193.

4. Заметки о рукописных собраниях Петрозаводска и Тобольска. — ТОДРЛ, т. V, М.—Л., 1947, стр. 149—158.

5. Стихотворная параллель к «Повести о Горе и Злочастии» (стих «покаянны» о пьянстве). — ТОДРЛ, т. V, М.—Л., 1947, стр. 142—148.

1948

6. Коллекция славяно-русских рукописей В. Ф. Груздева. — Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им А. И. Герцена, т. 67, Кафедра рус. лит-ры, Л., 1948, стр. 265—269.

7. Усть-цилемское предание о протопопе Аввакуме. — ТОДРЛ, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 372—375.

8. Новый список Слова Даниила Заточника. — ТОДРЛ, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 193—200.

1949

9. Заметки о рукописных собраниях Ленинграда, Черновиц, Риги, Двинска и других городов. — ТОДРЛ, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 455—468.

10. Как писали рукописи в Поморье в конце XIX—начале XX в. (К вопросу об изучении техники и быта поморского книгописца). — Изв. Карело-Финской научно-исслед. базы АН СССР, Петрозаводск, 1949, № 1, стр. 73—84.

11. Отчет о командировке в село Усть-Цильму Коми АССР. — ТОДРЛ, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 469—480.

1950

12. Археографическая работа Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. — Вопр. истории, М., 1950, № 11, стр. 173—175.

---

[1] В основу библиографии (составленной при участии Н. Ф. Дробленковой) положен список печатных работ В. И. Малышева, изданный самим исследователем в приложении к реферату его работ, представленных на соискание ученой степени доктора филологических наук (Исследования и разыскания по литературному наследию древней Руси. Л., 1967, стр. 37—50); библиография дополнена названиями новых работ, опубликованных В. И. Малышевым в 1966—1971 г., и списком литературы о его научной деятельности. Особый раздел библиографии могли бы составить редакторские работы В. И. Малышева, под руководством которого в течение 20 лет издавался отдел ТОДРЛ «По рукописным собраниям»; В. И. Малышев редактировал XIV и XXI тома ТОДРЛ и ряд других изданий.

1951

13. Заметка о рукописных списках Жития протопопа Аввакума. (Материалы для библиографии). — ТОДРЛ, т. VIII, М.—Л., 1951, стр. 379—391.
14. Отчет об археографической командировке 1950 г. — ТОДРЛ, т. VIII, М.—Л., 1951, стр. 362—378.
15. Три неизвестных сочинения протопопа Аввакума и новые документы о нем. — Доклады и сообщения Филолог. ин-та Ленингр. гос. ун-та, вып. 3, Л., 1951, стр. 255—266, с илл.

1952

16. Повесть о прихожении Стефана Батория на град Псков. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., АН СССР, 1952, 136 стр.

Рец.:

Владимиров О. Героическое сказание об обороне Пскова в XVI веке — Псковская правда, 1953, № 16, 22 янв., стр. 4.

Гейченко С. Новая книга по истории Псковского края. — Пушкинский колхозник, Пушкинские Горы, 1952, № 141, 28 ноября.

Масляненко Д. Военное искусство наших предков. — Вечерний Ленинград, 1952, № 290, 9 дек., стр. 3.

Морозов А. Повесть о ратных подвигах русского народа — Звезда, М.—Л., 1953, № 5, стр. 171—172.

Пиккиев И. Славные страницы прошлого. — Знамя коммунизма, Полоцк, 1953, № 108, 3 июня, стр. 2. Переизд. на белорус. яз. в газ.: Стяг коммунизма, Полоцк, 1953, № 108, 3 июня; то же: Островская правда, 1953, № 43, 8 апр.

Попов А. И. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1953, № 5, стр. 180—182.

Рождественский М. Интересная книга. — Сталинское знамя, Вязники Владимирской обл., 1953, № 18, 11 февр., стр. 4.

Тихомиров М. Н. — ИОЛЯ, М., т. XII, 1953, вып. 2, стр. 170—174.

Федоров В. Патриотическая повесть. — Лит. газ., М., 1953, № 4, 8 янв., стр. 2.

Югов А. Страница русской славы. — Комсомольская правда, М., 1953, № 48, 26 февр., стр. 3. Переизд. в газ.: Печорская правда, Печоры Псковской обл., 1953, № 27, 4 марта.

Herbst S. — Kwartalnik historyczny, Warszawa, rocz. LXI, № 2, 1954, ss. 258—259.

1953

17. Неизвестные и малоизвестные материалы о протопопе Аввакуме. — ТОДРЛ, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 387—404.
18. Новонайденное беллетристическое произведение первой половины XVIII века. («Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии»). — ТОДРЛ, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 408—426 (совместно с П. Н. Берковым).
19. Рукописи Государственной публичной исторической библиотеки. — Вопр. истории, М., 1953, № 2, стр. 125—127.
20. Рукописное собрание Псковского областного краеведческого музея. — Вопр. истории, М., 1953, № 12, стр. 180—182.

1954

21. Археографическая экспедиция в Усть-Цилемский район Коми АССР. — Вопр. истории, М., 1954, № 12, стр. 165—167.

22. Библиография изданий сочинений протопопа Аввакума и литературы о нем 1917—1953 годов. — ТОДРЛ, т. X, М.—Л., 1954, стр. 435—446.
23. Где и кем была написана «Повесть о прихожении Стефана Батория на град Псков». — Альманах «На берегах Великой», кн. 5. Псков, 1954, стр. 170—176.
24. К вопросу об обследовании частных собраний рукописей. — ТОДРЛ, т. X, М.—Л., 1954, стр. 449—458.
25. Повесть о Сухане. (Неизвестное произведение русской литературы XVII века). — ИОЛЯ, М., т. XIII, 1954, вып. 3, стр. 282—288.

1955

26. Археографическая экспедиция в Усть-Цилемский район Коми АССР. — ТОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 425—439.
27. Новый список «Сказания о киевских богатырях». — ТОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 387—390.
28. Повесть XVII века о защитнике родины. — Сов. воин, М., 1955, № 12, стр. 29.
29. Собрание рукописей Псковского областного краеведческого музея. — ТОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 471—479.

1956

30. Археографическая экспедиция на Пижму. — Ист. архив, М., 1956, № 1, стр. 252—255; то же в сокращении: Печорская правда, Печоры Псковской обл., 1956, 12 апр.
31. Обзор древнерусских рукописей, поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) за 1952—1954 годы. — В кн.: Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского дома, вып. VI. М.—Л., АН СССР, 1956, стр. 99—102.
32. Пижемская рукописная старина. (Отчет о командировке 1955 года). — ТОДРЛ, т. XII, М.—Л., 1956, стр. 461—493.
33. Повесть о Сухане. (Из истории русской повести XVII века). Автореф. дисс. на соискание учен. степени кандидата филолог. наук. Л., 1956, 17 стр.
34. Повесть о Сухане. (Из истории русской повести XVII века). Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.—Л., АН СССР, 1956, 224 стр.

Рец.:

А р б а т с к и й Ю. — Новый журнал, Нью-Йорк, 1961, № 64, стр. 287—291.

В е р н а д с к и й Г. В. Повесть о Сухане. — Новый журнал, Нью-Йорк, 1960, № 59, стр. 196—202.

*** Вечерний Ленинград, 1956, № 230, 10 окт.

Д е д о в А. «Повесть о Сухане». Находка в Институте русской литературы. — Рус. новости, Париж, 1957, № 643, 27 сент.

Д и л е в с к и Н. М. — Език и лит-ра, София, 1958, № 4, стр. 297—300.

Д о м а н о в с к и й Л. Неизвестная воинская повесть. — Вечерний Ленинград, 1957, № 84, 9 апр., стр. 3.

З а й ц е в В. Повесть о Сухане. — Вопр. лит-ры, М., 1957, № 1, стр. 228—229

З и м и н А. А. — ИОЛЯ, М.—Л., т. XVI, вып. 3, стр. 267—269.

К у з ь м и н а В. Д. — Slavia, Časopis pro slovanskou filologii, roč. XXVIII, seš. 1, Praha, 1959, str. 81—85. (На рус. яз.).

Новые труды по древнерусской литературе. — Псковская правда, 1956, № 14, 20 янв., стр. 4.

П а н ч е н к о А. Повесть о Сухане. — Псковская правда, 1957, № 21, 30 янв., стр. 4.

Пиккиев И. — На страже родины, Л., 1958, № 238, 9 окт.
Пропп В. Я. — В кн.: Русский фольклор. Материалы и исследования, т. II. М.—Л., АН СССР, 1957, стр. 348—350.
Путилов Б. Обретенная ценность. — Звезда, М.—Л., 1957, № 4, стр. 216—217.
*** Смена, Л., 1956, № 117, 19 мая.
*** Ценная находка. — Лит. газ., М., 1956, № 146, 8 дек. (Кн. новинки), стр. 2.
Mazon A. — Revue des études slaves, Paris, 1957, t. XXXIV, fasc. 1—4, p. 225.
Oynas Felix J. — The American Slavic and East-European Journal, vol. XVII, 1959, № 1, p. 68.

1957

35. Обзор древнерусских рукописей, поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР за 1955—1956 гг. — В кн.: Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского дома, вып. VII. М.—Л., АН СССР, 1957, стр. 155—160.
36. Памятники древней письменной культуры Печоры. — В кн.: Летопись Севера, т. 2, М., Географгиз, 1957, стр. 265—270.
37. Рукопись протопопа Аввакума. — Нева, Л., 1957, № 3, стр. 220—221.
38. Сочинения протопопа Аввакума в собрании Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР. — ТОДРЛ, т. XIII, М.—Л., 1957, стр. 581—590.

1958

39. Два неизвестных письма протопопа Аввакума. — ТОДРЛ, т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 413—420.
Отклик:
Дедов А. — Рус. новости. Париж, 1958, № 675, 25 апр.
40. К 75-летию со дня смерти протопопа Аввакума. — ИОЛЯ, М., т. XVII, 1958, вып. 1, стр. 88—90.
41. Отчет о командировке на Печору в 1956 г. — ТОДРЛ, т. XV, М.—Л., 1958, стр. 398—408.
42. Стих «покаянны» о «люте» времени и «поганых» нашествии. — ТОДРЛ, т. XV, М.—Л., 1958, стр. 371—374.
43. Повесть об осаде Пскова Стефаном Баторием. — В кн.: Русские повести XV—XVI вв. М.—Л., Гослитиздат, 1958, стр. 124—166 (подготовка текста).

1959

44. Две заметки о протопопе Аввакуме. — В кн.: Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков. М.—Л., АН СССР, 1959, стр. 344—352.
Отклик:
Дедов А. — Рус. новости, Париж, 1959, № 728, 15 мая.
45. Обзор древнерусских рукописей, поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР в 1957 году. — В кн.: Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского дома, вып. VIII. М.—Л., АН СССР, 1959, стр. 137—142.
46. О втором списке «Слова о погибели Рускыя земли» (история открытия). — Slavia, Praha, 1959, roč. XXVIII, seš. 1, str. 69—72.
Отклик:
Соловьев А. В. По поводу Рижского списка «Слова о погибели Рускыя земли». — ТОДРЛ, т. XVI, М.—Л., 1960, стр. 143—146.

47. Кто был автором «Исповеди», приписываемой Ивану Акиндинову. — Рус. лит-ра, Л., 1960, № 3, стр. 192—194.
48. Отчет об археографической командировке на Печору 1958 г. — ТОДРЛ, т. XVI, М.—Л., 1960, стр. 513—521.
49. Старинные переплеты и рукописные находки. — Рус. лит-ра, Л., 1960, № 4, стр. 188—190.

Отклик:

Адрианова-Перетц В., Лихачев Д., Люблинский В., Розов Н. — Рус. лит-ра, 1961, № 2, стр. 207—209.

50. Житие протопопа Аввакума (Прянишниковский список). — В кн.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., Гослитиздат, 1960, стр. 305—343, 445—446 (подготовка текста и археографический комментарий).
51. Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Отв. ред. Н. В. Устюгов. Сыктывкар, Коми книж. изд-во, 1960, 216 стр.

Рец.:

Автократов В. Н. Усть-цилемские рукописные сборники. — Вопр. архивоведения, М., 1962, № 1, стр. 120—124.

Адрианова-Перетц В. П. Памятники древней культуры Печорского края. — Красное знамя, Сыктывкар, 1961, № 184, 5 авг.

Ангелов Боню Ст. Нов археографски труд върху славянските ръкописи. — Списание на Българската Академия на науките, София, 1961 (год VI), № 4, стр. 105—108.

Андроников И. Об усть-цилемских находках. — Красное знамя, Сыктывкар, 1960, № 106, 5 мая.

Вернадский Г. Усть-цилемские рукописные сборники. Черты умственной жизни старообрядцев Русского Севера в XVIII—XX вв. — Новый журнал, Нью-Йорк, 1962, кн. 70, дек., стр. 201—202.

Дедов А. Древние повести Севера. — Рус. новости, Париж, 1961, № 817, 27 янв.; Повесть о самосожжениях. — Там же, № 831, 5 мая.

Домановский Л. — Новый мир, М., 1961, № 9, стр. 285.

***Древние повести о самосожжениях в XVIII веке. Новая работа В. И. Малышева. — Рус. новости, Париж, 1960, № 783, 3 июня.

Зимин А. А. — ИОЛЯ, М., т. XXI, 1962, вып. 1, стр. 68—70.

Зыкин В. — Правда Севера, Архангельск, 1961, № 127, 31 мая; Судьба одной книги. — Красное знамя, Сыктывкар, 1962, № 112, 13 мая.

Крымов В. С разных листков. — Новое рус. слово, Нью-Йорк, 1961, 26 июня; Записи без плана и задания. — Новая заря, Сан-Франциско, 1961, 29 июля.

*** Найдено на Печоре. Рукописные памятники русской культуры. — Вечерний Ленинград, 1960, № 177, 23 июля.

*** Новый труд В. И. Малышева. — Пензенская правда, 1960, № 142, 17 июня (отдел «Наши земляки»).

Панченко А. Научный труд о печорских рукописях. — Печорская правда, Усть-Цильма, 1960, № 25, 28 февр., стр. 1; см. также: Гӧрд Печора, 1960, № 28, 6 марта (на коми яз.).

Смирнов-Сокольский Н. Клады народной мудрости. — Сов. Россия, М., 1960, № 291, 13 дек.

Соловьева М. Исследование древних рукописей. — Красное знамя, Сыктывкар, 1960, № 244, 14 окт.

Тунгусов А. Древние рукописи рассказывают. — Няръяна-Вындер (Красный тундровик), Нарьян-Мар, 1960, № 115, 11 июня.

Флоровский А. Печорское гнездо старорусской культуры. — Slavia, Praha, 1962, roč. XXXI, seš. 4, str. 642—644.

Lewin P. Nowe Znaliziska staroruskich rękopisów i druków w ZSRR. — Slavia orientalis, Warszawa, 1961, № 3, 395, 402 и др.

Poppe A. — Studia źródłoznawcze, Commentationes, t. IX, 1964, str. 156—157.

Zenkovsky S. A. — The slawic and East European Journal, Winter, 1961, vol. 5 (XIX), pp. 388—389.

1961

52. Некоторые замечания к Повести о Сухане. — Рус. лит-ра, Л., 1961, № 3, стр. 195—196.
53. Сведения о поступлениях в собрание древнерусских рукописей Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР за 1958 и и 1959 гг. — В кн.: Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского дома, вып IX, М.—Л., АН СССР, 1961, стр. 195—199.
54. Усть-цилемская обработка Повести о царевне Персике. — В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., АН СССР, 1961, стр. 326—337.

Отклик:

Георгиев В. Находки на Печоре. — Красное знамя, Сыктывкар, 1962, 16 февр.

55. Усть-цилемские рукописи XVII—XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания. — ТОДРЛ, т. XVII, М.—Л., АН СССР, 1961, стр. 561—604.

Рец.:

Флоровский А. Печорское гнездо старорусской культуры. — Slavia, Praha, 1962, roč. XXXI, seš. 4, str. 642—644.

Poppe A. — Studia źródłoznawcze, Commentationes, t. IX, 1964, ss. 156—157.

56. Avvakum suivant les traditions de Pustozersk. — Revue des études slaves, Paris, t. XXXVIII (Mélanges Pierre Pascal), 1961, pp. 135—141.

Рец.:

Тунгусов А. Пустозерские предания на французском языке. — Няръяна-Вындер, Нарьян-Мар, 1962, 13 апр.; Протопоп Аввакум. — Рус. голос, Лодзь, 1962, № 9, стр. 6.

1962

57. История первого издания Жития протопопа Аввакума. — Рус. лит-ра, Л., 1962, № 2, стр. 139—147.
58. Как был найден автограф Жития протопопа Аввакума. — Рус. голос, Лодзь, 1962, № 10, стр. 5.
59. Переписка и деловые бумаги усть-цилемских крестьян XVIII—XIX вв. — ТОДРЛ, т. XVIII, М.—Л., АН СССР, 1962, стр. 442—457.
60. Protopop Awwnkum w edycjach staroobrjedowców nadbałtyckich w latach dwydziestych i trzydziestych XX wieku. — Slavia orientalis, Warszawa, 1962, rocz. XI, № 2, ss. 215—221.

1963

61. За унификацию описаний древнерусских рукописных книг. — Рус. лит-ра, Л., 1963, № 3, стр. 166.
62. Новое о протопопе Аввакуме. (Несостоявшийся перевод Аввакума в Илимск. Ошибка «Жития» протопопа Аввакума). — Рус. голос, Лодзь, 1963, № 3—4 (199—200), стр. 12.

63. Рукописные книги Сыктывкарского республиканского музея Коми АССР. — В кн.: Археографический ежегодник за 1962 г. М., АН СССР, 1963, стр. 403—408 (на стр. 405—408 описание рукописей).

1964

64. Задачи собирания древнерусских рукописей. — ТОДРЛ, т. XX, М.—Л., «Наука», 1964, стр. 303—332.
Рец.:
***Revue des études slaves, Paris, 1965, t. XLIV, p. 207.
65. Замечательный город Русского Севера. — Летописи Севера, т. 4, М., 1964, стр. 236—239.
66. Неизвестная повесть XVIII века о хвастливом книжнике. (Публикация). — Рус. лит-ра, Л., 1964, № 1, стр. 97—99.
67. Об учете и обследовании частных собраний старинных рукописей и книг. — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей, посвящ. 75-летию С. Н. Валка. М.—Л., «Наука», 1964, стр. 85—89.
68. Рукописи из Пустозерска и Нарьян-Мара.— ТОДРЛ, т. XX, М.—Л., «Наука», 1964, стр. 409—411.
69. Старославянские и русские рукописи Дублинского университета. — Вопр. архивоведения, М., 1964, № 1, стр. 118.
70. The Confession of Ivan Filippov, 1744. — Oxford Slavonic Papers, 1964, vol. XI, pp. 17—27.
Рец.:
***Russian Review, New Jork, 1965, № 4.
71. Une Communauté de vieux-croyants dans la Russie du Nord l'ermitage des Grandes-Prairies. — Revue des études slaves, Paris, t. XLIII, 1964, fasc. 1—4, pp. 83—89.

1965

72. Древнерусские рукописи Пушкинского дома. (Обзор фондов). Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.—Л., «Наука», 1965, 230, 2 стр.
Рец.:
Валк С. Н. — Вопр. архивоведения, М., 1965, № 3, стр. 105—106.
Дедов А. — Рус. новости, Париж, 1965, № 1049, 23 июля.
Домановский Л. — Новый мир, М., 1965, № 12, стр. 278.
Зыков Э. — Север, Петрозаводск, 1967, № 1, стр. 159.
Морозов В. — Ленинская правда, Петрозаводск, 1965, № 175, 27 июля.
Назаревский А. А. — ИОЛЯ, М., т. XXIV, 1965, вып. 5, стр. 441—443.
Панченко А. — Красное знамя, Сыктывкар, 1965, № 145, 22 июня.
Полуянов И. — Правда Севера, Архангельск, 1965, № 206, 1 сент.
Рис О. — Там же, № 223, 21 сент.
Савин О. — Пензенская правда, 1965, № 136, 11 июля.
Тунгусов А. — Няръяна-Вындер, Нарьян-Мар, 1965, № 119, 19 июня.
Łużny R. — Slavia orientalis, Warszawa, 1966, roč. XV, seš. 3, ss. 377—380.
73. Заметки о протопопе Аввакуме. (1. Кто казнил Аввакума. 2. Пустозерская легенда о прорицании Аввакума в записи XVIII в.).— Рус. лит-ра, Л., 1965, № 4, стр. 160—162.
74. Москвичи — собиратели письменной и печатной старины. — ТОДРЛ, т. XXI. М.—Л., «Наука», 1965, стр. 383—389.

75. Новые материалы о протопопе Аввакуме. — ТОДРЛ, т. XXI, М.—Л., «Наука», 1965, стр. 327—345.
76. Новое об Аввакуме. — Рус. голос, Лодзь, 1965, № 1—2, стр. 5.
77. Рисунки протопопа Аввакума? — Рус. лит-ра, Л., 1965, № 2, стр. 154—155.

1966

78. История «иконного» изображения протопопа Аввакума. — ТОДРЛ, т. XXII, М.—Л., «Наука», 1966, стр. 382—401.
79. Народные предания о протопопе Аввакуме. — Wiener slavistisches Jahrbuch, Graz-Köln, 1966, Bd. XIII, SS. 22—31.
80. Новые поступления в собрание древнерусских рукописей Пушкинского дома. — Рус. лит-ра, Л., 1966, № 2, стр. 217—219.
81. Памяти Т. М. Мяндина (1874—1964). — В кн.: Старообрядческий церковный календарь на 1966 год. Рига, 1966, стр. 146.
82. Quelques nouvelles traditions de Pustozersk sur Avvakum. — Revue des études slaves, Paris, t. XLV, 1966, pp. 69—74.

1967

83. Исследования и разыскания по литературному наследию древней Руси. Реферат о работах, представленных на соискание ученой степени доктора филолог. наук по совокупности трудов. Л., 1967, 52 стр. (ЛГУ, Филолог. ф-т, Кафедра рус. лит-ры).
84. Неизвестные документы 1680 года о протопопе Аввакуме. — Рус. лит-ра, Л., 1967, № 4, стр. 100—102.
85. Новые поступления в собрание древнерусских рукописей Пушкинского дома. — Рус. лит-ра, Л., 1967, № 1, стр. 195—197.

1968

86. Новые поступления в собрание древнерусских рукописей Пушкинского дома. — Рус. лит-ра, Л., 1968, № 2, стр. 201—204.
87. Об изучении литературного наследия протопопа Аввакума. — Рус. лит-ра, Л., 1968, № 4, стр. 89—92.
88. Серьезный недостаток хорошего издания. Письмо в редакцию. — Вопр. языкознания, М., 1968, № 4, стр. 147.
Рецензия на кн.: Синайский патерик. Издание подготовили В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина. Под ред. С. И. Коткова. М., «Наука», 1967, 400 стр. с илл. (Ин-т рус. яз. АН СССР).
89. Сочинения протопопа Аввакума в собрании Пушкинского дома АН СССР. — ТОДРЛ, т. XXIII, Л., «Наука», 1968, стр. 321—327.

1969

90. Новые поступления в собрание древнерусских рукописей Пушкинского дома. — Рус. лит-ра, Л., 1969, № 2, стр. 119—125.
91. Старейший список «Книги толкований и нравоучений» протопопа Аввакума. — В кн.: От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Л., «Наука», 1969, стр. 266—273.
92. Возможны ли еще рукописные находки в Усть-Цилемском районе Коми АССР? — ТОДРЛ, т. XXIV, Л., 1969, стр. 370—374.
Отклик:
Зыкин В. Предложение доктора Малышева. — Красное знамя, Сыктывкар, 1970, № 110, 14 мая.

1970

93. Новые поступления в собрание древнерусских рукописей Пушкинского дома. — Рус. лит-ра, Л., 1970, № 1, стр. 191—196.

94. О некоторых предложениях по изучению литературного наследия протопопа Аввакума. — В кн.: Пути изучения древнерусской литературы. Л., «Наука», 1970, стр. 109—118.
95. От редактора отдела. — ТОДРЛ, т. XXV, Л., 1970, стр. 325—326.
96. Собрание древнерусских рукописей Пушкинского дома (к 20-летию его организации). — ТОДРЛ, т. XXV, Л., 1970, стр. 333—338.

1971

97. «Живое чувство своего достоинства». — Сельская молодежь, М., 1971, № 5, стр. 27.
98. Неизвестные письма протопопа Аввакума. — Зап. отдела рукописей Гос. библиотеки им. В. И. Ленина, т. 32, М., 1971, стр. 168—181 (совместно с Н. С. Демковой).
99. Новые поступления в собрание древнерусских рукописей Пушкинского дома. — Рус. лит-ра, Л., 1971, № 1, стр. 137—142.
100. Памятник Пустозерску. — Летописи Севера, т. 5, М., 1971, стр. 301—302.
101. Хранилище древнерусских рукописей Пушкинского дома (к 20-летию организации). — В кн.: Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1969 год. Л., «Наука», 1971, стр. 122—128.
102. Хранилище древнерусских рукописей Пушкинского дома. Буклет. Л., АН СССР, 1971, 8 стр.

II. Газетные статьи и заметки

1934

103. Иконописец. — За пролетарские кадры. Десятидневная газета коллективов ВКП(б) и ВЛКСМ, профкома и месткома Ленинградского историко-философского лингвистического института, 1934, № 13, 28 мая.
104 «Старины» Печорского края. — За пролетарские кадры, 1934, № 16, 11 сент.

1935

105. Улейма. — Коллективный труд, Углич Ярославской обл., 1935, № 175, 17 дек.

Исторический очерк.

См. также в этой газете за 1935 г. под псевдонимами «Наровчатский», «В» и «ВИМ» несколько фельетонов, очерков и мелких заметок В. И. Малышева (№№ 102, 103, 144, 153, 166—169, 172 и др.).

1936

106. Село Ильинское. — Коллективный труд, Углич Ярославской обл., 1936, № 1, 1 янв.

Исторический очерк.

1937

107. История голода и нищеты. Историко-краеведческий очерк (о селении Дивная Гора). — Коллективный труд, Углич Ярославской обл., 1937, № 94, 25 апр.
108. Слову о полку Игореве 750 лет. — Красная газета, Л., 1937, № 89, 19 апр.

1938

109. О попах и «смиренных во Христе». — На новой стройке, Л., Орган парткома, профорганизации и управления строительства Ленмелькомбината им. С. М. Кирова, 1938, № 9, 3 марта.

110. О «святом» купце, монастыре-тюрьме и «нетленных мощах». — Там же, 1938, № 5, 1 февр.

1941

111. Крупнейший ученый. (К 70-летию со дня рождения академика А. С. Орлова). — Ленинское знамя, Петрозаводск, 1941, № 36, 13 февр.

    См. также в этой газете за 1940—1941 гг. еще несколько небольших информационных заметок В. И. Малышева о древнерусских рукописях и старопечатных книгах петрозаводских книгохранилищ: за 1940 г. — №№ 247, 254, 278 и др.; за 1941 г. — №№ 54, 65, 70, 93 и др.

112. 450 лет славяно-кирилловского книгопечатания. — Ленинское знамя, Петрозаводск, 1941, № 61, 14 марта.

1945

113. К истории г. Тобольска XVIII века. — Тобольская правда, 1945, № 141, 16 сент.

    Тобольская летопись XVIII в.

1946

114. В селе Данилове не охраняют памятники старины. — Ленинское знамя, Петрозаводск, 1946, № 195, 29 сент.
115. Деревне Лексе 240 лет. — Ленинское знамя, Петрозаводск, 1946, № 196, 1 окт.
116. Памятники древней культуры. — Ленинское знамя, Петрозаводск, 1946, № 169, 24 авг.
117. Памятники культуры. Древние рукописи Поморья. — Вечерний Ленинград, 1946, № 145, 22 июня.
118. Памятник русской литературы. Изборник Святославов (1076 г.). — Вечерний Ленинград, 1946, № 217, 15 сент.
119. Поиски древних рукописей. — Вечерний Ленинград, 1946, № 90, 15 апр.

    О собирании рукописей у населения. См. в той же газете №№ 105, 106, 120, 128.

120. У памятников славянской культуры. — Вечерний Ленинград, 1946, № 153, 1 июля.

    Выставка славяно-русских рукописей в Государственной Публичной библиотеке.

1947

121. Повесть об острове Муромском. — Ленинское знамя, Петрозаводск, 1947, № 58, 22 марта.

1952

122. Собирать древнерусские рукописи. — Лит. газета, М., 1952, № 86, 17 июля.

    Отклик:

    Лит. газета, М., 1953, № 2, 3 янв.

123. Дар Пушкинскому дому Академии наук СССР. — За новый Север, Сыктывкар, 1952, № 114, 10 июня.

    Коллекция В. Г. Зыкина.

124. Неправильное использование архитектурного памятника. — Известия, 1952, № 276, 22 ноября (совместно с А. К. Юговым).

    Поганкины палаты в Пскове.

    Отклик:

    И. Грабарь. — Известия, 1953, № 227, 25 сент.

125. Ценные рукописи по истории Архангельской области. — Правда Севера, Архангельск, 1952, № 185, 6 авг., стр. 3.

Рукописи В. Г. Зыкина в ИРЛИ.

1953

126. Далекое прошлое села Усть-Цильмы. — За новый Север, Сыктывкар, 1953, № 158, 12 авг.
127. Древний чертеж Псковской крепости. — Псковская правда, 1953, № 191, 27 сент.
128. Пустозерск в XVII веке. — Няръяна-Выйдер, Нарьян-Мар, 1953, № 181, 13 сент.
129. Советский ученый М. Н. Тихомиров о Пскове. — Псковская правда, 1953, № 161, 15 августа.

1954

130. Драгоценное наследие (Усть-цилемские рукописные книги). — Печорская правда, Усть-Цильма, 1954, № 66, 19 авг., стр. 2.
131. Книги-находки. — Пионерская правда, М., 1954, № 94, 23 ноября.
132. Необходим словарь-справочник древнерусского языка. — Сов. культура, М., 1954, № 138, 18 ноября, стр. 2.

Отклики:

Лихачев Д. и Дмитриев Л. — Сов. культура, М., 1954, № 151, 18 дек., стр. 3; Институт языкознания АН СССР. — Там же, 1955, № 2, 4 янв., стр. 3; Ржига В., Андреев А., Алпатов М., Орлов Вл., Кусков В., Заволоко И., Курыленко И. — Там же, 1955, № 65, 24 мая, стр. 2.

133. Новый список Псковской повести XVI века. — Псковская правда, 1954, № 233, 28 ноября, стр. 4.

Повесть о Стефане Батории.

134. Памятники древней письменной культуры Севера. — За новый Север, Сыктывкар, 1954, № 96, 16 мая, стр. 2.
135. Псковский писатель-краевед XVII века Иван Псковко. — Псковская правда, 1954, № 216, 30 окт., стр. 4.

1955

136. Археографическая экспедиция на Печору. — Красное знамя, Сыктывкар, 1955, № 47, 22 мая.

Перепечатано на коми языке: Гӧрд знамя, 1955, № 47, 22 мая.

137. Назревшая необходимость. — Лит. газ., М., 1955, № 26, 1 марта, стр. 3.

Организация в Москве группы по изучению древнерусской литературы.

Отклики:

Обзор откликов. — Лит. газ., М., 1955, № 42, 7 апр., стр. 2; Виноградов В. — Там же, 1955, № 68, 9 июня; Президиум АН СССР. — Там же, 1955, № 91, 2 авг., стр. 3.

138. Печорская рукописная старина. — Няръяна-Выйдер, Нарьян-Мар, 1955, № 105, 28 мая.
139. Ценные памятники старины. — Сев. комсомолец, Архангельск, 1955, № 124, 16 окт.

1958

140. Необходимо открыть краеведческий музей. — Печорская правда, Усть-Цильма, 1958, № 50, 22 июня (совместно с Г. Азовских).

О музее в Усть-Цильме.

Отклики:

Зыкин В. — Печорская правда, 1958, № 57, 17 июля; Морозов Александр и Бородина-Морозова Э. Г. — Там же, № 70, 31 авг.; Устюгов Н. — Там же, № 73, 11 сент.; Зимин А. — Там же, № 74, 14 сент.; Торопов С. — Там же, № 78, 28 сент.

141. Усть-Цильме — краеведческий музей. — Красное знамя, Сыктывкар, 1958, № 197, 4 окт.

Отклик:

Чернов А. — Красное знамя, Сыктывкар, 1958, № 205, 15 окт.

1959

142. Изображение Пустозерска XVII века. — Няръяна-Вындер, Нарьян-Мар, 1959, № 109, 5 июня.

143. Когда же будет создан музей в Усть-Цильме? — Красное знамя, Сыктывкар, 1959, № 205, 20 окт.

Отклик:

Рубцов А. — Красное знамя, Сыктывкар, 1959, № 242, 13 дек.

144. Необходим словарь-справочник по древнерусской литературе. — Лит-ра и жизнь, М., 1959, № 69, 10 июня.

Отклики:

Морозов А. — Лит-ра и жизнь, М., 1959, № 77, 28 июня; Виноградов В. — Там же, № 90, 29 июля; Двинянинов Б. — Народный учитель, Тамбов, 1959, № 22, 27 июня; Рус. новости, Париж, 1959, № 736, 10 июля; № 746, 19 сент.

145. Ценная рукописная коллекция. — Красное знамя, Сыктывкар, 1959, 245, 18 декабря.

Собрание Коми республиканского музея.

1960

146. Баториев план Пскова 1581 года. — Псковская правда, 1960, № 289, 11 дек.

147. Находки в старых переплетах. — Красное знамя, Сыктывкар, 1960, № 187, 9 авг.

148. Новые археографические работы. — Красное знамя, Сыктывкар, 1960, № 40, 17 февр.

Собирание рукописей на Печоре.

149. Секреты старинного переплета. — Лит-ра и жизнь, М., 1960, № 81, 10 июля.

Отклик:

Рус. новости, Париж, 1960, № 793, 12 авг.

150. Сохранить память о Пустозерске. — Сов. Россия, М., 1960, № 25, 30 янв.

Отклик:

Памятник древнему городу. — Рус. новости, Париж, 1960, № 770, 4 марта.

1961

151. Замечательная книга. — Рус. новости, Париж, 1961, № 849, 8 сент.

Перепечатано в журн.: Рус. голос, Лодзь, 1961, № 15—16.

152. Книга, изданная сто лет назад. — Горьковский рабочий, 1961, № 173, 24 июля.

К столетию издания «Жития» протопопа Аввакума. См. об этом в той же газете №№ 140, 142, 143.

153. Памятник древнерусской литературы. — Няръяна-Вындер, Нарьян-Мар, 1961, № 182, 15 сент.

154. Памятник литературы XVII века. — Правда Севера, Архангельск, 1961, № 202, 26 авг.
155. Поставить памятник на месте Пустозерска. — Правда Севера, Архангельск, 1961, № 83, 7 апр.

Отклики:

Трешников А., Сомов М., Белов М., Лихачев Д., Пунух П., Зыкин В. и др. — Правда Севера, Архангельск, 1961, № 127, 31 мая; Лапин В. — Там же, 1961, № 134, 8 июня; Тунгусов А. — Няръяна-Вындер, Нарьян-Мар, 1961, № 202, 13 окт.; Тунгусов А. — Правда Севера, Архангельск, 1962, № 188, 11 авг.

1962

156. Где был сожжен протопоп Аввакум? — Рус. новости, Париж, 1962, № 898, 17 авг.
157. Древнерусские рукописи Рогожского кладбища. — Рус. новости, Париж, 1962, № 902, 14 сент.

Перепечатано в журн.: Рус. голос, Лодзь, 1962, № 11—12.

158. Надпись на памятнике Пустозерску. — Няръяна-Вындер, Нарьян-Мар, 1962, № 78, 21 апр.

Проект надписи.

1963

159. Псковская повесть на английском языке. — Псковская правда, 1963, № 249, 20 окт.

Повесть о Стефане Батории.

160. Угличская книга XV в. — Авангард, Углич, 1963, № 75, 26 июля.

1964

161. Благодарность далеким предкам. — Сов. Россия, М., 1964, 9 авг.

Об открытии в Пустозерске памятника Аввакуму.

162. Досадная ошибка. — Правда Севера, Архангельск, 1964, № 50, 2 марта.

По поводу неправильной даты основания Пустозерска на обелиске в память Аввакума.

Отклик:

*** Правда Севера, Архангельск, 1965, № 60, 13 марта.

163. Еще раз о памятнике Пустозерску. — Правда Севера, Архангельск, 1964, № 158, 8 июля; переиздано: Няръяна-Вындер, Нарьян-Мар, 1964, 11 июля.
164. Новые документы о Пустозерске XVII в. — Няръяна-Вындер, Нарьян-Мар, 1964, № 226, 15 ноября.
165. Открытие памятника Пустозерску. — Правда Севера, Архангельск, 1964, 4 авг.
166. Памятник Пустозерску открыт. — Няръяна-Вындер, Нарьян-Мар, 1964, 4 авг.

1965

167. Пока помнят старожилы. — Неделя, М., 1965, № 40, стр. 10; переиздано: Рус. новости, Париж, 1965, № 1028, 3 дек.

По поводу памятника Аввакуму Петрову в Пустозерске.

1966

168. Новое об Аввакуме (I. Аввакум-прорицатель. II. Кто казнил Аввакума. III. Имени Аввакума). — Рус. новости, Париж, 1966, № 1055, 3 сент.
169. Пергамент XIV века. — Лит. газета, М., 1966, № 139, 24 ноября.

Евангелие из собрания ИРЛИ.

1967

170. [О необходимости возобновить издание «Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского дома»]. — Лит. газета, М., 1967, № 27, 7 июня (отдел «Почта редактора»).

Отклики:

Лотман Ю., Попов П. и Бухштаб Б. — Лит. газ., М., 1967, № 34, 25 авг.; Назаревский А. А. и Назаревский Н. А. — Лит. газ., М., 1967, № 28, 12 июля; Якубовский В. — Лит. газ., М., 1967, № 27, 5 июля.

1968

171. Веское доказательство. — Псковская правда, 1968, № 282, 3 дек.

Отзыв об исследовании венгерского ученого И. Х. Тот «Повести о прихожении Стефана Батория на град Псков».

172. Найден рисунок протопопа Аввакума. — Рус. новости, Париж, 1968, № 1191, 19 апр.

173. Пусть носит имя Пустозерска. Письмо в редакцию. — Правда Севера, Архангельск, 1968, № 75, 30 марта.

По поводу присвоения наименования «Пустозерск» одному из пароходов.

Отклики:

Лихачев Д., Шведе Е., Белов М., Голубкова М., Толстой Н., Морозов А. и др. — Правда Севера, Архангельск, 1968, № 148, 27 июня; Грузинский П. П. — Правда Севера, Архангельск, 1968, № 173, 26 июля.

1969

174. Дары пинежской земли заповедной. — Северный комсомолец, Архангельск, 1969, № 112, 17 сент.

175. «Пустозерск» построен. — Правда Севера, Архангельск, 1969, № 117, 21 мая.

176. Ценный источник о прошлом района. — Знамя, Красноярск Архангельской обл., 1969, № 112, 18 сент.

1970

177. «За великие на царский дом хулы». (Новое о пустозерской жизни протопопа Аввакума). — Наръяна-Вындер, Нарьян-Мар, 1970, № 211, 24 окт.

178. Замечательный памятник литературы. Псковская повесть на иностранных языках. — Псковская правда, 1970, № 50, 1 марта.

По поводу переводов на немецкий, венгерский и итальянский языки Повести о прихожении Стефана Батория на град Псков.

179. Иллюстрации к псковской повести. — Псковская правда, 1970, № 135, 11 июня.

К Повести о прихожении Стефана Батория на град Псков.

1971

180. Великая и прекрасная история. — Псковская правда, 1971, № 52, 3 марта, 4 стр.

Повесть о Стефане Батории.

181. Новые материалы о Пустозерске XVII века. — Няръяна-Вындер, Нарьян-Мар, 1971, № 55, 20 марта, 4 стр.

О страже протопопа Аввакума.

182. Редкая книга. — Ленинская правда, Петрозаводск, 1971, № 35, 11 февр.

Сборник апокрифов.

III. Литература о научной деятельности
В. И. Малышева

1. Моисеева Г. Н. В Институте русской литературы. (Выставка древнерусских рукописей). — Вестн. АН СССР, М., 1956, № 3, стр. 130—131.
   Археографическая работа В. И. Малышева в 1956 г.
2. Робинсон А. Н. Выставка древних рукописных книг. — ИОЛЯ, М., т. XV, 1956, вып. 4, стр. 298—400.
   Археографическая работа В. И. Малышева в 1955 г.
3. Славентантор Д. В поисках жар-птицы. — Нева, Л., 1956, № 11, стр. 133—136.
4. Чупров И. Археографические изыскания на Печоре. — Псковская правда, Усть-Цильма, 1956, № 52, 1 июня, стр. 2.
   Об археографической работе В. И. Малышева в 1956 г.
5. Моисеева Г. Н. Находки древних рукописей. (Выставка в Институте Русской литературы). — Вестн. АН СССР, М., 1957, № 1, стр. 100—101.
   Археографическая работа В. И. Малышева в 1956 г.
6. Lewin Paulina. Nowe znaleziska staroruskich rękopisów i druków w ZSRR. — Slavia orientalis, Warszawa, 1961, rocz. X, № 3, ss. 395—403.
   Археографическая деятельность В. И. Малышева.
7. К пятидесятилетию Владимира Ивановича Малышева. — ТОДРЛ, т. XVIII, М.—Л., 1962, стр. 489.
8. Pascal Pierre. Avvakum et les débuts du raskol. Paris—La Haye, 1963, p. VIII.
   По поводу работ В. И. Малышева об Аввакуме.
9. Литература о Коми АССР за 1963 год. Сыктывкар, Коми книжное изд., 1964, стр. 133—137. (Коми республиканская б-ка им. В. И. Ленина).
   Библиография работ В. И. Малышева о Печорском крае за 1934—1964 гг.
10. Моисеева Г. 30 лет на поприще архивного дела. — Вопр. архивоведения, М., 1964, № 3, стр. 144—145.
11. Демин А. Археограф Печоры. — Красное знамя, Сыктывкар, 1964, № 157, 7 июля.
12. Демин А. Собиратель печорской старины. — Няръян-Вындер, Нарьян-Мар, 1964, № 137, 12 июля.
13. Волжанин О. Родом изНоровчата. (Наши земляки). — Маяк, Нижний-Ломов и Беднодемьяновск Пензенской обл., 1964, № 143, 28 ноября.
14. Савин О. В поисках древних рукописей. (Наши земляки). — Пензенская правда, 1964, № 273, 19 ноября.
15. Савин О. Родом из Норовчата. (Наши земляки). — По заветам Ленина, Норовчат Пензенской обл., 1964, № 66, 4 сент.
16. Арбат Ю. Путешествие за красотой. М., «Искусство», 1966, стр. 64—65.
   По поводу собирательской работы на Печоре.
17. Андроников Ираклий. Неутомимый Малышев. — Известия, 1967, № 66, 19 марта.
18. Савин О. Охотник за древней книгой. — Пензенская правда, 1967, № 201, 27 авг.
19. Лазарева Т. Знаток литературы древней Руси. — Правда Севера, Архангельск, 1968, № 44, 22 февр.
20. Бударагин В. Рукописная Русь. К 20-летию собрания древнерусских рукописных книг Пушкинского дома. — В мире книг, М., 1969, № 9, стр. 44—45.
   Организация древлехранилища ИРЛИ.
21. Жуков Д. Живое чувство своего достоинства. — Сельская молодежь, М., 1970, № 6, стр. 46—47.
22. Степанов Ю. Тайны старинных рукописей. — Сов. Россия, М., 1970, № 167, 19 июля.

23. Лазарева Л. За живой водой. — Вечерний Ленинград, 1970, № 171, 23 июля.
24. Толкачев В. Апостол печорской старины. — Няръяна-Вындер, Нарьян-Мар, 1970, № 144, 23 июля.
25. Зыкин В. Первооткрыватель тайн Печоры. — Красное знамя, Сыктывкар, 1970, № 175, 29 июля.
26. Югов А. Открыватель народных сокровищ. — Наш современник, М., 1970, № 8, стр. 114—117.
27. Баскаков В. Важ ол м туялысь [Неутомимый искатель]. — Войвыв кодзув, Сыктывкар, 1970, № 9, стр. 61—69. (На коми языке).
28. Панченко А. Искатель старинных книг. — Звезда, Л., 1970, № 10, стр. 142—149.
29. Почетные звания. — Ленинградская правда, № 68, 22 марта.
Присвоение звания заслуженного деятеля науки РСФСР.

ДОПОЛНЕНИЯ К СПИСКУ ПЕЧАТНЫХ РАБОТ В. И. МАЛЫШЕВА за 1971 г.

Журнальные статьи

1. Археографические экспедиции Пушкинского дома. — Вест. АН СССР, М., 1971, № 10, стр. 119—120.
2. Сочинения протопопа Аввакума в собрании Пушкинского дома АН СССР. — ТОДРЛ, т. XXVI, Л., 1971, стр. 312—316.

Газетные статьи

3. «Житие» на венгерском языке. — Няръяна-Вындер, Нарьян-Мар, 1971, № 210, 23 окт.
«Житие» Аввакума.
4. Памятник автору «Жития». — Няръяна-Вындер, Нарьян-Мар, 1971, № 101, 25 мая.
О необходимости постройки памятника.
5. Произведение нижегородца на венгерском языке. — Горьковский рабочий, 1971, № 251, 23 окт.
Перевод «Жития» Аввакума.
6. 350 архангельских рукописей. — Правда Севера, Архангельск, 1971, № 292, 15 дек.
Итоги летних экспедиций 1971 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

РУКОПИСНОЕ НАСЛЕДИЕ
ДРЕВНЕЙ РУСИ
(по материалам Пушкинского дома)

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский дом)*

Редактор издательства Н. А. Храмцова
Художник М. И. Разулевич
Технический редактор О. Н. Скобелева

Сдано в набор 6/I 1972 г. Подписано к печати 5/V 1972 г. Формат бумаги $60 \times 90^1/_{16}$. Бумага № 1. Печ. л. $26^1/_2$ + 6 вкл. ($^3/_4$ печ. л.) = $27^1/_4$ усл. печ. л. Уч.-изд. л. 31.43. Изд. № 4620. Тип. зак. № 738. М-09784. Тираж 8 000. *Цена 2 р. 22 к.*

Ленинградское отделение издательства „Наука"
199164, Ленинград, Менделеевская линия, д. 1
1-я тип. издательства „Наука"
199034, Ленинград, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
49	20 снизу	внешней	вешней
347	1 »	буквы *л*, *о*, *н*	буквы *л*, *в*, *н*,
419	22 »	Красноярск	Красноборск
420	17 »	Норовчат	Наровчат
420	18 и 23 снизу	из Норовчата	из Наровчата
420	25 снизу	Няръян-Вындер	Няръяна-Вындер
421	1 сверху	Лазарева Л.	Лазарева Т.
421	13 »	Ленинградская правда, № 68	Ленинградская правда, 1972, № 68

Рукописное наследие

